Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Международная научно-практическая конференция
(12 ноября 2021 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя
2022

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2022
ISBN 978-5-9694-1180-7

УДК 343.1
ББК 67.411
У26

Рецензенты:

заместитель начальника 2-го отдела (правового сопровождения деятельности подразделений собственной безопасности) информационно-аналитического управления ГУСБ МВД России кандидат юридических наук **И. Б. Григорьев**;
заместитель начальника отделения дознания отдела полиции Марьинского отдела МВД России по району Марьино г. Москвы кандидат юридических наук **А. В. Соболев**

Составитель П. О. Панфилов

У26 **Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития:** Международная научно-практическая конференция, 12 ноября 2021 г. : сборник научных трудов / [под ред. О. В. Химичевой]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – 484 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске

ISBN 978-5-9694-1180-7

Сборник научных трудов «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития» подготовлен по итогам проведения кафедрой уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя Международной научно-практической конференции 12 ноября 2021 г., посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Лидии Михайловны Карнеевой.

На конференции обсуждались вопросы, ставшие предметом исследования в научных работах Л. М. Карнеевой, а также развитие ее идей в условиях современного состояния уголовно-процессуальной науки с учетом активного внедрения цифровых технологий, необходимости сохранения научных ценностей и традиций, являющихся фундаментом российского уголовного процесса, заложенных Л. М. Карнеевой и ее современниками.

Сборник может быть полезен для ученых, преподавателей, курсантов и слушателей юридических образовательных организаций, а также для сотрудников правоохранительных органов и судей, непосредственно применяющих нормы уголовно-процессуального законодательства. Высказанные участниками предложения по совершенствованию УПК РФ могут быть учтены и в законотворческой деятельности.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CUP 1,5 ГгЦ; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Тарасова Т. С.*
Компьютерная верстка *Тарасова Т. С.*

Подписано к изданию 21.02.2022
Объем издания: 3,46 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1180-7

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
http://www.mosu.mvd.ru; e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора ... 13

РАЗДЕЛ I.
Труды профессора Л. М. Карнеевой как неиссякаемый источник научной мысли в современный период развития уголовного процесса

Химичева О. В., Панфилов П. О.
Профессор Лидия Михайловна Карнеева:
к 100-летию со дня рождения ... 15

Антонов И. А.
Производство следственных действий: дисбаланс правовой регламентации, тактических рекомендаций и нравственных норм ... 21

Валов С. В.
Способы и формы организационного обеспечения
производства предварительного следствия ... 27

Власова Н. А.
Некоторые направления совершенствования
уголовно-процессуального закона ... 33

Григорьева Н. В., Прохорова Е. А., Угольникова Н. В.
Понятие «оценка доказательств» в уголовном судопроизводстве
(научное наследие профессора Л. М. Карнеевой) ... 38

Заливин А. Н., Рыжаков А. П.
Создание еще одного файла не «порождает» нового доказательства ... 43

Золотухин Н. А., Кадатенко Е. П.
Проблема истины при доказывании
в современном уголовном процессе России ... 46

Ильяшевич Т. А., Лубяная Н. И.
Цифровые доказательства в свете концепции Л. М. Карнеевой
об источниках доказательств ... 51

Клементьева Е. С.
Профессор Л. М. Карнеева о сущности понятия
«привлечение к уголовной ответственности» ... 56

Сопнева Е. В.
Субъективные и объективные основания подозрения лица
(актуализация идей Л. М. Карнеевой) ... 61

Шишков А. А.
Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве непризнанных государств на постсоветском пространстве
(в развитие идей профессора Л. М. Карнеевой) ... 67

Шишов В. В.
Прекращение уголовного дела как процессуальное решение ... 73

Закарян С. А.
Проблемы доказывания органами предварительного расследования необходимости продления срока содержания под стражей свыше 12 месяцев (посвящается светлой памяти профессора Л. М. Карнеевой)..... 76

Вознюк Е. П.
Соотношение понятий «достаточные данные» и «достаточные доказательства» в теории доказательств..... 81

Чиковани М. А.
Значение исследований Л. М. Карнеевой в развитии института предъявления обвинения и вопросы его совершенствования 86

Клиновенко В. В.
Влияние трудов Л. М. Карнеевой на современные вопросы применения аудиозаписи в ходе проведения следственных действий..... 91

Химичев М. В.
Профессор Л. М. Карнеева об оценке доказательств: взгляд в будущее 96

РАЗДЕЛ II.
Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства

Дикарев И. С., Никонович С. Л.
Развитие системы мер безопасности в уголовном процессе на современном этапе 101

Дроздов Д. Е.
Совершенствование института уголовного преследования специальных субъектов 105

Вдовин А. С.
Современная роль и значение принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве 110

Ищенко Д. П., Ищенко Г. К.
Проблемы наложения ареста на имущество в уголовном процессе..... 114

Камчатов К. В.
Проблемные вопросы возмещения вреда от преступления..... 117

Кокорева Л. В.
Изъятие и истребование до возбуждения уголовного дела: проблемы законодательной и правоприменительной практики 123

Курбатова С. М.
Следственные действия с участием лиц с ограниченными возможностями 126

Миронова А. В., Мандрыка Ю. С.
Дознание в сокращенной форме: предпосылки возникновения и перспективы развития..... 129

Михайлова Е. Е.
К вопросу обеспечения конституционного права граждан
на тайну переписки и иных сообщений
при производстве отдельных следственных действий 133

Овчинников Ю. Г.
Несколько слов о концепции развития уголовно-процессуальной формы
в досудебном производстве 139

Орипов С. С.
Институт понятых в уголовном судопроизводстве
в Республике Узбекистан: текущая ситуация и вопросы оптимизации 143

Осодоева Н. В., Федосеева Е. Л.
К вопросу об участниках уголовного судопроизводства 148

Прокопова А. А.
Взгляд со стороны на целеполагание уголовного процесса России 150

Семенкова Е. В., Сидорова А. А.
Уголовно-процессуальная форма доказательств,
полученных посредством всемирной компьютерной сети 156

Смелова С. В.
Производство следственных действий в ходе проверки сообщения
о преступлении, совершенном несовершеннолетним 160

Смирнов М. В.
Свидетельский иммунитет как гарантия достоверности показаний свидетеля
и потерпевшего 164

Фадеев П. В.
К вопросу о защите прав участников уголовного судопроизводства 170

Федюкина А. Ю.
Особенности осмотра и выемки электронных сообщений
и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений 172

Чинь Суан Чыонг, Хоанг Тхи Тху Нга
Обеспечение прав и законных интересов обвиняемого
в уголовном процессе Вьетнама 176

РАЗДЕЛ III.
Актуальные проблемы досудебного и судебного производства
по уголовному делу

Агаев С. А.
Некоторые вопросы стратегии развития уголовного судопроизводства
в Азербайджанской Республике 178

Алонцева Е. Ю.
Оценка доказательств в стадии возбуждения уголовного дела 183

Антимонова С. И.
О некоторых проблемах направления материалов уголовного дела
в иностранное государство 186

Ахмеров О. С.
Совершенствование деятельности правоохранительных органов
при производстве следственных действий – допроса и очной ставки 190

Бертовский Л. В.
Развитие уголовного судопроизводства
в условиях цифровизации общественных отношений 194

Бодрова Е. О.
О некоторых вопросах исполнения приговора в отношении осужденных
к наказаниям без изоляции от общества 198

Гаджимагомедов Г. К.
Проблемы формирования документов-доказательств 201

Гришин Д. А. *206*
Нормативное закрепление использования технических средств
в российском уголовном судопроизводстве: ретроспективный анализ 206

Горач Н. Н., Лаврова О. Н.
Положительный опыт расследования уголовного дела о преступлениях,
связанных с незаконным оборотом наркотических средств 210

Григорьев Д. А.
Об отдельных проблемах производства следственных действий
при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации 215

Емельянова Н. Ю.
Аспекты объективной истины в уголовном процессе 218

Ермаков С. В.
Уголовно-процессуальная деятельность следователя в цифровой среде 222

Жиляев Р. М.
Контроль за соблюдением судебного запрета на использование средств связи
и сети Интернет лицами, в отношении которых избрана мера пресечения
в виде домашнего ареста – взгляд сотрудника
уголовно-исполнительной системы 226

Загвоздкин Н. Н.
Отказ от стадии возбуждения уголовного дела: затянувшееся ожидание 230

Иванов Д. А., Уханова Н. В. *234*
Особенности деятельности следователя по наложению ареста
на безналичные денежные средства 234

Ильяш А. В.
Процессуальные и организационные аспекты создания
и деятельности следственной группы 238

Капустина Л. К., Ежова А. А.
Использование сведения из социальных сетей
в процессе доказывания 241

Кустов А. М., Кокорев Р. А.
Использования искусственного интеллекта
в расследовании преступлений 244

Латыпов В. С.
К вопросу об использовании цифровых технологий
в процедуре подбора лиц, оказывающих содействие правосудию 248

Миронов В. Л.
Анонимизация в интернете: что об этом нужно знать следователю? 252

Наметкин Д. В.
Деятельность органов предварительного расследования
в стадии возбуждения уголовного дела:
современное состояние и перспективы развития 257

Нгуен Тхи Нгок Иен
Особенности модели уголовного судопроизводства Вьетнама 262

Поликарпова О. С.
Институт следственных судей как предпосылка развития
института подозрения в уголовном судопроизводстве России 265

Пузырева Ю. В.
Международно-правовые основы сотрудничества Интерпола
и организации объединенных наций в контексте противодействия
транснациональной организованной преступности 269

Пьянкова Н. В.
Проблемы реализации принципа самостоятельности
и независимости следователя во взаимоотношении с судом 275

Ромашова М. В.
Международно-правовой аспект обеспечения эффективности
предварительного расследования 281

Самолаева Е. Ю.
К вопросу о назначении и производстве судебных экспертиз
до возбуждения уголовного дела 285

Соломатина А. Г.
Краудсорсинг в уголовно-процессуальном доказывании 288

Сычёв П. Г. *292*
Особая сложность производства по делам о преступлениях
в сфере экономической и предпринимательской деятельности:
теоретические причины 292

Татаринов М. К.
Юрисдикционных нормы
как особый вид уголовно-процессуальных норм 298

Теренков И. Е.
Предмет доказывания по уголовным делам, возбужденным
по фактам превышения пределов необходимой обороны 303

Тертычная И. В.
Особенности возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном
ст. 258 УК РФ. Планирование расследования на различных этапах 306

Теткин Д. В.
Актуальные вопросы развития методики доказывания
при расследовании преступлений, связанных с криптовалютой 311

Федулова И. И.
Проблемные вопросы, возникающие
в процессуальной деятельности дознавателя 315

Фок С. В., Щекотихин И. А.
Актуальные вопросы проведения проверки показаний
на месте в жилище 318

Шараева Я. А.
Особенности принятия решения о приостановлении уголовного дела
в связи с временным тяжелым заболеванием
подозреваемого (обвиняемого) 321

Шестак В. А., Ясюк М. О.
Коррупция в спорте: соотношение «lex sportiva» и национального права 324

Шмонин А. В, Земскова Е. Н.
Что стоит за манипулированием процессуальными сроками:
несовершенство законодательного регулирования или неэффективность
действий руководителей следственных органов? 329

Шпагина Ю. В.
О совместимости уголовно-процессуального познания и дознания
в сокращенной форме 333

Шпаковский Н. В.
Уголовная ответственность за преступления в сфере спорта
по законодательству Республики Беларусь 336

РАЗДЕЛ IV.
Трибуна молодого ученого

Абрамочкина Е. М.
Проблемные вопросы досудебного производства по уголовным делам
о преступлениях, совершенных с использованием
информационных технологий 340

Алешина М. Д.
Идея неотвратимости наказания в стратегии развития
уголовного судопроизводства 345

Бабышева Д. А.
Проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве 352

Богатырев Д В.
Соотношение понятий «недобросовестная реализация права»
и «злоупотребление правом» 354

Бондаренко И. П.
«Свободы» и «законные интересы» как часть правового статуса обвиняемого,
в отношении которого применена мера пресечения 358

Воронина Н. А.
Об актуальности проблем реализации потерпевшим права на доступ
к правосудию в досудебном уголовном производстве 362

Горбатых И. М.
К вопросу об избрании мер пресечения судом 365

Давыдовская М. В.
Единство познавательных приемов как признак следственного действия 371

Данг Вьет Хынг
Развитие общих условий предварительного расследования
в Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам 375

Денисова М. Д.
К вопросу об обеспечении прав и законных интересов участников
уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество 379

Дударева М. А.
Отобрание подписки о неразглашении тайны предварительного расследования
при производстве по уголовным делам 385

Ендольцева А. А.
Принятие судом решения о законности или незаконности произведенного
в случаях, не терпящих отлагательства, следственного действия 389

Звонарева Ю. И.
Электронные документы как доказательства в уголовном судопроизводстве:
особенности собирания, проверки и оценки 393

Казимирова Е. Д.
Ответственность за нарушение принципа разумного срока
уголовного судопроизводства: постановка проблемы 397

Кожемякина О. С.
Участие переводчика в уголовном судопроизводстве
как уголовно-процессуальная гарантия прав граждан 400

Комлева Т. В.
Электронные доказательства в уголовном деле: миф или реальность 404

Кулажина А. О.
Гарантии прав обвиняемого
при привлечении к уголовной ответственности 409

Кулакова А. А.
Сроки стадии возбуждения уголовного дела требуют определенности 413

Левашова П. Д.
Некоторые аспекты обеспечения прав допрашиваемых лиц 418

Лисова А. П.
Распределение бремени доказывания и «Тест Оукса» 422

Лукьянова Е. А.
Вопросы применения специальных познаний
на стадии исполнения приговора 425

Миргородская Э. Р.
Предмет судебного доказывания при рассмотрении жалоб
в порядке статьи 125 УПК РФ 428

Низаметдинов Р. А.
Роль информационно-телекоммуникационных технологий
в оценке доказательств на стадии предварительного расследования 431

Полякова А. В.
Реализация принципа состязательности сторон в досудебном производстве
как гарантия соблюдения прав участников уголовного судопроизводства 435

Рыбакова В. Д.
Сравнительно-правовой анализ ряда норм УПК России и УПК Республики
Казахстан, влияющих на процесс доказывания 439

Степаков Д. А.
Оценка показаний в уголовном судопроизводстве:
срез проблем и мнений 443

Тютерева Ю. С.
О некоторых вопросах допустимости доказательств,
полученных в дистанционном порядке 447

Черкасова Ю. А.
Правовое положение отдельных участников уголовного судопроизводства
с неопределенным процессуальным статусом
на стадии возбуждения уголовного дела 453

Шишев В. С.
Вопросы унификации предварительного расследования 458

Щербакова М. А.
Задержание лица, страдающего психическим расстройством 462

Юрченкова Е. С.
Об уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 200.3 УК РФ 466

Яковлева К. Ю.
Особенности собирания доказательств, содержащих информацию в электронной форме, в досудебном производстве 469

Ярмизин М. В.
Доказательственная деятельность на этапе окончания предварительного расследования 475

Гимазетдинова И. Н.
К вопросу о правилах оформления уголовного дела..... 480

ОТ РЕДАКТОРА

Ежегодная научно-практическая конференция «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития» проводилась кафедрой уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в одиннадцатый раз, получив с 2021 г. международный уровень.

В рамках ежегодной тематики XI Международная научно-практическая конференция, состоявшаяся 12 ноября 2021 г., посвящена 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Лидии Михайловны Карнеевой.

Карнеева Лидия Михайловна в период с 1975 по 1977 гг. являлась первым начальником кафедры уголовного процесса, образованной в 1975 г. Московской высшей школой милиции МВД СССР, преемником которой в 1995 г. стал Московский юридический институт МВД России, реорганизованный в 1999 г. в Московскую академию МВД России, которая в 2002 г. в ходе объединения с другими вузами системы МВД стала площадкой для образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Невозможно переоценить роль личности профессора Л. М. Карнеевой для развития науки отечественного уголовного судопроизводства и криминалистики в целом, в том числе для становления научной школы кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. В связи с этим есть все основания считать, что именно профессор Л. М. Карнеева стояла у истоков современной научной школы «Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» (под руководством профессора А. В. Ендольцевой и профессора О. В. Химичевой), представители которой последовательно развивают идеи, высказанные и обоснованные выдающимся советским ученым.

Основные труды профессора Л. М. Карнеевой охватывают широкий спектр самых сложных и трудноразрешимых проблем уголовного судопроизводства; они посвящены теории доказывания, организации работы следователя, производству отдельных следственных действий с подозреваемым и обвиняемым, процессуальному порядку допроса и его тактике, особенностям производства в отношении несовершеннолетних, а также процессуальному порядку привлечения к уголовной ответственности в уголовном судопроизводстве и др.

В ходе конференции обсуждены вопросы, которые были предметом исследования в трудах профессора Л. М. Карнеевой, а также развитие ее идей в условиях современного состояния уголовно-процессуальной науки и криминалистики, с учетом активного внедрения цифровых технологий и необходимости сохранения научных ценностей и традиций, являющихся фундаментом российского уголовного процесса и криминалистики, заложенных профессором Л. М. Карнеевой и ее современниками.

В сборнике материалы XI Международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития» структурированы в несколько блоков:

1) труды профессора Л. М. Карнеевой как неиссякаемый источник научной мысли в современный период развития уголовного процесса;

2) обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;

3) актуальные проблемы досудебного и судебного производства по уголовному делу;

4) трибуна молодого ученого.

Материалы конференции включают научные статьи ведущих российских и зарубежных ученых-процессуалистов и криминалистов образовательных организаций и научно-исследовательских учреждений, практических работников, а также молодых исследователей, только начинающих свой путь в науке.

Организаторы конференции – кафедра уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя – искренне благодарят всех участников за поддержку заявленной тематики, внимание к научному наследию профессора Л. М. Карнеевой и выражают надежду на продолжение совместной плодотворной работы.

Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РАЗДЕЛ I.
ТРУДЫ ПРОФЕССОРА Л. М. КАРНЕЕВОЙ КАК НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК НАУЧНОЙ МЫСЛИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Химичева О. В.[1],
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Панфилов П. О.[2],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОФЕССОР ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА КАРНЕЕВА: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Не каждое образовательное учреждение может похвастаться наличием научной школы – сплоченного коллектива ученых, развивающих определенное направление научной деятельности на протяжении многих лет и придерживающихся сходных научных взглядов. В этом отношении кафедре уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя повезло, поскольку в ее рядах служили выдающиеся ученые-процессуалисты, заложившие основу формирования современной уголовно-процессуальной науки. Таким человеком для нашей кафедры, безусловно, является Лидия Михайловна Карнеева – доктор юридических наук (1970), профессор (1972), заслуженный деятель науки РСФСР (1981).

Лидия Михайловна родилась в г. Москве в 1921 г. В 1947 г. окончила Всесоюзный заочный юридический институт (в настоящее время Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина).

На трудные послевоенные годы пришлось становление Л. М. Карнеевой как высококвалифицированного профессионала. С 1947 по 1955 гг. Л. М. Карнеева работала в Московской городской прокуратуре в должности следователя, старшего следователя, а затем и прокурора отдела по надзору за органами милиции. Богатый практический опыт, полученный за годы службы в органах прокуратуры, впоследствии ярко проявился в научных работах Лидии Михайловны: знание практики расследования, ее проблем и трудностей помогало осмыслить самые сложные теоретические вопросы, не только выработать их решение, но и подго-

[1] © Химичева О. В., 2022.
[2] © Панфилов П. О., 2022.

товить рекомендации для действующих следователей и дознавателей по применению уголовно-процессуального закона.

Параллельно с практической работой Л. М. Карнеева активно занималась наукой: в 1955 г. она подготовила кандидатскую диссертацию на тему: «Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в советском уголовном процессе» [3], после защиты которой посвятила себя научной деятельности.

В стенах Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР, где Л. М. Карнеева состояла в должности старшего научного сотрудника, в 1970 г. ею защищена докторская диссертация на тему: «Привлечение к уголовной ответственности по советскому праву: уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование» [4].

С 1971 г. Л. М. Карнеева – на педагогической работе в должности профессора Высшей школы МВД СССР (в настоящее время Академия управления МВД России).

В 1975 г. Лидия Михайловна Карнеева переходит в созданную Высшую школу милиции МВД СССР, став первым начальником кафедры уголовного процесса этого учебного заведения.

С 1977 г. Л. М. Карнеева продолжила научную деятельность во Всесоюзном научно-исследовательском институте МВД СССР в должности начальника отдела предварительного следствия и дознания [2], однако, осталась преподавать, будучи профессором кафедры уголовного процесса Московской высшей школы милиции (МВШМ) МВД СССР, а затем Высшей юридической заочной школы (ВЮЗШ) МВД СССР.

Личность большого ученого раскрывается в его работах, которые внесли существенный вклад в развитие уголовно-процессуальной науки. При этом нельзя не отметить того факта, что помимо глубоких научных исследований по данной проблематике профессор Л. М. Карнеева много внимания уделяла и образовательному процессу, подготовке и повышению квалификации кадров следственных органов. Вот почему библиографию ее работ составляют не только монографии, но и учебно-методические, учебно-практические пособия, многие из которых имеют гриф МВД и рекомендованы для слушателей и преподавателей всех учебных заведений органов внутренних дел. В этих учебно-методических работах нашли продолжение научные идеи Лидии Михайловны; в них до аудитории доходчиво доводились основные постулаты уголовно-процессуального права, содержались рекомендации по их практическому применению, мастерски излагались сложные научные проблемы, актуальность которых не потеряна до настоящего времени.

Одно из центральных мест в научных работах профессора Л. М. Карнеевой занимают уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты привлечения к уголовной ответственности, привлечения в качестве обвиняемого, предъявления обвинения: им посвящены и кандидатская, и докторская диссертации Лидии Михайловны.

В течение многих лет профессор Л. М. Карнеева неоднократно возвращалась к этой проблематике, не только развивая научные положения, но и адапти-

руя их под потребности учебного процесса. Так, по материалам кандидатской диссертации в 1955 г. разработано учебно-методическое пособие для проведения практических занятий по теме: «Привлечение в качестве обвиняемого», где на основе практических задач из правоприменительной практики обучающиеся отрабатывали навыки составления постановления о привлечении в качестве обвиняемого, повторного предъявления обвинения.

В 1962 г. ей опубликовано методическое пособие «Привлечение в качестве обвиняемого», в котором рассмотрен весь комплекс вопросов, разрешаемых следователем на данном этапе расследования, начиная с определения оснований, достаточных для предъявления обвинения и заканчивая допросом обвиняемого. Работу отличает практическая ориентированность, с которой Лидия Михайловна излагает сложный теоретический материал, акцентируя внимание через практические примеры на необходимости исследования всех обстоятельств, характеризующих преступное деяние, а также тщательной проверки всех доказательств, свидетельствующих о совершении преступления лицом, которому предъявляют обвинение.

В 70-е гг. увидели свет уголовно-процессуальные и криминалистические исследования Лидии Михайловны, посвященные не только привлечению в качестве обвиняемого, но также тактическим и процессуальным особенностям допроса в стадии расследования, допроса несовершеннолетних [7; 11].

Действительно, в трудах профессора Л. М. Карнеевой много внимания уделено наиболее распространенному на практике следственному действию – допросу. В 1958 г. коллективом авторов – сотрудников ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР издано учебное пособие «Тактика допроса на предварительном следствии», в котором две главы «Тактика допроса обвиняемого» и «Важнейшие особенности тактики допроса несовершеннолетних» разработаны Лидией Михайловной. Пособие было ориентировано на повышение квалификации практических работников, которые непосредственно расследуют преступления, для которых допрос является одним из основных средств получения доказательственной информации.

Уже в условиях действия УПК РСФСР 1960 г. Л. М. Карнеевой в соавторстве с А. Б. Соловьевым и А. А. Чувилевым была опубликована работа «Допрос подозреваемого и обвиняемого» [10], адресованная работникам органов предварительного следствия, в которой рассмотрены процессуальные и тактические правила допроса на стадии предварительного расследования. Текст работы демонстрирует, что Лидия Михайловна была еще и тонким психологом, человеком, знающим особенности человеческой психики и поведения в различных жизненных ситуациях. Она пишет: «Чаще всего следователь способен изменить поведение допрашиваемого, вызвав у него страх перед последствиями. Однако страх – ненадежный союзник следователя. Гораздо важнее добиться уважения к себе, которое бы полностью исключало вызывающее и тому подобное поведение».

На повышение квалификации сотрудников следственных органов была направлена и работа «Расследование преступлений группой следователей» [8], написанная в соавторстве с И. С. Галкиным в 1965 г., где на основе изучения и анализа уголовно-процессуального законодательства даются рекомендации

следственным работникам по совершенствованию расследования наиболее сложных преступлений, начиная с момента возбуждения дела и до его окончания, раскрываются полномочия руководителя следственной группы, анализируются вопросы взаимодействия в рамках следственной группы.

Лидия Михайловна всегда находила актуальные темы для научных исследований, а также работала над внедрением достижений научно-технического прогресса в уголовно-процессуальную деятельность, понимала, что нужно правоприменителю, какие проблемы его волнуют. Так, в 1967 г. в соавторстве с А. В. Ратиновым, М. П. Хилобоком вышла работа «Применение звукозаписи в следственной работе» [9], где авторами предложены конкретные способы повышения эффективности работы следователя посредством применения звукозаписи.

И, конечно, чутко реагировала профессор Л. М. Карнеева на изменения уголовно-процессуального закона. Вскоре после введения протокольной формой досудебной подготовки материалов, абсолютно новой формы досудебного производства, ранее неизвестной отечественному уголовному процессу, в соавторстве с другим известным процессуалистом кандидатом юридических наук Ю. Н. Белозеровым опубликовано учебное пособие «Протокольная форма досудебной подготовки материалов органами дознания в советском уголовном процессе» [1]. Рекомендованное для курсантов учебных заведений МВД СССР и практических работников это пособие было направлено на привитие практических навыков в применении нового уголовно-процессуального закона, в нем давались образцы процессуальных документов, а также приводились схемы, иллюстрирующие порядок досудебной подготовки материалов. В этом была вся Лидия Михайловна: она ориентировалась на практическую подготовку действующих сотрудников, знающих закон и соблюдающих его предписания в своей деятельности.

Однако особое место в трудах Лидии Михайловны занимают работы по одной из центральных проблем уголовного процесса – уголовно-процессуальному доказыванию.

Не одно поколение ученых-процессуалистов и криминалистов воспитано на знаменитой «Теории доказательств в советском уголовном процессе», подготовленной коллективом выдающихся ученых: Р. С. Белкиным, А. И. Винбергом, В. Я. Дороховым и др.) [13]. Две главы этой концептуальной работы «Показания свидетелей и потерпевших» и «Показания обвиняемых и подозреваемых» подготовлены Лидией Михайловной Карнеевой.

В последующие годы профессором Л. М. Карнеевой издана серия работ по данной тематике: «Доказательства в советском уголовном процессе (1988) [5], «Доказательства и доказывание в уголовном процессе» (1994) [6], совместная работа с Министром внутренних дел Венгерской Народной Республики И. Кертэсом «Источники доказательств (по советскому и венгерскому законодательству)» (1985) [12].

Будучи последовательной сторонницей материалистической теории познания, Л. М. Карнеева отстаивает идею об объективной истине как цели уголовно-процессуального доказывания, анализирует понятие доказательства, их свойства и источники, уголовно-процессуальное доказывание, раскрывает собирание, проверку и оценку доказательств как с процессуальных, так и крими-

налистических позиций. В своих работах профессор Л. М. Карнеева всегда обращала внимание на недопустимость незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности, ориентировала правоприменителей на сбор доказательств таким образом, чтобы они характеризовали каждую из сторон определенного состава преступления. При этом в обозначенных работах высокая теория изложена столь доступно, что позволяет использовать их не только в научных, но и в образовательных целях.

При этом не может не вызывать восхищение перспективность научной мысли Лидии Михайловны, которая почти за полвека до повсеместного внедрения цифровых технологий анализировала возможности получения доказательств с помощью электронно-вычислительной техники [12, с. 98–101]. Профессор Л. М. Карнеева еще в 1985 г. отмечала, что к документам следует относить перфоленты и другие формы сохранения информации для ввода в память ЭВМ (кассеты, диски); документы, полученные с помощью электронно-вычислительной техники, могут появиться не только как приложения к заключению эксперта, но как документы, выписанные автоматически и удостоверяющие важные факты в форме номерных и письменных знаков [12, с. 98]. Много внимания уделялось также вопросам использования в уголовно-процессуальном доказывании звукозаписи, которая, как отмечала Лидия Михайловна, может использоваться в трех ипостасях: являться документом, вещественным доказательством и приложением к процессуальному документу.

Профессора Л. М. Карнееву по праву можно назвать основателем собственной научной школы, она воспитала многих известнейших отечественных ученых-процессуалистов и криминалистов. Достаточно сказать, что под ее научным руководством диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук защитили: Е. Е. Центров «Личность потерпевших по делам о половых преступлениях и особенности их допроса (процессуально-криминалистическое и судебно-психологическое исследование)» (1972); А. А. Чувилев «Институт подозреваемого в советском уголовном процессе» (1968); С. В. Бажанов «Групповой метод расследования как способ повышения эффективности предварительного следствия» (1990) и др., которые впоследствии стали докторами юридических наук, яркими звездами отечественной науки уголовного процесса и криминалистики.

Наша кафедра может гордиться тем фактом, что профессор Лидия Михайловна Карнеева долгие годы работала на кафедре уголовного процесса МВШМ МВД СССР, ВЮЗШ МВД СССР. Она является автором множества научных работ, посвященных базовым проблемам уголовного судопроизводства и криминалистики, до сих пор не утративших актуальности. Создав основу развития наиболее важных для отечественного уголовного процесса институтов, работы Лидии Михайловны определили на долгие годы развитие научной мысли, а высказанные взгляды вследствие глубокой проработанности и нацеленности на перспективу могут быть взяты за основу решения насущных проблем уголовного судопроизводства как в части его правового регулирования, так и практического применения.

Список литературы

1. Белозеров Ю. Н., Карнеева Л. М. Протокольная форма досудебной подготовки материалов органами дознания в советском уголовном процессе : учебное пособие. М. : МССШМ МВД СССР, 1987. 521 с.

2. Власов П. Е. Процессуальные научные школы ФГКУ «ВНИИ МВД России» // Научный портал МВД России. 2015. № 4. С. 8–12.

3. Карнеева Л. М. Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в советском уголовном процессе : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.00. М., 1955. 324 с.

4. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности по советскому праву: уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование : дисс. … докт. юрид. наук : 12.00.00. М., 1970. 687 с.

5. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе : учебное пособие. Волгоград, ВСШ МВД СССР, 1988. 652 с.

6. Карнеева Л. М. Доказательства и доказывание в уголовном процессе : учебное пособие. М. : УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994.

7. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М. : Юрид. лит., 1971. 133 с.

8. Карнеева Л. М., Галкин И. С. Расследование преступлений группой следователей. М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1965. 73 с.

9. Карнеева Л. М., Ратинов А. Р., Хилобок М.П. Применение звукозаписи в следственной работе. М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Высш. школа МООП СССР, 1967. 68 с.

10. Карнеева Л. М., Соловьев А. Б., Чувилев А. А. Допрос подозреваемого и обвиняемого. М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1969. 123 с.

11. Карнеева Л. М., Статкус В. Ф. Предъявление обвинения. М. : Всесоюз. науч.-исслед. ин-т МВД СССР, 1973. 56 с.

12. Карнеева Л. М., Кертэс И. М. Источники доказательств (по советскому и венгерскому законодательству). М. : Юридическая литература; Будапешт: Кезгаздашаги эш Йоги, 1985. 136 с.

13. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид.лит., 1973.

Антонов И. А.[1],
заведующий научно-исследовательским отделом
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ДИСБАЛАНС ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ, ТАКТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ И НРАВСТВЕННЫХ НОРМ

Производство следственных действий, вне всякого сомнения, представляет следователю максимальный объем доказательственной базы по уголовному делу. Именно протоколы следственных действий составляют основу материалов уголовного дела. При этом именно при производстве следственных действий затрагиваются, а зачастую и ограничиваются, права и свободы лиц, в отношении которых они проводятся. В связи с этим правовая регламентация производства следственных действий должна быть максимально полная, тактика их производства, выдержанная с точки зрения соответствия нравственно-правовым критериям оценки уголовно-процессуальной деятельности. К сожалению, пока это лишь пожелание.

Так, современный уголовно-процессуальный закон не только не содержит совершенных, ясных, однозначно воспринимаемых и применяемых на практике положений, но и не вносит ясности даже в систему следственных действий.

Например, исходя из положений ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ, определяющей судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия, можно предположить, что действия, касающиеся реализации, утилизации или уничтожения вещественных доказательств, а также действия в виде передачи безвозмездно либо реализации вещественных доказательств, относятся к следственным действиям.

В ч. 5 рассматриваемой статьи к следственным действиям отнесены также действия, связанные с наложением ареста на имущество.

Может быть, на первый взгляд, эти рассуждения не более чем придирки к деятельности законодателя, но ведь нельзя забывать, что в сфере уголовного судопроизводства допустимо применение мер государственного принуждения, вторжение в сферу прав и свобод личности. Поэтому каждое слово в уголовно-процессуальном законе должно быть выверено и не снижает уровень гарантий прав лиц, вовлекаемых в производство по уголовным делам.

От правовой регламентации производства следственных действий во многом зависит и тактика их производства, хотя справедливости ради необходимо отметить, что, к сожалению, не всегда.

Так, к положениям основополагающего характера уголовно-процессуальный закон относит требование об уважении чести и достоинства личности и включает его в главу вторую УПК РФ, посвященную принципам (ст. 9), которое касается напрямую и производства следственных действий, а потому, чтобы уси-

[1] © Антонов И. А., 2022.

лить эффект законодатель в ст. 164 УПК РФ еще раз указывает, что при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. Помимо этого, закон допускает производство значительного числа следственных действий только по судебному решению, чтобы следователь, дознаватель обосновали суду необходимость производства следственного действия, ограничивающего права того или иного лица, а также предоставляет право этому лицу обжаловать действия и решения (чтобы при рассмотрении жалобы были установлены законность, обоснованность и допустимость ограничения прав и свобод личности).

Однако в юридической (уголовно-процессуальной и особенно криминалистической) литературе несложно встретить достаточное вольное отношение к положениям уголовно-процессуального закона, регламентирующим производство следственных действий. В качестве примера здесь можно привести статью коллектива авторов, рассматривающих вопросы проведения допроса при расследовании контрабанды наркотических средств, которые отмечают, что «несмотря на то, что порядок и правила допроса подозреваемого предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством, они оставляют следователю широкие возможности для выбора тактических приемов допроса» [14, с. 69–73].

И подобных выражений в специальной литературе предостаточно.

При этом особое внимание сегодня требуется уделить специальным исследованиям, посвященным особенностям производства следственных действий по уголовным дел о преступлениях различных категорий, ради раскрытия которых авторы предлагают или же одобряют применение таких средств, которы не выдерживают критики с позиций соответствия нравственно-правовым критериям.

Приведем ряд примеров и надеемся, что авторы не будут на нас сильно гневаться за то, что именно на их труды было обращено внимание.

Так, интерес представляет мнение Б. А-О. Алиева, описывающего тактико-криминалистическое содержание антитеррористической операции, проводимой в рамках уголовного преследования, и рекомендующего проводить дважды обыск в жилище лица, подозреваемого в совершении террористического акта, чтобы в рамках первого обыска, который заранее предполагает малую результативность, снять напряжение подозреваемого, обвиняемого и их близких, а при повторном обыске добиться требуемого результата [1, с. 3–8]. Вряд ли в связи с этим необходимо читателю напоминать об уголовно-процессуальных гарантиях прав участников уголовного судопроизводства и лиц, в жилище которых проводятся следственные действия.

В свою очередь, разрабатывая технологии против терроризма, И. Н. Морозов отмечает, что не только оперативные работники, но и следователь в ходе раскрытия и расследования преступлений могут в целях более эффективного сбора доказательств осуществлять комплекс действий с сохранением в тайне производства расследования от лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Эти действия «составляют тактическую операцию, маскируя факты от заинтересованных лиц для предотвращения утечки информации. Этим сохраняется ситуация, при которой конкретные лица, подозревае-

мые в терроризме, длительное время находящиеся под контролем правоохранительных органов, оказываются не информированными о ходе расследования и его результатах» [13, с. 181]. И здесь хотелось бы напомнить ряду ученых и практикующих юристов о трудах Лидии Михайловны Карнеевой, в частности, о работах, посвященных доказыванию в уголовном судопроизводстве, производству следственных действий и привлечению к уголовной ответственности [7; 8; 9; 10; 11], а также о новациях уголовно-процессуального закона, определяющих статус лица, подозреваемого в совершении преступления, его права.

Е. В. Баркалова, изучая дискутируемый вопрос о необходимости проведения очной ставки, если обвиняемый отказывается от дачи показаний, совершенно справедливо отмечает, что очная ставка, в сущности, является одновременным допросом двух лиц, а повторный вызов лица на допрос, отказавшегося давать показания, возможен только по его инициативе. При этом, к сожалению, она заостряет внимание при исследовании позиции сторонников проведения очной ставки с указанными участниками (которые в качестве аргумента «за» ссылаются на то, что «отказник» может все же начать давать показания, а для другого участника очной ставки данное следственное действие станет своеобразной тренировкой выступления в суде) лишь на то, что проведение очной ставки с участниками, отказывающимися от дачи показаний, является нецелесообразным, ввиду возможности оказания невербального воздействия на свидетеля и изменения им показаний» [4, с. 12–16]. А ведь речь должна идти о более серьезных упущениях рассматриваемой позиции: о нарушениях уголовно-процес–суального закона в части прав подозреваемого, обвиняемого, о целях и задачах, а также основаниях производства очной ставки.

С. В. Баринов, описывая особенности следственных действий, проводимых на начальном этапе расследования преступлений, связанных с нарушением неприкосновенности частной жизни, указывает, в частности, на то, что предметами, изымаемыми в ходе производства обыска и выемки, должны быть не только орудия совершения преступления (компьютерная техника и электронные средства хранения информации), но и устройства, предназначенные для осуществления доступа к сети Интернет (модемы, Wi-Fi-роутеры) [3, с. 140–141]. То есть несмотря на то, что уже неоднократно в научной литературе и в судебно-следственной практике возникал вопрос о недопустимости изъятия в ходе следственных действий всей компьютерной техники, всех предметов и документов без разбора, чтобы не ограничивать необоснованно права и законные интересы не только участников процесса, но и третьих лиц, в чьих жилых и иных помещениях проводится осмотр или обыск, выемка, все равно в специализированных статьях, посвященных раскрытию и расследованию отдельных категорий преступлений, мы встречаем подобные рекомендации. Не обращают внимание специалисты и на отдельно вносимые в уголовно-процессуальный закон нормы, направленные на защиту участников процесса. Так, в ст. 164 УПК РФ не даром была внесена ч. 4.1, которая ограничивает действия следователя в части изъятия электронных носителей информации. В ней указывается, что при производстве следственных действий по уголовным делам о целом ряде преступлений в сфере экономической и предпринимательской деятельности (ст.ст. 159, 160,

165, 171, 176–178, 180, 181, 183, 201 и др. УК РФ), не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации.

В связи с этим примечателен противоположный подход, отраженный в комментарии к УПК РФ Б. Т. Безлепкина, согласно которому в случае необходимости получить информацию, связанную, например, с состоянием психического здоровья лица, то есть информацию, относящуюся к медицинской тайне, следователь в отдельных случаях может ограничиться обязательным для медицинского учреждения запросом о предоставлении соответствующих сведений и не проводить выемку подлинников медицинских документов [5].

Далее укажем, что Н. Г. Шурухнов, рассматривая особенности допроса подозреваемых, обвиняемых при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, предлагает сопровождать его видеорегистрацией, в частности, для того, чтобы объективно зафиксировать поведение участников следственных действий, содержание показаний от первого лица, сопоставить их с обязательствами, обозначенными в соглашении о сотрудничестве, первоначально сложившейся ситуацией, сделать обоснованные выводы о характере (последовательности или изменении) занимаемой позиции на протяжении всего расследования…, а также для защиты доброго имени субъектов расследования» [15, с. 9]. То есть следователь должен использовать технические средства в ходе производства по уголовным делам не для того, чтобы обнаружить, зафиксировать и изъять следы преступления и вещественные доказательства, как того требует ч. 6 ст. 164 УПК РФ, а, например, для защиты доброго имени субъектов расследования, предполагая, видимо, что могут последовать жалобы со стороны защиты или от потерпевших о незаконности и необоснованности (коррупционном характере) заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Подобный подход прослеживается на практике в ходе проведения проверки показаний на месте без учета цели и задач, определенных законодателем для производства данного следственного действия. Так, в указанном выше комментарии к уголовно-процессуальному закону приводится имеющий место на практике пример, когда обвиняемый, уже до этого признавший свою виновность, что отражено в материалах дела, дополнительно доставляется на место преступления, которое ранее уже осмотрено, где в присутствии понятых и иных лиц (которые подразумеваются свидетелями признания обвиняемым своей виновности) повторяет свои «признательные» показания и имитирует преступные действия. При этом в комментарии дается указанному примеру правильная оценка – подобные мероприятия не служат ни способом получения новых доказательств, ни способом проверки или закрепления уже имеющихся [5]. Вместе с тем следственная практика имеет описанные примеры, которые обусловлены нехваткой доказательственной базы виновности лица в совершении преступления и ранее полученными от ученых тактическими рекомендациями. В частности, В. А. Воткин, описывая особенности тактики следственных действий, направленных на установление лиц, совершивших разбойное нападение на Северном Кавказе, отмечает, что в случае, если подозреваемый признался

в совершении преступления, то немедленно после окончания допроса необходимо провести проверку его показаний на месте с использованием видеозаписи, чтобы он продемонстрировал свою преступную осведомленность в отношении исследуемых событий [6, с. 3–6].

И здесь в пору вспомнить слова Анатолия Федоровича Кони: «Как бы ни были хороши правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных или недобросовестных руках» [12, с. 12]. При этом, продолжая идеи А. Ф. Кони о развитии нравственных начал в сфере уголовного судопроизводства, хотелось бы подчеркнуть, что вопросы криминалистической тактики необходимо решать, ориентируясь не только на потребности правоприменительной практики, на повышение эффективности раскрытия и расследования отдельных категорий преступлений, но, прежде всего, на научные разработки в рамках следственной этики. В частности, на ее положения, согласно которым основными условиями допустимости тактических приемов являются: 1) их законность; 2) избирательность воздействия, то есть направленность воздействия лишь на определенных лиц и нейтральность по отношению к остальным; 3) нравственность [2, с. 248, 251–252].

И в завершение укажем, что мы должны помнить о необходимости сохранения научных ценностей и традиций, являющихся фундаментом российского уголовного процесса, и постоянно обращаться в своей работе к научным трудам, наполненным глубоким нравственным содержанием, – к работам А. Д. Бойкова, Н. Л. Гранат, Г. Ф. Горского, Л. М. Карнеевой, С. Г. Любичева, И. И. Карпеца, В. И. Комиссарова, Л. Д. Кокорева, Д. П. Котова, Т. Н. Москальковой, С. М. Прокофьевой, М. С. Строговича и многих других ученых, чтобы уголовно-процессуальная деятельность не превращалась в репрессивный механизм государства, а в ходе производства по уголовным делам соблюдались и охранялись права и свободы личности.

Список литературы

1. Алиев Б. А-О. Тактико-криминалистическое содержание антитеррористической операции, проводимой в рамках уголовного преследования // Российский следователь. 2020. № 7. С. 3–8.

2. Антонов И. А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика) : дис. … докт. юрид. наук : 12.00.09. СПб., 2005. 429 с.

3. Баринов С. В. Особенности производства следственных действий начального этапа расследования преступных нарушений неприкосновенности частной жизни // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 136–142.

4. Баркалова Е. В. Тактика производства следственных действий на последующем этапе расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Российский следователь. 2018. № 12. С. 12–16.

5. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. 656 с.

6. Воткин В. А. Ситуационные особенности тактики разыскных и следственных действий, направленных на установление лиц, совершивших разбойное нападение на Северном Кавказе // Российский следователь. 2017. № 8. С. 3–6.

7. Карнеева Л. М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования : учебное пособие. Волгоград, 1976. 141 с.

8. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе : учебное пособие. Волгоград : ВСШ, 1988. 652 с.

9. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности: Законность и обоснование. М. : Юрид. лит., 1971. 133 с.

10. Карнеева Л. М. Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в советском уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.00. М., 1955. 16 с.

11. Карнеева Л. М.Привлечение в качестве обвиняемого : методическое пособие. М. : Госюриздат, 1962. 93 с.

12. Кони А. Ф. Из воспоминаний и заметок судьи. СПб., 1905.

13. Морозов И. Н. Технологии против терроризма. М. : Олма-ПРЕСС, 2003. 253 с.

14. Толстухина Т. В., Светличный А. А., Шервани Э. Н. К. Актуальные проблемы организации и проведения допроса при расследовании контрабанды наркотических средств в Республике Ирак // Российский следователь. 2020. № 1. С. 69–73.

15. Шурухнов Н. Г. Некоторые особенности расследования преступлений осужденных, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 1. С. 6–10.

Валов С. В.[1],
старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

СПОСОБЫ И ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Одним из важных вопросов, разрешаемых субъектами управления следственными органами (независимо от их ведомственной принадлежности) при реализации функции организации, является определение способа и формы организационного обеспечения производства предварительного следствия по находящимся в производстве уголовным делам о конкретных видах (категориях, родах) преступлений, совершаемых на территории обслуживания.

Соответствующий оперативной обстановке и принципам организационного проектирования способ организационного обеспечения производства предварительного следствия по уголовным делам о конкретных видах (категориях, родах) преступлений во многом предопределяет результативность, качество и своевременность восстановления нарушенных прав и свобод личности и публичных интересов. Принимая решение о способе организационного обеспечения, начальник (руководитель) следственного органа устанавливает связь между спецификой процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу (группе уголовных дел) и различными (профессиональными и личными, морально-деловыми) характеристиками подчиненных ему сотрудника или сотрудников.

В отличие от способов организационного обеспечения функции предварительного следствия [1, с. 236–238] управленческие решения принимаются непосредственно руководителями следственных органов или руководителями территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти, в состав которых входят следственные органы.

Организационное обеспечение производства предварительного следствия по уголовным делам – это осуществляемое на основе облаченного в правовую форму управленческого решения создание новых или преобразование уже существующих временных или постоянных организационно-штатных подразделений следственных органов или определение в них категорий должностных лиц, уполномоченных на постоянной или временной основе производить в соответствии с УПК РФ предварительное следствие по уголовным делам об отдельных подследственных им видах (категориях, родах) преступлений и выполнять иные связанные с ним функции.

Способ организационного обеспечения – это определенная совокупность действий руководителей следственных действий, последовательно выполняемая ими для решения задачи оптимального распределения обязанностей между подчиненными при производстве ими предварительного следствия по уголовным делам, находящимся в их производстве.

---

[1] © Валов С. В., 2022.

Форма организационного обеспечения – это внешнее выражение организационных связей между исполнителями и объемом (участком) процессуальной деятельности, установленных руководителем следственного органа в результате принятия и (или) реализации управленческого решения. Видовое разнообразие форм одного и того же способа организационного обеспечения обусловлено применением различных критериев (оснований) для разделения (дифференциации) и объединения (интеграции) труда (потенциала) исполнителей в следственном органе (органах).

Результаты анализа нормативных правовых актов и сложившейся практики управления следственными органами позволяют утверждать, что субъекты управления используют три основных способа организационного обеспечения производства предварительного следствия, а именно:

1) установление специализации следователей на расследовании уголовных дел об отдельных видах (родах, категориях) преступлений;

2) создание временных организационно-штатных образований, объединяющих потенциал подчиненных для производства предварительного следствия по уголовному делу (делам) в случае его сложности или большого объема (следственные группы, следственные бригады);

3) образование в составе следственного органа (от отделения и выше) самостоятельных подразделений (групп, отделений, отделов), организационно объединяющих в себе должностных лиц, выполняющих однородные функции.

При выборе способа организационного обеспечения субъект управления учитывает следующие факторы:

1) объемы процессуальной деятельности подчиненных: число находящихся в их производстве уголовных дел в определенный календарный период;

2) степень сложности расследуемых следователями уголовных дел;

3) организационно-правовые форму и размеры следственного органа (группа, отделение, отдел, управление);

4) требования вышестоящих субъектов управления к способу обеспечения производства предварительного следствия по уголовным делам об определенном виде (роде, категории) преступлений;

5) оперативные и тактические задачи, стоящие перед следственным органом, действующим в конкретных условиях оперативной обстановки;

6) иерархический уровень, занимаемый возглавляемым подразделением в системе следственных органов.

Специализация [от лат. *specialis* – «особый»] в самом общем виде означает приобретение особых знаний, умений и навыков в какой-либо области человеческой деятельности или сосредоточение субъекта деятельности на каком-либо занятии, специальности.

Практика управления следственными органами знает несколько видов специализации субъектов процессуальной деятельности. В зависимости от того, какой критерий (вид или место совершения преступления) берется во внимание, выделяют следующие виды специализации: 1) линейную; 2) зональную; 3) линейно-зональную или смешанную.

Линейная специализация представляет собой возложение на следователя обязанностей по производству предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях определенного вида. В качестве видового критерия могут использоваться различные элементы состава преступления (родовой, видовой, непосредственный объект преступления; субъект преступления).

Зональная специализация предусматривает определение объемов процессуальной деятельности следователей в зависимости от места совершения преступления в пределах территории, на которую распространяется юрисдикция следственного органа. Указанный вид специализации востребован в следственных органах, обслуживающих два и более самостоятельных административно-территориальных образования.

Линейно-зональная форма распределения обязанностей между следователями предполагает поручение им производства предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях конкретного вида, совершенных на определенном участке обслуживаемой территории. Данная форма позволяет увязать разнообразие и количество совершаемых на обслуживаемой территории преступлений с численностью личного состава, более гибко перераспределять нагрузку между сотрудниками, обеспечивать их взаимозаменяемость.

По характеру устойчивости связи между конкретным сотрудником и закрепленным за ним направлением процессуальной деятельности выделены следующие виды специализации: 1) основная; 2) дополнительная; 3) резервная. *Основная* специализация предусматривает выполнение следователем своих обязанностей постоянно или преимущественно на закрепленной за ним линии или в зоне. *Дополнительная* специализация возлагается на следователя в порядке взаимозаменяемости в случае отпуска, болезни и иных периодов временного невыполнения обязанностей по должности другим сотрудником, а также при перераспределении нагрузки в заранее определенные периоды (например, с учетом сезонных колебаний преступности). *Резервная* специализация вводится при прогнозируемой угрозе возникновения определенных обстоятельств (например, в особых условиях) или вероятности совершения преступлений определенного вида, а также для обеспечения готовности следователя к расследованию преступлений, которые могут совершаться в будущем.

Следственная группа – это предусмотренный уголовно-процессуальным законом способ организационного обеспечения производства предварительного следствия, предназначенный для объединения в ходе расследования конкретного уголовного дела (группы дел) потенциала должностных лиц следственных органов, уполномоченных выполнять одинаковый для них вид государственной деятельности (производить предварительное следствие). Следственная группа создается посредством вынесения руководителем следственного органа процессуального решения – постановления вместе с решением о возбуждении уголовного дела или отдельно от него (п. 38.1 ст. 5, ч. 2 ст. 163 УПК РФ).

Законодательная формулировка о возможности поручения производства предварительного следствия нескольким следователям в методической литературе трансформировалась в производство группой следователей [2]. Полагаем, что такое наименование временного организационного объединения сотрудни-

ков следственных органов снимает любые вопросы относительно введения в его состав сотрудников иных органов и подразделений, позволяет достаточно определенно отграничить его от следственно-оперативной группы.

Следственная группа отражает установленные *процессуальным* решением организационные связи между лицами, выполняющими *общий* для них *вид процессуальной деятельности* (предварительное расследование в форме предварительного следствия), а следственно-оперативная группа – это форма организационных связей, установленных *административным* решением между должностными лицами, выполняющими в процессе взаимодействия *разные виды правоохранительной и (или) вспомогательной деятельности* и объединенных для немедленного реагирования на сообщения о преступлениях или для достижения общей цели в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Профессор Л. М. Карнеева была одной из первых, кто разрабатывал методические основы группового метода организации производства предварительного следствия. Ее соавтором выступал И. С. Галкин – первый руководитель следственного управления МООП РСФСР, в прошлом – начальник отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Прокуратуры СССР. Разработанные ими рекомендации о применении руководителями следственных органов группового метода расследования нашли отражение в «Руководствах для следователей» [3, с. 85–88; 4, с. 95–102].

Наиболее существенными научными положениями, полагаем, являются: особенности организации работы группы следователей на разных этапах расследования; обоснование признаков дифференциации работы между членами группы (версия, объект, эпизод, субъект); выделение резерва для тактического маневрирования группой в условиях неопределенности; разработка инструментария управления группой и организации информационного обмена между членами группы (лицевые счета фигурантов, карточки эпизодов, схемы, «шахматки», банки данных важнейших процессуальных документов и др.). Значительная часть приведенных рекомендаций может применяться и в настоящее время при производстве предварительного следствия.

Следственные группы по признаку организационной принадлежности их членов подразделяются на организационные объединения следователей: а) одного ведомства; б) разных следственных органов (бригады); в) следственных органов разных государств.

По признаку принадлежности сотрудников к определенному иерархическому уровню организационной структуры в системе следственного органа следственные группы делятся на *ординарные* (из сотрудников органа на одном иерархическом уровне следственного органа) и *диспаритетные* (из сотрудников органов, находящихся на разных иерархических уровнях).

По признаку сплоченности связей между членами группы выделяем: *концентрированные*, действующие в одном месте и решающие общую задачу, и *дивизиональные группы*, объединяющие подгруппы, концентрированные по определенному признаку (версия, место, объект, лицо, группа, способ, эпизод).

В ряде случаев устанавливаются правила формирования следственных групп. Так, в МВД России запрещено привлекать в состав следственных групп

руководителей территориальных следственных органов любого уровня, а также сотрудников с опытом работы менее трех лет по расследуемой категории преступлений. Инициаторы создания следственных групп на федеральном, межрегиональном и окружном уровнях должны согласовать свое решение с руководством Следственного департамента МВД России и начальниками региональных следственных органов (доноров) в пределах 0,8 % от общей штатной численности органа в субъекте Российской Федерации.

Сотрудники, выполняющие сходные служебные обязанности, для удобства организации их работы объединяются в *специализированные подразделения* по направлениям деятельности. В качестве признака, положенного в основу объединения, берутся характеристики деятельности (управленческая, процессуальная); объект преступного посягательства (против личности, собственности и др.), характер расследуемой преступной деятельности (организованная), вид территории обслуживания (территория юрисдикции).

Видовой состав субъектов принятия решения обусловлен степенью самостоятельности следственного органа в системе государственных органов. В СК России решения принимаются руководителями региональных следственных органов, в МВД России – начальниками территориальных органов внутренних дел по субъектам Российской Федерации.

В системе МВД России на районном уровне (от отделения и выше) в составе следственного органа разрешается создавать самостоятельные подразделения (группы, отделения, отделы), специализирующиеся на расследовании отдельных видов преступлений, совершенных на обслуживаемой территории. Допускается зональная и видовая специализация подразделений, количество и наименование которых определяются организационными размерами следственного органа и приоритетными направлениями деятельности [5; п. 2.2, приложения № 8, 9].

В следственном управлении на том же уровне (с учётом его численности) могут быть созданы три типа специализированных подразделений: 1) следственная часть по расследованию организованной преступной деятельности (*специализация по субъекту*), состоящая из отделов (отделений) по расследованию преступлений в зависимости от приоритетных направлений деятельности; 2) подразделения для расследования преступлений общеуголовной направленности (*видовая специализация*); 3) подразделения по расследованию преступлений на обслуживаемой территории (*зональная специализация*) [5; п. 2.3, приложение № 9].

При формировании организационной структуры органов (подразделений) должны учитываться типовые структуры, типовые штатные расписания, нормативы штатной численности, возложенные на орган (подразделение) задачи и функции, объемы служебной (процессуальной) деятельности, а также необходимость строжайшей экономии государственных ресурсов.

При необходимости создания нового подразделения или изменения состава существующего органа его руководитель обязан в предложениях, адресованных начальнику (руководителю) вышестоящего органа, рассчитать требуемую штатную численность с учетом функций будущего подразделения и должностных обязанностей сотрудников, входящих в его состав; планируемого объема процессу-

альной и служебной деятельности и примерных нагрузок на сотрудников, оценить возможности перераспределения (выделения) необходимой штатной численности. Предложение может быть изложено в форме рапорта, докладной записки, справки информационного или аналитического содержания, акта или заключения.

Управленческие решения о создании (реорганизации, ликвидации) органа (подразделения) издаются в форме приказа, носят организационно-распоря–дительный характер и разрешают комплекс правовых, имущественных, финансовых, материально-технических, кадровых и иных вопросов.

Положения о подразделениях, входящих в состав следственного управления (отдела, отделения), утверждает начальник следственного органа территориального органа МВД России на районном уровне, в СК России – руководитель регионального следственного органа.

Процесс создания подразделений в следственных органах завершается разработкой должностных инструкций (должностных регламентов), закрепляющих распределение обязанностей между штатными должностями, подбором кандидатов на соответствующие должности, их назначением и поручением им выполнения возложенных на них обязанностей.

Создание таких подразделений способствует повышению управляемости органа в целом, снижает затраты на решение однотипных проблем. Вместе с тем дивизиональная или территориальная дифференциация органа требует от руководителя следственного органа разработки и реализации мероприятий, обеспечивающих единство служебного коллектива, укрепление организационных связей между сотрудниками и подразделениями.

Знание руководителями следственных органов способов, форм и принципов организационного обеспечения расследования уголовных дел об отнесенных к подследственности следователей преступлений помогает им в условиях конкретной оперативной обстановки рационально распределять силы и средства, комбинировать имеющиеся возможности и направлять усилия для достижения поставленной цели и решения задач, стоящих перед следственными органами.

Список литературы

1. Валов С. В. Понятие и способы организационного обеспечения функции предварительного следствия // Следствие в России: три века в поисках концепции : материалы научно-практической конференции. М., 2017. С. 236–238.

2. Карнеева Л. М. Галкин И. С. Расследование преступлений группой следователей. М., 1965. 73 с.

3. Руководство для следователей. М. : Юридическая литература, 1971. 749 с.

4. Руководство для следователей : в 2 ч. Ч. 1. М. : Юридическая литература, 1981. 909 с.

5. Приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.10.2021).

Власова Н. А.[1]*,*
главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5
по исследованию проблем расследования преступлений
органами предварительного следствия и дознания
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

Тема сегодняшней конференции «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития» как нельзя кстати. Несмотря на то, что на протяжении 20 лет в УПК РФ вносятся многочисленные изменения и дополнения, в нем до сих пор немало пробелов, коллизий, не разрешены многие проблемы, возникающие на практике при применении.

Все это предполагает не только внесение в УПК РФ новых поправок, но и разработку научно-обоснованной стратегии развития уголовно-процессуального законодательства в целях повышения его эффективности.

В научной среде многие из существующих проблем неоднократно обсуждались, обосновывались законодательные и концептуальные предложения по их разрешению. В данном выступлении постараюсь обозначить некоторые из них. Ввиду того, что формат тезисов доклада не дает возможности глубоко и со всей полнотой аргументировать нижеперечисленные тезисы, по тексту даются ссылки на работы, в том числе и автора, где имеется их более подробное обоснование.

1. В соответствии ч. 3 ст. 1 УПК РФ «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью *законодательства* Российской Федерации…».

Такое утверждение не соответствует теории права и противоречит Конституции Российской Федерации, в ч. 4 ст. 15 которой провозглашено, что «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее *правовой системы*». На это же обращает внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 10 октября 2003 г. (в ред. от 5 марта 2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Законодательство Российской Федерации и ее правовая система – далеко не одно и то же.

Поэтому редакцию ч. 3 ст. 1 УПК РФ необходимо привести в соответствие с Конституцией Российской Федерации, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации и теорией уголовного процесса.

2. Следует поддержать предложения ученых о наделении свидетельским иммунитетом, кроме указанных в п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, родственников, круг которых определен п. 37 ст. 5 УПК РФ. Часто родственники обвиняемого, подозреваемого не могут дать показания против них, поскольку их связывают

[1] © Власова Н. А., 2022.

дружеские, близкие отношения не только с ними, но и с их родителями, братьями, сестрами, детьми и т. п.; близких лиц (п. 3 ст. 5 УПК РФ), которые не являются родственниками обвиняемого, подозреваемого, но которые дороги свидетелю в силу сложившихся личных отношений. Такими близкими друг другу людьми являются гражданские супруги, жених, невеста и др., опекуны, попечители. Последние нередко являются родственниками подозреваемого, обвиняемого, но даже если это не так, между ними, как правило, складываются теплые семейные отношения, поскольку опекун или попечитель заменяет родителей или других близких родственников [7, с. 131; 12, с. 69].

3. К сожалению, не все участники уголовного судопроизводства имеют свой процессуальный статус, т. е. фактически не признаются участниками процесса. Например, такие из них, как адвокат, оказывающий юридическую помощь свидетелю [5, с. 28–54], секретарь судебного заседания, залогодатель, поручитель лишь упоминаются в отдельных статьях УПК РФ, но их права и обязанности не регламентированы. Это является препятствованием для отстаивания ими своих законных интересов.

4. В законе не урегулирован вопрос об оплате труда адвоката, оказывающего юридическую помощь свидетелю. Предполагается, что это должен делать сам свидетель. Однако в силу разных причин не каждый может воспользоваться своим правом на приглашение адвоката. Определенные обстоятельства, например, неплатежеспособность свидетеля; невладение языком судопроизводства; несовершеннолетие, поступление угроз о применении насилия, уничтожении имущества и т. п. в отношении свидетеля или его близких, дают основание для оплаты труда адвоката за счет судебных издержек.

Но пока адвокат, приглашаемый свидетелем, не будет введен в уголовный процесс в качестве участника судопроизводства, этот вопрос разрешить невозможно. В п. 5 ч. 2 ст. 131 УПК РФ упоминается адвокат, участвующий в уголовном судопроизводстве *по назначению*, которому выплачиваются суммы, относящиеся к судебным издержкам. Но в данном случае все-таки речь идет об адвокате-защитнике, поскольку именно его следователь *назначает* в качестве защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов (ч. 4 ст. 50 УПК РФ).

5. Теория уголовного процесса выделяет две неразрывные стороны понятия доказательств – информационную и формальную, т. е. сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, и их источники, под которыми понимается процессуальная форма сохранения и передачи полученной информации.

Кстати, одним из основоположников теории доказательств и разработки ее основных понятий являлась Лидия Михайловна Карнеева, чей столетний юбилей пришелся на этот год [8; 9; 10].

Однако действующий УПК РФ теоретическое понятие доказательств не закрепил. В ч. 1 ст. 74 УПК РФ дана только первая часть определения (информационная составляющая): доказательства – это любые сведения, о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ фактически перечислены *источники* (про-

цессуальная форма) доказательств, но они почему-то также называются *доказательствами* [3, с. 55–56].

На эту коллизию указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 5 марта 2004 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В результате были внесены изменения в п. 6 ч. 1 ст. 225 и п. 5 ч. 1 ст. 220 УПК РФ Федеральным законом от 9 марта 2010 г., но ч. 2 ст. 74 УПК РФ так и осталась в прежней редакции.

6. В соответствии со ст. 122 УПК РФ как в случае удовлетворения ходатайства участника уголовного процесса, так и в случае отказа в его удовлетворении обязательно должно быть вынесено мотивированное постановление. И в то, и в другое постановление может быть обжаловано в установленном законом порядке. Вопреки этому ч. 3 ст. 159 УПК РФ обязывает выносить постановление лишь в случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства, которое и может быть обжаловано в соответствии с ч. 4 ст. 159 УПК РФ.

Для единообразного применения закона данную коллизию необходимо устранить [2, с. 47].

7. В случае совершения преступления капитаны морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании; руководители геолого-разведочных партий или зимовок; начальники российских антарктических станций или сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания; главы дипломатических представительств или консульских учреждений Российской Федерации обязаны возбудить уголовное дело и произвести неотложные следственные действия (ч. 3 ст. 40 УПК РФ). В соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК РФ прокурор незамедлительно уведомляется указанными лицами о начатом расследовании, а постановление о возбуждении уголовного дела передается прокурору сразу же при появлении для этого реальной возможности. Прокурор вправе своим постановлением отменить постановление о возбуждении уголовного дела, если признает его незаконным или необоснованным.

Однако в случае производства неотложных следственных действий необходимо, на мой взгляд, прекратить уголовное дело, поскольку расследование уже реально производилось. Сложность состоит в том, что ни прокурор, ни должностные лица, указанные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ не наделены правом прекращения уголовного дела. Представляется, что этот вопрос должен быть разрешен в законодательном порядке [4, с. 217].

8. Статья 165 УПК РФ регламентирует судебный порядок получения разрешения на производство *следственного* действия. Между тем, в указанной статье речь идет также о наложении ареста на имущество (ч. 1 и 5) и о реализации, об утилизации или уничтожении вещественных доказательств (ч. 1, 3), которые следственными действиями не являются. Тем не менее, в ч. 3 ст. 165 УПК РФ реализация, утилизация или уничтожение вещественных доказательств называется следственным действием, что не соответствует закону. Также в ч. 3 включено такое процессуальное действие, как передача безвозмездно либо реализация вещественных доказательств, указанных в подп. «в» п. 9 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, но в перечне ч. 1 ст. 165 УПК РФ этого действия нет.

Представляется, что ст. 165 УПК РФ необходимо привести в соответствие с коррелирующими нормами УПК РФ. Правила получения судебного решения о производстве указанных процессуальных действий и меры процессуального принуждения логичнее разместить в тех разделах УПК, где они регламентируются.

9. Сейчас в уголовном судопроизводстве существует две одинаковые формы предварительного расследования, которые называются по-разному – предварительное следствие и дознание.

Попытка при подготовке УПК РФ 2001 г. создать сокращенную форму расследования, кардинально отличающуюся от предварительного следствия, была абсолютно неудачной. На практике существенные недостатки нового дознания привели к тому, что оно фактически не работало: порядка 60 % уголовных дел дознаватели передавали в следственные подразделения [1, с. 199].

В связи с этим законодатель был вынужден внести в 2003–2018 гг. значительное число изменений в гл. 32 УПК РФ, в результате чего дознание вновь превратилась в предварительное следствие.

Те немногочисленные отличия, которые остались – непредъявление обвинения в 10-дневный срок после избрания в отношении подозреваемого меры пресечения; формулирование впервые обвинения в обвинительном акте по окончании дознания; «подмена» постановления о привлечении в качестве обвиняемого «уведомлением о подозрении», – влекут нарушение правил и принципов, установленных Конституцией Российской Федерации и общей частью уголовно-процессуального права (например, обеспечение права на защиту, поскольку до окончания дознания подозреваемый лишен возможности защищаться от обвинения).

Связано это с тем, что законодатель, понимая, что разные формы расследования должны хоть чем-то отличаться друг от друга, создает противоестественные, безосновательные различия, поскольку невозможно регламентировать две идентичные по существу формы расследования по-разному.

Прежде всего, они должны отличаться по своим целям, задачам и внутреннему содержанию, а внешние, формальные признаки должны им соответствовать.

Дознание в континентальном уголовном процессе заключалось в производстве первичных следственных действий для установления события преступления, розыска лица, его совершившего и закрепления доказательств, необходимых на последующих стадиях [6, с. 14]. По Судебным уставам 1864 г. российское дознание было аналогичным [11, с. 100–129].

В настоящее время как раз в этом состоит такая форма расследования, как производство неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ), задачами которой являются обнаружение и закрепление доказательств, а также установление лица, совершившего преступление, создание условий для производства предварительного следствия. Собственно, эта форма производства, радикально отличающаяся от следствия, должна называться дознанием, что соответствовало бы ее происхождению и сути. Разумеется, это дознание нуждается в новой регламентации.

Возникновение же дознания в форме полного расследования – феномен неестественный и нежизнеспособный. Его появление в 1923 г. было вызвано кад-

ровыми и управленческими трудностями в следственных аппаратах. Дознание в полной форме не имеет веских оснований для существования.

Несомненно, представленные автором инициативы носят далеко не исчерпывающий характер. Они ориентируют на дальнейшее научное осмысление и подготовку законодательных предложений.

Список литературы

1. Власова Н. А. Дознание в форме полного расследования: достаточно ли оснований для его существования? // Юридический форум : межвузовский сборник научных трудов. М. : Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ), 2016. С. 92–99.

2. Власова Н. А. Заявление и разрешение ходатайств в ходе предварительного расследования // Государство и право. 2006. № 4. С. 41–47.

3. Власова Н. А. Перечень доказательств – это краткое изложение сведений, содержащихся в том или ином источнике // Российская юстиция. 2003. № 9.

4. Власова Н. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской федерации: год правоприменения и преподавания : сборник материалов международной научно-практической конференции (МГЮА, 27–28 октября 2003 г.). М. : МГЮА, 2004. 334 с.

5. Власова Н. А., Брежнева М. Ю. Участие адвоката в уголовном производстве для оказания юридической помощи свидетелю : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2009. 163 с.

6. Головко Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М. : Спарк, 1995. 194 с.

7. Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В. Обеспечение прав и законных интересов свидетеля при производстве по уголовному делу // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 129–134.

8. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе : учебное пособие. Волгоград : Высш. следств. шк. МВД СССР, 1988. 652 с.

9. Карнеева Л. М. Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький : ГВШ МВД СССР, 1977. 44 с.

10. Карнеева Л. М., Кертэс И. Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству. М. : Юридическая литература; Будапешт : Кезгаздашаги эш Йоги, 1985. 136 с.

11. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года : теоретическое и практическое руководство. Ч. 2. Санкт-Петербург : типография Ф.С. Сущинского, 1866–1870. 22 с.

12. Шигуров А. В. Направления совершенствования института свидетельского иммунитета в российском уголовном процессе // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 2 (5). С. 66–72.

Григорьева Н. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доцент Департамента международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

Прохорова Е. А.[2],
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Угольникова Н. В.[3],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института
кандидат юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ «ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Вопросы доказательств и доказывания в системе механизма защиты прав и свобод человека гражданина в уголовном судопроизводстве занимают центральное место.

Доказательства в уголовном процессе бывают весьма разнообразны, как и способы их собирания и закрепления. Институт оценки доказательств представляет особый интерес, поскольку в процессе доказывания оценка выступает его заключительным элементом, влекущим за собой процессуальное решение. В основу приговора могут быть положены только доказательства, прошедшие обязательную объективную оценку. Именно от правильной оценки доказательств зависит законность и обоснованность всех принимаемых в уголовном процессе решений и как следствие уменьшение следственно-судебных ошибок.

Оценка доказательств всегда интересовала ученых. Профессор Л. М. Карнеева посвятила не один свой научный труд данному вопросу. В одной из своих работ Лидия Михайловна пишет: «Оценка доказательств – всегда мыслительная деятельность, логическая операция, выражающаяся в оценочных суждениях» [1, с. 23].

В период научного творчества профессора Л. М. Карнеевой основные взгляды ее современников на определение оценки доказательств следующие.

Согласно позиции П. Ф. Пашкевича, «оценить доказательства, значит определить, насколько точно установлено каждое из них, в какой взаимосвязи с де-

[1] © Григорьева Н. В., 2022.
[2] © Прохорова Е. А., 2022.
[3] © Угольникова Н. В., 2022.

лом и другими доказательствами оно находится, какой именно факт, имеющий значение для дела, оно устанавливает или опровергает и что означают в совокупности все собранные по делу доказательства».

По мнению Н. А. Якубович, оценка доказательств – это «основанное на фактических обстоятельствах дела и проверенное в ходе практической деятельности следователя суждение о степени достоверности и значении доказательств, позволяющее следователю в конечном счете прийти к выводу о виновности или невиновности лица, привлеченного к уголовной ответственности, и решить вопрос о достаточности данных для направления дела в суд».

Е. А. Доля полагал, что оценка доказательств, являясь исключительно рациональным познанием, направлена на установление истины по делу. Схожая позиция и у А. Р. Белкина, который писал, что «оценка доказательств – это логический, мыслительный процесс определения роли и значения собранных доказательств для установления истины».

В соответствии с суждениями В. Д. Арсеньева оценка доказательств представляет собой «душу» доказывания уголовного процесса вследствие того, что оценка доказательств способна образовывать конкретные заключения согласно доказательствам по признанным аспектам. На взгляд М. С. Строговича, «оценка доказательств является итогом его проверки и состоит в признании существования или не существования того факта, который этим доказательством устанавливается» [2, с. 59].

С развитием уголовно-процессуальной теории и практики, вопросы оценки доказательств не теряют своей актуальности.

Исследование правового института, посвященного вопросам оценки доказательств по уголовным делам, предполагает, в первую очередь определение сущностной характеристики рассматриваемого правового явления. Отметим, что до настоящего времени дискуссии о понятии оценки доказательств не утихают на страницах юридической печати. Данный факт свидетельствует об отсутствии достаточной сформированности правового регулирования в части представления о данном феномене.

Положения уголовно-процессуального законодательства, раскрывающие оценку доказательств, представлены рядом правовых норм. В частности, ст. 88 УПК РФ определяет место данного элемента в системе доказывания и устанавливает, что оценка выступает завершающим этапом формирования доказательства.

Статья 17 УПК РФ представляет оценку доказательств через призму принципа свободы оценки доказательств, который показывает важную взаимосвязь доказывания с фундаментальными началами уголовного судопроизводства. Свобода оценки доказательства заключается в том, что ни одно из лиц, осуществляющих оценку доказательств, не имеет право руководствоваться оценкой какого-либо другого лица, либо же перекладывать свою обязанность по оценке доказательств на другого человека.

Вместе с тем положения законодательства не устанавливают легальной дефиниции «оценка доказательств», равно как не определяют критерии, черты и особенности осуществления оценки доказательств различными субъектами права.

Словари раскрывают понятие оценки через деятельность («определение цены», «установление качества» и т. д.) или результат («мнение», «суждение» и т. д.), что в уголовном судопроизводстве при определении понятия «оценка» предопределяет взаимосвязь, с одной стороны, процессуальной деятельности уполномоченных лиц, а с другой стороны, итог этой деятельности.

Современное видение оценки доказательств определяется как совокупность процессов мышления, при котором с помощью применения логики делается вывод о наличии у доказательства свойств относимости, достоверности, допустимости, а в совокупности – достаточности для подтверждения обстоятельств, являющихся предметом доказывания.

Ряд авторов рассматривает оценку как «…итог мыслительной деятельности» и определяет постановление приговора в качестве итога оценки собранных по делу доказательств. Другие оценку доказательств отождествляют со «стандартами доказанности», не поясняя значение последнего [2, с. 59].

Несмотря на многообразие подходов к определению оценки доказательств, авторы указывают на три основные элемента 1) правовой, 2) логический (мыслительный), 3) психологический.

Как отмечает О. А. Безгласная, оценка доказательств представляет собой синтез правовых вопросов со сложными проблемами правопонимания, психологии, логики и пр. Именно верная оценка имеющихся сведений является основой для принятия по делу обоснованного решения [3, с. 65].

По нашему мнению, оценка доказательств – не только правовая сторона вопроса, оценка основана также на мышлении. Соответственно, деятельность по оценке доказательств, осуществляемая субъектами доказывания, логично приводит к процессуальному результату, итогу. Следовательно, в отличие от собирания и проверки, оценка доказательств представляет единство двух аспектов – правового и логического. В связи с чем позиция Ю. Г. Торбина о наличии «юридически значимой оценки доказательств», а не только как исключительно мыслительной деятельности заслуживает внимания [4, с. 222].

Подводя промежуточные итоги, можно с уверенностью сказать о том, что традиционно понятие оценки в российском праве связано с доказательствами.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о соотношении категорий оценки как элемента доказывания с оценкой доказательств. Анализ положений законодательства и правоприменительной практики показывает и доказывает, что необходимость проведения оценки присутствует и при исследовании сведений, которые еще не приобрели статус доказательств, например, данные, полученные до возбуждения уголовного дела.

Аргументом в пользу того, что оценка как элемент доказывания несколько шире, чем оценка доказательств, также служит правовая возможность использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности, (ст. 89 УПК РФ), только при условии их соответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Таким образом, в рамках уголовного судопроизводства оценивают не только доказательства, но и любые сведения. Оценку в структуре доказывания следует рассматривает с учетом ее распространения на сведения, которым еще предсто-

ит получить статус доказательства, но к которым должны быть применимы критерии свойств доказательств, от наличия которых зависит их статус в конкретном уголовном деле.

Изучение оценки доказательств направлено не только на формирование представления о сущности юридически значимой оценки доказательств во внешнем проявлении. Не менее важным представляется анализ внутренней структуры оценки доказательств.

Тесная взаимосвязь между такими компонентами, как наделенный властными полномочиями субъект, предмет, на который направлена мыслительная деятельность и процессуальный результат, позволяет включить в структуру оценки три основных элемента: субъект оценки, предмет оценки и результат.

Довольно дискуссионным является вопрос о круге субъектов оценки доказательств, включающий, по мнению И. В. Копейкиной, как минимум два противоположных подхода [5, с. 23].

Первый подход обусловлен сужением круга субъектов оценки доказательств, акцент делается на суд, который осуществляет оценку всей совокупности собранных по делу доказательств при разрешении его по существу.

Второй подход расширяет круг субъектов оценки доказательств за счет лиц, осуществляющих предварительное расследование и прокурора. Отметим, что необходимость оценки доказательств в ходе предварительного расследования, указанными должностными лицами, не только обусловлена возможностью принятия ими решений, которые связаны с существенным ограничением конституционных прав участников досудебного производства, но и установлена уголовно-процессуальным законом.

Мыслительная деятельность стороны защиты не приводит к принятию ими процессуального решения. Следовательно, оценка доказательств участником со стороны защиты не имеет прямых юридических последствий, например, для признания доказательства недопустимым, но может служить поводом для принятия такого решения.

Соответственно, субъектами оценки доказательств в пределах своих процессуальных возможностей выступают должностные лица, наделенные властными полномочиями.

В связи с этим предлагаем обеспечить соблюдение в процессе оценки доказательств баланса интересов обвинения и защиты в рамках состязательного уголовного судопроизводства.

В качестве предмета юридически значимой оценки выступают как отдельно взятые доказательства, так и их совокупность. При этом для определения доказательственного значения используются свойства относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

В настоящее время особое внимание необходимо обратить на такое свойство доказательств как допустимость, которое относится как к содержанию, так и к форме доказательств.

Оценка доказательств, осуществляемая в рамках уголовно-процессуальной деятельности, в итоге позволяет реализовать назначение уголовного процесса.

Результатом юридически значимой оценки доказательств является принятие процессуального решения, которое может быть связанно с судьбой доказательства (например, исключение доказательства по причине недопустимости) либо с правами и свободами участника судопроизводства (решение об избрании меры пресечения, обоснованное оценкой доказательств).

И здесь следует согласиться с профессором Л. М. Карнеевой о том, что в качестве основания процессуального решения выступает именно доказанность или недоказанность фактов и образуемых ими фактических обстоятельств [6, с. 5]. Таким образом, принимаемое по итогам оценки решение должно быть связано как с совокупностью обстоятельств, так и со степенью их исследования (углублением знания о них).

Список литературы

1. Карнеева Л. М. Доказательства и доказывание в уголовном процессе : учебное пособие. М. : УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994.

2. Быкадорова Е. В. Понятие и значение оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 6. С. 55–61.

3. Макеева И. В. Отдельные проблемы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Либерально-демократические ценности. 2021. Т. 5. № 1. С. 64–70.

4. Торбин Ю. Г. Доказывание как вид уголовно-процессуальной деятельности в уголовном судопроизводстве // Военное право. 2018. № 1 (47). С. 222–229.

5. Копейкина И. В. Оценка доказательств в уголовном процессе // Достижения науки и образования. 2020. № 13 (67). С. 23–25.

6. Карнеева Л. М. Проблемы доказывания в советском уголовном процессе и основание процессуальных решений // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процесса. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981 г. М., 1981. 91 с.

Заливин А. Н.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Рыжаков А. П.[2],
пенсионер МВД России,
кандидат юридических наук, профессор

СОЗДАНИЕ ЕЩЕ ОДНОГО ФАЙЛА НЕ «ПОРОЖДАЕТ» НОВОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

В наше время значительное число преступлений совершается в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В этом случае основными доказательствами становятся электронные носители информации. Поэтому сейчас их природа часто исследуется. Анализу подвергается институт электронных доказательств [3, с. 118–228; 6, с. 198–206].

Электронные носители информации могут фиксировать, на первый взгляд, одни и те же фактические данные. Их легко копировать и таким образом создавать несколько совершенно одинаковых файлов. Рассматриваемого рода файлы могут формироваться в ходе осмотра документов (предметов), представляться участниками уголовного судопроизводства, поступать по требованию следователя (дознавателя и др.). Их можно изъять в ходе обыска, выемки и некоторых других предусмотренных УПК РФ процессуальных, в том числе следственных, действий. Возникают вопросы: что в этом случае будет доказательством? Когда файл как носитель информации самостоятельным доказательством не является? Попробуем ответить на поставленные вопросы.

Что такое доказательство в уголовном процессе, авторы настоящей статьи пытались понять еще будучи слушателями ВУЗа МВД СССР, затем работая следователями в системе органов внутренних дел, а также обучаясь в адъюнктуре, и продолжили осмысливать названный правовой институт, преподавая учебную дисциплину «Уголовный процесс». Иногда не сознавая, с одной стороны, простоту, с другой, глубину и основательность заложенной доктором юридических наук, профессором Л. М. Карнеевой в определение доказательства идеи, бывало, считали более точной иную формулировку. Заявляли, что в уголовном процессе доказательство – это единство сведений, имеющих значение для уголовного дела, и их уголовно-процессуального источника [4, с. 23]. Повторяли устоявшуюся [1; 2, с. 56], как нам казалось, точку зрения.

Причем недальновидно полагали, что определение профессора Л. М. Карнеевой, где доказательством именуются «сведения о фактах, подлежащих доказыванию, полученные с помощью средств и способов, допускаемых законом» [5, с. 99], может привести к ситуации, когда данные разными лицами одинаковые показания будут расцениваться следователями (дознавателями и др.) как одно доказательство.

---

[1] © Заливин А. Н., 2022.
[2] © Рыжаков А. П., 2022.

Правильное понимание сути определения, автором которого являлась Л. М. Карнеева, заключается в сделанном акценте на сведения о фактах и на требовании к процедуре их получения. Как бы сведения ни были похожи, все равно у разных лиц, если, например, вести речь о показаниях, средства и способы получения таковых не одни и те же. Они различаются, как минимум, по времени и месту получения. Данные отличия позволяют утверждать, что это не одно и то же доказательство, не одни и те же «сведения о фактах».

Один из авторов настоящей статьи на семинарских занятиях предлагал студентам разрешить следующую задачу. Шесть очевидцев, сидя у подъезда, видели одно и то же. К примеру, как мужчина зашел в подъезд и через 15 минут вышел из него с объемной сумкой. В это время в одной из квартир была совершена кража. Студентам был задан вопрос: «Каким количеством доказательств располагает следователь, если у него есть шесть протоколов допросов с показаниями каждого свидетеля, которые отличаются друг от друга только сведениями о допрашиваемом лице и временем производства допроса?» Если студент говорил, что это одно доказательство, ему предлагалось после занятий сходить в магазин и попытаться доказать продавцу, что упакованный в пластиковую тару «Нарзан» – это одна, а не девять бутылок минеральной воды. Ведь содержание у всех бутылок одно и то же. Таким образом, все понимали, что в искомой ситуации следователь располагал, по меньшей мере, шестью показаниями свидетелей, т. е. шестью доказательствами.

Но ситуация изменилась. В настоящее время не составляет труда создать новый носитель информации путем простого копирования файла. Возможно, кто-то заявит, что в этом случае получается производное доказательство. Но оно ничем не отличается от первоначального. Это не ксерокопия фальшивой купюры, которая, безусловно, сохранит на себе меньше имеющей отношения к уголовному делу информации. Созданный путем копирования файл может отличаться от первоначального только временем формирования и (или) наименованием. С помощью специальных технических средств можно сделать так, чтобы на нем стало видно то, что не заметишь на первоначальном файле. В большинстве же случаев он идентичен тому, который копировался.

Если они идентичны по содержанию: что в этом случае является доказательством? Сколько в уголовном деле, в рассматриваемой ситуации, будет доказательств? Мы полагаем, что, если в указанных файлах сведения о фактах идентичны, причем если доказыванию не подлежит время, место, средства и (или) способы создания файла, в деле (материале проверки) имеется одно доказательство.

К высказанному утверждению нас привела именно точка зрения на понятие доказательства, которой придерживалась профессор Л. М. Карнеева. Настоящее время, когда носители электронной информации могут быть размножены до бесконечного количества экземпляров, показывает нам, что акцент, который преобладал в дефиниции выдающегося ученого, более точно отражает потребности современной практики.

Мы убеждены, что не будет десять различных доказательств, если имеется десять идентичных видео- (аудио-) файлов, которые отличаются лишь тем, что следователь (дознаватель и др.) дал им разное наименование и путем копирования такового сформировал его в другое время. Сколько бы файлов должностное

лицо органа предварительного расследования путем копирования ни изготовил, доказательство в деле будет одно – и таковым действительно станут определенные сведения о фактах, полученные с помощью средств и способов, допускаемых законом.

Следует уточнить, что могут быть доказательства, которыми подтверждаются одни и те же сведения о фактах. Однако это разные доказательства, если получены они с помощью не одинаковых средств и (или) способов. К примеру, содержание сайта, на котором незаконно используются объекты авторского права с целью сбыта, стоимостью более 100 000 руб. (при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 146 УК РФ), может быть зафиксировано следователем (дознавателем и др.) в ходе осмотра искомого сайта. Вместе с тем наличие сведений о том, что размещено на страницах сайта, не делает недопустимым носителем информации представленный в ходе, к примеру, допроса потерпевшим видеофайл просмотра им тех же страниц сайта. Во-первых, в любом случае это уже отличающееся по месту, времени, средствам и (или) способам получения сведений о факте доказательства. Во-вторых, такого рода фактические данные не будут идентичны. Они обязательно станут чем-то отличаться друг от друга.

Повторимся, что представление потерпевшим десяти одинаковых видеофайлов просмотра содержания страниц сайта, не «обогатит» материалы уголовного дела десятью доказательствами. Сколько бы в предложенной ситуации одинаковых файлов потерпевший ни представил, пусть под разным названием, в уголовном деле появится лишь одно доказательство.

Список литературы

1. Бортникова Н. А. Понятие «пределы доказывания» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.10.2021).

2. Власова Н. А. Перечень доказательств – это краткое изложение сведений, содержащихся в том или ином источнике // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 55–56.

3. Воронин М. И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 118–28.

4. Заливин А. Н., Рыжаков А. П. Наукой уголовного процесса расширены средства доказывания стадии возбуждения уголовного дела // Модель развития современной науки: материалы X (L) Международной научно-практической конференции по философским, филологическим, юридическим и педагогическим наукам (г. Горловка, 23–24 октября 2014 г.). Горловка : ФЛП Пантюх Ю. Ф., 2014.

5. Карнеева Л. М. § 3 Понятие доказательств и их источников. Классификация доказательств // Уголовный процесс : учебник для иностранных слушателей вузов МВД СССР. М. : Академия МВД СССР, 1989. 68 с.

6. Обидин К. В. Электронное доказательство: необходимый этап развития уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 198–206.

Золотухин Н. А.[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Кадатенко Е. П.[2],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Проблема установления истины в современном уголовном судопроизводстве остается на сегодняшний день весьма актуальной и обсуждаемой.

Безусловно, термин «истина» может рассматриваться в нескольких аспектах. Так, в словаре русского языка приводится следующая трактовка: «1. То, что соответствует действительности, действительное положение вещей; правда. 2. Верное отражение объективной действительности в сознании человека. 3. Положение, утверждение, суждение, установленное наукой, проверенное практикой, опытом» [10]. В философии под истиной понимают знание, соответствующее своему предмету, совпадающее с ним [5, с. 280]. То есть, исходя из обозначенных определений, возможно истину рассматривать как отражение реальной (объективной) действительности в сознании человека.

Следует отметить: именно в советском уголовном процессе было закреплено, что целью уголовного судопроизводства является объективная или материальная истина. Вот поэтому исторически сложилось, что установление истины может рассматриваться как цель доказывания в уголовном судопроизводстве, ведь истина служит основой для законного, обоснованного и справедливого расследования и принятия по нему обоснованного решения по существу.

Стоит вспомнить, концепция классического толкования истины (иначе, «теория корреспонденции») восходит к идеям греческих философов. Так, одним из родоначальников обозначенной теории был Платон, который указывал, что соответствие мыслей и высказываний действительности и есть истина.

Например, Г. В. Ф. Гегель как творец философии немецкого идеализма писал: «В обыденной жизни мы размышляем без особенной рефлексии, без особенной заботы о том, чтобы получилась истина. В обыденной жизни мы размышляем в твердой уверенности, что мысль согласуется с предметом, не отдавая себе в этом отчета, и эта уверенность имеет величайшее значение...», «истина есть объективное, и она должна служить руководящим правилом для убеждения всех людей» [1, с. 3].

И также отмечал, что «истина – это не бытие», – обозначает Гегель, – «они не одно и то же», «они абсолютно различны, но также нераздельны и неразделимы», и «каждое из них непосредственно исчезает в своей противоположности» <...> «Истина есть, следовательно, движение непосредственного исчезновения одного

[1] © Золотухин Н. А., 2022.
[2] © Кадатенко Е. П., 2022.

в другом: становление; такое движение, в котором они оба различны, но благодаря такому различию, которое столь же непосредственно растворилось» [2, с. 29–31].

Небезынтересно, что В. И. Ленин в своих трудах также анализировал обозначенный выше подход Г. В. Ф. Гегеля: «Истина есть процесс», «совокупность всех сторон явления, действительности и их (взаимо) отношения – вот из чего складывается истина» [3, с. 183, 178].

Исходя из вышеизложенного, и не оспаривая мнения философов, хотелось бы отметить, что истина при доказывании в современном уголовном судопроизводстве может быть интерпретирована в нескольких вариантах.

Так, например, Л. М. Карнеевой высказывалось мнение о том, что доказывание представляет собой процесс установления истины в уголовном судопроизводстве [6, с. 47].

Иное поддерживает Е. Б. Мизулина, указывая, что уголовный процесс – это «технологически устроенное образование, главным для которого является не цель, а результат и способы его достижения» [4, с. 74], что означает, что уголовный процесс направлен именно на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, а также на строгое соответствие закрепленной в уголовно-процессуальном законе процедуре по реализации этих прав и интересов, а вовсе не на установлении истины по преступлению.

Однако существует и третья позиция, высказанная П. А. Лупинской, согласно которой уголовно-процессуальный закон не ставит перед собой задачу в установлении истины по уголовному делу, но требует установить ее через совокупность определенных норм. Бесспорно, нельзя считать, что истина – это основная цель доказывания, поскольку уголовный процесс, являясь состязательным, наделяет каждую из сторон собственными стоящими перед ними задачами, а также определенными интересами, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.

Определенно, вопрос об установлении истины по уголовному делу является основным, ведь, как известно, любая деятельность человека направлена на достижение конкретной цели. Если посмотреть толковый словарь русского языка, видно, цель – это «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить» [8, с. 687]. Именно поэтому для уголовного судопроизводства установление объективной истины не будет являться целью расследования, а будет некой предпосылкой для принятий решений специально уполномоченными на то должностными лицами и государственными органами.

Следует напомнить, что ст. 6 УПК РФ закрепляет «Назначение уголовного судопроизводства», среди целей которого нет прямого указания на то, что при расследовании преступления необходимо установить истину, поскольку приоритет отдается защите прав и законных интересов личности. Однако достижение истины является условием при достижении целей и задач уголовного судопроизводства. Ведь установить истину по совершенному преступлению – значить доказать, что имело место преступное деяние; установить лицо, его совершившее; оградить личность от незаконного обвинения и проч. Только при достижении цели уголовно-процессуального доказывания – достижение объективной истины, можно при-

нять законное и обоснованное решение и реализовать назначение уголовного судопроизводства, при этом, не умаляя его нравственные начала.

Однако при расследовании любых преступлений на установление объективной истины, безусловно, оказывают влияние и субъективные причины (например, непрофессионализм должностных лиц; неверное восприятие той или иной информации; самооговор лица или же стремление скрыть следы преступного деяния) и личного восприятие человеком, что откладывает отпечаток на результат познания.

Нельзя не упомянуть не вызывающее сомнений высказывание Л. В. Головко: «спор об истине – это спор о векторе развития российского уголовного процесса, принцип материальной истины равновелик понятию континентального уголовного процесса в целом. И те, кто компетентно (а не по недоразумению) выступает против него, по сути, выступают против сохранения в России континентальных уголовно-процессуальных традиций» [7, с. 4.].

Существенные разногласия среди ученых-процессуалистов вызывает вопрос о содержании и характере истины. Н. В. Савельева справедливо отмечает, что необходимо понять, о какой истине идет речь при расследовании преступлений «Абсолютную или относительную истину удается достичь органам, осуществляющим предварительное расследование и суду?» и отмечает, что «некоторые юристы считают неуместным применять к результатам судебного познания категории абсолютной и относительной истины. Разграничение данных понятий применимо только в научном познании» [9, с. 9].

Например, М. С. Строгович в своих трудах описывал, что «материальная истина в уголовном процессе может быть только абсолютной истиной. В противном же случае она является необъективной истиной, а лишь догадкой, вероятное предположение, гипотеза, версия, которая не может ложиться в основу судебного приговора. В случае, когда суд установил истину, то она есть истина абсолютная. Объективная, материальная истина в уголовном процессе является истиной факта и по своей гносеологической природе она родственна «банальностям», «плоскостям», о которых говорили Ф. Энгельс и В. И. Ленин и которые являются абсолютными, «вечными», неизменными истинами» [11, с. 316].

Напомним, что при расследовании преступления необходимо установить обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ). Но, в зависимости от совершенного деяния, в ходе расследования уголовного делу могут устанавливаться не все обстоятельства в точном их соответствии с происходившим деянием, а только его наиболее важные обстоятельства. Иначе говоря, та истина, которая будет установлена в ходе уголовного судопроизводства, может быть и абсолютной, и относительной (с помощью чего раскрываются преступления, устанавливаются виновные, назначается наказание). Уголовно-процес–суальный закон не закрепляет обязанность органов предварительного расследования, а также суд, устанавливать все обстоятельства всего преступления в полном объеме, так как важны только те обстоятельства, которые допускают реализацию назначения уголовного судопроизводства в полном объеме, в том числе и разрешить задачи, стоящие перед правоохранительными органами. Вот именно поэтому познание о преступлении при расследовании уголовного дела

будет являться относительным, и как относительная истина является объективной и помогает достоверно воспроизвести события объективного мира.

В УПК РФ напрямую не закреплено, что целью доказывания является установление объективной истины, поскольку принцип всестороннего, объективного и полного исследования обстоятельств каждого уголовного дела, содержащийся в ранее действовавшем УПК РСФСР, был исключен.

Небезынтересна позиция А. И. Бастрыкина, который предложил вернуть в УПК РФ институт установления объективной истины: «в стороне от внимания разработчиков Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации остались некоторые традиционные институты уголовного судопроизводства, доказавшие свою ценность и эффективность на протяжении многих лет. В первую очередь, это относится к объективной истине, выступавшей в качестве цели уголовно-процессуального доказывания. Предполагалось, что только на основе истинных знаний об обстоятельствах преступления возможно справедливое осуждение виновного. Объективная истина не относится к идеологии, а является базовой категорией научного познания…» [12]. По сути, предлагается вернуть те принципы уголовного судопроизводства, которые были закреплены в ст. 2 УПК РСФСР «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Подводя итог, отметим, что установление истины при доказывании по уголовному делу должно основываться на совокупности определенных норм, пронизывающих УПК РФ (определение обстоятельств, подлежащих доказыванию; система стадий уголовного судопроизводства; производство следственных и иных процессуальный действий (способы доказывания); избрание той или иной меры уголовно-процессуального принуждения; возможность возвращения прокурором уголовного дела для производства дополнительного расследования), что будет указывать на стремление к достижению объективной истины при расследовании преступлений с учетом соблюдения всех обозначенными нами выше уголовно-процессуальных законом норм.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Логика. М. : Литагент АСТ, 2019. 448 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб., 1997. 559 с.
3. Ленин В. И. Философские тетради. М., 1974. 656 с.
4. Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России. М. : Юристь, 2006. С. 68–87.
5. Философия. Краткий тематический словарь. Ростов-на-Дону, 2001. 562 с.
6. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе : учебное пособие. Волгоград : Высш. следств. шк. МВД СССР, 1988. 652 с.
7. Головко Л. В. Спор об истине – это спор о векторе развития российского уголовного процесса // Судья. 2014. № 10. С. 4–10.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1989. 1375 с.

9. Савельева Н. В. Проблемы доказательств и доказывания в уголовном процессе : учебное пособие. Краснодар : КубГАУ, 2019. 95 с.

10. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 1. 4-е изд., стер. М. : РАН, Ин-т лингвистич. Исследований ; Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 795 с.

11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. 470 с.

12. Бастрыкин А. И. О возможности возвращения в УПК РФ института установления объективной истины // Сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/blog/bastrikin/item/888508/ (дата обращения: 09.11.2021).

Ильяшевич Т. А.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Лубяная Н. И.[2],
студент кафедры «Безопасность в цифровом мире»
Московского государственного
технического университета имени Н.Э. Баумана

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ Л. М. КАРНЕЕВОЙ ОБ ИСТОЧНИКАХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Теория доказательств имеет важное значение для расследования преступлений, ее актуальность очевидна и в настоящее время, что вытекает из высокого научно-исследовательского интереса к ней, и дискуссионности сформулированных в рамках ее исследования теорий. В частности, в данной статье авторы предлагают проанализировать природу относительно нового, однако, весьма спорного в современной отечественной науке вида доказательств – цифрового доказательства через призму сформулированной в 1985 г. профессором Л. М. Карнеевой и венгерским криминалистом И. Кертэсом в ходе сравнительного исследования концепции об источниках доказательств [1, с. 27–30].

Суть анализируемой теории заключается в существовании двух неразрывно связанных и в то же время относительно самостоятельных элементов понятия «доказательство» в уголовном судопроизводстве, одним из которых является «средство доказывания», а другим «доказательственная информация».

По мнению авторов концепции, обнаружение и дальнейшее использование средств доказывания не является самостоятельной целью, а осуществляется для получения носителя доказательственной информации и последующего извлечения имеющей значение для дела информации. Соответственно, «средство доказывания» и «доказательственная информация» соотносятся друг с другом как форма и содержание (сущность) доказательства.

«Доказательственная информация» возникает вследствие совершения преступления и связанных с ним событий и является результатом изменений, вызванных ими, их отражениями в сознании или материальной действительности. В зависимости от формы отображения авторы выделяют личные (отражение доказываемых и доказывающих фактов в сознании свидетелей, подозреваемых и иных участников судопроизводства) и вещественные средства доказывания (механическое или химическое отображение фактов). Для того чтобы приобщить средства доказывания к делу, необходимо извлечь из них нужную доказательственную информацию и придать им доказательственное значение посредством соблюдения соответствующей процессуальной формы (изъятие и приобщение к делу вещественного доказательства; сведения, полученные от свидетеля, оформляются в виде показаний и т. д).

---

[1] © Ильяшевич Т. А., 2022.
[2] © Лубяная Н. И., 2022.

Авторы считают ошибочным мнение о том, что средства доказывания содержат доказываемые или доказывающих факты, полагая, что они включают в себя только информацию о таких фактах, которая для приобретения доказательственного значения нуждается в интерпретации посредством правоприменяющих лиц или экспертов в зависимости от ее характера (словесная или материальная форма). Информация в языковых, знаковых и вещественных структурах передает данные о фактах, которые выступают в личных средствах доказывания сведениями, а в вещественных – элементарными отражениями.

В свою очередь, информация, содержащаяся в средствах доказывания, не всегда относится к предмету доказывания, в данном случае речь идет о фактах, которые должны быть познаны и установлены в уголовном процессе, но не нуждаются в доказывании. В качестве примера такой информации авторы приводят обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, основываясь на венгерской правоприменительной практике.

Помимо этого, в теории анализируется одно из ключевых понятий теории доказательств – «факт» с точки зрения классификации, выделяя факты трех групп: предметы, события и внутренние проявления человеческой психики. Приготовление к преступлению, его совершение, реализация результатов действия вызывают изменения в окружающей действительности и образуют первый ряд фактов. Результаты их восприятия сохраняют такую информацию, образуя второй ряд фактов. Воспроизведение результатов восприятия в установленном уголовно-процессуальном порядке формирует третий ряд фактов. В данном контексте средства доказывания являются каналом информации, выраженной в фактах. С точки зрения доказывания важно исследовать весь комплекс фактов. В результате оценки информации необходимо установить, что она не была ложной в первоисточнике и не исказилась в канале передачи. Источником информации в данном случае является событие преступления, а источником средства доказывания – лицо или объект материального мира.

Приведенная концепция оказала значительное влияние на формулирование современной теории доказательств. Часть 2 ст. 74 УПК РФ определяет следующие виды доказательств:

1) показания подозреваемого, обвиняемого;
2) показания потерпевшего, свидетеля;
3) заключение и показания эксперта;
4) заключение и показания специалиста;
5) вещественные доказательства;
6) протоколы следственных и судебных действий;
7) иные документы.

Показания и заключения являются средствами доказывания и имеют свой источник – лицо, от которого они исходят, а сведения о значимом для уголовного дела факте представляют собой доказательственную информацию. В свою очередь, совокупность двух элементов «средства доказывания» и «доказательственной информации» формируют доказательство. Аналогичным образом, согласно концепции, решается вопрос и с документами, поскольку информация, содержащаяся в них, исходит от лица. Протоколы следственных действий со-

гласно теории следует разделять на две группы, первую из которых формируют протоколы следственных действий, составляемые от определенного лица (допрос, очная ставка, предъявление для опознания), а вторую протоколы других следственных и судебных действий, источником которых являются следователь или суд с соответствующим отражением анализируемого события или обстановки.

Природа вещественных доказательств определяется авторами концепции следующим образом: «само вещественное доказательство не может удостоверять свое происхождение, поэтому приобщается к делу посредством соответствующего процессуального документа, свидетельствующего об источнике его возникновения», что, по сути, соответствует современным представлениям об источнике и природе вещественных доказательств.

С течением времени доказательственная база по уголовным делам совершенствуется, что влечет за собой сложности в оценке природы некоторых ее элементов. Относительно новой и весьма дискуссионной с точки зрения доказательственной природы и классификации является категория электронных доказательств. В силу того, что она не имеет достаточного юридического обоснования и закрепления, в настоящее время существует множество точек зрения и противоречий относительно источника, средства доказывания и содержания доказательственной информации таких доказательств.

Исходя из концепции Л. М. Карнеевой и И. Кертэса, источником средства доказывания может являться лицо или объект материального мира, однако, с позиции оценки цифровых доказательств, по мнению авторов, невозможно однозначно определить источник, поскольку, с одной стороны, они личные, так как любая цифровая информация является результатом деятельности человека и имеет автора (программы, электронные документы, сообщения, информация на сайтах и т. д.), но, с другой стороны, она не может существовать вне устройства, которое способно ее обработать – электронного носителя цифровой информации, поскольку представлена в специфической форме компьютерного языка «1» и «0» и требует декодирования посредством специальных программных средств с целью возможности ее восприятия человеком [2, с. 75].

Электронный носитель информации, в свою очередь, является объектом материального мира и придает средству доказывания вещественную природу. В данном случае для наиболее корректной оценки, по мнению авторов настоящего исследования, целесообразно определить, что в данном случае является средством доказывания, а что доказательственной информацией. В силу обоснованной ранее неразрывной взаимосвязи электронного носителя информации (ЭНИ) и цифровой информации представляется правильным предположить, что именно ЭНИ является средством доказывания, поскольку непосредственно он является механическим и физическим отражением события преступления и иных, связанных с ним событий. Цифровая информация, в свою очередь, в интерпретированном для восприятия человеком виде, содержит сведения (доказываемые, доказывающие и иные факты), значимые для уголовного дела и составляющие доказательственную информацию. Источником доказательственной информации является человек, однако, в силу обработки такой информации средствами вычислительной техники обоснованно было бы предположить вещественную природу такой информации,

отражаемой в средстве доказывания посредством сначала машинного кода, а затем декодируемого изображения, текста и т. д.

В науке уголовного процесса в настоящее время выделяют следующие виды доказательств в цифровой форме: иные документы, электронные носители информации и электронные доказательства. В. Н. Григорьев, О. А. Максимов относят электронные носители информации в уголовном процессе как к вещественным доказательствам, так и к иным документам [3, с. 66]. Категория «иные документы» включает в себя электронные документы, сообщения и т. д., которые без электронного носителя являются неинтерпритируемыми. Даже при копировании такой значимой для дела информации на другой носитель в случаях, предусмотренных современным уголовно-процессуальным законодательством (ч. 2, ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ) с соблюдением всех правил, предотвращающих ее модификацию, к делу приобщается именно ЭНИ с содержащейся на нем информацией в соответствующей процессуальной форме. Категория «ЭНИ» в рассматриваемой концепции подразумевает именно носитель с неразрывно связанной на нем информацией, которая при уничтожении материального носителя будет подвержена безвозвратному уничтожению. Данный факт также не является бесспорным, поскольку не всегда уничтожение материального носителя влечет уничтожение самой информации (например, в случае создания резервных копий хранимой на устройстве информации).

О. В. Химичева и А. В. Андреев отмечают ряд проблем при таком копировании: первая заключается в том, что нормативно не определено, как изъять информацию, если ее электронный носитель находится за пределами юрисдикции Российской Федерации? На практике необходимость получения информации, содержащейся на электронном носителе (например, на сервере, физически находящемся за пределами России), возникает довольно часто, поскольку в сети Интернет легко найти список стран, где можно дистанционно зарегистрировать интернет-страницу и с помощью ее осуществлять преступную деятельность. Вторая проблема заключается в том, что злоумышленники часто кодируют информацию или создают возможность ее дистанционного удаления при изъятии носителя информации (например, информация, находящаяся в облачном хранилище, при изъятии компьютера может быть удалена или изменена при помощи другого носителя – мобильного телефона). Исходя из этого, в уголовно-процессуальном законе важно регламентировать процессуальный механизм получения информации без изъятия самого носителя [4, с. 23].

Анализ правового регулирования электронных доказательств через призму концепции об источниках доказательств, сформулированной Л. М. Карнеевой и И. Кертэсом, а также исследование современных доктринальных положений о природе электронных доказательств, позволяет прийти к выводу о том, что фундаментальные теоретические основы теории доказательств о неразрывной взаимосвязи «средства доказывания» и «доказательственной информации» в понятии доказательства актуальны и в настоящее время, однако, определение источника доказательства иногда затруднительно в силу усложнения доказательственной базы современного уголовного судопроизводства. Решением данной проблемы, по мнению авторов исследования, может стать формулирование

более гибкой концепции об источниках доказательств, заключающейся во взаимосвязи личных и вещественных источников доказательств, поскольку спор об источниках цифровых доказательств порождает противоречивые и не всегда достаточно обоснованные концепции в современной науке уголовного процесса.

Список литературы

1. Карнеева Л. М., Кертэс И. Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству. М. : Юридическая литература; Будапешт : Кезгаздашаги эш Йоги,1985. 136 с.

2. Воронин М. И. О правовой природе электронных (цифровых) доказательств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 10 (74). С. 74–81.

3. Григорьев В. Н., Максимов О. А. Об электронных носителях информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородского Университета имени Н.И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 65–71.

4. Химичева О. В, Андреев А. В. Цифровизация как тренд развития современного уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 21–23.

Клементьева Е. С.[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОФЕССОР Л. М. КАРНЕЕВА О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

В 2021 г. исполняется 100 лет со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Лидии Михайловны Карнеевой. Несомненно, что Лидия Михайловна внесла весомый вклад в развитие советской и российской науки уголовного процесса и криминалистики, что нашло отражение в более чем 150 научных работах.

Следует отметить: до настоящего времени представляет интерес тема привлечения к уголовной ответственности, которая нашла отражение в диссертационных исследованиях Л. М. Карнеевой: на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в Советском уголовном процессе» (М., 1955) и в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук «Привлечение к уголовной ответственности по Советскому праву (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование)» (М., 1970).

Разграничивая понятия «уголовная ответственность» и «привлечение к уголовной ответственности», полагаем вначале определить значение первого.

Сам термин «уголовная ответственность», являясь по сути уголовно-правовым понятием, ни в УК РФ, ни в УПК РФ, не раскрыт.

В ч. 2 ст. 2 УК РФ говорится об установлении оснований и принципов уголовной ответственности, при этом в данной норме разграничиваются понятия «уголовная ответственность» и «наказание», это позволяет сделать вывод о том, что уголовная ответственность не означает наказание лица, совершившего преступление. В ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности признается совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. В целях изучаемого вопроса интересным представляется рассмотреть ст. 299 УК РФ, которая устанавливает ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела, и то, что объективная сторона преступления включает в себя действия, связанные с вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого (обвинительного акта, обвинительного постановления), предъявлением обвинения. Практика применения нормы в этом случае однозначно понимает содержание объективной стороны, в отличие от сущности термина «привлечение к уголовной ответственности», который теми же практическими работниками толкуется по-разному.

Среди теоретических определений заслуживают внимания следующие.

Так, Е. Я. Мотовиловкер предлагает считать, что «уголовная ответственность – это возлагаемый судом путем вынесения обвинительного приговора на лицо, признанное виновным в совершении преступления, статус осужденного, выражающийся в несении им назначенного наказания» [4, с. 180].

[1] © Клементьева Е. С., 2022.

В. В. Мальцев определяет, что «уголовная ответственность – это основанное на уголовном законе и определяемое совершенным преступлением ухудшение правового статуса лица, заключающееся в лишении или ограничении его прав и свобод, либо другое порицание виновного, выраженные в обвинительном приговоре суда» [3, с. 158].

Детальный анализ норм УПК РФ позволил сделать некоторые выводы. Так, понятие «уголовная ответственность» в УПК РФ используется в уголовно-правовом смысле, например, в ч. 3 ст. 27, ч. 1 ст. 125, ч. 4 ст. 133, ч. 5 ст. 413 УПК РФ и упоминается *в связи с возрастом*, с которого наступает уголовная ответственность. Этот же смысл содержится в положениях ч. 4 ст. 144 и ч. 6 ст. 318 УПК РФ, согласно которым заявитель предупреждается *об уголовной ответственности* за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, то есть речь идет о том, что заявитель ознакомлен с текстом данной статьи и в случае нарушения требований уголовного законодательства понимает, что в отношении него будет осуществляться уголовное преследование.

В ряде норм уголовно-процессуального закона рассматриваются случаи освобождения от уголовной ответственности. Так, в п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ – об обстоятельствах, которые могут повлечь за собой *освобождение от уголовной ответственности и наказания*; ст. 431 УПК РФ регламентирует *освобождение* судом несовершеннолетнего подсудимого *от уголовной ответственности* с применением принудительных мер воспитательного воздействия, на основании ст. 443 УПК РФ – суд выносит постановление в соответствии со ст.ст. 21 и 81 УК РФ об *освобождении лица от уголовной ответственности или от наказания* и о применении к нему принудительных мер медицинского характера, признав доказанным, что деяние, запрещенное уголовным законом, совершено данным лицом в состоянии невменяемости или что у этого лица после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. К основаниям *освобождения от уголовной ответственности* УПК РФ относит прекращение уголовного дела или уголовного преследования в случае назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в ходе досудебного производства по уголовному делу (гл. 51.1).

Если исходить из того, что привлечение к уголовной ответственности – это производство процессуальных действий, направленных на изобличение лица в совершении преступления, а также создание условий для судебного разбирательства, в ходе которого будет установлена его виновность в совершении преступления и назначено наказание, то вызывает вопросы разграничение законодателем понятий «уголовная ответственность» и «наказание» применительно к институту освобождения. Собственно, целесообразно ли говорить об уголовной ответственности в случае прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием, возмещения вреда, причиненного преступлением? При прекращении уголовного дела судом в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа можно говорить о неблагоприятных материальных последствиях для обвиняемого, которые мо-

гут считаться мерами уголовной ответственности, чего нельзя сказать в полной мере про вышеуказанные основания прекращения.

В связи с этим актуальность приобретает разграничение терминов «уголовная ответственность» и «судебная ответственность», о котором в 1955 г. говорила в своем диссертационном исследовании Л. М. Карнеева: «судебная ответственность» имеет вполне самостоятельное значение и предусматривает ответственность лица, преданного суду, не охватывая период предъявления обвинения на предварительном следствии, и отграничен от него во времени [1, с. 39].

В УПК РФ в ряде норм встречается термин «привлечение к уголовной ответственности» – в ч. 3 ст. 414 УПК РФ содержится указание на сроки давности *привлечения к уголовной ответственности*; в п. 2 ч. 2 ст. 154, ст. 225, п. 3 ч. 4 ст. 318 – речь идет о лицах, *привлекаемых к уголовной ответственности*. Какое значение и содержание законодатель вкладывает в это понятие?

Л. М. Карнеева определяла, что «сущность привлечения к уголовной ответственности заключается в том, что в этот момент та или иная норма уголовного закона, предусматривающая уголовное наказание за общественно-опасное деяние, применяется специально на то уполномоченными органами государства к конкретному лицу, совершившему такое деяние» [2, с. 2]. Как мы понимаем, речь идет об уголовно-правовом понимании данного термина.

Рассматривая привлечение лица к уголовной ответственности в уголовно-процессуальном смысле, Л. М. Карнеева рассматривала его как привлечение конкретного лица в качестве обвиняемого по делу особым актом расследования [1, с. 39].

Л. М. Карнеева соглашалась с процессуалистами, которые считали тождественными понятиями «привлечение к уголовной ответственности» и «привлечение в качестве обвиняемого» [2, с. 5], одновременно выступала против отождествления понятия привлечения к уголовной ответственности с понятием «уголовное преследование» [1, с. 286].

Конечно, в науке до настоящего времени нет определенности, не вносит ясности и законодатель, в то же время полагаем, что в содержание привлечения к уголовной ответственности входит принцип вины (ст. 5 УК РФ) и основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), то есть привлечено к уголовной ответственности может только лицо, виновное в совершении деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Согласно конституционному положению о презумпции невиновности, признать лицо виновным можно только на основе совокупности доказательств вступившим в законную силу приговором суда.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, каким образом происходит разграничение понятий «уголовная ответственность» и «привлечение к уголовной ответственности»? Уголовная ответственность подразумевает ухудшение правового положения лица в связи с совершением преступления. Привлечение к уголовной ответственности видится как определенная процедура, регламентированная уголовно-процессуальными нормами и представляющая собой процессуальную деятельность уполномоченных законом должностных лиц, назначением которой является реализация материальных норм уголовного права

с целью уголовного преследования и предания суду лица, совершившего преступление. Современное право не разделяет уголовную и судебную ответственность (о которых говорилось выше), в связи с чем эти два вида ответственности охватываются единым понятием – уголовная ответственность. Полагаем возможным рассматривать соотношение понятий «привлечение к уголовной ответственности» и «уголовная ответственность» как процесс и результат.

На наш взгляд, целесообразно разделять привлечение к уголовной ответственности и привлечение в качестве обвиняемого и считать завершением процедуры привлечения к уголовной ответственности предание суду лица, признание его приговором суда виновным в совершении преступления, назначении или неназначении ему наказания (случаи освобождения от наказания также означают наступление уголовной ответственности).

Если мы обратимся к существовавшему в советский период подходу к понятию «уголовное преследование», то в своем диссертационном исследовании Л. М. Карнеева отмечала, что понятие «уголовное преследование», в советском уголовном процессе не имеет самостоятельного процессуального значения, а может применяться лишь в широком смысле, как борьба с преступностью [1, с. 287]. Отметим, что наука и законодатель за это время не стояли на месте, развитие юридической мысли позволило в настоящее время выработать законодательное определение уголовного преследования, которое представлено в п. 55 ст. 5 УПК РФ как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения, которая начинается с возбуждения уголовного дела, включая привлечение в качестве обвиняемого, и завершается в суде поддержанием обвинения. Мы полагаем верным не ставить знак равенства между понятиями привлечения к уголовной ответственности и привлечения в качестве обвиняемого, более близкими понятиями остаются привлечение в качестве обвиняемого и уголовное преследование (привлечение к уголовному преследованию).

Несомненно, при рассмотрении понятия «привлечение к уголовной ответственности» мы подняли ряд актуальных вопросов, которые требуют однозначного толкования. В современном значении предлагаем рассматривать привлечение к уголовной ответственности как определенную процедуру, регламентированную уголовно-процессуальными нормами и представляющую собой процессуальную деятельность уполномоченных законом должностных лиц, назначением которой является реализация материальных норм уголовного права с целью уголовного преследования и предания суду лица, совершившего преступление.

Таким образом, следует отметить, что огромный вклад доктора юридических наук, профессора Лидии Михайловны Карнеевой в науку уголовно-процессуального права, ее исследования положили начало, закономерно обусловили дальнейшее направление развития фундаментальных основ уголовного процесса и не потеряли актуальности в настоящее время.

Список литературы

1. Карнеева Л. М. Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в Советском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.00. М., 1955. 324 с.

2. Мальцев В. В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 6 (233). С. 152–169.

3. Мотовиловкер Е. Я. Понятие уголовной ответственности: обнаружение реальности термина в контексте института освобождения от уголовной ответственности // Вопросы факта и права в юридической деятельности : сборник научных статей (посвящается 110-летию со дня рождения проф. Якова Овсеевича Мотовиловкера). Ярославль : Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2020.

Сопнева Е. В.[1],
кандидат юридических наук, доцент

СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОДОЗРЕНИЯ ЛИЦА (АКТУАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ Л. М. КАРНЕЕВОЙ)

Лидия Михайловна Карнеева оставила современной науке глубокое и перспективное наследие, заложила фундамент для многих идей, актуализированных в данный момент развития российского уголовного процесса. Однако из всех тем, включенных в предмет исследования ученого, в свете нашего интереса обратим внимание на суждения в сфере подозрения и подозреваемого. Л. М. Карнеева полагала, что именно подозрение лица в совершении преступления, обусловленное наличием данных, позволяет вовлечь его в качестве подозреваемого. Такой акт может быть отражен в нескольких документах, например, протоколах задержания или допроса, постановлениях о применении меры пресечения или о возбуждении уголовного дела против определенного лица [1, с. 35–38; 2, с. 20–21].

Приведенное мнение было высказано в преддверии принятия УПК РСФСР 1960 г. К этому моменту сложилось еще несколько суждений в рассматриваемой сфере. Одни ученые выступали против сохранения подозреваемого, полагая, что привлечение граждан по подозрению без достаточных оснований приведет к нарушениям законности [3, с. 31–33]. Другие предлагали считать подозреваемыми лиц, в отношении которых применены задержание или мера пресечения, однако, ввиду наличия некоторых данных, указывающих на совершение преступления этим лицом [4, с. 112; 118].

На наш взгляд, такие высказывания позволяют обратить внимание на два аспекта: необходимость наличия данных, позволяющих сформулировать подозрение в отношении лица, и потребность их фиксации в уголовно-процессуальном производстве. Соответственно, предлагаемые установки можно развить посредством использования следующей терминологии: объективные (фактические) и субъективные (процессуальные) основания подозрения лица. Такие словосочетания вполне вписываются в понятия, сложившиеся в уголовном процессе, что позволяет, употребляя традиционные смыслы, сформулировать их определения. В частности, объективные основания подозрения можно представить как совокупность достаточных данных для формирования предположения о причастности лица к преступлению. В свою очередь, субъективные основания предлагается рассматривать как процессуальные акты-носители формулировки подозрения, выдвинутого в отношении лица.

Отметим, что из всех предложений ученых, в уголовно-процессуальный закон 1960 г. были введены положения, позволяющие создать статус подозреваемого посредством обременения отдельных процессуальных явлений, а именно задержания по подозрению в совершении преступления, или меры пресечения, что было предусмотрено в ч. 1 ст. 52 УПК РСФСР. Такой подход нивелировал рассматриваемые параметры, поскольку правоприменителю было предложено де-

[1] © Сопнева Е. В., 2022.

лать акцент на фактических основаниях и документировании основного действия. В дальнейших нормах, а именно ст. 92 УПК РСФСР и ч. 2 ст. 122 УПК РСФСР законодатель использовал слова «подозрение», «основания», «подозревать», «лицо». Однако он не предпринял шагов по развитию приведенных слов и переводу их в термины, поскольку подозрение выводилось из дальнейших отношений. Например, подозреваемый был вправе дать показания по поводу обстоятельств, послуживших основанием для его задержания или заключения под стражу (ст. 76 УПК РСФСР). В 2001 г. указанный вариант (УПК РСФСР), видимо, ввиду его недостаточности, был дополнен еще одним способом создания подозреваемого – возбуждением уголовного дела в отношении лица (п. 1 ч. 1 ст. 52) [5].

Отметим, что и такое прибавление не привело к качественным изменениям, и ученые продолжали критиковать нормативно-правовое состояние подозрения и подозреваемого. Несмотря на это законодатель полностью воспринял сложившийся подход во вновь принятом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Однако в 2007 г. он получил развитие за счет введения в закон еще одного способа создания подозреваемого. Полагаем, что именно здесь законодатель нормативно признал связь подозрения и лица. Речь идет об уведомлении лица о подозрении в совершении преступления.

На данный момент продолжается теоретическая активность в сфере оснований подозрения лица, результатом которой является формулирование новых предложений. Однако их обзор позволяет указать, что по своей сути в них поддержаны и развиты ранее приведенные суждения. Так, предлагается создавать специальный акт, фиксирующий появление лица, в отношении которого выдвигается подозрение [6, с. 101–102], использовать постановление о возбуждении уголовного дела против определенного лица [7, с. 9], документы, указанные в п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ [8, с. 43–44].

Таким образом, вопрос об основаниях подозрения лица остается актуальным. Однако современные отношения позволяют его расширить, ввиду разделения процессуального и фактического статуса лица, которому адресовано подозрение.

Процессуальный статус такого участника закреплен в ст. 46 УПК РФ, раскрывается в наименовании «подозреваемый» и предусматривает четыре решения-действия его инициации (возбуждение уголовного дела в отношении лица, задержание лица по подозрению в совершении преступления, применение меры пресечения в отношении лица, уведомление лица о подозрении в совершении преступления). Фактический статус такого лица также нормативно признан, однако, при отсутствии процессуального имени. Полагаем, что о нем идет речь в нескольких нормах закона. Например, в ч. 2 ст. 148 УПК РФ, посвященной проверке сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретного лица или лиц. Или же в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, устанавливающей обязанность разъяснения лицам, участвующим в соответствующих процессуальных действиях, их прав, предусмотренных кодексом, и обеспечения возможности осуществления. Анализ места такого лица в системе классификационных групп участников уголовного судопроизводства и характеристик, обусловленность подозрением, понимание его отличий от подозреваемого, позволили предложить адекватное имя – заподозренный [9, с. 1474–1481].

Выделение двух участников процесса мы наблюдаем и в решениях судов. Например, Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание на положение фактического подозреваемого или подозреваемого в широком, конституционно-правовом смысле [10], разделяет лиц, привлеченных в качестве подозреваемых, и лиц, в отношении которых начато производство одного из связанных с проверкой сообщения о преступлении процессуальных действий…» [11]. Верховный Суд Российской Федерации также рассуждает по заявленному поводу, используя фразы «задержание как официального подозреваемого», «фактическое задержание в качестве подозреваемого» [12].

Признание возможности подозревать разных лиц, естественно влияет на понимание соответствующих объективных и субъективных оснований. С одной стороны, единая родовая принадлежность лиц, в отношении которых выдвинуто предположение о причастности к преступлению, то есть подозрение, обращает внимание на совпадение базовых параметров оснований. С другой стороны, их видовое деление на заподозренного и подозреваемого обуславливает возникновение некоторых отличий. В частности, статусы формируются в разные периоды уголовного процесса, например, стадии возбуждения уголовного дела или этапа задержания лица по подозрению, которые наделены отличающимися ресурсными возможностями, а также неодинаковыми потребностями решений-действий, используемых для их инициации в уголовном процессе. Например, этап проверки сообщения о преступлении как период существования фактического подозреваемого (заподозренного), имеет минимальные процессуальные ресурсы (действия, решения, сроки), что предоставляет статусу такого лица ограниченные объективные основания и упрощенную форму субъективного основания. В свою очередь, статус подозреваемого, создаваемый посредством иных и более поздних актов позволяет обратить внимание на использование больших ресурсов и, соответственно расширение, усложнение, а равно вариантность как объективных, так и субъективных оснований.

Итак, мы поддерживаем идею о необходимости изменения имеющегося нормативно-правового варианта регулирования подозрения лица. В связи с чем приведем свое видение ее развития, однако акцентируем внимание на субъективных основаниях.

Полезность субъективного (процессуального) основания подозрения лица просматривается во многих показателях. Обратим внимание на несколько.

Понимание наличия процессуального носителя подозрения лица как официального тезиса о причастности к преступлению позволяет точно установить момент возникновения его статуса, осознать свою правоспособность и начать ее перевод в дееспособность.

Фиксация в субъективном носителе объективных оснований подозрения сделает доступной его формулировку для заинтересованных лиц и уполномоченных органов, позволит понять уровень аргументации предположения, выразить свою позицию «согласия-несогласия», и соответственно защитить права и свободы, инициированные этой категорией.

Кроме того, будет обеспечена реализация права лица знать, в чем оно подозревается (п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ) путем разъяснения ему фактической

и процессуально-правовой сущности подозрения. На данный момент реализация такой установки закона подвергается сомнению. Так, опрос следователей и дознавателей показал, что они не стремились привести в материалах уголовного дела формулировку подозрения. Анкетирование уголовных дел позволило выяснить, что в них указывалось на разъяснение лицу существа подозрения, однако, отсутствовала детализация объема и содержания доведенной информации. При этом полагаем уместным отметить, что проблема имеет и теоретические корни. Так, обзор имеющихся учебных источников как обязательных для обучения будущего правоприменителя, в отличие от монографических исследований, показал, что в них отсутствуют разъяснения подозрения, его оснований и иных параметров. В такой ситуации правоприменитель не получает профессиональных знаний, не формирует навыки работы в сфере подозрения лица как нормативно-признанной категории уголовного процесса. На этом фоне представляется полезным поддержать и развить предписания закона в сфере подозрения лица, предложив ориентиры понимания объективных и субъективных оснований такого акта.

На наш взгляд, в качестве субъективного (процессуального) основания подозрения лица можно использовать как отдельный специальный акт, так и сопутствующий документ. Приведем несколько аргументов.

В целом, уголовному процессу свойственны оба варианта, и в законе (например, ст. 256 УПК РФ) предусмотрены возможности отражения решений как в отдельном акте, так и в сопутствующем документе.

Конституционный Суд Российской Федерации также допускает множественность субъективных оснований подозрения лица. Среди них – возможность использования традиционного акта, например, возбуждения уголовного дела в отношении лица. Или же употребление любого процессуального решения, в котором зафиксировано подозрение в преступлении, выдвинутое в отношении лица [10], или проведение в отношении лица следственных действий, иных мер, с целью его изобличения или подтверждающих наличие подозрений против него [13].

Полагаем, что сам по себе процессуальный документ не создает значимых последствий, его важность для нужд подозрения и лица определяется фиксацией фактических оснований и решения о вовлечении его в уголовный процесс.

На этом фоне представляется более важным изложение в описательной части документа подозрения как аргументированного тезиса о причастности лица к преступлению, посредством приведения объективных оснований и процессуально-правовой формулировки этой категории. Естественным результатом обоснования подозрения будет решение о вовлечении в уголовный процесс лица в том или ином качестве и тем актом, который создает необходимые основания. При таком подходе целесообразно официально провозгласить в резолютивной части документа факт привлечения лица в качестве заподозренного или подозреваемого. Соответственно, приведенные тезисы могут быть указаны как в индивидуальном акте, например, уведомлении о подозрении, так и в сопутствующем, например, постановлении о возбуждении уголовного дела в отношении лица.

Сформулированное предложение не вступает в противоречие с имеющимся вариантом процессуального документирования. Так, выведение бланков доку-

ментов из уголовно-процессуального источника создает для правоприменителя соответствующие возможности и позволяет ему вводить в них необходимый объем информации. В свою очередь и подозрение, как предварительное суждение, не нуждается в большом объеме устанавливаемых обстоятельств, получаемых данных, широком круге инструментов, глубокой аргументации, что запрашивает не большой объем места в документе.

Итак, на протяжении длительного времени остается действительным предложение о выделении объективных и субъективных оснований подозрения лица. В связи с этим мы предлагаем компромиссный и экономный вариант, индивидуализирующий значимые показатели качественной инициации лица – объективные (фактические) и субъективные (процессуальные) основания его подозрения. Придание им публичного характера обеспечит ясность и доступность для заинтересованных лиц и уполномоченных органов, что является необходимым условием фактического и процессуального принятия подозрения и вызванных им последствий.

Список литературы

1. Карнеева Л. М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 35–38.

2. Карнеева Л. М. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 12. С. 10–23.

3. Разник А., Сорокин Ф. Несостоятельность предложения о введении в процесс подозреваемого // Социалистическая законность. 1955. № 8. С. 31–33.

4. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. 191 с.

5. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Федеральный закон от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.10.2021).

6. Петров И. В. Теоретические и практические аспекты подозрения в уголовном процессе России : дис. … канд. юрид наук : 12.00.09. Краснодар. 2012. 214 с.

7. Власенко Д. В. Основания признания лица подозреваемым в уголовном процессе России : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.09. Ставрополь, 2008. 173 с.

8. Быков В. М. Подозреваемый как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 43–44.

9. Сопнева Е. В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 1474–1480.

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой С. В. на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью четвертой статьи 148 УПК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2014 г. № 1309-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.10.2021).

11. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 6.1 УПК РФ в связи с жалобой гражданки Юровских Э. Р. : постановление Конституционно-

го Суда Российской Федерации от 30 января 2020 г. № 6-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.10.2021).

12. Дело № 36-АПУ16-7СП. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.10.2021).

13. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.10.2021).

Шишков А. А.[1],
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА Л. М. КАРНЕЕВОЙ)

Научное наследие Лидии Михайловны Карнеевой формировалось в период действия Основ уголовного судопроизводства СССР и соответственно Уголовно-процессуальных кодексов союзных республик. Законодательство того времени независимо от места его применения на территории страны единообразно определяло понятие доказательств, их виды, субъектов, имеющих право собирать и оценивать доказательства, обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу и другие аспекты доказательственного права.

Разумеется, при разработке теории доказательств в советском уголовном процессе использовались действующие уголовно-процессуальные нормы и практика их применения. Научные труды Л. М. Карнеевой и других выдающихся процессуалистов позволили сформировать доктрину советского доказательственного права. Ее содержание составляют положения о задачах, предмете, содержании и системе теории доказательств, о ее месте в системе научного знания, учение о доказывании (цели, предмет, элементы, субъекты), также ее составной частью являются положения о доказательствах (виды, классификация) и другие элементы [1, с. 21].

Поскольку сравнительное правоведение всегда являлось предметом научных интересов исследователей, в содержание теории доказательств включалось изучение нормативного порядка доказывания в других социалистических странах, а также критический анализ доказательственного права буржуазных государств [1, с. 17]. В связи с этим закономерно, что одна из работ Л. М. Карнеевой посвящена сравнительному анализу источников доказательств по советскому и венгерскому законодательству [2].

Достижения советской уголовно-процессуальной науки легли в основу разработки норм о доказательствах и доказывании современного уголовно-про–цессуального закона. Например, система доказательств (ч. 2 ст. 69 УПК 1960 г.) сохранила свое содержание и в УПК 2001 г. (ч. 2 ст. 74). Предмет доказывания, впервые нормативно закрепленный в УПК 1960 г, сохранился с незначительными изменениями и в действующем законе. Преемственность просматривается также в элементах доказывания и иных нормах доказательственного права. Однако не все республики бывшего СССР – ныне отдельные, независимые государства сохранили в своих уголовно-процессуальных законах достижения советской доктрины доказательственного права.

[1] © Шишков А. А., 2022.

В современной науке уголовного процесса достаточно много работ, авторы которых исследовали проблемы уголовного судопроизводства в странах СНГ, в том числе посвященных доказательствам и доказыванию [3, 4, 5]. Имеются сравнительно-правовые исследования уголовно-процессуального законодательства и других государств, ранее входивших в состав Советского Союза, но не являющихся участниками Содружества Независимых Государств [6, 7].

В настоящее время на территории некогда единой страны приняты и действуют больше 15 уголовно-процессуальных законов, в отличие от времен Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, где их число равнялось количеству союзных республик. И это дополнительное правовое пространство, регламентирующее уголовное судопроизводство, в государствах, не входящих в список стран Организации Объединенных Наций практически не освещается в юридической литературе.

К таким государствам относятся Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), Республика Абхазия (РА), Республика Южная Осетия (РЮО), Нагорно-Карабахская Республика (НКР), Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР). Поскольку образование этих государств происходило в разные периоды времени, государственное строительство, в том числе создание законодательной основы находится на разных уровнях.

На текущий момент уголовно-процессуальные кодексы приняты и действуют практически во всех непризнанных государствах. Исключение составляет Республика Южной Осетии. Там имеющийся дефицит законодательных актов, регулирующих отношения в сфере различных отраслей права, решили устранить путем применения норм права Российской Федерации. В связи с этим еще в 1992 г. Верховный Совет Республики Южной Осетии принял Постановление «О применении аналогии Законов России на территории Республики Южная Осетия». Таким образом, расследование уголовных дел и их рассмотрение в судах осуществляется по нормам УПК РФ.

Анализ норм уголовно-процессуальных кодексов непризнанных государств, регламентирующих доказательственное право, позволяет прийти выводу, что законодатель этих государств во многом воспринял достижения советской теории доказательств.

Это утверждение можно отнести, например, к понятию и видам доказательств. Так, УПК ДНР (принят в 2018 г.), чья архитектура практически совпадает с ранее действовавшими УПК союзных республик, в том числе УПК РСФСР 1960 г., определяет доказательства как любые фактические данные, на основании которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела (ч. 1 ст. 71). В ч. 2 этой же статьи перечислены источники, из них могут быть получены такие данные, как показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, показания обвиняемого, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, протоколы с соответствующими приложениями, составленными уполномоченными органами по результатам оперативно-разы–

скных мероприятий, и другие документы. Как видим, принципиальных отличий от нормативного регулирования советского периода нет. Единственное, чего не было в перечне видов доказательств эпохи социализма – это «протоколы с приложениями, составленными уполномоченными органами по результатам оперативно-разыскных мероприятий».

Такой же подход к понятию доказательств и их видам демонстрирует законодатель Приднестровской Молдавской Республики, правда, без упоминания протоколов оперативно-разыскных мероприятий, но при этом дополняя таким доказательством, как «аудио- и видеозапись, а также доказательства, полученные иными техническими средствами» (ст. 55 УПК ПМР).

Доказательства как любые сведения, а не фактические данные, в понимании российского законодателя поддержали законодатели в Луганской Народной Республике и Республике Абхазия. Перечень видов доказательств в этих республиках также идентичен российскому пониманию об источниках доказательств.

В известной коллективной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе», где Л. М. Карнеева является автором двух глав, отмечается, что цель доказывания – установление объективной истины при производстве по уголовному делу [1, с. 116.].

Основополагающим признаком, позволившим советским процессуалистам сформировать эту доктрину, является существование в уголовно-процессуаль–ном законодательстве принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 14 Основ, ст. 20 УПК РСФСР 1960 г.).

Российский законодатель отказался от прямого упоминания этого принципа уголовного процесса, что позволило уже современным процессуалистам, в том числе входившим в рабочую группу по подготовке УПК РФ, высказать мнение о существовании другой цели доказывания при производстве по уголовному делу [8, с. 54; 9, с. 8, 14].

Подход российского законодателя продублировал в 2007 г. законодатель Республики Абхазия, также не упоминая всесторонность, полноту и объективность в качестве принципа уголовного судопроизводства, а лишь говоря о всесторонности и объективности предварительного расследования как условии выделения уголовного дела в отдельное производство (ч. 2 ст. 153 УПК РА). В УПК ЛНР также нет этого принципа, поскольку, как уже отмечалось, он почти копирует УПК РФ. Вместе с тем, регламентируя институт подследственности, разрешает Генеральному прокурору ЛНР, его заместителям изменять подследственность в целях обеспечения всестороннего, полного и объективного расследования, установления истины (ч. 7 ст. 154 УПК). Пожалуй, это единственная статья, где законодатель Луганской Народной Республики говорит о необходимости установления истины в уголовном судопроизводстве.

В отличие от УПК ЛНР, в котором с осторожностью упоминается «истина», и УПК РФ, где вообще не употребляется этот термин, законодатель Донецкой Народной Республики, не стесняясь, прямо говорит о необходимости установления истины по делу (ч. 6 ст. 48; ч. 4 ст. 66; ч. 1 ст. 156; ст. 162 и др. Кроме этого, прямо закрепляет в качестве принципа уголовного процесса всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела (ст. 22). И это не

единственное упоминание этого словосочетания. Так, оценка доказательств производится на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности (ст. 73); начальник следственного отдела обязан принимать меры к наиболее полному, всестороннему и объективному производству предварительного следствия по уголовным делам (ст. 127) есть и другие нормы, содержащие требование о полноте, всесторонности и объективности.

Очевидно, что законодатель ДНР, принимая УПК в 2018 г., не ориентировался в части целей доказывания на российский подход к этой деятельности, а скорей всего продолжил традиции советской теории доказательственного права.

По этому же пути пошли и в Приднепровской Молдавской Республике, приняв в 2002 г. УПК, где прямо закрепили принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 14). Принимать меры к наиболее полному, всестороннему и объективному производству предварительного следствия по уголовным делам обязан не только следователь, но и начальник следственного отдела (ст. 36–2). Суд также не остался в стороне от этой деятельности, поэтому и он обязан принимать меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины (ст. 214). О всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела и установлении истины говорится и в других статьях УПК ПМР.

Провозгласив целью уголовного судопроизводства установление истины и прямо закрепив принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела не только в судебных стадиях, но и в досудебном производстве, законодатели этих непризнанных государств отказались от российского подхода деления участников уголовного процесса на стороны. И это логично. Более того, государственные органы и должностные лица (прокурор, следователь, начальник следственного отдела, дознаватель, орган дознания) формально вообще не относятся к участникам уголовного процесса. Их назначение и полномочия упоминаются в особенной части УПК. Такой подход, как мы помним, применялся в УПК РСФСР и других союзных республик. В то время к участникам относились лишь подозреваемый, обвиняемый, их защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, представители последних трех. Именно такой перечень содержится в гл. 3 «Участники процесса, их права и обязанности» УПК ДНР и гл. 5 УПК ПМР. О сторонах законодатель говорит только применительно к судебному разбирательству, считая стороной обвинения только государственного обвинителя.

Продолжая эту линию о необходимости искать истину в уголовном процессе, законодатель ДНР распространяет принцип состязательности исключительно на судебные стадии. В частности, в ст. 14 УПК сказано: рассмотрение дел в судах осуществляется на основе состязательности (ч. 1); при рассмотрении дела в суде функции обвинения, защиты и разрешения дела не могут возлагаться на один и тот же орган или на одно и то же лицо (ч. 2).

Относительно предмета доказывания необходимо отметить, что нормативное закрепление этого элемента доказательственного права во всех анализируемых государствах открывает соответствующие главы УПК. Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в целом является

унифицированным. Среди них, конечно же, на первом месте событие преступления с конкретизацией времени, места, способа и других элементов объективной стороны преступления. На втором – виновность обвиняемого в совершении преступления. При этом не во всех кодексах в скобках указывается форма вины и мотивы (УПК ПМР) или только мотивы (УПК ДНР). Также эти два УПК сближает и сокращенный перечень обстоятельств примерно так, как это было в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 15). На третьей позиции в УПК этих республик обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого (УПК ПМР), и также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (УПК ДНР), а на четвертом – характер и размер ущерба, причиненного преступлением (УПК МПР), а также размеры затрат учреждения здравоохранения на стационарное лечение потерпевшего от преступного деяния (УПК ДНР).

Предмет доказывания в УПК ЛНР, Республики Абхазия практически совпадает со ст. 73 УПК РФ, за исключением п. 8, где речь идет необходимости доказывать обстоятельства, связанные с конфискацией имущества, полученного преступным путем и т. п. (УПК РА).

Что касается элементного состава доказывания, то здесь законодатель непризнанных государств в целом сохранил все три составляющие этого процесса: собирание, проверку, оценку доказательств. При этом где-то, как и российский законодатель, выделив каждому элементу самостоятельную статью (например, ЛНР, РА), а где-то, как это было в советском законодательстве, – часть в статье (ПМР). Пожалуй, единственным исключением, подтверждающим это правило, – УПК ДНР, где прямо не употребляется термин «проверка» доказательств, после их собирания.

Среди субъектов собирания доказательств, естественно, наибольшие полномочия имеют государственные органы и должностные лица, здесь нет отличий от УПК РФ. В средствах собирания доказательств в целом тоже принципиальных отличий не наблюдается, кроме УПК ДНР. В нем закон разрешает лицу, производящему дознание, следователю, прокурору и суду по делам, находящимся в их производстве, поручать подразделениям, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, проводить оперативно-разыскные мероприятия или использовать средства для получения фактических данных, которые могут быть доказательствами по уголовному делу (ч. 3 ст. 72). Каких-либо запретов, как это предусматривает УПК РФ, на использование в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, – УПК ДНР не содержит.

Касательно оценки доказательств, необходимо отметить, что в непризнанных государствах доказательства оценивают только уполномоченные органы и должностные лица, как и в УПК РФ, по своему внутреннему убеждению, с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности. И в этой части вновь можно выделить лишь УПК ДНР, где законодатель не только в главе, посвященной доказательствам, не упоминает эти свойства доказательств, но и в других главах и разделах. Единственный случай, где речь идет о достоверности и недостоверности доказательств, касается запрета апелляцион-

ному суду при возвращении уголовного дела прокурору или в суд первой инстанции предрешать вопрос о достоверности и недостоверности доказательств (ч. 3 ст. 390). Кстати, и УПК РСФСР 1960 г. также оперировал понятием достоверность – недостоверность только в части указаний кассационной инстанции, которая не вправе была предрешать вопросы достоверности или недостоверности доказательств (ч. 2 ст. 352) и пределов прав надзорной инстанции (ч. 7 ст. 380).

Подводя итог общему обзору некоторых норм доказательственного права в не признанных мировым сообществом государствах на постсоветском пространстве, можно сформулировать некоторые выводы.

1. Уголовно-процессуальное законодательство непризнанных государств на территории бывшего СССР формировалось в разные периоды времени.

2. Нормы о доказательствах и доказывании в уголовном судопроизводстве имеют отличия, иногда существенные. В связи с этим можно было бы условно разделить отдельные нормы доказательственного права на три модели: 1) российская, где нормы практически идентичны УПК РФ; 2) советская, нормы которой унаследованы из УПК РСФСР и иных союзных республик; 3) смешанная, где преимущественно присутствуют нормы советского законодательства, но с элементами современного российского УПК.

3. Достижения советской доктрины доказательственного права в разной степени реализованы в законодательстве непризнанных государств постсоветского пространства.

Список литературы

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юридическая литература, 1973. 584 с.

2. Карнеева Л. М., Кертэс И. Источники доказательств (по советскому и венгерскому законодательству). М. : Юридическая литература; Будапешт : Кезгаздашаги эш Йоги, 1985. 136 с.

3. Жукова Д. В. Доказательства и доказывание в ряде стран СНГ // Вестник Орловского государственного университета. 2015. № 2 (43). С. 254–259.

4. Турдиев Л. З. Сравнительный анализ норм законодательства некоторых стран СНГ, относящихся к оценке доказательств в уголовном процессе // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 2. № 1 (2). С. 293–299.

5. Корнакова С. В. Сравнительно-правовой анализ регламентации правил оценки доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве стран СНГ // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 251–256.

6. Самбурова М. В. Правовое положение лица, против которого начат уголовный процесс, по уголовно-процессуальному закону Латвийской Республики : автореф. …канд. юрид. наук. М. : Академия управления МВД России, 2010. 252 с.

7. Виноградов В. А. Обязанность доказывания в уголовном судопроизводстве государств – бывших членов СССР // Российский судья. 2016. № 8. С. 16–19.

8. Качалов В. И. Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики. Wolters Kluwer Russia, 2010. 511 с.

9. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991. 269 с.

Шишов В. В.[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Прекращение уголовного дела является одним из ключевых в системе процессуальных решений, поскольку представляет собой отказ компетентных органов от уголовного преследования, а в отдельных случаях влечет за собой и проведение активных действий реабилитирующего характера со стороны государства по восстановлению нарушенных прав лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное судопроизводство.

Вопросы правовой природы процессуальных решений нашли свое отражение в трудах М. И. Бажанова [1], П. А. Лупинской [2], Ю. М. Грошевого [3], Л. М. Карнеевой [4], анализ которых показал о наличии связи законности и обоснованности принимаемого процессуального решения с доказательствами, собранными по уголовному делу. Не случайно Л. М. Карнеева указала, что «в качестве основания процессуального решения выступает доказанность или недоказанность фактов и образуемых ими фактических обстоятельств» [5, с. 6].

Вопрос о пределах доказывания обстоятельств, имеющих существенное значение по уголовному делу, расследование по которому оканчивается вынесением постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, остается предметом научной дискуссии [6, с. 30; 7, с. 109], однако, как представляется, все же верным является вывод о необходимости производства расследования в обычном порядке, установлении всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных ст. 73 УПК РФ [8, с. 14]. Л. М. Карнеева по этому поводу отметила, что, если речь идет о решении на завершающем этапе расследования, то все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, должны быть к этому моменту выяснены с исчерпывающей полнотой [9, с. 592].

Продолжая анализировать правовую природу процессуального решения, Л. М. Карнеева сделала достаточно интересный вывод о том, что «обстоятельства, составляющие содержание решения, познаются не единственно на основании сведений о них, являющихся доказательством, но и в результате выводного знания, когда мы на основании одних познанных фактов выводим знание о других» [10, с. 6].

Таким образом, основанием решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в большей степени является выводное знание о наличии сведений об участии лица в совершенном преступлении, изложенные

[1] © Шишов В. В., 2022.

в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Логичным являлся вопрос об установлении обстоятельств, о которых указывала Л. М. Карнеева:

– «свидетельствующие о том, что событие (данные), послужившие основанием к возбуждению уголовного дела, действительно имело место;

– подтверждающие совершение преступного деяния тем лицом, которому предъявлено обвинение;

– установлено соответствие деяния, совершенного привлекаемым к уголовной ответственности лицом, составу преступления, предусмотренном уголовным законом;

– свидетельство об отсутствии данных, исключающих уголовную ответственность или освобождающих от нее» [11, с. 27].

Обоснованность процессуального решения, по мнению Л. М. Карнеевой, связана и с внутренним убеждением следователя. Критикуя А. Я. Вышинского, предлагающего отводить существенную роль убеждению судьи при наличии противоречий в представленных доказательствах и обстоятельствах, имеющих значение по уголовному делу, Л. М. Карнеева справедливо указывала на то, что такой подход отрывает внутреннее убеждение от объективной основы, превращает его в средство восполнения пробелов в доказывании [9, с. 592]. Объективность процессуального решения, согласно Л. М. Карнеевой, предполагает серьезное и вдумчивое отношение к противоположным суждениям, отсутствие обвинительного уклона и предвзятости, умение проанализировать фактические обстоятельства с самых различных позиций [9, с. 619].

Таким образом, выводы о правовой природе процессуальных решений, основанных не только на доказательствах, но и выводных знаниях о них, необходимости установления всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания для принятия достоверного решения, связи между процессуальном решением и внутренним убеждением следователя, сформулированные Л. М. Карнеевой, остаются актуальными и в настоящее время, служат основой для развития сформированной в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя научной школы.

Список литературы

1. Бажанов М. И. Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве : автореф. дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Харьков, 1967. 34 с.

2. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М. : Норма : Инфра-М, 2010. 238 с.

3. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков : Высшая школа, 1979. 143 с.

4. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности по советскому праву: уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.00. М., 1970. 687 с.

5. Карнеева Л. М. Проблемы доказывания в советском уголовном процессе и основание процессуальных решений // Сборник тезисов выступлений на тео-

ретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27.03.1981. М., Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1981. С. 3–7.

6. Власов А. Освобождение от уголовной ответственности с применением судебного штрафа: проблемы прокурорского надзора. Законность. 2017. № 1. С. 30–33.

7. Кудрявцева А. В., Сутягин К. И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 102–110.

8. Шишов В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2019. 223 с.

9. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности по советскому праву: уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.00. М., 1970. 687 с.

10. Карнеева Л. М. Проблемы доказывания в советском уголовном процессе и основание процессуальных решений // Сборник тезисов выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981 г. М. : ВНИИ МВД СССР, 1981. С. 3–7.

11. Карнеева Л. М., Статкус В. Ф. Предъявление обвинения. М. : Библиотека следователя, 1973. 56 с.

Закарян С. А.[1],
выпускник аспирантуры Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ ПРОДЛЕНИЯ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ СВЫШЕ 12 МЕСЯЦЕВ (ПОСВЯЩАЕТСЯ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Л. М. КАРНЕЕВОЙ)

Настоящая статья посвящается выдающемуся ученому-криминалисту, доктору юридических наук Карнеевой Лидии Михайловне. В ее трудах заложены уголовно-процессуальные правовые разработки, применявшиеся в практической деятельности дознавателя, следователя в досудебном производстве, послужившие базисом для дальнейших научных изысканий учеными не только советского, но и постсоветского периода. Поэтому я считаю ее вклад в уголовно-процессуальную науку бесценным и неизмеримым.

Лидия Михайловна посвятила большинство научных исследований проблемам криминалистической тактики, теории доказательств и доказыванию в досудебном уголовном судопроизводстве. Область научных интересов Лидии Михайловны обусловлена ее практической деятельностью, когда в период времени с 1947 по 1955 гг. она работала в Московской городской прокуратуре в должности старшего следователя и затем прокурора отдела по надзору за органами милиции, где и столкнулась в том числе с недостатками процесса доказывания в досудебном производстве уголовного судопроизводства.

Л. М. Карнеева отмечает, что укрепление законности в деятельности органов расследования, прокуратуры и судов прямо связано с обоснованностью принимаемых ими процессуальных решений. Это, в свою очередь, зависит от правильного понимания их основания [5, с. 85].

В настоящее время в уголовно-процессуальной практике имеются проблемы доказывания в досудебном производстве, в частности, при обосновании необходимости продления срока меры пресечения в виде заключения под стражу свыше 12 месяцев. Данная тема приобретает особую актуальность и значимость, в связи с тем, что подобная мера пресечения является наиболее строгой, так как связана с изоляцией от общества и другими существенными ограничениями, затрагивает важнейшие права и свободы человека и гражданина, гарантированные национальной конституцией и международно-правовыми актами.

Продление срока содержания под стражей свыше 12 месяцев допускается в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. На этом этапе следователи часто совершают ошибки, связанные с механическим обоснованием ходатайства продления срока содержания под стражей. Зачастую следователи приводят те же обстоятельства и основания, которые указывались в ходатайстве при избрании меры пресечения, при этом не

[1] © Закарян С. А., 2022.

обосновывая наличия фактических обстоятельств, носящих исключительный характер, необходимых для продления срока действия меры пресечения.

В постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей свыше 12 месяцев следователи обосновывают такое решение необходимостью ознакомления с материалами уголовного дела, ссылкой на тяжесть совершенного преступления, в связи с чем обвиняемый может скрыться от органов следствия или угрожать свидетелю, потерпевшему или иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожать доказательства, либо другим способом воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Неприведение в постановлении органами следствия фактических обстоятельств, обосновывающих необходимость продления срока содержания под стражей, приводит и к инерционному характеру работы судей, суды при рассмотрении ходатайств формально ссылаются на приведенные следователями сведения без их проверки. В результате решения судов о продлении срока содержания под стражей отменяются судебными коллегиями по уголовным делам апелляционных судов общей юрисдикции.

Так, судебная коллегия по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции отменила постановление Верховного суда Республики Татарстан от 25 декабря 2019 г. в отношении Н. о продлении срока содержания под стражей и избрала ему меру пресечения в виде домашнего ареста.

Обстоятельствами материала являются следующие: постановлением Верховного суда Республики Татарстан 25 декабря 2019 г. обвиняемому Н. был продлен срок содержания под стражей для ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела на три месяца, а всего до 26 месяцев 27 суток. Сторона защиты привела аргументы в части того, что суд первой инстанции не учел, что следователь не представил доказательств, обосновывающих необходимость продления срока содержания – возможность скрыться от следствия и суда и другие основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ.

При этом сторона защиты приводит не менее важный довод о том, что ранее обвиняемый Н. в течение длительного времени выполнял обязательство по явке к следователю, возложенное на него соответствующей мерой процессуального принуждения. Также была отмечена позиция Европейского Суда по правам человека – соразмерность ограничения права на свободу означает обеспечение баланса между общественными интересами, которые могут потребовать предварительного заключения лица под стражу, и важности права на свободу личности с учетом презумпции невиновности. При установлении такого баланса важным фактором является продолжительность содержания под стражей, которая не должна превышать разумных пределов. При этом, хотя особая тяжесть преступлений может вызвать такую реакцию общества и социальные последствия, которые делают оправданным предварительное заключение лица, по крайней мере, в течение определенного времени, продление содержания под стражей на основе учета одной только тяжести преступления недопустимо.

Необходим учет обстоятельств, оправдывающих его содержание под стражей как возможность давления на свидетелей, опасность, что это лицо скроется

от правосудия, важность предмета разбирательства, сложность дела, поведение этого лица, мнение компетентных органов и другие.

Таким образом, судебная коллегия по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции пришла к выводу, что данных об обстоятельствах, оправдывающих дальнейшее содержание обвиняемого Н. под стражей, ни в ходатайстве следователя, ни в материале, представленном вместе с ходатайством, ни в решении суда первой инстанции, не содержатся. Так, постановление Верховного суда Республики Татарстан от 25 декабря 2019 г. в отношении обвиняемого Н. отменено и вынесено новое решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста на срок два месяца, с применением этой меры пресечения в жилом помещении, в котором обвиняемый проживает в качестве собственника.

В части учета всех обстоятельств, которые могут повлиять на законность решения, Лидия Михайловна Карнеева отметила, что, разрешая те или иные вопросы при производстве предварительного следствия, следователь обязан учитывать как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие характер и степень ответственности [4, с. 4–5].

Применительно к обоснованию продления срока содержания под стражей, заметим, нужно приводить не только фактические обстоятельства, подтверждающие наличие оснований, необходимых для продления срока содержания под стражей, но и указывать, по какой причине необходимо сохранить именно такую меру пресечения и причину невозможности применения более мягкой меры пресечения.

В другом решении судебная коллегия по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции отменила постановление Верховного суда Республики Татарстан от 29 апреля 2020 г. о продлении срока содержания под стражей обвиняемого П. на три месяца, а всего до 33 месяцев 18 суток. Указав в апелляционном определении, что суд не разъяснил, почему в отношении П. невозможно применение более мягкой меры пресечения, не учел положительно характеризующие его сведения. В основу решения суда первой инстанции положены только доводы, приведенные в ходатайстве следователя об избрании меры пресечения, тогда как обстоятельства, послужившие основанием для избрания меры пресечения, изменились. Процесс сбора доказательств по делу завершен, потерпевшие, представители потерпевших и свидетели допрошены, обвиняемый П. полностью ознакомился с материалами уголовного дела. Тяжесть предъявленного обвинения сама по себе не может являться определяющей при рассмотрении ходатайства следователя. Убедительных данных, подтверждающих доводы следователя о том, что в случае избрания в отношении П. меры пресечения в виде домашнего ареста, он может оказать незаконное воздействие на участников судопроизводства, суду не было представлено. Выводы суда первой инстанции о том, что обвиняемый может в случае освобождения из-под стражи продолжить заниматься преступной деятельностью, не основаны на каких-либо фактических данных, установленных в судебном заседании.

Кроме того, вывод суда первой инстанции о том, что домашний арест не позволит П. находиться в изоляции от общества и предотвратить попытки обвиняемого скрыться от следствия и суда, сделан без учета положений ст. 107 УПК РФ.

В результате постановление Верховного суда Республики Татарстан от 29 апреля 2020 г. о продлении срока содержания П. под стражей отменено и в отношении последнего избрана мера пресечения в виде домашнего ареста [3].

Таким образом, в большинстве случаев по уголовному делу, в рамках которого следователь возбуждает ходатайство о продлении срока содержания под стражей свыше 12 месяцев, процесс собирания доказательств окончен, свидетели и потерпевшие допрошены, обвиняемый признал вину и находится в процессе ознакомления с материалами уголовного дела, признаки его затягивания отсутствуют, соответственно, обвиняемый не может воспрепятствовать производству по уголовному делу.

По тем же основаниям были отменены и другие постановления судов первой инстанции об удовлетворении ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей: апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 6 мая 2020 г. об отмене постановления Краснодарского краевого суда [2]; апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 20 ноября 2019 г. об отмене постановления Московского областного суда [1] и др.

Выше приведены примеры отмены постановлений суда первой инстанции о продлении срока содержания под стражей с избранием меры пресечения в виде домашнего ареста, которые свидетельствуют о системности таких ошибок следователя и в последующем суда первой инстанции, возникающими достаточно часто.

Отметим очень важную деталь, которая характеризует подобные ошибки. Следователь в обосновании необходимости продления срока содержания под стражей свыше 12 месяцев, и в последующем суд первой инстанции, действует вопреки требованиям постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 от 19 декабря 2013 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», которыми необходимо руководствоваться не только судам, но и следователям.

Так, п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации указывает на необходимость подтверждения достоверными сведениями и доказательствами оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ и с учетом обстоятельств, изложенных в ст. 99 УПК РФ. В данном постановлении также указывается, что на первоначальных этапах производства по уголовному делу тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения по приговору наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут служить основанием для заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу ввиду того, что он может скрыться от органов предварительного расследования. Тем не менее, в дальнейшем одни только эти обстоятельства не могут признаваться достаточными для продления срока действия данной меры пресечения.

Возможность воспрепятствовать производству по уголовному делу на начальных этапах предварительного расследования может служить основанием для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако в последующем при продлении срока содержания под стражей необходимо учитывать

результаты расследования, личность подозреваемого, обвиняемого, его поведение до и после задержания.

В постановлении разъясняется, что сама по себе необходимость дальнейшего производства следственных действий и не может выступать в качестве единственного и достаточного основания для продления срока содержания обвиняемого под стражей. Помимо того, необходимость ознакомления (продолжения ознакомления) с материалами уголовного дела не может быть единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей как в отношении обвиняемого, не ознакомившихся с материалами уголовного дела.

Указанные примеры из судебной практики показывают, что в ходатайствах следователей о продлении срока содержания под стражей не учитываются требования уголовно-процессуального закона и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41.

Причиной допущенных ошибок можно и назвать большой объем дел в производстве следователей, особую сложность некоторых преступлений, но все же основная причина – недостаточная организация следователем процесса производства по уголовному делу, формальный подход к требованиям уголовно-процессуального закона, и, следовательно, недостаточный контроль со стороны руководителя следственного органа работы своих подчиненных – следователей.

Все эти факторы в совокупности приводят к нарушению прав и свобод человека и гражданина, в части незаконного и необоснованного содержания под стражей, существенным нарушениям не только признанных национальной конституцией гарантий, но и общепризнанных международно-правовых норм.

Список литературы

1. Архив новостей Первого апелляционного суда общей юрисдикции // URL: https://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=101 (дата обращения: 14.08.2021).

2. Архив новостей Третьего апелляционного суда общей юрисдикции // URL: https://3ap.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=12&arc_list=2019 (дата обращения: 18.08.2021).

3. Архив новостей Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции // URL: https://4ap.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep (дата обращения: 15.08.2021).

4. Карнеева Л. М. Процессуальные основания и порядок привлечения : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1955. 16 с.

5. Карнеева Л. М. Доказывание в советском уголовном процессе и основание процессуальных решений // Советское государство и право. 1981. № 10. С. 85–90.

Вознюк Е. П.[1],
старший следователь 1-го отделения по расследованию преступлений против личности УМВД России по городу Калининграду, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Бобров В. К.,
профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ДОСТАТОЧНЫЕ ДАННЫЕ» И «ДОСТАТОЧНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» В ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В условиях существования правового демократического государства общество предъявляет особые требования к осуществлению правосудия, которое в свою очередь зависит от качественного расследования уголовных дел. Поэтому поиск оптимальных путей повышения эффективности деятельности органов предварительного расследования и совершенствования уголовно-процес–суального законодательства – важная задача, стоящая перед наукой уголовно-процессуального права и правоприменительной практикой.

Проблемы теории доказательств во все времена являлись предметом острых дискуссий как ученых-процессуалистов, так и криминалистов, поскольку только в результате доказывания может быть принято законное и обоснованное решение по уголовному делу, то есть достигнута конечная цель правосудия.

Огромный вклад в развитие теории доказательств внесла доктор юридических наук, профессор Лидия Михайловна Карнеева – выдающийся ученый-процессуалист, автор ряда фундаментальных публикаций по данной теме («Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная», 1967; «Теория доказательств в советском уголовном процессе», 1973; «Доказательства и доказывание при производстве расследования», 1977; «Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству», 1985; «Доказательства в советском уголовном процессе», 1988) и др.

Научное внимание всегда привлекали вопросы содержания и соотношения ключевых для уголовного процесса понятий. Так, УПК РФ оперирует терминами «достаточные данные» и «достаточные доказательства». Однако в ст. 5 УПК РФ, закрепляющей перечень основных понятий, используемых в данном кодексе, ни того, ни другого понятия нет. При этом, если понятие «достаточные доказательства» относительно определено и проработано как с доктринальной, так и с практической точки зрения, в том числе в контексте пределов доказывания, то понятие «достаточные данные» оставлено без должного раскрытия.

[1] © Вознюк Е. П., 2022.

Неизбежно возникает вопрос: как соотносятся эти понятия друг с другом? Сегодня существуют две основные точки зрения на этот счет.

Первая – сводится к их отождествлению, поскольку и те, и другие являются источниками сведений, подлежащих доказыванию.

Вторая точка зрения обосновывает вывод, что «достаточные данные» – это еще не доказательства или не всегда доказательства. Так, например, А. В. Гуев под «достаточными данными» понимает: «... доказательства, в том числе результаты оперативно-разыскной деятельности, которые отвечают требованиям, предъявляемым УПК к доказательствам» [2, с. 298].

Исходя из смысла ч. 1 ст. 74 УПК РФ, доказательствами являются лишь те сведения, которые устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, и иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Например, оперуполномоченным уголовного розыска была получена информация о совершенном преступлении, о чем он пишет рапорт. На данном этапе ни у рапорта, ни у содержащейся в нем информации никакой доказательственной силы нет. Однако после проверки содержащихся в рапорте сведений они могут превратиться в «данные», достаточные для возбуждения уголовного дела, а в дальнейшем, после облечения их в процессуальную форму, и в доказательства.

Другая точка зрения сводится к разделению этих понятий. Так, А. В. Петров в качестве критерия такого разделения берет степень достоверности информации. По его мнению, «достаточные доказательства» обладают наивысшей степенью достоверности [10, с. 57–59], а «достаточные данные», напротив, низкой. Нельзя согласиться с такой позицией, поскольку для принятия того или иного конкретного процессуального решения в соответствии с УПК РФ должна быть соответствующая степень достоверности. Само качество «достаточности» данных для возбуждения уголовного дела или производства обыска, например, говорит о должном уровне достоверности для принятия того или иного процессуального решения.

По нашему мнению, разница между понятиями «достаточные доказательства» и «достаточные данные» носит формальный характер в силу различных требований, предъявляемых к процессуальному оформлению «доказательств» и «данных».

Доказательствами по уголовному делу в соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Самое главное отличие «доказательств» от «данных», на наш взгляд, это процессуальная форма. Доказательство становится таковым только в том случае, если оно получено в соответствии с УПК РФ и закреплено в соответствующей процессуальной форме. Например, орудие взлома, найденное при осмотре места происшествия, не будет являться вещественным доказательством, если следователь забудет отразить эту находку в протоколе осмотра места происшествия или не упакует и не опечатает данный вещдок в соответствии с ч. 3 ст. 177 УПК РФ.

Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 50 гласит: при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Нарушение процессуальной формы влечет признание доказательства недопустимым, в соответствии с ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Так, изъятие у лица наркотических средств и соответствующее заключение эксперта являются «достаточными данными» для возбуждения уголовного дела. Однако, если в дальнейшем будет установлено, что наркотическое средство изымалось, например, в присутствии одного понятого, либо не было должным образом упаковано, оно может быть признано недопустимым и не войдет в систему доказательств, достаточных для признания лица, у которого наркотическое средство было изъято, виновным. Таким образом, одна и та же информация может иметь статус «достаточных данных», но не получить статус «достаточных доказательств». Следует отметить, что требования облекать в строго установленную процессуальную форму «данные» в УПК РФ нет.

В соответствии с ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения, а это и есть «достаточные данные» для возбуждения уголовного дела, могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75 и 89 УПК РФ. То есть этой нормой законодатель «примиряет» «данные» и «доказательства», указывая, что при правильном облечении «данных» в процессуальную форму, если те имеют отношение к предмету доказывания, они становятся «доказательствами».

Об этом еще в 1977 г. писала Л. М. Карнеева, утверждая, что первоначальные представления являются ориентиром для сбора необходимых доказательств [5, с. 35–36].

По мнению Л. М. Карнеевой, на стадии возбуждения уголовного дела устанавливаются лишь признаки преступления, и для этой стадии достаточным может быть вероятностный вывод о них. Правильность же сделанного вывода проверяется в ходе дальнейшего расследования, в процессе которого совершается переход от вероятностных суждений к достоверным выводам [6, с. 133–134].

Можно утверждать, что разница между рассматриваемыми понятиями есть, но непреодолимой границы нет, так как в ходе расследования в процессе сбора, анализа и оценки информации о совершенном преступлении, суждения следователя (дознавателя) меняются. И «данные» могут превратиться в «доказательства». Таким образом, данные о совершенном преступлении – это потенциально возможные доказательства, поэтому на практике следователь (дознаватель) старается «данные» облечь в процессуальную форму, видя в них потенциал доказательств.

Возможна и обратная ситуация, когда доказательства выступают в роли «достаточных данных». Например, для производства обыска, основанием для проведения которого в соответствии со ст. 182 УПК РФ «является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела».

Так, при расследовании уголовного дела по факту совершения разбойного нападения в отношении гражданки К., из показаний потерпевшей следовало, что противоправные действия против нее были совершены в квартире, где вре-

менно проживал подозреваемый, на которого также указала потерпевшая при проведении следственного действия – предъявления для опознания (ст. 193 УПК РФ). Допрошенный в качестве подозреваемого Ж. признательных показаний не дал, однако, подтвердил, что действительно проживает по адресу, указанному потерпевшей. Таким образом, сведения, полученные в результате следственных действий и отраженные в протоколах – допроса потерпевшей, подозреваемого и предъявления для опознания – доказательства, в соответствии со ст. 182 УПК РФ явились достаточными данными для производства обыска в жилище подозреваемого, в результате которого были обнаружены предметы, похищенные у потерпевшей. В итоге, все доказательства, полученные в результате проведения всех вышеуказанных следственных действий, были признаны следователем достаточными для привлечения Ж. в качестве обвиняемого. Данная ситуация еще раз подчеркивает подвижность границы между «достаточными данными» и «достаточными доказательствами» в ходе расследования уголовного дела.

Представляется, что отличие «данных» от «доказательств» следует искать также в плоскости отношения к предмету доказывания. Профессор В. А. Лазарева определяет предмет доказывания как «главный факт, состоящий из обстоятельств, являющихся конечной целью доказывания, представляющее собой обобщенное (нормативное) выражение обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу» [8, с. 124].

В ходе предварительного расследования происходит сбор различных данных, в том числе тех, которые не относятся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Эти данные необходимы для обоснования иных правоприменительных решений, например, применения мер пресечения, и доказательствами, исходя из содержания ст. 74 УПК РФ, на наш взгляд, не являются. Так, отсутствие у обвиняемого постоянного места жительства на территории России будет достаточным для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В то же время никакого отношения к предмету доказывания данные об отсутствии постоянного места жительства у обвиняемого не имеют.

Ярким примером уголовно-процессуального познания, но не доказывания является ч. 1 ст. 144 УПК РФ, которая регламентирует проведение проверочных действий. Взгляды ученых по поводу доказательственного значения результатов проверочных действий различны. Одни считают, что они не могут иметь самостоятельного доказательственного значения, а должны использоваться только для определения оснований возбуждения уголовного дела [1, с. 32–34; 3, с. 28–31; 4, с. 35–38]. Другие – признают в некоторых случаях возможность придания результатам проверочных действий статуса доказательств [9, с. 41–44].

Полученная в результате проверочных действий информация может превратиться не только в «достаточные данные» для возбуждения уголовного дела, но в дальнейшем при правильном процессуальном оформлении и в доказательства. Следовательно, подобные проверочные действия и их результаты – «достаточные данные» можно считать средствами доказывания.

Представляется, что, по сути, жесткой границы между проверочными и следственными действиями нет. Как только признаки преступления выявлены, принимается решение о возбуждении уголовного дела и задействуется ин-

струментарий следственных действий [7, с. 21]. При этом сведения по обстоятельствам, требующим доказывания, полученные в результате проверочных действий, должны быть обязательно проверены в рамках следственных действий.

Список литературы

1. Арестова Е. Н. Новый процессуальный акт – ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме // Российская юстиция. 2013. № 11.

2. Гуев А. Н. Постатейный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2003. 1117 с.

3. Зажицкий В. И. Дополнения к ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ: плюсы и минусы // Российская юстиция. 2013. № 11. С. 28–31.

4. Исмаилов Ч. М. Разумный срок уголовного судопроизводства и отдельные проблемы его применения // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 35–38.

5. Карнеева Л. М. Доказательства и доказывание при производстве расследования : лекция. Горький, 1977. 44 с.

6. Карнеева Л. М. Советский уголовный процесс : учебник для вузов МВД СССР. М. : Академия МВД СССР, 1982. 578 с.

7. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 343 с.

8. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2012.

9. Новиков С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России : монография. СПб. : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 238 с.

10. Петров А. В. Достаточные данные – необходимое условие для возбуждения уголовного дела // Законность. № 2. 2011. С. 8–9.

Чиковани М. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Есина А. С.,
доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ Л. М. КАРНЕЕВОЙ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ И ВОПРОСЫ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Признать подсудимого виновным может только суд, о чем декларирует ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации. Однако именно в ходе досудебного производства, еще задолго до судебного решения, следователь принимает решение о привлечении лица к уголовной ответственности и выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого. В науке уголовно-процессуального права устоявшимся считается утверждение о том, что понятия «привлечение к уголовной ответственности» и «привлечение в качестве обвиняемого» являются тождественными. Данный тезис одной из первых высказала и доказала заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор Лидия Михайловна Карнеева, которую мы знаем как ведущего специалиста в области уголовного процесса и криминалистики. Именно она в ходе своих диссертационных исследований [1; 2] обосновала тождественность данных понятий, справедливо указывая на то, что «Привлечение к уголовной ответственности в уголовно-процессуальном смысле понимается как привлечение конкретного лица в качестве обвиняемого особым актом органа расследования». [1, с. 286]. По мнению Л. М. Карнеевой содержание понятия «привлечение к уголовной ответственности» отвечает на два важных вопроса в период расследования: кто и за что привлекается к уголовной ответственности. Именно на эти два вопроса и содержится ответ в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого [1, с. 284].

Основания и порядок привлечения лица в качестве обвиняемого регламентированы нормами гл. 23 УПК РФ. Несмотря на тот факт, что в современной юридической литературе высказываются мнения относительно целесообразности сохранения данного института в уголовно-процессуальном законе [3, с. 38–40], автор статьи, имеющий практический опыт работы в следственных подразделениях, не разделяет подобных взглядов и считает этап предъявления обвинения центральным и существенным в системе предварительного следствия. Уместно в этой связи вспомнить слова русского юриста А. Ф. Кони, который в начале XX в., подчеркивая значимость предъявления обвинения писал: «...уголовная ответственность слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до пре-

[1] © Чиковани М. А., 2022.

дания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиняемого человеку поспешным и необъективным привлечением к уголовному делу» [4, с. 401].

Л. М. Карнеева отмечала, что «… процессуальный порядок, в котором осуществляется привлечение лица к уголовной ответственности, является гарантией осуществления обвиняемым права на защиту; формулировка обвинения, в известной мере, определяет объем исследования дела во всех последующих стадиях уголовного процесса.» [2, с. 288].

Сегодня процедура привлечения лица в качестве обвиняемого имеет высшую степень процессуальной регламентации. И все же отдельные моменты нуждаются, на наш взгляд, в корректировке.

Порядок предъявления обвинения представляется механизмом, состоящим из строго определенных последовательных действий следователя. Во-первых, следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, согласно положениям ст. 171 УПК РФ. Во-вторых, составляет письменное извещение лица о дате предъявления обвинения, с одновременным разъяснением права приглашения защитника, либо обеспечения его участия, согласно ст. 50 УПК РФ. Правоприменители, кроме того, уведомляют о дне предъявления обвинения и ранее приглашенного защитника уже участвующего в уголовном деле. В-третьих, следователь удостоверяется в личности лица, которому предъявляется обвинение. В-четвертых, объявляется постановление о привлечении в качестве обвиняемого, разъясняется существо обвинения, что согласуется с международными стандартами [5; 6], согласно которым обвиняемый должен быть незамедлительно и подробно уведомлен на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения. Одновременно с этим, следователь разъясняет права обвиняемому, предусмотренные ст. 47 УПК РФ. В-пятых, копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого вручается обвиняемому и его защитнику/защитникам, а в случае если обвиняемый не владеет языком, на котором ведется судопроизводство, то и само постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно быть заранее переведено на родной для обвиняемого язык и вручено ему (ч. 3 ст. 18, ч. 8 ст. 172, п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Процессуальный порядок привлечения в качестве обвиняемого завершается допросом обвиняемого в связи с указанием закона на немедленность его производства (ч. 1 ст. 173 УПК РФ).

С точки зрения законности действий следователя, трудно переоценить важность соблюдения процессуального порядка, при котором осуществляется привлечение лица в качестве обвиняемого, поскольку этот алгоритм является гарантией осуществления обвиняемым права на защиту. Л. М. Карнеева подчеркивала, что «… реального осуществления обвиняемым права на защиту возможно только при верном соблюдении порядка ознакомления с постановлением и разъяснением его сущности…» [2, с. 12].

Остановимся более подробно на некоторых проблемных ситуациях, которые возникают в практической деятельности следователя при разъяснении существа обвинения и немедленном допросе обвиняемого.

Нормы гл. 23 УПК РФ прямо не устанавливают обязательность прочтения всего текста постановления о привлечении в качестве обвиняемого, но указывают на обязанность объявления постановления и разъяснения сущности предъявленного обвинения (ч. 5 ст. 172 УПК РФ). Статья 24 Конституции Российской Федерации закрепляет обязанность должностных лиц обеспечить каждому гражданину возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы, а УПК РФ гарантирует обвиняемому право знать, в чем он обвиняется, и давать пояснения по предъявленному обвинению (п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Правовая регламентация данной процедуры допускает, что при предъявлении обвинения обвиняемый вправе сам, лично, читать полностью весь текст постановления о привлечении в качестве обвиняемого, либо вправе слушать прочтение этого документа вслух следователем (защитником). Каким именно образом проходило ознакомление с рассматриваемым процессуальным документом фиксируется в самом постановлении о привлечении в качестве обвиняемого[1]. Однако и после ознакомления с документом следователь обязан разъяснить существо предъявленного обвинения, после чего немедленно допросить обвиняемого.

Проблемной является ситуация, при которой объем предъявленного обвинения очень велик (например, более 100 стр. [2]) и сама процедура ознакомления с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого затягивается до нескольких дней. При этом, если допустить, что обвиняемый не владеет языком, на котором ведется судопроизводство, то процедура предъявления обвинения может занимать от нескольких дней до месяца, а то и более. Предполагал ли законодатель такую продолжительность данного процессуального действия? При этом заметим, что остро стоит вопрос и с производством немедленного допроса обвиняемого. Возможно ли допросить обвиняемого немедленно, в тот же день и час, как только ему будет предъявлено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, если само ознакомление с процессуальным документом тянется несколько дней? Не следует забывать при этом, что следователь должен обеспечить право на защиту, что предполагает не только обеспечение участия защитника, но и необходимость предоставления времени обвиняемому для обдумывания сущности обвинения и определения его правовой позиции защиты. На все это нужно время, которое по тексту УПК РФ не предусмотрено для данной процессуальной процедуры. В результате, в правоприменительной практике, следователь должен находить такие пути решения обозначенной проблемы, которые позволят ему не нарушать принципиальные положения уголовного судопроизводства и прежде всего соблюдать принцип законности.

Для разрешения рассматриваемой проблемной ситуации правоприменительная практика использует различные варианты. Были случаи, когда следователи заранее предоставлял постановление о привлечении в качестве обвиняемо-

[1] По результатам анкетирования 98 % респондентов утвердительно ответили на вопрос о том, фиксируется ли в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого факт ознакомления с постановлением: путем личного прочтения либо прочтения документа вслух следователем.

го защитнику и его клиенту. Делалось это с тем, чтобы при фактическом предъявлении обвинения сторона защиты уже была осведомлена о содержании постановления и сущности обвинения. Отметим, что этот путь не разрешил обозначенной проблемы, поскольку при фактическом предъявлении обвинения сторона защиты вновь знакомилась с полным текстом постановления о привлечении в качестве обвиняемого, пытаясь найти несовпадения в тексте (имеется в виду между постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и проектом подобного постановления, который был предоставлен стороне защиты заранее), выражая таким образом недоверие субъекту расследования.

Были предприняты попытки начинать допрос обвиняемого в тот день, когда заканчивалось ознакомление с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, а сам допрос обвиняемого проходил в двое суток, с перерывом (на ночное время), что отражалось в протоколе допроса. К сожалению, в этом случае в действиях следователя сторона защиты усматривала нарушения требований уголовно-процессуального закона, что выражалось в соответствующих ходатайствах. При этом заметим, что допрос обвиняемого нельзя проводить неоднократно, а производить повторный допрос обвиняемого допустимо лишь по его просьбе, что объясняется необходимостью исключения даже гипотетической возможность давления со стороны органов расследования (ч. 4 ст. 173 УПК РФ).

Допрос обвиняемого имеет важнейшее значение для расследования. Решение о привлечении в качестве обвиняемого принимается следователем до решения об окончании расследования, прежде всего потому, что не получены и не проверены показания обвиняемого. После допроса обвиняемого следует обязательная проверка данных показаний и бывают ситуации, когда следователи пересматривают квалификацию или объем обвинения, а то и вовсе прекращают уголовное преследование в отношении лица в случае, если для этого появились основания после проверки показаний обвиняемого.

Таким образом, полученные показания обвиняемого имеют важнейшее значение для всего расследования. Однако проводить немедленный допрос, соблюдая требования ст. 173 УПК РФ, порой не только затруднительно, но и невозможно. Более того, допрос, не проведенный «немедленно», фактически нарушает права обвиняемого на защиту. Мы убеждены, что для осмысления обвинения и дачи показаний по каждому эпизоду предъявленного обвинения человеку необходимо время. Не всегда и не по каждому уголовному делу обвиняемый может немедленно дать показания. Особенно остро это проявляется при предъявлении объемного обвинения. Невольно задаешься вопросом: действительно ли законодатель, употребляя термин «немедленно» в ч. 1 ст. 173 хотел поставить участников судопроизводства в условия, при которых закон необходимо соблюдать вопреки здравому смыслу? Полагаем, что требование законодателя о немедленном допросе обвиняемого в порядке ст. 173 УПК РФ на сегодня устарело. Такие временные категории как «немедленно», «в тот же час», «незамедлительно» были характерны для Устава уголовного судопроизводства 1864 г., когда правовая регламентация уголовно-процессуальной деятельности была в самом зачатке.

В попытках разрешить рассматриваемую проблему, полагаем необходимым урегулировать возникающие проблемные ситуации при предъявлении обвинения

на законодательном уровне. Для этого предлагается исключить из ч. 1 ст. 173 УПК РФ термин «немедленно» и предоставить субъекту расследования право осуществлять допрос обвиняемого в срок не позднее трех суток с момента окончания предъявления обвинения, используя по аналогии такой же срок, который установлен законодателем для предъявления обвинения после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого в ч. 1 ст. 172 УПК РФ.

Список литературы

1. Карнеева Л. М. Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в советском уголовном процессе : дис. …канд. юрид. наук : 12.00.00. М., 1955. 324 с.

2. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности по советскому праву (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование) : дис. … докт. юрид. наук : 12.00.00. М., 1970. 687 с.

3. Гаврилов Б. Я. Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 38–40.

4. Кони А. Ф. Избранные произведения : В 2 т. 2-е изд., доп. М. : Госюриздат, 1959. Т. 2.

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. п. «а» ч. 3 ст. 6 (ETS No 5) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 11.11.2021).

6. Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. п. «а» ч. 3 ст. 14 // Официальный сайт судебных и нормативных актов РФ. URL: https://sudact.ru/law/mezhdunarodnyi-pakt-ot-16121966-ograzhdanskikh-i/chast-i/statia-1/ (дата обращения: 11.11.2021).

7. Материалы уголовного дела № 11801450007001051, возбужденного следователем СЧ по РОПД СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по г. Москве в 2018 г.

Клиновенко В. В.[1]*,*
студент кафедры «Безопасность в цифровом мире»
Московского государственного
технического университета имени Н.Э. Баумана

Научный руководитель:
Ильяшевич Т. А.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
старший преподаватель кафедры «Безопасность в цифровом мире»
Московского государственного
технического университета имени Н.Э. Баумана

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВ Л. М. КАРНЕЕВОЙ НА СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ АУДИОЗАПИСИ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Лидия Михайловна Карнеева внесла существенный вклад в теорию доказывания и развитие науки уголовного процесса в целом. Ее работы и исследования стали фундаментом российского уголовного процесса.

Одно из своих исследований профессор посвятила звукозаписи, которая нашла широкое применение в РСФСР как средство фиксации судебного заседания и отдельных следственных действий. С развитием технологий средства звукозаписи видоизменились и существенно отличаются от тех, которые использовались в годы жизни Л. М. Карнеевой. Современная аппаратура и средства стали более чувствительными к звуку, голосу человека, посторонние шумы на записи заглушаются, речь передается разборчиво. Однако их значение и роль в уголовном процессе остались неизменными. В своих трудах Л. М. Карнеева характеризовала звукозапись как незаменимое средство постоянного самоконтроля, корректировки и регуляции самого следственного действия. Она оказывает огромную помощь, фиксирует с исчерпывающей полнотой то, что памятные записи, стенограмма или протокол неспособны отразить [1, с. 8].

Л. М. Карнеева также обращала внимание на следующие причины возможных ошибок при составлении протокольной записи:

– неосведомленность в специальных вопросах, которые подлежат выяснению. Примером может послужить выяснение обстоятельств, связанных с технологией производства или бухгалтерским учетом, вопросов, ответ на которые компетентен дать только специалист или эксперт;

– предвзятость. Следователь может быть увлечен определенной версией совершения преступления, придерживаться ее. Пример – «стилизованная речь», которая включает в себя применение и использование юридических терминов самим следователем во время занесения слов допрашиваемых лиц в протокол от первого лица;

[1] © Клиновенко В. В., 2022.

– сложность понимания соотношения между содержанием речи и ее формой, между тем, что сказано и как сказано. Допрашиваемый может использовать разные интонационные и стилистические средства выражения, в зависимости от которых меняются смысл и значение информации, переданной словами.

С позицией Л. М. Карнеевой, связанной с предвзятостью следователя, представляется возможным не согласиться. Часть 4 ст. 7 УПК РФ закрепляет положение, согласно которому следователь должен выносить законные, обоснованные и мотивированные постановления. Следователь представляет собой компетентное должностное лицо, оно обязано объективно рассматривать дело, давать верную оценку существующим фактам и работать беспристрастно. Предвзятость может ставить под сомнение его компетентность и считается недопустимой для следователя и уполномоченных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Звукозапись детализирует, дополняет, но не заменяет протокол. Вместе с тем письменный протокол не должен целиком передавать и совпадать с содержанием звукозаписи, которая впоследствии прилагается к протоколу. Суть данного положения также отражена и в современном уголовно-процессуальном кодексе. Часть 5 ст. 259 УПК РФ закрепляет положение, согласно которому должна быть сделана отметка в протоколе судебного заседания в случаях осуществления фотографирования, аудио-, видеозаписи, трансляции и др. в ходе судебного разбирательства. Полученные материалы прилагают к материалам уголовного дела. Суд не может истребовать материалы у лиц, которые не являлись участниками процесса (например, журналисты, обычные граждане), но фиксировали ход судебного заседания, приобщение данных материалов возможно в случае получения согласия от них.

На сегодняшний день значение применения аудиозаписи в ходе следственных действий не потеряло своей актуальности. Суды, имеющие техническую возможность, производят фиксацию хода судебного разбирательства, используя при этом средства аудиозаписи. Случаются ситуации, когда вместимость зала судебного заседания недостаточна. Тогда слушание дела в здании суда проводится посредством трансляции в режиме реального времени. Согласно ст. 259 УПК РФ во время проведения судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций является необходимым составление протокола в письменной форме и ведение протоколирования с использованием средств аудиозаписи. Рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном заседании не допускает использование средств аудиозаписи. Однако данная норма не обязывает вести аудиозапись в ходе судебного заседания кассационной или надзорной инстанции. На законодательном уровне предполагается разумным уточнить и дополнить ст. 259 УПК РФ о необходимом ведении аудиозаписи совместно с протоколом независимо от определенной инстанции. Это позволит обеспечить обоснованность решения, полноту протокола судебного заседания.

Применение специальной правовой нормы об обязательном аудио- протоколировании, указанной в ч. 1 ст. 259 УПК РФ, можно проиллюстрировать на следующем примере из судебной практики. К. А. подал заявление в суд о возмещении имущественного вреда, причиненного в результате уголовного преследования за оказанные услуги адвоката. Суд взыскал с Министерства Фи-

нансов Российской Федерации соответствующую сумму. В апелляционной жалобе представитель по доверенности просил постановление отменить, назначить новое судебное разбирательство. Суд рассмотрел апелляционную жалобу К. А. и выяснил следующее: уголовно-процессуальный закон был существенно нарушен судом первой инстанции. Судом должно было осуществляться аудиопротоколирование, поскольку заявление К. А. рассматривалось в открытом судебном заседании. Аудиозапись в материале отсутствует, что свидетельствует о неисполнении судом процедуры фиксации уголовного процесса. Данный факт ставит под сомнение законность и обоснованность решения, принятого в рамках судебного процесса. По смыслу закона, применение технических средств судом для ведения аудиопротоколирования осуществляется для обеспечения полноты протокола судебного заседания, предоставляет возможность проверить соблюдение при рассмотрении дела требований уголовно-процессуального и уголовного закона. В связи с этим постановление суда первой инстанции было отменено судом апелляционной инстанции, а материалы дела направлены на новое рассмотрение в ином составе суда [2].

Сравнивая положения применения аудиозаписи при допросе в УПК РСФСР и УПК РФ, можно заметить диспозитивность ее использования. Согласно ч. 1 ст. 141.1 УПК РСФСР звукозапись осуществляется по решению следователя при допросе обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего. Звукозапись может применяться по просьбе допрашиваемых лиц. Часть 4 ст. 189 УПК РФ закрепляет аналогичную норму, когда фотографирование, аудио-, видеозапись могут быть проведены по инициативе следователя, а также по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса, материалы прилагаются и хранятся при уголовном деле.

Современный этап развития применения аудиозаписи и средств ее осуществления значительно отличаются от тех, которые применялись в годы жизни Л. М. Карнеевой. На смену специализированным магнитофонам «Астра», «Яуза-5» и портативным диктофонам П-180 пришли другие высокотехнологические инструменты и средства для использования их в ходе судебного процесса или записи следственных действий. Одним из них является система автоматического протоколирования «Фемида». Система разделяет запись на отрезки, за которым закрепляется определенное событие судебного процесса. Далее уполномоченное лицо использует необходимый фрагмент, указывает минуты, секунды, например, речи защитника, заслушивает определенную часть записи. Стороны вправе подать замечания на протокол, которые в течение двух суток со дня их подачи рассматриваются председательствующим (ч. 2 ст. 260 УПК РФ).

Работник аппарата суда регистрирует замечания на протокол. Замечания на отдельное процессуальное действие или аудиозапись судебного заседания также подлежат регистрации, которая осуществляется в ПС ГАС «Правосудие» – автоматизированной системе. В реестре учета входящей корреспонденции делается отметка – если имеется замечание на процессуальное действие или аудиопротокол. В тот же день судья, председательствующий по делу, подписавший протокол, получает замечания для рассмотрения [3]. Протокол и аудиозапись судебного заседания имеют важное значение в уголовном-процессе,

в том числе и для защиты прав участников судопроизводства. Указанное значение Л. М. Карнеева также отмечала в своих работах.

Пандемия коронавируса внесла существенные коррективы в процесс судопроизводства в нашей стране. Использование систем видеоконференцсвязи получило широкое распространение в уголовном судопроизводстве. Верховный Суд Российской Федерации отметил, что системы видеоконференцсвязи не препятствуют реализации прав подозреваемых, обвиняемых и подсудимых и не должны ухудшать гарантии стороны защиты на справедливое судебное разбирательство. Применение технических средств обеспечит участие различных категорий участников уголовного судопроизводства в судебном заседании в случаях их нахождения на самоизоляции или карантине [3]. Использование таких систем поставило ряд вопросов, требующих разрешения. Согласно ч. 4.11 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации № 401: если суду, рассматривающему дело, не удается устранить технические неполадки, то он должен решить вопрос о дальнейшем его рассмотрении, определении даты, времени судебного заседания. Невозможность обуславливается отсутствием в течение трех часов возможности возобновить связь или доставить осужденного в учреждение ФСИН России. На суд также возложена обязанность проинформировать участников процесса и учреждение ФСИН России о переносе судебного заседания [4]. Однако данное положение не содержит уточнения, технических характеристик требуемого качества звука аудио- и видеозаписи, допустимые посторонние шумы, шаги и скрипы в ходе записи судебного заседания. В данном приказе также считается целесообразным закрепить норму, регулирующую порядок приобщения видео- и аудиоматериала, записи видеоконференции к протоколу. Согласно ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ подсудимый участвует в судебном заседании непосредственно. Представляется важным создать норму, определяющую конкретные случаи возможности проведения видеоконференцсвязи для разбирательства по уголовному делу. Также необходимо создать единое техническое оснащение для проведения видеоконференций с использованием платформы российских производителей для обеспечения защиты информации и конфиденциальности судебного заседания. Использование таких систем, как Skype, не может давать гарантий защиты данных. В Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг. затрагивается вопрос усиления информационной безопасности в судах, охраны персональных данных и информационных баз судов. Верховный Суд Российской Федерации производит автоматизированное распределение дел между судьями в соответствии с требованиями УПК РФ, с соблюдением положений ст. 30. При распределении учитывается продолжительность отсутствия судей, их правовая специализация, текущая загруженность и другие факты.

Необходимо учитывать и то, что во время ведения протокола секретарю приходится самостоятельно строить предложения, их основу с учетом фактов окружающей действительности, это влияет на точное отражение происходящего в протоколе и его полноту. На сегодняшний день в судах используются электронные носители информации: диски, дискеты, флеш-карты. Данные средства позволяют сохранить информацию о произошедшей фиксации хода судебного

заседания путем аудиопротоколирования. Они приобщаются к материалам дела, в том числе и к протоколу судебного заседания. По каждому делу предусмотрен один электронный носитель информации отдельно. Аудиопротоколы записывают на электронные носители, однако, на это затрачивается определенное время и ресурсы, в том числе по занимаемому объему памяти электронного носителя.

Большие объемы данных представляется возможным хранить в облачных хранилищах, данная идея отражена в Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг. Данная Концепция предлагает создание облачных хранилищ для аудиопротоколов. Секретарям в судах таким способом предоставится возможность уйти от копирования аудиопротоколов на электронные носители, приобщения их к материалам дела. Участники процесса, несмотря на свое местонахождение, смогут ознакомиться с аудиопротоколом в любой момент. Использование облачных хранилищ может позволить ходатайствующим лицам без финансовых затрат открывать облачное хранилище и прослушивать аудиопротокол.

Таким образом, многие положения и идеи, затронутые Лидией Михайловной Карнеевой, нашли свое отражение и применение в современных нормах уголовно-процессуального кодекса. Звукозапись, ее значение в уголовном процессе советского времени периода 60-х гг. практически не отличается от условий применения аудиозаписи, при проведении следственных действий, судебного заседания, установленных действующим УПК РФ. Так, например, до сих пор ведут протокол судебного заседания совместно с аудиозаписью в ходе судебного заседания. Одним из основных значений аудиозаписи является защита потерпевших, других участников уголовного процесса, способствование детализированию и отражению информации, которая не была внесена в протокол.

Список литературы

1. Карнеева Л. М., Ратинов А. Р., Хилобок М. П. Применение звукозаписи в следственной работе. М., 1967. 68 с.

2. Апелляционное постановление от 8 декабря 2020 г. по делу № 4/17-47/2020. URL: https://clck.ru/YqbyZ

3. Аудиопротокол судебного заседания, 2021. URL: https://clck.ru/YqcWu Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.09.2021).

4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401 (ред. от 30 декабря 2020 г.) «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/71365896/ (дата обращения: 29.09.2021).

Химичев М. В.[1],
студент юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ПРОФЕССОР Л. М. КАРНЕЕВА ОБ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

В работах выдающегося отечественного ученого-процессуалиста профессора Лидии Михайловны Карнеевой вопросам доказательств и доказывания уделялось самое пристальное внимание. Будучи сторонницей классической советской теории доказательств, она утверждала, что достижение материальной или объективной истины по каждому уголовному делу является целью уголовного процесса и одновременно его принципом [2, с. 9].

Несмотря на то, что в современном уголовно-процессуальном законе понятие истины даже не фигурирует, в процессуальной доктрине все же преобладает точка зрения о том, что действующее российское уголовное судопроизводство не утратило принцип материальной (объективной) истины, хотя законодатель прямо и не сформулировал. При таких обстоятельствах целью доказывания остается установление истины, то есть всестороннее, полное и объективное выяснение всех обстоятельств уголовного дела предусмотренными законом процессуальными способами и средствами [4, с. 444, 445; 12, с. 43].

Оценка доказательств как завершающий и при этом ключевой элемент доказывания в процессе установления истины по уголовному делу чрезвычайно важна. Профессор Л. М. Карнеева справедливо полагала, что «оценка доказательств пронизывает все стадии и производится на протяжении всего процесса доказывания, а обособляется лишь в качестве логической операции, когда на основании уже установленных фактов возникает знание об обстоятельствах, подлежащих доказыванию» [3, с. 23].

Оценка доказательств – «мыслительная, логическая деятельность, направленная на определение допустимости, относимости и достоверности отдельного доказательства и достаточности всей совокупности доказательств для разрешения уголовного дела» [8, с. 167]. Какие же черты свойственны этому понятию? Эти черты выработаны наукой уголовного процесса, в том числе и в трудах профессора Л. М. Карнеевой.

Во-первых, ч. 1 ст. 17 УПК РФ называет *субъектами* оценки доказательств строго определенных участников процесса: *судью, присяжных заседателей, прокурора, следователя, дознавателя*. Следует ли этого, что другие участники (обвиняемый, защитник, потерпевший и др., заинтересованные в исходе уголовного дела), исключены из процедуры оценки доказательств? Полагаем, что они тоже оценивают доказательства, но их оценка не имеет правового значения, то есть решение по уголовному делу не принимается на основе их оценки.

Рассматривая вопрос об участии обвиняемого, защитника, потерпевшего и др. участников в доказывании, профессор Л. М. Карнеева справедливо полагала, что «решение, принятое органами расследования и судом, включает в себя

[1] © Химичев М. В., 2022.

и результаты доказывания названными лицами тех или иных обстоятельств, имеющих значение для дела» [2, с. 45]. При этом обращалось внимание, что такое участие в доказывании отнюдь не означает, что обязанность установления каких-либо обстоятельств может быть переложена органами и должностными лицами на этих лиц. Полагаем, в этом находит отражение принцип презумпции невиновности в части недопустимости возложения на сторону защиты бремени доказывания невиновности, что отражено в ч. 2 ст. 14 УПК РФ.

В литературе, однако, высказано мнение, что следователь, дознаватель, прокурор не могут быть свободны в оценке доказательств и субъектом действительно свободной оценки доказательств по своему внутреннему убеждению является суд [5, с. 66–67]. Данное суждение основано на том, что следователь, дознаватель, прокурор, как представители стороны обвинения должны оценивать доказательства именно с этих позиций, но это не исключает, на наш взгляд, свободной оценки ими доказательства по внутреннему убеждению и соответствует предписаниям ч. 1 ст. 17 УК РФ.

Во-вторых, согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ оценка доказательств ее субъектами осуществляется *свободно по своему внутреннему убеждению*».

Отметим, что свобода оценки доказательств закреплена не только в качестве принципа уголовного процесса, но и также как положение, определяющее уголовно-процессуальное доказывание. Рассматриваемый принцип предполагает, что «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» (ч. 1 ст. 17 УПК РФ), при этом «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» (ч. 2 ст. 17 УПК РФ).

Это положение не является новеллой современного уголовно-процессуального закона, схожая норма была закреплена в УПК РСФСР 1960 г.: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы» (ст. 71). Вместе с тем это законоположение советского закона статуса принципа уголовного процесса не имело. Кроме того, в действующем законе требование прежнего закона о «всестороннем, полном и объективном рассмотрении обстоятельств дела в их совокупности» трансформировалось в необходимость основываться на «совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств».

Надо отметить, что свободной является не вся доказательственная деятельность, а только оценка доказательств, в то время собирание доказательств подчинено строгим формальным правилам, согласно которым к способам, процедуре получения доказательств закон предъявляет весьма жесткие требования.

Свобода оценки проявляется в ее осуществлении по внутреннему убеждению. И в данном случае *внутреннее убеждение* понимается как «такое состояние должностного лица, при котором оно приходит к однозначному выводу

о доброкачественности доказательств и об их достаточности для формирования процессуального решения» [9, с. 41].

Профессор Л. М. Карнеева обращала внимание на субъективный характер внутреннего убеждения, но отмечала, что оно должно быть связано с «объективным основанием: доказательствами, собранными в ходе практической деятельности следователя, прокурора, судьи, и источником их получения. Таким образом, не внутреннее убеждение, а практика выступает как способ познания фактов <…> и как критерий истинности сложившегося на основании фактов убеждения» [1, с. 17].

В-третьих, правильная оценка возможна только в том случае, если внутреннее убеждение базируется на *совокупности имеющихся в деле доказательств.* Иными словами, внутреннее убеждение не просто субъективная позиция производящих доказывание участников, оно должно быть объективно. Таким образом, при принятии решения следователь, дознаватель, суд обязаны обосновать его, иначе говоря, привести доказательства и факты, лежавшие в основе сформировавшегося у них внутреннего убеждения.

В связи с этим профессор Л. М. Карнеева применительно к привлечению лица в качестве обвиняемого указывала, что «в этот момент следователь должен быть убежден в том, что вынесенное им решение основывается не на предположениях или непроверенных данных, а именно на доказательствах, достаточных для предъявления обвинения» [7, с. 127]. При этом содержание внутреннего убеждения может меняться на различных этапах производства по уголовному делу в зависимости от совокупности собранных доказательств, которых может быть достаточно для предъявления обвинения, но не для разрешения дела по существу.

Весьма своеобразно это положение закона проявляется в отношении присяжных заседателей. Полагаю, что они, так же как и другие субъекты, должны основывать свои выводы на исследованных в судебном заседании доказательствах, но при этом они освобождены от обязанности мотивировки своих решений. Профессор Санкт-Петербургского университета И. Я. Фойницкий объяснял такое право присяжных тем, что «им предоставлено основывать свои ответы на впечатлении вместо знания, даваемого изучением дела, лишь для облегчения их письменной работы, в которой народный элемент оказывается малопригодным» [11, с. 204].

В-четвертых, норма, закрепленная в ст. 17 УПК РФ, направлена, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, «на исключение какого бы то ни было внешнего воздействия на суд, следователя и других лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с целью понуждения их к принятию того или иного решения» [13]. Это предполагает, что закон не предоставляет субъектам оценки доказательств права произвольной оценки доказательств, а устанавливает в ч. 1 ст. 88 УПК РФ обязательные критерии – *допустимость, относимость, достаточность и достоверность доказательств*.

Отметим, что УПК РСФСР 1960 г. не содержал указанных свойств доказательств, не закреплял их и в качестве критериев оценки доказательств, как это предусмотрено в ныне действующей ст. 88 УПК РФ. Однако профессор Л. М. Карнеева задолго до закрепления в уголовно-процессуальном законе данного положения разрабатывала эту проблему в своих исследованиях и указывала, что содержание оценки доказательств складывается из определения таких

обязательных признаков доказательств, как допустимость, относимость, достаточность и достоверность для установления того или иного факта [2, с. 46].

Пятой чертой оценки доказательств является то, что ее субъекты действуют, *руководствуясь не только законом, но и совестью*.

В оценке доказательств *закон* в одних случаях «*четко устанавливает правила* (правила признания доказательства недопустимым), в других – *дает только общие ориентиры* (оценка относимости и достаточности доказательств)» [8, с. 169].

Совесть, конечно, понятие весьма многогранное, мы считаем, что его нужно рассматривать как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [6, с. 739].

В то же время само требование руководствоваться совестью предполагает «возложение на тех, кому доверено принимать ответственные решения, связанные с привлечением людей к уголовной ответственности, обязанности строго соблюдать как закон, так и нормы нравственности» [10, с. 125].

Шестой и наиболее важной чертой оценки доказательств является то, что *«никакие доказательства не имеют заранее установленной силы»* (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Уголовно-процессуальный закон «не устанавливает ценности того или иного доказательства, ограничиваясь определением их надлежащей процессуальной формы» [4, с. 304–305]. Это положение, как представляется, особенно важно для всего принципа свободной оценки доказательств – если прямо или косвенно устанавливается преимущество одних доказательств перед другими, то об их свободной оценке уже не может идти речи.

Как видим, основные черты оценки доказательств в современном уголовном процессе были разработаны задолго до принятия УПК РФ видными отечественными процессуалистами, в том числе и профессором Л. М. Карнеевой, и они стали традиционными для отечественном модели уголовно-процессуального доказывания.

Вместе с тем ученые-процессуалисты отмечают очевидное англо-американ–ское влияние, которое испытывали составители УПК РФ [4, с. 444], нашедшее отражение в действующем уголовно-процессуальном законе, в частности в отсутствии закрепления установления истины как цели доказывания.

Более того, исследователи указывают на то, что в условиях действия УПК РФ «тенденция последних лет к упрощению уголовного судопроизводства <…> влечет за собой определенные изъятия из принципа свободной оценки доказательств. В настоящее время более 60 % уголовных дел рассматривается в особом порядке, предусматривающем возможность прекращения исследования доказательств судом в случае согласия обвиняемого с предъявленным обвинением. Иными словами, по большинству уголовных дел признание обвиняемым своей вины приобретает решающее значение, а оценка доказательств является скорее формальной, нежели чем свободной» [8, с. 170].

В связи с этим полагаем, что основные черты оценки доказательств, признанные доктриной и закрепленные в законе, подвергаются трансформации. Какими будут оценка доказательств, как и доказывание в целом, зависит от того, каким путем далее будет развиваться отечественный уголовный процесс, будет ли в нем преобладать англосаксонская модель либо сохранен традиционный для нашей страны континентальный уклад.

Список литературы

1. Карнеева Л. М., Кертэс И. М. Источники доказательств (по советскому и венгерскому законодательству). М. : Юридическая литература; Будапешт : Кезгаздашаги эш Йоги,1985. 136 с.

2. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе : учебное пособие. Волгоград, ВСШ МВД СССР, 1988. 652 с.

3. Карнеева Л. М. Доказательства и доказывание в уголовном процессе : учебное пособие. М. : УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994. 48 с.

4. Курс уголовного процесса. Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021. 1276 с.

5. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012. 343 с.

6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов. 22-е изд. М., 1990. 921 с.

7. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М. : Юрид. лит., 1971. 133 с.

8. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 455 с.

9. Гриненко А. В. Уголовный процесс : учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2012. 332 с.

10. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Зерцало-М, 2004. 736 с.

11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. М., 1910., СПб : Альфа, 1996. 207 с.

12. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 238 с.

13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2005 г. № 323-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав статьями 17, 88, 234 и 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2021). URL: http://www.consultant.ru/.

РАЗДЕЛ II.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Дикарев И. С.[1],
директор института права
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент

Никонович С. Л.[2],
заведующий кафедрой уголовного процесса
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Применяемые в ходе уголовного судопроизводства меры безопасности перечислены в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. На этот же перечень сделана ссылка и в ст. 317.9 УПК РФ, где говорится о мерах безопасности, применяемых в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Соответственно, именно этот перечень мер безопасности, как правило, приводится и в научных публикациях по рассматриваемой тематике [4, с. 10]. Однако, как показывает анализ действующего уголовно-процес–суального законодательства, в ч. 3 ст. 11 УПК РФ приведен далеко не исчерпывающий перечень процессуальных мер безопасности. В частности, как верно отмечается в юридической литературе, к числу мер безопасности относятся также меры пресечения [5, с. 127], мера процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности [2, с. 62] и др. В таких условиях решение вопроса о системе процессуальных мер безопасности требует выработки ключевых критериев, позволяющих из всего массива процессуальных действий выделить такие, которые прямо направлены на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства.

Прежде всего, процессуальная мера безопасности – это всегда *элемент процессуальной формы* (первый критерий). Соответственно, в первую очередь необходимо отграничить меры безопасности в процессуальном смысле от тактических приемов, которые представляют собой способ действия или линию поведения, избираемые органом расследования как наиболее эффективные или целесообразные в конкретной следственной ситуации [1, с. 213]. В частности, использование для устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, чей личный контакт может угрожать безопасности одного из них, вместо очной ставки ознакомления их с показаниями друг друга является тактическим приемом, а отнюдь не мерой безопасности. Процессуальные

[1] © Дикарев И. С., 2022.
[2] © Никонович С. Л., 2022.

меры безопасности представляют собой предусмотренные законом процессуальные действия, предназначенные для решения определенной задачи вне зависимости от сложившейся следственной ситуации.

Далее, *обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства* должно выступать в качестве *прямой задачи применения рассматриваемых мер* (второй критерий). Дело в том, что ряд процессуальных действий, не являющихся мерами безопасности, может на практике приспосабливаться для этой цели. Если не принимать данный критерий во внимание, то как само понятие мер безопасности, так и их система окажутся размытыми, лишенными конкретики. Например, председательствующий может не разрешить лицам, присутствующим в судебном заседании, фотографировать, производить видеозапись или киносъемку происходящего из соображений безопасности сторон и лиц, участвующих в судебном разбирательстве. Однако возможность принятия судом такого решения не превращает порядок получения разрешения на фото-, видео- и киносъемку в процессуальную меру безопасности, поскольку изначально данная норма призвана обеспечивать, главным образом, права участвующих в деле лиц на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, на тайну переписки, телефонных переговоров и т. д.

Используя указанные критерии в качестве инструментария, в систему уголовно-процессуальных мер безопасности, предусмотренных УПК РФ, следует включать:

1) сохранение в тайне данных о личности участника уголовного процесса;

2) сохранение в тайне факта заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ);

3) производство контроля и записи телефонных и иных переговоров по инициативе участника уголовного процесса (ст. 186 УПК РФ);

4) производство предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

5) передача уголовных дел о преступлениях террористической направленности и бандитизме для рассмотрения в окружные (флотские) военные суды в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 35 УПК РФ;

6) проведение судебного разбирательства в закрытом судебном заседании (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ);

7) проведение допроса свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ);

8) участие подсудимого в судебном разбирательстве путем использования систем видеоконференц-связи (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ);

9) меры пресечения;

10) временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ);

11) меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании (ст. 258 УПК РФ).

Из приведенного перечня видно, что мерой безопасности может выступать как элемент процессуальной формы отдельного процессуального действия (например, производство опознания в специальных условиях), так и процессуаль-

ное действие в целом (например, контроль и запись переговоров) и даже комплекс процессуальных действий (комплексная мера безопасности) – например, сохранение в тайне данных о личности участника судопроизводства. Реализация данной меры безопасности может начаться как в стадии возбуждения уголовного дела, в том числе при приеме сообщения о преступлении или в ходе проверки сообщения о преступлении (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), так и на стадии предварительного расследования (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Продолжением реализации данного комплекса является использование псевдонима и в других процессуальных документах, включая протоколы следственных действий, постановления и итоговые процессуальные решения. В стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству уголовно-процессуальный закон обязывает судью принять меры, исключающие возможность ознакомления иных участников уголовного судопроизводства с постановлением о сохранении в тайне данных о личности участника уголовного судопроизводства (ч. 3.1 ст. 227 УПК РФ). Наконец, при постановлении приговора суд также обязан указывать в тексте псевдонимы участников уголовного процесса (ч. 4 ст. 303 УПК РФ).

В то же время некоторые из перечисленных мер безопасности могут иметь как самостоятельное значение, так и выступать в качестве элемента комплексной меры безопасности по сохранению в тайне данных о личности участника судопроизводства. Так, например, в случае участия лица в судопроизводстве под псевдонимом, опознание с его участием в качестве опознающего может происходить только в условиях, исключающих его визуальный контакт с опознаваемым, его защитником, законным представителем и др.

Подобного рода связи между процессуальными мерами безопасности являются проявлением их системного характера. В целом, можно говорить о том, что сформированная в современном уголовно-процессуальном законодательстве система мер безопасности является достаточно эффективной. Вместе с тем имеются и определенные ресурсы для ее совершенствования. Так, например, в целях обеспечения процессуальной безопасности может применяться такая мера пресечения, как запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ). Однако потенциал этой меры принуждения для обеспечения процессуальной безопасности используется не в полной мере. В юридической литературе высказано предложение изменить систему мер процессуального принуждения: закрепить запрет, указанный в п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ («выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения…»), в качестве самостоятельной меры пресечения под названием «ограничение свободы», а запреты, указанные в пп. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, закрепить как одну из иных мер процессуального принуждения. Такое решение расширило бы спектр применения запрета определенных действий для обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Как мера пресечения, запрет определенных действий может применяться только к подозреваемому и обвиняемому, а как иную меру процессуального принуждения его можно было бы применять также в отношении других участников уголовного процесса, в том числе со стороны обвинения [3, с. 46–47].

В юридической литературе можно встретить упоминания и об иных мерах безопасности, применяемых в ходе уголовного судопроизводства, однако, при

ближайшем рассмотрении они, как правило, оказываются либо приспособленными к решению задачи обеспечения безопасности процессуальными действиями, имеющими иное предназначение, либо тактическими приемами. Перечень процессуальных мер безопасности объективно ограничен в силу их прямого закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве. Как видно из вышеизложенного, эти меры образуют в настоящее время весьма развитую и достаточно эффективную систему, чего, к сожалению, не скажешь об их законодательной регламентации. Процессуальные нормы, регламентирующие меры безопасности, рассредоточены по разным разделам УПК РФ и ни в какую строгую систему не выстроены. И даже общее положение ч. 3 ст. 11 УПК РФ, несмотря на периодически вносимые в него изменения и дополнения, уже давно не претендует на исчерпывающее перечисление всех мер безопасности, применяемых в уголовном судопроизводстве. Сложившаяся ситуация негативно влияет на правоприменительную деятельность, в связи с чем эти вопросы должны непременно учитываться законодателем в ходе дальнейшей работы по совершенствованию уголовно-процессуального закона.

Список литературы

1. Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В. Криминалистика : учебник. М. : ИНФРА-М, 2005. 447 с.

2. Брусницын Л. В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства : научно-практическое пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2013. 148 с.

3. Дикарев И. С., Байманов С. С. Вопросы дальнейшего развития систему мер уголовно-процессуального принуждения // Вестник военного права. 2020. № 4.

4. Лозовицкая Г. П. Проблемы безопасности участников правосудия // Российский следователь. 2007. № 16. С. 9–11.

5. Хрипченко С. Н. Анализ Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Вестник ОГУ. 2005. № 3. С. 127–131.

Дроздов Д. Е.[1],
доцент кафедры юриспруденции
Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского,
кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

Правовое регулирование особого производства в отношении отдельных категорий лиц отличается сложностью и противоречивостью, поскольку нормы, его регламентирующие содержаться не только в УПК РФ. Часть лиц, обладающих иммунитетами причислена в Конституции Российской Федерации, в отношении другой имеется прямая ссылка на федеральное законодательство, что в определенной мере противоречит ч. 1 ст. 1 УПК РФ, устанавливающей ограничение порядка уголовного судопроизводства на территории государства. Специфика существующих уголовно-процессуальных отношений, складывающихся в сфере уголовного преследования специальных субъектов, проявляется в качестве иммунитетов. С одной стороны, лица освобождаются от исполнения определенных процессуальных обязанностей, с другой – пользуются дополнительными гарантиями не только в процессе применения мер процессуального принуждения, но и в ходе привлечения к уголовной ответственности. В сочетании они являются процессуальными гарантиями определенного в законе перечня специальных субъектов, выполняющих значимые функции [1, с. 129].

Содержание иммунитетов объединяет совокупность правовых норм, устанавливающих специфические правила возбуждения уголовного дела, проведения предварительного расследования, которые проявляются в получении определенных разрешений на проведение процессуальных действий от установленных законом инстанций.

Так, дополнительные гарантии установлены для возбуждения уголовного дела, задержания, избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, проведения следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности (обыск, выемка, наложение ареста на почтово- телеграфную корреспонденцию, прослушивание телефонных и иных переговоров), направления уголовного дела в суд, определения подсудности уголовного дела, что свидетельствует об усложнении процедуры привлечения к ответственности отдельных категорий лиц, занимающих статусное положение в социуме [2, с. 115].

Структуру уголовно-процессуальных иммунитетов характеризует система, основанная на использовании контрольных правомочий субъектов управленческой деятельности, включающая процессуальный, судебный и административные формы, а именно осуществление процессуального контроля за законностью и обоснованностью принятия процессуального решения в виде возбуждения уголовного дела; судебный контроль за законностью и обоснованностью основания возбуждения уголовного дела; административный контроль в виде согласия или отказа в дачи согласия на совершение процессуальных действий.

[1] © Дроздов Д. Е., 2022.

Исчерпывающий перечень категорий лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам определен в ст. 447 УПК РФ. За время его действия трижды (один раз в 2003 г. и дважды в 2007 г.) норма дополнялась следующими категориями:

– руководитель следственного органа;

– член избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса;

– зарегистрированный кандидат в депутаты Государственной Думы, зарегистрированный кандидат в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Законодатель обосновывает дополнения нормы права важностью исполняемых функций определенными лицами в государственной и общественной жизни, в связи с чем служебный иммунитет не рассматривается в виде личной выгоды [3, с. 176–178]. Зачастую его возникновение связывается с исполнением профессиональных обязанностей должностными лицами государственных органов и выступает гарантом их независимости и самостоятельности. В результате создаются условия, препятствующие использованию уголовного процесса как незаконного средства воздействия на них с целью склонения к совершению действий или принятию решений, противоречащих долгу и выполняемым функциям.

Среди специальных субъектов выделяется группа, классифицируемая по признакам должностного, служебного и иного положения в обществе. Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, являющиеся представителями власти (прокурор, следователь, руководитель следственного органа), относятся к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Пределы действия иммунитетов для них устанавливаются в ходе предварительного расследования и определяются датой возникновения и прекращения соответствующего значимого статуса, которая должна совпадать со временем инкриминируемого деяния, содержащего признаки состава преступления. При определении форм дополнительного контроля важным является обстоятельство установления факта принятия решения об осуществлении в отношении специального субъекта уголовного преследования – возбуждено ли уголовное дело в отношении конкретного лица или субъект привлечен в качестве обвиняемого.

Дополнительные гарантии безопасности для этой категории лиц содержатся в гл. 31 (преступления против правосудия) УК РФ. Действующим уголовным законодательством установлена ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования; посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование; угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования; неуважение к суду и клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации. Безопасность прокурора, следователя, руководителя следственного органа обеспечивается комплексной защитой норм материального и процессуального права.

Исследование правового статуса специальных субъектов как представителей власти, которыми они являются, поскольку законодателем определены как: должностное лицо правоохранительного органа; должностное лицо контролирующего органа; иное должностное лицо, обладающее законными распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости позволяет утверждать о существующем дисбалансе в правовой регламентации и механизме гарантий дополнительной защиты жизни, здоровья и иных интересов представителей власти, осуществляющих должностные полномочия от имени и в интересах государства. Вопросам обеспечения безопасности представителей власти, а именно их жизни, здоровья, чести, достоинства, деловой репутации посвящена гл. 32 (преступления против порядка управления) УК РФ. Буквально представитель власти выступает как потерпевший только в двух составах преступлений (ст. 318 (применение насилия в отношении представителя власти) и ст. 319 (оскорбление представителя власти) УК РФ. В ст. 317 УК РФ потерпевшим уже является сотрудник правоохранительного органа. Таким образом, среди всех представителей власти выделены три субъекта-участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения (прокурор, руководитель следственного отдела и следователь), обладающие явно более существенными гарантиями безопасности, которые включают не только процессуальные иммунитеты, но и средства уголовно-правовой охраны.

Несмотря на специфику правового регулирования исследуемых уголовно-процессуальных правоотношений, которая обусловлена объективными обстоятельствами, основанными на разного рода социальных, политических и экономических условиях, для совершенствования правовой системы необходимо дальнейшее реформирование уголовно-процессуального законодательства.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что процессуальный иммунитет выступает одним из элементов правового статуса отдельной категории лиц. Являясь гарантией более высокого уровня по сравнению с общими конституционными гарантиями неприкосновенности личности, он имеет публично-правовой характер и, следовательно, служит публичным интересам. При этом профессиональная деятельность, к которой предъявляются дополнительные высокие требования, подразумевает обязанность обеспечения дополнительных гарантий надлежащего ее осуществления, в том числе учитывая наличие профессионального риска [4].

Методология оценки профессионального риска в современной науке рассматривается с двух сторон – как риск профессиональных заболеваний и как производственный травматизм. Последний ближе подпадает под содержание риска профессиональной деятельности судьи и иного должностного лица органа государственной власти. А. А. Вяткин определяет риск как измеряемую и не измеряемую величину наступления нежелательного события от злоумышленных и преступных действий третьих лиц, при этом рассматривая угрозу как составную часть риска. Общую оценку риска, по его мнению, составляет комбинация вероятностных угроз всех элементов системы [5, с. 10].

Е. А. Истомина, указывая, что государство, воспринимая риски как угрозы своему существованию, формирует соответствующие системы защиты. Жизнь,

здоровье, благополучие определены ею как составляющие части социального риска [6, с. 10–13]. В данном случае риск профессиональной деятельности охватывается понятием социальный риск. Под социальным риском она предлагает понимать вероятность возникновения в отношении человека какого-либо внешнего обстоятельства, а именно фактора риска, порождающего событие или состояние, так называемую причину риска, которая приводит к неблагоприятным последствиям, формализована в нормах права, осознанна лицом и заявлена в целях реализации права на защиту от таких последствий.

Не умаляя профессиональные риски судьи, связанные с рассмотрением конкретного дела, стоит отметить, что профессиональная деятельность значительного числа представителей власти, осуществляющих, к примеру, физическое задержание лиц, подозреваемых в совершении преступлений, занимающихся оперативно-разыскной деятельностью в ряде случаев является более рискованной. Исходя из принципа справедливости, достижение баланса интересов возможно дополнением ст. 447 УПК РФ положением, относящим представителя власти к лицам, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, поскольку согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 к исполняющим функции представителя власти относятся:

– лица, наделенные правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти;

– иные лица правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности [7]. Представляется обоснованным наделение руководителя следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации правом возбуждения уголовного дела в отношении представителя власти.

Список литературы

1. Шаталов А. С. Специальные субъекты в уголовном судопроизводстве России: порядок уголовного преследования // Журнал российского права. № 1. 2016. С. 128–139.

2. Казаков А. А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства // LEX RUSSICA. № 4 (113) апрель 2016. С. 115–123.

3. Волынская О. В. Некоторые особенности, присущие институту «Особого производства по уголовным делам, в отношении отдельных категорий лиц» // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 176–179.

4. Постановление Конституционного Суда Российской федерации от 7 марта 1996 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»

в связи с жалобами граждан Р. И.Мухаметшина и А. В.Барбаша» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2021). URL: http://www.consultant.ru/.

5. Вяткин А. А. Финансовые риски в системе обеспечения экономической безопасности электронных платежных систем : дис. … канд. юрид. наук: 08.00.05. Йошкар-Ола, 2020. 177 с.

6. Истомина Е. А. Влияние концепции социального риска на правовое регулирование социального обеспечения : дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.05. Екатеринбург, 2021. 50 с.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2021).

Вдовин А. С. [1],
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Емельянова Н. Ю.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Конституция Российской Федерации гласит, что наше государство является правовым, тем самым акцентируя внимание на том, что отношение всей страны к имеющимся ценностям в мировом сообществе достаточно велико.

В сегодняшних политических и правовых реалиях необходима такая система ценностных ориентиров, в «сердце» которых находилась бы личность. В пределах такой системы права и свободы индивидов должны быть не просто закрепленными декларациями, а имеющими свой специализированный механизм практического олицетворения в жизнь.

Главной задачей ныне существующего уголовно-процессуального законодательства является разработка таких положений, которые в наибольшей степени сдерживали нарушения прав человека, а в случае неудачи – гарантировали их восстановление и правильную реализацию.

В дальнейшем развивая «правила» Конституции Российской Федерации, УПК РФ заявляет, что презумпция невиновности именно в виде принципа уголовного производства, кроется в таких нормативных условиях как:

1. «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

2. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

3. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого.

4. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

В свое время Л. М. Карнеева поясняла, что «принцип – это ключевые мысли уголовного судопроизводства, которые в свою очередь основаны на реальном, хоть и не всегда положительном опыте и наследии народа» [1]. Выдающийся деятель науки РСФСР считала, что «в фундамент отечественного уголовного процесса ни в коем случае не может быть положена доктрина соседей из запада.

[1] © Вдовин А. С., 2022.

Именно по этой причине принципы российского уголовного судопроизводства не должны опираться на западную парадигму в своей реализации».

Таким образом, из-за того положения достаточно уникальный смысл обретает реализация принципа презумпции невиновности, который в свою очередь заслуживает особенную роль в механизме гарантий обеспечения прав и свобод человека, потому именно настоящим принципом обязано определяться направление работы должностных лиц, участвующих в производстве по тому или иному уголовному делу.

Принцип презумпции невиновности исполняет одну из важных функций в сфере осуществления справедливого правосудия, являясь тем самым обязательством того, что реально виновное лицо будет привлечено к уголовной ответственности, а ни в чем неповинное лицо – минует необоснованного и незаконного уголовного преследования и наказания.

Необходимо отметить, что именно этот принцип требуется воспринимать как некую деталь всего механизма принципов уголовного судопроизводства, так как нормативно закрепленные принципы обладают общей содержательной связью и имеют обобщенное назначение. Невзирая на то, что каждый принцип уголовного производства обладает своим личным содержанием и непосредственным значением, вместе они функционируют слаженно и в единении дуг с другом. Устройство принципов уголовного судопроизводства – некий налаженный механизм, в котором просто обязана работать и реализовываться каждая составная часть. В том случае, если возникает сбой на ступени какого-либо элемента, это неминуемо может сказаться на других элементах системы принципов, что ведет к нарушению прав и свобод участников уголовного процесса.

Абсолютно каждый, единично выбранный принцип имеет свою уникальную идею, специальную мысль, которая рождается через определенные обобщенные условия и в дальнейшем распространяется на все уголовное производство. А. Ю. Кирьянов в своих публикациях отмечает, что «содержание одного принципа не означает полное сведение к содержанию другого, но взаимосвязь и взаимообусловленность – это необходимое условия действия всей системы».

В таком случае рассматриваемый принцип направляется не только на лицо, которое привлекается к уголовной ответственности, но также и на суд, рассматривающий и разрешающий уголовное дело, на должностных лиц стороны обвинения, тем самым устанавливая характер их деятельность.

Рассматривая принцип презумпции невиновности в общей сфере принципов уголовного судопроизводства подробнее, можно сказать, что он действительно индивидуальный, полностью выходящий из задач уголовного процесса и помогающий их реализации.

Законодательство считает невиновность лица действительной именно до момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу. А лица, считающие его виновным, обязаны это доказать в соответствующем порядке.

Вследствие этого принцип презумпции невиновности позволяет точно и по правилам применять законодательные «правила» в разоблачении лиц, виновность которых проявляется в совершении конкретного преступления. Но если рассматривать вышеуказанный принцип с другой стороны, то, презумпция невиновности без сомнения заключается в том, что, ни одно лицо, которое невиновно

в совершении запрещенного деяния не может, а тем более не должно быть привлечено к определенной ответственности и наказано соответствующим образом.

Следует отметить и тот факт, что по отношению к другим принципам и «правилам, рассматриваемый в статье принцип представляется в виде своеобразного требования, консолидирующего «объективное положение добропорядочности граждан и наделяет их возможностью использовать свои права в ходе расследования по уголовным делам» [2].

Д. Ковальчук в своей работе отмечает правильную позицию: «лишь позитивная реализация принципа презумпции невиновности в системе с другими принципами позволяет установить истинность по конкретному уголовному делу, где соблюдение всех прав граждан является важнейшей задачей деятельности правоохранительных органов» [3].

Несмотря на это, абсолютно каждый принцип уголовного производства при условии его правильной реализации, в некоторой мере опирается на презумпцию невиновности, без которой они попросту стали бы неким пустым местом.

Например, согласно ст. 8 УПК РФ и ст. 49 Конституции Российской Федерации принцип осуществления правосудия только судом гласит: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда». Именно поэтому для суда не обязательны решения органов следствия по поводу виновности лица, дело которого направлено в судебные органы. Итог вопроса о вине лица в конкретном преступлении отнесен только к полномочиям суда. Исходя из данных положений, следует сделать вывод о том, что принцип осуществления правосудия только судом в определенной мере исходит из условий презумпции невиновности.

В связи с этим можно утверждать, что рассматриваемый в статье принцип является неотчуждаемым элементом принципов уголовного процесса и осуществляется совместно с другими процессуальными принципами.

Все принципы действуют в единой совокупности, в которой назначение и содержание каждого отдельно взятого принципа генерируются не только его сущностью, но и работой всей структуры. Нарушение реализации хотя бы одного в конце концов приводит к нарушению законности во время производства по тому или иному уголовному делу.

Воплощение в жизнь принципа презумпции невиновности способствует стопроцентно реализоваться другим принципам уголовного процесса, вместе с тем как осуществление иных принципов предоставляет возможность реализоваться положениям презумпции невиновности.

Список литературы

1. Карнеева Л. М., Миньковский Г. М. Особенности пределов доказывания при принятии некоторых процессуальных решений в стадии предварительного следствия // Вопросы предупреждения преступности. М. : Юрид. лит., 1966, Вып. 4. С. 83–109.

2. Клямко Э. И. О правовом содержании презумпции невиновности // Государство и право. 1994. № 2. С. 90–97.

3. Ковальчук Д. Презумпция невиновности и ее значение в доказывании // Механизмы защиты прав человека и гражданина в России: материалы научно-практической конференции 28 апреля 2009 г. Гатчина. СПб., 2010. С. 65–73

Ищенко Д. П.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук

Ищенко Г. К.[2],
доцент кафедры уголовного права и криминалистики
Донского государственного технического университета,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Наложение ареста на имущество необходимая предупредительная мера по сокрытию имущества, которое на законных правах должно быть изъято у конкретного лица для законного обеспечения имущественных взысканий. Этот правовой институт регламентирован процессуальным законом как обязательная мера обеспечения имущественных вопросов приговора суда как для обеспечения гражданского иска, так и взыскания процессуальных издержек уголовного преследования и судопроизводства [1].

В ходе предварительного следствия необходимо принимать меры для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества.

Статьей 35 Конституции Российской Федерации закреплено право частной собственности и невозможность лишения данного имущества иначе как по решению суда. С другой стороны, ст. 52 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого потерпевшего на компенсацию причиненного ущерба. Работа в данном направлении является одним из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации. Обращаясь в правоохранительные органы, потерпевшие надеются получить помощь в защите нарушенных прав, в том числе компенсацию соразмерную причиненному преступлением вреду. В связи с чем следователям необходимо на первоначальном этапе расследования принять все необходимые и соразмерные меры, направленные на наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого.

На практике реализация полномочий по наложению ареста может вызывать у следователя ряд процессуальных проблем и зачастую невозможность использования указанной меры процессуального принуждения [2, с. 62–65].

Одной из проблем, на которую следует обратить внимание, является возможность подозреваемого и обвиняемого свободно использовать в полном объеме достижения науки и техники, например, современных устройств, средств связи и систем электронных платежей для сокрытия имущества, подлежащего аресту. Органы следствия, в свою очередь, в связи с недостаточностью законо-

[1] © Ищенко Д. П., 2022.
[2] © Ищенко Г. К., 2022.

дательного урегулирования данной сферы не могут столь же оперативно и своевременно реагировать на незаконные действия подозреваемого, обвиняемого.

Современные технологии позволяют дистанционно распоряжаться денежными средствами, находящимися на счетах в кредитных учреждениях, с использованием мобильных приложений (мобильный банк), который может быть установлен не только на телефоне подозреваемого, обвиняемого, но и также может находиться в пользовании третьих лиц.

Процедура наложения ареста на счет понятна и продиктована необходимостью защиты прав граждан, в связи с чем требует значительного времени. Следователю необходимо установить, какие счета, в каких кредитных учреждениях, имеются у подозреваемого, обвиняемого. Получить документальное подтверждение из кредитной организации о наличии счета, его реквизитов, размере денежных средств на нем. На практике реализовать указанные положения закона возможно только по истечению значительного времени, что обусловлено отсутствием кредитных организаций на территории муниципального образования по месту проведения предварительного расследования, расположения следственного органа, а также длительным рассмотрением запросов следователя – на практике до 30 суток. Период времени, пока следователь предпримет все требуемые меры по наложению ареста на счет, в современных реалиях денежные средства могут быть переведены на счета иных лиц и далее сокрыты.

Федеральное законодательство обязывает следователя принимать меры к обеспечению гражданского иска, то есть устанавливать имущество, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, и к наложению ареста на это имущество. Порядок наложения ареста на имущество реализуется путем возбуждения соответствующего ходатайства перед судом (ст. 160.1 УПК РФ).

Законодатель при принятии решения о порядке наложения ареста защищает право частной собственности, обеспечивая тем самым соблюдение требований ст. 35 Конституции Российской Федерации. Однако, учитывая существующие современные реалии и стремительно развивающиеся цифровые технологии, целесообразно рассмотреть вопрос о принятии мер, позволяющих незамедлительно, фактически с момента возбуждения уголовного дела, блокировать возможность снятия, перевода крупной суммы денег. Считаем, что под крупной суммой денег логично установить размер превышающей минимальный размер оплаты труда, обеспечивая тем самым право на пользование денежными средствами необходимыми для жизни. Без принятия соответствующих законодательных изменений эффективно реализовывать в полной мере право на возмещение вреда, гарантированное ст. 52 Конституции Российской Федерации, затруднительно.

Также считаем, что на практике целесообразно законодательно закрепить право следователя направлять запросы и получать ответы в электронном виде и принимать решение о временном ограничении снятия, переводе денежных средств, с предъявлением в кредитную организацию соответствующего постановления от имени следователя. Время действия постановления возможно ограничить на определенное время, до получения по указанному вопросу решения суда. Указанная мера позволит следственным органам в полной мере реа-

лизовать свои права по наложению ареста на имущество и защитить законные права и интересы потерпевшего и государства.

Предложенный выше порядок по аналогии можно сравнить с правом следователя задержать лицо по подозрению в совершении преступления, согласно ст. 91 УПК РФ. Известно, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого, но с целью реализации указанной нормы, следователю предоставлена возможность незамедлительно и самостоятельно задержать подозреваемого, проводить необходимые следственные действия, которые позволяют принять законное и обоснованное решение о необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В данном случае не идет речь о преднамеренном нарушении права участников уголовного судопроизводства, речь идет о предоставлении следователю реальной возможности исполнять свои обязанности по соблюдению прав потерпевших и охраняемых законом интересов общества и государства.

В современных реалиях без четкого и понятного закрепленного закрепления в законе права следователя принимать неотложные меры по наложению ареста на имущество подозреваемого или обвиняемого, находящееся на счетах в кредитных организациях, указанная норма будет оставаться не эффективной и с каждым годом практика сокрытия денежных средств, находящихся на счетах в кредитных организациях будет приобретать новые масштабы, что сведет на нет эффективность данной нормы.

Список литературы

1. Ищенко Д. П., Ищенко Г. К. К вопросу наложения ареста на имущество // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону : ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2021.

2. Химичева О. В. Наложение ареста на имущество: баланс частных и публичных интересов // Академическая мысль. 2019. № 4 (9). С. 62–66.

Камчатов К. В.[1],
заведующий отделом научного обеспечения
прокурорского надзора за исполнением законов
при осуществлении оперативно-разыскной деятельности
и участия прокурора в уголовном судопроизводстве
Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В настоящее время эффективность возмещения вреда, причиненного преступлением, представляется возможным оценить как недостаточную для целей уголовного судопроизводства.

Возмещение вреда, причиненного преступлением, рассматривается современным законодателем и практиками как основная гарантия потерпевшей стороны на восстановление прав, нарушенных преступлением – без возмещения вреда нельзя говорить о доступе к правосудию. Статистика показывает, что процент возмещенного вреда составляет примерно 20–25 % от суммы ущерба.

Многолетняя правоприменительная практика демонстрирует, что на процесс возмещения вреда как междисциплинарного института оказывают влияние ряд факторов и условий, связанных с правоисполнительным, правообеспечительным и организационным подходами к реализации рассматриваемого института.

Следует отметить, что во многих случаях невозможность возмещения вреда от преступления обусловлена неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, когда обвиняемый скрылся, отсутствием имущества у виновного или целенаправленной деятельностью по отчуждению или сокрытию имущества от правоохранительных органов, а также иными обстоятельствами, например, сложностями возмещения вреда от преступления в случае смерти виновного лица, если отсутствуют основания для возбуждения уголовного дела при наличии вреда от противоправной деятельности лица и др.

Следует согласиться с позицией: ненадлежащая организация работы по возмещению ущерба в органах предварительного следствия создает ситуацию, когда право пострадавших на гарантированную государственную защиту своих законных прав остается нереализованным, вследствие чего конституционные нормы приобретают декларативный характер [1, с. 7]. В качестве примеров качественной организации взаимодействия приводим информацию из прокуратур субъектов. Так, согласно информации из прокуратуры Нижегородской области за 2019 г. кратному увеличению суммы возмещенного ущерба (включая изъятое имущество и стоимость имущества, на которое наложен арест) способствовало последовательное исполнение всеми правоохранительными органами изданного в 2018 г. в целях повышения качества работы на данном направлении прокуратурой области совместно с ГУ МВД, СУ СК, УФСБ, ГУ МЧС и УФССП России

[1] © Камчатов К. В., 2022.

по Нижегородской области приказа № 253/89/844/320/656 «Об организации межведомственного взаимодействия при возмещении причиненного преступлениями ущерба». В прокуратуре Республики Калмыкия вопросы возмещения вреда от преступления ежеквартально обсуждаются на заседаниях межведомственной рабочей группы по противодействию преступлениям экономической направленности, ущерб от которых составляет львиную долю. В результате указанных мер возрос удельный вес реально возмещенного в 2019 г. ущерба с 8 % до 46 % (383 млн из 824, в 2018 г. 17 млн из 212), чему также способствовала практика возбуждения уголовных дел данной категории в отношении конкретного лица, позволившая на первоначальном этапе устанавливать и накладывать аресты на его имущество. Наложением ареста обеспечено возмещение ущерба на 24 %. Получила наработку практика наложения ареста на имущество, перерегистрированное на третьих лиц.

Институт наложения ареста на имущество как основной меры по возмещению вреда от преступления продолжает дорабатываться с учетом современных требований и основан на правовых традициях УПК РСФСР.

Сравнение положений ст. 175 УПК РСФСР и ст.ст. 115 и 160.1 УПК РФ говорят о схожести законодательной техники и идентичности юридического языка закона. Как представляется, на момент введения в действие УПК РФ в 2001 г. были основания для более четкой регламентации ареста на имущество с учетом существенных изменений правовой, социальной, экономической и политической сферы российского общества. Это, прежде всего, касается таких дополнений в УПК РФ, как категории «имущество», интересов третьих лиц, основания заявления и поддержание гражданского иска прокурором в защиту публичных интересов и др. Процессуальный закон обязан заблаговременно реагировать на возможные изменения материального права. Полагаю, что незначительное количество специалистов рассматривала необходимость введение в 2001 г. в УПК РФ положения о порядке производства следственных и иных процессуальных действий с электронными предметами и документами. Никто не знал о криптовалюте, использование которой в настоящее время, в том числе и в механизме совершения преступления, стало обыденностью. За период с 2010 г. в порядок ареста на имущество было внесено много разноплановых различных изменений, в том числе и согласно определяющим решениям Конституционного Суда Российской Федерации, которые влияют на формирование устоявшейся правоприменительной практики.

Формальные требования уголовно-процессуального закона и его пробелы препятствуют эффективной реализации гарантии возмещения вреда от преступления.

Системный анализ положений УПК РФ в контексте определения механизмов возмещения вреда от преступления позволяет сделать вывод о том, что данная деятельность рассматривается законодателем как сопутствующая, но не основная. Такой вывод сформулирован на основе анализа ст. 21, 73 и др. УПК РФ. Сам гражданский иск рассматривается большинством исследователей как проявление диспозитивного начала в уголовном судопроизводстве, в основе которого лежит парадигма публичности. Такое понимание института возмещение вреда во многом зависит от активности защиты интересов самого потерпевшего. Исходя из этого, следователь и дознаватель в абсолютном большинстве случаев на-

правляют свои усилия на изобличение лица, совершившего преступление, то есть основной своей задачей следователи считают направление уголовных дел в суд для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, в то время как обеспечение прав потерпевших не всегда осуществляется должным образом. С тактической точки зрения это обосновано, поскольку именно к такому лицу в случае его установления будут впоследствии заявляться имущественные взыскания. В случае, когда лицо не установлено или объявлено в розыск, формальные требования об обязательном розыске имущества в законе не содержатся. Обязательное установление обстоятельств касается только характера и размера вреда и имущества, подлежащего конфискации. В целом проблема обеспечения данной гарантии потерпевшего заключается в том, что как следователями, так и оперативными подразделениями, а также органами дознания, активность в установлении местонахождения похищенного имущества проявлялась слабо. Основной упор делался на закреплении доказательств об обстоятельствах совершенного преступления и доказательств, подтверждающих причастность к его совершению лица, в то время как вопрос установления местонахождения похищенного имущества зачастую оставался без должного внимания.

Следует отметить, что в определенной степени снижают эффективность работы в анализируемом направлении положения действующего законодательства в части невозможности наложения ареста на имущество на стадии проведения доследственной проверки.

Также одной из причин низкой эффективности принимаемых мер по возмещению ущерба от преступлений, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, является несовершенство действующего законодательства, когда граждане и юридические лица потерпевшими признаются только по возбужденным уголовным делам. Таким образом, в случае отказа в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям им не разъясняются предусмотренные ст. 42 УПК РФ права, в том числе о возможности предъявления иска.

Сама процессуальная деятельность следователя и дознавателя, направленная на розыск похищенного имущества и имущества, за счет которого возможно возмещение причиненного вреда, обладает рядом особенностей. Необходимо учитывать, что обеспечение в ходе предварительного следствия возмещения причиненного вреда представляет собой сложную и трудоемкую задачу органов предварительного расследования, а розыск и установление фактического и юридического характера и состояния имущества нередко можно описать как отдельное финансовое расследование в рамках уголовных процедур. Низкий уровень возмещения не всегда обусловлен игнорированием (ненадлежащее межведомственное взаимодействие, неисполнение требований ведомственных и совместных организационно-распорядительных документов и др.) следователем и дознавателем имущественных интересов потерпевшего. Это связано с отсутствием оперативной информации о местонахождении похищенного имущества, а также имущества, на которое может быть обращено взыскание и наложен арест [2, с. 7]. Объективной причиной неудовлетворительной работы по обеспечению возмещения потерпевшим имущественного вреда остается не-

совершенство действующего законодательства, не позволяющего оперативно обнаруживать имущество, особенно денежные средства, за счет которых должно осуществляться возмещение. Прежде всего, действующее нормативно-правовое регулирование не позволяет создать единую систему учета наличия имущества, вкладов (счетов) в банках и т. п. (например, для отыскания вклада (счета) в банковских учреждениях сотрудникам органов предварительного расследования необходимо направлять соответствующие запросы в десятки банков, филиалов и отделений банков; для отыскания недвижимости – в территориальные регистрирующие органы, которыми учет объектов недвижимости и их собственников ведется не в полном объеме, а только с момента создания соответствующих структур). Необходимость и длительность получения судебных решений о наложении ареста на расчетные счета организаций, куда были перечислены похищенные денежные средства, что в итоге приводит к невозможности своевременной блокировки, соответственно, сложностям возвращения их потерпевшим.

Парадокс данной деятельности связан с тем, что следователю приходится буквально досконально изучать все регистрационные государственные учеты для отыскания имущества обвиняемого. На это тратится значительные временные и трудовые ресурсы. Так, в ходе расследования уголовных дел для отыскания имущества подозреваемых и обвиняемых запрашиваются необходимые сведения в органах Росреестра о наличии у подозреваемого прав на недвижимое имущество и земельные участки; БТИ для установления сведений о правах подозреваемых (обвиняемых) на недвижимое имущество, земли; в органах ГИБДД – о наличии зарегистрированных транспортных средств, прицепов; в органах Гостехнадзора – о наличии прав на спецтехнику; в Инспекции по маломерным судам – о наличии прав на плавсредства; в органах ФНС РФ – о том, является ли лицо руководителем либо учредителем юридического лица, индивидуальным предпринимателем; Федеральной службы по финансовому мониторингу в организациях, оказывающих услуги держателей реестра акционеров – о наличии у лица в собственности акций; в банках – о наличии счетов, банковских карт, а также банковских ячеек; в подразделениях ЛРР Росгвардии – о наличии огнестрельного оружия и др.

Как правило, успешная деятельность по возмещению ущерба, причиненного преступлениями, ведется в тесном взаимодействии с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Однако до настоящего времени в Закон об ОРД не внесены дополнения, что в задачи оперативно-разыскной деятельность входит не только установление имущества, подлежащего конфискации, но и иного имущество, на которое могут быть наложены ограничения и взыскания.

Несовершенство действующего законодательства в части наложения ареста на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях снижает эффективность данной меры. Проблемой является невозможность наложения ареста на все операции с денежными средствами по конкретному счету, так как положения ч. 7 ст. 115 УПК РФ предусматривают прекращение операций по счетам только в пределах суммы, на которую наложен арест. Иными словами, операции по данному счету продолжаются и на него могут поступать денежные средства, возможно полученные от незаконной деятельности.

Практика поддержания государственного обвинения по уголовным делам выявила проблему, также требующую корректировки федерального законодательства. Видится необходимым корректировка ч. 2 ст. 309 УПК РФ, поскольку действующая редакция предоставляет суду широкое усмотрение при необходимости производства дополнительных расчетов, связанных с гражданским иском. В этом случае судебное разбирательство откладывается, признавая за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передачу вопроса для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Как представляется, итоговое судебное решение, констатирующее обоснованность предъявленного обвинения – есть бесспорное основание удовлетворить требования о возмещении причиненного преступлением ущерба, и никаких препятствий для рассмотрения иска по существу здесь нет и быть не может. Для корректировки суммы гражданского иска с учетом фактически возмещенного подсудимым ущерба сложностей отмечались редко. В случае возникновения необходимости дополнительных расчетов, что случается крайне редко, отложение судебного заседания не создаст конфликта с принципом разумности срока уголовного судопроизводства. Передача же иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, как правило, всегда влечет дополнительные, порой существенные, временные и материальные затраты на новое судебное разбирательство.

Например, анализ практики применения положений ч. 2 ст. 309 УПК РФ судами Архангельской области свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев суды злоупотребляют предоставленным этой нормой закона правом, принимая решения о передаче исков из уголовного процесса в гражданский при отсутствии к тому объективных причин. Таким образом, при постановлении судами обвинительных приговоров заявленные, в том числе прокурорами, гражданские иски суды, ссылаясь на ч. 2 ст. 309 УПК РФ, нередко оставляли без рассмотрения, тогда как разрешение гражданского иска одновременно с приятием судом итогового решения по уголовному делу позволяет обеспечить более эффективную и быструю защиту имущественных интересов публично-правовых образований и граждан. Добиваясь в дальнейшем возмещения причиненного преступлением ущерба в рамках гражданского судопроизводства, прокуроры сталкивались со сложностью доказывания размера причиненного вреда, поскольку вступивший в законную силу обвинительный приговор обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий осужденного, только по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ). В дальнейшем ответчики не признают размер ущерба, установленного приговором суда, и прокурорам вновь приходится представлять доказательства для подтверждения размера причиненного ущерба. Подобная ситуация сложилась несмотря на то, что преимущества рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе очевидны как с точки зрения процессуальной экономии, так и полноты исследования доказательств. В частности, подсудность гражданского иска определяется подсудностью уголовного дела (ч. 10 ст. 31 УПК РФ). Тем самым лицо, признанное гражданским истцом по уголовному делу, освобождается от необходимости дважды участвовать в судебных разбирательствах – сначала по уголовному, а затем по гражданскому де-

лам. Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство предъявляет упрощенные требования к оформлению гражданского иска в уголовном деле.

Предлагаются следующие меры, направленные на повышение эффективности возмещения ущерба, причиненного преступлениями:

– создать единую базу имущества юридических и физических лиц, а также реестр арестованного и конфискованного имущества;

– разработать правоохранительными органами совместный организационно-распорядительный документ, регламентирующий вопросы организации контроля за процессуальной деятельность, направленной на фактическое возмещение ущерба, причиненного преступлением;

– реализовать единообразный подход в решении вопросов о возмещении ущерба, причиненного преступлением, позволяющий распространить на гражданский процесс преюдициальное значение приговора суда не только в части установления факта противоправного деяния и лица, его совершившего, но и установленного размера причиненного вреда;

– решить вопрос о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство о предоставлении органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, полномочий по аресту и временной блокировке денежных счетов и операций с имуществом, до и во время проведения проверки сообщения о преступлении;

– в рамках межведомственного взаимодействия между операторами социальных сетей, банками, операторами сотовой связи и правоохранительными органами, решить вопрос о возможности быстрого обмена информации об IP-адресах владельцев аккаунтов в социальных сетях, их географическом местоположении;

– ввести обязательное требование открытия банковских счетов только с обязательным личным присутствием лица в банке, на которого открывается счет, а также заключение договора о предоставлении услуг связи при личном присутствии клиента, с копированием всех документов личности и их подтверждением;

– предоставить процессуальную возможность по принятию обеспечительных мер и ряда следственных действия для установления имущества на стадии процессуальной проверки;

– рассмотреть вопрос о создании в структуре правоохранительных органов подразделений, ответственных за установление и арест имущества, полученного преступным путем, в целях противодействия отмыванию преступных доходов в кредитно-финансовой сфере.

Список литературы

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 и 2017 гг.

2. Обзор «О состоянии работы органов предварительного следствия в системе МВД России по возмещению ущерба, причиненного преступлениями» // Следственный департамент МВД России, исх. 17/2-10004 от 29 марта 2018 г.

Кокорева Л. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИЗЪЯТИЕ И ИСТРЕБОВАНИЕ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что для наиболее эффективного осуществления следователем своих обязанностей правовая регламентация некоторых следственных действий требует законодательного совершенствования. Отметим, что порядок производства следственных действий регулируется нормами УПК РФ.

В рамках научной статьи не представляется возможным осветить проблемы всех следственных действий. Обозначим лишь некоторые из них, которые в своем нынешнем законодательном закреплении приводят к ошибкам следователя на этапе возбуждения уголовного дела.

Процессуальные действия, которыми следователь может воспользоваться при осуществлении проверки сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), в настоящее время, предельно широк и расширенному толкованию не подлежит. Однако при анализе правоприменительной практики по проверке сообщения о готовящемся или совершаемом преступлении можем сделать вывод о том, что такие разрешенные действия, как «*истребование*» и «*изъятие*» по-разному истолковываются должностными лицами, уполномоченными осуществлять проверку сообщения о преступления, а также судом.

Согласно словарю синонимов и антонимов русского языка «изъять» значит «реквизировать», «конфисковать», «устранить» [1, с. 211, 626]. Синонимами к «*истребовать*» являются слова «потребовать», «затребовать», «вытребовать», «стребовать», а к слову «*изымать*» – «брать», «снимать», «исключать», «убирать», «отбирать», «отнимать», «устранять» и др. [2]

Статья 5 УПК РФ не дает нам законодательного понимания значения рассматриваемых терминов. В свою очередь, законодателем они широко применяются. Например, в п. 5.1 ч. 2 ст. 37, п. 3 ч. 3 ст. 81, п. 19 ст. 5, ч. 3 ст. 39, ч. 1 ст. 58, ч. 2 ст. 81.1, ч. 2 ст. 115, чч. 4.1, 4.6 ст.ст. 164, 164.1, ч. 3 ст. 177, ч. 5 ст. 182, ч. 1 ст. 183 и др. Проведенное исследование позволяет утверждать, что отсутствие законодательного разъяснения анализируемых понятий приводит к различной правоприменительной практике.

Обозначим данные проблемы на примере выемки. По общему правилу выемка недопустима до возбуждения уголовного дела. Данный вывод следует из анализа ст.ст. 144 и 183 УПК РФ. Однако в правоприменительной практике встречаются случаи иной трактовки законодательных положений, и суды при постановлении приговора ссылаются на доказательства, которые были получены в процессе проведенных до возбуждения уголовного дела выемок.

---

[1] © Кокорева Л. В., 2022.

Приведем наиболее яркий пример из судебной практики. Так, защитник Ц., обратился с жалобой в суд о признании выемки незаконной, так как в нарушение требований закона, а именно, ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 183 УПК РФ, она была проведена до возбуждения уголовного дела [3].

В свою очередь, суд в своем апелляционном постановлении указал следующее: «как следует из представленных суду материалов, в ходе проведения проверки заявления потерпевшего о преступлении следователь вынесла постановление о производстве выемки бухгалтерских документов. Данное постановление содержит сведения о наличии у следственного органа информации, где именно и у кого могут находиться эти документы. Учитывая, что ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусмотрено право уполномоченного лица в ходе доследственной проверки не только *истребовать*, но и *изымать* предметы и документы, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что *фактически действия следователя по изъятию бухгалтерских документов являются правомерными.* Облечение же волеизъявления следователя о принудительном характере получения указанных документов – *их изъятии* – в предусмотренную уголовно-процессуальным законом форму *постановления о производстве выемки* соответствует компетенции данного процессуального лица *и отвечает* требованиям статей 7, 38, 144, 183 УПК РФ» [3, 4].

По мнению исследователей данного вопроса, проведение рассматриваемого следственного действия на этапе проверки сообщения о преступлении не является единичным [6], что позволяет сделать вывод об отсутствии единообразного подхода к разрешению обозначенной проблемы.

В свою очередь, отметим, что процедуру *изъятия* необходимых объектов в стадии возбуждения уголовного дела целесообразно проводить в рамках иных, разрешенных процессуальных действиях [5, с. 168]. Речь об осмотре места происшествия (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), освидетельствовании (ч. 1 ст. 179 УПК РФ).

Полагаем, разделяя мнение ученых, что разрешить данную проблему возможно уточнением ч. 1 ст. 144 УПК РФ и, соответственно, ч. 1 ст. 183 УПК РФ. По аналогии, к примеру, с ч. 2 ст. 176, ч. 1 ст. 178 УПК РФ. Речь о включении в средства проверки сообщения о преступлении производство выемки. Данное изменение позволит следователям на законных основаниях *изымать* до возбуждения уголовного предметы и документы в рамках выемки, а кроме того, исключит дискуссионность рассматриваемого вопроса.

Однако не всеми учеными поддерживается высказанная инициатива. Некоторые исследователи полагают, что принятие нормы, регламентирующей производство выемки на этом этапе досудебного производства *нецелесообразно*, так как структура некоторых следственных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела, включает в себя процедуру *изъятия* интересующих объектов.

Таким образом, в настоящее время, «существует проблема оптимального соотношения уголовно-процессуальных средств доказывания, направленных на решение задач уголовного судопроизводства, и гарантий защиты прав граждан при осуществлении уголовного судопроизводства. Кроме этого, возможности судебного контроля и обжалования при *изъятии* предметов и документов используются недостаточно» [7, с. 109].

В юридической литературе предлагаются и иные решения обозначенной проблемы. П. О. Панфилов считает, что «в законе необходимо предусмотреть

право участвующих в следственном действии законного владельца или руководителя коммерческой организации пригласить за свой счет для участия в следственном действии нотариуса. Лицо, проводящее следственное действие, должно будет только предоставить доступ приглашенного нотариуса к *изъятым* документам. Нотариально заверенные копии наиболее значимых документов обеспечат бесперебойную работу организации в то время, пока оригиналы приобщены к уголовному делу» [7, с. 109].

В заключение отметим, что наличие различных точек зрения на обозначенную проблему среди ученых-процессуалистов и практиков связано с законодательным несовершенством некоторых уголовно-процессуальных норм. Примеры производства выемки, встречающиеся в практической деятельности, демонстрируют отсутствие единообразного мнения судебных органов о законном и целесообразном механизме производства *изъятия и истребования* до возбуждения уголовного дела, а также данный факт свидетельствует о низкой степени ясности норм о производстве некоторых следственных действий для правоприменителей.

Список литературы

1. Большой словарь синонимов и антонимов русского языка. М. : ООО «Дом Славянской книги», 2010. 896 с.

2. Синонимы к слову «истребовать», «изымать». URL: https://sinonim.org/s (дата обращения: 23.10.2021).

3. Апелляционное постановление суда Еврейской автономной области № 22-301/2018 22К-301/2018 от 12 июля 2018 г. по делу № 22-301/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/5es90px6mwoZ/?regular-txt (дата обращения: 21.10.2021).

4. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 16-УД17-16 Об отказе в передаче кассационных жалоб на судебные акты по уголовному делу в части привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 159 УК РФ за мошенничество по двум эпизодам, по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 291.1 УК РФ за покушение на посредничество во взяточничестве, по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ за покушение на посредничество во взяточничестве, по ч. 3 ст. 159 УК РФ за мошенничество для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2021). URL: http://www.consultant.ru/.

5. Кокорев Р. А. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сборник материалов 2-ой Международной конференции, г. Уфа, 8 апреля 2021 г. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2021. С. 216–219.

6. Апелляционное постановление Орловского областного суда № 22К-1233/2015 от 25 августа 2015 г. по делу № 22К-1233/2015. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HpeimDYoDv1v/?regular-txt (дата обращения: 23.10.2021).

7. Панфилов П. О. О совершенствовании порядка изъятия и приобщения в качестве доказательств предметов и документов по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 105–111.

Курбатова С. М.[1],
доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики
и основ судебной экспертизы
Красноярского государственного аграрного университета
кандидат юридических наук, доцент

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Несмотря на роль и значение следственных действий для расследования преступлений, существует целый ряд проблем их правового регулирования в нормах действующего уголовно-процессуального законодательства.

В данной статье затронем некоторые из них, связанные с фактом участия в них лиц, имеющих ограниченные возможности.

Под данной категорией понимаются такие участники, у которых имеются физические, когнитивные, физиологические, социальные и др. ограничения их возможностей, которые влияют на способность реализовывать свои права [6]. И если некоторые из таких ограничений могут быть компенсированы предоставлением соответствующих технических средств (лупа, шрифт Брайля, слуховой аппарат, видеоконференцсвязь и пр.), то в других случаях требуется помощь третьих лиц (законного представителя, педагога, психолога, специалиста), чтобы нивелировать ту разницу в возможностях, которая есть у таких лиц по сравнению с другими участниками производства по уголовному делу. При том, что могут быть случаи, когда ограничения настолько явно проявляются и имеют такие последствия, что встает вопрос о невозможности участия данного лица вообще.

Нормы действующего УПК РФ в основном ориентированы на участников уголовно-процессуальных отношений, охватываемых понятием «теория среднего человека» [9]. Как писал Г. Радбрух в своей книге «Философия права» (1932): «Идею права мы находим в *справедливости* и определяем суть этой справедливости… – как равенство, то есть как одинаковое регулирование равных и соответственно неодинаковое различающихся людей и отношений… Справедливость указывает нам, что равное следует регулировать одинаково, а неравное – неодинаково» [7].

В действующем российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют нормы, регламентирующие особенности участия лиц, имеющих психические (а как следствие – когнитивные) расстройства, а также ограничения физического характера, выступающих в качестве потерпевших, свидетелей, понятых и др.

Особые гарантии УПК РФ предоставляет лишь несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, частично закреплены особенности участия несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (гл. 50, ст. 151 и др. УПК РФ); предусмотрено применение принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно-опасные деяния в состоянии невменяемости, и к лицам, у которых

[1] © Курбатова С. М., 2022.

уже после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение им наказания или его исполнение.

Тогда как, например, лица старших возрастных групп, по аналогии с несовершеннолетними, имеют определенные когнитивные особенности, обусловленные возрастом. И об этом знали еще в древности. Так, еще Законы Ману в гл. 8 закрепляли следующие положения: «Но показание детей, *стариков* (выделено авт.), больных, говорящих при допросе неверно, следует считать ненадежным, так же, как [людей] со смятенным рассудком (п. 71); договор, заключенный пьяным, безумным, страдающим (от болезни), рабом, ребенком, *старым* (выделено авт.), а также неуполномоченным, недействителен» (п. 163) [1].

Применительно к участию лиц, имеющих ограниченные возможности, в следственных действиях возникают вопросы:

– о возможности физического и (или) процессуального участия таких лиц в следственном действии;

– оценке фактической возможности участия лиц с такими ограничениями, сказывающимися на функционировании их двигательных функций;

– оценке юридической возможности участия лиц с такими ограничениями (свидетель, понятой и др.): законности проводимого процессуального действия, допустимости доказательств, полученных с их участием и др.;

– специфике получения показаний от таких лиц и достоверности полученных сведений [1];

– о необходимости использования процессуальных, психологических и тактических особенностей лицом, ведущим производство по уголовному делу [10] и др. [3].

К числу проблем следует отнести и то, что в нормах УПК РФ, регламентирующих порядок тех или иных следственных действий, встречаются такие их участники, которые отсутствуют в разделе 2 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства», например: психолог; педагог; допрашиваемое лицо; лицо, участвующее в осмотре и прослушивании фонограммы; лицо, чьи телефонные и иные переговоры записаны; родственники, близкие лица потерпевшего, свидетеля и т. д. [8], в связи с чем возникает вопрос об их правовом статусе в производстве по данному уголовному делу [4, 5] и о том, насколько реально их присутствие может помочь участнику из числа лиц с ограниченными возможностями.

В связи с вышеизложенным, считаем необходимым пересмотр ряда уголовно-процессуальных институтов на предмет соответствия их содержания нормам современного международного права и концепции социального правового государства, каким, согласно ст.ст. 1, 7 Конституции Российской Федерации, является и Россия.

Для этого предлагается использование в уголовно-процессуальном праве *компенсаторного подхода*, суть которого сводится к тому, что участникам уголовно-процессуальных отношений, которые в силу имеющихся у них ограниченных возможностей не могут надлежащим образом самостоятельно реализовывать свои права и исполнять обязанности, должны быть предоставлены процессуальные средства, с помощью которых можно компенсировать (максимально стремиться

к этому) то неравное положение, в котором они оказываются по сравнению с другими участниками [6].

С помощью этого подхода необходимо разрабатывать и юридически закреплять как сами процессуальные средства компенсаторного характера, так и механизм их использования в уголовном судопроизводстве, применяя его в дальнейшем уже через правоприменительную деятельность, в том числе и с возложением на соответствующие органы государственной власти и их должностных лиц обязанностей по содействию его реализации.

Список литературы

1. Бертовский Л. В. О проблемах участия в уголовном судопроизводстве лиц старшего возраста: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М. : Московская акад. СК РФ, 2020. С. 22–29.

2. Бертовский Л. В. Допрос: тактика и технология. М. : Экзамен, 2015. 303 с.

3. Бертовский Л. В. Производство следственных действий с участием лиц с ограниченными возможностями: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Криминалистика и следственная практика. Материалы всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию Заслуженного юриста Российской Федерации, почетного сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, доктора наук, профессора В. Н. Карагодина. 2020. С. 29–35.

4. Гладышева О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2015. 64 с.

5. Кун Д. Е. Участники следственных действий и их процессуальный статус // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2. С. 77–79.

6. Курбатова С. М. Теоретические основы уголовно-процессуального статуса лиц с ограниченными возможностями: проблемы теории и практики. Монография. Красноярск : Красноярский ГАУ, 2021. 168 с.

7. Радбрух Г. Философия права. М. : Междунар. отношения, 2004. 238 с.

8. Усова Ю. И., Ипатова А. Ю. Общие правила производство следственных действий: проблемы применения // Центральный научный вестник. 2020. Т. 5. № 11 (100). С. 33.

9. Фуллер Лон Л. Мораль права. М. : ИРИСЭН, 2007. 305 с.

10. Щерба С. П. Расследование и судебное разбирательство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками. М. : Юрид. лит., 1975. 144 с.

Миронова А. В.[1],
начальник кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Мандрыка Ю. С.[2],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Деятельность органов предварительного расследования на всех этапах досудебного производства регламентирована уголовно-процессуальным законодательством, которое нещадно подвергается критике учеными и практическими сотрудниками. Поводы для критики носят порой довольно противоречивый характер, что обусловлено, с одной стороны, сложностью и длительностью реализации процедур процессуальных действий в процессе доказывания по уголовному делу, а с другой, – наличием в нем некоторых пробелов.

Уголовное судопроизводство является постоянным объектом активного изучения, оно подвергается довольно частому изменению, как в небольших деталях, так и путем внедрения новых процессуальных институтов. Исследование деятельности органов предварительного расследования приводит к обнаружению и изучению проблем правового регулирования и его практической реализации, поиску способов разрешения проблем и новых процессуальных форм.

Результатом поиска новых способов для «упрощения» предварительного расследования в форме дознания, в 2013 г. стало дополнение уголовно-процессуального закона новой гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме».

Дознание как вид процессуальной деятельности, в сравнении с предварительным следствием, всегда рассматривалось как упрощенная форма производства по уголовному делу. Однако в развитии правовой регламентации дознания, после принятия и вступления в юридическую силу УПК РФ, происходило постепенное сближение с предварительным следствием, это даже порождало мысли о его ликвидации и оставления только одной формы расследования – предварительного следствия. Необходимость выполнения в ходе дознания всех тех же процедур, установления тех же обстоятельств, что и в ходе предварительного следствия, но при меньших процессуальных сроках, вызывало критику. А имевшийся в советском уголовном процессе опыт протокольной формы досудебной подготовки уголовного дела не давал «покоя» практическим органам и надежду на возрождение такого востребованного когда-то уголовно-процессуального института.

---

[1] © Миронова А. В., 2022.
[2] © Мандрыка Ю. С., 2022.

Научный интерес к сокращенному дознанию вспыхнул сразу после ее введения Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, оформленным научными статьями (трудами) о его достоинствах и недостатках [1, с. 14–15; 4, с. 5–7]. Следует отметить, что дознание в сокращенной форме не является прообразом протокольной формы. Оно осуществляется после возбуждения уголовного дела и имеет особенности в основании для его производства, в средствах и порядке доказывания, в процессуальном оформлении некоторых решений. При этом дознание в сокращенной форме воплотило идею упрощенного производства, что соотносится с принципом разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6.1 УПК РФ. Цель сокращенного дознания состоит в «процессуальной экономии» по уголовным делам, в которых отсутствует правовой спор между сторонами уголовного судопроизводства, при минимальном количестве участников (потерпевших, свидетелей), что сокращает объем процессуальных действий и решений, при соблюдении основных требований к процессу доказывания.

Сокращение дознания по гл. 32.1 УПК РФ происходит в связи с ограничением сроков его производства до 15 суток, с возможным его продлением прокурором до 20 суток (ст. 226.6 УПК РФ) и особым набором средств доказывания.

Реальность соблюдения столь незначительных для предварительного расследования процессуальных сроков обеспечивается рядом факторов, среди которых условия применения сокращенного дознания. Сокращенное дознание не связано с необходимостью установления лица, причастного к совершению преступления, поскольку проводится только по делам, возбужденным в отношении конкретного лица, с привлечением расширенного круга участников (законных представителей, переводчиков), с разрешением вопроса вменяемости лица и другими обстоятельствами, усложняющими производство по уголовному делу.

Сокращению сроков способствует и выведение из них этапа доследственной проверки, в ходе которой может проводиться довольно широкий круг процессуальных действий, позволяющих собрать и зафиксировать доказательства в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, причастности лица к его совершению. Обстоятельства, установленные и зафиксированные в процессуальных документах в необходимом объеме и качестве при проверке сообщения о преступлении, являются основой для упрощения производства дознания. Для осознания этого факта в практической деятельности потребовалось некоторое время. Как отмечали ученые и представители правоохранительных органов спустя год после введения сокращенного дознания, количество уголовных дел, расследуемых в такой форме, было незначительным. В 2013 г. в сокращенной форме дознания было расследовано всего 2 % от всех уголовных дел, по которым производилось дознание. В последующие годы происходил рост этого показателя, и в 2014 и 2015 гг., но все же доля от общего числа уголовных дел, расследованных органами дознания, осталась незначительной (около 9 %) [3, с. 47–49], а в 2016 г. – примерно 15 %. И сегодня высказывается мнение, что дознание в сокращенной форме не применяется в объеме, который прогнозировался при его введении [2, с. 16–17]. Но, несмотря на существующие проблемы и трудности, эта форма показывает свою жизнеспособность.

Возвращаясь к вопросу особенностей процесса доказывания по уголовному делу, расследуемому в сокращенной форме, нельзя не отметить, что некоторые пробелы уголовно-процессуального закона являются проблемой. В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель вправе не назначать судебную экспертизу, если ее проведение не является обязательным в силу ст. 196 УПК РФ и если на вопрос, для разрешения которого требуются специальные познания, был дан ответ по результатам исследования в заключение специалиста. Следует отметить, что, если порядку назначения и производству судебной экспертизы посвящена гл. 27 УПК РФ, то порядок проведения исследования не регламентирован, и решить вопрос о допустимости заключения специалиста как доказательства по уголовному делу, полученному в соответствии с нормами УПК РФ, может быть проблематично. Если законодатель обращает внимание на правило допустимости доказательства по признаку соответствия порядка его получения нормам УПК РФ (ч. 1 ст. 75 УПК РФ), то процессуальные действия по сбору доказательств должны быть регламентированы.

По той же причине следует регламентировать порядок получения объяснений, при наличии которых (если они не требуют дополнения и уточнения), могут не проводиться допросы в ходе сокращенного дознания (п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Регламентация вышеуказанных процессуальных действий повысит степень доверия к результатам, получаемым в ходе их проведения, тем более, что доказательства, собранные и проверенные в ходе сокращенного дознания, не исследуются в ходе судебного производства (ст. 226. 9 УПК РФ).

Что касается дальнейших перспектив развития сокращенного дознания, то анализ действующего законодательства, исследование мнений дознавателей, научных работников позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование требует некоторых корректировок. Из всех условий для проведения сокращенного дознания хотелось бы указать на обязательное получение согласия потерпевшего для ее применения. Не считаем, что это условие справедливое, поскольку компромиссность сокращенного дознания видится в том, что государство в лице законодателя снижает меру уголовного наказания взамен на отказ преследуемого лица, осознавшего свою виновность в совершении преступления, от противодействия правосудию. Таким образом, в применении сокращенного дознания выступают две основные стороны – представители государства, осуществляющие уголовное преследование, и лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Применение сокращенного дознания не умаляет возможностей потерпевшего на защиту своих прав, законных интересов и доступ к правосудию. В следственной практике поведение потерпевшего часто принимает две противоположные позиции: либо нацеленность на конфликт с подозреваемым и стремление добиться «возмездия», либо полная пассивность, особенно, если от подозреваемого получена какая-либо компенсация причиненного вреда или есть осознание, что такой компенсации он не сможет получить не при каком исходе. Учитывая сроки производства дознания в общем порядке, потерпевший, при минимальных сроках сокращенного дознания, быстрее увидит результат свершившегося правосудия.

Также поддерживаем позицию Е. Н. Клещиной и Д. А. Григорьева о необходимости дифференциации в развитии сокращенной формы дознания, с учетом разного объема требуемых процессуальных действий, очевидности, простоты, небольшой общественной опасности некоторых преступных деяний. В том числе заслуживает внимания мнение о возможности возвращения из исторического прошлого протокольной формы [3, с. 50].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что применение в уголовном судопроизводстве упрощенных форм должно иметь перспективу развития, особенно в условиях сокращения штатной численности органов предварительного расследования и возрастания общей нагрузки на дознавателей, что позволит оптимизировать время на производство дознания. Но для этого требуется законодательная основа процедур осуществления действий, проводимых уполномоченным должностным лицом в ходе доследственной проверки.

Заслуживает внимания позиция о необходимости развития упрощенной формы досудебного производства (протокольная форма или особое сокращенное дознание) с учетом ее применения по делам о менее опасных преступлениях, виновность в совершении которого признается лицом.

Список литературы

1. Гирько С. И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Вестник Московского университета МВД России. № 7. 2013. С. 13–19.

2. Дознание в сокращенной форме в уголовном процессе России: проблемы, пути совершенствования : учебное пособие. Н.Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2021. 71 с.

3. Клещина Е. Н., Григорьев Д. А. О некоторых проблемах дифференциации процессуальной формы производства дознания // Вестник ВИПК МВД России. № 2 (42). С. 47–52.

4. Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 5–8.

Михайлова Е. Е.[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
факультета подготовки следователей
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Право граждан на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, гарантируемое ст. 23 Конституции Российской Федерации, ограничение которого, в соответствии с названной нормой основного закона, допускается только на основании судебного решения, является не только одной из юридических гарантий неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, но и важнейшим условием обеспечения коммуникации, без которого не мыслимо существование современного общества.

Понятие «коммуникация» в русском языке применяется как в значениях «сообщение, общение», так и в значении «путь сообщения» [3, с. 440]. Поэтому в действующем уголовно-процессуальном законодательстве механизм упреждающего судебного контроля, закрепленного в положениях ч. 2 ст. 29, ч. 2 ст. 164 и чч. 1–4 ст. 165 УПК РФ, распространяется не только на необходимость получения разрешения на производство контроля и записи переговоров, наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, но и на получение информации о произведенных соединениях между абонентами или абонентскими устройствами, под которой понимаются сведения о входящих и исходящих сигналах соединения между абонентами или абонентскими устройствами пользователей связи, в том числе без раскрытия самого содержания переданной информации.

Перечень видов коммуникации, находящейся под конституционной охраной, как справедливо отмечает М. А. Мещерякова, является открытым и охватывает не только переписку, телефонные переговоры, почтовые, телеграфные, но и иные сообщения, что позволяет соответствовать уровню технического развития общества и гарантировать неприкосновенность новых, неизвестных на момент разработки Конституции Российской Федерации видов коммуникации [2, с. 129].

Очевидно, что уровень научно-технического прогресса способствует появлению новых видов коммуникации, и помимо исторически сложившихся и в настоящее время все реже используемых форм письменного общения между гражданами посредством почтово-телеграфных отправлений, телеграмм, радиограмм, а также повсеместно распространенных способов связи в форме передаваемых по сетям электрической связи СМС- и ММС-сообщений, факсимильных сообщений, электронных писем, на первый план в современном обществе выходят мгновенные сообщения, передаваемые посредством сети Интернет с использованием мессенджеров (от англ. message – «сообщение») – специ-

[1] © Михайлова Е. Е., 2022.

альных приложений (например, в социальных сетях) или программ, специально установленных на смартфонах, планшетах, компьютерах, обеспечивающих функционирование самостоятельного сервиса, реализующего не только возможность обмена письменными сообщениями, но и файлами, а также использования голосовой или видеосвязи, в том числе коллективного общения (веб-конференций). Цифровизация всех сфер жизнедеятельности, получившая новый импульс в связи с повсеместно вводимыми с 2020 г. ограничениями, связанными с распространением новой коронавирусной инфекции, бесспорно, отражается на использовании все большим количеством граждан современных доступных способов коммуникации с использованием цифрового пространства, обеспечивающих не только высокую скорость передачи информации в реальном времени через Интернет, но и минимизацию связанных с этим временных затрат и финансовых расходов.

Согласно исследованию, опубликованному Департаментом исследований Statista, по состоянию на октябрь 2021 г., самыми распространенными в мире мобильными приложениями для обмена сообщениями стали: «WhatsApp» и «Facebook Messenger», ежемесячный доступ к которым получали 2 млрд и 1,3 млрд пользователей соответственно. Созданный российским предпринимателем и программистом П. Дуровым месседжер «Telegram» ежемесячно используется 550 млн пользователей [5].

Согласно опубликованным данным мобильных операторов связи России («Мегафон», «Билайн», МТС, Tele2) бесспорными лидерами как по трафику в сети, так и по использованию чатов для отправки мгновенных сообщений и контента по итогам 2020 – начала 2021 г., стали «WhatsApp» и «Telegram» [6].

Также гражданами России активно используются мессенджеры социальных сетей, наиболее популярными из которых, согласно данным ВЦИОМ, являются «ВКонтакте» (48 %), «Instagram» (39 %), «YouTube» (34 %), «Одноклассники» (32 %), «TikTok» (17 %). Не пользуются социальными сетями лишь 16 % граждан России [7].

Очевидно, что высокая активность использования мессенджеров влечет необходимость не только государственного обеспечения конституционного права на тайну переписки и иных сообщений, но и законности ее ограничения посредством четкого нормативного регулирования процедуры ее изъятия при осуществлении уголовного судопроизводства. Информация о произведенных соединениях между абонентами или абонентскими устройствами, а также содержание направленных сообщений может содержаться как в сохраненных файлах или чатах используемых мессенджеров или средств мобильной связи, так и у технологических компаний-провайдеров.

Процедура истребования такой информации может быть реализована только посредством направления полученного судебного решения, принимаемого в порядке ст. 165 УПК РФ, для исполнения в организацию, осуществляющую услуги связи (для осуществления переписки или обмена сообщениями).

Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка в учреждениях связи, традиционно воплощающее в себе реализацию конституционного права на тайну переписки, закрепленного в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства в ст. 13 УПК РФ, достаточно четко

регламентирована в ст. 185 УПК РФ, однако, редко применяется на практике, ввиду уменьшающегося объема применения данной формы коммуникации для общения между гражданами. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020 г. всего судами было окончено производство по 6758 указанным ходатайствам, заявленным в порядке п. 8 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, в то время как производств о контроле и записи иных переговоров было окончено по 33939 ходатайствам, а ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами – по 313 500 ходатайствам [15].

Истребование информации, содержащейся в переписке, осуществляемой посредством SMS-, MMC- сообщений, а также мгновенных сообщений, передаваемых посредством сети Интернет, не нашло специального закрепления в отдельной норме УПК РФ. Более того, понятие «переписка» вообще не упоминается в ст.ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ, что свидетельствует о явном отставании уголовно-процессуального законодательства от уровня технического прогресса и несовершенстве используемой в законодательстве терминологии.

В 2016 г. ст. 185 УПК РФ была дополнена ч. 7, согласно которой при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка. Однако четкий механизм получения данных сведений, бесспорно имеющий особенности и специфику с учетом существования такой переписки в виртуальном пространстве, а не на материальных носителях, в нормах УПК РФ не содержится.

Кроме того, в связи с тем, что технологические компании (провайдеры) широко распространенных среди российских граждан мессенджеров не имеют до настоящего времени представительств на территории Российской Федерации (так, мессенджеры «WhatsApp», «Instagram», «Skype» относятся к юрисдикции США, «Telegram» – к юрисдикции Великобритании, «Viber» – к юрисдикции государства Израиль), судебное решение может быть направлено в соответствующую компанию для исполнения только в рамках осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, что занимает весьма длительные сроки.

Лишь со следующего года иностранные IT-гиганты должны открывать свои полномочные филиалы на территории России, согласно принятому 1 июля 2021 г. Федеральному закону «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации».

В связи с чем в настоящее время реализация положений ч. 7 ст. 185 УПК РФ осуществляется лишь при изъятии сведений, содержащихся в сообщениях и иных электронных отправлениях в социальной сети «ВКонтакте», офис которой находится на территории Российской Федерации (г. Санкт-Петербург), при этом в изученных нами ходатайствах перед судом следователи ссылаются не только на ст. 185 УПК РФ, но и на положения ст. 186.1 УПК РФ, так как именно указанной нормой частично регламентирована процедура подготовки и предоставления организацией, предоставляющей услуги связи, интересую-

щих следствие сведений в форме ее сбора (а при необходимости и восстановления удаленных сведений) и записи на материальный носитель, с последующим изъятием такого носителя следователем в ходе выемки, осуществляемой в соответствии с положениями ст. 183 УПК РФ.

На процесс сбора и закрепления доказательств могут повлиять также технические особенности хранения данных и применяемого шифрования сведений провайдером мессенджеров. Так, мессенджер «WhatsApp» использует шифрование сведений об учетных записях пользователей и используемом им аппарате, мессенджер «Telegram» поддерживает возможность включения секретной учетной записи [4]. Кроме того, проблемой в доказывании может стать применяемое при использовании мессенджеров так называемое обезличивание пользовательского ID путем его регистрации на виртуальные номера сотовых телефонов, виртуальные e-mail адреса, указание при регистрации иной подложной информации о пользователей. Все перечисленное может затруднить идентификацию пользователя мессенджера с конкретным физическим лицом.

С учетом названных факторов правоприменительная практика стала искать упрощенные способы получения сведений о содержании переписки и иных сообщений, представляющих интерес для следствия, и во многих случаях имеющих большое доказательственное значение по уголовным делам, например, о преступлениях, связанных с вымогательством, мошенничеством, дистанционным сбытом наркотиков и т. д.

Поскольку представляющая интерес для следствия информация (сведения о соединениях, содержание переписки, данные геолокации, иная информация), в большинстве случаев, хранится непосредственно в памяти устройства, посредством которого осуществляется использование мессенджеров, правоприменительная практика идет по пути изъятия сотрудниками органов следствия и дознания указанных устройств (смартфонов, планшетов, компьютеров) в ходе следующих следственных действий, признаваемых впоследствии судами в качестве доказательств по уголовным делам: осмотров мест происшествий [10], личного обыска во время задержания в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ [11] или даже в ходе личного досмотра, составленного в рамках административных полномочий сотрудников полиции в соответствии со ст. 27.7 КоАП РФ [12], или выемки у гражданина, находящегося в служебном помещении, а само получение содержащейся на устройствах информации, имеющей доказательственное значение, осуществляется в ходе их осмотра или производства криминалистической судебной экспертизы [13], в ходе которых, например, в органах Следственного комитета Российской Федерации, применяется универсальное устройство извлечения судебной информации – UFED (Universal Forensic Extraction Device), позволяющее произвести извлечение из памяти изъятого устройства и дешифровку сообщений, передаваемых посредством наиболее популярных в России мессенджеров. То есть получение следственными органами информации, относящейся к охраняемой законом тайне, осуществляется при производстве следственных действий, не требующих получения судебного решения, обоснованность которых, по мнению многих правоприменителей, подтверждена определениями Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. № 433-О-О [8] и от 25 января 2018 г. №189-О [14].

Также активно используется возможность привлечения лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам, или имеющих доступ к мобильному устройству интересующего следствие лица, либо же непосредственно ведущих с ним переписку, и предоставляющих о ней информацию в виде сканированных копий, фотоизображений, распечаток, которые или приобщаются в качестве приложений к протоколам допросов или изымаются в ходе выемки [19]. В таких случаях, как это следует из определений Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 1997 г. №72-О и от 17 ноября 2006 г. №454-О, закон не охраняет тайну личных переговоров, поскольку одна из сторон добровольно и непосредственно предает их огласке [1, с. 43–44].

Нам представляется, что подобная практика не соответствует конституционным гарантиям тайны переписки и иных переговоров, что обусловлено отсутствием единообразного закрепления понятий, ошибочным толкованием названных определений Конституционного Суда Российской Федерации, а также несовершенством норм уголовно-процессуального законодательства, не соответствующего современному уровню технического прогресса.

Переписка с использованием мессенджеров полностью подпадает под определение, данное в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст.ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» из которого следует, что под сообщениями граждан, передаваемыми по электрической связи, следует понимать в том числе передаваемые посредством сети Интернет мгновенные сообщения, электронные письма, видеозвонки, а также сообщения, пересылаемые иным способом. А соответственно, их изъятие, в том числе непосредственно у граждан, и осмотр должны осуществляться на основании решения суда, а в случаях необходимости проведения такового в условиях не терпящих отлагательства (например, обнаружения и изъятия мобильного устройства в ходе осмотра места происшествия, выемки, личного обыска при задержании или обыска в помещении организации и т. д.) – с соблюдением процедуры уведомления прокурора и суда о произведенных следственных действиях в порядке, регламентированном ч. 5 ст. 165 УПК РФ, что требует внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Список литературы

1. Клевцов К. К. Переписка в мессенджерах как доказательство. Способы получения и оформления // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 42–45.

2. Мещерякова М. А. Конституционное право на тайну коммуникации: понятие и содержание // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 3 (53). С. 127–137.

3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 28-е изд., перераб. М : Мир и Образование, 2019. 1375 с.

4. Ли Д. Сравнительный анализ безопасности и приватности мессенджеров // Информационная безопасность (Anti-Malware.ru). URL: https://www.anti-malware.ru/compare/Messengers-security-and-privacy (дата обращения: 10.11.2021).

5. Самые популярные в мире мобильные приложения для обмена сообщениями по состоянию на октябрь 2021 г. по количеству активных пользователей в месяц // Statista. URL: https://www.statista.com/ statistics/258749/most-popular-global-mobile-messenger-apps/ (дата обращения: 10.11.2021).

6. Мобильные операторы назвали самые популярные у россиян мессенджеры // Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)». URL: https://tass.ru/ekonomika/10544793 (дата обращения: 10.06.2021).

7. ВЦИОМ назвал самые популярные соцсети в России // РИА Новости: сетевое издание ФГУП МИА «Россия сегодня». URL: https://ria.ru/20210706/sotsseti-1740025260.html (дата обращения: 10.11.2021).

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. №433-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрении жалобы гражданина Тарасова Н. А. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 176 и ч. 1 ст. 285 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. №189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Д. А. на нарушение его конституционных прав ст. 176, 177 и 195 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

10. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 июня 2021 г. по делу № 77-2227/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

11. Апелляционное определение Московского городского суда от 15 марта 2021 г. по делу № 10-1197/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

12. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июля 2021 г. № 77-3025/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

13. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2019 г. № 201-АПУ19-22 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

14. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 81-АПУ19-8 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

15. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671 (дата обращения: 10.11.2021)

Овчинников Ю. Г.[1],
профессор кафедры уголовного процесса
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

За последнюю четверть века на научных площадках, посвященных проблемам отечественного уголовно-процессуального законодательства, исследователи все чаще высказываются о потребности в упрощении уголовно-процес–суальной формы досудебного производства. Формула концепции достаточно проста – чем меньше процессуальных действий, тем меньше оформительской работы. Необходимы революционные изменения, которые бы избавили следователя от массива бюрократической деятельности. Исходя из рационального распределения сил, средств и времени со стороны участников уголовного процесса, имеющих в деле публичный и личный интерес, и должна строиться процессуальная форма, не содержащая условий, недостижимых для государства при данном уровне его экономического развития.

К проблеме радикального совершенствования отдельных институтов и норм, в целях эффективности современного досудебного производства, неоднократно обращали внимание в собственных исследованиях различные авторы. Так, Б. Я. Гаврилов, выделяя элементы (факторы) заформалированности (забюрократизированности) отдельных положений УПК, предлагал их реформировать путем: отмены стадии возбуждения уголовного дела; упразднения института предъявления обвинения (предусмотреть порядок аналогично дознания); увеличения общего срока расследования с двух до двенадцати месяцев (так как следствие стало сложней, объем дел значительно увеличился; необходимо их продлевать при сроке свыше двенадцати месяцев, а не двух); увеличения первоначального двухмесячного срока содержания под стражей; введения протокольной формы расследования (реального сокращенного дознания) [3].

А. М. Баранов, в своем монографическом исследовании неоднократно высказываясь о сложных механизмах правового регулирования современного досудебного производства и ускорения такового, отстаивает точку зрения о том, что основополагающим мерилом должна стать не тяжесть преступления, а *признание подозреваемым своей причастности* (виновности) к преступлению и *очевидность совершенного преступления*. На основании данных признаков выделяются две классические формы досудебного производства – дознание и предварительное следствие, но с учетом существенных особенностей.

Дознание проводится (1) по преступлениям небольшой и средней тяжести расследуются как очевидные преступления, так и не очевидные преступления, а также (2) по тяжким и особо тяжким преступлениям только очевидные пре-

[1] © Овчинников Ю. Г., 2022.

ступления до предъявления лицу обвинения и неочевидные преступления. Если обвиняемый признает свою вину, то после предъявления обвинения дело оканчивается и направляется в суд, если же не признает, то дело передается органам предварительного следствия для дальнейшего расследования.

Следствие должно проводиться по тяжким и особо тяжким преступлениям, по которым установлено лицо, но отрицающее свою виновность, то есть когда существует противодействие со стороны причастных лиц, и тем самым доказывание представляет особую сложность. Таким образом, в производстве у следователей будут только очевидные дела [2, с. 136–137].

Таким образом, дознание, по теории А. М. Баранова, расследует все категории преступлений. По преступлениям небольшой и средней тяжести – в полной форме, по тяжким и особо тяжким преступлениям – в усеченной форме (до предъявления обвинения или до отрицания подозреваемым своей причастности к преступлению), а также все неочевидные преступления данных категорий преступлений.

Недостаток данной формы в части направления следователю дела, в случае отрицания лицом свой виновности, на наш взгляд, очевиден. Бесспорно, возникнет ситуация, когда из-за возросшей нагрузки на дознание, последним будет «выгодно» предложить подозреваемому не признавать свою причастность, по крайней мере, в данный момент, в целях «разгрузки» уголовных дел, находящихся в производстве, и сосредоточиться на преступлениях небольшой и средней тяжести с лицом. Предварительное следствие превратиться в «яму», куда будут массово поступать подобные дела с проволокиченными сроками, что повлечет, в свою очередь, неизбежную утрату наступательности, которая так необходима именно на первоначальном этапе расследования преступления, когда установление предмета доказывания требует от следователя инициативных, активных и даже безотлагательных действий.

Л. В. Головко, рассуждая о реформировании отечественных следственных органов, убежден, что дальнейшее развитие должно осуществляться в духе континентальной традиции. Ему видится два пути. Трансформация следователя в следственного судью, где расследование проводится по наиболее сложным делам, что позволит в значительной части сохранить многие процессуальные институты. Второй, слияние следствия с дознанием под надзором прокурора (направление германской модели), что автоматически потребует лишение следователей многих современных полномочий, так как последние преобразуются в сотрудников полиции (полицейское дознание) [4, с. 53].

Отдельные исследователи предлагают радикально преобразовать досудебное производство, ликвидировав органы следствия и ввести «полицейское дознание» («полицейское расследование»). Они полагают, что в современной модели отсутствует равноправие сторон, имеет место (и имел всегда) уклон обвинительный. По действующему законодательству органы расследования должны одновременно осуществлять уголовное преследование и расследовать уголовные дела. Объективность при расследовании дел не реализуется в полной мере. Такие институты, как предъявление обвинения, прекращение дела (преследования) на досудебном производстве, доминирование получение доказательств стороной обвинения должны быть упразднены [1; 6, с. 150; 7; 8, с. 5–20].

А. Ю. Цветков, возражая против полицейской доктрины, убежден, что документация оперативно-разыскной деятельности будет только укрепляться, поскольку требования российский судов к результатам ОРД под давлением Европейского Суда по правам человека лишь усиливаются. Кроме того, значительная часть преступлений раскрывается исключительно следственным путем (техногенные катастрофы, преступления против правосудия, должностные и экономические преступления и т. д.). В раскрытии таких преступлений роль оперативных подразделений практически отсутствует. В-третьих, в США и ФРГ все доказывание строиться на презумпции добропорядочности полицейского (то есть показания полицейского выше, чем показания обычного гражданина). Сомневаюсь, что переход на подобную систему доказывания укоренится в современных судах, а тем более в адвокатском сообществе. Резюмируя, автор пишет «убить следственный формат в XXI в. будет чревато катастрофическим провалом в противодействии серьезной интеллектуальной преступности: полицейское дознание сможет противодействовать хотя и опасным, но весьма примитивным преступлениям» [9, с. 73, 74].

С. А. Шейфер также негативно относится к «полицеизации» досудебного производства. Одной из основных причин автор называет многочисленные злоупотребления со стороны сотрудников полиции [11, с. 12]. Поэтому полная реализация презумпции добропорядочности полицейского в современных условиях, к сожалению, еще не наступила.

Ученые и практические работники правоохранительных органов, в формате круглого стола, проходившего в институте государства и права РАН в октябре 2016 г. на тему «Следственная власть: “за” и “против”», практически все единогласно высказывались, что ликвидация в России института предварительного следствия в целом и следователя в частности приведет к катастрофе для всей системы уголовной юстиции [10]. Подобные революционные изменения не основаны на современных российских реалиях. Полицейское расследование не сможет удешевить досудебное производство, а упразднение следователей повлечет расширение штатов государственных обвинителей. Укрепление судебной власти невозможно, если будет ликвидирована власть следственная [5, с. 14].

Таким образом, поиск оптимальной модели досудебного производства является одной из глобальных проблем правоохранительной деятельности в современной России. Ученые в своих исследованиях предлагают дальнейшие пути совершенствования уголовно уголовно-процессуальной формы, что способствует возможности ее дифференциации.

Поддерживая позицию относительно оставления предварительного следствия в целом и следователя как участника уголовного процесса в частности, убежден, что органы государства должны выработать четкий вектор направления на повышение качества расследования и укрепление процессуальной самостоятельности этого участника. Реформация досудебного производства в любых его проявлениях должна быть ориентирована, исключительно через концепцию «сильного» следователя, грамотного профессионала, способного самостоятельно принимать решения и нести за них полную ответственность. Ослабление процессуального статуса следователя приведет к его обезличиванию, снижению престижа профессии и как следствие к необратимым последствиям для правосудия в целом.

Список литературы

1. Александров А. С. К вопросу о создании единого следственного комитета // Вестник Саратовской академии права. 2010. № 6. С. 17–21.

2. Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам : монография. Омск : ОмА МВД России, 2006. 220 с.

3. Гаврилов Б. Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 20.

4. Головко Л. В. Реформирование следственных органов в России // Вестник МГУ. 2013. № 3. С. 9.

5. Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: предпосылки и программа оптимизации // Международные юридические чтения : матер. ежегодной междунар. науч.-практ. конф. Омск : Омский юрид. ин.-т, 2005. Ч. V. 183 с.

6. Загвоздкин Н. Н. О некоторых проблемах, препятствующих повышению эффективности досудебного производства, и способах их решения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4 (38). С. 146–154.

7. Поздняков М. Л. Каким не стать Следственному комитету России к 2017 г. // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 17–21.

8. Руновский А. В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2012. 26 с.

9. Цветков Ю. А. Досудебное производство в ожидании современной доктрины // Уголовный процесс. 2015. № 5 (125). С. 70–81.

10. Цветков Ю. А. Куда идет следствие // Уголовный процесс. 2016. № 11 (143). С. 18–23.

11. Шейфер С. А. Отечественное предварительное следствие: упразднить или усовершенствовать? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3. С. 8–15.

Орипов С. С.[1],
главный научный сотрудник
Центра научно-прикладных исследований
вопросов общественной безопасности МВД Республики Узбекистан

ИНСТИТУТ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ И ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ

В последние десятилетия новые возможности, открывающиеся в области создания и использования информационных технологий, проявляются в качестве одного из видов обеспечения защиты прав и законных интересов граждан.

Явными примерами реализации этих возможностей в Узбекистане являются созданные в сфере информационных технологий государственные услуги, в частности «Правительственный портал Республики Узбекистан», предназначенный для упрощения обращения в государственные органы и разрешения имеющихся у граждан проблем, а также «Единый портал интерактивных государственных услуг», введенный для повышения качества и облегчения оказания лицам государственных услуг, и др.

Активное развитие и совершенствование технологий влечет за собой изменения в общественных, экономических и правовых отношениях. Проникновение информационных технологий в сферу правоохранительной деятельности обусловливает появление таких понятий, как «электронное уголовное дело», «использование информационных технологий при проведении процессуальных действий», «видеоконферецсвязь», «электронный документооборот».

Постановлением Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева от 13 декабря 2019 г. «О дополнительных мерах по обеспечению верховенства Конституции и закона, усилению общественного контроля в данном направлении, а также повышению правовой культуры в обществе» определена необходимость выполнения ряда задач, направленных на соблюдение законности при защите личности, его прав, свобод и законных интересов и обеспечение общепризнанных прав человека в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве наряду с остальными сферами общественной жизни.

В частности, этим постановлением предусмотрено применение соответствующих мер в уголовном производстве, в том числе:

– внедрение обязательного порядка видеосъемки действий по задержанию лица, разъяснению ему процессуальных прав, отказу от защитника;

– возложение на сотрудников правоохранительных органов после задержания ими лица обязанности по незамедлительному уведомлению о его задержании и месте содержания кого-либо из членов его семьи, а при их отсутствии – иных родственников или близких лиц;

– непосредственное обжалование в суд заинтересованными лицами решений прокурора, дознавателя или следователя о возбуждении уголовного дела,

[1] © Орипов С. С., 2022.

отказе в возбуждении уголовного дела, назначении ревизии, приостановлении дознания или предварительного следствия и прекращении уголовного дела;

– усиление ответственности по фактам вмешательства в разрешение судебных дел, в том числе воздействия в любой форме на судью с целью воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела, вынесения неправосудного приговора, решения, определения или постановления.

Для реализации поставленных в документе задач созданы рабочие группы из числа ответственных сотрудников заинтересованных министерств и ведомств, которыми разработаны соответствующие законопроекты.

Нормативно-правовым актом, принятым на основе одного из этих проектов, является Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-617 от 14 мая 2020 г. «О внесении изменений и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, направленных на усиление охраны прав и свобод граждан, участвующих в уголовном процессе».

Этим законом внесены изменения и дополнения в ряд положений УПК Республики Узбекистан.

Одним из основных нововведений в закон является обязательная фиксация отдельных процессуальных действий видеозаписью, которая направлена на повышение гарантии обеспечения процессуальных прав и законных интересов соответствующих участников процесса.

Так, в ст. 91 УПК Республики Узбекистан (Вспомогательные способы закрепления доказательств. Приложения к протоколу) расширен перечень процессуальных действий, которые должны быть проведены с осуществлением видеозаписи, в их число включены *осмотр места происшествия по особо тяжким преступлениям, обыск, проверка показаний на месте события, следственный эксперимент, задержание лица, отказ от защитника, а также личный обыск и выемка, проводимые при задержании лица.*

В результате принятия данной нормы была обеспечена открытость и прозрачность вопросов, связанных с правами и законными интересами граждан в ходе уголовного процесса, усилены меры по предупреждению оказания давления, пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Это можно расценивать в качестве очередного шага к гармонизации национального законодательства с общепризнанными нормами в данной сфере, так как основной целью проводимых в Узбекистане реформ является повышение эффективности обеспечения прав человека и их реализации.

Вместе с этим полагаем целесообразным обратить отдельное внимание на порядок применения института понятых при проведении процессуальных действий в соответствии с законодательством Узбекистана.

УПК Республики Узбекистан установило, что участие понятых при совершении определенных процессуальных действий обязательно. Законодательством понятые отнесены к категории других лиц, участвующих в уголовном процессе, вызываемых дознавателем, следователем, прокурором для удостоверения факта производства следственного или иного действия, его хода и результатов. Для участия в производстве следственного действия в качестве понятых вызывается не менее двух совершеннолетних граждан, не заинтересованных в исхо-

де дела. Дознаватель, следователь или прокурор перед началом следственного действия разъясняет понятым их права и обязанности (ст. 73).

В соответствии со ст. 352 УПК Республики Узбекистан такие следственные действия, как:

– предъявление для опознания (ст.ст. 127–129);
– проверка показаний на месте события (ст. 133);
– осмотр (ст. 136);
– освидетельствование (ст.ст. 146, 445);
– эксгумация трупа (ст. 149);
– эксперимент (ст. 155);
– выемка и обыск (ст. 161);
– личный досмотр (ст. 162);
– получение образцов для экспертного исследования (ст. 193);
– осмотр и выемка почтово-телеграфных отправлений (ст. 167);
– задержания до возбуждения уголовного дела (ст. 224);
– наложения ареста на имущество (ст. 291) проводятся в присутствии понятых, которые своей подписью подтверждают достоверность изложенного в протоколе.

При этом согласно ст. 91 УПК Республики Узбекистан в ходе проведения некоторых из указанных следственных действий также обязательно осуществление их видеофиксации, а именно осмотра места совершения тяжкого преступления, обыска, проверки показаний на месте события, следственного эксперимента, ареста, личного обыска и выемки, проводимых при задержании лица.

Таким образом, при проведении вышеперечисленных действий обязательным является как участие понятых, так и осуществление видеофиксации.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 91 УПК Республики Узбекистан, дознаватель, следователь, суд наряду с составлением протоколов могут применять такие вспомогательные способы закрепления доказательств, как звукозапись, видеозапись, киносъемка, фотосъемка, изготовление слепков, оттисков, планов, схем и другие способы отображения информации.

Из данной нормы следует, что дознаватель, следователь, суд помимо указанных в ч. 4 ст. 91 УПК семи процессуальных действий, при необходимости могут осуществлять видеофиксацию и иных действий.

Однако, принимая во внимание современное развитие информационных технологий и их широкое использование в уголовном процессе, отметим, что имеется необходимость в оптимизации института понятых в ходе доследственной проверки, дознания, предварительного и судебного следствия.

Как было указано выше, основной целью участия понятых в уголовном процессе является *подтверждение* факта проведения дознавателем, следователем, прокурором и судом процессуального действия и его результатов.

В связи с этим возникает логичный вопрос: при наличии возможности использования современных инструментов информационных технологий в качестве вспомогательного средства проведения и закрепления хода следственного действия, почему бы не использовать эти возможности для того, чтобы уменьшить излишнее беспокойство граждан?!

Вместе с этим в соответствии со ст. 318 УПК Республики Узбекистан понятым, не имеющим постоянного заработка, за отвлечение их от обычных занятий выплачиваются процессуальные издержки за счет бюджетных средств.

К примеру, за 12 месяцев 2020 г. по уголовным делам в стране привлечено 110 023 гражданина для участия в 55 447 процессуальных действиях в качестве понятых. Такое положение влечет дополнительные затраты средств государственного бюджета и времени граждан, привлекаемых в качестве понятых.

Несмотря на то, что в УПК Республики Узбекистан определен перечень процессуальных действий, подлежащих обязательной фиксации видеозаписью, а также закреплено законодательством использование дознавателем, следователем, судом видеозаписи иных процессуальных действий в качестве вспомогательного способа, главной целью оптимизации института понятых в уголовном-процес–суальном законодательстве считаем решение вышеуказанных проблем.

Данный институт отсутствует в законодательстве США, Англии, Франции, Германии, Канаде, Японии, Китае, Латвии, а с 2018 г. от него отказались и в Кыргызской Республике.

В России участие понятых обязательно при проведении лишь четыре следственных действий (обыск, изъятие, личный обыск, предъявление для опознания), в Эстонии – два (обыск и освидетельствование), в Австрии – один (обыск).

Согласно п. 1.1 ч. 1 ст. 170 УПК РФ, в случаях, когда при наложении ареста на имущество, проведении осмотра, осмотра трупа и эксгумации, следственного эксперимента, производстве выемки, наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотре и выемке, контроле и записи переговоров, а также при проверке показаний на месте по решению следователя понятые в следственных действиях не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным.

В указанных государствах объективность проведения следственных действий, по которым необязательно участие понятых, обеспечивается путем их фиксации средствами видеозаписи.

Может и нельзя полностью отказаться от института понятых по всем процессуальным действиям, подлежащим обязательной фиксации видеозаписью (например, обыск или личный обыск и выемка, проводимые при задержании лица), однако, по некоторым из них либо с учетом определенных обстоятельств данный вопрос может решаться проведением видеозаписи процессуального действия.

Например, в Учкудукском районе Навоийской области по направлению Мингбулак-Халкабад-Кегейли расстояние от города Учкудука до граничащей с этой областью Республики Каракалпакстан составляет 350 км. Эта граница расположена в 270 км от села Кулькудук, являющегося ближайшим населенным пунктом. Теперь представим ситуацию, когда следственно-оперативной группе необходимо привлечь понятых для осмотра места происшествия при ДТП, связанном с гибелью человека, произошедшем на 210 км этой дороги в 23.00 ч., на расстоянии 130 км от населенного пункта.

Одной из основных проблем в следственной практике в подобных ситуациях является поиск граждан посреди ночи для привлечения в качестве понятых.

Кроме того, ввиду обязательности в соответствии с законом участия понятых при проведении процессуальных действий, в отдельных случаях сотрудники правоохранительных органов привлекают в качестве понятых ранее знакомых им лиц. В результате не обеспечивается объективность при проведении расследования. В связи с этим проблемным вопросом также является объективность понятых, привлекаемых из числа граждан, систематически оказывающих содействие правоохранительным органами на общественных началах.

Учитывая изложенное, по нашему мнению, широкое использование интенсивно развивающихся в настоящее время цифровых технологий в уголовном судопроизводстве послужит формированию методологии уголовного процесса в цифровом пространстве, а также предотвращению излишнего беспокойства граждан.

Осодоева Н. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук

Федосеева Е. Л.[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТНИКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Процессуалисты уделяют много внимания вопросам, связанным с участниками в уголовном процессе.

Следует признать, что гл. 5 УПК РФ посвящена суду, его полномочиям, отражению вопросов, связанных с подсудностью дел; гл. 6 УПК РФ закрепляет участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, регламентирует их права и обязанности; гл. 7 УПК РФ определяет участников со стороны защиты, их права и обязанности, а также устанавливает случаи обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве, его приглашение, назначение и замену, отказ от защитника; в гл. 8 отражены иные участники уголовного процесса.

В связи с этим в теории уголовного процесса обсуждается вопрос о том, кого следует относить к участникам уголовного судопроизводства?

Думается, к участникам уголовного судопроизводства следует относить абсолютно всех, даже тех, чей процессуальный статус не регламентирован в гл. 5–8 УПК РФ, выполняя те или иные функции. Считаем, что к участникам уголовного процесса можно отнести и залогодателя, педагога, секретаря судебного заседания, помощника судьи и др.

Спорным является в теории уголовного процесса рассмотрение участников уголовного процесса в узком и широком смысле.

В. Н. Шпилев полагал, что в узком смысле слова к участникам процесса следует относить всех, кто отстаивает свои права и законные интересы, а в широком смысле под участниками уголовного судопроизводства следует понимать абсолютно всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности [2, с. 13–14].

К. Ф. Гуценко считает, что к участникам уголовного процесса целесообразно относить все органы и лиц, которые выполняют отведенные им роли, в связи с чем наделяются правами и обязанностями [1, с. 63–64].

Анализируя мнения ученых, делаем вывод, что все-таки все трактовки понятия «участники уголовного процесса» в научной литературе схожи и особых различий не имеют, кроме того, полностью корреспондируют положению, установленному п. 58 ст. 5 УПК РФ. Все имеющиеся определения позволяют выделить присущие «участникам уголовного судопроизводства» черты.

---

[1] © Осодоева Н. В., 2022.
[2] © Федосеева Е. Л., 2022.

Во-первых, участниками уголовного судопроизводства могут быть как государственные органы, должностные лица, так и физические и юридические лица. Об указанном свидетельствуют положения ст.ст. 40, 40.1, 40.2, 41, 42 УПК РФ.

Во-вторых, все участники уголовного судопроизводства имеют права и несут обязанности, предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законодательством.

В-третьих, участники уголовного судопроизводства могут при наличии условий и оснований вступать в уголовно-процессуальные отношения с государственными органами и должностными лицами.

В-четвертых, участниками уголовного судопроизводства следует именовать тех, кто может вступить в правоотношения как на протяжении всего уголовного процесса, так и эпизодически.

В-пятых, участники уголовного судопроизводства преследуют различные цели, отстаивают свои интересы.

В-шестых, участники уголовного судопроизводства выполняют процессуальную функцию.

Таким образом, приходим к убеждению, что к участникам уголовного судопроизводства следует относить всех лиц, которые имеют права и несут обязанности при вступлении в уголовно-процессуальные отношения, отстаивают и защищают свои собственные интересы или участвуют в уголовном процессе в интересах других лиц. Участвуя в уголовном процессе, как со стороны обвинения, со стороны защиты, являясь иным участником уголовного судопроизводства, субъекты правоотношений реализуют те или иные функции в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы

1. Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов. М., 2005. 575 с.

2. Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса. Минск : Белорусский государственный университет, 1970. 176 с.

Прокопова А. А.[1],
старший преподаватель кафедры криминалистики
Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова,
кандидат юридических наук

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ НА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

В рамках законодательной реформы в 2001 г. был принят новый процессуальный закон России, из которого по принципиальным причинам исключили задачи уголовного процесса, которые содержались в УПК РСФСР 1960 г. На смену задачам пришло назначение уголовного судопроизводства, что создало проблемы неоднозначного восприятия основ уголовно-процессуального права.

«Назначение», «цель», «задача» – это категории целеполагания и функционально-процедурного построения любой деятельности [1, с. 388]. Отсутствие в УПК РФ части указанных категорий заставляет по-новому взглянуть на целевые установки современного уголовного процесса, ведь без них трудно оценить эффективность деятельности по разрешению уголовно-правового конфликта.

В настоящий момент в научном сообществе сформировались две позиции. Представители первой склоняются к мнению, что в ст. 6 УПК РФ изложены цели уголовного судопроизводства [2, с. 100; 3, с. 24; 4, с. 22; 5, с. 41; 6, с. 86–87; 7, с. 50; 8, с. 21]. Вторая группа отстаивает утверждение, что в указанной статье вместе с целями также указаны задачи уголовного судопроизводства [9, с. 18; 10, с. 43; 11, с. 28; 7, с. 56], а «назначение уголовного судопроизводства» является наиболее общим и объединяющим в себе все отмеченные категории [12, с. 41].

Мы придерживаемся мнения, что цель – это конечный результат деятельности, а задача обусловлена целью и рассматривается в качестве итога ее отдельной стадии [1, с. 386]. Достижение целей уголовного судопроизводства возможно через перманентного решения задач уголовного процесса в каждом уголовном деле [13, с. 20].

Сторонники формулировки назначения уголовного судопроизводства, приведенной в ст. 6 УПК РФ [14, с. 427; 15, с. 84–87; 16, с. 24], указывают, что ее положительная сторона в том, что «она лишает нормативной почвы тезис о борьбе с преступностью как цели... сам термин «защита» как бы противостоит «карательным угрозам» уголовного закона» [17, с. 33]. По мнению П. К. Барабанова, приемлемее для УПК использование термина «назначение», ведь в сравнении с «задачами», «целью», требования, закрепленные в ст. 6 распространяются на весь ход процесса, а не только на его результат [18, с. 26].

Между тем назначение уголовного судопроизводства – это скорее функция процесса, которая всегда реализуется для решения каких-либо задач. Трудно себе представить, что законодатель в России «повелел», как пишет В. А. Михайлов, отказаться от правильного установления обстоятельств по уголовному делу, всестороннего, полного, объективного их исследования, быстрого и полного их раскрытия, правильного применения уголовно-процессуального закона [19, с. 6].

---

[1] © Прокопова А. А., 2022.

Исключение из процессуального закона статьи, закрепляющей задачи уголовного судопроизводства, вызвано желанием законодателя выстроить модель судопроизводства по состязательному образцу, где государственные органы не следует озадачивать чем-либо, достаточно лишь определить «правила игры» [20, с. 30].

Однако многие ученые придерживаются мнения, что отсутствие законодательного закрепления задач уголовного процесса, в значительной мере снижает эффективность правового регулирования [21, с. 70] и негативно отражается на формировании правильного правосознания у практических работников, что существенно влияет на результаты их деятельности [22, с. 22–26]. Формулировка назначения уголовного судопроизводства не охватывает и не может охватить всех аспектов того, ради чего судопроизводство, осуществляется [23, с. 170].

Наиболее существенным недостатком, на который указывает А. В. Смирнов, является отсутствие в ст. 6 УПК РФ упоминания о публичных интересах [24, с. 72–73], однако, именно наличие публичности отличает уголовный процессот иных отраслей права [25, с. 143–150; 26, с. 132-133], где сильны частные начала.

Для примера, содержание ст. 8 УПК Республики Казахстан наглядно демонстрирует как задачи и функции уголовного судопроизводства могут ужиться в одной законодательной норме. Так, в ч. 1 данной статьи определяются задачи судопроизводства, к которым относятся пресечение, беспристрастное, быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона, защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений. При этом ч. 2 этой же статьи определяет функции уголовного процесса: «установленный законом порядок производства по уголовным делам должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного – незамедлительную и полную его реабилитацию».

Следует отметить, что ч. 2 ст. 8 УПК Республики Казахстан не безукоризненна, ведь наряду с функцией в ней содержится и цель судопроизводства: оно должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву.

Анализ современных УПК стран, ранее входивших в состав СССР, показал, что большинство национальных законов оперирует категорией «задачи». Так, задачи уголовного производства обозначены в ст. 2 УПК Украины; задачи уголовно-процессуального закона определяются в ст. 2 УПК Белоруссии, задачи уголовно-процессуального законодательства содержит ст. 2 УПК Узбекистана, задачи уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК Киргизии, ст. 1 УПК Молдовы); задачи законодательства об уголовном судопроизводстве (ст. 2 УПК Армении, ст. 2 УПК Таджикистана), задачи уголовного процесса (ст. 7 УПК Туркмении). В целом они, с небольшими вариациями, сохранили задачи уголовного процесса, предусмотренные еще кодексами союзных республик.

В УПК Эстонии задачи отсутствуют вовсе. В УПК Латвии, Литвы и Грузии задач также нет, вместо них закреплена цель уголовно-процессуального закона, которую в общем можно определить как установление законного и справедли-

вого порядка судопроизводства. УПК Азербайджана пошел дальше и содержит статьи, раскрывающие назначение уголовно-процессуального законодательства (ст. 1) и задачи уголовного судопроизводства (ст. 8).

Таким образом, несмотря на различные пути развития стран на постсоветском пространстве, большинство их них ставит перед национальным уголовным процессом задачи, нормативно закрепленные в соответствующих кодексах.

Модельный Уголовно-процессуальный кодекс государств-участников СНГ (далее – МУПК), также небезразличен к задачам и целям уголовного судопроизводства. В нем указано на назначение уголовного процесса: при этом с акцентом на защиту от преступлений не только личности, общества, но и государства, что выгодно отличает ч. 1 ст. 2 МУПК от УПК РФ. В ч. 2 ст. 2 данного документа предусмотрено, к чему должны стремиться органы, ведущие уголовный процесс: это изобличение каждого совершившего запрещенное уголовным законом деяние, а также недопустимость подозрения, обвинения и осуждения в совершении данного деяния невиновного, никто не должен подвергаться произвольно мерам процессуального принуждения, наказанию и другим ограничениям его прав и свобод.

Стоит акцентировать внимание и на положениях МУПК, предусматривающих задачи самого процессуального закона, который должен закреплять надлежащую правовую процедуру осуществления правосудия, а также уголовного преследования и защиты лиц, которым приписывается совершение запрещенных уголовным законом деяний [27].

Следовательно, задачи любой государственной деятельности являются важной правовой категорией. Через задачи законодатель определяет курс процессуальной деятельности по реагированию на преступления, а также комплекс средств, который предоставляется правоприменителю для этого [1, 386]. Поэтому они должны найти свое нормативное закрепления в процессуальном законе. Отсутствие какой-либо категории целеполагания уголовного процесса, влияет на дальнейшую слаженность процессуальной деятельности.

С учетом изложенного и на основе опыта Казахстана в УПК РФ должны быть отражены задачи, цели производства, его назначение и роль процессуального закона в установлении институтов уголовно-процессуального права, что определит целеполагание современного уголовного судопроизводства.

Предлагается внести в УПК РФ следующие изменения и дополнения:

1. Наименование гл. 1 изложить в следующей редакции: «Уголовно-процессуальное законодательно, цели, задачи и назначение уголовного судопроизводства».

2. В ст. 1 внести ч. 1^1 следующего содержания: «Настоящий Кодекс устанавливает правовые институты, надлежащую правовую процедуру, позволяющие обеспечить назначение уголовного судопроизводства, решить его задачи и достичь целей».

3. Внести статью 4^1 следующего содержания: «Статья 4^1. Назначение, цели и задачи уголовного судопроизводства.

4. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

5. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

6. Задачами уголовного судопроизводства являются:

1) быстрое, полное, всестороннее и объективное расследование преступлений;

2) изобличение виновных;

3) правильное применение уголовно-процессуального закона, позволяющее привлечь к справедливой уголовной ответственности виновных (в случаях, предусмотренных законом, освободить их от уголовной ответственности), а также не допустить привлечение к уголовной ответственности невиновных.

7. Уголовное судопроизводство обеспечивает:

1) защиту общества и государства от преступности;

2) утверждение в обществе справедливости;

3) воспитание населения в духе уважения к Конституции Российской Федерации и ее законодательству».

8. Статью 6 исключить.

Список литературы

1. Наумов К. А. Цели и задачи (назначение) уголовного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 3. С. 386–393.

2. Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном расследовании : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2004. 499 с.

3. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2006. 352 с.

4. Евлоев Р. М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. СПб., 2005. 210 с.

5. Малахова Л. И. Уголовно-процессуальная деятельность: понятие, предмет и структура. Воронеж, 2003. 133 с.

6. Соловьев А. Б. Назначение уголовного судопроизводства и его отражение в регламентации отдельных стадий и институтов // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России : материалы научной конференции (Москва, 22–23 января 2002 г.). М., 2002. С. 56–59.

7. Тхакушинов М. А. Реализация принципов уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. СПб., 2003. 430 с.

8. Баранов А. М., Деришев Ю. В., Николаев Ю. А. Понятие и назначение уголовного судопроизводства. Источники уголовно-процессуального права : учебное пособие. Омск, 2003. 49 с.

9. Азаров В. А. Функциональное содержание и типология современного уголовного процесса России // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса Ур-

ГЮА (СЮИ) : материалы международной научно-практической конференции. (Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г.). В 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 56–57.

10. Дубина И. А. Задачи досудебного уголовного судопроизводства и роль прокурора в их достижении : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Волгоград, 2006. 22 с.

11. Нисневич К. М. Процессуальные гарантии защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения и ограничения ее прав и свобод в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. СПб., 2003. 216 с.

12. Зацепина Е. М. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначения уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ульяновск, 2005. 250 с.

13. Уголовный процесс. Практикум : учебное пособие для вузов. М., 2020. 622 с.

14. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003. 562 с.

15. Володина Л. М., Володина А. Н. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. М., 2010. 230 с.

16. Деришев Ю. В., Романовский М. Э., Волторнист О. А. Проблемы соотношения досудебного и судебного производства в уголовном процессе России. М., 2009. 165 с.

17. Михайловская И. Б. Цели, функции, принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. 142 с.

18. Барабанов П. К. К вопросу о назначении уголовного судопроизводства // Правоведение. 2008. № 3. С. 26.

19. Михайлов В. А. Проблема целей и задач уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 3 (19). С. 54–55.

20. Азаренок Н. В. Задачи уголовного судопроизводства должны быть закреплены в УПК РФ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 5. С. 30–33.

21. Белякова А. В., Воскобитова Л. А., Габов А. В. Проблемы развития процессуального права России : монография. М., 2016. 223 с.

22. Зажицкий В. И. Нужны ли уголовному процессу задачи? // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 22–26.

23. Николаева Ю. В., Козлов А. В. Задачи уголовного процесса: теория и практика // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 169–176.

24. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб., 2003.

25. Победкин А. В. Публичность, которую мы потеряли (размышления в связи со 150-летием Устава уголовного судопроизводства) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 34. С. 143–151.

26. Победкин А. В. Публичность уголовного судопроизводства и ее отражение в доказательственном праве // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 132–139.

27. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г. // Приложение к Информационному бюллетеню. 1996. № 10. С. 232.

Семенкова Е. В.[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Сидорова А. А.[2],
курсант института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПОСРЕДСТВОМ ВСЕМИРНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ СЕТИ

Современную жизнь невозможно представить без информационных технологий. Большая часть информационных ресурсов находится на нематериальных носителях, в вопросах концентрации информации безграничны возможности телекоммуникационной сети Интернет, доступ к которой возможен только с помощью специальных электронных устройств. Учитывая значимость информации в современном обществе, Российское государство прикладывает значительные усилия, чтобы выйти на качественно новый научно-технологический уровень развития.

Цифровизация жизни – это уже социальное явление, которое отражается на всех общественных сферах, в том числе на защищаемых уголовным законом. Соответственно, если преступность уже активно пользуется достижениями в цифровой среде, то и противодействие ей осуществляется при помощи аналогичного цифрового процессуального инструментария.

В последнее время цифровой информации, размещенной в сети Интернет, уделяется пристальное внимание со стороны практических работников, ученых и законодателя. Это подтверждается большим количеством как научных разработок в данной области [1, 4, 5, 8], так и изменений, вносимых в УПК РФ. В связи с вышеизложенным возникает вопрос о процессуальной форме такой цифровой информации, иными словами, каким образом такую информацию использовать в доказывании по уголовным делам.

Отметим, что на сегодняшний день уголовно-процессуальный закон не исключает возможность использования информации в цифровой форме в качестве иных документов (ст. 84 УПК РФ), указывая, что документы в процессе доказывания могут использоваться как в письменном, так и в ином виде, не ограничивая такие материалы, применяя размытую формулировку «иные носители информации». Однако, на наш взгляд, классификация доказательств, содержащаяся сегодня в законе не в полной мере удовлетворяет современным реалиям. Ведь на сегодняшний день цифровая информация (и ее различные модификации, например, вирусные программы) может служить орудием, средством совершения преступления, на нее могут быть направлены преступные действия.

[1] © Семенкова Е. В., 2022.
[2] © Сидорова А. А., 2022.

Таким образом, она может полностью соответствовать признакам вещественных доказательств, однако, возможно ли ее использование в процессе в таком ключе? Налицо явное противоречие.

В связи с этим многие заговорили об электронных доказательствах [5, 6, 7, 8]. Авторы говорят о необходимости расширения перечня существующих доказательств путем их дополнения новым видом доказательств.

При этом электронные доказательства – явление многогранное, имеющее различные формы. В любом случае это информация, касающаяся преступления. Такая информация может быть предметом преступления, способом его совершения, в может непосредственно касаться следовой картины преступлений, доказывать причастность определенных лиц к его совершению, показывать наличие организованных преступных связей и т. д. Получается, что цифровая информация не только может, но и должна использоваться при доказывании по уголовным делам. Но здесь встает вопрос, вся ли цифровая информация может использоваться в качестве доказательств? Ведь формы, в которых она может быть представлена, различны. Одной из таких форм выступает электронный документ.

Вид электронного документа имеет ключевое значение, так как именно особенности формы диктуют специфику технологических аспектов включения таких документов в доказательственную базу по уголовному делу. Формы электронного документа транслируют следующие характерные особенности:

– отсутствие жесткой привязки к конкретному материальному носителю;

– сложности в идентификации автора электронного документа или принадлежности его конкретному человеку;

– легкость внесения в документ различных корректировок.

Все перечисленное предопределяет специфику использования таких доказательств в уголовном судопроизводстве.

Следует отметить, что в доктринальных формулировках электронных документов обращается внимание на особенности формы и традиционных признаков, присущих доказательствам (как-то допустимость, относимость и т. д.). Форма таких доказательств специфична – они существуют в качестве записи на материальном носителе.

Некоторыми учеными проведены классификации электронных доказательств, при этом среди них отдельно выделяется сайт и страница сайта в сети Интернет [1, с. 11]. Отметим, что многие другие электронные доказательства имеют также отношение к Интернету. Так, именно при помощи этой сети происходит обращение сетевых адресов, доменных имен, сообщений электронной почты, электронных денежных средств. При этом многие электронные доказательств существуют и без всемирной сети, создаются и находятся на определенных электронных носителях – ноутбуках, флеш-картах, планшетах и т. д., но все-таки, если по делу обнаруживается цифровая информация, в большинстве случаев, она имеет происхождение из всемирной сети, либо изготовлена, получена или распространена при помощи Интернета.

Аккумулируя все доктринальные разработки, перечислим основные характеристики, которые присущи электронным документам для их использования в процессе доказывания:

– информация отображена в цифровой форме;

– информация непосредственно касается предмета доказывания;
– имеются обязательные реквизиты.

В качестве реквизита выступает электронная подпись, которая подчиняется специальному правому режиму, установленному законом (заметим, что в настоящее время электронная подпись весьма востребована в гражданском и арбитражном судопроизводстве).

Электронная подпись наделяет документ свойствами подлинности, и хотя в уголовном процессе редко сталкиваются с наличием на документах электронной подписи, этот институт способен придать целостность документу, исключить возможность внесения в него различных корректировок, способствует идентификации авторства, и в целом благотворно влияет на проверку и оценку судебных доказательств.

Цифровая информация в уголовном процессе подвергается специальному исследованию и только тогда может получить статус процессуального доказательства. Такие исследования проводятся в рамках компьютерно-технической экспертизы, возможности которой активно используются в процессе доказывания [2].

В целом электронный документ для того, чтобы стать доказательством по уголовному делу, должен содержать значимую для следствия информацию, при этом быть получен в строгом соответствии с процессуальным режимом, который идентичен для любого вида доказательств (включает допустимость, относимость, достоверность, достаточность).

Ученые-процессуалисты единодушны во мнении, что электронное доказательство должно содержать информацию, отвечающую признакам идентификации (подтверждает авторство документа или его источник) и аутентификации (подтверждает, что документ целостный и в него не вносились корректировки).

На практике необходимо документировать соответствующим образом идентификационные свойства информации в пошаговом режиме, чтобы она в итоге приобрела свойства уголовно-процессуального доказательства.

Так, например, контакты между фигурантами уголовного дела часто имеют электронный формат в виде СМС-переписки, переписки через социальные сети, электронную почту, мобильные приложения и т. д. Для использования такой информации в доказывании органы предварительного расследования зачастую составляют протоколы скриншотов страниц социальной сети, в которых содержится переписка [3]. На наш взгляд, в таких случаях обходиться лишь протоколами осмотра скриншотов нельзя, необходимо придавать процессуальную форму процессу их распечатывания. В гражданском и арбитражном судопроизводстве скриншоты суды могут посчитать и доказательствами, но при соблюдении определенных условий: документ, снабжен электронной подписью либо заверен нотариусом. Ситуацию существенно осложняет и отсутствие четкой информации об электронном адресе, с которого велась переписка и установление владения этого адреса именно стороной спора.

Сомнение в доказательственном значении электронной информации и подрыв к ней доверия – это одна из стратегий защиты и органам предварительного расследования необходимо приложить немалые усилия, чтобы собранная ими электронная информация воспринималась судом в качестве доказательствен-

ной. Огромную помощь здесь может оказать экспертиза, выемка носителей с последующим его осмотром.

Перспективным направлением является копирование информации с электронного носителя, с обязательным оформлением протокола (ч. 2.1. с. 82 УПК РФ). В уголовно-процессуальной доктрине высказывается мнение о целесообразности придания такому копированию статуса самостоятельного следственного действия [4, с. 30].

В заключении отметим, что полноценному использованию электронных документов доказательственного значения в уголовном процессе мешают следующие факторы:

– отсутствие легального понятия «документирование» применительно к электронному документу;

– работа с цифровой информацией предполагает уверенное владение специальными знаниями, отсутствие навыков и умений у субъекта, к которому попали сведения в цифровом формате, могут сделать невозможным придание им статуса процессуальных доказательств. Более того, сами процессуальные действия, связанные с обнаружением, изъятием изучением цифровых носителей, могут проводиться только специалистами;

– в уголовном процессе электронная подпись не получила своего распространения;

– нерешенной остается проблема придания достоверности переписке в социальных сетях или в любом другом виртуальном формате, так как доказать ее первоначальный характер (свойство аутентичности) очень сложно.

Список литературы

1. Вехов В. Б., Смагоринский Б. П. Ковалев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2. С. 12–13.

2. Приговор Павловского районного суда Воронежской области от 25 ноября 2020 г. по делу № 1-40/2020 URL: https://sudact.ru/regular/doc/KL22CmxCcxU/?regular-txt= (дата обращения: 8 ноября 2021 г.).

3. Материалы уголовного дела № 341270/2019 // Практика СО-2 СУ МВД России по г. Волжскому Волгоградской области.

4. Калентьева Т. А., Карпухина А. А. Электронный документ как доказательство: проблема обеспечения достоверности // Актуальные проблемы правоведения. 2019. № 1 (61). С. 24–30.

5. Литвинова И. В. К вопросу об использовании понятия «электронные доказательства» в уголовном процессе // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 1 (51). С. 33–39.

6. Попов А. П., Попов А. А. Электронные доказательства в уголовно-процессуальном доказательственном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 168–172.

7. Христинина Е. В. Электронные доказательства в расследовании преступлений: опыт Российской Федерации и зарубежных стран // Юридический вестник ДГУ. 2020. Т. 35. № 3. С. 98–109.

8. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учебное пособие. М., 2020. 193 с.

Смелова С. В.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ХОДЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, СОВЕРШЕННОМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Вопросы производства следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении в целом и с участием несовершеннолетних в частности остаются дискуссионными в науке уголовного процесса и правоприменении, что обусловлено, в том числе, недостатками законодательной регламентации данной сферы.

Порядок и особенности проведения ряда следственных действий с участием несовершеннолетних, а именно – допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, допроса, проверки показаний, опознания и очной ставки с участием несовершеннолетних свидетеля, потерпевшего закреплены в ст.ст. 424, 425, ч. 4 ст. 188, ст. 191 УПК РФ. Однако их производство возможно лишь после возбуждения уголовного дела. До возбуждения уголовного дела в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ допускается проведение осмотра места происшествия, осмотра предметов, документов, осмотра трупа и освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования.

Изучение материалов практики свидетельствует о том, что в основном ошибки имеют место на стадии предварительного расследования: как правило, это нарушение уголовно-процессуальных норм, регламентирующих обеспечение участия в следственных действиях педагога, психолога, защитника и законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, применение видеозаписи (киносъемки) при их производстве с участием несовершеннолетних потерпевшего, свидетеля [3, с. 126–127, 285–289].

Особенности процессуального статуса несовершеннолетнего, вовлекаемого в сферу досудебного производства, предусмотренные законом дополнительные гарантии защиты его прав и интересов, следует учитывать и при производстве следственных действий с его участием в ходе доследственной проверки сообщения о совершенном им преступлении. В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закреплены положения о разъяснении участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении лицам их прав и обязанностей, об обеспечении возможности осуществления этих прав в части, в которой указанные действия затрагивают интересы данных лиц, в том числе права не свидетельствовать против самого себя и близких родственников, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя.

В п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ предусмотрена норма об обязательном участии защитника в судопроизводстве, если несовершеннолетний наделен статусом подозреваемого, обвиняемого. В соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защит-

[1] © Смелова С. В., 2022.

ник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, то есть до придания несовершеннолетнему указанного выше статуса. Представляется, что необходимо в п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ закрепить обязательность участия защитника и с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы несовершеннолетнего лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Распространенным следственным действием, производимым до возбуждения уголовного дела, является осмотр места происшествия, задачами которого считаются фиксация обстановки места происшествия, обнаружение и изъятие предметов и следов, свидетельствующих о совершении преступления, установление обстоятельств произошедшего. В ходе проведения осмотра места происшествия оформляется соответствующий нормам УПК РФ протокол, а участвующее в осмотре несовершеннолетнее лицо, как и иные его участники, имеет определенные законом права. К примеру, у суда имелись достаточные основания сомневаться в достоверности содержания листов протокола осмотра места происшествия с участием несовершеннолетнего Л., когда сторона зашиты при рассмотрении дела заявила о расхождениях в имевшемся в материалах уголовного дела протоколе осмотра с протоколом, составленным в действительности. Судом установлено, что в протоколе осмотра указано об участии Л., при этом Л. не подписывал данный протокол. Указанные нарушения закона признаны существенными [3, с. 218–220].

Нередко осмотр места происшествия с участием несовершеннолетнего проводится при проверке сообщений о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 228, 228.1 УК РФ.

Так, прокурором Кировского района г. Санкт-Петербурга отменено постановление о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 228 УК РФ в отношении несовершеннолетнего Л., который незаконно хранил при себе психотропное вещество, однако, при виде сотрудников полиции сбросил его на землю. Прибывший в составе следственно-оперативной группы дознаватель произвел осмотр места происшествия до регистрации сообщения о преступлении. Кроме того, к участию в осмотре места происшествия, дознавателем привлечен несовершеннолетний Л., которому его права и обязанности, порядок производства следственного действия не разъяснялись, законный представитель к участию не привлекался. На основании изложенного прокурор признал протокол осмотра места происшествия недопустимым доказательством [4].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что вопросы участия законного представителя несовершеннолетнего, совершившего преступление, в досудебном производстве остаются актуальными среди процессуалистов, а в части толкования и реализации норм, закрепленных в п. 12 ст. 5, ст. 48, ст. 426 УПК РФ, имеются проблемы и у практических работников.

Правоприменительной практикой выработан алгоритм действий по проверке сообщения о преступлении, к которому причастен несовершеннолетний, согласно нему в материалы проверки должно входить объяснение, полученное

у одного из родителей, усыновителей или у иного лица, уполномоченного законодателем выступать на стадии расследования законным представителем несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. Кроме того, указанное лицо по усмотрению следователя, дознавателя присутствует при получении объяснения у несовершеннолетнего лица, а также при производстве с участием несовершеннолетнего таких следственных действий, как освидетельствование (ст. 179 УПК РФ), получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ). Однако законодательно данный вопрос не урегулирован, в отличие от закрепленного в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ положения об участии защитника с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в рассматриваемом случае – несовершеннолетнего. Момент допуска законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого к участию в уголовном деле обусловлен моментом первого допроса несовершеннолетнего в таком качестве (ч. 1 ст. 426 УПК РФ), а процессуальный статус такое лицо приобретает после вынесения дознавателем, следователем соответствующего постановления.

В юридической литературе обоснованно указывается на необходимость расширения перечня лиц, которые могут выступать в качестве законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, и на сложность реализации ими некоторых прав [1, с. 67–68].

Придерживаясь подхода к освидетельствованию и получению образцов для сравнительного исследования как к следственным действиям [2, с. 27–30, 183], обратим внимание на то, что освидетельствование согласно ст. 179 УПК РФ до возбуждения уголовного дела может производиться лишь в случаях, не терпящих отлагательства. К лицам, которые могут быть подвергнуты освидетельствованию, относятся лица, задержанные на месте совершения преступления, например, с целью обнаружения на несовершеннолетнем следов преступления, телесных повреждений, если для этого не требуется судебной экспертизы, в случаях причинения им вреда здоровью иному лицу. Одной из проблем проведения этого следственного действия является наличие противоречий в нормах, предусмотренных ст. 144 и ч. 1 ст. 179 УПК РФ, в части процессуального статуса лиц, в отношении которых может производиться освидетельствование. Применительно к получению образцов для сравнительного исследования, законодатель регламентировал, что в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь вправе получить такие образцы и у иных физических лиц при возникновении необходимости проверки, оставлены ли ими следы в определенном месте либо на вещественных доказательствах (ч. 1 ст. 202 УПК РФ).

Таким образом, в гл. 50 УПК РФ не предусмотрены специальные нормы, регламентирующие производство процессуальных действий с участием несовершеннолетних при проведении проверки сообщений о преступлениях несовершеннолетних. Полагаем, что одним из направлений эффективности обеспечения гарантий защиты прав и интересов несовершеннолетних лиц может быть закрепление в законодательстве особенностей проведения и других следственных действий с участием несовершеннолетних, а также совершенствование норм в части регламентации оснований допуска и правового статуса отдельных обязательных их участников.

Список литературы

1. Загорский Г. И., Хатуаева В. В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: досудебное производство : курс лекций. М. : Проспект, 2020. 144 с.

2. Лапин Е. С. Ошибки в понятиях и проведении следственных действий : монография. М. : ИНФРА. М, 2020. 214 с.

3. Новые следственные ошибки : учебное пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 302 с.

4. Обзор о результатах работы подразделений дознания территориальных органов МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области на районном уровне по расследованию уголовных дел о преступлениях, совершенных при участии несовершеннолетних в 1 полугодии 2017 г. Официально не опубликован.

Смирнов М. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ КАК ГАРАНТИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ И ПОТЕРПЕВШЕГО

В теории и практике доказательственного права, на наш взгляд, одной из наиболее сложных остается проблема достоверности показаний, получаемых на допросе [4; 10]. Остается дискуссионными как само понятие «достоверности» доказательств, так и перечень правовых средств, призванных обеспечить достоверность показаний. Указанной проблематике в своих исследованиях немалое внимание уделяла и заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор Лидия Михайловна Карнеева, чей 100-летний юбилей со дня рождения мы отмечаем в этом году.

В науке представлены различные взгляды в отношении содержания понятия достоверности. М. С. Строгович фактически признавал тождественными достоверность и истину [11]. Л. М. Карнеева под достоверностью предлагала понимать «соответствие доказательств объективной действительности» [3, с. 47].

По мнению П. А. Лупинской, достоверным «признается знание, полученное в результате собирания, проверки и оценки доказательств в точном соответствии с установленными законом правилами и не вызывающее сомнений в своей обоснованности» [7, с. 151].

Л. М. Карнеева, кроме того, в своих работах критиковала смешение достоверности и допустимости: «Иногда считают, что фактические данные, полученные из указанных в законе источников и законным способом, всегда достоверны. Так можно было рассуждать в то время, когда доказательство отождествляли с фактом, который всегда достовернее, ибо он – реальность» [3, с. 47].

Можно выделить различные причины, лежащие в основе получения либо достоверных, либо недостоверных (ложных) показаний на допросе. Авторы работы: «Юридические основания достоверности доказательств»[2] приходят к выводу, что «Подозрение относительно свидетеля может основываться на существовании различных физических, умственных и нравственных причин, которые могут заставить глядеть на его показание как на ложное, неполное и неточное» [13, с. 75]. Сведения, содержащиеся в показаниях, могут быть искажены как в случае осознанного поведения допрашиваемого лица, так и под влиянием некоторых неконтролируемых сознанием этого лица обстоятельств. При этом характеристика достоверности может колебаться в границах от полного несоответствия действительности (неправда), до полного соответствия ей – правдивых показаний. В таких условиях потребности правовой науки и правоприменительной

---

[1] © Смирнов М. В., 2022.

[2] Юридические основания достоверности доказательств. М. : Зерцало, 2007.

практики состоят в подготовке и фиксации в нормативных правовых актах способов и средств, позволяющих добиться приемлемого результата.

На наш взгляд, одним из правовых средств обеспечения достоверности показаний свидетеля и потерпевшего обоснованно является установление на самом высоком, конституционном уровне права не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, закрепленное в ст. 51 Конституции Российской Федерации. «Семена этой привилегии, – как было отмечено судьей Европейского Суда по правам человека Уолшем в особом мнении по делу Саундерса, – были посеяны в общее право Англии еще в XIII веке» [14].

В настоящее время актуальность вопросов, проистекающих в связи с использованием участниками уголовного судопроизводства своего права «не свидетельствовать против себя», не требует серьезной аргументации. О наличии проблемы свидетельствует факт довольно острой полемики, наблюдаемой в научной литературе [5; 6; 8] и поддержанной некоторыми средствами массовой информации в части свидетельского иммунитета. К вопросу свидетельского иммунитета обращался Верховный Суд Российской Федерации [17], Конституционный Суд Российской Федерации [18; 19] и Европейский Суд по правам человека [14; 15; 16]. Вместе с тем признать окончательно решенной проблему права «не свидетельствовать против себя» нельзя.

Как нам представляется, достижение баланса между обеспечением прав и законных интересов участника уголовного судопроизводства, воспользовавшегося своим правом «не свидетельствовать против себя», и публичной обязанностью государственных органов и должностных лиц по осуществлению уголовного преследования напрямую зависит от того, каким будет ответ на следующие вопросы: 1) является ли право «не свидетельствовать против себя» абсолютным или допускающим ограничение; 2) каков объем и содержание права «не свидетельствовать против себя»; 3) какие процессуальные формы охватываются понятием «свидетельствовать»; 4) по каким критериям необходимо разграничивать правомерный отказ «свидетельствовать против себя» от сокрытия улик, препятствия осуществлению правосудия.

К сожалению, однозначной правовой позиции в отношении ответов на поставленные вопросы ни наукой уголовного процесса, ни судебной практикой до настоящего времени не выработано.

Изучение данного вопроса позволяет сделать вывод, что проблемы правового регулирования отношений, связанных с реализацией рассматриваемого права в национальном законодательстве в основном обусловлены отсутствием четко выработанной правовой позиции государства по данному вопросу. Отсутствие однозначного подхода к оценке ситуаций, связанных с использованием права «не свидетельствовать против себя» в практике Европейского Суда по правам человека, не позволяет национальному законодателю и правоприменителю опереться на международный опыт разрешения аналогичных проблем.

Обобщив предложения и соответствующую аргументацию необходимо признать наличие двух прямо противоположных подходов к разрешению проблемы использования права «не свидетельствовать против себя» в уголовном судопроизводстве.

Сторонники одной точки зрения тяготеют к абсолютизации права «не свидетельствовать против себя». При этом предлагается распространить названное право не только на собственно уголовно-процессуальную деятельность, но и на любую другую деятельность, результаты которой могут послужить основанием для последующего уголовного судопроизводства. В содержание рассматриваемого права предлагается включить не только право не давать показания (право на молчание), но и право отказаться от предоставления иных доказательств «против себя».

Сторонники противоположной точки зрения считают, что данное право не может иметь абсолютного характера, признают ограничение данного права в уголовном судопроизводстве допустимым, настаивают на сужении сферы его применения в уголовном судопроизводстве.

В качестве характерного примера, иллюстрирующего сложившуюся ситуацию, можно привести два дела, рассмотренные соответственно Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом Российской Федерации.

Так, по делу Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства Европейский Суд по правам человека не счел нужным вынести решение о том, носит ли право не давать показаний против самого себя абсолютный характер, либо отступления от него могут в особых обстоятельствах быть оправданны. Тем не менее, суд высказался по этому поводу, и указал, что рассматриваемая привилегия все-таки не является абсолютной и неизменной.

Изучение судебной практики Европейского Суда по правам человека позволяет выделить несколько правовых позиций на предмет применения принудительных мер в целях получения обвинительных доказательств. На примере того же решения по делу Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства Европейский Суд по правам человека высказался в том смысле, что в отдельных случаях допустимо использовать показания, документы, а равно иные свидетельства, для получения которых вынужденно применялось принуждение. В качестве примеров допустимости использования принуждения Суд упоминает полномочия обвинения проводить изъятия документов по постановлению о производстве обыска, отобрание в качестве образцов для сравнительного исследования кровь или мочу. Полученные таким образом стороной обвинения доказательства Суд предлагает признавать допустимыми.

При этом Суд вполне определенно высказался о том, что фундаментальные положения справедливости, в том числе и право не свидетельствовать против себя самого в уголовном судопроизводстве должны иметь всеобъемлющий характер. В отношении возможности ограничений таких важнейших прав не могут приниматься в расчет никакие аргументы, какими бы серьезными доводами они ни сопровождались. Никакие государственные или общественные интересы не должны приниматься в качестве обоснования возможности даже малейшего ограничения таких общепризнанных прав.

Несколько судей Европейского Суда по правам человека по цитируемому делу Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства выразили иную позицию. Судьи Мартенс и Курис в своем особом мнении на решение Суда обратили внимание общественности на то, что государство должно иметь в запасе

в качестве крайней меры правовые средства, позволяющие противостоять наиболее опасным проявлениям организованной преступности. Такие средства, в качестве крайней меры могли бы допускать принуждение к сотрудничеству, что в свою очередь могло приводить и к самообвинению таких лиц. Судьи Мартенс и Курис недвусмыслено высказались в своем особом мнении, что «для национального права в принципе должна оставаться открытой возможность принуждать (специфические категории) подозреваемых под угрозой наказания сотрудничать активно или пассивно в создании доказательств и даже решающих доказательств против самих себя», а национальный законодатель, по их мнению, в принципе должен быть свободен принять решение, что всеобщий интерес в установлении истины и привлечении виновных к судебной ответственности должен превалировать над защищающей от самообвинения привилегией.

Конституционный Суд Российской Федерации по делу о проверке конституционности ст. 265 УК РФ в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова признал указанную статью соответствующей Конституции Российской Федерации [18]. Вместе с тем в постановлении по указанному делу Конституционный Суд отметил, что вытекающая из ст. 265 УК РФ обязанность лица, нарушившего правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, оставаться на месте происшествия в случае наступления последствий, которые предусматриваются ст. 264 УК РФ, не создает препятствий для него использовать свое право не свидетельствовать против самого себя. Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что указанное право должно быть обеспечено на любой стадии уголовного судопроизводства. Развивая свою позицию, Конституционный Суд Российской Федерации идет еще дальше и допускает, что лицо может отказаться не только от дачи показаний, но и от предоставления органам дознания и следователю других доказательств, подтверждающих его виновность в совершении преступления.

В обеспечение этой правовой позиции Конституционный Суд Российской Федерации полагает необходимым обязать соответствующих должностных лиц разъяснять лицу, оставшемуся на месте дорожно-транспортного происшествия, его право отказаться от дачи объяснений, показаний и от предоставления иных доказательств по поводу данного происшествия.

В связи с принятием решения по жалобе гражданина А. А. Шевякова судья Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононов в своем особом мнении выразил противоположную позицию о том, что право не свидетельствовать против себя должно толковаться достаточно широко. Рассматриваемое право личности не должно ограничиваться ни рамками уголовного процесса, ни рамками статуса конкретного субъекта правоотношений, ни рамками конкретных следственных действий.

На наш взгляд, заслуживает внимания аргументация сторонников и первой, и второй точек зрения. Изменить сложившуюся ситуацию правовой неопределенности в рассматриваемом вопросе помогла бы более детальная регламентация в законе случаев использования права «не свидетельствовать против себя». С учетом сложившейся непростой ситуации противодействия организованной, в том числе международной преступности, активизации различных проявлений

киберпреступности необходимо совершенствовать правовой инструментарий правоприменительных органов, осуществляющих уголовное преследование. Применительно к теме настоящей статьи авторская позиция состоит в том, что право «не свидетельствовать против себя» не должно иметь абсолютного характера. Совершенствования нормативного правового регулирования в этой части видится в направлении большей конкретизации оснований, условий и установления правовых пределов ограничения права на свидетельский иммунитет.

С другой стороны, было бы целесообразно принять меры по усилению иных правовых гарантий, направленных на предотвращение судебных ошибок, связанных с применением принуждения для целей получения обвинительных доказательств, и мер защиты участников уголовного судопроизводства от злонамеренного и (или) чрезмерного принуждения со стороны обвинения.

Список литературы

1. Вельш И. В. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе : учебное пособие. Тюмень : ТЮИ МВД России, 2003. 117 с.

2. Иммунитеты в Российском уголовном процессе : монография. М. : ТЕИС, 1998. 135 с.

3. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, ВСШ МВД СССР, 1988. 652 с.

4. Кольченко В. П. Допрос как способ доказывания и средство обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2003. 26 с.

5. Кони А. Ф. Свидетели на суде. СПб., 1894. 52 с.

6. Криворотов А. О. значении свидетельских показаний в уголовном судопроизводстве по началам Римского и Российского законодательства. Харьков, 1832. 80 с.

7. Лупинская П. А. Доказывание. Понятие и общая характеристика. М., 1995. 544 с.

8. Петрухин И. Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. М. : Юридическая литература, 1989. 189 с.

9. Рахунов Р. Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М. : Юридическая литература, 1955. 164 с.

10. Сильнов М. А. Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1998. 208 с.

11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. 470 с.

12. Щерба С. П., Зайцев О. А. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам : практическое пособие. М. : Спарк, 1996. 123 с.

13. Юридические основания достоверности доказательств. М. : Зерцало, 2007. 206 с.

14. Дело Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства (Судебное решение от 17 декабря 1996 г.).

15. Дело Функе от 25 февраля 1993 г. (Серия А, т. 256-А, с. 22, п. 44).

16. Дело Джона Мурри от 8 февраля 1996 г. (Reports, 1996-I, с. 49, п. 45).

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2001 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова» // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

19. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2004 г. № 448-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

Фадеев П. В.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Как показывает анализ ст. 6 УПК РФ, защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства носит многогранных характер, так как является неотъемлемой обязанностью для всех без исключения государственных органов и должностных лиц, адвокатов (защитников, представителей), других уполномоченных лиц.

Во-первых, защита в уголовном судопроизводстве выступает уголовно-процессуальной функцией, основным назначением которой является деятельность не только по оказанию квалифицированной юридической помощи участникам уголовного процесса, но и по защите их прав и законных интересов со стороны государственных органов и иных уполномоченных лиц [8, с. 72–76].

Во-вторых, защита имеет комплексное доктринальное содержание, включающее назначение уголовного судопроизводства. Данный вывод следует из сопоставления точек зрения ученых, исследующих данный феномен в теории права и в уголовно-процессуальной науке [2, с. 27–36]. При этом в содержание защиты справедливо включается деятельность не только по охране и защите прав личности, но и оказанию ей помощи [6, с. 16].

Такой подход, с одной стороны, разъясняет определение защиты в таком расширенном содержании, с другой, – заставляет задуматься о причинах активного использования для закрепления уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства таких самостоятельных терминов, как «охрана», «защита», «помощь», которые качественно различаются между собой по своим целям и содержанию [5, с. 88]. В Конституции Российской Федерации термины «защита» (ст.ст. 2, 23, 45, 46 и др.), «охрана» (ст.ст. 7, 22, 35 и др.), «помощь» (ст. 45) определяют необходимый перечень конституционных прав и свобод личности. В уголовном процессе указанные термины не имеет официальной дефиниции, но при этом характеризуют принципы уголовного судопроизводства (ст. 6, 11 УПК РФ), за исключением термина «помощь», который в положениях уголовно-процессуального закона применяется лишь в некоторых случаях, для обозначения процессуального статуса отдельных участников уголовного процесса.

На наш взгляд, такой подход на содержание защиты предполагает потребность в определении ее сущности, которая являлась бы первоосновой для характеристики различных видов правозащитной, правоохранительной или правоприменительной деятельности. Заслуживает внимания точка зрения, согласно которой в качестве основы разграничения указанных понятий называют цели их деятельности [1, с. 112], а также степень связи с нарушенным правом [6, с. 165–166]. Следует со-

[1] © Фадеев П. В., 2022.

гласиться с мнением О. В. Гладышевой о том, что по своей сути защита предполагает деятельность по исправлению негативной ситуации, а охрана – по ограждению прав и свобод от нарушений или неправомерного ограничения [3, с. 47]. В этом случае правовая помощь является деятельностью по содействию лицам, вовлеченным в уголовно-процессуальную деятельность, в целях защиты и охраны их прав и законных интересов [7, с. 21, 36–37].

Представляется, что такое разграничение понятий «защита», «охрана», «помощь» имеет не только практическое, но и методологическое значение, поскольку позволяет определять современное состояние субъектов, задействованных в этой деятельности, их цели и применяемые ими правовые средства, а также перспективы развития и совершенствования законодательной и правоприменительной практики.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что защита в уголовном судопроизводстве выступает в качестве:

1) родового понятия, обозначающего деятельность, связанной с восстановлением нарушенных прав;

2) самостоятельной функции, характеризующей направление деятельности не только стороны защиты, но и стороны обвинения;

3) комплексного понятия, определяющего сущность назначения уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Анохин Ю. В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2007. 465 с.

2. Арабули Д. Т. Институт защиты прав и интересов лиц в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09. Челябинск, 2010. 59 с.

3. Гладышева О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. 188 с.

4. Макарова З. В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 335 с.

5. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, СВШ МВД РФ, 1996. 285 с.

6. Стремоухов А. В. Правовая защита человека. СПб. : СПб ГУП, 2007. 415 с.

7. Фадеев П. В. Правовая помощь участникам уголовного процесса в досудебном производстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. 278 с.

8. Фадеев П. В. Проблемы оказания правовой помощи прокурором в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4 (60). С. 72–76.

Федюкина А. Ю.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА И ВЫЕМКИ ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЙ И ИНЫХ ПЕРЕДАВАЕМЫХ ПО СЕТЯМ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ СООБЩЕНИЙ

Современные технологии не стоят на месте, если раньше люди общались между собой посредством бумажный писем, телеграмм, то в настоящее время такой способ коммуникации постепенно сходит на нет. Преступный мир все больше вторгается в сферу IT-технологий, использует все возможности сети Интернет, электронных ресурсов связи. В свою очередь, уголовно-процес–суальное законодательство тоже не стоит на месте. Законодатель старается модернизировать нормы УПК РФ, подстраивая их под новые реалии.

Свидетельством тому является появление нового следственного действия – осмотра и выемки электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений, закрепленного в ч. 7 ст. 185 УПК РФ. В отличие от других видов связи электронные сообщения передаются за считанные секунды, с их помощью происходит ежедневное общение между людьми. Вместе с тем процессуальный порядок осмотра и выемки электронных сообщений несколько отличается от осмотра и изъятия обычной почтовой корреспонденции. Несмотря на это, ст. 185 УПК РФ раскрывая процедуру наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемки, не уделяет должного внимания аналогичным действиям, в отношении сообщений в электронном формате, что вызывает ряд проблем у правоприменителей.

Для начала необходимо разобраться, что понимается под электронными сообщениями, где их можно осмотреть и откуда извлечь, то есть провести выемку.

В соответствии с п. 10 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: «электронное сообщение – это информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети». В соответствии с п. 4 ст. 2 того же закона: «информационно-телекоммуникационная сеть – это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники».

Из определений следует, что доступ к электронным сообщениям, содержащимся в электронной почте (E-mail), различного рода мессенджерах (WhatsApp, Viber, Telegram и др.), социальных сетях (Facebook, Одноклассники, Instagram и др.) следователь может получить только с помощью средств вычислительной техники, к которым можно отнести компьютер, ноутбук, макбук и другие устройства, включая сотовые телефоны, смартфоны, наделенные функциями принятия, обработки и хранения электронной информации.

[1] © Федюкина А. Ю., 2022.

Вместе с тем в ч. 7 ст. 185 УПК РФ речь идет не только об электронных сообщениях, но и об иных сообщениях, передаваемых по сетям электросвязи. Согласно Федеральному закону от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» электросвязь – это любые излучения, а также передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам.

Углубляясь в данный вопрос, обратимся к Указанию Министерства связи России, согласно которому: «под сетью электросвязи следует понимать технологическую систему, обеспечивающую предоставление одного или нескольких видов связи: телефонную, телеграфную, факсимильную, передачу данных и других видов документальных сообщений» [1].

Перечень технических устройств, предназначенных для передачи сообщений по сетям электросвязи, достаточно обширен. Согласно ведомственным нормативным правовым актам к оборудованию электросвязи относятся: цифровые системы коммутации, включая функции ЦСИС (ISDN); системы широкополосной коммутации Ш-ЦСИС (B-ISDN); платформы интеллектуальной сети связи ИСС (IN); системы сотовой радиосвязи; системы абонентского радиодоступа (кроме радиоудлинителей) к сетям телефонной связи и сетям передачи данных; наземное оборудование систем глобальной персональной спутниковой связи; транкинговые системы радиосвязи; системы таксофонного оборудования и др. [2].

Получается, что все сообщения, передаваемые с помощью указанных технических средств, также подпадают под действие ч. 7 ст. 185 УПК РФ.

Как мы уже отметили ранее, законодатель не детализировал процедуру осмотра и выемки электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений. Логично предположить, что данное следственное действие должно проводиться по правилам осмотра (ст. 176 УПК РФ) и выемки (ст. 183 УПК РФ), однако, правовой основой его производства будет служить ст. 185 УПК РФ, в которую оно и помещено.

Учитывая специфику осмотра и выемки электронных сообщений, следователю необходимо привлечь к их производству соответствующего специалиста, а также представителя организации связи. Соответственно, местом осмотра и выемки будут являться отделения связи, организации операторов связи, Интернет-провайдеры, оснащенные необходимым техническим оборудованием.

Юридическим основанием производства осмотра и выемки электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений, согласно ч. 7 ст. 185 УПК РФ, будет являться решение суда. Данное решение следователь (дознаватель) должен получить в порядке требований ст. 165 УПК РФ на основании постановления о возбуждении перед судом ходатайства о производстве осмотра и выемки электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений, предварительно согласовав его с руководителем следственного органа (прокурором).

Несмотря на то, что в нормах ст. 29 «Полномочия суда», ст. 165 УПК РФ «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия» не упоминается об осмотре и выемке электронных сообщений, согласно ч. 3 ст. 63 Федерального закона «О связи»: «Осмотр почтовых отправле-

ний лицами, не являющимися уполномоченными работниками оператора связи, вскрытие почтовых отправлений, осмотр вложений, ознакомление с информацией и документальной корреспонденцией, передаваемыми по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, осуществляются только на основании решения суда, за исключением случаев, установленных федеральными законами». Следовательно, не будем ставить под сомнение тот факт, что осмотр и выемка электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений, в контексте ст. 185 УПК РФ, должны производиться только по судебному решению.

Основываясь на положениях ч. 4 ст. 185 УПК РФ, учреждения, операторы связи, получив решение суда о наложении ареста на электронные сообщения и иные передаваемые по сетям электросвязи сообщения, должны их задерживать путем блокировки доступа к ним определенного абонента и обеспечить хранение адресованной ему электронной почты, сообщений до прибытия следователя. Сотрудники отделения связи, обязаны также своевременно информировать следователя о произведенных действиях.

Применив нормы ст. 164.1 УПК РФ, ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, ст. 183 УПК РФ, ч. 5 ст. 185 УПК РФ, можно выделить следующих участников следственного действия: следователь (дознаватель), сотрудник учреждения, предоставляющий услуги связи (электросвязи), специалист, переводчик (при необходимости), по решению следователя может присутствовать лицо, на чьи электронные сообщения был наложен арест, защитник, представители (законные представители) участников процесса, понятые. Участников данного следственного действия необходимо предупредить об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования.

После осмотра сообщений, содержащихся в электронной почте или в других мессенджерах, при выявлении имеющей значение для уголовного дела информации – проводится их выемка. Полагаем, что данный вид выемки может быть произведен двумя способами: 1) путем копирования электронных сообщений на электронные носители информации с соблюдением требований ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ; 2) путем распечатывания содержимого электронных сообщений на бумажный носитель, о таком способе свидетельствует судебная практика. Так, согласно Апелляционному определению судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда, в качестве доказательств по уголовному делу были признаны документы и протокол их осмотра, распечатанные с электронной почты свидетеля [3].

Осмотр и выемка электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений должны быть оформлены единым протоколом, в котором указывается, кем и какие электронные сообщения были задержаны, подвергнуты осмотру и выемке, скопированы, распечатаны, отправлены адресату. К протоколу прилагаются распечатки электронных сообщений, либо электронные носители информации, на которые они были скопированы.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что следственное действие – осмотр и выемка электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений, в контексте ст. 185 УПК РФ, остро нуждается в дальнейшей детализации, путем внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Список литературы

1. Указание Минсвязи России от 13 февраля 1997 г. № 21-у «О порядке взаимодействия операторов электросвязи и органов Госсвязьнадзора России по вопросу обеспечения реализации статьи 136.1 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях» (вместе с «Решением о порядке взаимодействия операторов электросвязи и органов Госсвязьнадзора России по вопросу обеспечения реализации статьи 136.1 «Самовольное подключение оконечного оборудования к сетям электросвязи» Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в редакции Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях», утв. Минсвязи РФ 27.01.1997, 24.01.1997, Госсвязьнадзором РФ 24.01.1997).

2. Приказ Минсвязи России № 2, МАП России № 23 от 15 января 2001 г. «Об утверждении «Требований к системе эксплуатационной поддержки оборудования электросвязи, применяемого на Взаимоувязанной сети связи Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

3. Апелляционное определение № 10-13722/2014 от 27 октября 2014 г. по делу № 1-552/14. Судебные и нормативные акты. URL: https://sudact.ru/.

Чинь Суан Чыонг[1],
преподаватель Юридического факультета
Академии Народной безопасности
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам,
кандидат юридических наук

Хоанг Тхи Тху Нга[2],
преподаватель Юридического факультета
Академии Народной безопасности
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ВЬЕТНАМА

Согласно ч. 1 ст. 60 УПК Вьетнама обвиняемый – это физическое или юридическое лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Права и обязанности обвиняемого – юридического лица – осуществляются через законного представителя юридического лица.

Обеспечение прав и законных интересов обвиняемых не только свидетельствует об уважении к их жизни, здоровью, чести и достоинству, но и вносит важный вклад в объективное и справедливое разрешение уголовного дела. С другой стороны, обеспечение прав обвиняемого выражает реализацию принципа равенства сторон обвинения и защиты, закрепленных в Конституции Вьетнама 2013 г. и УПК Вьетнама 2015 г.

Как представляется, права обвиняемого на стадии предварительного расследования включают две группы прав. Первую группу представляют право на жизнь, на физическую неприкосновенность, защиту чести, достоинства личности. Вторую группу прав представляет право на справедливое судебное разбирательство.

Первую группу прав составляют:

1) *право на жизнь.* Право на жизнь обвиняемого не следует ограничивать пониманием о жизни, как таковой. Данный аспект включает право на обеспечение достойного человеческого существования, включая устранение угрозы причинения вреда здоровью и обеспечение нормальных условий человеческого существования для лиц, лишенных свободы. Действия, посягающие на жизнь, здоровье, честь и достоинство обвиняемого, строго запрещены. Никто не может быть подвергнут пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. После задержания подозреваемый, обвиняемый должен быть обеспечен определенными условиями содержания (достаточное освещение, санитарные условия), питание (пища с питательной ценностью, подходящая для здоровья) и т. д.

2) *право на защиту от необоснованного ареста и задержания.* Право обвиняемого на защиту от необоснованного ареста или задержания включает сле-

[1] © Чинь Суан Чыонг, 2022.
[2] © Хоанг Тхи Тху Нга, 2022.

дующее содержание: во-первых, обвиняемый имеет право на свободу личной безопасности, никто не может быть лишен свободы, кроме случаев, предусмотренных законом; во-вторых, любое задержанное лицо должно быть проинформировано о причине его задержания и незамедлительно извещено о предъявленном ему обвинении; в-третьих, любое задержанное лицо должно быть незамедлительно доставлено к компетентному судебному органу и предстать перед судом в разумные сроки или освобождено.

Вторая группа прав включает следующие элементы:

1) право на справедливое судебное разбирательство как выражение равенства сторон. Равенство сторон означает, что каждой стороне должна быть предоставлена равная возможность высказать свою позицию по уголовному делу, представить доказательства. Предоставление каких-либо преимуществ другой стороне процесса незаконно;

2) обеспечение права на справедливое судебное разбирательство, зависит от ответственности компетентного органа. Суды и независимые, беспристрастные судебные органы являются важной частью обеспечения справедливости.

Право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство включает следующие конкретные права:

1) *право считаться невиновным.* Презумпция невиновности в соответствии с законодательством Вьетнама выражается в том, что государство и общество считает лицо обладает право на эффективное судебное разбирательство и считается невиновным, пока не вступит в силу обвинительный приговор (ст. 13 УПК Вьетнама);

2) *право на защиту.* В уголовном судопроизводстве Вьетнама право обвиняемого на обеспечение возможности оказания квалифицированной помощи по опровержению обвинения. Обвиняемый вправе иметь защитника для защиты от обвинений государства, а государство обязано назначить защитника обвиняемому, если он не может самостоятельно заключить с ним соглашение за свой счет;

3) *право на реабилитацию.* Право обвиняемого на реабилитацию включает в себя компенсацию государством расходов, возникших в связи с незаконным и необоснованным уголовным преследованием.

Для обеспечения прав и законных интересов обвиняемого в уголовном процессе необходим механизм, который будет представлять собой совокупность правовых условий, обеспечивающих полное соблюдение прав человека в процессе рассмотрения уголовных дел.

Элементом такого механизма будет являться разработка положений об обеспечении прав человека обвиняемых в уголовно-процессуальном законодательстве. Уголовно-процессуальный закон должен содержать достаточные, прозрачные и четкие положения об основных принципах уголовного судопроизводства, процессуальных правах обвиняемого, обязанностях органов, осуществляющих уголовное преследование, по обеспечению прав обвиняемого, порядке и процедурах расследования, назначения наказания за нарушения прав обвиняемых.

Контроль за соблюдением прав обвиняемых на этапе расследования необходим. Всесторонность контроля может быть обеспечен лишь независимыми друг от друга органами: прокуратурой, специализированными органами, общественными организациями.

РАЗДЕЛ III.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Агаев С. А.[1],
начальник кафедры уголовного процесса
Академии Полиции МВД Азербайджанской Республики,
доктор философии по праву, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Исследование вопросов стратегии развития такого важного института уголовного процесса, как уголовное судопроизводство всегда является актуальным, ибо происходящие в обществе закономерные изменения требуют усовершенствования и законодательства в целом, в том числе уголовно-процессуального.

Прежде чем раскрыть состояние и стратегию развития уголовного судопроизводства считаем необходимым подробно осветить понятие, назначение и задачи самого уголовного судопроизводства.

В юридической литературе уголовному судопроизводству дается следующее понятие: это урегулированная уголовно-процессуальным законодательством деятельность уполномоченных лиц, связанная с раскрытием, расследованием преступления и рассмотрением дела в суде, а также система правоотношений, в которые вступают уполномоченные субъекты друг с другом и с другими субъектами, вовлекаемыми в производство по уголовному делу. Основываясь на данном в теории уголовно-процессуального права понятии уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальное законодательство отдельных стран определяет его назначение и задачи.

Так, согласно ст. 6 УПК РФ судопроизводство имеет своим назначением:

1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Задачи уголовного судопроизводства четко определены в уголовно-процессуальном законодательстве Азербайджанской Республики. В соответствии со ст. 8 УПК Азербайджанской Республики задачами уголовного судопроизводства являются:

1) защита личности, общества и государства от преступных посягательств (ст. 8.0.1);

2) защита личности от случаев злоупотребления служебными полномочиями в связи с совершением действительного или предполагаемого преступления (ст. 8.0.2);

---

[1] © Агаев С. А., 2022.

3) быстрое раскрытие преступления, всестороннее, полное и объективное расследование всех обстоятельств, связанных с уголовным преследованием (ст. 8.0.3);

4) изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление (ст. 8.0.4);

5) отправление правосудия с целью, установив вину, наказать лиц, обвиняемых в совершении преступления и оправдать невиновных лиц (ст. 8.0.5).

Из содержания указанных выше ст. 6 УПК РФ и ст. 8 УПК Азербайджанской Республики видно, что в них основной акцент делается на защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, и личности, пострадавших от незаконного обвинения, осуждения и т. д.

На наш взгляд, такой подход уголовно-процессуального закона к назначению уголовного судопроизводства в полной мере отвечает требованиям норм Конституции Азербайджанской Республики о защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 26).

Если назначение уголовного судопроизводства определяет стратегическую направленность его деятельности в целом, то для успешного и правильного разрешения уголовного дела немаловажное значение имеет определение конкретных целей этой деятельности. Полагаем, что к таким целям относятся: 1) обеспечение доступа к правосудию; 2) установление всех фактических обстоятельств, имеющих юридическое значение для правильного разрешения дела и восстановления нарушенного права; 3) обеспечение правильного применения уголовного закона и иных законов, подлежащих применению в рассматриваемом деле; 4) обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением; 5) обеспечение прав и законных интересов каждого из участников уголовного судопроизводства.

УПК Азербайджанской ССР 1960 г. был заменен УПК Азербайджанской Республики 2000 г. Действующий УПК Азербайджана основан на принципе состязательности и равноправии сторон. Содержание состязательности состоит в наличии равноправных участвующих сторон в процессе, начиная со стадии предварительного расследования в разделении функций уголовного преследования, защиты и разделение функций между стороной обвинения, стороной защиты и судом. Основной задачей уголовного процесса является как законное и обоснованное уголовное преследование и привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, так и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Наиболее важные и значимые уголовно-процессуальные нормы были установлены в качестве основных прав и свобод человека на конституционном уровне. К этим конституционным правам относятся: право на получение квалифицированной правовой помощи, включая в себя право пользоваться помощью защитника с момента задержания, ареста, предъявления обвинения (ст. 61), право обращаться по поводу пересмотра приговора в вышестоящий суд (ст. 65), право не свидетельствовать против близких родственников (ст. 66), право на получение возмещения государством ущерба, нанесенного в результате незаконных действий или бездействия государственных органов, либо их должностных лиц (ст. 68).

Существенное в защите прав человека имеет и закрепленный в Конституции Азербайджанской Республики (ст. 63) принцип презумпции невиновности, который гласит, что каждый обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законном порядке.

Большое значение в защите прав человека в сфере уголовного судопроизводства имеют и наложенные Конституцией Азербайджанской Республики запреты на использование доказательств, добытых с нарушением закона (ст. 63) и повторное осуждение заодно и то же преступление (ст. 64).

Правильно отмечает В. В. Дорошков, что задачи соблюдения прав и свобод граждан и раскрытие преступления равнозначны и должны решаться в единстве [2, с. 57–60].

Важную роль в принятии правильного, законного и справедливого решения по уголовному делу играет и закрепленный в Конституции Азербайджанской Республики принцип состязательности сторон в судебном производстве (ст. 127).

На основе данной статьи Конституции в уголовно-процессуальном кодексе была принята ст. 32 под названием «Состязательность сторон в уголовном процессе». Согласно этой статье уголовное судопроизводство в Азербайджанское Республике осуществляется на основе состязательности сторон обвинения и защиты, каждая сторона представляется в суде и обладает в нем равными правами и возможностями для зашиты своей позиции.

В соответствии с УПК Азербайджана все меры процессуального принуждения в отношении подозреваемого и обвиняемого находятся под контролем суда и осуществляются исключительно на основании решения суда. Каждому задержанному и заключенному под стражу в течение 48 часов должно быть предъявлено обвинение, либо это лицо должно быть освобождено (ст. 153.3. УПК Азербайджанской Республики). Арестованные обвиняемые лица содержатся в следственных изоляторах пенитенциарной службы, которая с 1996 г. находятся в подчинении Министерства юстиции Азербайджанской Республики.

Действующий УПК Азербайджанской Республики четко устанавливает и стадии уголовного процесса, которые состоят из: возбуждения уголовного дела; предварительного расследования (включающего дознание и предварительное следствие); подготовки к судебному разбирательству; судебного разбирательства; апелляционного производства; кассационного производства; дополнительной кассации; производства в порядке исполнения приговоров и иных решений суда. Особые процедуры включают в себя порядок: производства по оказанию правовой помощи по уголовным делам; производства по применению принудительных мер медицинского характера; производства по вновь открывшимся обстоятельствам; производства по ходатайству о проверке соответствия норм права Конституции (обращение суда в Конституционный суд Азербайджана).

В УПК Азербайджанской Республики в отношении каждой из указанных выше стадий четко определены права и обязанности участников уголовного судопроизводства, установлены правила и процедуры их действий по защите своих прав и законных интересов.

Определенный интерес представляют высказывания отдельных авторов по вопросам стратегии развития уголовного судопроизводства. Так, по мнению

И. Г. Смирновой, стратегия развития уголовного судопроизводства возможна при соблюдении следующих условий: 1) уважение прав личности; 2) реалистичность; 3) экономичность; 4) эффективность [3, с. 57–60].

По данному вопросу Н. Г. Стойко выделяет следующие направления развития уголовного судопроизводства: 1) защита прав и свобод обвиняемого; 2) социальная поддержка обвиняемого; 3) социальная поддержка потерпевшего; 4) рациональность и эффективность; 5) примирение [4, с. 128–132].

Из вышеуказанного можно сделать вывод о том, что оба автора в процессе изменений, проведенных в сфере стратегии развития уголовного судопроизводства, на первый план ставят неуклонное соблюдение конституционных прав и свобод человека. Точно такое же отношение к правам и свободам личности наблюдается и в законодательстве Азербайджанской Республики. Так, в начале 2012 г. был принят Закон Азербайджанской Республики «Об обеспечении прав и свобод лиц, содержащихся в местах содержания под стражей» (от 22 мая 2012 г. 352-IVQ, с изменениями и дополнениями по состоянию на 4 мая 2021 г.). Этот закон, основываясь на принципе презумпции невиновности и, в то же время, учитывающий уязвимое положение задержанных и арестованных лиц, определяет более гуманные условия и порядок содержания подозреваемого или обвиняемого лица под стражей до судебного разбирательства. Конечно, УПК Азербайджанской Республики устанавливает основы правового положения подозреваемых и обвиняемых и в нем закреплены права и обязанности таких лиц, в нормативном порядке определены основания и процессуальный порядок задержания и ареста, сроки содержания под стражей и т. д. Однако целью указанного Закона является создание более благоприятных условий для задержанных и арестованных лиц, доступа их к защите и медицинскому обеспечению до судебного разбирательства. В рамках всесторонних реформ, проводимых в соответствии с новыми требованиями, продолжаются принятие последовательных и целенаправленных мер и по усовершенствованию правовой и судебной системы.

Как проявление гуманной политики главы государства в правоохранительной сфере следует назвать Указ Президента Азербайджанской Республики «Об углублении реформ в судебно-правовой системе» от 3 апреля 2019 г. Этот нормативный акт является стимулом для принятия соответствующего Закона от 1 мая 2021 г. Согласно этому закону некоторые противоправные действия были декриминализированы, определено освобождение от уголовной ответственности при условии примирения лица, совершившего деяние с потерпевшим и возмещений причиненного материального ущерба. В рамках исполнения вышеназванного Указа Президента Азербайджанской Республики от 3 апреля 2019 г. и учитывая изменения, внесенные в УПК Азербайджанской Республики, появилась возможность проведения видеоконференции при рассмотрении в суде уголовных дел, что является новшеством в судопроизводстве Азербайджанской Республики.

Внесенными в уголовно-процессуальное законодательство новшествами были определены правила проведения уголовного судопроизводства посредством информационной системы «Электронный Суд», дистанционного участия, когда разбирательство уголовных дел в суде возможно без явки участников процесса в суд, непрерывного проведения аудиозаписи судебных заседаний и др. Кроме этого,

расширены возможности прекращения уголовного преследования в подготовительном заседании суда, сокращены сроки кассационной жалобы и кассационного протеста, усовершенствованы процедуры по их подаче и рассмотрению.

Следует отметить, что внесенными в законодательство новыми нормами закреплены правила проведения судопроизводства по признанию приговоров или иных решений судов зарубежными государствами.

Внедрение этих инноваций в нынешний период введения особого карантинного режима в связи с пандемией COVID-19 имеет важное значение, служит повышению эффективности и упрощению доступности правосудия, обеспечению безопасности сторон и дистанционного допроса, предотвращению дополнительной потери времени и расходов, волокитства и др. Внедрение таких гуманных институтов с использованием инноваций в условиях нынешней пандемии является проявлением государственной заботы о здоровье, защите прав и интересов людей.

Подводя итоги, полагаем, что разработка вопросов стратегии дальнейшего развития уголовного судопроизводства будет способствовать повышению эффективности реализации назначения уголовного судопроизводства и мер уголовной политики.

Список литературы

1. Аббасова Ф. М. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса по уголовно-процессуальному законодательству Азербайджанской Республики и пути его совершенствования // Государство и право. Юридические науки. М., 2009. С. 81–84.

2. Дорошков В. В. Стратегия развития современного уголовного производства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 57–60.

3. Смирнова И. Г. К вопросу о необходимости формирования новой уголовно-процессуальной стратегии // Журнал «Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. Вып. 3 (122). С. 128–133.

4. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России сравнительно теоретико-правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовых систем : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09. СПБ 2007. 56 с.

Алонцева Е. Ю.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Назначение уголовного судопроизводства обязывает следователя, дознавателя осуществлять процессуальную деятельность с момента получения сообщения о преступлении. Уголовно-процессуальная деятельность возникает в связи с необходимостью проверки и установления обстоятельств, связанных с теми данными, которые поступают в сообщении о преступлении. Получение сообщения о преступлении и проверка данного сообщения относятся к первоначальному обязательному этапу уголовного судопроизводства к стадии возбуждения уголовного дела. Стадия возбуждения уголовного дела, как и другие стадии уголовного процесса, имеет свои непосредственные цели, задачи и свое содержание. В соответствии со ст. 144 УПК РФ законодатель предусматривает право следователя, дознавателя производить процессуальные действия и некоторые следственные действия для проверки сообщения о преступлении. Следовательно, на данном этапе уголовного судопроизводства следователь, дознаватель осуществляют процессуальную деятельность по собиранию проверке и оценке доказательств для достижения назначения уголовного судопроизводства. Важность доказывания в данный период уголовного судопроизводства обусловлена необходимостью принятия решения по окончанию данной стадии. Однако ввиду ее непродолжительности, специфичности, ограниченных возможностей совершения процессуальных действий, с определенными особенностями следует относиться к элементам доказывания. Правильная оценка полученных доказательств в более короткие сроки и ограниченность возможностей по собиранию доказательств влияют на законность решения следователя в соответствии со ст. 145 УПК РФ о возбуждении уголовного дела, либо отказе в возбуждении уголовного дела, что в свою очередь существенным образом отражается на обеспечении прав, свобод и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство при принятии одного из указанных решений. Безусловно, что на первое место выходит проблема доказывания и, в частности, такие элементы этого процесса как проверка и оценка доказательств и их источников, поскольку речь идет не столько о доказывании фактических обстоятельств, элементами которого являются собирание, формирование, проверка и оценка доказательств, но логическая составляющая данной деятельности в виде определения, обоснования, отверждения какого-либо вывода, мыслительной деятельности по оценке источников полученных доказательств.

Оценке доказательств всегда предшествует их проверка. Проверка при этих обстоятельствах осуществляется посредством ограниченного количества следственных и процессуальных действий, что, безусловно, влияет на правильную

[1] © Алонцева Е. Ю., 2022.

оценку источников доказательств и полученных данных. Главной и наиболее важной целью проверки является установление доброкачественности доказательств, их полноты, законности и достоверности. Данные критерии, в свою очередь, определяют объект, предмет и содержание оценки доказательств.

Исходя из теоретических предпосылок, сформировавшихся в теории уголовного процесса, полагаем, что к объекту в данном случае можно отнести доказательства и их источники, предметом оценки являются фактические обстоятельства, имеющие значение для разрешения правовой ситуации, содержанием следует считать определение их достоверности, допустимости и достаточности ля принятия решения, а к источникам доказательств определение их законности, то есть возможности использования с точки зрения допустимости доказательств.

Оценка доказательств на стадии возбуждения уголовного дела осуществляется по правилам оценки доказательств, с учетом норм уголовно-процессуального закона, логики, мышления, совести и внутреннего убеждения. Следует исходить из того, что на данном этапе нельзя упрощать процесс доказывания, ссылаясь на недостающие данные, на ограниченный процессуальный срок принятия решения, на невозможность получить другие доказательства по уголовному делу. Упрощение данной стадии и процедуры доказывания ведет к обстоятельствам, препятствующим раскрытию преступлений, нарушений прав граждан, несоблюдению интересов общества, государства и граждан, которые пострадали от совершенного или готовящегося преступления.

Оценка доказательств должна быть ориентирована на предмет доказывания с учетом данного этапа уголовно-процессуальной деятельности. Полагаем, что под предметом доказывания на этапе возбуждения уголовного дела следует понимать установление обстоятельств, необходимых для разрешения сообщения о преступлении. К этим обстоятельствам можно отнести сведения о месте произошедшего события, действия или бездействие, способ и обстановка совершения, время, объективная сторона преступления, вид, размер ущерба или тяжесть вреда. Либо обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии события преступления или состава преступления. При этом, оценивая доказательства, логично отталкиваться от понятия самого преступления, содержащегося в норме ст. 14 УК РФ. Нельзя не упомянуть о том, что вопросы особенностей предмета доказывания на отдельных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела, неоднократно были предметом исследования в трудах Л. М. Карнеевой.

Оценивая доказательства, полученные в результате проверки сообщения о преступлении, следователь оценивает свойства доказательств: относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Не вдаваясь в рассуждения относительно свойств доказательств, что не относится к предмету исследования, попробуем определить основные критерии оценивания.

По нашему мнению, следует выделить следующие критерии оценки доказательств на стадии возбуждения уголовного дела:

1. Надлежащий субъект собирания доказательств.
2. Вид доказательства.
3. Способ собирания.

4. Правильность процессуального порядка и оформления соответствующего процессуального действия.

Надлежащими субъектами следует считать должностных лиц, к которым отнесены следователь, дознаватель, орган дознания, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания. Способом собирания доказательств является производство процессуальных и следственных действий, указанных в ст. 144 УПК РФ (получение объяснения, направление запросов, получение образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, проведение ревизий и документальных проверок, осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, осмотр тупа, освидетельствование, производство судебной экспертизы). Способы собирания доказательств на данной стадии существенно ограничены по сравнению с другими этапами досудебного и судебного производства. Ограничены и виды доказательств, к ним следует отнести лишь протоколы процессуальных и следственных действий и иные документы. Немаловажным является соблюдение процессуального порядка их производства и правильного оформления указанных процессуальных и следственных действий в соответствии с общими правилами их производства (ст.ст. 164–165 УКК РФ) нормами ст.ст. 166 и 167 УПК РФ. Они позволяют оценить источники доказательств и законность их использования для принятия решения.

Таким образом, исходя из анализа указанных критериев, можно сформулировать вывод о том, что оценка доказательств на стадии возбуждения уголовного дела имеет свои особенности. Они связаны с предметом доказывания, объектом и средствами уголовно-процессуального доказывания, как сведений о фактах, собранных в процессе процессуальной деятельности, полученные из надлежащих источников, с помощью которых возможно установить время, место, способ совершения преступления либо его отсутствие и иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения сообщения о преступлении в соответствии с законом.

Антимонова С. И.[1],
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАПРАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ИНОСТРАННОЕ ГОСУДАРСТВО

Отсутствие лица, совершившего преступление, в Российской Федерации, органы предварительного следствия которой расследуют уголовное дело, создает значительные проблемы, возникающие в ходе досудебного производства как процессуального, так и организационного характера. Особенно если это лицо является иностранным гражданином.

Следует отметить, что расследование уголовного дела в отношении иностранных граждан может регулироваться не только нормами УПК РФ, основанного на Конституции Российской Федерации, но и общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации с иностранными государствами и уголовным, уголовно-процессуальным и иным законодательством этих государств.

На территории Российской Федерации следователь (дознаватель), выполнив все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, чье место нахождения известно, однако, реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует, *во-первых*, принимает решение о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ; *во-вторых*, в установленном законом порядке для реализации принципа неотвратимости наказания направляет материалы уголовного дела через Генеральную прокуратуру Российской Федерации в другое государство для осуществления уголовного преследования его компетентными органами.

В юридической литературе для определения рассматриваемой формы международного сотрудничества используется понятие «передача уголовного преследования (судопроизводства)». По мнению А. Г. Волеводза, под ним понимается «деятельность, основанная на отечественном законодательстве компетентных органов запрашиваемой стороны по исполнению в соответствии с нормами международных договоров или на основании принципа взаимности запросов (ходатайств) судебных и иных компетентных органов запрашивающей стороны об осуществлении уголовного преследования лиц, постоянно находящихся на территории запрашиваемого государства и не подлежащих выдаче запрашивающей стороне с одновременной передачей запрашивающей стороной материалов уголовного дела (расследования) запрашиваемой стороне» [6, с. 103].

На взгляд Ч. С. Табалдиевой, это «объединение усилий государств в целях повышения эффективности правоохранительной деятельности, включая предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, а также исправление правонарушителей, и включает в себя осуществляемые на основе действующих

[1] © Антимонова С. И., 2022.

норм международного права и национального законодательства согласованные действия и взаимопомощь заинтересованных государств» [7, с. 12].

Необходимость передачи функции уголовного преследования конкретного лица, обвиняемого в совершении преступления, в другое государство связана с наличием в большинстве стран положений, запрещающих выдачу своих граждан иностранному государству. В связи с этим передача материалов уголовного дела для осуществления уголовного преследования является единственной возможностью соблюсти принцип неотвратимости наказания, который позволяет привлечь к уголовной ответственности таких не подлежащих выдаче лиц.

Вместе с тем в процессе передачи функции уголовного преследования и привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности возникают существенные трудности, *во-первых*, связанные с отсутствием единства в терминах, применяемых в нормах международного права, заключенных Российской Федерацией. В них используются такие понятия как «передача судопроизводства по уголовным делам» [1], «осуществление уголовного преследования» [3], «передача уголовного судопроизводства» [4] и «передача материалов уголовного разбирательства» [2].

Во-вторых, не предусмотрена возможность интерпретации указанных терминов в нормах УПК РФ. Так, ст. 458 УПК РФ гласит, что в случае совершения преступления на территории Российской Федерации иностранным гражданином, впоследствии оказавшимся за ее пределами, и невозможности производства процессуальных действий с его участием на территории Российской Федерации все материалы возбужденного и расследуемого уголовного дела передаются в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, которая решает вопрос об их направлении в компетентные органы иностранного государства для осуществления уголовного преследования. Однако понятие уголовного преследования, данное в п. 55 ст. 5 УПК РФ, имеет значение только для государственных органов и должностных лиц на территории Российской Федерации.

При этом гражданин Российской Федерации, скрывшийся от уголовного преследования в другой стране, которая отказывает в его выдаче, имеет большие шансы не понести наказание, так как: 1) согласно требованиям ст. 458 УПК РФ, уголовное преследование на территории иностранного государства осуществляется только в отношении иностранных граждан; 2) органы предварительного следствия Российской Федерации не имеют возможности производства следственных и иных процессуальных действий с его участием.

В-третьих, отдельные процедуры, связанные с передачей материалов уголовного дела, не находят отражение в нормах уголовно-процессуального закона.

При этом на практике у органов предварительного расследования возникают сложности, связанные с передачей материалов уголовного дела, который требует значительного количество времени и сил, начиная с необходимости продления сроков предварительного следствия и заканчивая переводом материалов уголовного дела, нередко составляющих несколько десятков томов.

Из-за недостаточной регламентации порядка передачи материалов уголовного дела и необходимости изучения компетентными органами большого количества документов для определения такого порядка возникают недопонимания

между судом и прокуратурой относительно возможности направления уголовного дела в иное государство после окончания расследования и направления дела в суд. Так, Шадринская межрайонная прокуратура обжаловала постановление судьи Шадринского районного суда Курганской области о возвращении уголовного дела прокурору для осуществления уголовного преследования с использованием норм международного права.

Из материалов уголовного дела следует, что Кимбаев обвиняется в совершении на территории Российской Федерации преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, при этом является гражданином иного государства, на территории которого проживает и находится. В судебное заседание Кимбаев не явился и об уважительных причинах неявки не уведомил, поэтому у суда не было возможности рассмотреть уголовное дело по существу.

Государственный обвинитель в апелляционной инстанции просил отменить постановление суда, поскольку необходимость направления в компетентные органы иностранного государства материалов уголовного дела определяется в ходе предварительного следствия (дознания). Уголовно-процессуальным законодательством не установлен порядок направления уголовного дела, рассматриваемого по существу.

Однако суд мнение прокурора не поддержал и указал, что окончание расследования по уголовному делу и его направление с обвинительным заключением в суд не препятствует направлению материалов дела в иностранное государство в порядке ст. 458 УПК РФ. И поскольку организацией направления материалов уголовного дела в иностранное государство занимаются генеральные прокуроры (прокуроры) государств, то уголовное дело подлежит возвращению прокурору [5].

В результате решение суда первой инстанции Курганский областной суд оставил без изменения, апелляционное представление – без удовлетворения. Причиной такого спора стало отсутствие четкого, понятного порядка передачи дела с перечислением оснований для такой передачи и определением точных сроков.

Таким образом, институт передачи материалов уголовного дела в иностранное государство для осуществления уголовного преследования находится в стадии формирования и требует дополнительной проработки на законодательном уровне – закрепления единого понятия, а также детализированного порядка осуществления передачи уголовного дела. Устранение этих проблем решит многие организационные вопросы, возникающие у органов предварительного следствия, и поможет сократить количество необоснованно принятых решений о приостановлении предварительного следствия, а лица, совершившие преступления, понесут заслуженное наказание.

Список литературы

1. Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15 мая 1972 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 05.11.21).

2. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря

1988 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 05.11.21).

3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.// СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 05.11.21).

4. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 05.11.21).

5. Апелляционное постановление Курганского областного суда от 20 декабря 2018 г. по делу № 22-1829/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ObInlZN DfnmW/ (дата обращения: 05.11.21).

6. Волеводз А. Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 4. С. 3–10.

7. Табалдиева Ч. С. Понятие и значение передачи судопроизводства по уголовным делам // Российский следователь. 2008. № 18. С. 11–12.

Ахмеров О. С.[1],
преподаватель кафедры профессиональной подготовки
Уфимский юридический институт МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ – ДОПРОСА И ОЧНОЙ СТАВКИ

В современном уголовном процессе Российской Федерации по мере совершенствования уголовно-процессуального законодательства тактика проведения следственных действий пополняется все более новыми познавательными приемами их проведения. Так, деятельность следователя, дознавателя закреплена и урегулирована законодательством Российской Федерации и проведение отдельных следственных действий, таких, как допрос и очная ставка, составляют основную часть их работы. Основной сутью допроса и очной ставки является достаточно длительное, содержательное общение следователя с допрашиваемыми лицами.

Допрос – одно из самых распространенных следственных действий. Допрос – это следственное действие, состоящее в получении органом расследования или судом непосредственно от допрашиваемого в установленной уголовно-процессуальным законом форме показаний об известных ему обстоятельствах и иных данных, имеющих значение для дела [1]. Несмотря на множество разных трактовок понятия допроса, установление истины, извлечение информации, анализирование информации, творческий подход, аргументированные и практически значимые обоснованные выводы – самые основные задачи, которые необходимо учитывать следователю в ходе его проведения.

Порядок производства допроса четко прописан в УПК РФ и других нормативно-правовых актов, однако, в п. 2 ст. 189 УПК РФ говорится о том, что следователь свободен при выборе тактики допроса. Эта формулировка позволяет следователю самостоятельно выбирать не только тактику допроса, но и методы, не нарушающие законных интересов допрашиваемого лица.

К допросу следователь готовится заранее, а именно: изучает личность допрашиваемого лица; изучает его первоначальные показания, данные в рамках объяснения; определяет способ вызова лица, очередность вопросов, подлежащих выяснению; прогнозирует развитие ситуации во время допроса; обеспечивает комфортное времяпровождение лица на допросе. Важно четко знать, представлять себе, какие сведения и с помощью каких средств и приемов мы намерены получить от допрашиваемых, а для этого необходимо знать и владеть как правовыми, так и криминалистическими характеристиками допроса, а также учитывать невербальные средства общения. В практике следователя возникают неожиданные ситуации, которые требуют незамедлительного реагирования, то есть проведение допроса без предварительной подготовки. Поэтому считаю необходимым для совершенствования основ расследования преступлений повышать требования профессиональных качеств сотрудников правоохранитель-

[1] © Ахмерова О. С., 2022.

ных органов, не только следователей, но и подразделений других служб, ведь не всегда следователь сам собирает первоначальный материал.

Кроме этого, считаю необходимым как минимум один раз в квартал организовывать конференции на темы: «Передача опыта» или «Обмен опытом», а также делиться собственным опытом в узком направлении, особенно по самым актуальным проблемам, которые есть на сегодняшний день, приводить собственные примеры из практики. Участие в конференциях такого рода должно стать обязательным, особенно для сотрудников правоохранительных органов, начинающих свою профессиональную деятельность, но и для сотрудников, имеющих определенный опыт. За сотрудником, только начинающим свою служебную деятельность в роли следователя, закрепляется наставник, который в силу возложенных на него обязанностей обязан научить и оказать любую помощь в ходе работы. Кроме того, получение знаний при повышении квалификации в рамках профессиональной подготовки способствует повышению личностных качеств сотрудника.

Так, в случае «отрицательного» допроса, когда допрашиваемое лицо не идет на контакт и выдает информацию частями или завуалированно, зачастую следователи используют такое следственное действие как очная ставка. В современных условиях установить истину и обосновать правовое решение по уголовному делу становится более сложным, так как население не идет на контакт с правоохранительными органами, реже говорит правду, особенно те, кто виновен в совершении преступления.

Очная ставка – это допрос в присутствии друг друга двух лиц, каждое из которых ранее было допрошено об обстоятельствах, в отношении каких они дали показания, имеющих существенные противоречия [2]. Я считаю, что в большинстве случаев в практической деятельности очная ставка должна быть запланирована на лиц, готовых давать правдивые показания и желающих устранить возникшие объективные противоречия в своих показаниях, которые были даны ими ранее. Из результата проведения очной ставки не всегда следует то, что возникшие еще в ходе допроса противоречия будут устранены, для этого необходимо в первую очередь стремление давать показания и не оставлять без ответа заданные друг другу интересующие вопросы, а также желание услышать дополнительную информацию от собеседника. Однако не всегда очная ставка оправдывает ожидания следователя устранить противоречия в показаниях, а иногда наоборот появляется еще больше вопросов или скажем так «всплывают» новые его участники. Но не следует забывать, что целью очной ставки является не искоренение столкновений интересов, а выяснение действительности, правдивости. Во время очной ставки эмоциональное напряжение следователя зачастую высокое, так как ему необходимо взаимодействовать одновременно с двумя лицами, которые отстаивают свои показания, при этом фиксировать их и своевременно задавать вопросы. Гораздо чаще при очной ставке имеет место напряженное конфликтное взаимодействие и здесь мы сталкиваемся с сопротивлением поиску истины. В таком случае следователь использует приемы, которые могут подвергнуть допрашиваемое лицо врасплох, а именно: детализирует показания по конкретным обстоятельствам, имеющим противоречия, использует показания соучастников, предъявляет доказательства (как в устной

форме, так и демонстрируя наглядно), скрывает или маскирует цель очной ставки и использует фактор внезапности (особенно важно выждать момент и не выдать всю информацию, которой владеет следователь раньше времени). При использовании различных приемов следователь руководствуется не только планом, но и интуитивно выбирает способы изобличения. Так же, как и при допросе важно использовать психологические методы установления истины, обращая внимание как на вербальные, так и невербальные средства общения, несмотря на то, что это имеет второстепенное значение. При выборе тактических комбинаций следователь должен учитывать индивидуальность допрашиваемых лиц, их психологическое состояние на данный момент времени, а также считаю гораздо информативнее было бы следственное действие, если бы следователь запрашивал справку с психиатрического диспансера, ведь если у допрашиваемого ранее было или сейчас есть заболевание психологического характера, этот фактор необходимо обязательно учитывать. Если допрашиваемое лицо находится в состоянии внутренней тревожности, душевного переживания, это может сыграть решающую роль при проведении очной ставки как в пользу раскрытия преступления, так и наоборот, ведь если допрашиваемый хорошо продумал линию своего поведения и уверенно придерживается ее, четко, без долгого обдумывания отвечает на поставленные вопросы, то здесь целесообразно использовать приемы последовательного предъявления доказательств, если же следователь видит, что допрашиваемое лицо, скажем так, «плывет» в своих показаниях, возможно предъявление всей совокупности доказательств, особенно если есть вещественные доказательства (показать наглядно). Все приемы, использованные следователем, должны быть правомерными и нравственными, этичными. Очная ставка – это произведение, требующее от следователя высокого мастерства, знаний, умений, опыта и зачастую артистизма.

Анализируя судебную практику, изучая судебные решения, нельзя не обратить внимание на то, что в тексте некоторых судебных решений со стороны истцов фиксируется: за все время предварительного следствия следователем по ходатайствам лиц было отказано в проведении очной ставки, а также о проведении дополнительных допросов. А это говорит о том, что следователь использовал свое право, согласно ст. 192 УПК РФ, следователь вправе провести очную ставку, ее проведение не является его обязанностью. Отсюда следует, что очная ставка не является обязательным следственным действием, проводится по решению следователя, ведь и без ее проведения можно собрать все необходимые доказательства и предъявить обвинение. Суммируя изложенное выше можно сказать, что допустимыми являются только те приемы, которые ни в коем случае не связаны с обманом, шантажом, угрозами, физическим или психическим воздействием, не унижают честь и достоинство личности, не ущемляют их права. В условиях дефицита времени очень велика роль интуиции следователя, способность рефлексивного мышления, которое позволяет следователю предрешать действия допрашиваемых лиц, то есть определить возможные варианты их поведения, или создать для этого условия. Сложность, как правило, заключается в том, что исходные данные – предположительны, поэтому приходится выстраивать несколько вариантов поведения допрашиваемых лиц.

В заключение отмечу, что тактика организации допроса и очной ставки обеспечивает максимальную эффективность, доказательность, конструктивность и разработанность данных следственных действий. Очная ставка обладает мощной силой воздействия на лиц, в чьих показаниях содержатся преднамеренная фальсификация истины. Она часто играет роль в дальнейшем поведении лиц на предварительном следствии. Показания становятся основополагающими для определения виновности или невиновности лица в совершении преступления, что является главной целью уголовного судопроизводства в целом. Успех борьбы с преступностью во многом зависит от умелого проведения допроса и очной ставки, как одного из самых важных следственных действий.

Список литературы

1. Следственные действия с участием лиц, подлежащих государственной защите : учебно-практическое пособие. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2021. 49 с.

2. Уголовный процесс : учебник для вузов. 2-ое изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2006. 784 с.

Бертовский Л. В.[1],
профессор кафедры криминалистики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Обращаясь к Федеральному Собранию Российской Федерации, Президент России Владимир Путин в 2016 г. заявил о необходимости в собственных передовых разработках и научных решениях, направленных на развитие экономики и социальных отраслей. Было сказано о необходимости сосредоточиться на, так называемых, «сквозных» технологиях – цифровых технологиях, с мощным технологическим потенциалом, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни [4]. Такое заявление российский Президент сделал неслучайно. Высокие технологии стремительно ворвались в жизнь современного общества, меняя его самым коренным образом.

Не остался в стороне и такой социальный феномен, как право. Пройдя три этапа своего развития (архаичный, сословный и государственный), право перешло на новый, стремительно эволюционирующий этап высокотехнологичного права. Для того чтобы надлежащим образом реализовывать свою основную функцию – регулирование общественных отношений – современное право широко использует высокие технологии, но в то же время регламентирует отношения, возникающие при их использовании.

Уголовный процесс как системный элемент права также переживает качественные изменения. Подписанный Президентом Российской Федерации В. В. Путиным Указ № 203 от 9 мая 2017 г. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», определил в качестве одной из важнейших задач, стоящих перед государством обеспечение использования российских информационных и коммуникационных технологий в органах государственной власти Российской Федерации. Для того чтобы уголовному процессу соответствовать складывающимся реалиям, его организация требует большого количества изменений в реализуемой Концепции судебной реформы, а также в целом ряде нормативных правовых актов. Большое количество и объем рассматриваемых дел, значительные сроки их рассмотрения, другие вызовы, стоящие перед государством, требуют перевод современного процесса на цифровые рельсы.

Цифровое судопроизводство – урегулированная нормами процессуального права деятельность суда, лиц, участвующих в деле, и других участников процесса, а также органов исполнения судебных решений по разрешению юридических споров, в которой ключевым фактором являются данные в цифровом виде, обработка и использование результатов анализа которых, по сравнению с традиционными формами судопроизводства, позволяют существенно повысить его эффективность [2].

---

[1] © Бертовский Л. В., 2022.

Представляется, что основными векторами его развития может быть человеческие ресурсы – кадры, – совершенствование нормативно-правового обеспечения, техническая инфраструктура и информационная безопасность, разработка новых направлений исследований правового характера в сфере высоких технологий.

Потребуется внесение изменений в процессуальное законодательство и ряд других нормативных правовых актов, как-то: Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и др. Кроме того, необходима разработка соответствующих планов мероприятий («дорожная карта»), сформированных в рамках системы управления реализацией Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

Нужно отметить, что за рубежом рассматриваемой проблеме также уделяют усиленное внимание. Так, например, в Германии функционирует Электронный судебный и административный почтовый ящик (EGVP).

Немецкое законодательство устанавливает, что средства связи должны бесперебойно функционировать в целях обеспечения документооборота судебной документации между гражданами и органами юстиции. Система EGVP обеспечивает возможность гражданам иметь постоянный доступ к судебным ресурсам, стабильный трансфер информации, безопасную связь, возможность электронной обработки файлов, получение автоматических уведомлений по электронной почте, поддержка всех аккредитованных карточек подписи. В целом такая электронная форма организации документооборота выступает в качестве дополнительной к обычной письменной форме [5].

Для решения кадровой проблемы необходимо комплексно пересмотреть подходы к организации образовательного процесса, к видам и содержанию образовательных программ – на предмет все большего внедрения информационных и цифровых технологий [3], а также разработки новых инновационных профессиональных образовательных программ. Речь идет об образовательных программах как высшего, так и дополнительного образования, которые бы представляли собой интегрированный вариант двух самостоятельных направлений в образовательной деятельности – юридического и технического. При этом важно, чтобы данные программы реализовывались многопрофильными образовательными учреждениями образовательных учреждений высшего и дополнительного образования [2].

Данный подход был нами реализован в Национальном исследовательском университете «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), где в настоящее время проводится подготовка студентов очной формы обучения (специалитет) по направлению подготовки 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности». В марте 2020 г. направление прошло государственную аккредитацию.

Особенностью данного направления является наличие в учебном плане, кроме традиционных дисциплин юридического цикла (уголовное право, уголовный процесс, гражданское право, гражданский процесс, криминалистика и т. д.), технических дисциплин: информатика и информационные технологии

в профессиональной деятельности, основы языка Java, объектно-ориентиро–ванное программирование, гибридное моделирование, управление программными проектами, сети и коммуникации, базы данных, интернет-программирование, нейронные сети, интерактивные графические системы и многих других. При этом юридические дисциплины составляют 60 % учебного плана, а технические – 40 %. Обучение осуществляют опытные специалисты, имеющие научные степени кандидатов и докторов наук. Возможность осуществления данной программы обусловлена наличием уникальной суперсовременной технической базы НИУ МИЭТ, позволяющей приобретать обучающимися практические навыки в использовании высоких технологий. Объединение юридических и технических знаний даст возможность выпускникам активно участвовать в процессах цифровизации, внедрения искусственного интеллекта, технологии блокчейн в государственные институты, совершенствования нормативно-правовой базы. Такая программа осуществляется в Российской Федерации впервые.

О значимости подготовки специалистов высказал свою позицию Конституционный Суд Российской Федерации, который в своем письме в адрес НИУ МИЭТ подчеркнул своевременность открытия нового направления. Свою заинтересованность в подготавливаемых специалистах проявил Следственный комитет Российской Федерации, с которым НИУ МИЭТ заключил договор о совместной деятельности и прохождении практики студентами в следственных подразделениях. Договор о совместной деятельности заключен и с одним из ведущих разработчиков решений для детектирования и предотвращения кибератак, выявления фрода и защиты интеллектуальной собственности в сети – Group-IB, который также проявил заинтересованность в подготавливаемых специалистах [1].

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает, что доля органов государственной власти, у которых есть широкополосный доступ к сети Интернет (не менее 100 Мбит/с), к 2024 г. должна достигнуть 100 %.

Основными сквозными цифровыми технологиями, используемыми в рамках цифрового судопроизводства, могут стать:

– большие данные;

– нейротехнологии и искусственный интеллект (например, уже сейчас правоохранительные органы используют различные системы искусственного интеллекта. Так, разработана и находится в стадии апробации программа, в которой нейросеть обрабатывает большое количество данных (о месте происшествия, аналогичных преступлениях, данных различных ИЦ и др.) и составляет психологический портрет серийного убийцы;

– системы распределенного реестра (блокчейн), которые предполагается использовать для электронного производства предварительного расследования;

– квантовые технологии (в качестве одной из возможностей компьютеров на основе квантовых технологий является возможность обеспечения кибербезопасности и сверхбезопасный обмен данными на длинных расстояниях);

– компоненты робототехники и сенсорика;

– технологии беспроводной связи (оперативное использование различных банков данных, учетов, проведение онлайн процессуальных действий и пр.);

– технологии виртуальной и дополненной реальностей (представление доказательств в суде, моделирование исследуемых в судебном процессе событий) и др.

В заключение хочется отметить: совершенно очевидно, что в свете современного уровня развития высоких технологий и их многогранных возможностей вопрос их все большего применения в разных отраслях права и сферах законодательства дело времени. Это касается и уголовного судопроизводства, которое, как приходится констатировать, сегодня нельзя отнести к высокотехнологичным отраслям права. Учитывая это, необходимо понимать, что изменения, связанные с технолого-цифровым совершенствованием уголовного процесса, предстоят колоссальные и готовиться к ним нужно уже сейчас. Не предпринимая никаких шагов к получению компетенций в сфере высоких технологий, практикующие юристы могут отстать навсегда.

Список литературы

1. Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 4. С. 735–739.

2. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–231.

3. Курбатова С. М., Айснер Л. Ю., Наумкина В. В. К вопросу о проблематике качества высшего образования по направлению подготовки «юриспруденция» // Современный ученый. 2020. № 6.

4. Президент России. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 1 декабря 2016 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53379.

5. Elektronisches gerichts- und verwaltungspostfach // Официальный сайт EGVP. URL: http://www.egvp.de/beh_allgemeine_info/index.php.

Бодрова Е. О.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Гуманизация уголовной политики, происходящая в том числе за счет развития применения наказаний без изоляции осужденного от общества, безусловно, приносит свои результаты. Так, согласно данным судебной статистики в 2020 г. в России осуждено 530 998 человек. Из них 226 983 осуждены к альтернативным лишению свободы наказаниям, что составляет 42,7 %. При этом из них к 153 761 осужденным (67,7 %) применены такие наказания без изоляции осужденного от общества, исполнение которых возложено на уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России (далее – УИИ). Таким образом, вопросы, возникающие при назначении и исполнении указанных наказаний, наиболее насущны и требуют первоочередного разрешения.

В целом институт наказания очень важен для уголовного судопроизводства. Об этом свидетельствует ч. 2 ст. 6 УПК РФ, которая закрепляет, что «назначением уголовного судопроизводства является, в том числе, и назначение виновным справедливого наказания». Решение о назначении наказания, его виде принимается судьей в процессе постановления обвинительного приговора. При этом наказание без изоляции осужденного от общества, назначенное приговором суда, имеет свои цели, закрепленные в ст. 43 УК РФ. Если эти цели не будут достигнуты при применении такого наказания, то весь осуществленный процесс уголовного судопроизводства окажется бессмысленным.

Отметим, что сам процесс постановления обвинительного приговора не реализует цели назначенного наказания без изоляции осужденного от общества. По общему правилу их достижение происходит на стадии его исполнения путем применения сотрудниками УИИ к осужденным средств исправления и мер предупреждения совершения преступлений. В основе этого процесса лежит точная реализация предписаний приговора. Таким образом, вполне очевидно, что достижение целей наказания без изоляции осужденного от общества происходит в процессе исполнения приговора.

Исполнение приговора как самостоятельный институт уголовно-процес–суального законодательства еще с советских времен является объектом внимания ученых различных отраслей права. Например, до настоящего времени в науке уголовно-процессуального права не существует единого мнения о том, является ли эта стадия самостоятельной стадией уголовного судопроизводства или же она лежит за пределами уголовного процесса.

---

[1] © Бодрова Е. О., 2022.

На наш взгляд, такой научный интерес к стадии исполнения приговора обусловлен ее межотраслевым характером. Так, процесс исполнения приговора в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества регулируется нормами уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Анализируя указанное, действительно невольно возникает вопрос о месте стадии исполнения приговора в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества в уголовно-процессуальном и смежных отраслях законодательства.

Не вдаваясь подробно в многолетнюю полемику ученых об определении места стадии исполнения приговора относительно уголовного процесса, соглашаясь с законодателем, который относит раздел XIV «Исполнение приговора» в содержание части, регулирующей судебное производство, полагаем, что в целом, исполнение приговора в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества является самостоятельной, завершающей стадией уголовного судопроизводства. Системный анализ норм УПК РФ позволяет определить, что в отношении указанной категории осужденных со стороны деятельности УИИ данная стадия, именно как стадия уголовного процесса, обеспечена следующим: точной реализацией предписаний приговора; правом обращения в суд с ходатайствами по возникшим вопросам в процессе исполнения приговора (ст. 397 УПК РФ).

Однако при этом исполнение приговора как стадия уголовного судопроизводства определяется следующими специфичными для нее признаками: 1) начало стадии – вступление приговора в законную силу; окончание стадии – извещение УИИ суда об исполнении наказания; 2) двухэтапное содержание стадии: обращение к исполнению приговоров в отношении осужденных к наказаниям без изоляции осужденного от общества (обязательный этап); производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора в отношении таких осужденных (реализуется при необходимости); 3) особый круг разрешаемых задач, обусловленный межотраслевым регулированием указанной стадии; 4) круг участников (суд, прокурор, осужденный к наказаниям без изоляции от общества, адвокат, представитель УИИ; при необходимости: потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, специалист, переводчик и др.); 5) предмет доказывания – обстоятельства, подлежащие установлению в ходе возникновения вопросов в отношение осужденных к наказаниям без изоляции от общества в порядке ст. 397 УПК РФ.

Таким образом, становится очевидным, что стадия исполнения приговора в отношении осужденных без изоляции от общества обладает своеобразными признаками, имеет собственные цель, задачи, предмет и процессуальную форму, тесно взаимосвязана с деятельностью УИИ по фактической реализации предписаний приговора, основными направлениями которой является достижение целей назначенного наказания. Исходя из этого, предлагаем в уголовном судопроизводстве определить деятельность по исполнению приговора в отношение осужденных к наказаниям без изоляции от общества как уголовно-исполнительное производство. Отметим, что схожее предложение ранее уже высказывалось В. В. Николюком в конце 1980-х гг. прошлого столетия [1]. Ав-

тором выделял уголовно-исполнительное судопроизводство как особый вид производства в уголовном процессе.

Полагаем, что уголовно-исполнительное судопроизводство не стоит определять как самостоятельный обособленный вид производства. На наш взгляд, оно является частью общей системы уголовного судопроизводства, а именно судебного производства. При этом помимо общих задач, стоящих перед уголовным судопроизводством в целом, уголовно-исполнительное производство обеспечено и своими межотраслевыми задачами, которые в своем большинстве направлены на достижение целей назначенного приговором наказания. Полагаем, что такой взгляд на процесс исполнения приговора в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества во многом решает существующие вопросы: определяется место этой стадии в системе уголовного судопроизводства, ее специфика, межотраслевое регулирование.

С учетом изложенного предлагаем в УПК РФ в третьей части «Судебное производство» закрепить самостоятельный раздел «Уголовно-исполнительное производство» с выделением самостоятельной главы «Исполнение приговора в отношении осужденных к наказаниям без изоляции осужденного от общества». Указанная глава могла бы регламентировать порядок обращения к исполнению приговоров в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества и производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Представляется целесообразным также определение на законодательном уровне уголовно-процессуального статуса участников этой стадии.

Список литературы

1. Николюк В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 1990. 448 с.

Гаджимагомедов Г. К.[1],
следователь следственного отделения
ОМВД России по Кумторкалинскому району
Республики Дагестан

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ-ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Вопрос о формировании документов-доказательств опирается на понимание формирования доказательств в целом. Понятие «формирование доказательств» в науке уголовного судопроизводства не является устоявшимся понятием. Так, Е. А. Доля считает, что в основе раздела 3 УПК РФ «Доказательства и доказывание» по-прежнему лежит идея существования доказательств в готовом виде, исходя из которой их следует просто собирать» [1, с. 112].

Полагаем, что в данном случае Е. А. Доля опирается на обыденное толкование глагола «собирать», предусматривающее подбор каких-то элементов. Вместе с тем слово «собирать» имеет и конструкторское звучание, заключающееся в сборке определенной системы из разрозненных деталей. Именно это значение собирания доказательств актуализируется через термин «формирование доказательств», что позволяет отдельным ученым уравнивать эти понятия. В рамках процесса доказывания могут быть применимы оба смысловых значения формулы «собирание доказательств». Отдельные доказательства нужно собирать конструктивно из разрозненных информационных элементов по технологически правилам, предусмотренным уголовно-процессуальной формой. Другие же доказательства представляют собой «готовые агрегаты» и их можно собирать (в смысле брать и включать в систему) в уже готовом (сформированном в другом месте) виде.

Таким образом, одни сведения могут рассматриваться лишь как информационное сырье, другие как вид информационной продукции, готовой к применению. То есть те самые доказательства, которые нужно просто найти в готовом виде (готовность нужно понимать в сугубо информационном ключе) и в этом виде поместить в систему доказывания. В указанном технологическом смысле «иные документы» как раз могут пониматься как «иные доказательства», поскольку они имеют, по сути, имеют статус готового доказательства (подтверждения или отражения факта) в других сферах социальной деятельности.

По общему правилу, активное формирование доказательств осуществляется в рамках уголовного судопроизводства. И слово «формирование» в этом контексте больше означает накачивание аргументов юридической силой через процедуру, а познавательный момент имеет хотя и не второстепенный, но все же параллельный характер. И этот подход, на первый взгляд, должен действовать без исключений. Специальные субъекты в рамках уголовно-процес–суальной формы с постоянной оглядкой на критерии общей и особой допустимости призваны производить и оформлять доказательственную информацию из «непроцессуального сырья», превращая ее в полноценные доказательства, подкрепленные силой уголовно-процессуальной процедуры. Так в большинстве

[1] © Гаджимагомедов Г. К., 2022.

случаев и происходит. Именно в такой строго формальной и внутриотраслевой обстановке следователями и дознавателями в ходе следственных действий «творятся» показания участников процесса и формируются документы-доказательства, фиксирующие ход и результаты следственных действий (протоколы). В таком формировании следователь активный участник и соучастник познавательной деятельности, направляющая сторона диалога с живыми источниками осведомленности о важнейших обстоятельствах уголовного дела. Целеустремленный взгляд следователя извлекает доказательственную информацию из следовой картины при осмотрах. Активным участником следователь выступает в случае адресации определенных вопросов экспертам и специалистам. Он, условно говоря, является соавтором выдаваемых компетентных заключений, поскольку именно он своими постановлениями инициирует и направляет специальные исследования. В конечном итоге заключения эксперта и специалиста это тоже разновидность показаний (в широком смысле).

Однако существует мнение, что с «иными документами» («документами-доказательствами») дело обстоит иначе. Есть исследователи, которые полагают, что в плане технологии формирования доказательственной информации «иные документы» проявляют свою «инаковость», которая заключается в том, что, как правило, все атрибуты «допустимости» этих доказательств формируются не в рамках уголовного процесса, а за его пределами. Документ наполняется информационно-констатирующей силой в рамках иных процедур. Кроме того, документ может возникнуть в пространстве задолго до возбуждения уголовного дела и даже вне всякой связи с преступлением.

Подобного взгляда придерживается, к примеру, А. Г. Маркелов, считающий, что использование слова «иные» при определении документов обусловлено необходимостью их ограничения от сведений, полученных процессуальным способом, то есть в ходе проведения следственных или судебных действий. А появление иных документов в уголовном деле, считает он, как правило, характеризуется тем, что они появляются уже в готовом виде и не требуют процессуальной доработки [2, с. 19].

По мнению Т. А. Боголюбовой, «иные документы», как правило, вводятся в уголовное дело в виде готовых доказательств, документальное формирование их происходит должностными лицами, сторонами и другими за рамками уголовного судопроизводства [3, с. 146].

Как видим, о формировании документов-доказательств можно говорить не только в рамках уголовно-процессуальной формы. Документы тоже формируются. И способы их формирования весьма разнообразны, равно как и субъекты формирования. Впрочем, подобный подход, заключающийся в том, что документы-доказательства тоже формируются, хотя и вне рамок уголовно-процессуальной формы, принимают не все процессуалисты [4, с. 317]. Ряд авторов «иные документы» в контексте концепции непременного уголовно-процессуального формирования всех доказательств, заносятся в неприятное, но неизбежное исключение («недоразумение»).

Но есть и другая позиция, которая подчеркивает, что никаких исключений для доказательственного формирования «иных документов» попросту не суще-

ствует. Точнее, речь идет о том, что, не отрицая того, что эти исключения возможны в принципе, подчеркивается, что доля их в практике уголовного судопроизводства совсем не велика. То есть непроцессуальный порядок формирования «иных документов» для самих этих документов общим правилом не является. В частности, свои сомнения по этому поводу высказывает В. В. Долгаев. «Полагаем, – пишет он, – что далеко не всегда возможно появление в уголовном деле иного документа без процессуальной «доработки». Нередко, когда для его появления в уголовном деле, тем более для его использования в качестве доказательства, потребуется принятие иногда нескольких процессуальных решений, придающих законную силу получению и использованию такого документа в качестве доказательства (составление и направление запроса, составление протокола изъятия, приобщения к материалам дела, признания вещественным доказательством) [5, с. 58].

Аргумент, приводимый В. В. Долгаевым, заставляет еще раз поразмышлять о нюансах понятий формирования и использования доказательств. Дело в том, что в уголовном судопроизводстве между формированием и использованием доказательств лежит очень тонкая грань, поскольку всякое прикосновение к доказательству, даже вовлечение его в систему доказывания в готовом виде, и есть процесс его формирования. При подобном взгляде даже в законодательных формулировках, описывающих доказывание по уголовным делам, можно почувствовать определенный подвох.

Законодатель представляет процесс доказывания как систему из трех взаимосвязанных элементов, включающих в себя – собирание, проверку и оценку доказательств. Мы уже обратили внимание на то, что при определенном толковании слова «собирание» можно выйти на мысль, что доказательства имеются в природе в готовом виде. Выяснили мы и то, что применительно к доказательствам в уголовном процессе этот подход по общему правилу не применим, но в то же время есть исключения, означающие его применимость.

В чем же заключается источник этого парадокса? А заключается этот источник, по нашим соображениям, в раздвоенности процессуального мышления, ставшей неизменным следствием отрыва юридического понятия уголовно-процессуального доказательства от понятия доказательства, исторически сложившегося в логике. Юридическая наука стоит на позиции строго разделения этих понятий. Вместе с тем, очевидно, что оба эти понятия взаимосвязаны, что они ветви одного ствола рациональности. Если мы посмотрим на логическое понятие доказательства, то прямо увидим, что это некий живой мыслительный процесс. «Википедия» определяет: «Доказательство – есть логическая операция обоснования истинности утверждения с помощью фактов и других истинных связанных с ним суждений».

Иными словами, доказательство – это процесс оперирования фактами и суждениями, то есть сугубо человеческая мыслительно-познавательная деятельность, где один человек, формирует свое истинное суждение, опираясь на суждения других людей, истинность которых уже установлена. Доказательство – всего лишь мыслительная технология, набор определенных интеллектуальных правил, при выполнении которых предполагается истинность вывода.

В любом случае в логике понятие доказательства – динамическое, в то время как в уголовном процессе – статическое. В уголовном процессе доказательства есть некое вещество, некий сгусток информации, который еще только предстоит включить в познавательный процесс, именуемый доказыванием.

Уголовно-процессуальные доказательства – это не просто разбросанные во вселенной крупицы истины. Это результаты познавательной деятельности. Каждое уголовно-процессуальное доказательство тоже можно представить как логический процесс установления истины. Это интеллектуальный процесс формирование истинных посылок, на которых будут строиться истинные выводы. На наш взгляд, те сведения, которые законодатель уравнивает с уголовно-процессуальными доказательствами, по своей логической природе и есть те же самые истинные суждения, из которых и выводится истинное знание о событии преступления.

В уголовном процессе истинность суждений, как правило, подкрепляются самой уголовно-процессуальной формой. Форма, несмотря на официальный отказ от парадигмы формальной оценки доказательств, – это первый критерий истинности уголовно-процессуальных аргументов.

Поэтому пропускание через форму, через процедуру и есть процесс формирования, форматирования уголовно-процессуальных доказательств, то есть процесс превращения логических доказательств в доказательства юридические.

Данная форма (давно уже привычная и универсальная) позволяет отделить суждение от субъекта и в определенном смысле материализовать мысль этого субъекта. В случае отношения (относимости) этого «универсально формализованного» логического доказательства к уголовному делу, оно может стать уголовно-процессуальным доказательством в общем познавательно-юридическом контексте доказывания. И в этом смысле, конечно же, можно говорить о том, что «иные документы» обретают доказательственный статус лишь в рамках уголовного процесса с помощью определенных законных манипуляций с ними.

Но, думается, что те, кто вкладывает в «иные документы» свой автономный смысл, ведут речь о другом. Поэтому А. Г. Маркелов, когда писал о том, что иные документы не требуют «процессуальной доработки», имел в виду преимущественно информационно-удостоверительную сторону документа, то есть те его атрибуты, которые делают его доказательством в его исконном («римском») значении, как форму письменного сохранения факта. Процессуальная доработка, предполагающая формальное усиление достоверности имеющейся информации посредствам уголовно-процессуальных процедур, документу не требуется. Документ в уголовном процессе не дорабатывается; ему по общему правилу не нужная инъекция «формальной истины». Нет в уголовном процессе и специфических процессуальных манипуляций для извлечения ценной информации из документа. Документу нужно лишь определенное процессуальное признание его доказательственного статуса (то есть признания содержащегося в нем суждения истинным) в уголовном процессе. Именно этот акт признания и должен быть формализован.

Однако теория уголовного процесса, стоящая на фундаментальном положении равенства всех доказательств, всячески пытается нивелировать факт ин-

формационно-удостоверительной «инаковости» иных документов, требующей специфической юридической реакции. Особенно это касается документов, произведенных в рамках юридических процессов, опирающихся на свои законно-признанные информационные технологии. Но именно для таких по сути юридических документов, как не парадоксально, и создаются дополнительные препоны.

Список литературы

1. Доля Е. А. О доказательствах, доказывании и использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. 2002. № 10.

2. Маркелов А. Г. Иные документы как доказательства в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород : НА МВД РФ, 2004.

3. Боголюбова Т. А. Доказательства // Комментарий к Уголовно-процес–суальному кодексу Российской Федерации. М., 2002.

4. Купряшина Е. А. Некоторые аспекты иных документов как источника доказательств в уголовном процессе России // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2006. № 2.

5. Долгаев В. В. Протоколы следственных действий и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. СПб, 2018. 219 с.

Гришин Д. А.[1]*,*
докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров
Академии ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Современный уровень развития науки характеризуется высокой степенью интенсивности реализации технологических решений в различных сферах общественной жизни. Не стало исключением и уголовное судопроизводство, которое в настоящее время находится на этапе цифровизации, призванной повысить эффективность деятельности властных субъектов уголовного процесса, обеспечить неукоснительное соблюдение правового статуса лица, вовлеченного в рассматриваемые правоотношения.

Учитывая строгую регламентацию уголовно-процессуальной деятельности, наступление существенных негативных последствий в случае нарушения установленного порядка производства по уголовным делам, любая реализация технических средств должна иметь соответствующую правовую основу. Только в этом случае можно будет признать полученные результаты законными, а также использовать их для достижения целей уголовного судопроизводства.

Безусловно, реализация технических средств и их комплексов в ходе расследования преступлений, судебного рассмотрения уголовных дел нельзя связывать исключительно с УПК РФ. Ретроспективный анализ правового регулирования уголовного процесса позволяет отметить длительную историю формирования предпосылок нормативного закрепления использования технических средств в рамках рассматриваемой деятельности. Подобное исследование способствует пониманию количественных и качественных изменений рассматриваемой проблематики, анализу эффективности использования достижений научной мысли.

Придерживаясь традиционных подходов к определению этапов развития уголовно-процессуального законодательства, целесообразно вести речь о следующих исторических периодах – досоветский, советский и постсоветский [1, с. 78; 2, с. 225; 3, с. 85].

Анализ законодательства Древней Руси, Российской империи позволяет констатировать отсутствие регулирования процесса использования технических средств в интересах производства по уголовным делам. Прежде всего, это связано с тем обстоятельством, что такой необходимости не существовало ввиду слабого развития технологий, а также явным обвинительным уклоном самого уголовного судопроизводства. Используемая в ходе расследования уголовных дел методология не требовала накопления значительной доказательственной базы, подтверждения ее объективности.

Так, например, как технические средства допустимо обозначить приспособления, используемые для проверки и получения показаний. В частности, в Рус-

[1] © Гришин Д. А., 2022.

ской правде закреплялось испытание железом, заключающееся в контакте рукой с раскаленными металлическими предметами.

Судебная реформа второй половины XIX в. устранила инквизиционный порядок расследования преступлений: лишила полицию и жандармерию права проведения следственных действий и несанкционированных арестов [4, с. 2310]. Нововведения способствовали повышению защищенности личности в ходе уголовного судопроизводства, повышению объективности рассмотрения обстоятельств совершенного преступления.

Фактически первое упоминание относительно использования технических средств при производстве по уголовным делам содержится в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Согласно ст. 318 данного правового акта судебный следователь при производстве осмотров в случае необходимости выполнял надлежащие измерения, чертежи мест и предметов. Кроме того, в ст. 325 указанного правового акта закреплялась возможность привлечения «сведущих людей» к производству следственных действий, когда для анализа обстоятельств требовались специальные знания либо определенные навыки в какой-либо области (врачи, фармацевты, техники, ремесленники и др.).

После революционных преобразований 1917 г. произошли изменения и в сфере уголовного судопроизводства. Необходимость оперативной реакции на преступные проявления против новой власти потребовала чрезвычайных полномочий при расследовании преступлений. Многие достижения законодательной мысли начала XIX в. были проигнорированы.

УПК РСФСР 1923 г. установил систему доказательств, к которым относилось и заключение эксперта. Согласно ст. 67 указанного правового акта эксперты вызывались в случаях, когда при расследовании или при рассмотрении дела были необходимы специальные познания в науке, искусстве или ремесле. Однако закрепления возможности использования технических средств при производстве следственных действий, отражения данных фактов в протоколах отсутствовало. Исключением является ст. 67, согласно которой вещественные доказательства, не могущие храниться в камере суда или следователя, опечатываются, по возможности, фотографируются и подлежат хранению впредь до распоряжения соответствующих суда или следователя.

При принятии УПК РСФСР 1960 г. законодатель в ст. 141 предусмотрел, что к протоколу могут быть приложены фотографические снимки, планы, схемы, слепки и оттиски следов. Данное обстоятельство представляется важным в совокупности с тем, что согласно ст. 87 протоколы, удостоверяющие обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске, задержании, предъявлении для опознания, а также при производстве следственного эксперимента, были признаны доказательствами по уголовному делу. В ст. 179 УПК РСФСР предусматривалось, что при производстве осмотра допустимо проводить измерения, фотографирование, графическое изображение места и предметов, изготовление слепков и оттисков. Кроме того, для квалифицированного использования технических средств допускалось привлечение специалиста.

Существенно было усовершенствовано регулирование порядка производства экспертизы, чему посвящалась целая гл. 16 УПК РСФСР. В ст. 191 рассмат-

риваемого кодифицированного акта предусматривалось содержание экспертного заключения, которое должно было содержать информацию о том какие именно исследования проводились.

Важность интенсивного использования технических средств в процессе производства по уголовным делам осознавалась государством. Так, в Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 30 июля 1970 г. № 634 «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» отмечалось, что на состоянии работы судебных и прокурорских органов отрицательно сказываются слабая оснащенность научно-техническими средствами и оборудованием.

Научно-технический прогресс не мог не отразиться и на деятельности правоохранительных органов. Например, в приказе МВД РФ от 15 июня 1992 г. № 197 «О неотложных мерах по улучшению деятельности следственных аппаратов органов внутренних дел» обращалось внимание на необходимость установления оперативного контроля за применением в следственной практике научных методов и криминалистических средств.

В ходе изменений УПК РСФСР 1960 г. техническая оснащенность уголовного судопроизводства постоянно совершенствовалась. Стало применяться стенографирование (ст. 102), окончательно утвердился статус специалиста, призванного содействовать следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств (ст. 133–1), предусматривалось применение фотографирования, киносъемки, звукозаписи (ст. 144–1) с обязательным указанием в протоколе используемых при этом технических средств, а также условий их реализации.

Современный этап нормативного регулирования использования технических средств и их комплексов в уголовном судопроизводстве связан с принятием УПК РФ 2001 г.

Исходя из задач, решаемых посредством применения технических средств в уголовном судопроизводстве, целесообразно классифицировать их на несколько групп, объединяющих соответствующие средства, имеющие схожее целевое предназначение:

1. Коммуникативные информационные технологии, обеспечивающие необходимый контакт между участниками уголовного судопроизводства. Например, согласно ч. 1 ст. 278.1 УПК РФ суд, рассматривающий уголовное дело, при необходимости может вынести решение о проведении допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи.

2. Информационные технологии, выступающие как элемент системы гарантий правового статуса невластных участников уголовного судопроизводства. Например, согласно по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются.

3. Информационные технологии обнаружения, получения, изъятия, хранения и представления собранных сведений доказательственного характера. Например, согласно ч. 6 ст. 164 УПК РФ при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

4. Информационные технологии совершения соответствующих процессуальных действий. Например, согласно ст. 474.1 УПК РФ ходатайство, заявление, жалоба, представление могут быть поданы в суд в форме электронного документа, подписанного, электронной подписью.

В научной литературе развернулась дискуссия относительно современного состояния и перспектив использования различных технических средств в интересах уголовного судопроизводства [5, с. 160; 6, с. 95; 7, с. 68; 8, с. 226].

Проведенный ретроспективный анализ позволяет, на наш взгляд, отметить следующее:

1. Использование технических средств в уголовном судопроизводстве значительно повышает законность деятельности его властных субъектов, гарантированность правового статуса личности.

2. Процесс реализации информационных технологий в уголовном процессе значительно не соответствует уровню развития науки и техники, что негативно сказывается на эффективности уголовной политики государства.

Существующую правовую основу реализации технических средств в уголовном судопроизводстве нельзя признать чем-то статичным, что обусловлено постоянным техническим прогрессом, достижения которого должны учитываться в деятельности различных правоохранительных органов.

Список литературы

1. Цапаева Т. Ю., Яблоков В. А. Развитие института судебного контроля в истории российского уголовного процесса (советский и постсоветский периоды) // Межвузовский сборник научных статей «Актуальные проблемы современного уголовного процесса России». Самара, 2008.

2. Родивилина В. А. Исторический обзор регламентации использования технических средств в стадии предварительного расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 224–227.

3. Орлов А. В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1 (32). С. 88.

4. Хапаев И.М. История становления и развития законодательства и практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу (XIX-XX вв.) // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2310–2316.

5. Макарова О. В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. 2019. № 2 (266). С. 159–159.

6. Казакова А. В. Новые технологии в российском уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 3. С. 94–98.

7. Дудоров Т. Д., Карташов И. И. Актуальные проблемы использования специальных технических средств в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2016. № 3. С. 67–73.

8. Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–231.

Горач Н. Н.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

Лаврова О. Н.[2],
заместитель начальника кафедры уголовного процесс
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Вопросы противодействия незаконному распространению наркотических средств остаются весьма актуальными на протяжении нескольких десятилетий как в России, так и за рубежом. Скорость и масштабность распространения данного вида преступлений ставит под угрозу национальную безопасность страны.

Несмотря на активную борьбу государства с наркотиками растительного происхождения, возникла и набрала обороты проблема производства и распространения синтетических наркотиков. Результатом стало повышение цен на традиционные виды наркотических средств растительного происхождения и появление широкого синтетических видов. Кроме того, возрос уровень организованности преступных сообществ, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Являясь одним из наиболее опасных видов организованной преступности, незаконный оборот наркотических средств не только подрывает общественный порядок в государстве, но и наносит существенный ущерб здоровью нации.

В настоящее время мы отмечаем бурный рост и совершенствование технических устройств, технологий, которые активно внедряются в жизнедеятельность государства и общества и затрагивают непосредственно нашу повседневную жизнь. Современные информационно-телекоммуникационные технологии повсеместно используются в организации бизнес-процессов, коммуникационных, производственных и иных. Отмечается активная работа по развитию существующих средств связи, программного обеспечения, всевозможных мобильных и иных дистанционных приложений, ведется работа по созданию систем на базе искусственного интеллекта.

Несомненно, все вышеизложенное способствует повышению нашей мобильности, улучшению качества жизни, а распространение современных технологий позволяет реализовать некогда экзотические возможности, переводя на качественно новый уровень дистанционных коммуникаций.

---

[1] © Горач Н. Н., 2022.
[2] © Лаврова О. Н., 2022.

Вместе с тем статистика упрямо свидетельствует о том, что указанные достижения, развитие современных технологий, все более масштабно используются в своей преступной деятельности лицами, вовлеченными в процесс незаконного оборота наркотических средств. Использование информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети Интернет позволяет преступникам масштабировать свою деятельность как по объему, так и по территории, при этом сохранять достаточно высокий уровень латентности и анонимности в ходе совершаемых ими преступлений, что безусловно создает правоохранительным органам серьезные дополнительные проблемы в их повседневной деятельности.

На основе положительного опыта, применяемого на территории Приморского края, проведем анализ некоторых особенностей расследования данной категории преступлений, совершаемых организованными группами, в особо крупном размере.

При проведении оперативно-разыскных мероприятий сотрудниками УФСБ России по Приморскому краю была получена информация, в ходе реализации которой был выявлен круг лиц, подозреваемых в незаконном обороте наркотических средств на территории Приморского края. В результате оперативно-разыскной деятельности в июне 2019 г. преступная деятельность граждан О., К., Д. и Б. была пресечена сотрудниками УФСБ России по Приморскому краю, а хранившиеся ими в целях дальнейшего сбыта потребителям наркотические средства в особо крупном размере были обнаружены и изъяты из незаконного оборота.

По данному уголовному делу обстоятельства совершения преступления сложились следующим образом:

О. и К., не имея иных источников трудового дохода, нуждаясь в денежных средствах, осенью 2018 г. вступили между собой в предварительный сговор с целью сбыта наркотических средств бесконтактным способом через систему тайниковых закладок с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. С этой целью О. и К. зарегистрировали на интернет-сайте «legalrc.biz» Интернет-магазин под названием «absolutmarket.biz».

Для выполнения роли наркокурьера вышеуказанные граждане предложили своему знакомому Д. получать из тайниковых закладок наркотические средства, расфасовывать их по требуемым массам и раскладывать в другие тайниковые закладки на территории г. Владивостока, предназначенные для потребителей наркотических средств. За выполнение своей роли в совершении преступлений Д. должен был получать фиксированную «заработную плату».

В свою очередь, в целях облегчения исполнения своей роли, Д. в конце апреля 2019 г. предложил своему знакомому Б. за денежные вознаграждения выполнять по указанию К. ряд преступных действий, а именно: получать из тайниковых закладок наркотические средства, расфасовывать их по требуемым массам и раскладывать в другие тайниковые закладки на территории г. Владивостока.

Схема совершения преступлений состояла в следующем: О. и К. на общий аккаунт «absolutmarket.biz» получали от сбытчиков крупных партий наркотических средств, зарегистрированных на интернет-сайте «legalrc.biz», информацию о месте расположения тайниковой закладки с крупной партией наркотических

средств, после чего К. сообщал место расположения тайниковой закладки с крупной партией наркотических средств Д. Затем Д. совместно с Б. либо с К. незаконно приобретали из тайниковой закладки наркотическое средство, которое перевозили для хранения в арендованный ими гаражный бокс. В вышеуказанном гараже они расфасовывали наркотические средства по требуемым массам и организовывали тайниковые закладки в различных районах г. Владивостока. Адреса данных тайников закладок сообщались между собой посредством мобильной программы «ICQ».

После подтверждения информации о зачислении денег на счет «QIWI-кошелька» К. сообщал покупателям адреса тайниковых закладок.

О. обналичивал денежные средства, полученные от незаконного сбыта наркотических средств, переводя на банковские карты, зарегистрированные на подставных лиц.

Так, в период с апреля по июнь 2019 г. О. через сеть Интернет незаконно приобрел наркотические средства синтетического вида массой 1512 г, которые Б., К. и Д., согласно ранее достигнутой договоренности и распределению ролей между участниками преступной группы, перевезли в арендованный гаражный бокс, где незаконно хранили их для дальнейшей расфасовки по упаковкам в объеме разовых доз для незаконного сбыта через тайниковые закладки на территории г. Владивостока.

В этот же промежуток времени Д. и Б. расфасовали и упаковали часть наркотических средств в объеме разовых доз для незаконного сбыта через тайниковые закладки.

Действуя согласно ранее достигнутой договоренности и распределению ролей между участниками организованной преступной группы, с целью сбыта незаконно приобретенных наркотических средств, Б. и Д. поместили расфасованные разовые дозы в тайниковые закладки под балкон первого этажа первого подъезда дома № *** по ул. Енисейской и у второго подъезда дома № *** по ул. Русской в г. Владивостоке.

Часть расфасованных разовых доз они поместили под обшивку дверей автомобиля марки «Тойота Приус», а оставшуюся часть наркотических средств продолжили незаконно хранить в арендованном гаражном боксе, расположенном вблизи дома № *** по проспекту Красного Знамени в г. Владивостоке для последующего сбыта через тайниковые закладки потребителям наркотических средств, тем самым умышленно создав условия для совершения преступлений [2].

Следователь, принимая решение о возбуждении уголовного дела, а также в ходе последующего предварительного расследования сталкивается с необходимостью установления ряда обстоятельств, подлежащих доказыванию, а именно:

1) включены ли изъятые вещества в установленный список наркотических средств и психотропных веществ, запрещенных к обороту на территории Российской Федерации;

2) каково количество изъятых наркотических средств и психотропных веществ;

3) имели ли место факты незаконных действий, содержащие квалифицирующие признаки, предусмотренные ст.ст. 228–233 УК РФ;

4) при каких обстоятельствах (когда, где, кто, каким способом и др.) совершено преступление, использовались ли какие-то приемы для сокрытия следов незаконного деяния;

5) совершено ли преступление группой лиц, если да, то какого ее количественная и качественная характеристика [1, с. 755];

6) каким способом совершено преступление (кто, как, сколько раз, в каком объеме, по какой цене, с использованием каких средств связи производил распространение наркотиков);

7) каковы источники происхождения денежных средств, на которые происходило приобретение наркотиков;

8) что послужило мотивом совершения преступлений, какие цели преследовались;

9) какой объем размера незаконного дохода, полученного в результате совершения данного преступления;

10) обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность участников преступления;

11) необходимо установить причины и условия, способствовавшие совершению указанного преступления.

В ходе проведенного расследования по уголовному делу было допрошено более 30 свидетелей, назначено и проведено 10 судебных экспертиз, включая сложные технические и химические экспертизы, осмотрено более 30 предметов, изъятых у фигурантов по уголовному делу.

Помимо допросов и проведения экспертиз, следователем с участием специалиста был осмотрен нтернет-ресурс «legalrc.biz», на котором был зарегистрирован интернет-магазин под названием «absolutmarket.biz».

Совершение преступлений с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий позволяет полностью исключить физическое общение участников преступной группы, в том числе с потребителями наркотических средств. Преступление фактически совершаются в дистанционном формате, бесконтактным способом передаются наркотики, позволяя участникам незаконного оборота наркотических средств оставаться максимально анонимными.

Указанные обстоятельства накладывают отпечаток на деятельность оперативных и следственных подразделений, которые сталкиваются с достаточной сложностью выявления и расследования указанных преступлений, связанных с необходимостью деятельности в новых условиях проведения оперативно-разыскных мероприятий и производства следственных действий, направленных на выявление и закрепление фактов незаконного оборота наркотиков, в том числе работой с цифровыми следами совершенного преступления.

Использование информационно-телекоммуникационных технологий при совершении преступлений о незаконном обороте наркотических средств, применение мер конспирации, значительно усложняет процесс установления всех участников преступной группы и прежде всего ее организаторов. Наиболее часто к уголовной ответственности, как правило, привлекаются такие рядовые участники как курьеры или закладчики.

Осуществляя предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях связанных с незаконным оборотом наркотических средств, следователь сталкивается с необходимостью применения специальных знаний в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, что накладывает свой отпечаток на подготовку и проведение таких следственных действий как осмотр, обыск, выемка, судебная экспертиза и другие, поскольку следы совершенного преступления могут содержаться в цифровом виде в компьютерах, ноутбуках, телефонах, а также различных носителях информации. Указанные предметы приобретают неоценимое значение в процессе доказывания по уголовному делу.

Вместе с тем, несмотря на сложности, возникшие при расследовании данного уголовного дела, следователю удалось выявить всех участников организованной группы, и установить в ходе следствия роли каждого.

Список литературы

1. Зеленский В. Д., Меретуков Г. М. Криминалистика. Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс. 2015. 704 с.

2. Электроный ресурс. URL: https://sud-praktika.ru/precedent/368192.html.

Григорьев Д. А.[1],
заведующий лабораторией «Криминалистика и специальная техника»
кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
кандидат юридических наук

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Мерами, принимаемыми правоохранительными органами, удалось немного затормозить рост количества преступлений в сфере компьютерной информации. Так, по данным МВД России «замедлился темп роста количества зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Если в первом квартале 2021 г. их число увеличилось на 33,7 %, то за девять месяцев 2021 г. – на 11 %» [3].

В УК РФ преступления в сфере компьютерной информации обозначены в гл. 28.

Опираясь на имеющуюся практику расследований таких преступлений, мы приходим к выводу, о том, что органы предварительного расследования, в основном, производят следующие следственные действия: осмотр места происшествия; осмотр предметов (в том числе компьютерного оборудования); допрос потерпевших и иных участников; обыск; выемку; компьютерно-технические экспертизы различных видов.

Так, например, при расследовании уголовного дела по факту «создания, распространения и использования вредоносного программного обеспечения классификации «Lurk» в качестве свидетелей было допрошено порядка 7000 лиц, проведено более 300 обысков и выемок в различных регионах Российской Федерации» изъято свыше 120 единиц компьютерной техники, по которым назначено и проведено не менее 30 целевых программно-технических судебных экспертиз» [1, с. 180].

Этим примером из следственной практики мы отмечаем, что по указанным преступлениям возникает необходимость производства все большего количества следственных действий. В свою очередь, это является одним из оснований создания следственно-оперативной группы (СОГ), в состав которых входят несколько десятков, а иногда и несколько сотен человек. К примеру, за два года расследования по вышеуказанному делу в состав СОГ входили более 400 сотрудников правоохранительных органов [1, с. 180].

Осмотр места происшествия обычно осуществляется на месте противоправного деяния (действия или бездействия) и (или) на месте наступления общественно опасных последствий.

Без детального анализа очевидно, что по анализируемым преступлениям место окончания преступления может различным. При создании вредоносной программы (ст. 273 УК РФ) осмотр места происшествия осуществляется на месте создания этой программы (помещение, где находится компьютер.)

---

[1] © Григорьев Д. А., 2022.

Если установлено распространение вредоносных программ (ст. 273 УК РФ), то осмотром места происшествия охватывается не только компьютер, посредством которого был создан компьютерный вирус, но и компьютеры (компьютерная техника), находящиеся у пользователей, программное обеспечение которых заражено компьютерным вирусом. Эти пользователи могут находиться не только в России, но и за ее пределами.

В юридической литературе высказано разное мнение по поводу осмотра места происшествия. В частности, указывается, что «осмотр места происшествия производится с целью выявления:

– компьютерных следов, а также их объектов-носителей (например, компьютера или системного блока, диска, дискет, флэшнакопителей и т. п.);

– традиционных (например, трасологических) следов присутствия конкретного лица на месте происшествия;

– особенностей доступа, организации, функционирования и устройства различных видов сетей, используя которые было совершено преступление» [2, с. 146].

В настоящее время появилось еще одно место совершения преступления, так называемое виртуальное пространство (киберпространство). Последнее не подпадает под действия географических законов и понятий, и поэтому там проблематично применение норм различных отраслей права.

Вследствие этого возникает ряд проблем в проведении осмотра места происшествия в данном пространстве, закрепления его результатов в качестве доказательств.

Попробуем проанализировать некоторые особенности производства осмотра места происшествия.

Так, при подобном осмотре отсутствует традиционное понимание места происшествия, то есть помещения или участка местности, в пределах которых обнаружены следы преступления (его подготовки, совершения или сокрытия). В данном случае изучается виртуальное пространство, у которого отсутствуют географические границы. Виртуальное пространство представляет собой комплекс технических систем и коммуникаций, объединенных в единую сеть. Поэтому границами такого осмотра является емкость одного удаленного электронного носителя информации либо неопределенное их множество, объединенных сетью.

Далее, местом доступа к удаленным данным может быть любая географическая точка с возможностью доступа в сеть Интернет. При этом может использоваться как стационарный компьютер, так и мобильная электронно-вычислительная машина (ноутбук, планшетный компьютер, смартфон и т. п.). В некоторых случаях в расследовании преступления существенное значение имеет то цифровое устройство, с которого производился удаленный доступ к информационному ресурсу. На таком устройстве в профиле поисковой системы могут сохраниться поисковые запросы и истории посещенных сайтов, просмотров роликов в YouTube, геоданные пользователя, а также логины и пароли и данные для автозаполнения. Следовательно, повторно использовать такие цифровые устройства для удаленного доступа к криминалистически значимому интернет-ресурсу в ходе осмотра нельзя, так как эти действия приведут к изменениям информационной среды компьютера, являющегося вещественным доказательством.

Поэтому целесообразно вести речь о перспективе введения в УПК РФ нового вида следственного осмотра – осмотра виртуального пространства (киберпространства).

Обыск (выемку) целесообразно производить с участием специалиста в области судебной компьютерно-технической экспертизы и специалиста-криминалиста, так как на компьютерных средствах нередко обнаруживаются следы рук, а также находятся разного рода документы. Желательно в качестве понятых приглашать квалифицированных пользователей ЭВМ.

Определенные трудности вызывает при расследовании этих преступлений производство допроса. При допросе подозреваемого (обвиняемого) проблема заключается в том, что они привыкли изъясняться (разговаривать) специфическими терминами, трудно воспринимаемыми для человека без соответствующего образования и знаний в сфере компьютерной информации. Для этого следователю приходится прибегать к помощи специалиста – лица, обладающего соответствующими знаниями и владеющего терминологией в сфере компьютерной информации.

Есть проблемы и с производством допроса свидетелей и потерпевших. Это мы связываем с тем, что подавляющее их большинство обладает минимальными знаниями в сфере компьютерной информации и не имеют чёткого представления о произошедшем.

Мы полагаем, что при производстве следственных действий – обыска, выемки, осмотра предметов, необходимо участие не только специалиста, но и понятого, лица, сведущего сфере компьютерной информации.

Крайне невостребован следственный эксперимент, производимый с целью выяснения обстановки совершения преступления. При расследовании преступлений в сфере компьютерной информации это следственное действие теряет всякий смысл, так как изменения во внешней обстановке никак не влияют на изменения в виртуальном пространстве (что и составляет суть анализируемых преступлений).

Исходя из выше изложенного, мы приходим к выводу, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, не в полной мере регламентирует все существующие общественные отношения, которые сформировались под воздействием компьютерных технологий.

Список литературы

1. Торичко Р. С., Клишина Н. Е. Некоторые вопросы совершенствования действующего законодательства, регламентирующего расследование киберпреступлений // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 179–185.

2. Коломинов В. В. Осмотр места происшествия по делам в сфере компьютерной информации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017 № 3.

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2021 г. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/ 26421097 (дата обращения: 28.10.2021).

Емельянова Н. Ю.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АСПЕКТЫ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Смена столетий ознаменовала собой наступление нового века, века открытий, изобретений и кардинальных изменений в различных сферах общественной жизнедеятельности. Они касаются не только межгосударственных отношений на мировой арене, политических войн и конфликтов, но и, в большей степени, внутреннего устройства отдельно взятого государства, а значит, необходимости модернизации и усовершенствования социально-правового уклада российского государства приобретает совершенно новый характер.

Уголовный процесс как один из основных регуляторов общественных отношений, возникающих по поводу привлечения к уголовной ответственности и освобождения от таковой, отнюдь не стал исключением. На протяжении последних лет широко обсуждается вопрос, связанный с введением института объективной истины в современное уголовно-процессуальное законодательство. Интеграция указанного уголовно-правового института в относительно усовершенствованной форме заставляет задуматься над его предназначением и сущностным содержанием, и именно поэтому данный вопрос повсеместно будоражит умы ведущих ученых-процессуалистов, работников практических органов, законодателей и правоприменителей.

Как справедливо указывает Л. М. Карнеева и ряд других ученых, «термин «истина» в представлении каждого человека имеет достаточно сложный и в то же время субъективный характер» [3, с. 19]. Известно, что к истине по-разному относились в определенные периоды развития человечества. В частности, в литературе известных философов, правоведов и процессуалистов излагаются различные концепции и взгляды на данное понятие. Примечательно, что с развитием понятийного аппарата это представление меняется, как изменяются и концепции (модели), предназначенные для объективного рассуждения о том, что же на самом деле такое истина.

Законодательство Российской Федерации является ярким примером отыскания «золотой середины» для благополучного устройства и существования нашего государства, потому как здесь присутствуют истинные черты демократичности, выражающиеся, к примеру, в частой декриминализации отдельных статей Особенной части УК РФ или наделении определенными правами подозреваемого, обвиняемого или же подсудимого с целью обеспечения полноценного, беспристрастного и объективного расследования обстоятельств на различных стадиях уголовного судопроизводства.

В частности, периодически претерпевает изменения УПК РФ, пришедший на смену УПК РСФСР 1960 г. еще в начале XXI в. Разумеется, являясь основным источником, регулирующим порядок привлечения к уголовной ответст-

[1] © Емельянова Н. Ю., 2022.

венности или освобождения от таковой, кодекс внес целый ряд принципиально важных изменений, на основании которых, с уверенностью следует отметить, изменилось правосудие в российском государстве.

Вместе с тем отечественное законодательство в области уголовно-процес–суального права не подразумевает наличия термина «истина» среди определенного ст. 5 УПК РФ перечня основных понятий, используемых в уголовном процессе. Это позволяет ученым-процессуалистам и практическим работникам периодически ставить под сомнение представления об истине, ее содержании и предназначении в судопроизводстве.

По нашим внутренним убеждениям, при окончательном разрешении сущностного предназначения истины следует руководствоваться подходом, который предполагает наличие как философского, так и правового аспекта в определении понятия «истина», что является правовым консенсусом будущего. Ведь исключительно многостороннее и в определенной степени биполярное рассмотрение конкретного термина позволяет понять не только его сущность, но и его отражение в процессах, протекающих в определенной сфере жизнедеятельности.

Для объективного, полноценного и обширного исследования проблематики, связанной с институтом объективной истины в целом и установлением истины по конкретному уголовному делу в частности, необходимо обратить внимание на довольно интересные исторические события, происходившие еще в досоветском периоде становления и развития российской государственности. При анализе положения вещей в судебной системе Российской империи напрашивается закономерный вывод о том, что институт объективной истины после II половины XIX в. существовал в смешанной форме: с одной стороны, судебная власть осуществляла правосудие независимо от других участников уголовного процесса, выполняя при этом функцию разрешения уголовного дела, на что прямо указывают положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г., а с другой стороны, осуществляя и способствуя полноценному процессу установления истинности тех обстоятельств дела, которые были обнаружены ранее, суд посредством судебного следствия создавал все необходимые условия для установления объективной истины. Стоит отметить лишь момент, связанный с недостаточной развитостью института установления объективной истины, но, тем не менее, констатировать его наличие в уголовном судопроизводстве императорской России все же следует.

Наиболее ярким проявлением особенностей по установлению объективной истины в судебной системе является УПК РСФСР, принятый 27 октября 1960 г. – спустя практически столетие после судебной реформы Александра II Николаевича. Разумеется, были и более ранние кодифицированные источники, устанавливающие порядок привлечения к уголовной ответственности или освобождения от таковой, однако, в них хоть и указывалось на необходимость создания всеми участниками уголовного процесса условий, не препятствующих раскрытию истины, но не предусматривалась обязанность суда принять все меры для объективного исследования обстоятельств. Имелось лишь право суда, «признав, что дело недостаточно выяснено и что могут быть собраны новые доказательства вправе, по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон, отложить дело слушанием и потребовать новые доказательства или

же направить дело к следователю или органам дознания для дополнительного расследования». Приведенное в качестве подтверждения своей позиции положение из УПК РСФСР 1923 г. свидетельствует о том, что суд, дабы установить истину по конкретному уголовному делу, принимал решения для обеспечения соответствующих мер по своему усмотрению, а значит, установление истины как принципа уголовного судопроизводства не имело формально – правового закрепления, о чем никак нельзя сказать касательно ранее упомянутого УПК РСФСР 1960 г.

Конечно, в УПК РСФСР не предусматривается выделение отдельного термина «объективная истина», однако, во многих его положениях обращается внимание на значимость установления истины. Законодатель при этом использует следующие формулировки: «… затруднит или же не препятствует установлению истины», что свидетельствует о принципиально важном положении истины в советском уголовно-процессуальном праве.

Введение института объективной истины все же является не просто возвращением к традиционному процессуальному мировоззрению, а созданием связи между эффективно действующим в свое время советским процессуальным законодательством и активно развивающейся в положительном направлении российской системой уголовного судопроизводства [1, с. 3]. Такое введение, разумеется, позволит установить не только традиционную романо-германскую систему, наиболее подходящую для отечественного государства, но и адаптировать ее под нынешние требования, выдвигаемые государственным аппаратом управления с одной стороны, и гражданским обществом, с другой.

Тем самым, с введением института объективной истины в УПК РФ образуется правовой консенсус, «процессуальный универсальный гибрид» [2], обеспечивающий в должной мере деятельность всех участников уголовного судопроизводства, и в равной мере, помогающий осуществлять полноценное и беспристрастное правосудие в Российской Федерации.

Установление объективной истины, равно как и соответствующий уголовно-правовой институт, носит действительно сложный сущностный характер, заключающийся в биполярном делении на философский и правовой аспекты в вопросе определения данной категории. Также стоит обратить внимание на то, что истина в современном российском процессуальном законодательстве не только не закреплена как отдельное понятие, но и принимает чуждую форму для традиционного процессуального мировоззрения в российском обществе, при этом формально признается ныне действующей именно романо-германская процессуальная система, но, как было доказано ранее, по всем базовым положениям с момента принятия УПК РФ в российском обществе установилась конкретная англо-саксонская процессуальная система, базирующаяся на англо-американской доктрине.

Не маловажным остается и сам факт того, что апробация нынешнего уголовного судопроизводства на протяжении пятнадцати лет вызвала некий общественно – процессуальный резонанс, потому как устоявшийся за это время процесс ведения уголовного преследования начал проявлять определенные положительные и отрицательные моменты, что позволило оппозиционерам современного кодифицированного источника, устанавливающего порядок при-

влечения к уголовной ответственности и освобождения от таковой, некоторым образом видоизменить отечественную процессуальную систему.

Сложившуюся проблему стоит признавать и различными способами разрешать, чем и занимаются ведущие умы современности, предлагая при этом новые концепции, модели и изменения, с помощью которых, несомненно, получится создать наиболее эффективную уголовно-процессуальную систему, подходящую для российского менталитета и учитывающую особенности зарождения государственности и развития законодательной базы таковой, ведь Российская Федерация обладает огромными перспективами в развитии, в том числе и в плане законодательной базы.

Список литературы

1. Проект Федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.01.2014). URL: http://sozd.parlament.gov.ru/bill/440058-6.

2. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». URL: http://sozd.parlament.gov.ru/bill/440058-6.

3. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе : учебное пособие. Волгоград, ВСШ МВД СССР, 1988. 652 с.

Ермаков С. В.[1],
заместитель начальника кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Цифровизация серьезным образом изменила форму общественной жизни, процессы управления государством, общения между людьми, обучения, трудовые и даже межличностные отношения. Развитие цифровых технологий и их внедрение в повседневную жизнь людей меняет, в том числе способы совершения преступлений, а также методы их выявления, раскрытия и расследования. В связи с этим уголовно-процессуальная и криминалистическая деятельность должна совершенствоваться в целях должного реагирования на качественные изменения преступности, обусловленные распространением преступлений, совершаемых в интернет-среде, в сфере компьютерной информации и коммуникаций.

Ежегодно увеличивается количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ). В целом в 2020 г. сравнении с 2012 г. число зарегистрированных ИТТ-преступлений увеличилось в 50 раз (2012 г.: 10,2 тыс.; 2020 г.: 510,4 тыс.). Удельный вес поставленных на учет ИТТ-преступлений в числе всех зарегистрированных криминальных посягательств возрос до 25 % (2019 г.: 14,5 %) [3].

При совершении ИТТ-преступлений и традиционных преступлений злоумышленники оставляют следы в цифровой среде: при работе на компьютере, выходе в сеть Интернет, пользуясь сотовой связью, общаясь в мессенджерах, отправляя письма по электронной почте, попадая в роле зрения различных видеокамер, делая фотоснимки на сотовый телефон, расплачиваясь кредитной картой, заказывая такси через приложение, снимая наличность в банкомате и т. д.

Цифровые следы остаются на различных носителях, сохраняются как на устройствах злоумышленника, так и на внешних ресурсах. При этом преступники предпринимают меры по сокрытию, шифрованию, уничтожению цифровых следов преступления, сохранению анонимности работы в сети Интернет. Что из цифровых следов станет доказательством и как будет использовано в процессе доказывания, зависит от знаний, умений и навыков работы следователя с такими следами. В последнее время возросла потребность у сотрудников следственных органов в дополнительных знаниях [2, с. 178].

Необходимы знания типичной «цифровой картины преступления», а также соответствующие процессуальные возможности с тем, чтобы обнаружить, изъять, исследовать и использовать в качестве доказательств такие следы. Работа следователя в данном направлении достаточно разнообразная. Так, основным средством получения цифровых следов, хранящихся на внешних ресурсах, является направление запросов в различные организации: сотовой связи, интернет-провайдеру, кредитные, электронной коммерции, электронных платежных

[1] © Ермаков С. В., 2022.

систем и прочие. Следователя интересует «привязка» мобильного устройства, которым пользовался в тот или иной момент преступник, к базовым станциям сотовой связи, IP-адрес устройств, выходящих в сеть Интернет, время активности в цифровом пространстве. Именно через данные следы можно приблизиться к раскрытию преступления, установлению лица, его совершившего.

Следственная и оперативная работа по получению необходимой информации от организаций, где сохранились цифровые следы преступной деятельности, не отличается быстротой. Для получения необходимой информации встает вопрос о соблюдении требований УПК РФ, законодательства о связи, о банковской тайне и др. Следователю необходимо уметь определять четкий круг сведений в следственном запросе, которые необходимо и возможно получить от различных организаций. Подготовив, согласовав, получив в необходимых случаях судебное решение и направив запросы, следователь находится в режиме ожидания ответа. Теряется быстрота и наступательность в расследовании, сроки расследования продлеваются. В это время преступники продолжают заниматься противоправной деятельностью.

Качество взаимодействия между органами предварительного расследования и кредитными организациями, операторами сотовой связи, электронными платежными системами нельзя признать удовлетворительным, что проявляется в общих ответах на запросы, в которых часто следователь не может найти важной для расследования информации (обезличенные счета, широкий круг обслуживаемых адресов провайдеров, идентичные IP-адреса). Повышение качества такого взаимодействия возможно путем перевода данного информационного обмена в цифровой формат, упрощения правовых процедур, автоматизации процессов передачи-получения данных.

В настоящее время следственные действия не предполагают удаленное получение компьютерной информации с компьютерных систем и сетей. Поэтому в ходе предварительного расследования следователь вправе дать поручение органам дознания, в арсенале которых имеется право на проведение оперативно-разыскных мероприятий, в том числе «получение компьютерной информации». После представления результатов оперативно-разыскной деятельности следователю цифровые носители информации могут быть приобщены в качестве вещественных доказательств.

Большой блок работы следователя связан с получением записей с камер видеонаблюдения (городская система видеонаблюдения, камеры организаций, банков, патрульных машин и т. п.). В данном направлении работы следователь дает поручение органу дознания на обнаружение камер видеонаблюдения и изъятие записей. После процессуального оформления, осмотра видеозаписей возможно назначение судебно-портретной экспертизы по цифровым изображениям для идентификации подозреваемого и лица, запечатленного на цифровой видеозаписи.

Немаловажное значение имеет тактически грамотное изъятие компьютерной техники, сотовых телефонов, флеш-карт и прочих накопителей в ходе производства обыска, выемки, осмотра места происшествия и других следственных действий. О недостатках в правовой регламентации работы с электронными носителями информации высказывались специалисты [1, с. 108] и определенным

решением данной проблемы явилось включение в УПК РФ ст. 164.1, регламентирующей особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий.

Следователь должен руководствоваться правилами, изложенными в законе (ст. 161.4 УПК РФ) и криминалистическими рекомендациями. В дальнейшем следователю необходимо произвести осмотр электронных носителей информации, а в необходимых случаях назначить компьютерные экспертизы с целью получения доказательственной информации, данных о работе на данных устройствах, восстановления удаленных файлов. Следует заметить, что в условиях бумажного формата уголовного дела в ходе осмотра телефонов и компьютерной техники следователями применяются различные приемы: фотографирование экрана, снятие электронных копий экранов (скриншотов). Таким образом, ввиду отсутствия электронной формы уголовного судопроизводства, установленных мест для хранения электронных доказательств, следователи вынуждены заниматься технической работой по переводу цифровых следов в бумажный формат. Тогда как наиболее рациональным является копирование и непосредственное изучение компьютерной информации следователем, прокурором, судьей в ее изначальном виде.

Немаловажный аспект связан с техническим оснащением органов предварительного расследования. В работе следователя необходимы современные технические средства для изъятия, копирования и хранения информации, объемы которой могут быть значительными.

Итогом работы следователя с цифровыми следами являются использование их в качестве вещественных доказательств (электронные носители информации), либо в качестве иных документов (ответы на запросы следователя).

В процессе производства вербальных следственных действий, допросов, очных ставок, а также при формулировании обвинения следователю необходимы навыки использования в доказывании полученных цифровых следов.

Так, при допросе целесообразно указывать IP-адреса, файлы с данными, используемые программы, адреса переписки по электронной почте. В итоговом документе расследования – обвинительном заключении, следователь должен системно отразить соответствующие доказательства, хранящиеся на различных носителях, например: DVD-R-диски с видеозаписями с камер наблюдения, ноутбуки, накопители на жестких магнитных дисках и прочее.

Полагаем, что в настоящее время даже следователь территориального ОМВД должен обладать компетенциями по работе с цифровыми следами, навыками установления цифровой картины совершенного преступления. Привлечение следователем специалиста к работе с цифровыми следами должно быть вызвано лишь объективной необходимостью, либо требованием законодательства.

Необходимо внедрить в систему аттестации и оценки профессиональных компетенций следователей вопросы оценки «цифровой квалификации сотрудников органов предварительного расследования». Это возможно путем проведения тестирования следователей, а также проверки необходимых навыков следователя по производству следственных действий с цифровыми следами.

Список литературы

1. Гаврилин Ю. В. Победкин А. В. Собирание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы // Труды Академии МВД России. 2018. № 3 (47). С. 106–115.

2. Семикаленова А. И., Рядовский И. А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 178–186.

3. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 год URL: https://media.mvd.ru/files/embed/2126203 (дата обращения: 01.11.2021).

Жиляев Р. М.[1],
заместитель начальника центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Научно-исследовательского института ФСИН России

КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ СУДЕБНОГО ЗАПРЕТА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ СВЯЗИ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ ЛИЦАМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ИЗБРАНА МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА – ВЗГЛЯД СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

По данным Федеральной службы исполнения наказаний в течение девяти месяцев 2021 г. на учет уголовно-исполнительных инспекций было поставлено более 18,8 тыс. подозреваемых и обвиняемых (далее – обвиняемые) с мерой пресечения в виде домашнего ареста, из них 17,6 тыс. (или 93,6 %) с запретом на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет [1].

Для сравнения в 2010 г. число обвиняемых, находившихся под домашним арестом, не превышало 668 чел., а при этом количество лиц заключенных под стражу до решения суда достигало 148,6 тыс. [2, с. 84].

В результате чрезмерного применения дознанием, следствием и судом меры пресечения в виде заключения под стражу на время проведения предварительного расследования число лиц, содержащихся в следственных изоляторах, превысило все допустимые лимиты, на которые были рассчитаны данные учреждения и, как следствие, ненадлежащим бытовым условиям содержания в них.

Первое решение Европейского Суда по правам человека по данному факту вынесено в 2002 г. Согласно статистической информации из Российской Федерации в ЕСПЧ в 2006 г. поступило более 10,1 тыс. жалоб, в 2007 г. – 9,5 тыс., в 2008 г. – 10,1 тыс., в 2009 г. – 13,6 тыс., в 2010 г. – 14,3 тыс. [3, с. 350].

Проведенный специалистами анализ показал, что средний размер компенсации, которую в ЕСПЧ присудили россиянам, составляет 18,6 тыс. Евро, значительная часть обращений в ЕСПЧ касалась именно бесчеловечного и унижающего достоинство содержания под стражей [3, с. 350].

Наиболее знаковым решением ЕСПЧ по рассматриваемой проблеме стало пилотное постановление по делу «Ананьев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации» (жалоба № 42525/07, 60800/08). Здесь необходимо пояснить, что пилотное постановление позволяет ЕСПЧ прямо указать на существование структурных проблем, лежащих в основе нарушений, и указать конкретные меры или действия, которые следует предпринять государству-ответчику для их устранения. Другой важной целью процедуры пилотного постановления является побуждение государства-ответчика к разрешению большего количества индивидуальных дел, вытекающих из той же структурной проблемы на национальном уровне и устранить причины, порождающие однотипные жалобы, «жалобы-клоны».

---

[1] © Жиляев Р.М., 2022.

В частности, по делу «Ананьев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации» ЕСПЧ указал, что решение о заключении под стражу применялось судами в 90 %, а продлевали его в 98 % случаев, несмотря на альтернативные меры пресечения (домашний арест, залог и др.).

В 2012 г. был проведен опрос судей судов общей юрисдикции Российской Федерации (письмо Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2013 г. исх. № ок-66/13) по проблемам, возникающим при избрании судом меры пресечения в виде домашнего ареста, препятствующим более широкому ее применению. Анализ результатов данного опроса показал, что, по мнению судей, более широкому применению домашнего ареста препятствует: отсутствие специального закона, регламентирующего применение меры пресечения в виде домашнего ареста, по аналогии с Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; отсутствие в законе нормы, на момент проведения исследования, о сроке исчисления домашнего ареста; отсутствие возможности процессуального порядка отмены всех или отдельных назначенных судом ограничений во время нахождения обвиняемого под домашним арестом; неисполнимость запрета на ведение переговоров с использованием любых средств связи; отсутствие перечня и порядка применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля за надлежащим поведением обвиняемого; неурегулированность законом вопросов, связанных с осуществлением обвиняемым трудовой деятельности, учебы, выходов за покупками в период домашнего ареста.

Спустя восемь лет (с 2012 г.) практика судов по заключению под стражу и продлению срока содержания под стражей практически не изменилась. По официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2020 г. решение о заключении под стражу применялось судами в 87,8 %, а продлевали его в 96,6 % случаях (URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79).

По официальным данным ФСИН России в 2019 г. в 19 СИЗО отмечалось несоблюдение норм санитарной площади в помещениях, предназначенных для содержания обвиняемых в совершении преступлений, а в 58 СИЗО несоответствие условий содержания законодательству Российской Федерации. Ситуация с размещением обвиняемых в СИЗО остается достаточно напряженной в Республике Крым, Краснодарском и Ставропольском краях, Московской области и Москве. Размер санитарной площади на одного содержащегося под стражей человека в указанных регионах составляет 2,3 кв. метра при норме 4 кв. метра. Кроме того, 14 % режимных корпусов СИЗО эксплуатируются более 60 лет, еще около 19 % – более 100 лет, 12,4 % корпусов находятся в неудовлетворительном техническом состоянии, более чем в 40 % корпусов отсутствует система принудительной приточно-вытяжной вентиляции. Треть камерного фонда (более 9 тыс. камер) нуждается в проведении капитального ремонта. Анализ сложившейся практики избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу свидетельствует о ежегодном увеличении доли лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой и средней

тяжести, поступивших в СИЗО, например, по сравнению с 2014 г. доля таких лиц в 2019 г. увеличилась на 5,6 % (с 38,4 % до 44 %) [4, с. 1–2].

В ретроспективном аспекте следует напомнить, что до передачи функций по контролю за мерой пресечения в виде домашнего ареста Инспекции существовала практика по возложению контроля на сотрудников правоохранительных органов и органов безопасности (в частности, МВД России, ФСБ России), осуществлявших оперативное сопровождение обвинения по конкретному уголовному делу, то есть наделенных правом осуществления оперативно-разыскной деятельности. В связи с изменением субъекта контроля потребуется выстраивание иного механизма.

В целом на осуществление контрольных функций за мерой пресечения в виде домашнего ареста из расчета на одного обвиняемого затрачено 248,85 руб., а на содержание в СИЗО – 623,94 руб. Таким образом, получается экономия в 375,09 руб. (или 60,12 %) в сутки на каждого. Простые расчеты показывают, что, например, в 2016 г. только ежесуточная экономия бюджетных средств на содержании 6056 человек, находившихся под домашним арестом, составила 2,27 млн руб. А если за средний срок пребывания под домашним арестом принять один месяц, то экономия бюджетных средств может составить порядка 67,1 млн руб. С другой стороны, не стоит забывать об обеспечении безопасности и надлежащего (законного, объективного и т. п.) проведения расследования [5, с. 350].

Возможно, и по этой, в том числе причине, до настоящего времени, несмотря на столь высокую экономическую эффективность, домашний арест продолжает оставаться мало востребованным. Некоторые ученые и практические работники подобное отношение к домашнему аресту объясняют наличием правового консерватизма, традиционной востребованностью в нашей стране меры пресечения в виде содержания под стражей и даже некоторым нигилизмом по отношению к по-прежнему считающимся чисто «буржуазными» правовым институтам. В качестве контраргументов можно назвать, во-первых, наличие проблем правового, организационного, материально-технического, кадрового и иного характера, возникающих при исполнении данной меры пресечения, во-вторых, опасение возможного негативного влияния со стороны находящихся под домашним арестом лиц на участников расследования и других стадий уголовного процесса, иных попыток избежать правосудия.

Практика четко обозначила ряд проблем, возникающих в связи с возрастающим масштабом применения рассматриваемой меры пресечения. По-прежнему остается невыясненным целый ряд моментов в правовом регулировании механизма контроля за соблюдением возложенного судом запрета на использование средств связи и Интернета обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран домашний арест. Самое главное заключается в том, что имеет место разрыв между правовой моделью и официальной доктриной, с одной стороны, и результатами толкования и применения норм ст. 107 УПК РФ правоприменителями, с другой.

В ходе проведения исследования было установлено, что большинство подобных проблемных вопросов возникает из-за наличия пробелов в законодательстве, несовершенства технического сопровождения осуществления контроля, неурегулированности вопросов взаимодействия с другими правоохранитель-

ными органами. Так, например, со стороны дознания и следствия такое взаимодействие носит, к сожалению, уведомительный характер без учета материально-технических возможностей, и правового статуса Инспекций, что, безусловно, сказывается на результативности и качестве выполнения ими контрольной функции.

Нередко ходатайства и представления сотрудников Инспекций о допущенных нарушениях со стороны обвиняемых наложенного судом запрета, выявленных в ходе осуществления контроля, остаются без должного внимания либо вообще без реагирования со стороны следственных органов, органов дознания и судов. Не решает всех проблем правоприменительной практики и такой важнейший инструмент ее совершенствования, как постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в которых, по всей видимости, невозможно предусмотреть и прописать все ситуации и коллизии, возникающие при осуществлении контроля за соблюдением возложенного судом запрета на использование средств связи и Интернета, особенно при наличии существенных законодательных пробелов.

Список литературы

1. Форма статистической отчетности СЭМПЛ УИИ «Электронный мониторинг» (сведения о подконтрольных лицах и контрольных устройствах) за третий квартал 2021 г. Доступ из автоматизированной информационной системы «Статистика УИС».

2. Жиляев Р. М. Снова возвращаясь к проблеме применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения // Проблемы и перспективы уголовной юстиции : сборник материалов круглого стола. Москва, 2020. С. 349–354.

3. Жиляев Р. М., Колотушкин С. М. К вопросу о возможности контроля за соблюдением лицами, помещенными под домашний арест, запрета на использование средств связи и Интернета // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России (научно-практическое ежеквартальное издание). М. : ФКУ НИИ ФСИН России, Тверь : ФКУ НИИТ ФСИН России, 2020, вып. 3. С. 349–354.

4. Анализ соблюдения норм санитарной площади в помещениях, предназначенных для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также предложения по улучшению условий их содержания: анализ с предложениями ФСИН России от 27.06.2019 № исх-01-47461. Документ опубликован не был.

5. Бурмакин Г. А., Дворянсков И. В., Дегтярева О. Л., Габараев А. Ш., Тарасова И. А., Макаревич З. Б. Эффективность СЭМПЛ при исполнении наказания в виде ограничения свободы, а также осуществлении контроля за подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста: аналитический обзор с предложениями. М. : ФКУ НИИ ФСИН России, 2009.

Загвоздкин Н. Н.[1]*,*
начальник кафедры уголовного процесса
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОТКАЗ ОТ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ОЖИДАНИЕ

Нужна ли российскому уголовному судопроизводству рожденная в советский период его развития и нормативно закрепленная в УПК РСФСР 1960 г. стадия возбуждения уголовного дела? Создает ли она препятствия следователю и дознавателю на пути раскрытия и расследования преступлений? Является ли своеобразным фильтром, отсеивающим происшествия, не содержащие признаки преступлений? Является ли гарантией принятия законных и обоснованных решений, предусмотренных в ч. 1 ст. 145 действующего УПК РФ?

Эти и другие многочисленные вопросы, связанные с отечественным досудебным производством, давно (с советских времен) являются предметом острой дискуссии, в которую вовлечены не только ученые разных специальностей криминального цикла (уголовный процесс, криминалистика, уголовное право, криминология и др.), но и представители всех ветвей власти (включая руководителей и сотрудников правоохранительных органов), практикующие юристы, правозащитники, представители общественности, в общем – все заинтересованные лица.

С учетом огромного количества научных публикаций, проблемное поле споров сторонников и противников раритетной (в смысле – не известной зарубежному законодательству континентального и англо-саксонского типа) стадии представляется широчайшим, а накал полемики не снижается [1, с. 166–174; 8, с. 576–585].

Не считая необходимым в рамках данной статьи отслеживать все нюансы многолетней истории дискуссии, напомню, что уже в Концепции судебной реформы в Российской Федерации (1991 г.), подготовленной ведущими советскими учеными, были обозначены возникшие в теории, законодательстве и правоприменительной практике сложности, которые негативно влияли на возможности оперативного и эффективного противодействия преступности [7, с. 88].

Стадия получила дальнейшее, хотя и противоречивое развитие в УПК РФ, выразившееся в 2007 г. в смене субъектов и процедуре принятия решения о возбуждении уголовного дела. Признанием объективной необходимости решения накопившихся проблем следует считать, во-первых, утвержденную в 2013 г. Дорожную карту дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации [3]; во-вторых, значительные изменения в редакции ст. 144 УПК РФ, разрешившие в ходе доследственной проверки широкий спектр процессуальных действий (включая семь видов следственных действий), возможность ее продления до 30 суток и наделившие лиц, участвующих в проверке, важными правами.

[1] © Загвоздкин Н. Н., 2022.

Один из противников обсуждаемой стадии С. Б. Россинский системно и аргументированно изложил ее главные доктринальные и нормативно-правовые изъяны: 1) запрет на производство большинства следственных действий; 2) «двойное» получение одних и тех же сведений; 3) увеличение объема уголовных дел и сроков производства; 4) рост нагрузки на сотрудников органов предварительного расследования; 5) потеря оперативности и возможностей раскрытия преступлений «по горячим следам»; 6) отсутствие у пострадавших доступа к правосудию в случае неоднократных отказов в возбуждении уголовного дела и др. [9, с. 133–135].

И действительно, прочно прописавшаяся в уголовно-процессуальной практике триада «объяснение – опрос – допрос», тандем «предварительное исследование – судебная экспертиза» не только снижают эффективность раскрытия преступлений, губительно отражаются на процессуальных сроках, но вызывают оторопь у неизбалованных отечественной бюрократией граждан и юридических лиц, напрочь отбивая желание обращаться за защитой в правоохранительные органы.

Однако и у сторонников стадии есть весомые аргументы. Н. А. Власова и А. Г. Мусеибов на основе анализа ежегодной статистики поступающих в полицию заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях обращают внимание на то, что: 1) большинство «отказных» решений оценивается прокуратурой как законное и обоснованное; 2) стадия ставит надежный заслон необоснованному производству предварительного расследования; 3) заявители не обязаны отличать преступления от административных правонарушений и гражданско-правовых деликтов; 4) в случае разрешения любых следственных действий потребуется массовая реабилитация лиц, подвергнутых мерам процессуального принуждения [2, с. 13–15].

Сторонники стадии справедливо говорят о возможности сохранить и развивать обсуждаемые нормы УПК РФ, однако, не конкретизируют данный тезис. Полагаю, что эти возможности сводятся к расширению перечня разрешенных до возбуждения уголовного дела следственных действий (что и есть фактический отказ от стадии), а также к увеличению сроков доследственной проверки.

Так, К. А. Костенко, детально проанализировав современную историю совершенствования ст. 144 УПК РФ и ее изъяны, предлагает в случаях, представляющих особую сложность (необходимость завершения документальной проверки, ревизии, исследования, судебной экспертизы) продлевать срок до 90 суток – с возможностью дальнейшего продления в исключительных случаях [6, с. 25–26].

Признавая вышеуказанные трудности и необходимость их решения, замечу, что предлагаемый срок (90 суток) на два месяца превышает срок дознания в общем порядке и на месяц – срок предварительного следствия. В течение трех месяцев проверки следователь будет напоминать исполина со связанными руками: важнейшие и результативные следственные действия (допросы, обыски, выемки), а также меры процессуального принуждения запрещены; проверяемые лица внятного статуса не имеют, но возможности противодействия используют. Именно предварительное следствие предназначено для выяснения обстоятельств сложных и исключительных случаев. Уверен, что полный арсенал следственных действий и принудительных мер, находящихся в распоряжении органов предварительного расследования, позволяет в кратчайшие сроки решить

главную задачу первоначального этапа расследования – есть или нет в поступившем сообщении признаки состава преступления.

Полагаю, что многие исследователи в силу разных причин избегают отвечать на важный и крайне болезненный вопрос: готова ли российская правоохранительная система в случае отказа от стадии возбуждения уголовного дела работать в новых уголовно-процессуальных условиях? На мой взгляд – нет. Попытаюсь кратко, не претендуя на исчерпывающую полноту, сформулировать ряд тезисов.

1. В силу системного характера уголовного процесса отказ от первоначальной стадии неизбежно потребует реформирования последующих. Стадия предварительного расследования в действующем УПК не претерпела существенных изменений. Модель расследования (досудебного производства) может быть охарактеризована как советская. Для нее характерно наличие фигур следователя и дознавателя, не имеющих права совмещать уголовно-процессуальную деятельность с оперативно-разыскной, которой занимаются специально уполномоченные лица. С распадом социалистического содружества наши бывшие союзники (Болгария, Польша, Венгрия и др.) дружно перешли на западноевропейские схемы расследования, в которых нет следователей (в нашем понимании), а полицейский чиновник одновременно проводит следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия (терминология используется в нашем, российском понимании). Сходные законодательные процессы, изменения в системе правоохранительных органов происходят в государствах СНГ, расположенных на постсоветском пространстве.

2. Новая концепция досудебного производства активно обсуждается научным сообществом, но на государственном уровне не сформулирована. За 20 лет применения действующего УПК, с учетом колоссального количества изменений, накопился огромный массив проблем, требующих осмысления представителями всех ветвей государственной власти.

3. Нормальное (а лучше – эффективное) функционирование правоохранительной системы имманентно предполагает ее надлежащее ресурсное (бюджетное, финансовое, материально-техническое, кадровое и иное) обеспечение. К сожалению, оно в силу разных (объективных и субъективных) причин является «ахиллесовой пятой» системы и не может быть оценено как удовлетворительное [4].

4. Становым хребтом правоохранительной деятельности являются ОВД, в которые поступает львиная доля сообщений о преступлениях и иной информации о правонарушениях. В ОВД сосредоточены самые загруженные аппараты дежурных частей, оперативных служб, дознания, следствия, участковых уполномоченных, то есть тех, кто вовлечен в трудоемкие процедуры приема, регистрации и разрешения указанных сообщений, раскрытия и расследования подавляющего большинства совершаемых в России преступлений. Следственные подразделения испытывают серьезные кадровые и иные ресурсные затруднения и функционируют в критическом режиме [5].

Поддерживая назревшую необходимость кардинального реформирования стадии возбуждения уголовного дела, полагаю, что в силу перечисленных и иных причин торопиться с конкретными шагами в указанном направлении пока не следует.

Список литературы

1. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2014. 2865 с.

2. Власова Н. А., Мусеибов А. Г. О целесообразности стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2020. № 11. С. 11–15.

3. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. URL: https://rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html (дата обращения: 29.10.2021).

4. Загвоздкин Н. Н. Роль ресурсного обеспечения досудебного производства в реализации уголовно-процессуальной политики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 1 (23). С. 78–84.

5. Загвоздкин Н. Н., Овчинников Ю. Г. Проблемы кадрового обеспечения следственного аппарата органов внутренних дел Российской Федерации // Рос. юстиция. 2020. № 7. С. 39–41.

6. Костенко К. А. Эволюция стадии возбуждения уголовного дела: процесс неизбежный и пока что незавершенный! // Российский следователь. 2019. № 4. С. 23–26.

7. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М. : Республика, 1992. 110 с.

8. Курс уголовного процесса. М. : Статут, 2016. 1276 с.

9. Россинский С. Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 133–139.

Иванов Д. А.[1],
начальник кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

Уханова Н. В.[2],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО НАЛОЖЕНИЮ АРЕСТА НА БЕЗНАЛИЧНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА

Для выявления безналичных денежных средств (в том числе электронных денежных средств) у обвиняемых, подозреваемых и иных лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия (например, родителей несовершеннолетних), проводятся следующие следственные и иные процессуальные действия:

1. Допросы указанных лиц и их родственников, а также близких лиц, в ходе которых выясняются обстоятельства, связанные с наличием у первых безналичных денежных средства на счетах или во вкладах в банках и иных кредитных организациях, а также электронных денежные средств в электронных платежных системах (например, электронных кошельках), виртуальных платежных карт.

2. Обыски по месту жительства, работы, иному месту пребывания у лиц, на имущество которых планируется наложить арест [1, с. 4].

Объектами поиска являются договоры банковских счетов, вкладов, приходные кассовые ордера, выписки и отчеты по счетам, сберегательные книжки, платежные карты, а также объекты электронной среды (в ноутбуке, планшете, смартфоне, айфоне) – а именно, приложения банк-онлайн, виртуальные платежные карты, электронные кошельки различных платежных систем (например, Киви, ЯндексДеньги).

3. Запросы в банки и иные кредитные организации (ч. 4 ст. 21 УПК РФ и чч. 4–5 ст. 26 от 02.12.1990 № 395-1Федерального закона «О банках и банковской деятельности»).

В запросах формулируются просьбы сообщить сведения:

– о наличии у интересующих лиц (физических, юридических) безналичных денежных средств;

– о видах (наименованиях) и номерах счетов и вкладов;

– о валюте, в которой открыты счета (вклады);

– о количестве денежных средств на конкретном счете или вкладе;

– об источниках поступления денежных средств на текущий или расчетный счет лица;

---

[1] © Иванов Д. А., 2022.
[2] © Уханова Н. В., 2022.

– о движении средств по счету, в том числе о количестве и периодичности начисления процентов по вкладу и (иногда) счету.

Следует иметь в виду, что арест не может быть наложен на денежные средства, находящиеся на номинальных, залоговых, торговых, клиринговых, избирательных счетах, специальных счетах фондов референдума (см. ч. 3 ст. 69, ч. 14 ст. 70 ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Например, номинальный счет может быть предназначен для социальных выплат (например, для перечисления денег на содержание подопечного).

Сведения об источниках поступления безналичных денежных средств на счета интересующих лиц необходимы для того, чтобы исключить наложение ареста на те доходы, на которые, согласно ст. 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве», не может быть обращено взыскание, а именно:

– денежные суммы, выплачиваемые лицам, получившим увечья при исполнении ими служебных обязанностей;

– ежемесячные денежные выплаты, начисляемые отдельным категориям граждан (например, для приобретения лекарств);

– пособия гражданам, имеющим детей;

– средства материнского капитала и другие.

В связи с этим необходимо также направлять запросы в соответствующие государственные и иные органы, которые производят начисление и выплату указанные денежных сумм.

Арест может быть наложен на безналичные денежные средства физических лиц, находящиеся на текущем (в том числе, зарплатном) счете, а также на брокерском счете, индивидуальном инвестиционном счете (специальный брокерский счет со льготным налоговым статусом). Кроме того, денежные средства интересующего лица могут находиться на номинальных счетах форекс-дилеров, на которых учитываются денежные средства отдельных физических лиц, участвующих в торгах на рынке ценных бумаг и иных ценностей.

Арест может быть также наложен на безналичные денежные средства, находящиеся во вкладах различных видов. Существует вклады до востребования и срочные вклады (в том числе, до момента наступления определенного события). Среди последних следует отметить вклады на имя другого лица (например, ребенка – до наступления его совершеннолетия). В таких случаях вкладчиком является не то лицо, на имя которого сделан вклад, а то, которое вложило соответствующие денежные средства – до момента наступления указанного события.

Все это следует иметь в виду при направлении запросов в банки и иные кредитные организации.

В *запросе* необходимо указать *срок его исполнения*, предварительно согласовав его с работниками банка (при личной встрече или в ходе телефонного звонка), чтобы исключить установление такого срока, из-за недостаточности которого банк не сможет предоставить всю информацию, требуемую следователем.

Если в запросе не указан срок, то он может быть исполнен в течение месяца с момента его вручения (ч. 4 ст. 13 ФЗ «О полиции»).

В случае непредставления запрашиваемой информации, несвоевременного ее представления, а также представления не в полном объеме или в искаженном виде банк несет административную ответственность, предусмотренную ст. 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

4. Выемки не только оригиналов документов, содержащих информацию о счетах и вкладах в банках и иных кредитных организациях (например, платежных поручений), но и их *копий* должны производиться на основании решений суда, согласно п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Это следует из позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в его определении от 19.01.2005 № 10-О «По жалобе открытого акционерного общества «Универсальный коммерческий банк «Эра» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 2 и 4 ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [3].

В постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста следует таким образом сформулировать ходатайство, чтобы из него было ясно: арест требуется наложить именно на *безналичные денежные средства*, а не на банковские счета (так как на последние арест не накладывается).

В указанном постановлении следователя также должно быть четко определено, какие запреты следует наложить на денежные средства: запрет только распоряжаться ими или одновременно распоряжаться и пользоваться. Запрет пользования денежными средствами, находящимися на вкладе, означает то, что вкладчик не сможет получать доход от вклада (то есть, начисляемые проценты), которые с момента наложения ареста на безналичные денежные средства, находящиеся во вкладе, должны будут перечисляться на депозитный счет органа внутренних дел, по ходатайству которого наложен арест.

В ходе анкетирования получены данные, что 20 % опрошенных следователей при наложении ареста на имущество устанавливали запрет одновременно на распоряжение и на пользование имуществом, в том числе, безналичными денежными средствами.

При наложении ареста на безналичные денежные средства, находящиеся на текущем счете зарплатной банковской карты физического лица, следует учесть положение ч. 3 ст. 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве», в соответствии с которым размер удержания из заработной платы и иных доходов должника не должен превышать 70 % – в том случае, если эти удержания необходимы для возмещения ущерба, причиненного преступлением [2, с. 126].

При этом следует также учитывать величину прожиточного минимума, которая указана в Сводной таблице величины прожиточного минимума, установленного на федеральном уровне (приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации) и на уровне каждого субъекта Российской Федерации (нормативным правовым актом соответствующего субъекта). Данная Сводная таблица находится на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики и постоянно обновляется.

В зависимости от того, какие безналичные денежные средства подлежат аресту – находящиеся на счетах и во вкладах в банках либо электронные денежные средства, существующие без открытия банковских счетов, – решение суда о наложении ареста следует предоставить либо банку, либо (соответственно) – оператору электронных денежных средств.

Технически наложение ареста на безналичные денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках, осуществляют специальные подразделения банков, которые при получении судебного решения блокируют банковские счета. Данные подразделения имеются не во всех филиалах (отделениях) банков, а только в головных (центральных). Для того чтобы решение суда о нало-

жении ареста на имущество было исполнено в день обращения, следователю необходимо предварительно связаться с сотрудниками банка и узнать, в какое именно отделение (филиал) банка следует обратиться, чтобы арест был наложен в тот же день, а не в течение трех рабочих дней.

Арест накладывается в течение трех рабочих дней в том случае, если следователь обращается с судебным решением не в то отделение (филиал) банка, где имеется специальное подразделение по наложению ареста, и три дня в таком случае даются на пересылку решения суда в отвечающее за наложение ареста подразделение (при этом есть вероятность, что клиент банка снимет денежные средства со счета). В случае же выполнения изложенных здесь рекомендаций снимается проблема интервала во времени между документальным и фактическим наложением ареста на безналичные денежные средства, на которую обратил внимание один из опрошенных следователей.

Конституционный Суд Российской Федерации определил, что безналичные денежные средства, на которые наложен арест, не могут быть переведены на счет другого юридического лица, поскольку цели наложения ареста обеспечиваются наложением запрета на совершение операций с этими средствами. В случае нарушения данного запрета Банком России будет отозвана лицензия у того банка, на счете которого находятся арестованные денежные средства. Смысл в данном случае заключается в том, что безналичные денежные средства не могут быть и изъяты, согласно положениям ст. 115 УПК РФ, поскольку не относятся к движимому имуществу, а существуют в виде записи на банковском счете.

В случае если арест накладывается на электронные денежные средства, находящиеся на бесконтактной смарт-карте, данная карта может быть изъята следователем в ходе выемки или обыска (хранить ее можно в специально оборудованном помещении органа внутренних дел, вместе с вещественными доказательствами).

Если арест накладывается на электронные деньги, находящиеся на виртуальном счете, то, чтобы технически обеспечить дальнейшее исполнение приговора в части гражданского иска, у гражданского истца, как правило, должен иметься виртуальный счет в той же платежной системе (например, Visa, MasterCard).

Список литературы

1. Иванов Д. А. Значение обыска как средства принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением // Российский следователь. 2016. № 4. С. 4–8.

2. Иванов Д. А., Филатова И.В. Современные законодательные конструкции декриминализации преступлений в сфере экономики при возмещении вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 126–130.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2005 № 10-О «По жалобе открытого акционерного общества «Универсальный коммерческий банк «Эра» на нарушение конституционных прав и свобод частями второй и четвертой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.10.2021).

Ильяш А. В.[1],
и.о. заведующего кафедрой юриспруденции
Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского,
кандидат юридических наук

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ

В процессе управления деятельностью по расследованию преступлений возникают и реализуются две группы отношений между участниками: уголовно-процессуальные (процессуальные) и непроцессуальные (служебные), регламентированные ведомственными нормативными правовыми актами [1, с. 126]. Процессуальное решение, принимаемое руководителем следственного органа, по созданию следственной группы для расследования уголовного дела, безусловно, является процессуальным средством управляющего воздействия, вытекающим из норм уголовно-процессуального законодательства. Но не следует недооценивать служебные отношения в процессе создания и управления деятельностью следственной группой.

Так, решение о создании следственной группы принимается руководителем следственного органа не только в процессе реализации процессуальных полномочий, например, по контролю за расследованием уголовного дела, но и в ходе сбора, обобщения и анализа информации при реализации своих служебных полномочий [4, с. 59]. Решение о создании следственной группы находится в единстве с реализацией принципа разумного срока уголовного судопроизводства, при определении которого хотя и учитываются сложность уголовного дела, но также предается оценке и эффективность действий руководителя следственного органа, предпринимаемых для своевременного разрешения уголовного дела. В то же время при определении разумного срока не принимаются во внимание обстоятельства, связанные с организацией работы следственных органов.

Продолжающийся с 2011 г. процесс реформирования органов внутренних дел Российской Федерации и связанная с этим процессом оптимизация деятельности МВД России [2, с. 4–17], без сомнения, коснулись всех сфер деятельности системы МВД России, в том числе и одной из важнейших – обеспечения предварительного следствия по уголовным делам. Следствием этих процессов стали изменения функциональных и организационных структур следственных органов в системе МВД России, что было обусловлено сокращением количества следственных подразделений и численности сотрудников, путем проведения организационно-штатных мероприятий.

Совершенствование структурного построения территориальных органов МВД России, начатое в 2011 г., пошло по пути укрупнения территориальных органов МВД России на районном уровне, что сопровождалось упразднением подразделений районного звена, а продолжено уже к 2015 г. их разукрупнением.

Руководители следственных органов на районном и региональном уровнях в указанный и последующий периоды оказались в стремительно меняющихся

[1] © Ильяш А. В., 2022.

условиях, которые существенным образом влияли на организацию расследования уголовных дел.

Несмотря на то, что снижение преступности отмечается с 2015 г.: в 2017 г. зарегистрировано на 4,7 % меньше преступлений, чем в 2016 г.; в 2018 г. – на 3,3 % меньше, чем в 2017 г.; в 2019 г. отметился небольшой рост на 1,6 %, чем в 2018 г. [3], проявление преступности является территориально неравномерно распределенным явлением, а потому требует быстрой перегруппировки сил, в том числе следственных органов МВД России.

В связи с этим считаем процессуальный инструмент в виде создания следственной группы эффективным и обладающим большим потенциалом в складывающихся условиях. В то же время находим необходимым скорректировать возможности его использования посредством внесения изменений в процедуру его правового регулирования, а также рассмотрев его через призму использования не по одному уголовному делу, а двум и более одновременно.

Так, анализ п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ ставит перед нами вопрос: что подразумевал законодатель, формулируя положение о том, что руководитель следственного органа вправе поручать производство предварительного следствия нескольким следователям и создавать следственную группу? Если подразумевается, что вправе и то, и другое, то в какой организационной форме будет осуществляться расследование «несколькими следователями»? Проводя сравнительно-правовой анализ со ст. 163 УПК РФ, приходим к выводу, что никакой иной организационной формы, кроме следственной группы для расследования уголовного дела руководитель следственного органа создавать не вправе. Полагаем, что это обстоятельство можно отнести к числу неточностей юридической техники при написании нормы.

В то же время не исключаем, что законодатель, формулируя первое положение, внес более глубокий смысл. Предположим, что подразумевалась возможность поручения расследования двух и более уголовных дел нескольким следователям. Такая форма группового расследования сразу нескольких уголовных дел не лишена смысла. Так, при необходимости быстрой перегруппировки сил, например, в связи с резким ростом определенного вида, категории преступлений, руководитель следственного органа может создать следственную группу для их одновременного расследования, что может способствовать объединению усилий не по одному уголовному делу, а по двум и более. Кроме этого, расследуемые таким образом следственной группой, уголовные дела о схожих преступлениях могут не иметь оснований для их соединения в одном производстве, однако возможность погружения в любое из них каждого из участников объединения следователей создает предпосылки для их скорого раскрытия и расследования.

Нередки случаи, когда уголовные дела расследуются в разных органах предварительного следствия территориальных органов МВД России на районном уровне о преступлениях, имеющих сходство, не дающие основания для их соединения в одном производстве, или совершенных вероятно одними лицами, создание следственной группы для их расследования будет способствовать эффективной организации групповой деятельности по двум и более уголовным делам.

Другим эффективным вариантом использования следственной группы для расследования двух и более уголовных дел может быть неравномерное распре-

деление нагрузки по находящимся в производстве уголовным делам в разных органах предварительного следствия территориальных органов МВД России на районном уровне: существенное увеличение в одном следственном органе при снижении в других. В разное время в практике управления расследованием преступлений применялись следующие варианты решения такой проблемы: 1) из органа предварительного следствия с меньшей нагрузкой по находящимся в производстве уголовным делам следователи направлялись в командировку в следственный орган с наибольшей нагрузкой; 2) уголовные дела изымались из производства органа предварительного следствия с наибольшей нагрузкой и передавались в следственные органы, имеющие меньшую нагрузку. Данный вариант решения противоречив по следующим причинам: данное процессуальное решение не согласуется с положениями ст. 152 УПК РФ (Место производства предварительного следствия), а также потому, что следователи вынуждены были регулярно выезжать по месту совершения преступления и нахождения большинства участников судопроизводства для производства следственных действий; 3) уголовные дела изымались из производства органа предварительного с наибольшей нагрузкой и передавались в вышестоящие следственные органы.

Представляется, что и в случае решения данной проблемы создание следственной группы из следователей органов предварительного следствия разных территориальных органов МВД России на районном уровне с возможным включением в ее состав следователей из вышестоящих следственных органов. В таком случае эффект может быть ощутим в силу того, что кроме направления дополнительных сил из следователей других следственных органов руководитель вышестоящего следственного органа, создавая следственную группу может назначить руководителем следственной группы следователя из вышестоящего следственного органа или из числа заместителей руководителей следственных органов территориальных органов МВД России на районном уровне, создавая тем самым еще одного субъекта управления по ряду уголовных дел. Тем самым снижается бремя процессуального и ведомственного контроля у руководителя следственного органа.

Принимая такую возможность создания следственной группы по двум и более уголовным делам, необходимо корректировать регламентированные в ст. 163 УПК РФ основания, предусмотрев кроме сложности и большого объема, иные, например, уровень нагрузки по находящимся в производстве уголовным делам.

Список литературы

1. Валов С. В. Алгоритм процесса управления следственными органами // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 4 (30). С. 122–126.

2. «Дорожная карта» дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Популярно-правовой альманах МВД России «Профессионал». М., 2013. № 1.

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации. URL: http:/МВД.РФ.

4. Процессуальный и ведомственный контроль руководителя следственного органа территориального органа МВД России на районном уровне: научно-практическое пособие. М. : Академия управления МВД России. 2020.

Капустина Л. К.[1],
преподаватель кафедры предварительного расследования
Санкт-Петербургского университета МВД России

Ежова А. А.[2],
курсант факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Необходимость людей в коммуникации побуждает общество к постоянному поиску новых форм обмена информацией. Благодаря этому появившиеся около 20 лет назад социальные сети приобрели такую популярность. Проведенное нами исследование[3] в очередной раз подтвердило данное утверждение. Так, по данным исследования, 68,3 % респондентов используют в повседневной жизни 3 и более социальных сетей; 21,7 % являются пользователями двух социальных сетей; одной социальной сетью пользуются 10 % респондентов.

Социальные сети сегодня затрагивают различные сферы общественных отношений. Сравнительно недавно сложно себе было представить, что в судопроизводстве в качестве доказательств будут исследоваться скриншоты аккаунтов или же переписка из социальных сетей. На сегодняшний день это реальность. Количество уголовных дел, в которых используются подобные доказательства увеличивается, а сведения из социальных сетей позволяют устанавливать обстоятельства совершенных преступлений, о чем свидетельствуют теоретические исследования [5, с. 97–100; 8, с. 132–134; 9, с. 180–186; 10, с. 403] и судебно-следственная практика.

Анализ судебной практики показал, что сведения, содержащиеся в социальных сетях, активно используются в процессе доказывания. Так, из апелляционного постановления Пермского краевого суда следует, что доказательством вины гр-на И. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а именно тайного хищения инструмента на сумму 60 000 рублей, среди прочего является протокол осмотра переписки в социальной сети «Вконтакте» между И. и свидетелем К. [1]. Согласно приговору Центрального районного суда г. Оренбурга доказательством вины гр-на Л. в совершении преступления, предусмотренного пп. «в, г» ч. 2 ст. 126 УК РФ, среди прочих доказательств, послужил протокол осмотра переписки из социальной сети с содержанием фотографий с телесными повреждениями потерпевшего и текстовых сообщений от последнего, указывающих на Л., как лицо, нанесшее эти повреждения [7].

---

[1] © Капустина Л. К., 2022.
[2] © Ежова А. А., 2022.

[3] Авторами статьи приводятся данные проведенного ими исследования о роли социальных сетей в повседневной жизни. В исследовании приняли участие 60 респондентов в возрасте от 17 до 26 лет.

Учитывая распространенность преступлений, совершаемых посредством социальных сетей [2, с. 540–542; 6, с.142–147], а также востребованность использования в процессе доказывания информации, в них содержащейся, ученые все чаще уделяют внимание исследованию проблем изъятия и фиксации подобных материалов [4, с. 109; 6, с. 148].

На стадии предварительного расследования материалы социальных сетей могут изыматься как самостоятельно сотрудниками, осуществляющими расследование по уголовным делам, так и с привлечением специалистов. Изъятие и фиксация значимой информации из социальных сетей происходит в рамках следственных и процессуальных действий, среди которых самыми распространенными являются: осмотр места происшествия, обыск, выемка, осмотр предметов.

К сожалению, в правоприменительной практике распространены случаи предоставления некачественного или некорректно оформленного материала из социальных сетей, что негативно сказывается на точности выводов экспертного исследования. Основной причиной распространения подобного негативного явления стала недостаточная компетенция лиц, производящих фиксацию сведений, имеющих значение для уголовного дела.

Ряд исследований, проведенных Т. В. Назаровой, П. А. Маняниным, А. В. Громовой [3, с. 75–83; 4, с. 109] и другими учеными и практическими работниками позволил сформулировать рекомендации по фиксации и предоставлению материалов. Данные рекомендации в большей степени касаются электронных сообщений, направляемых посредством мессенджеров. Однако, на наш взгляд, подобные рекомендации применимы и к информации, обнаруженной и извлекаемой из социальных сетей.

Для того чтобы зафиксировать и предоставить материалы без потери информации, а также с целью сокращения сроков исследования, сотрудникам, осуществляющим предварительное расследование, следует: располагать полученные снимки экрана устройства в хронологической последовательности, нумеруя каждый из них; не допускать случаи представления материалов ненадлежащего качества, обусловленного небрежным копированием, некачественными снимками экранов, наличием других дефектов; делать снимки экрана так, чтобы каждый последующий снимок захватывал незначительную часть предыдущего с целью обеспечения наглядности последовательной фиксации информации; исключить случаи выборочной фиксации информации; не использовать способ перепечатывания и перефразирования текстов сообщений, так как могут быть утрачены значимые признаки печатной речи предоставлять информацию, отвечающую требованиям относимости привлекать специалиста к производству следственных действий.

В заключение хотелось бы отметить, что сведения, содержащиеся в социальных сетях, в современном уголовном судопроизводстве активно используются в качестве доказательств, поскольку позволяют установить имеющие значение для дела обстоятельства. При этом важной составляющей использования этих сведений в качестве доказательств является соблюдение процессуальной процедуры их изъятия без потери значимой информации, что достигается гораздо эффективнее, когда к следственным и процессуальным действиям привлекается специалист.

Список литературы

1. Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 24 марта 2020 г. № 22-1907/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерацтт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.10.2021).

2. Барашко Г. А., Фоменко А. И. Преступность в социальных сетях: уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2020. № 2.

3. Громова А. В. Автороведческая экспертиза текста: опыт диагностики признаков соавторства на материале переписки в мессенджере // Сборник материалов X международной конференции «Русская культура и текст» (15–17 мая 2018 г.). Томск, 2018. С. 75–83.

4. Диагностика половозрастных и индивидуально-личностных характеристик автора нерукописного текста : методические рекомендации. М., 2014. 112 с.

5. Наумов А. А., Шиханова Е. Г. Использование социальных сетей в процессе доказывания // Вестник международного института рынка. 2019. № 2. С. 97–101.

6. Плотникова Т. В., Котельникова О. В. Феномен киберпреступности в условиях XXI века // Право: история и современность. 2020. № 3 (12). С. 141–150.

7. Приговор Центрального районного суда г. Оренбурга от 27 сентября 2019 г. № 1-227/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.10.2021).

8. Смагин П. Г. Использование социальных сетей при доказывании преступлений, совершенных несовершеннолетними // Воронежский институт МВД России. 2021. № 1 (8).

9. Хайдаров А. А. Использование возможностей социальных сетей и мобильных устройств для защиты адвокатами прав и законных интересов подозреваемых (обвиняемых) и выявления прокурорами нарушений по уголовным делам // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5 (114). С. 179–187.

10. Хасанова Д. И., Корнелюк О. В. Электронные доказательства как новый вид информации в уголовном судопроизводстве // СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2021. № 6 (58).

Кустов А. М.[1],
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного областного университета,
главный научный сотрудник научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

Кокорев Р. А.[2],
врио заместителя начальника кафедры криминалистики
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Анализ правоприменительной практики показал, что на современном этапе изменения криминальной ситуации в стране и в структуре механизма совершаемых преступлений просматривается влияние отдельных факторов: профессионализации преступного опыта, уровня образованности личности преступника, модернизации орудий и средств совершения преступлений, мобильность способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений и т. д. [1, с. 667]. Все это существенно влияет на сроки раскрываемости неочевидных преступлений и на эффективность их расследования, что приводит к необходимости разработки новых тактико-криминалистических приемов (операций) и технико-криминалистических средств с использованием имеющихся высоких цифровых технологий. В первую очередь, это проявляется в новых интегрированных исследовательских системах и технологиях, предлагающих эффективные с точки зрения быстроты сбора, анализа, обработки, систематизации и использования криминалистически значимой информации о самом преступлении и его участниках.

Технико-криминалистические средства, использующие цифровые технологии, позволяют оперативно применять обширные криминалистические и иные базы данных (в том числе криминалистические учеты), что создает условия для тесной интеграции следователей (дознавателей), иных сотрудников правоохранительных органов в процесс расследования [2, с. 119, 387, 480]. Будущее автоматизированных цифровых криминалистических инструментов, по мнению большинства ученых, лежит в цифровой обработке определенных баз данных и формировании на этой основе искусственного интеллекта. Разделяя мнение В. Ю. Федоровича, О. В. Химичевой, А. В. Андреева, полагаем, что в современном научном пространстве все активнее исследуются потенциальные сферы использования технологий информатизации и искусственного интеллекта [3, с. 207].

По мнению ученых, «к основным признакам искусственного интеллекта следует относить: технологическую (информационную) систему; обрабаты-

[1] © Кустов А. М. 2022.
[2] © Кокорев Р. А. 2022.

вающую исходную информацию (сведения); принимающую решение, сопоставимое с результатами интеллектуальной деятельности человека» [3, с. 207]. Таким образом, это некий комплекс технологий, который на основе первоначальных данных принимает решение.

Искусственный интеллект способен не просто действовать (работать) по заранее заданному алгоритму, но и проводить анализ данных криминалистических учетов, моделировать последствия, производить учет и своевременно учитывать дополнительную информацию и т. д.

Криминалистическая наука всегда отличалась высокой восприимчивостью к новым и особенно современным цифровым технологиям, которые способствуют обеспечению эффективного и быстрого расследования неочевидных преступлений, так что рассмотрение перспектив использования искусственного интеллекта представляет не только практический, но и теоретический интерес.

Результаты следственной и судебной практик позволяют утверждать, что цифровые технологии, используются не только следователями (дознавателями) при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), но и специалистами при сборе, фиксации и обработке большего количества данных о совершенном преступлении, его участниках, результатах процессуальных и поисковых действий, что позволяет оперативно принять решение по материалам проверки преступления и уголовному делу, и т. д.

В настоящее время наиболее эффективный способ организации искусственного интеллекта – искусственные нейронные сети. Они способны выявлять скрытые, неочевидные связи и закономерности обстоятельств совершения преступления и т. д. Для практиков при расследовании корыстно-насильственных преступлений используются или, правильнее сказать, работают сверхточные нейронные сети (для распознавания образов и классификации объектов) и рекуррентные сети (для работы с текстами, то есть получении данных о чем-то или о ком-то). На первоначальном этапе работы с искусственным интеллектом сотрудники правоохранительных органов, чаще всего, применяют его в следующих направлениях:

– выявление объявленных в розыск наиболее опасных преступников;

– видеонаблюдение за поведением граждан в местах массового скопления людей, в целях обеспечения общественного порядка и безопасности;

– анализ поведения пользователей сети Интернет на сайтах (в социальных сетях) и в мессенджерах (так, например, в 2018 г. китайским ученым удалось выявить более 20 тысяч потенциальных самоубийц и своевременно оказать им психологическую помощь) [4, с. 85–111].

Однако в настоящее время среди ученых и практиков нет единого мнения в вопросе выбора параметров, позволяющих однозначно сформировать систему признаков, отличающих, например, маньяка-убийцу от нормального человека, что в свою очередь затрудняет создание эффективных компьютерных программ, предназначенных для использования в процессе расследования. В связи с этим ученые-криминалисты, изучая значительные массивы уголовных дел, обратили внимание на то, что в действиях серийных убийц, сексуальных маньяков и в том, как они скрывают следы, существует достаточное количество закономерностей объективной реальности. На этой основе ученые продолжают разрабатываться ме-

тодические рекомендации и компьютерные программы по реализации этих закономерностей, позволяющих вычислять особо опасных преступников.

К примеру, у серийных преступников-насильников, как утверждают ученые-психологи, с детского возраста формируются и (в определенном возрасте) закрепляются некоторые черты индивидуального характера. Ими определена степень влияния различных факторов на результат моделирования предрасположенность человека к серийному насилию.

Установлено, что наиболее значимыми параметрами являются наличие психического расстройства, алкоголизм родителей, наличие всего одного из родителей, внутрисемейное насилие, семейный статус, социальный статус, насилие со стороны одноклассников или одногруппников [5, с. 80]. Особо выделено влияние некоторых параметров на предрасположенность к совершению серийных убийств и иному насилию. Например, у виновного, совершившего ту или иную серию преступлений, присутствуют некоторые психологические черты, которые характеризуют определенный порядок действий; у маньяков-убийц возникают жизненные периоды активности, которые связаны с патологическими изменениями мозга, когда они наиболее склонны к совершению преступлений. Ученые определили, что для некоторых маньяков-убийц наличие у них детей снизило бы их предрасположенность к насилию, тогда как для других нет.

С помощью определенных цифровых технологий ученые составили специализированную схему-таблицу, в которую по каждому эпизоду вошли сведения, полученные при осмотре места происшествия, из характеристик жертвы, а также особенностей совершенного преступления (способ, орудие и т. д.). На основе заданных параметров система формирует поисковый портрет преступника и просчитывает все возможные варианты его действий и выдает наиболее верный из них [6, с. 201–236].

Таким образом, современные цифровые технологии, используемые следователями (дознавателями) и специалистами-криминалистами, позволяют автоматически выявлять признаки серийных, взаимосвязанных преступлений, в том числе и по полученному с мест преступлений биоматериалу, то есть определять внешние анатомические признаки преступников (например, цвет глаз, волос, форму лица, голову и т. д.) [7, с. 46–52]. Однако средств фиксации следов преступления, сведений, которые имеют значение для уголовного дела в цифровой среде в действующем УПК РФ недостаточно [8, с. 109].

В заключение отметим, что работа искусственного интеллекта на сегодняшний день позволяет значительно упростить работу следователя (дознавателя) в части изучения юридических документов и материалов уголовного дела, а также анализа имеющихся прямых и косвенных улик. Быстро получить необходимую информацию из цифровых баз данных, сформировать предложения по алгоритму действий, а по полученным результатам принять своевременное решение. Однако современный уголовный процесс в России не готов обеспечивать потребности общества в цифровой среде. Реформировать его необходимо с учетом сохранения единства, гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу [8, с. 109].

Список литературы

1. Веренич И. В., Кустов А. М., Прошин В. М. Криминалистическая наука и теория механизма преступления. М. : Юрлитинформ, 2016. 669 с.

2. Криминалистика для бакалавров. М. : Проспект, 2021. 1024 с.

3. Федорович В. Ю., Химичева О. В., Андреев А. В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 205–210.

4. Кустов А. М. Лапин В. О. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. – начало XX1 в.). Том 1. М. : Юрлитинформ, 2021. 293 с.

5. Кустов А. М., Кокорева Л. В. Механизм заказного убийства террористического характера // Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации: Материалы межведомственной научно-практической конференции 16 мая 2013 г. Руза : Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2013.

6. Кустов А. М. История криминалистической практики и науки (X в. – середина XX в.). М. : Юрлитинформ, 2019. 237 с.

7. Бессонов А. А. О некоторых возможностей современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. М. : 2019. С. 46–52.

8. Панфилов П. О. Изменение уголовно-процессуального закона, вызванное цифровизацией экономических отношений: реальность и потребность // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 106–109.

Латыпов В. С.[1],
профессор кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕДУРЕ ПОДБОРА ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ПРАВОСУДИЮ

Применение цифровых технологий не является новеллой уголовного процесса современности. Действующее уголовно-процессуальное законодательство как Российской Федерации, так и Республики Казахстан содержит в себе соответствующие нормы, регламентирующие возможность применения цифровых технологий в ходе раскрытия и расследования уголовных дел.

Практически невозможно представить себе современного сотрудника правоохранительных органов, не применяющего достижения научно-технического прогресса в служебной деятельности. Более того, для сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации, в соответствии со ст. 11 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ входит в обязанность «*использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру*».

Вместе с тем, к сожалению, следует отметить, что криминальный мир, также взяв на вооружение достижение информационных технологий, достаточно эффективно применяет их в противоправном ключе, на что 3 марта 2021 г. на расширенном заседании коллегии МВД России обратил внимание сотрудников правоохранительных органов Президент России В. В. Путин. Глава государства отметил десятикратное увеличение преступлениям в сфере информационных технологий за последние шесть лет, а также подчеркнул, что обстановка 2020 г., вызванная пандемией, определила необходимость включения в уголовный процесс новых форм собирания доказательств [1]. Полагаем, современные реалии и эпидемиологическая обстановка лишний раз подчеркивает актуальность сказанного.

Посыл Президента Российской Федерации предопределил необходимость разработки Комплекса мероприятий по формированию эффективной системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации, специализирующихся на предотвращении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на 2021–2022 гг.) (далее по тексту – Комплекс мероприятий), который был утвержден 30 апреля 2021 г. Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В. А. Колокольцевым. Комплекс определяет последовательность выполнения соответствующих мероприятий с равномерным использованием кадровых, финансово-экономических и материально технических ресурсов в период 2021–2022 гг.

Безусловно, считаем это действенными мерами, однако, несмотря на предпринимаемые руководством страны и ведомства шаги все же полагаем, что это-

[1] © Латыпов В. С., 2022.

го не совсем достаточно. Существует острая необходимость внесения системных изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство страны, о чем также свидетельствуют многочисленные научные работы, успешно защищенные диссертационные исследования различного уровня, среди которых следует выделить работы П. С. Пастухова «Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества» (2015); А. И. Зазулина «Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу» (2018); Д. В. Овсянникова Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания» (2018); М. О. Медведевой «Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития» (2018); А. А. Балашовой «Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании» (2020). В настоящее время готовится к защите диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата юридических наук, подготовленное О. М. Ефремовой «Реализация полномочий следователя, направленных на получение и использование компьютерной информации при производстве следственных действий» (2021).

В свою очередь, в рамках подготовки настоящей статьи нами было осуществлено социологические исследование сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование в форме предварительного следствия и дознания. В опросе приняло участие 45 сотрудников, проходящих службу в г. Уфа Республики Башкортостан. Проведенный анализ результатов анкетирования позволил выявить сложности, с которыми встречаются правоприменители. Среди прочего, речь шла об остром дефиците времени для организации и производства расследования, оформления соответствующих процессуальных документов. Более детальное исследование показало, что достаточное количество драгоценного времени уходит на поиск и вовлечение в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие сторонам и суду.

Отметим, что к данной категории участников уголовного судопроизводства следует относить тех, кто осуществляет вспомогательную деятельностью, направленную на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультативной, технической или иной помощи сторонам и суду, должностным лицам и государственным органам, участниками процесса, не наделенными властными полномочиями, привлекаемыми к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ. В своем большинстве они сгруппированы в гл. 8 УПК РФ и гл. 10 УПК Республики Казахстан. К ним следует относить помимо лиц, чей процессуальный статус регламентирован вышеупомянутыми главами также и тех, кто лишен самостоятельного процессуального статуса: педагог, психолог, врач (справедливости ради следует отметить, что ст. 80 УПК РК относит вышеупомянутых участников процесса к специалисту, в то время как российский законодатель до сих пор не определился с их процессуальным статусом), процессуальный ассистент и другие.

Итак, озвучим проблему, которая нас заинтересовала на примере вовлечения и оплаты услуг переводчика. Рассмотрим процедуру оплаты вознаграждения переводчика за исполнение им своих обязанностей в ходе уголовного судопро-

изводства, привлекаемого МВД России. Финансово-экономический отдел МВД России требует проведения так называемого мониторинга организаций, предоставляющих услуги подобного рода. Необходимо определить цены в организациях данного населенного пункта и близлежащих городах, установить возможность, стоимость и сроки выполнения перевода. После чего, выбрав наиболее подходящий по цене и по срокам, подготовить докладную записку на имя руководителя Управления МВД России, в которой отражается необходимость осуществления перевода в той или иной организации за указанную сумму (обоснование цены). После одобрения руководством должностное лицо обращается в соответствующую организацию с просьбой оказать необходимую в рамках уголовного дела услугу по привлечению переводчика.

Для этого должностное лицо, его привлекающее, обязано подготовить ряд процессуальных документов: копию постановления о возбуждении уголовного дела, копию постановления о назначении переводчика; справку по уголовному делу; табель учета использования рабочего времени переводчика; постановление об оплате труда переводчика; договор № на проведение перевода; акт об оказании услуг. Для подтверждения участия переводчика в производстве процессуальных действий могут быть затребованы копии соответствующих протоколов, постановление о выплате. Затем составляется акт об оказанных услугах, в котором отражается, что заказчик (как правило, это Управление МВД России по соответствующему городу в лице начальника) принял работу исполнителя в лице конкретного переводчика, а также указывается объем документа в печатных знаках с пробелами. Кроме того, в акте отражается, из какого расчета установлена цена. Указывается общая стоимость оказанных услуг. Документ подписывается заказчиком, исполнителем, а также должностным лицом, которое привлекало данного переводчика, с обязательной пометкой «Перевод в полном объеме получил, претензий не имею»; прилагается заявление лица, осуществлявшего перевод, или справка организации с указанием номера счета, на который следует произвести оплату.

Подготовленный пакет документов передается в финансово-экономический отдел МВД России по субъекту и в вышестоящую инстанцию, после одобрения которой лицо или организация в течение двух–трех недель получает оплату на указанный счет.

Современная система учета и оплаты расходов, связанных с вовлечением в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, не отвечает требованиям современности, является усложненной и устаревшей.

С целью оптимизации данной процедуры необходимо разработать и внедрить современную цифровую правовую платформу, включающую в себя базу лиц и организаций, оказывающих услуги по участию в судопроизводстве (уголовном, гражданском, административном, арбитражном) в качестве переводчиков, экспертов, педагогов, психологов, а в случае необходимости и других лиц. Данный государственный сайт должен войти в каталог государственных сайтов и быть включен в официальные информационные интернет-ресурсы, посвященные деятельности государственных ведомств. Навигация должна содержать разделы, в которых была бы контактная информация о предварительно

самостоятельно зарегистрированных лицах, имеющих возможность и право оказывать содействие правосудию, их расценках и сайте, а также раздел, в котором отражалось бы количество предоставленных каждым конкретным лицом услуг, по каким категориям дел, с возможностью отзыва о принятом участии в судопроизводстве, применении в отношении данной категории лиц иных мер принуждения. Кроме того, самостоятельным разделом должна быть представлена возможность предоставления необходимых для оплаты услуг документов (в том числе в виде файлов), направляемых непосредственно в финансово-экономический отдел соответствующего ведомства или другую заинтересованную службу.

Проект подобного рода, по аналогии с сайтом «Госуслуги», существенно облегчит работу правоприменительных органов различных ведомств в поиске необходимых проверенных лиц для оказания содействия правосудию и позволит обеспечить прозрачность и отсутствие коррупционности в ходе привлечения лиц, оказывающих содействие правосудию. Создание данной платформы не должно подменять традиционную форму привлечения лиц для оказания содействия правосудию.

Список литературы

1. Путин В. В. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090 (дата обращения: 22.09.2021).

Миронов В. Л.[1],
преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД
и применения информационных технологий
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АНОНИМИЗАЦИЯ В ИНТЕРНЕТЕ: ЧТО ОБ ЭТОМ НУЖНО ЗНАТЬ СЛЕДОВАТЕЛЮ?

Всемирная паутина все активнее используется злоумышленниками – по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации [2] в январе–сентябре 2021 г. зарегистрировано 272 254 преступления (АППГ – 209 671; +29,8 %) с использованием или применением сети Интернет, что составляет более двух третей (67,56 %) от всех преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. В указанный период предварительно расследовано лишь 66 437 преступлений, а количество преступлений, уголовные дела о которых приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ составляет 179 857. Очевидно, что столь большое количество неустановленных лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемого, обусловлено целым рядом причин. Основная из них заключается в использовании злоумышленниками различных средств и способов сокрытия или искажения следов своей сетевой активности.

Заметим, что само по себе использование анонимизации в Интернете не является противозаконным. Мотивы скрытия связи между пользователем и его присутствием в сети могут быть самыми разными. Во-первых, это желание противодействовать утечке личной информации, ведь не секрет, что многие сайты собирают всю доступную им информацию о своих посетителях (например, об их поисковых запросах, местоположении, истории веб-серфинга) и используемых ими устройствах, программном обеспечении и т. п. Во-вторых, это стремление обезопасить себя при доступе к публичным сетям Wi-Fi. Неконтролируемый трафик может быть перехвачен, что даст злоумышленникам возможность получить доступ не только к текущему сетевому соединению, но и в целом к устройству пользователя. А кому-то просто надоела навязчивая таргетированная реклама.

Для понимания сути анонимизации необходимо предварительно рассмотреть способы идентификации устройств в сети и то, каким образом эта информация связана с пользователем.

Для того, чтобы узлы сети могли обмениваться данными, им присваиваются уникальные (неповторяющиеся в данной сети) идентификаторы, разновидностями которых являются MAC-адрес и IP-адрес.

MAC-адрес (Media Access Control, управление доступом к среде) представляет собой физический идентификатор конкретного экземпляра сетевого устройства. Наиболее распространенным является 48-битный MAC-адрес, чаще всего отображаемый в шестнадцатеричном виде (например, 97:e1:36:ca:5b:34). Первая часть, состоящая из трех байт, содержит 24-битный код производителя

[1] © Миронов В. Л., 2022.

оборудования, оставшиеся три байта производитель использует для идентификации каждого экземпляра своей продукции. MAC-адрес прошивается в устройствах при их изготовлении и является уникальным во всем мировом пространстве (глобально администрируемым).

Важно понимать, что MAC-адрес имеет не само оборудование (компьютер, планшет, смартфон и т. п.), а его сетевой адаптер. Соответственно, если в сетевом устройстве используется несколько сетевых адаптеров, то каждый из них имеет свой MAC-адрес. Например, ноутбуки, как правило, оснащаются двумя сетевыми адаптерами – для проводного и беспроводного подключения к сети. Информацию о MAC-адресах можно просмотреть стандартными средствами операционной системы.

Использование MAC-адресов при организации сетевых соединений осуществляется, как правило, в рамках локальной вычислительной сети. В качестве примера можно рассмотреть беспроводную сеть, в которой Wi-Fi роутер обменивается данными с подключенными к нему устройствами. При этом сервер провайдера знает MAC-адрес роутера, а что касается видимости MAC-адресов подключенных устройств, то это зависит от настроек роутера.

Анализ MAC-адресов применяется во многих сферах. Например, в торговых центрах Wi-Fi-радары фиксируют перемещения посетителей (конечно только тех, на чьих устройствах включен модуль Wi-Fi) для получения информации о том, как долго и как часто посещались те или иные магазины, выявления популярных маршрутов движения покупателей.

Таким образом, зная глобально администрируемый MAC-адрес можно точно установить производителя и модель устройства. Непосредственно к пользователю эта информация не приведет, так как продажа устройств осуществляется обезличено. Тем не менее знание MAC-адреса может принести определенную пользу, например, можно выявить работу одного и того же устройства в разных сетях, отследить его физическое перемещение в зоне действия сетей с несколькими роутерами, установить точное время подключения и т. п.

В отличие от MAC-адреса, который физически определяет сетевое устройство, IP-адрес осуществляет его логическую идентификацию. В настоящее время используется две версии IP-адреса: IPv4 и IPv6. В 4-й версии IP-адрес представляет собой 32-разрядное двоичное число. Для удобства восприятия при записи IP-адреса это число разбивается на четыре байта, каждый из которых переводится в десятичный вид. Таким образом, IPv4 представляет собой последовательность четырех, разделенных точками, десятичных чисел, каждое из которых может принимать значение от 0 до 255 (например, 192.168.0.3 или 10.244.13.100). Длина IPv6 составляет 128 бит, которые отображаются как восемь групп по четыре шестнадцатеричных числа в каждой (например, 2033:0db8:11a3:09d7:1f34:8a2e:07a0:765d).

IP-адреса могут быть статическими или динамическими. В первом случае адрес устройства остается неименным при каждом подключении к сети, а динамический адрес назначается каждый раз заново.

Роль IP-адреса в работе сети значительно важнее, чем MAC-адреса, так как его использование не ограничивается рамками локальной сети. Используя све-

дения о IP-адресе можно установить не только отправителя и получателя данных, но и все промежуточные узлы сети, через которые передавались данные.

Очевидно, что раз MAC и IP адреса являются сетевыми идентификаторами, то их подмена (сокрытие) позволит пользователю анонимизировать свое присутствие в сети.

Несмотря на то, что MAC-адрес прошивается в устройствах при их изготовлении, в большинстве современных устройств он может быть изменен самим пользователем штатными средствами операционной системы. Например, в Windows это можно сделать несколькими способами: в диспетчере устройств, в реестре, через командную строку или используя оболочку PowerShell. В мобильных устройствах (Android, iOS) изменение MAC-адреса осуществляется в меню настроек. Названия этой функции несколько отличаются в зависимости от операционной системы и ее версии: «Приватный адрес», «Рандомизированный MAC-адрес», «Случайный MAC-адрес устройства», «Использование частного адреса» и т. п.

При выборе такого режима MAC-адрес формируется случайным образом, становится локальным и уже не несет в себе информацию о производителе и виде продукции.

В тоже время понять, какой именно перед нами MAC-адрес – прошитый (глобальный) или измененный (локальный) – совсем не сложно. Надо посмотреть значение младшего разряда в первом слева шестнадцатеричном числе. В нашем примере 97:e1:36:ca:5b:34 – это семерка. Если значение этого разряда 0, 1, 4, 5, 8, 9, c, d то MAC-адрес прошитый, если 2, 3, 6, 7, a, b, e, f то измененный.

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о подмене IP-адреса, осуществить которую можно несколькими способами, наиболее распространенными из которых являются:

– прокси-сервер (proxy-server);
– VPN (Virtual Private Network, виртуальная частная сеть);
– сеть Tor.

Прокси-сервер представляет собой промежуточной элемент между компьютером пользователя и интернет-ресурсом и обеспечивает анонимность путем подмены IP-адреса абонента.

При необходимости обращения к сетевому ресурсу компьютер пользователя инициирует сетевое соединение с прокси-сервером, содержащее обычный запрос, как если бы он обращался непосредственно к ресурсу. Обработав данные запроса, прокси-сервер, не разрывая соединения с пользователем, устанавливает новое сетевое соединение непосредственно с ресурсом и транслирует ему тот же самый запрос. Получив ответные данные, прокси-сервер переадресовывает их компьютеру пользователя.

Особенность заключается в том, что использование прокси-сервера не предполагает шифрования трафика и запросов на соединение, поэтому вся сетевая активность пользователя, включая его реальный IP-адрес, видна провайдеру.

Стоит отметить, что прокси-сервер решает целый спектр сетевых задач, связанных с управлением трафиком и обеспечением безопасности данных, и его функциональность не ограничивается анонимизацией пользователей.

Технология VPN создавалась отнюдь не для анонимизации пользователей. Основная цель применения VPN заключается в создании одного или нескольких доверенных сетевых соединений поверх другой сети, например Интернета. В созданной сети все устройства «доверяют» друг другу, а трафик между ними защищается средствами криптографии. В последние годы VPN нашла широкое применение в корпоративных решениях, особенно для обеспечения безопасной удаленной работы сотрудников.

Использование VPN для анонимизации можно упрощенно описать следующим образом. VPN выполняет роль посредника при установлении связи между пользователем и каким-либо интернет-ресурсом, для чего на устройство пользователя устанавливается VPN-клиент. Устройство пользователя по шифрованному каналу связи соединяется с частной виртуальной сетью, которая, подменив его IP-адрес на свой, соединяется с нужным сайтом. Таким образом, сайты видят информацию не о пользователе, а о каком-то случайном IP-адресе из частой виртуальной сети. В отличие от прокси, где провайдер знает реальный IP-адрес пользователя и имеет доступ к незашифрованному трафику, в VPN провайдер может лишь понять факт использования VPN, но не более того.

Весьма распространенным является использование VPN для обхода географических блокировок контента. Следует помнить, что в нашей стране законодательно установлена обязанность любого анонимайзера, в том числе и VPN, блокировать интернет-ресурсы, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации [1].

Подключение к VPN осуществляется путем запуска клиентской программы, осуществляющей перенаправление трафика на VPN-сервер (платный или бесплатный). Как правило, пользователь может выбрать страну (регион), которой будет соответствовать сгенерированный IP-адрес. Бизнес-модель наиболее функциональных сервисов VPN заключается в обеспечении максимальной конфиденциальности и безопасности своих пользователей, они не ведут журналов деятельности пользователей.

Tor (The Onion Router) – это комплекс программ, реализующих так называемую луковую маршрутизацию.

Ключевой особенностью сети Tor является ее максимальная ориентированность на обеспечение приватности и конфиденциальности пользователей путем шифрования трафика и сокрытия реального IP-адреса. Сложившийся у многих стереотип «Tor – DarkNet – наркотики, оружие, пиратский контент, детская порнография и т. п.» верен лишь отчасти. Тот факт, что сеть Tor весьма активно используется в противоправных целях, лишний раз свидетельствует о возможности двойного применения большинства цифровых технологии.

Трафик в сети Tor управляется распределенной сетью серверов, обеспечивающих передачу пользовательской информации таким образом, что ни в одном узле невозможно определить, откуда или куда направляются зашифрованные данные.

Передачу данных в общем виде можно описать следующим образом. После ввода пользователем адреса/имени сетевого ресурса (например, названия сайта) Tor-браузер выполняет следующие действия:

1. Формирует маршрут трафика, для чего определяет три промежуточных сервера, через которые будут передаваться данные.

2. Трижды шифрует передаваемые данные – сначала шифром третьего сервера, затем шифром второго и в завершение шифром первого.

3. Передает данные на первый сервер.

Каждому серверу после дешифровки полученных данных доступны сведения только о том, откуда они пришли и куда их отправить. Когда информация приходит на последний сервер, она полностью дешифруется и в открытом виде отправляется к месту назначения. Слои шифрования снимаются последовательно друг за другом, что и определило появление термина «луковая маршрутизация». Конфиденциальность обеспечивается тем, что ни один из серверов не имеет доступа к исходному IP-адресу пользователя и передаваемым данным.

Поскольку трафик проходит через множество серверов с многочисленными этапами шифрования и дешифрования, работа в сети Tor существенно замедлена в сравнении с обычным соединением.

Для повышения эффективности обеспечения приватности возможно комбинирование различных технологий. Например, Tor и VPN можно использовать одновременно, причем двумя способами: VPN через Tor или Tor через VPN.

Подведем итоги. Идентификаторами устройств в компьютерных сетях являются MAC и IP адреса, которые пользователь может изменить для обеспечения своей анонимности. Наиболее эффективными технологиями анонимизации являются VPN и Tor, которые кроме подмены IP-адреса обеспечивают шифрование трафика. По характерным особенностям трафика провайдер может понять, что пользователь использует VPN или Tor, но куда/откуда идет трафик, провайдер автоматически отследить не может. Использование анонимайзеров в России не запрещено, запрещено предоставлять такие услуги для обхода блокировок сайтов, доступ к которым запрещен в соответствии с законодательством.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 14.11.2021).

2. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 14.11.2021).

Наметкин Д. В.[1],
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Приволжского филиала Российского государственного
университета правосудия (г. Нижний Новгород),
кандидат юридических наук

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Стадия возбуждения уголовного дела для уголовного судопроизводства имеет важное значение, так как предусматривает в рамках стадии изучение обстоятельств произошедшего, совершение следственных и процессуальных действий, которые позволяют определить наличие или отсутствие признаков преступления. Несмотря на значительную критику со стороны профессионального сообщества, данная стадия уголовного процесса сегодня сохраняет за собой важную задачу – определение реальных оснований для возбуждения уголовного дела и выявление обстоятельств произошедшего в реальной, фактической действительности. Данная стадия имеет большое материальное и процессуальное значение для органов предварительного расследования, так как отсеивает значительное число сообщений о совершении происшествий, которые не имеют признаков преступления. На этапе проверки сообщений о совершении преступления очень важна деятельность органов предварительного расследования и дознания, которые имеют право на отказ в возбуждении уголовного дела. Именно проблема отказа является ключевой проблемой для споров между критиками и сторонниками данной уголовной процессуальной стадии.

Важно отметить, что поставленная цель позволяет снизить показатели неправомерных или ошибочных отказов в возбуждении уголовного дела, снизить количественные показатели учетно-регистрационных ошибок, но данные цели не связаны в прямом своем значении с совершенствованием досудебного производства, а также уголовно-процессуальное совершенствование юридических техник и механизмов. По факту, получается, что определение цели в рамках данной стадии заключается не в реальном обнаружении причинно-следственных связей между событиями и фактами, не в выявлении природы противоправного деяния, а в объективной проблеме снижения статистической погрешности и, возможно, откровенной халатности в части проверки фактов по поступающему заявлению или сообщению.

Проблема целеполагания на стадии возбуждения уголовного дела для разных правоохранительных органов различна. Председатель Следственного комитета России А. Бастрыкин заявляет о четкой необходимости сохранения стадии в ее текущем виде, указывая на незначительный процент погрешности в своем выступлении и оперируя опытом реформы УПК Украины, где измене-

[1] © Наметкин Д. В., 2022.

ние формы стадии не привело к ее ликвидации, а лишь изменило внешнюю процессуальную составляющую [1].

Комплексность юридических норм в пределах одного правового института подразумевает единство выраженной в них государственной воли, единство механизма правового регулирования и, наконец, единство целей и задач. Все это в полной мере характерно для отказа в возбуждении уголовного дела [2, с. 118]. Особенностью отказа в возбуждении уголовного дела, составляющим его правовую природу, является то, что оно предполагает установление истины, тогда как возбуждение уголовного дела указывает на начало ее отыскания [3, с. 85]. Сторонники радикальных реформ предлагают отказаться от этого этапа уголовного процесса [4, с. 55]. Сторонниками реформирования выступают сотрудники органов дознания, назначаемые в рамках доследственной проверки сообщения о правонарушении или заявления о преступлении в качестве ответственных лиц за проверку и оценку первичных данных и поступившей информации. В данном случае их цель – перенос ответственности за принятие решение о возбуждении уголовного дела на следственные органы, которые в свою очередь должны, по их мнению, вести дело от момента поступления сообщения или заявления, до момента дальнейшего процессуального действия – или возбуждения и перехода на стадию предварительного расследования или отказа в возбуждении.

Проблема заключается в том, что цель данной стадии, формулирование цели на данном процессуальном этапе – это определить наличие или отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела. Принимаемые фактические и процессуальные меры должны быть направлены на достижение данной цели. В рамках доследственной проверки определяется преступность деяния и его фактическое наличие (реальность). Данная цель позволяет в дальнейшем определить объективное наличие оснований для возбуждения дела и передачи его на стадии предварительного расследования. Следственные действия на основании материалов возбужденного дела проводятся следственными органами, в результате чего каждый из элементов правоохранительной системы разделяет цели разных стадий между собой. Попытки изменения данной системы направлены на увеличение нагрузки на следственные органы и изменение цели предпринимаемых действий по факту проверки правонарушения.

На сегодняшний день подобная проблематика в целеполагании представляется не объективной и не требующей изменения, несмотря на сторонников и противников реформирования уголовно-процессуального закона. Совершенствование механизмов предварительного расследования и доследственной проверки не должны быть связаны с процессуальным «переодеванием» стадий процесса и их целей.

В контексте исследования данного вопроса важно подчеркнуть, что стадия возбуждения уголовного дела в некотором смысле имеет обеспечительную функцию для стадии предварительного расследования. Обеспечительная функция находится в том числе в тех данных, которые имеются о преступлении на стадии возбуждения дела, то есть в ходе проверки информации о совершении преступления. Именно на данной стадии наиболее эффективно формируется процесс взаимодействия между органами внутренних дел и следственными

органами. По этой причине основным сторонником сохранения стадии возбуждения уголовного дела является Следственный комитет России. Данный вопрос по-прежнему находится на повестке дня, несмотря на тот факт, что анализ реформирования данного уголовно-процессуального института в ближнем зарубежье был проанализирован и определена относительная неэффективность предпринятых мер процессуального реформирования.

Таким образом, стоит отметить, что стадия возбуждения уголовного дела – это стадия уголовного судопроизводства, которая включает в себя проведение определенных процессуальных мероприятий по проверке факта совершения преступления. Возбуждение уголовного дела служит обеспечительным процессуальным целям в уголовном процессе. Именно на данной стадии происходит фильтрация сообщений и заявлений о совершении преступления, которые могут получить отказ в возбуждении по объективным процессуальным причинам.

На данной стадии решаются важные вопросы, связанные с установкой факта совершения преступления, обстоятельств совершения преступления, до отдельных показаний, которые в дальнейшем могут быть использованы следственными органами на стадии предварительного расследования. Важно подчеркнуть, что на сегодняшний день продолжаются споры, связанные со стадией предварительного расследования и стадией возбуждения уголовного дела. По-прежнему рассматривается вопрос упразднения стадии возбуждения уголовного дела, которая по своему содержанию может перейти в стадию предварительного расследования. Данные споры напрямую связаны с тем, чтобы внести изменения в объем полномочий и ответственности у различных правоохранительных органов.

Важно подчеркнуть, что данная стадия является одной из главных в последовательности этапов расследования уголовного преступления. Стадия возбуждения уголовного дела – это ключевая стадия, с которой фактически начинается сам уголовный процесс, формально определенная уголовно-процессуальным законом и включающая в себя основания, порядок и особенности реализации данной стадии уголовного процесса. На данной стадии решаются важные вопросы, связанные с установкой факта совершения преступления, обстоятельств совершения преступления, до отдельных показаний, которые в дальнейшем могут быть использованы следственными органами на стадии предварительного расследования. Сегодня продолжаются споры, связанные со стадией предварительного расследования и стадией возбуждения уголовного дела.

Современное состояние уголовного процесса в России, а в частности, стадия возбуждения уголовного дела, во многом основана на советской системе уголовно-процессуального права. Начальная стадия уголовного процесса содержит в себе не столько процессуальный порядок или последовательность действий со стороны органов, осуществляющих предварительные следственные или процессуальные действия, а принципы и подходы к стадии начала (возбуждения) уголовного преследования. Именно данный теоретический и практический аспект ценностной ориентации уголовного процессуального права определяет, в большинстве своем, особенности организации уголовно-процессуальных правоотношений в части возбуждения уголовного дела.

Представляется, что стадия возбуждения уголовного дела должна содержать в себе такие особенности в рамках процессуального права, которые позволят беспрепятственно принимать решения о возбуждении дела, после чего с помощью следственных действий на стадии предварительного расследования выявлять особенности и доказательную базу совершения преступления. Важно понимать, что на этапе возбуждения уголовного дела нет целей по выявлению доказательств, есть цель определения достаточных данных для возбуждения дела, после чего проводятся соответствующие следственные действия для поиска доказательств по совершенному преступлению.

Назначение данной стадии уголовного дела заключается в определении данных, которых было бы достаточно для возбуждения уголовного дела. Данный вопрос актуален в рамках изучения данной темы и представляется важным для исследования в комплексе оценки эффективности уголовного процесса.

Отдельного внимания заслуживает актуальный вопрос порядка реализации стадии возбуждения уголовного дела, от этапа поступления сообщения, информации, до этапа перехода возбужденного уголовного дела на стадию предварительного расследования. Последовательность действий, что справедливо, в определенной степени зависит от основания, по которому уголовное дело может быть возбуждено. То есть, на момент возбуждения уголовного дела или отказа в его возбуждении, органы предварительного расследования и дознания уже совершают определенные действия, которые предусмотрены ведомственными актами и законодательством в отношении поступившей информации.

При поступлении сообщения о готовящемся или совершенном преступлении, а также при поступлении информации о подозрительных действиях, которые могут завершиться совершением преступления, органы внутренних дел обязаны отреагировать надлежащим образом и проверить указанную им информацию. В первую очередь, речь идет о готовящемся преступлении, что требует незамедлительной оценки ситуации и принятия мер по предупреждению совершения преступления. Во вторую очередь – это проверка информации о совершенном преступлении, в особенности, если речь идет о преступлении, совершенном в реальный момент времени. То есть действия сотрудников органов внутренних дел должны подчиняться принципам целесообразности с точки зрения проверки сообщения и совершенном или готовящемся преступлении.

Методология проверки информации совершения преступления отличается тем, что на текущем этапе проблема точной методологической последовательности действий со стороны сотрудников органов внутренних дел остается попрежнему актуальной. Представляется необходимым отметить, что при проведении мероприятий по проверке информации о совершения преступления следует учитывать наличие определенного порядка действий, которые требуется совершить для того, чтобы составить первичную картину относительно вопросов совершения преступного деяния, как в части самого факта его совершения, так и особенностей совершения.

Важно подчеркнуть, что методологические особенности совершения первичных действий по проверке совершения преступлений – это комплексные меры, которые отличаются друг от друга в зависимости от того, какая исходная

информация была получена. Своевременное и правильное реагирование на поступающую информацию – единственная гарантия возможности точно определить совершенное преступления и получить информацию, необходимую для дальнейшего совершения предварительного расследования органами дознания и предварительного следствия.

Список литературы

1. Электроный ресурс. URL: https://proza.ru/2018/04/02/1394.

2. Маслов А. В., Климентов А. А. Отказ в возбуждении уголовного дела: правовая природа и проблемы регулирования // Право: история и современность. 2019. № 4. С. 117–121.

3. Карнеева Л. М., Миньковский Г. М. Особенности пределов доказывания при принятии некоторых процессуальных решений в стадии предварительного следствия // Вопросы предупреждения преступности. 1966. № 4. С. 83–109.

4. Вицин С. Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56.

Нгуен Тхи Нгок Иен[1]*,*
доцент Юридического факультета
Академии Народной безопасности
Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ВЬЕТНАМА

Модель уголовного судопроизводства Вьетнама сформировалась под достаточно сильным влиянием французской и советской моделей уголовного процесса.

Уголовно-процессуальные кодексы, применявшиеся во время французского колониального периода, по сути представляли собой копии французского УПК, однако, после 1945 г., а также с принятием Конституции Вьетнама 1959 г. и до принятия Конституции Вьетнама 1980 г., правовая система Вьетнама находилась под сильным влиянием советской модели, которая явно проявилась в УПК Вьетнама 1988 г., а затем в УПК Вьетнама 2003 г.

Особенностями модели уголовного судопроизводства Вьетнама являются следующие элементы.

Во-первых, в уголовном процессе Вьетнама уголовные дела не рассматриваются как правовые споры или конфликты между сторонами. В отличие от состязательной модели в уголовном судопроизводстве предполагается, что, совершая преступление, лицо нарушает публичные интересы. Функция разрешения уголовных дел полностью возлагается на органы государства в лице компетентных органов, осуществляющих уголовное преследование, и разрешающих уголовное дело по существо. Потерпевший не вправе повлиять на процессуальное решение, принимаемое по уголовному делу в рамках досудебного производства, однако в суде его мнение может быть учтено при вынесении решения. Подозреваемые, обвиняемые и подсудимые играют пассивную роль в процессе разрешения уголовно-правового конфликта.

Во-вторых, назначением уголовного судопроизводства является установление объективной истины по делу (ст. 2 УПК Вьетнама). Эта цель регулирует все полномочия субъектов уголовного судопроизводства. Путь к достижению этой цели заключается в том, чтобы закон возложил полную ответственность по обнаружению, собиранию и оценке доказательств, установлению истины по делу на орган и лицо, ведущее производство по уголовному делу. Кроме того, исходя из этой цели, в уголовном судопроизводстве Вьетнама нет «факультативного судебного преследования» или «признания вины по договоренности», как в состязательной модели.

В-третьих, есть особенности процессуальных методов разрешения уголовного дела. Уголовный процесс Вьетнама определяет установление истины посредством производства следственных действий. На стадии расследования следователь проводит все предусмотренные законом следственные действия

[1] © Нгуен Тхи Нгок Иен, 2022.

по собиранию доказательств. Получив от органа расследования уголовное дело, прокуратура продолжает изучать материалы уголовного дела, чтобы принять решение о привлечении к уголовной ответственности или отказе от уголовного преследования правонарушителя. В рамках судебного разбирательства судья также уполномочен произвести отдельные следственные и судебные действия, направленные на обеспечение реализации принципа состязательности сторон.

В-четвертых, рассмотрение уголовного дела разделено на процессуальные этапы. В уголовном процессе Вьетнама процесс рассмотрения уголовных дел разделен на процессуальные этапы (возбуждение, расследование и судебное разбирательство). На каждом процессуальном этапе права, обязанности и ответственность каждого субъекта, осуществляющего производство по делу. Судебное разбирательство является важным этапом, на котором от удовлетворения ходатайств сторон зависит вынесение окончательного судебного решения. На данной стадии субъекты могут выполнять различные функции. Так, например, прокуратура реализует функцию уголовного преследования и надзора за судебной деятельностью.

В-пятых, отличается положение и роль субъектов уголовного судопроизводства. Субъекты в уголовном процессе Вьетнама разделены на две категории: субъекты, ведущие производство, и субъекты, участвующие в процессе. Субъектами, ведущими производство, являются: следственные органы, прокуратуры, суды. Субъектами, участвующими в разбирательстве, являются: лица, содержащиеся под стражей, обвиняемые, ответчики, потерпевшие, гражданские истцы, гражданские ответчики; лица, имеющие интересы и обязанности, связанные с делом; защитники; защитники интересов вовлеченных сторон, свидетели, эксперты и переводчики. Субъект, ведущий производство, по закону наделен всеми полномочиями по осуществлению доказывания по уголовным делам, имеет исключительное право на собирание доказательств. Участники процесса не вправе собирать доказательства по делу, только вправе предоставлять документы и предметы, которые подлежат оценке лицом, ведущим расследование. Следователь при таких обстоятельствах должен выполнять функцию сбора доказательств об обстоятельствах, оправдывающих подозреваемого, обвиняемого, что, по мнению Л. М. Карнеевой, входит в единый процесс и с юридической, и с психологической точки зрения [1, с. 46].

Суд играет активную роль, тесно взаимодействуя с прокуратурой в процессе установления объективной истины по делу. Несмотря на то, что следственные органы, прокуратура и суды имеют свои собственные функции и задачи на каждой стадии разбирательства, все они имеют одинаковую задачу по выявлению преступлений и установлению истины по делу.

В последнее время усиливаются гарантии защитников. Так, например, им предоставлено право присутствовать при допросе и других следственных действиях с участием задержанных и обвиняемых, знакомиться с протоколами процессуальных действий, производимых с их участием или с участием доверителя.

В-шестых, в уголовном процессе Вьетнама всегда имеются «материалы уголовного дела». Если в состязательной модели не существует «официального» уголовного дела, то в уголовном процессе Вьетнама материалы уголовного

дела существуют на всех этапах уголовного судопроизводства. Материалы уголовного дела содержат всю информацию о доказательствах, используемых процессуальными органами для выполнения своих процессуальных функций, которые дополняются на последующих стадиях производства.

Таким образом, практика реализации моделей уголовного процесса показала, что каждая модель имеет свои преимущества и ограничения. Несмотря на наличие различных черт моделей уголовного судопроизводства, нашедших свое отражение в уголовном процессе Вьетнама, представляется, что в большей степени сохраняются черты розыскной модели, которые позволили государственным органам стабилизировать и взять под контроль криминогенную ситуацию, обеспечить надлежащим образом общественный порядок и безопасность. Однако в настоящее время, в условиях развития экономики, требуется внесение изменений, которые должны стать эффективными инструментами защиты социалистического права и законодательства. Не случайно Л. М. Карнеева отметила, что «процессуальные гарантии в Советском уголовном процессе являются не только гарантиями для лиц, участвующих в нем, но и гарантиями интересов государства, правосудия, гарантиями интересов народа» [1, с. 57].

В связи с этим необходимо дальнейшее расширение и укрепление демократической среды, гласности, прозрачности и справедливости процесса рассмотрения уголовных дел; обеспечение возможности объективного расследования и создание условий для беспристрастного разрешения уголовного дела по существу.

Список литературы

1. Карнеева Л. М. Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в советском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.00. М., 1955. 324 с.

Поликарпова О. С.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

ИНСТИТУТ СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ КАК ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПОДОЗРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Институт судебных следователей известен отечественному уголовному процессу еще с далекого 1860 г. принятием «Учреждения судебных следователей». В 1864 г. одноименный правовой институт был включен в Главу I Раздела II Устава уголовного судопроизводства. В указанный период времени на судебных следователей возлагалась обязанность по осуществлению предварительного следствия. Введение указанного института в тот период становления отечественного уголовного судопроизводства было заимствовано из кодекса уголовного расследования Франции 1808 г.

Вместе с тем уголовное судопроизводство рассматриваемого исторического периода ознаменовано законодательным закреплением таких наиважнейших принципов, как состязательность и презумпция невиновности, значимость которых только усилилась в современном демократическом государстве. Полагаем, что немаловажную роль в реализации данных принципов в период становления уголовного судопроизводства России играли именно судебные следователи – должностные лица, выведенные, ввиду возлагаемых на них полномочий, из подчинения власти и, как следствие, процессуальной зависимости от ее воли.

Революция 1917 г. повлекла за собой кардинальные изменения системы уголовного судопроизводства, нашедшей свое законодательное закрепление в УПК РСФСР, введенным в законную силу в 1922 г. Тогда институт судебных следователей был упразднен. Ему на смену в 1923, 1960 гг. были приняты новые Уголовно-процессуальные законы, последний из которых применялся вплоть до июля 2002 г., но заложенная в 1922 г. в Уголовно-процессуальный закон модель уголовного судопроизводства, хоть и была в дальнейшем иначе структурирована и усовершенствована, но многие включенные к нее на тот период времени институты послужили основой для формирования ныне действующего Уголовно-процессуального закона Российской Федерации.

В свою очередь, ряд стран постсоветского пространства после распада СССР осуществляли на начальных этапах становления самостоятельного государства уголовное судопроизводство на основании уголовно-процессуальной модели, повторяющей модель, заложенную в Уголовно-процессуальный закон РСФСР и впоследствии продублированную в УПК РФ. Однако в дальнейшем в процессе совершенствования законодательства ряд образовавшихся в следствие распада СССР государств столкнулись с необходимостью его приведения в соответствие с международными стандартами ввиду убеждения, что действующие на тот период времени на территории этих государств Уголовно-процессуальные законы не позволяли в полном объеме реализовать положения

[1] © Поликарпова О. С., 2022.

Конвенции о защите прав человека и основных свобод и не отвечали требованиям демократизации и гуманизации [1, с. 10].

Примером изложенного послужит УПК Кыргызской Республики, в свете реформирования которого выше упомянутый нами институт судебного следствия был возрожден, хоть и с его именованием «следственный судья» и с несколько иными функциями в отличие от известного нам почти одноименного правового института, введенного в 1860 г., но не с умалением его значимости для построения состязательного уголовного процесса и его гуманизации.

К полномочиям следственного судьи по ныне действующему УПК Кыргызской Республики отнесено принятие решений:

– о законности и обоснованности задержания подозреваемого в совершении преступления либо проступка лиц;

– об избрании меры пресечения и продлении сроков их применения;

– о применении мер процессуального принуждения и иных процессуальных решений, схожих в большинстве своем с закрепленными в ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Недопустимость предрешения вопросов, отнесенных как к компетенции суда, за ним согласно ст. 30 УПК КР сохранены полномочия по разрешению уголовного дела и иные, ряд из которых известен нам из положений, закрепленных в ч. 1 ст. 29 УПК РФ, так и выступающих в качестве полномочий должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, законодательно закрепленная в ч. 4 ст. 31 УПК КР, безусловно, указывает на беспристрастность и независимость следственных судей.

Указанные полномочия рассматриваемого нами участника уголовного судопроизводства, полагаем, могут выступать гарантией как обоснованности уголовного преследования подозреваемого в совершении преступления лица, так и защиты от такового ввиду недоказанности факта причастности конкретного лица к совершенному уголовно-наказуемому деянию, которые следственные судьи, при внедрении такого института в УПК РФ, смогут выявлять исходя из переданных им процессуальных полномочий при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения, существенно ограничивающей закрепленное в ст. 22 Конституции Российской Федерации право каждого гражданина на свободу и личную неприкосновенность, ограничение которого, как справедливо указано Верховным Судом Российской Федерации [2], может быть оправдано лишь публичным интересом и допустимо исключительно после детального изучения представленных органами предварительного расследования копий материалов уголовного дела в обоснование заявленного ходатайства.

В УПК РФ на сегодняшний день гарантией обоснованности уголовного преследования по уголовному делу, производство предварительного следствия по которому обязательно, выступает институт обвинения, усиливающий, как полагаем, по замыслу законодателя, ответственность уполномоченного на производство предварительного следствия должностного лица за принимаемое им процессуальное решение, позволяющее не только осуществлять уголовное преследование лица, в отношении которого наличествует обоснованное подозрение в причастности к совершению преступления, на протяжении более длительного периода времени, но и избирать либо инициировать перед судом хода-

тайство о применении к такому лицу меры пресечения на период свыше 10 суток с момента начала уголовного преследования по уголовным делам, неочевидным на момент принятия решения о их возбуждении (не рассматриваем в данной рукописи исключительные составы преступлений, приведенные в ч. 2 ст. 100 УПК РФ, позволяющие отсрочить момент предъявления обвинения до 45 суток).

Новая уголовно-процессуальная модель, закрепленная в УПК КР, путем введения института следственного судьи, позволила, как нам представляется [3], вытеснить институт обвинения из начального этапа предварительного расследования по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым обязательно, переместив его на завершающий этап досудебной стадии, то есть на момент утверждения итогового для названной стадии процессуального решения (ст. 46 УПК РК) применительно к уголовным делам, имеющим судебную перспективу, то есть не подлежащим прекращению в силу наличия предусмотренных к тому процессуальных оснований. Нам представляется, что достигнуто указанное в уголовном судопроизводстве Республики, послужившей примером в данной рукописи, путем передачи полномочий по обеспечению гарантий обоснованности уголовного преследования институту следственных судей, что, безусловно, привело к развитию института подозрения и возможности полноценной реализации принципа презумпции невиновности на досудебной стадии уголовного судопроизводства, закрепляющего исключительное право суда на установление виновности того или иного лица в совершении инкриминируемого деяния.

Актуальность института следственного судьи для уголовного судопроизводства России активно дискуссируется учеными-процессуалистами на протяжении десятилетия, многие из которых единодушны во мнении о необходимости расширения состязательности досудебного производства при расследовании преступлений путем введения института следственного судьи. В том числе такое именитые процессуалисты, как В. Д. Зорькин [4], М. Ю. Барщевский [5] выступают в защиту названного института.

Вместе с тем рядом процессуалистов подвергается сомнению целесообразность расширения полномочий следственного судьи в отношении доказательств и в целом введение этого участника в уголовный процесс России [7, с. 112, 115]. В том числе и Л. В. Головко не усматривает положительных проявлений в процессуальной деятельности ряда стран постсоветского пространства, в которых нашел свое законодательное закрепление институт следственного судьи [6].

Нами же обосновывается возможность развития института подозрения посредством внедрения института следственного судьи с наделением последнего схожими с приведенными выше полномочиями. В том числе учитывая разногласия ученых-процессуалистов в вопросах целесообразности появления следственного судьи в уголовное судопроизводство России, полагаем, высказанная нами правовая позиция выглядит вполне перспективной.

Список литературы

1. Найманбаев А. Б. Развитие законодательства Кыргызской Республики в современных условиях: вопросы теории : автореф. дис… канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2011. 26 с.

2. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/.

3. Поликарпова О. С., Шестакова С. Д. Развитие института подозрения как предпосылка к отказу от института предъявления обвинения // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. СПб, 2021.

4. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. URL: https://rg.ru/2014/12/18/zorkin.html (дата обращения: 24.10.2021).

5. Барщевский М. Ю., Морщакова Т. Г. Сверим правописание. Как избавиться от обвинительного уклона в судах // Российская газета. URL: http://www.rg.ru/2013/09/24/sud.html (дата обращения: 27.10.2021).

6. Головко Л. В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? // URL: https://www.iuaj.net/node/1740 (дата обращения: 23.10.2021).

7. Савельев К. А. Нужны ли российскому судопроизводству следственные судьи? // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1.

Пузырева Ю. В.[1],
заместитель начальника кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ИНТЕРПОЛА И ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Международная организация уголовной полиции является самой крупной в мире международной полицейской организацией и в настоящее время превосходит по численности Организацию Объединенных Наций (далее – ООН). Это довольно примечательно, поскольку обе организации были учреждены примерно в одно и то же время: ООН – после окончания Второй мировой войны в 1945 г., историю же современного Интерпола можно смело отсчитывать с 1956 г., когда в Вене на 25-й сессии Генеральной Ассамблеи Международной комиссии уголовной полиции был принят новый Устав Организации [5, с. 180–182]. К настоящему времени значимость для обеих организаций для всего мирового сообщества подтверждается их численным составом: членами ООН являются 193 государства, государств-участников Интерпола – 194.

Интерпол в своей деятельности реализует один из основных принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН 1945 г. – принцип сотрудничества государств. При этом в данном документе среди прописанных сфер межгосударственного сотрудничества борьба с преступностью отсутствует. Закреплены такие сферы межгосударственного взаимодействия, как: социальная, культурная, гуманитарная, экономическая. Вместе с тем вот уже 100 лет как государства осознают, что без эффективного и рационально скоординированного международного *полицейского сотрудничества* противодействовать вызовам и угрозам безопасности, посягающим на экономическую, политическую стабильности в мире нельзя [4, с. 138–139].

Для Интерпола и ООН как исторических игроков на международной арене вполне естественно объединение сил, потенциалов и возможностей в поддержании безопасного мира. Интерпол играет особую роль – постоянного наблюдателя при Организации Объединенных Наций – с 1996 г. [15]. Этот статус был официально закреплен в Соглашении о сотрудничестве в 1997 г. [16]. Сотрудничество Интерпола и ООН закреплено в резолюциях как Генеральной Ассамблеи ООН, так и Совета Безопасности ООН.

Начиная с 2000 г., Интерпол упоминается в 57 резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, охватывающих ряд тем, таких, как терроризм, торговля людьми, оружие, коррупция и преступления, связанные с окружающей средой и культурным наследием [17].

Сотрудничество между двумя организациями укрепилось в ноябре 2016 г., когда Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла резолюцию «Сотруд-

[1] © Пузырева Ю. В., 2022.

ничество между Организацией Объединенных Наций и Международной организацией уголовной полиции (Интерпол)» [12], в которой подчеркнута роль сотрудничества между ООН и Интерполом в деле борьбы со всеми формами транснациональной преступности в рамках осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

В данной резолюции определены четкие рекомендации государствам-членам ООН по расширению сотрудничества между ООН и Интерполом для оказания государствам-членам, по их просьбе, помощи в обеспечении эффективности использования следующих ресурсов Интерпола, через их национальные центральные бюро:

а) глобальной предназначенной для органов полиции защищенной системы связи Интерпола I-24/7, которая позволяет уполномоченным пользователям обмениваться конфиденциальной и срочной необходимой для полиции информацией с партнерами по всему миру;

б) баз данных Интерпола – путем их пополнения, сообразно обстоятельствам, в целях обмена информацией с иностранными партнерами при полном уважении национального суверенитета и оперативных приоритетов на основе обеспечения полного доступа к этим базам данных;

в) системы распространения уведомлений и рассылок Интерпола с предупреждениями и обращенными к иностранным правоохранительным органам запросами об оказании помощи;

г) механизма Интерпола по анализу информации криминального характера, а именно аналитических материалов Интерпола, в поддержку проведения оперативных мероприятий и расследований на национальном уровне;

д) программ и инициатив Интерпола по профессиональной подготовке и наращиванию потенциала, направленных на укрепление потенциала национальной полиции.

Эта резолюция была подтверждена в 2018 г. в рамках очередной резолюции Генеральной Ассамблеей ООН «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Международной организацией уголовной полиции (Интерпол)» от 26 ноября 2018 г. с добавлением оперативной формулировки по ключевым областям сотрудничества, особенно по борьбе с терроризмом [14].

Кроме того, основные положения резолюции были рассмотрены и единогласно приняты во второй раз 23 ноября 2020 г. в качестве резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/75/10 с добавлением рабочих формулировок по ключевым областям сотрудничества, таким, как киберпреступность, глобальные цели полицейской деятельности, учет гендерной проблематики в правоохранительной деятельности и миротворческой деятельности. В эту пересмотренную резолюцию включен специальный параграф об особом влиянии COVID-19 на преступную деятельность во всем мире [13].

Роль Интерпола закреплена и особенно подчеркнута в многочисленных резолюциях Совета Безопасности ООН, а именно:

– Резолюции 2482 (2019) от 19 июля 2019 г. [10], призывающей государства-члены ООН наилучшим образом использовать полицейские возможности Интерпола, включая его массив следственных и аналитических баз данных, для

предотвращения и противодействия связям между терроризмом и организованной преступностью, будь то внутри страны или транснациональной;

– Резолюции 2529 (2020) от 25 июня 2020 г. [11], высоко оценивающей сотрудничество между Международным остаточным механизмом для уголовных трибуналов и Интерполом, которое способствовало обнаружению и аресту руандийского беглеца, обвиненного в геноциде и преступлениях против человечности, предположительно совершенных в Руанде в 1994 г.;

– Резолюции 2322 (2016) от 12 декабря 2016 г. [7], признающей роль Интерпола в борьбе со всеми формами и аспектами незаконного оборота культурных ценностей, потенциально приносящих пользу террористическим группам;

– Резолюции 2331 (2016) от 20 декабря 286 г. [8], призывающей Интерпол продолжать поддерживать усилия государств по развитию возможностей для решения проблемы торговли людьми, если она совершается с целью поддержки терроризма и др.

Возможности двух организаций – Интерпола и ООН – также объединены в форме специальных уведомлений, выпускаемых для предупреждения правоохранительных органов всех государств о физических и юридических лицах, подпадающих под санкции Совета Безопасности ООН [2, с. 48–51].

Специальные уведомления содержат информацию, идентифицирующую физическое или юридическое лицо по мере причастности к терроризму, и разъясняющую соответствующие санкции; это помогает сотрудникам правоохранительных органов принимать надлежащие меры в соответствии с их национальными законами.

С декабря 2017 г. государствам-членам ООН рекомендуется представлять фотографии, а также биометрические данные физических лиц для отражения в специальных уведомлениях в соответствии с резолюцией 2399 Совета Безопасности ООН [9]. Специальные уведомления рассылаются всем странам-членам Интерпола через защищенную глобальную систему связи Интерпола, и выдержки из них публикуются на официальном сайте Интерпола. С момента его учреждения данного документа в 2005 г. было выпущено более 700 специальных уведомлений.

В ноябре 2004 г. был открыт Офис Специального представителя Интерпола при ООН в Нью-Йорке. В 2018 г. в отделении ООН в Вене открылось вспомогательное бюро постоянного наблюдателя [18]. Это компактное размещение двух штаб-квартир ООН позволяет привлекать внимание к областям, в которых ООН может использовать инструменты и услуги Интерпола, и более динамично изучать возможности двустороннего сотрудничества.

Сотрудники Интерпола поддерживают регулярные контакты с учреждениями ООН и постоянными представительствами государств-членов при ООН. Такое взаимодействие гарантирует, что глобальные проблемы правоохранительного сотрудничества адекватно представлены в международной политике и инициативах.

В настоящее время между Интерполом и ООН сформировались определенные приоритетные направления двустороннего сотрудничества в борьбе с преступностью [19]. Организации поддерживают прочные рабочие отношения со

специализированными контртеррористическими структурами ООН, включая Контртеррористическое управление (UNOCT) и Контртеррористический центр, а также Контртеррористический комитет (CTC) и его Исполнительный директорат (CTED) [6, с. 126–128].

Ключевые тематические области сотрудничества Интерпола и ООН в борьбе с терроризмом включают оценку и выявление угрозы, исходящей от иностранных боевиков-террористов, использование биометрических данных для эффективной идентификации террористов – участников вооруженных конфликтов и выявление растущей связи между терроризмом и организованной преступностью.

Интерпол все активнее взаимодействует с подразделениями Организации Объединенных Наций в борьбе с организованной, новой и транснациональной преступностью, уделяя особое внимание ее связи с терроризмом [3, с. 125–127]. Интерпол является одним из 22 членов Межведомственной координационной группы по борьбе с торговлей людьми (ICAT). В рамках Глобального договора ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции Интерпол поддерживает государства в борьбе с незаконным ввозом мигрантов.

Таким образом, современный Интерпол является стратегическим партнером Организации Объединенных Наций в борьбе с нарастающими угрозами со стороны транснациональной организованной преступности. За длительный период взаимодействия сторонам удалось выработать прочные правовые основы двустороннего сотрудничества и сформировать оперативные и информационные механизмы борьбы с преступностью. В настоящее время международные организации занимаются разработкой стратегических направлений межгосударственного взаимодействия в борьбе с преступностью, а также поиском путей для реализации вырабатываемых приоритетов.

Список литературы

1. Cooperation between the United Nation and the International Criminal Police Organization – Interpol // INTERPOL. URL: file:///D:/Downloads/Agreement% 20UN%201997%20 (1).pdf.

2. Водянов А. В., Пузырева Ю. В. Информационное обеспечение сотрудничества государств по линии Интерпола // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1. С. 48–51.

3. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 166 с.

4. Пузырева Ю. В. Актуальные вопросы взаимодействия Интерпола с международными организациями // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-2. С. 138–139.

5. Пузырева Ю. В. Историко-правовые вопросы создания и деятельности Интерпола // Право, общество, государство: проблемы теории и истории : сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. М., 2021.

6. Пузырева Ю. В., Ерифа Е. Н. Антитеррористическая составляющая в деятельности Интерпола по укреплению международного правопорядка на

современном этапе // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39).

7. Резолюция 2322 (2016), принятая Советом Безопасности 12 декабря 2016 г. «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами» // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/2322%282016%29 (дата обращения: 15.09.2021).

8. Резолюция 2331 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7847-м заседании 20 декабря 2016 г. «Поддержание международного мира и безопасности» // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/2331%28 2016%29 (дата обращения: 15.09.2021).

9. Резолюция 2399 (2018), принятая Советом Безопасности на его 8169-м заседании 30 января 2018 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/2399 (2018) (дата обращения: 15.09.2021).

10. Резолюция 2482 (2019), принятая Советом Безопасности на его 8582-м заседании 19 июля 2019 г. «Угрозы международному миру и безопасности» // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/2482 (2019) (дата обращения: 15.09.2021).

11. Резолюция 2529 (2020), принятая Советом Безопасности 25 июня 2020 г. «Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов» // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/2529 (2020) (дата обращения: 15.09.2021).

12. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 2016 г. A/RES/71/19 «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Международной организацией уголовной полиции» // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/A/71/L.17 (дата обращения: 15.09.2021).

13. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 23 ноября 2020 г. A/RES/75/10 «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Международной организацией уголовной полиции» // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/75/10 (дата обращения: 15.09.2021).

14. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 2018 г. A/RES/73/11 «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Международной организацией уголовной полиции» // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/73/11 (дата обращения: 15.09.2021).

15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 2016 г. A/RES/51/1 «Предоставление Международной организации уголовной полиции (Интерполу) статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблеи» // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/51/1 (дата обращения: 15.09.2021).

16. Cooperation between the United Nation and the International Criminal Police Organization – Interpol // INTERPOL. URL: file:///D:/Downloads/Agreement% 20UN%201997%20 (1).pdf (дата обращения: 15.09.2021).

17. INTERPOL and the United Nations // INTERPOL. URL: https://www.interpol.int/Our-partners/International-organization-partners/INTERPOL-and-the-United-Nations/UNGA-and-UNSC-resolutions-highlighting-INTERPOL-s-role (дата обращения: 15.09.2021).

18. INTERPOL and the United Nations // INTERPOL. URL: https://www.interpol.int/Our-partners/International-organization-partners/INTERPOL-and-the-United-Nations (дата обращения: 15.09.2021).

19. Today’s priorities for INTERPOL-United Nations collaboration // INTERPOL. URL: https://www.interpol.int/Our-partners/International-organization-partners/INTERPOL-and-the-United-Nations/Today-s-priorities-for-INTERPOL-United-Nations-collaboration (дата обращения: 15.09.2021).

Пьянкова Н. В.[1],
заместитель начальника
Казанского линейного управления МВД России на транспорте –
начальник следственного отдела

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И НЕЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИИ С СУДОМ

Проблемы реализации принципа самостоятельности и независимости следователя во взаимоотношении с судом проявляют себя в самых различных аспектах. Предшествующий и последующий оперативный судебный контроль всех проблемных нюансов взаимодействия следователя и суда не исчерпывают. Глубокое понимание проблем этого взаимодействия предполагает взгляд на соприкосновения следователя и суда не только через призму возможных столкновений и непонимания, но и с точки зрения общего дела, которое эти органы выполняют в рамках уголовного судопроизводства в целом. Поэтому проблема реализации принципа самостоятельности и независимости следователя, руководителя следственного органа во взаимоотношении с судом при реализации последующего судебного контроля может ставиться и таким образом, когда судебный контроль рассматривается не как средство ограничения, а, напротив, как средство поддержки процессуальной самостоятельности субъектов предварительного расследования.

На практике уже давно поставлен вопрос о праве следователя в судебном порядке оспаривать указания прокурора и руководителя следственного органа, а также обжаловать в вышестоящих судебных инстанциях решения суда, вынесенные по результатам судебного контроля за их процессуальной деятельностью.

Этот вопрос приобрел актуальность в результате нормативного отделения следствия от прокурорского надзора, укрепления организационной и процессуальной самостоятельности следственных органов. Нормативные перемены, усилили желание следователей избавиться от прокурорской «опеки» или, по крайней мере, ограничить ее. Равно как и усилились и намерения прокурора эту «опеку» сохранить и даже преумножить. В результате этого зримого и невидимого противостояния представители разных ведомств склонны по-своему толковать УПК РФ.

И здесь возникают проблемы, которые на первый взгляд не всегда заметны. Одна из таких проблем – проблема процессуальных отношений между следователем и судом и роль прокурора в этих отношениях. В силу устойчивой тенденции сохранения процессуального руководства предварительным следствием, представители прокуратуры считают, что в рамках статусного предварительного и последующего судебного контроля последнее слово должно принадлежать прокурору. Во всяком случае, формулируется позиция, что в случае конкуренции позиций прокурора и следователя суд в императивном порядке должен занять строну прокурора.

---

[1] © Пьянкова Н. В., 2022.

Эти проблемы были сформулированы и обстоятельно разобраны профессором Н. Н. Ковтуном [1]. Вступая в дискуссию с А. Г. Халиулиным [2] (последний выражает интересы прокуратуры), он развернуто показал ряд обстоятельств.

А. Г. Халиулин, к примеру, считает недопустимым удовлетворение судом ходатайства следственных органов, если эти ходатайств не поддерживаются прокурором в судебном заседании. Мотивация его сводится к особой роли прокурора в уголовном процессе. Н. Н. Ковтун считает, что здесь во главу угла должны ставиться соображения законности и обоснованности внесенного в суд ходатайства следственных органов [1, с. 30, 31].

Мы поддерживаем позицию Н. Н. Ковтуна. В уголовном процессе нет такого участника, который бы исключительно по должности (или процессуальному статусу) наделялся преимущественным правом на констатацию объективной истины. В контексте общей картины уголовного судопроизводства с его многочисленными контрольно-проверочными стадиями даже суд не имеет подобной привилегии.

Не должно быть особых привилегий или ограничений в борьбе за истину с самим судом у органов, отвечающих за результаты предварительного следствия. «Суд разрешает не ведомственные споры между прокуратурой и следственными органами, «слишком» осознавшими свою независимость, а спор о действительном наличии фактических и юридических оснований для удовлетворения (отказа в удовлетворении) того или иного ходатайства следователя, разрешенного в порядке оперативных судебно-контрольных производств» [1, с. 32].

Приведенную цитату нередко используют в качестве аргумента о том, что профессор Н. Н. Ковтун является сторонником рассмотрения следователя как полноценного участника судебного обжалования результатов оперативного судебного контроля [3, с. 2549]. Сам же Николай Николаевич здесь подразумевал лишь ошибочное обозначение предмета судебного спора: «Достаточно очевидно, что суд разрешает не ведомственные споры между прокуратурой и следственными органами... а спор о действительном наличии фактических и юридических оснований для удовлетворения (отказа в удовлетворении) того или иного ходатайства следователя, разрешенного в порядке оперативных судебно-контрольных производств» [1, с. 33].

Что касается права следователя на подобное обжалование, то данная позиция (сторонником которой, вопреки истинному положению дел презентуют и Н. Н. Ковтуна) была подвергнута сомнению не только на доктринальном уровне, но и на уровне официального судебного толкования УПК РФ. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 г. № 23 абзац п. 1 23 Постановления, о котором мы говорили чуть выше, был изложен в следующей редакции: «Согласно ст. 127 УПК РФ не вступившее в законную силу постановление судьи, принятое по жалобе, может быть обжаловано в порядке, установленном гл. 45.1 УПК РФ, а вступившее в законную силу постановление судьи – в кассационном порядке, установленном гл. 47.1 УПК РФ, лицами, указанными соответственно в ст.ст. 389.1 и 401.2 УПК РФ. При этом уголовно-процессуальный закон не наделяет должностных лиц органов дознания и предварительного следствия, чьи действия (бездействие) и решения оспаривались в порядке ст. 125 УПК РФ, правом на обжалование постановления судьи».

Как видим, помимо уточнений, связанных с реформой контрольно-проверочных стадий уголовного процесса, здесь появился и категоричный запрет следователю обжаловать постановления судьи. Пятнадцать лет закон позволял судебной практике видеть основания для этого права, и вдруг эти основания исчезли. Во всяком случае, на уровне именно судебной практики этот вопрос был закрыт категорически.

Представителям следствия не оставили права ни апелляционного, ни кассационного обжалования судебных решений. В комментарии к анализируемому Постановлению читаем: «Примечательным является положение, касающееся запрета должностным лицам органов дознания и предварительного следствия, чьи действия (бездействие) и решения оспаривались в порядке ст. 125 УПК РФ, приносить апелляционные жалобы. Данный запрет связан с тем, что в УПК РФ среди субъектов обжалования, то есть лиц, наделенных правом принесения жалоб и представлений, должностные лица органов следствия и дознания не упоминаются». И далее: «Правом кассационного обжалования не наделены дознаватель, начальник органа дознания, следователь и руководитель следственного органа. Их жалобы возвращаются без рассмотрения. В случае несогласия с принятым судебным решением они могут лишь ходатайствовать перед прокурором о внесении соответствующего кассационного представления» [4].

Уместно заметить, что авторы комментария делают оговорку о том, что данное судебное толкование юридической наукой воспринимается неоднозначно. «Ряд авторов полагает несправедливым положение, не позволяющее дознавателю, следователю и руководителю следственного органа приносить апелляционные жалобы на судебные решения и предлагают наделить их правом принесения представлений и обращений в вышестоящие суды» [4].

Вместе с тем нас не оставляет ощущение, что позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации в части констатации, что «уголовно-процес–суальный закон не наделяет должностных лиц органов дознания и предварительного следствия, чьи действия (бездействие) и решения оспаривались в порядке ст. 125 УПК РФ, правом на обжалование постановления судьи», имеет привкус волюнтаризма.

Директива Пленума Верховного Суда Российской Федерации не снимает вопроса: на каких основаниях была воздвигнута эта позиция. Предположим, что в качестве такого основания можно рассматривать современный круг субъектов, которые наделены правом апелляционного и кассационного обжалования. Но закономерен вопрос, такие ли уж принципиальные изменения были внесены в этот круг в ходе реформы апелляции и кассации. Думаем, что отрицательный ответ на этот вопрос можно отыскать в следующих наших рассуждениях.

Действуя в рамках старой формулы процессуального обжалования, авторы базировали основания для своих выводов на анализе части первой ст. 354 УПК РФ, согласно которой судебные решения, не вступившие в законную силу, могут быть обжалованы сторонами в апелляционном и кассационном порядке. Поскольку, в соответствии с положениями ст. 38 УПК РФ, следователь является участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, то есть сто-

роной в процессе на досудебной стадии, то, по мнению автора, он обладает правом на подачу кассационной жалобы.

При этом они предлагали не акцентировать внимание на положениях ч. 4 ст. 354 УПК РФ, где сказано, что «право обжалования судебного решения принадлежит осужденному, оправданному, их защитникам и законным представителям, государственному обвинителю или вышестоящему прокурору, потерпевшему и его представителю», полагая, что этот перечень субъектов обжалования относится только к стадии судебного производства, где следователь не участвует [7, с. 88].

Сам факт отнесения следователя и руководителя следственного органа к стороне обвинения является достаточным основанием, чтобы рассматривать их полноправными обладателями права на обжалование, которое законодатель даровал сторонам. На аналогичной точке зрения настаивает И. С. Дикарев. «Лица, ведущие уголовный процесс, – указывает он, – должны наделяться правом… обжалования судебных решений в тех случаях, когда в разрешенном судом споре они выступали в качестве стороны, отстаивая при этом собственный процессуальный интерес. Именно это правило… предполагает необходимость наделения следователя и руководителя следственного органа полномочиями по обжалованию судебных решений» [5].

Однако лагерь противников указанного подхода велик и представителен. На его стороне и Верховный Суд Российской Федерации. Да и обычные суды тоже. Так, Московский городской суд еще до появления жесткой запретительной позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации указал, что «согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, следователь не наделен правом самостоятельного обжалования судебного решения, в том числе в силу его полномочий в соответствии со ст. 38 УПК РФ, и не является лицом, права и интересы которого, затронуты обжалуемым постановлением» [5].

Заметим, как актуально в контексте нашей диссертации прозвучал центральный тезис постановления Московского городского суда – «следователь не наделен правом самостоятельного обжалования судебного решения». Как видим, здесь следователю прямолинейно и в буквальном смысле отказывается в процессуальной самостоятельности. Означает ли это, что в отношениях с судом принцип процессуальной самостоятельности и независимости следователя и руководителя следственного органа не реализуется? И не реализуется, потому что это априори не реализуемо?

Посмотрим еще раз на стилистику этого постановления. Главный тезис, сводящий на нет процессуальную самостоятельность следователя в части общения с судом в рамках оперативного контроля, подается так, словно это настолько очевидный факт, что доказательства его справедливости заложены в самом процессуальном статусе следователя. Наличие этого факта (постановления суда) и научной аргументации в противовес мнениям О. Кузьминой и И. С. Дикарева и их единомышленников как раз и должно рассеять наши сомнения по поводу волюнтаризма Верховного Суда Российской Федерации по этому вопросу.

Некоторое недоумение у нас вызывает и то обстоятельство, что теория и судебная практика хотят представить следователя, осмелившегося обжаловать судебное решение, вынесенное в порядке судебного контроля, как некоего су-

тягу, который заботится исключительно о себе. Впрочем, сугубо личные интересы следователя суд защищать в кассационном порядке как раз и не отказывается. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 28 января 2014 г. «О применении норм главы 47^1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» указал, что «к числу иных лиц, обладающих правом на обжалование судебного решения в той части, в которой оно затрагивает их права и законные интересы, относятся лица, не признанные в установленном законом порядке теми или иными участниками процесса, но исходя из своего фактического положения нуждающиеся в судебной защите… Право на обращение в суд кассационной инстанции с жалобой на законность вынесенного судом частного определения (постановления) имеет лицо, в отношении которого может быть возбуждено дисциплинарное производство или применены иные меры, затрагивающие личные интересы этого лица, в связи с обстоятельствами, указанными в частном определении (постановлении). В других случаях кассационные жалобы дознавателя, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, представителя учреждения или органа, исполняющего наказание, возвращается без рассмотрения» (п. 2).

К этим «другим случаям», как представляется, и относятся ситуации, когда следователь через свою жалобу на решение суда, принятое в рамках оперативного судебного контроля, пытается отстоять, как минимум, свой профессиональный интерес, который, в конечном итоге, является интересом государственным. И посредник в лице прокурора, которого следователю пытаются навязать, следователю здесь как раз не нужен. Если уж без такового никак не обойтись, то пусть это будет не прокурор, а руководитель следственного органа.

Полагаем, что указанные проблемы, несмотря на позицию Верховного Суда Российской Федерации, рано еще считать окончательно решенными. Их еще рано снимать с научной повестки, поскольку практика нуждается в иных формах взаимодействия суда и следователя в части процессуальной самостоятельности последнего.

Список литературы

1. Ковтун Н. Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссий? // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 29–34.

2. Халиулин А. Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11 С. 3–8.

3. Ничипоренко А. А. Обжалование следователем, дознавателем судебных решений: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до УПК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11 (48).

4. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». СПб., 2020. 79 с.

5. Дикарев И. Право субъектов, ведущих уголовный процесс, на принесение ходатайств в порядке надзора // Уголовное право. 2011. № 1. С. 63.

6. Постановление Московского городского суда от 2 октября 2013 г. по делу № 10-9629/2013 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

7. Кузьмина О. Следователь как субъект обжалования судебных решений на досудебной стадии уголовного процесса // Уголовный процесс. 2010. № 3. С. 88.

Ромашова М. В.[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Обеспечение эффективности предварительного расследования уголовного дела выступает ключевым фактором защиты прав граждан и организаций, пострадавших от преступных посягательств, а также лиц, привлекаемых к ответственности и подвергающихся мерам уголовного преследования. Эффективность расследования напрямую зависит от стабильности и качества работы органов предварительного следствия и дознания [1, с. 10].

Данные ведомственной и судебной статистики свидетельствуют о низком качестве и недостаточной эффективности предварительного расследования. В 2019 г. органами прокуратуры выявлено 5 139 782 нарушения законов в ходе предварительного расследования. При этом прокурором отменено 14 022 постановления о возбуждении уголовного дела, 2 035 927 – об отказе в возбуждении уголовного дела, 26 156 – о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), 416 285 – о приостановлении расследования. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2020 г. 75 503 уголовных дела прекращены (23,4 %), 14 149 возвращены прокурору для устранения нарушений (1,9 %). 1932 человека были оправданы (0,26 %), в отношении 1296 человек производство по делу прекращено за отсутствием события, состава преступления или непричастности к преступлению (0,17 %).

Только качественное и эффективное расследование уголовных дел способствует выполнению целей уголовного судопроизводства [2, с. 56]. Положения международного права содержат ряд требований к качеству предварительного расследования, которые заключаются в обязанности государственных органов обеспечить независимость и беспристрастность расследования, оперативность проведения процессуальных действий, сохранность доказательств, тщательность в ходе сбора и исследования доказательств и назначение справедливого наказания лицу, совершившему преступление. Данные положения соответствуют российскому уголовно-процессуальному законодательству, однако, на практике не всегда выполняются.

На этапе проведения доследственной проверки необходимо достоверно установить причинно-следственную связь между противоправным деянием и наступившим последствием путем тщательного сбора и исследования доказательств.

Так, по делу в отношении начальника смены дежурной части Отдела МВД России по Балахнинскому району Нижегородской области, осужденного 5 июня 2020 г. по ч. 2 ст. 293 УК РФ, сотрудники полиции предприняли незаконные меры уголовного преследования при отсутствии причинно-

[1] © Ромашова М. В., 2022.

следственной связи между бездействием обвиняемого, который не распорядился о наблюдении за задержанным и не наблюдал лично за действиями задержанного в монитор, и наступлением смерти задержанного, совершившего самоубийство путем повешения. К данному выводу пришел суд апелляционной инстанции, отменив приговор Балахнинского городского суда от 5 июня 2020 г., что свидетельствует о серьезных недостатках предварительного следствия и грубом нарушении норм международного права об обеспечении эффективного расследования.

Необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, в свою очередь, также свидетельствует о нарушении международно-правового стандарта эффективности проведения расследования, поскольку влечет снижение вероятности изобличения виновных. Потерпевшему Р. Р. Зинатуллину было неоднократно отказано в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия причинно-следственной связи между бездействием должностных лиц мэрии, которые допустили сдачу в эксплуатацию недостроенного здания, имевшего свободный доступ, и наступившим последствием в виде причинения вреда здоровью потерпевшему, упавшему на строительной площадке и получившему инвалидность. Европейский Суд по правам человека при исследовании жалобы Р. Р. Зинатуллина 28 января 2020 г. усмотрел нарушения в действиях должностных лиц, принявших необоснованное и преждевременное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, не предприняв должных попыток установить личности виновных и их обязанностей, связанных с обеспечением безопасности на строительной площадке.

Согласно правовым позициям Совета ООН по правам человека ни при каких обстоятельствах органы власти не должны допускать, чтобы преступления оставались безнаказанными, что имеет особую важность для поддержания общественного доверия, обеспечения верховенства права и соблюдения стандарта эффективности предварительного расследования. Изучив дело «Опуз против Турции», Европейский Суд по правам человека пришел к выводу о необходимости своевременного реагирования государства по своей инициативе на ставшие известными акты бытового насилия. В связи с актуальностью проблемы семейно-бытового насилия в мире Верховный Суд Российской Федерации вышел с инициативой исключения из уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации института частного обвинения и расследования указанной категории дел в частно-публичном порядке, при котором бремя доказывания будет лежать не на частном обвинителе, в роли которого по данной категории дел наиболее часто выступают потерпевшие женского пола, а на государственных органах, обладающих значительным объемом полномочий для привлечения виновного к уголовной ответственности.

Соблюдение принципа эффективности предварительного расследование сопряжено с независимостью сотрудника, который его производит. Данное положение зафиксировано в ст. 61 УПК РФ, закрепляющей обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу, а также в текстах постановлений Европейского Суда по правам человека. Например, в постановлении по делу «Г. Н. Ходюкевич против Российской Федерации» указано, что отсутствие независимости на первоначальном этапе отрицательно сказалось на дальнейшем расследовании, поскольку следователь, являющийся коллегой подозре-

ваемых, расследуя дело по факту причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему Альшину, впоследствии скончавшемуся, не обеспечил сбор в полном объеме и сохранность доказательств, а именно допустил утрату запись камер видеонаблюдения, к которым имел прямой доступ. По мнению Европейского Суда по правам человека, для достижения прозрачности расследования необходимо было поручить расследование другому подразделению ОВД. Согласно правовой позиции Совета ООН по правам человека, чтобы соответствовать требованиям международного права, сотрудники органов предварительного расследования должны быть очевидно свободны от неподобающего давления, что отражено в пункте 30 Доклада по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом.

Для поддержания общественного доверия к органам предварительного расследования, соблюдения принципа законности и обеспечения эффективного предварительного расследования важную роль играет своевременность реагирования органов государственной власти на сообщения о преступлении и оперативность проведения следственных и иных процессуальных действий. На данный аспект обратил внимание Европейский Суд по правам человека при изучении материалов дела «З. И. Агаркова против Российской Федерации», в соответствии с которым производство по уголовному делу прекращалось и возобновлялось шесть раз в связи с отсутствием состава преступления в действиях лица, причинившего погибшему телесные повреждения в условиях необходимой обороны, и расследование длилось более пяти лет, что не может быть оправдано обстоятельствами дела и свидетельствует о недостатках в процессе расследования и нарушении Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Эффективное и качественное предварительное расследование предполагает соблюдение процедуры уголовного судопроизводства и несовместимо с жестоким обращением с участниками процесса. В постановлении по делу «А. Е. Михеев против Российской Федерации» от 26 января 2006 г. закреплено положение о необходимости обеспечивать физическую неприкосновенность лиц, находящихся по стражей, а в случае неспособности объяснить причины появления телесных повреждений у заключенных, пытки и жестокое обращение с ними презюмируются. Прекращение уголовного дела в отношении сотрудников органов предварительного расследования, допустивших бесчеловечное обращение в отношении находящегося под стражей потерпевшего А. Е. Михеева, выпрыгнувшего в окно и ставшего полностью физически недееспособным, свидетельствует о нарушении фундаментального запрета пыток и жестокого обращения с участниками уголовного судопроизводства, а также несоблюдении на практике принципа неотвратимости наказания как одного из аспектов эффективности предварительного расследования.

Таким образом, в соответствии с международно-правовыми стандартами, государство обязано обеспечить эффективное расследование дел, предполагающее своевременное, обоснованное и независимое разбирательство, тщательный сбор и сохранность доказательств, привлечение виновного к уголовной ответственности. Недостатки в работе органов следствия и дознания снижают качество расследования уголовных дел, приводят к нарушениям процессуаль-

ных сроков и повышают вероятность вынесения оправдательных приговоров и возвращения дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, что в совокупности приводит к нарушению общепризнанного принципа обеспечения эффективного предварительного расследования.

Список литературы

1. Агутин А. В. Понятие и цели прокурорского надзора за исполнением законов при приостановлении и возобновлении предварительного следствия и дознания // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2019 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 10–21.

2. Батыщева Е. В. Актуальные вопросы и проблемы качества предварительного расследования и пути их решения // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3 (82). С. 55–60.

Самолаева Е. Ю.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

За почти двадцатилетнюю практику применения УПК РФ его нормы в вопросе условий назначения экспертиз до возбуждения уголовного дела претерпевали изменения. Изначально УПК РФ также предусматривал возможность назначения судебной экспертизы в рамках доследственной проверки (ч. 4 ст. 146), однако, принятием такого решения все ограничивалось. Само производство исследования не приветствовалось и воспринималось как нарушение нормы законы, так как в нем не было четкого указания на право органа, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, получать заключение эксперта. Правоприменителю был недостаточно понятен смысл «назначения» экспертизы до возбуждения уголовного дел, а данное положение не дублировалось в нормах, регламентирующих ее осуществление. Если исходить из анализа всего процесса назначения и производства экспертизы, указанная в законе формулировка с использованием применительно к экспертизе слово «назначение» представлялась вполне уместной, поскольку следующий за ним (назначением) этап производства судебной экспертизы осуществлял не следователь, а эксперт. Следователь только принимал соответствующее решение. Кроме того, назначение судебной экспертизы и ее производство неразрывно связаны с составлением заключения и направлением его следователю, поскольку постановление следователя имеет для эксперта обязательный характер и предусматривает его незамедлительное исполнение.

Таким образом, на теоретическим уровне допускалась возможность получения экспертного заключения и до возбуждения уголовного дела. На практике же, напротив, категорически не рекомендовалось получать заключения экспертизы вне процессуальных сроков, так как подобные доказательства не принимались судами и в первую очередь потому, что УПК РФ не содержал соответствующего указания о такой возможности.

В 2007 г. «спорное» положение исчезло из Кодекса, а ч. 4 ст. 146 УПК РФ была изложена в новой редакции, а в 2013 г. законодатель внес целый перечень следственных и процессуальных действий, которые допускалось проводить при проверке сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Среди них было прописана возможность не только назначать судебную экспертизу, но и принимать участие в ее производстве, а также получать заключение эксперта в разумный срок. Таким образом, были устранены дискуссии относительно возможности получения результатов проведенного исследования (заключения эксперта) до возбуждения уголовного дела.

Однако в свете обсуждения содержания и этапов назначения и производства судебных экспертиз сформировалась интересная научная позиция о том, что

[1] © Самолаева Е. Ю., 2022.

производство судебной экспертизы – это не следственное действие. Его можно назвать только процессуальным. Данный вывод следует из анализа деятельности субъектов ее производства (назначение судебной экспертизы осуществляет следователь, а ее непосредственное проведение (исследование) осуществляет эксперт, то есть иное лицо, а не вынесшее о его производстве решение). Позицию сторонников данного подхода подкрепляла аналогичная формулировка, изложенная в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 9).

Поскольку в процессуальном законе содержится запрет на производство следственных действий вне рамок процессуальных сроков, данный подход к производству судебных экспертиз открывает простор для обсуждения возможности получения результатов проведенного процессуального (не следственного действия) в ситуации, например, приостановленного предварительного расследования.

Законодатель также установил, что следователь, дознаватель вправе получать заключение в разумный срок. К сожалению, не все экспертизы могут быть проведены установленные ст. 144 УПК РФ сроки. Ряд экспертиз (компьютерно-технические, молекулярно-генетические, автотехническая и др.) могут не только потребовать продления сроков проверки сообщения о преступлении до 30 суток или превысить этот срок, но и иметь сложности с датой ее проведения (например, в связи с высокой загруженностью экспертов, отсутствием соответствующего специалиста в месте производства расследования, недостаточной технических оснащенностью экспертного учреждения и т. п.).

Стремление уложиться в установленные законом сроки, давление на экспертов могут негативно сказаться на объективности и качестве проводимого исследования, а сами заключения – содержать ошибки, опечатки, что может стать основанием для повторного назначения судебной экспертизы.

Положительной стороной назначения судебных экспертиз в ходе проверки сообщения о преступлении является возможность исключить необходимость назначать предварительное исследование, результаты которого не имеет статуса доказательства. Так, по обстоятельствам, связанным с изъятием из незаконного оборота наркотиков, без установления вида и размера изъятого вещества невозможно принять решение о возбуждении уголовного дела. При этом часть исследуемого материала расходуется, а при назначении судебной экспертизы предоставляется оставшаяся его часть. Проведение двух исследований подряд в отношении одного и того же объекта в целом представляется неэффективным и нецелесообразным. Но наиболее неблагоприятной ситуацией становилась та, когда в результате проведенного предварительного исследования изъятое вещество расходовалось полностью. В этом случае у следователя (дознавателя) оставалась на руке только справка.

С другой стороны, назначение судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела не позволяет ознакомить потенциальных участников уголовного судопроизводства (потерпевших, подозреваемых) с постановлением о назначении и заключением судебной экспертизы. Некоторые авторы считают это нарушением прав граждан и основанием для отказа в производстве таких исследований в ходе проверки сообщения о преступлении, заменив их, например, получением заключения специалиста [1, с. 308]. Но и это предложение оказалось несовершен-

ным и сразу подверглось критике, ввиду отсутствия регламентации производства данного процессуального действия в ч. 1 ст. 144 УПК РФ; особенностей содержания данного заключения (специалист только высказывает письменные суждения (предположения) по поставленным вопросам); отличия процессуальных статусов специалиста и эксперта; недостаточности полученных результатов для решения ряда вопросов, связанных с квалификацией деяния на этапе возбуждения уголовного дела. Серьезные опасения вызывает угроза уничтожения или видоизменения объектов в результате проведенного специалистом исследования [2, с. 88–93.].

На наш взгляд, предложение включить в перечень процессуальных действий, допускаемых для производства в ходе проверки сообщения о преступлении, заслуживает внимания. Его регламентации в ч.1 ст. 144 УПК РФ будет способствовать реализации прав всех участников доследственной проверки, а именно принципа состязательности сторон в ходе досудебного производства (ст. 15 УПК РФ); позволит расширить круг средств установления наличия основания для возбуждения уголовного дела; станет полезной альтернативой в случае, если производство судебной экспертизы не требуется, но нужны специальные познания по тому или иному вопросу. В отношении предвзятости к результатам исследований специалистов со стороны судов следует исходить из положений ч. 2 ст. 17 УПК РФ (Свобода оценки доказательств) о том, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы». В условиях обсуждения вопроса об устранении принимать объективное, обоснованное решение о начале расследования преступления и представляет собой важный и необходимый шаг на пути реформирования уголовно-процессуальных норм. Расширение круга следственных действий, допускаемых к производству до возбуждения уголовного дела, также способствует такому решению. Помимо заключения специалиста, это относится и к производству выемок до возбуждения уголовного дела, которые так и не стали упомянуты законодателем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Отметим, что правоприменитель остро нуждается в понятых средствах «изъятия» предметов и документов, выполняемых в установленном УПК РФ порядке. Результаты выемок нередко используются при производстве судебных экспертиз (например, медицинские документы) и необходимы для получения информации обо всех обстоятельствах совершенного деяния. Наоборот, отсутствие необходимой информации может стать причиной назначения дополнительных исследований, что увеличивает временные и материальные затраты при производстве расследования, влияет на его эффективность и экономически не целесообразно.

Список литературы

1. Загорьян С. Г. Некоторые вопросы производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела // Вестник ВГУ. 2018. № 4. С. 307–314.

2. Логунов О. В., Умнов С. П., Кутуев Э. К. Стадия возбуждения уголовного дела: за и против // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 88–93.

Соломатина А. Г.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КРАУДСОРСИНГ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Внедрение принципиально новых информационных технологий в различные сферы жизни современного общества, предполагают совершенствование уголовно-процессуальной деятельности, в том числе и за счет более активного включения в процесс его осуществления простых граждан, пользующимися новыми технологиями, возможностями глобальной сети Internet и желающих внести свой вклад в расследование преступлений. В настоящее время их участие во многих сферах жизнедеятельности нашего общества становится одним из самых главных направлений.

Эта реальность сформировала новый тренд институциональных изменений в сфере уголовного процесса, способствовала созданию «нового поколения» механизмов, направленных на собирание, проверку и оценку информации.

Одним из таких механизмов является феномен, именуемый в научном пространстве как краудсорсинг, мудрость толпы, гражданская поддержка, сутью которого является возможность привлечения большого количества людей к собиранию, проверке доказательств в ходе производства по уголовному делу. Диапазон возможностей использования интеллектуального разума сети Internet обширен. Это могут быть как простые поисковые действия интересующего органы предварительного расследования или суда объекта (лица, предмета, информации), сбор контент-объектов (медийные материалы, ссылки и т. п.), так и более сложные задачи – проведение экспертного исследования, обобщение и анализ полученной информации и т. д.

Исследование краудсорсинга начались сравнительно недавно, и, в основном, зарубежными представителями. Первые научные воззрения по этому поводу можно проследить в работах Джеффа Хау (Jeff Howe) в 2006 г., который впервые соединил слова «crowd» (толпа) и «outsourcing» (аутсорсинг), дав имя новому феномену [4] и определил его как действие по аутсорсингу некой работы, которая обычно выполняется определенным агентом, неопределенной, обычно многочисленной группе людей в форме открытого призыва.

Дарэн Бребхэм (Daren C. Brabham), другой автор, стоящий у истоков исследования краудсорсинга представил свое определение, акцентируя внимание на «решении проблем» и «производственных моделях» как на первоисточниках краудсорсинга, придав основное значение его онлайновой природе [1, с. 108-120; 2, с. 98].

Последующие исследователи определяют краудсорсинг как способ активного участия граждан в политической, государственной, экономической, образовательной и социальной жизни общества посредством сети Интернет, приводя-

[1] © Соломатина А. Г., 2022.

щий к изменениям общественного производства, досуга социальных групп, воспитания индивидов, а также социальной структуры общества [8; 13], что является приемлемым для современного понимания данного явления.

Под краудсорсером (crowdsourcer) понимается индивид или организация, которые организуют ту или иную краудсорсинг инициативу [9, с. 75]. Именно он размещает открытое предложение для Internet сообщества принять участие в краудсорсинг-задаче, а затем организует, контролирует процесс и обрабатывает полученные данные.

Граждане, согласившиеся принять участие в краудсорсинг-задаче, именуются краудработники (crowdworkers), туркеры (turkers) или провайдеры (providers), а их сообщество - «толпа» (crowd).

Эстеллесом Э. и Гонзалезом Ф. были определены признаки краудсорсинга:

1. В краудсорсинге всегда есть некая четко определенная толпа.

2. В распоряжении организации есть некое задание с четко поставленной целью.

3. Участники получают в том или ином виде вознаграждение за участие в краудсорсинг-инициативе.

4. Также всегда есть краудсорсер, четко определенный в открытом призыве (предложении) поучаствовать в краудсорсинг-инициативе.

5. Участники прекрасно осведомлены о том вознаграждении, которое в итоге получат.

6. Сам краудсорсинг-процесс базируется на онлайн-среде.

7. Призыв участвовать в краудсорсинг-инициативе в той или иной степени носит открытый характер (участвовать могут все желающие).

8. Сеть Интернет является средой, через которую проходит участие в краудсорсинг-деятельности. Важно отметить, что в краудсорсинг-деятельности локус контроля всегда находится у инициировавшей инициативу организации-краудсорсера. Он никогда полностью не переходит в руки «толпы», организация всегда следит за ходом краудсорсинг-деятельности и направляет, модерирует его в соответствии с поставленными целями [3, с. 67–80].

В российской ученой среде данный метод тоже получил свое признание в экономике [9, с. 75], государственном управлении [12, с. 45–54], науке [10, с. 141–155], образовании [6, с. 137–140] о чем имеются соответствующие научные изыскания.

Остается ответить на вопросы: возможно ли использовать краудсорсинг в доказывании по уголовным делам; каким образом должны проверяться и оцениваться полученные таким образом доказательства?

В других государствах имеется богатый опыт использования краудсорсинга при расследовании преступлений. Так, в сентябре 2014 г. в США было совершено избиение двух подростков, из показаний которых следовало, что на них напали хорошо одетые молодые мужчины. Других описаний не было. Камеры видеонаблюдения зафиксировали данный инцидент, но из-за плохого качества изображения невозможно было распознать лиц нападавших. Сотрудники полиции разместили данный видеоматериал на канале YouTube. Очень быстро обычные пользователи данной сети по размещенному видео нашли в социальных сетях

фотографии и аккаунты подозреваемых лиц, которые в последствии были задержаны [11]. Описанный случай демонстрирует эффективность краудсорсинга, а полученная таким образом информация может послужить доказательствами по уголовному делу, ускорить и улучшить процесс доказывания по уголовному делу.

Бесспорно, информация, собранная посредством краудсорсинга, может оказаться ложной, не более и не менее, чем в обычном доказывании по уголовному делу. Поэтому все сведения, в соответствии со ст. 17 УПК РФ, судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. «Оценка достоверности свидетельских показаний прежде всего определяется на основе здравого смысла, который каждый день используется разумными людьми, чтобы определить говорит ли человек правду. Нет никакой магической формулы для оценки достоверности свидетельских показаний» [5, с. 14].

Каков процессуальный порядок приобщения к материалам уголовного дела полученной посредством краудсорсинга информации? Считаем, что информацию, полученную от граждан с интернет-пространства, необходимо расценивать как материалы видео- и звукозаписи, полученным гражданами [7, с. 64–65].

Условиями допустимости получаемой информации как доказательства будут являться: наличие данных о том, от кого документ исходит и каким образом он приобщен к материалам уголовного дела; указание на источники и обстоятельства получения зафиксированных данных; наличие в документах обязательных реквизитов и подписей уполномоченных лиц.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что преимущества цифровых документальных свидетельств, полученных посредством краудсорсинга, очевидны – они могут оказаться более точными, чем показания свидетелей; способны демократизировать процесс установления фактов о преступлении, так как такие методы доступны всем, имеющим смартфон, камеру, учетную страницу в социальных сетях и точку доступа к сети Интернет; позволяют смягчить субъективность, присущую традиционным методам доказывания.

Проведенное в статье исследование является малой частью тех возможностей, которые предоставляет краудсорсинг в доказывании. Представляется, что дальнейшие исследования данного феномена, как одного из наиболее доступных социальных ресурсов граждан, представляет научный и практический интерес в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Список источников

1. Brabham D. Crowdsourcing as a model for problem solving // Convergence vol. 14 no. 1. 2008.

2. Brabham, Daren. Crowdsourcing. Cambridge: MIT Press, 2013.

3. Estellés-Arolas E., González-Ladrón-de-Guevara F. Towards an Integrated Crowdsourcing Definition // Journal of Information Science, 2012. P. 1–14.

4. Howe, Jeff. The Rise of Crowdsourcing // Wired, June, 2006. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/200504371_The_Rise_of_Crowdsourcing (дата обращения: 12.08.2021).

5. Доказательные аспекты в судебных делах по торговле людьми // Сборник судебных решений. Организация объединенных наций. Вена, 2017. 215 с.

6. Жидкова О. Н. Краудсорсинг как один из инструментов социализации формального и неформального образования // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 10-1. С. 137–140.

7. Карнеева Л. М., Мусиенко А. В. Доказательственное значение материалов, полученных в результате применения киносъемки, видео- и звукозаписи // Советская юстиция. 1983. № 3. С. 64–65.

8. Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000. 608 с.

9. Лебедева Т. Е., Прохорова М. П. Краудсорсинг: сущность, виды, ключевые составляющие для современной компании// Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. №5 (31). С. 75–80.

10. Масланов Е. В. Краудсорсинг в науке: новый элемент научной инфраструктуры // Философия науки и техники 2018. Т. 23. № 1. С. 141–155.

11. Раскрытие преступления через краудсорсинг, или необходимость применения HD-стандарта. URL: http://conf.secuteck.ru/articles2/videonabl/raskrytie-prestupleniya-cherez-kraudsorsing-ili-neobhodimost-primeneniya-hd-standarta/ (дата обращения: 10.09.2021).

12. Соколов М. С., Деев А. А. Краудсорсинг как инструмент модернизации системы государственного управления в Российской Федерации // Тренды и управление. 2017. № 2. С. 45–55.

13. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2001. 557 с.

Сычёв П. Г.[1],
докторант кафедры уголовного процесса, правосудия
и прокурорского надзора юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук

ОСОБАЯ СЛОЖНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ

Расследование уголовных дел о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности отличается особой сложностью, его поручают наиболее подготовленным следователям с опытом работы, но тем не менее его сроки не всегда являются разумными, результативность и качество существенно ниже, чем по делам о так называемых преступлениях общеуголовной направленности.

Эта проблематика многогранна и многослойна, включает в себя одновременно как особую сложность экономической преступности, использующей изощренные и запутанные финансовые схемы, передовые достижения высоких технологий и т. д., так и специфику сферы, в которой совершаются такие преступления. В определенной степени уместно использовать здесь понятие «особая сложность», в котором тесно переплелись уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, криминалистический и криминологический аспекты.

В уголовно-процессуальном законодательстве термин «сложность уголовного дела» существует достаточно давно. Так, в ст. 38 УПК РСФСР было сказано, что Верховному Суду РСФСР подсудны дела особой сложности. Часть 1 ст. 97 УПК РСФСР гласила, что срок содержания под стражей до шести месяцев продлевается лишь ввиду особой сложности прокурором автономной республики, края, области и другими приравненными к ним прокурорами, а в ч. 2 ст. 133 УПК РСФСР то же самое сказано о продлении срока предварительного следствия.

В действующем законодательстве использование данного термина расширено. Часть 2 ст. 109 и ч. 5 ст. 162 УПК РФ предусматривают особую сложность уголовного дела как основание для продления срока следствия и содержания под стражей. Часть 1 ст. 163 и ч. 1 ст. 223.2 УПК РФ называют сложность условием поручения предварительного следствия или дознания следственной группе или группе дознавателей. Часть 1.1 ст. 221 УПК РФ разрешает прокурору продлить до 30 суток срок принятия решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, в случае его сложности. Наконец, ч. 18 ст. 328 УПК РФ дает право председательствующему избрать большее количество запасных присяжных заседателей с учетом сложности уголовного дела.

При этом сами понятия «сложность» или «особая сложность» в УПК РФ, например, в его ст. 5, не раскрываются.

---

[1] © Сычёв П. Г., 2022.

Необходимо отметить, что ст. 6.1 УПК РФ в частях 3, 3.1 и 3.3 дифференцирует сложность уголовного дела как одного из обстоятельств, определяющих разумный срок уголовного судопроизводства, на правовую и фактическую.

Пункт 42 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» гласит, что при оценке правовой и фактической сложности дела надлежит принимать во внимание обстоятельства, затрудняющие рассмотрение дела, число соистцов, соответчиков и других участвующих в деле лиц, необходимость проведения экспертиз, их сложность, необходимость допроса значительного числа свидетелей, участие в деле иностранных лиц, необходимость применения норм иностранного права, объем предъявленного обвинения, число подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, потерпевших, а также необходимость обращения за правовой помощью к иностранному государству.

Какие обстоятельства относятся к фактической, а какие – к правовой сложности, в решении высшего судебного органа не конкретизировано.

В связи с этим представляют интерес научные исследования в данной области. Например, И. С. Смирнова определяет: «Под сложным уголовным делом следует понимать регулируемое законом многопредметное уголовно-процессуальное производство (деятельность), осуществляемое органом уголовного преследования или судом, направленное на решение двух или более вопросов о виновности (невиновности) обвиняемого (обвиняемых), характеризующееся наличием множественности (двух или более) либо преступлений, либо обвиняемых, либо потерпевших или совокупности этих признаков в любом сочетании, состоящее из двух или более простых производств (уголовных дел), зафиксированное в собранных и составленных в связи с его осуществлением материалах» [2, с. 54].

Профессор В. В. Трухачёв не в полной мере соглашается с таким определением и предлагает: «На наш взгляд, для решения вопроса о правовой и фактической сложности, принципиальным является вывод: необходимо строго различать сложность уголовного дела и его трудоемкость. Количественные показатели (число подсудимых, количество томов дела) в данном случае отражают, прежде всего, не сложность уголовного дела, а его трудоемкость. Судебно-следственной практике известно немало случаев, когда в плане доказывания уголовное дело, содержащее несколько эпизодов и число обвиняемых (подсудимых), по которым составляло три и более лица, не представляло особой сложности в доказывании» [3, с. 389].

Рассуждая о сложности уголовного дела, профессор В. В. Трухачев к элементам сложности уголовного дела относит необходимость проведения судебных экспертиз по нестандартным вопросам, противодействие стороны защиты в виде маскировки преступной деятельности, создания ложного алиби, уничтожение следов преступления и т. д.

Так или иначе, все вышеуказанные элементы следует отнести к фактической сложности, и, забегая вперед, следует отметить, что они могут встречаться в делах о преступлениях как экономической, так и общеуголовной направленности.

И. С. Смирнова отмечает: «Правовая (юридическая) сложность дела зависима от особенностей конструкции уголовного закона» [2, с. 157].

Представляется, что под этим следует понимать не только особенность конструкции диспозиции материально-правовой нормы, но и (и даже в большей степени) особенности объекта и объективной стороны преступления, которые в диспозиции не всегда сформулированы.

Уголовные дела о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности в этом плане отличаются особой спецификой, которая превращается в особую сложность. По каждому такому делу следователи вынуждены полученные доказательства анализировать с точки зрения российского гражданского права на предмет их законности. Договоры (в сферах гособоронзаказа, долевого строительства, в кредитно-финансовой, бюджетной сферах и др.), в ходе реализации которых совершены преступления, заключаются по нормам ГК РФ, перечисление денежных средств на расчетные счета юридических лиц, открытые в кредитных организациях, производится по правилам банковского законодательства, приемка выполненных работ или другое исполнение договорных обязательств также регулируется нормами гражданского права.

Таким образом, правовая сложность уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении в сфере экономической и предпринимательской деятельности заключается в постоянном использовании (применении) норм гражданского права и смежных с ним отраслей (предпринимательского, финансового, банковского права и т. д.).

При производстве по делам в сфере экономической и предпринимательской деятельности характерна ситуация, когда известны все лица, принимавшие участие либо причастные иным образом к расследуемым событиям, и никто из них не скрывается. Напротив, участники (которых можно назвать потенциальными обвиняемыми) занимают активную позицию в части доказывания их абсолютной невиновности с помощью своих адвокатов, параллельно ведут активную предпринимательскую деятельность, и очень часто – с применением или использованием тех ресурсов или средств, которые могли бы быть им инкриминированы как приобретенные противоправным способом.

Однако в ходе расследования, которое может длиться не один год, обвинение никому не предъявляется, а результатом нередко становится процессуальное решение о приостановлении производства по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК, в связи с тем, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого не установлено.

Так, в первом десятилетии 2000-х гг. по всей стране производство по сотням имеющихся уголовных дел о рейдерских захватах приостановлено именно по такому основанию[1]. Известны собственники (в гражданско-правовом кон-

[1] В 2008–2009 гг. в ходе исполнения п. 9 раздела IV Национального плана противодействия коррупции (в ред. от 31 июля 2008 г.) об усилении контроля за законностью и обоснованностью процессуальных решений, принимаемых по уголовным делам о рейдерских захватах (исполнение было поручено председателю Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации и начальнику Следственного комитета при МВД России) было отменено 189 постановлений о приостановлении предварительного следствия по делам указанной

тексте – добросовестные приобретатели) имущественных комплексов, ставших в свое время объектами посягательств, а соответственно, известны бенефициары, получившие выгоду от продажи этих объектов. Никто к уголовной ответственности не привлечен, однако, остаются потерпевшие, которым причинен имущественный вред, исчисляемый миллиардами рублей. То ли предусмотренный УПК инструментарий доказывания оказался недостаточным, то ли не был приложен необходимый максимум усилий для его использования.

В настоящее время Центральный банк Российской Федерации отзывает лицензии на осуществление банковской деятельности у значительного числа кредитных организаций. Практика показывает, что в деятельности каждого такого банка выявляются факты незаконного вывода активов, то есть денежных средств его вкладчиков. Бенефициарные владельцы банков известны, в том числе по официальной финансовой отчетности. Криминальный характер действий, приведших к банкротствам, в ряде случаев очевиден. Однако меры уголовно-процессуального принуждения применяются с большим трудом и крайне медлительно[1].

Имеются примеры из другой сферы экономической деятельности. Следственным управлением УМВД по А-ской области возбуждено уголовное дело в отношении Г., генерального директора крупной строительной фирмы ЗАО «Э.», которое было привлечено в качестве субподрядчика при производстве строительных работ на объекте космического назначения и которому перечислен аванс на сумму около одного миллиарда рублей. Работы по договору субподряда не выполнены, в то время как по указанию Г. авансовыми средствами погашены ранее имевшиеся у ЗАО «Э.» кредитные обязательства. Допрошенный по делу Г. выдвинул версию о том, что работы на объекте им произведены качественно и в полном объеме, за счет денежных средств, полученных по другим контрактам, однако, не принимаются заказчиком по причинам, не связанным с качеством и объемом работ. Осмотром установлено, что технический комплекс, который возводило и оборудовало ЗАО «Э.», действительно построен, коммуникации электроснабжения, телефонии, отопления, кондиционирования имеются. В целях опровержения версии Г. была назначена строительно-техническая экспертиза. Учитывая, что своим по масштабам объект может быть сравним со стадионом «Лужники», срок производства экспертизы должна составить более года, а до получения ее заключения оснований для предъявления обвинения Г. не было[2].

категории, вынесенных следователями МВД России. Из данного количества только 17 уголовных дел направлены в суды, по остальным приняты те же решения.

[1] Официальному бенефициару ООО «Межпромбанк» Сергею Пугачёву обвинение в хищении денежных средств банка, выразившемся в выводе активов путем выдачи необеспеченных кредитов фирмам-«однодневкам», Следственным комитетом России предъявлено после почти трех лет расследования уголовного дела. Значительный промежуток времени понадобился для привлечения в качестве обвиняемых бенефициаров ОАО «Банк ВЕФК» А. Гительсона, ОАО «Мастер-банк» Б. Булочника, (см., например: «Коммерсантъ», 2013, №№ 69, 214, 239).

[2] По материалам Следственного департамента МВД России. Информация об окончании расследования и направлении уголовного дела в суд отсутствует.

По этому поводу профессор О. Я. Баев пишет: «По уголовным делам экономической направленности установление самого факта преступного характера расследуемого деяния представляет значительно большую сложность, чем установление наличия в деянии, в совершении которого подозреваемый (обвиняемый) изобличен, состава определенно насильственного или корыстно насильственного преступления (при всей очевидной сложности самого процесса его изобличения)» [1, с. 71].

Несмотря на то, что данное мнение больше относится к области криминалистики, нетрудно усмотреть здесь процессуальную составляющую, которая заключается в необходимости использования следователем при принятии процессуальных решений специальных знаний компетентного лица (ст.ст. 57 и 58 УПК РФ).

Хотя уголовно-процессуальный закон и не регламентирует основания применения этих знаний (ст. 196 УПК РФ предусматривает случаи обязательного назначения судебной экспертизы, но к экономике они отношения не имеют), однако, понятно, что в досудебных стадиях производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности они используются для перепроверки юридических фактов из области гражданского оборота. Это полнота и качество исполнения договорных обязательств, как принятых, так и не принятых контрагентом, действительность самих обязательств (закрепленных в договоре), экономических показателей хозяйствующего субъекта, как публично им объявленных (документально подтвержденных в уполномоченных органах), в том числе для целей выполнения обязательств, так и фактических, и еще многое другое, а кроме того, решений судов гражданской и арбитражной юрисдикции.

Специальные знания, используемые для этого, безусловно, относятся к области цивилистики.

Сложность производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности обусловлена проникновением в уголовное судопроизводство таких гражданско-правовых явлений (институтов), как «юридическое лицо» (ст.ст. 42, 44, 45, 54, 55, 106, 139 УПК РФ), «безналичные денежные средства» (ч. 9 ст. 115 УПК РФ), осложненное повсеместно распространенным дистанционным банковским обслуживанием, оказывающим влияние на характер производства, «бездокументарные ценные бумаги» (ст. 116 УПК РФ).

Правовая сложность уголовных дел о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности выражается, в том числе в необходимости использования (применения) гражданско-правовых норм.

Поскольку оценка правильности применения подозреваемыми гражданско-правовых норм (в негативном контексте – установления преступления, совершенного под видом осуществления экономической и предпринимательской деятельности) по большей части относится к области применения специальных познаний, назначаемые для этого судебные экспертизы закономерно удлиняют сроки уголовного судопроизводства. Поскольку на момент возбуждения уголовного дела результаты таких экспертиз предугадать невозможно, дела о преступлениях экономической направленности закономерно больше прекращаются в связи с отсутствием их события или состава.

Таким образом, правовая сложность уголовных дел о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, заключающаяся в необходимости использования специальных знаний для оценки применения гражданско-правовых норм, объективно влияет на сроки и результативность их расследования.

Список литературы

1. Баев О. Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании : учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2012. 226 с.

2. Смирнова И. С. Производство по сложному уголовному делу на досудебных стадиях : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 221 с.

3. Трухачёв В. В. Критерии сложности уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 2. С. 388–392.

Татаринов М. К.[1],
преподаватель кафедры французского языка,
аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД России

ЮРИСДИКЦИОННЫХ НОРМЫ КАК ОСОБЫЙ ВИД УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ

Уголовная юрисдикция на уровне конкретного национального правопорядка так или иначе изучается в курсах уголовного права и уголовного процесса и может отождествляться соответственно с действием уголовного закона в пространстве и уголовно-юрисдикционной деятельностью (уголовным правоприменением). Однако как только преступление оказывается осложненным иностранным или международным элементом, понятие уголовной юрисдикции приобретает серьезную, требующую особого изучения специфику именно в сфере международного уголовного права (МУП).

В современной науке МУП юрисдикция понимается с точки зрения комплексного подхода как «свойство субъектов международного права, выражающееся в осуществлении правового регулирования отношений и возможности его обеспечения посредством принятия мер исполнительного и принудительного характера» [2, с. 29]. Соответственно, уголовная юрисдикция государства может подразумевать право государства устанавливать нормы уголовного материального права и требовать от субъектов правоотношений надлежащего поведения на основании этих норм (предписывающая материальная уголовная юрисдикция); право государства в лице своих компетентных органов принять решение о том, какая установленная им норма уголовного материального права должна быть применена и каким образом она должна быть применена к деянию и совершившему его лицу (правоприменительная материальная уголовная юрисдикция); право государства устанавливать уголовно-процессуальные нормы и требовать соблюдения участниками уголовного судопроизводства процессуальной формы, предусмотренной этими нормами (предписывающая процессуальная уголовная юрисдикция); право государства в лице своих компетентных органов осуществлять процессуальные действия в рамках предусмотренной установленными им нормами уголовно-процессуальной формы (правоприменительная процессуальная уголовная юрисдикция).

Как и любое право, уголовная юрисдикция имеет пространственный предел своего действия [4]. А поскольку при совершении преступления, осложненного иностранным элементом, в отношении такового должна действовать юрисдикция одного из государств, так или иначе связанных с ним, встает вопрос об основаниях и порядке установления уголовной юрисдикции. Таким образом, выработалось и развивается учение о коллизиях юрисдикций в международном уголовном праве.

---

[1] © Татаринов М. К., 2022.

Как и некоторые другие понятия международного уголовного права, термин «коллизия юрисдикций» берет свое теоретическое и терминологическое начало в международном частном праве (МЧП). Другое дело, что в силу специфики МУП некоторые понятия наполняются особым содержанием. Например, поскольку в МЧП термин «юрисдикция» понимается с точки зрения прикладного подхода, то есть как конкретный судебный орган (фр. *juridiction*), то и коллизия юрисдикций в МЧП – это вопрос об установлении судебного органа, который компетентен рассматривать данное дело, вопрос, связанный с международной подсудностью. В свою очередь, *коллизия уголовных юрисдикций – это вопрос о надлежащей юрисдикции в отношении данного преступления, осложненного иностранным элементом.*

Однако общие формальные характеристики понятий, как правило, неизменны. Так и понятие «коллизия юрисдикций» всегда рассматривалось и рассматривается международным частным правом [1, с. 11; 3, с. 30–32], а значит и международным уголовным правом как *процессуальное*.

Разрешается коллизия уголовных юрисдикций с помощью юрисдикционных привязок (принципов), нашедших свое отражение в юрисдикционных нормах. *Юрисдикционные нормы – это нормы, регулирующие разрешение коллизий уголовных юрисдикций.* Они содержат своеобразное руководство для правоприменителя, не регулируя материально-правовых отношений. Значит нормами материального права их считать невозможно.

Поскольку уголовное право того или иного государства – это форма, в которой выражено его юридическое мнение относительно того, какие деяния признаются посягательствами на защищаемые им блага и каким образом они наказуемы (концепция суверенного интереса), интернациональных коллизий законов в МУП быть не может: в нормальных условиях невозможно применение иностранного уголовного закона. Технически это выражается в виде *правила предрешения*: выбор в пользу той или иной юрисдикции *предрешает вопрос о применимом праве*: согласно такому правилу, применимым правом всегда будет право государства юрисдикции.

Правило предрешения подразумевает, что безразлична форма закрепления юрисдикционных норм: посему, например, нормы о действии уголовно-процессуального закона в пространстве за пределами территории России (ч. 3 ст. 2 УПК РФ), о подследственности, если преступление совершено вне пределов Российской Федерации (ч. 4.1 ст. 152 УПК РФ), о подсудности, если преступление совершено вне пределов Российской Федерации (ч. 4 ст. 32 УПК РФ), отсылают к соответствующим положениям УК РФ о действии уголовного закона в пространстве (ст. 12). Нормы, содержащиеся в ст.ст. 11 и 12 УК РФ, и представляют собой юрисдикционные нормы. В этом смысле они занимают особое положение наряду с уголовными материальными и процессуальными нормами.

Вместе с тем так как, как показано, коллизия юрисдикций – это по своей природе процессуальный вопрос, то и юрисдикционные нормы, не применяясь к существу уголовно-правового спора, тяготеют к нормам процессуальным. Это подтверждается тем, что в праве некоторых государств они содержатся именно в источниках уголовного процесса. Так, в Испании юрисдикционные нормы за-

креплены в Органическом законе о судебной власти 1985 г. [11], являющемся § 3 ее Уголовно-процессуального кодекса.

При этом, как ни парадоксально, в России юрисдикционные нормы изложены все же именно в УК, – что позволяет правило предрешения, – в силу, по большей части, романской юридико-технической традиции (каковая так или иначе была перенята некоторыми уголовно-правовыми системами, например, скандинавскими (шведской и датской), а в исторической ретроспективе – и российской): в рамках этой традиции считается, что УК может содержать *lex generalis* и для материального, и для процессуального уголовного права. Так, ст. 14 Уголовного уложения Российской Империи 1903 г. был разделен режим действия во времени норм о преступности и наказуемости деяния (материальных) и норм о сроках давности (процессуальных). В ст. 5 УК Мальты 1854 г. [12] юрисдикционная норма сформулирована как совершенно процессуальная: в ней на основе закрепленных юрисдикционных привязок предусмотрено не действие уголовного закона, но право возбудить уголовное преследование (англ. *a criminal action may be prosecuted in Malta*). Схожим образом сформулированы юрисдикционные нормы, содержащиеся в Гл. 2 ч. 1 УК Швеции 1962 г. [10] («преступления <…> должны преследоваться в соответствии со шведским правом и шведским судом» – швед. *för brott <...> dömes efter svensk lag och vid svensk domstol*). В Главе II Раздела I Книги I УК Франции 1992 г. [14] определены правила действия во времени уголовных (не ретроактивны по общему правилу и ретроактивны *in mitius*, то есть к улучшению положения лица) и уголовно-процессуальных (ретроактивны по общему правилу) норм, а ст. 112-2 УК Франции установлен перечень процессуальных норм, среди которых перечислены и юрисдикционные нормы (фр. *lois de compétence*): к ним относят, в первую очередь, нормы Главы III Раздела I Книги I УК Франции о действии уголовного закона в пространстве [8, p. 64–66] – ведь под уголовным законом (фр. *loi pénale*) понимается и материальный (фр. *loi pénale de fond*), и процессуальный (фр. *loi pénale de forme*).

В этом смысле, возможно, содержащееся и в российских юрисдикционных нормах понятие «уголовный закон» следовало бы понимать, имея в виду и материальное, и процессуальное уголовное законодательство. Проблема такого подхода может заключаться в том, что в рамках одного и того же закона один и тот же термин имел бы разное значение: в одном случае сугубо материально-правовое (как в ст.ст. 9 и 10 УК РФ, где речь идет о действии во времени именно материального уголовного законодательства), а в другом – также и процессуально-правовое (в ст.ст. 11 и 12 УК РФ, содержащих юрисдикционные нормы). Во избежание такой терминологической путаницы к смелому юридико-техническому решению пришли в Дании: юрисдикционные нормы, содержащиеся в §§ 6–8 b Гл. 2 Общей части Уголовного кодекса Дании 1930 г., вовсе не содержат термина «уголовный закон» – вместо него используется термин «юрисдикция» (дат. *straffemyndighed*); вместе с тем, когда речь идет о действии материального уголовного законодательства во времени (§ 3), используется именно понятие «уголовный закон» («более поздний закон» – дат. *senere lov*; «более ранний закон» – дат. *ældre lov*) [9]. В УК РФ, конечно, термин

«юрисдикция» не используется, однако, включение процессуальных юрисдикционных норм в этот акт как *lex generalis* в свете сложившейся юридико-технической практики других государств налицо и вполне оправдано как исторически, так и в сравнительно-правовом аспекте.

С другой стороны, в том, как они сформулированы, прослеживается противопоставляемая романской германская юридико-техническая традиция, изначально сводившаяся к закреплению в УК норм о действии закона в пространстве. При этом на сегодняшний день и эти нормы можно рассматривать как юрисдикционные и процессуальные (например, правило об установлении юрисдикции в случае отказа в выдаче иностранного гражданина иностранному государству – § 7 (2) (2) УК Германии 1871 г. [6], § 64 (1) (9) (f) УК Австрии 1974 г. [13], § 64 (1) (10) (e) УК Лихтенштейна 1987 г. [7]). Так или иначе, все сводится к тому, что нормы, предусмотренные ст.ст. 11 и 12 УК РФ, можно рассматривать в качестве процессуальных.

При этом если юрисдикционные нормы, закрепленные в УК РФ, являются процессуальными, возникают технического свойства вопросы, наиболее насущным из которых является вопрос временно́го действия юрисдикционных норм, иначе говоря, действия во времени норм о действии уголовного закона в пространстве.

Правила, установленные в ст.ст. 9 и 10 УК РФ, а именно отсутствие ретроактивности и ретроактивность *in mitius* к юрисдикционным нормам применены быть не могут, ведь они регулируют действие во времени норм, устанавливающих преступность и наказуемость деяния – норм материального уголовного права. Каким же образом нормативно отразить правило об обратной силе юрисдикционных норм? Наиболее реалистичным и практичным видится подход Франции к решению этого вопроса – с закрепленным в УК перечнем норм, относящимся к процессуальным и имеющим обратную силу (ст. 112-2): это и юрисдикционные нормы, и нормы о судоустройстве и производстве процессуальных действий, нормы об исполнении наказаний и соответствующем производстве, а также нормы о сроках давности уголовного преследования и обвинительного приговора суда.

Итак, юрисдикционные нормы представляют собой особый вид уголовно-процессуальных норм и обладают их свойствами, например, ретроактивностью. При этом в России по причинам исторического и юридико-технического свойства они содержатся в Уголовном кодексе, а потому необходимо надлежащим образом зафиксировать правило об обратной силе этих норм так, чтобы установления о действии норм материального уголовного права во времени не были к ним применимы.

Список литературы

1. Иссад М. Международное частное право. М. : Прогресс, 1989. 398 с.

2. Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве : монография. Казань : Центр инновационных технологий, 2016. 487 с.

3. Лунц Л. А. Курс международного частного права в трех томах. Том 1: Международное частное право. Общая часть. М. : Юридическая литература, 1973.

383 с.

4. Татаринов М. К. Пространственное действие уголовной юрисдикции // Международное право. 2019. № 2. С. 1–13.

5. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : монография. М. : Контракт, 2019. 212 с.

6. Bundesrepublik Deutschland. Strafgesetzbuch : принят 15 мая 1871 г.: в редакции от 2021 года. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/__7.html (дата обращения: 06.11.2021).

7. Fürstentum Liechtenstein. Strafgesetzbuch : принят 24 июня 1987 г.: в редакции от 1 января 2021. URL: https://www.gesetze.li/konso/1988.37 (дата обращения: 06.11.2021).

8. Jeanne N. Le droit pénal en cas pratiques / N. Jeanne. 2e édition. Paris : Éditions Dalloz, 2019.

9. Kongeriget Danmark. Straffeloven : принят 15 апреля 1930 г.: в редакции от 17 сентября 2019 г. URL: https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2019/976 (дата обращения: 06.11.2021).

10. Konungariket Sverige. Brottsbalken 1962 г.: в редакции Закона SFS 2021:397. URL: https://riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700 (дата обращения: 06.11.2021).

11. Reina de España. Código procesal penal. Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial : вступил в силу 3 июля 1985 г.: в редакции от 2 июля 2021 г. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-12666 (дата обращения: 06.11.2021).

12. Republic of Malta. Criminal code : вступил в силу 10 июня 1854 г.: в редакции от 27 июля 2021 г. URL: https://legislation.mt/eli/cap/9/20210727/eng (дата обращения: 06.11.2021).

13. Republik Österreich. Strafgesetzbuch : принят 23 января 1974 г.: в редакции от 5 ноября 2021 г. URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002296 (дата обращения: 06.11.2021).

14. République française. Code pénal : вступил в силу 1 марта 1994 г.: в редакции от 1 ноября 2021 г. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/ (дата обращения: 06.11.2021).

Теренков И. Е.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ВОЗБУЖДЕННЫМ ПО ФАКТАМ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Аксиоматично, что процесс доказывания по уголовному делу – это установление фактических обстоятельств, которые напрямую влияют на квалификацию совершенного преступления. Именно поэтому предмет доказывания предопределяет ход и направление расследования уголовного дела. Вне процесса доказывания установление элементов состава преступления невозможно [1, с. 160]. Условия проведения доказывания имеют свою специфику, а именно:

– уголовно-процессуальный закон ограничивает сроки исследования;

– субъект, осуществляющий доказывание, обязан в любом случае принять решение;

– в виде средств исследование применяются только те, которые напрямую предусмотрены законом или ему не противоречат;

– присутствие обязательных средств исследования, которые предписываются законом в определенных случаях;

– проводить исследование могут только уполномоченные законом субъекты.

Именно доказывание является связующим элементом между уголовно-процессуальной деятельностью и уголовно-правовыми институтами. Действительно, устанавливая характер, условия и причины произошедших событий, мы самым непосредственным образом решаем вопросы, связанные с квалификацией совершенного деяния.

На основании изложенного, констатируем, что процесс доказывания – это активная познавательная деятельность, которая направлена на установление фактических обстоятельств уголовного дела посредством сбора, проверки и оценки доказательств. Все самые сложные вопросы квалификации преступлений, так или иначе, находятся в прямой зависимости от предмета доказывания [2, с. 73]. Иными словами, прежде чем решать вопросы, связанные с привлечением лица к уголовной ответственности, необходимо самым тщательным образом исследовать все факторы, которые так или иначе влияют на процесс формирования доказательственной базы по уголовному делу. Согласно ст. 73 УПК РФ, в числе прочих, подлежат установлению обстоятельства, исключающие преступность деяния. Проблемы, связанные с доказыванием правомерности и пределов необходимой обороны, всегда пользовались повышенным вниманием со стороны ученых и правоприменителей [3, с. 22].

Необходимая оборона – многоаспектный институт уголовного права. Многие ученые констатируют, что необходимая оборона – это естественное право человека, которое дается ему от рождения на всю жизнь. Уголовные дела, воз-

[1] © Теренков И. Е., 2022.

бужденные по факту превышения пределов необходимой обороны, вызывают определенную сложность в расследовании, так как предмет доказывания по делам данной категории предполагает установление сразу нескольких обстоятельств, которые самым непосредственным образом влияютна квалификацию.

Анализ следственной и судебной практики свидетельствует, что предмет доказывания по уголовным делам, возбужденным по фактам превышения пределом необходимой обороны, представляет собой комплекс объективных и субъективных факторов, которые самым непосредственным образом влияют на квалификацию преступлений. Легитимность и границы необходимой обороны детально регулируются в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. На сегодняшний день в правоприменительной практике выработана детальная парадигма правил, согласно которым посягательство с возможной необходимой обороной от него должно комплексно характеризоваться признаками общественной опасности, наличности и реальности. В контексте рассматриваемой темы, связанной с превышением пределов необходимой обороны, следователь (дознаватель) должны «зеркально» доказать, что данные правила были нарушены.

Общественная опасность посягательства означает, что нападающий должен причинять вред отношениям, охраняемым уголовным законом. Очевидно, что отсутствие признака общественной опасности нападения категорически исключает легитимность необходимой обороны, следовательно, причиненные вред рассматривается на общих основаниях. Именно поэтому в ходе следственных действий необходимо детально устанавливать обстановку совершенного преступления, тщательно разбираться в мотивах и сопутствующих обстоятельствах.

Действительность посягательства означает, что оборонительные действия осуществляются в отношении реальных действий, а не тех, которые существовали в воображении лица. Реальность посягательства необходимо устанавливать всей совокупностью следственных действий. При этом важно отсутствие противоречий в предмете доказывания. Только таким образом можно установить реальные, а не мнимые причинно-следственные связи между действием и наступившими последствиями. Особое значение при оценке всей совокупности доказательств приобретает внутреннее убеждение следователя (дознавателя), которое основано на фактических обстоятельствах, отраженных в материалах уголовного дела [4, с. 60]. Наличность посягательства означает, что активные действия уже начались и непринятие в этом случае активных оборонительных действий приведет к нарушению охраняемых уголовным законом интересов. В процессе доказывания субъект расследования должен четко представлять, что активные оборонительные действия могут осуществляться в тот временной период, в который происходит нападение. Очевидно, что в данном случае момент юридического окончания такого общественно опасного посягательства не имеет значения. Устанавливая данное обстоятельство в ходе расследования, следует особое внимание уделить первоначальным показаниям непосредственно после совершения соответствующих действий, так как «по горячим следам» легче восстановить хронологию и фактические данные произошедшего. Существенную помощь в установлении наличности посягательства

может оказать следственный эксперимент, с помощью которого воссоздается точная картина и обстоятельства произошедшего.

Предмет доказывания по уголовным делам данной категории также составляют условия правомерности защиты, а именно: вред должен быть причинен лицу, которое непосредственно посягало на охраняемые законом интересы, а не третьим лицам; необходимая оборона осуществлялась в отношении тех интересов и институтов, которые охраняются уголовным законом, а не другими отраслями права; методы, способы и средства защиты должны в полной мере соответствовать характеру, динамике и опасности посягательства.

Подводя некоторые итоги, отметим, что для установления фактов превышения пределов необходимой обороны в процессе доказывания необходимо тщательно и скрупулезно с помощью следственных и иных процессуальных действий выявить все обстоятельства, которые в одинаковой степени влияют на правомерность и пределы необходимой обороны.

Список литературы

1. Соловьев А. Б., Токарева М. Е. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России. М. : Юрлитинформ. 2010. 302 с.

2. Поляков В. П. Уголовно-процессуальное законодательство современной России: актуальные проблемы и пути их разрешения : монография. М. : Юрлитинформ. 2019. 179 с.

3. Кузьменков В. А., Рудакова Ю. С. Необходимая оборона в деятельности сотрудника полиции: правовые, философские и ценностные аспекты // Философия права. 2018. С. 22–27.

4. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации : монография. М .: Юрлитинформ , 2019. 355 с.

Тертычная И. В.[1]*,*
доцент кафедры предварительного расследования
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТАТЬЕЙ 258 УК РФ. ПЛАНИРОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ

Возбуждение уголовного дела возможно лишь при наличии установленных уголовно-процессуальным законом поводов и основания к принятию такого решения надлежащим лицом. В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 258 УК РФ предварительное расследование проводится в форме дознания.

Перечень поводов к возбуждению уголовного дела определен ч. 1 ст. 140 УПК РФ, является исчерпывающим. Применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 258 УК РФ (незаконная охота), с учетом особенностей предмета преступления (объекты животного мира), поводами могут являться:

1. *Заявления граждан, которые обнаружили признаки преступления.* Чаще всего этими гражданами являются: инспектора по охране территорий государственных заказников (заповедников) и национальных парков, инспектора в области охраны окружающей среды (государственные охотничьи инспектора Росприроднадзора), егеря и т. д.

2. *Явка с повинной.* К ней относится факт, когда сотрудники полиции в случае задержания лица с тушей убитого животного не могут определить факт нарушения закона. Так, инспектор ДПС ГИБДД МО МВД России «Суксунский» для проверки документов остановил автомобиль под управлением С., В. был пассажиром. В багажнике в двух мешках было обнаружено мясо животного. Охотники первоначально сказали, что едут с охоты, на которой добыли кабана, мясо животного находится в багажнике. После этого гр. В. добровольно сообщил о том, что, имея лицензию только на кабана, убил лося, о чем был составлен протокол явки с повинной. Инспектор пояснил, что самостоятельно отличить мясо кабана от мяса лося не может. В этом случае явка с повинной является поводом к возбуждению уголовного дела [3].

3. *Сообщения о совершенном или готовящемся преступлении*, полученные их иных источников, оформляемые рапортом об обнаружении признаков преступления (например, акты проверок ведения лесного хозяйства; сообщения таможенных органов о контрабандных попытках вывоза объектов животного мира и т. д.).

4. *Постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании*. К примеру, Алтайская межрайонная природоохранная прокуратура Алтайского края провела прокурорскую проверку, отреагировав на размещенные в средствах массовой информации – сайте АКОО «Геблеровское экологическое общество» статьи, содержащие историю о браконьерской деятель-

[1] © Тертычная И. В., 2022.

ности жителя Алтайского края. Постановление прокурора с материалами прокурорской проверки были направлены в органы внутренних дел и послужили поводом к возбуждению уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного п. а ч. 1 ст. 258 УК РФ [2].

Любой повод к возбуждению уголовного дела инициирует доследственный уголовный процесс и должен быть надлежащим образом оформлен.

Говоря об особенностях возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 258 УК РФ, необходимо упомянуть, что методы выявления незаконной охоты реализуются сотрудниками государственных заказников (заповедников) и национальных парков, инспекторами Росприроднадзора во взаимодействии с сотрудниками полиции. Сейчас активно применяются возможности квадрокоптеров.

Действия, осуществляемые в ходе проведения предварительной проверки по фактам незаконной охоты:

1. *Осмотр места происшествия.* Целесообразно заранее привлекать к участию в осмотре специалистов в области ведения лесного хозяйства, ветеринаров или зоотехников и т. п.

Осмотр места происшествия производится с участием лица, совершившего противоправные действия, поскольку задержанный может оказать помощь в ориентировании следственно-оперативной группы на местности, указать на местонахождение остатков туши животного, орудий преступления и т. п. Следует учесть, что при осмотре необходимо соблюдать дополнительные меры предосторожности, поскольку в местах незаконной охоты могут быть установлены капканы, ловушки, находиться дикие животные и т. п.

При осмотре следует установить, каким образом осуществляется выделение границ заказника либо заповедника и каким образом нарушитель преодолел заграждения. Установление данного обстоятельства весьма важно для дальнейшей перспективы уголовного дела с целью нивелирования возможного противодействия виновного, так как в практике имелись следующие ситуации: гр-н Н. отправился с ружьем в лес на браконьерскую охоту (без лицензии, в запрещенные сроки), и, зайдя на территорию заказника, был задержан работниками охотнадзора. В соответствии с требованиями закона появление в заказнике с огнестрельным оружием является оконченным составом преступления, предусмотренным ст. 258 УК РФ. Однако гр. Н. заявил, что, когда шел по лесу, не знал о заказнике, по пути следования никаких информационных знаков не видел и поэтому думал, что находится в охотугодьях общего пользования. При осмотре места происшествия было установлено, что информационные знаки имеются, но только на въездах в заказник по периметру границы через каждые 3–10 км. Таким образом, доказать умысел на незаконную охоту на территории заказника не представляется возможным.

В ходе осмотра места происшествия необходимо установить и зафиксировать: место, с которого производился отстрел; место нахождения убитого животного, фрагментов животного (шкура, части туши и т. п.); наличие следов и предметов, способных быть вещественными доказательствами по делу: гильзы, пули (их фрагменты), следы обуви, следы транспортных средств, кровь,

осыпь шерсти, перья, личные вещи преступников, следы курения, следы волочения, следы лыж или саней; оружие, подсумки и патронаши, автотранспорт.

Изымаются устройства, возможно фиксировавшие факт браконьерства, например, видеорегистратор, мобильный телефон и т. п. Обнаруженные следы описываются по общим правилам криминалистики, изъятые на месте происшествия предметы необходимо упаковать, опечатать, скрепить подписями понятых и лица, производившего изъятие, лица, у которого было изъято.

2. *Опрос задержанных лиц с целью установления картины преступления*.

3. *Изучение документов*, находящихся при нарушителе (разрешительные документы на добычу охотничьих ресурсов, документы на оружие и т. п.).

4. *Истребование документов, в частности*:

– выписки из Положения о государственном природном заказнике (заповеднике) и картой его границ ГПЗ о том, что на территории заказника (заповедника) запрещаются охота;

– нахождение с оружием, капканами и другими орудиями охоты, в том числе с огнестрельным оружием в собранном виде на дорогах общего пользования, любые виды рубок;

– справки о том, состоит ли задержанный на учете в лицензионно-разрешительной системе как владелец какого-либо огнестрельного охотничьего оружия; справки об ущербе от незаконной охоты.

5. Возможно *применение служебной собаки*, оформляемое актом [4].

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам, связанным с незаконной охотой, определяются общими положениями ст. 73 УПК РФ. В статье разберем только те обстоятельства из перечня, которые отражают специфику составов преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ.

1. *Событие преступления*. Отметим лишь особенности.

Способы подготовки и совершения браконьерства в настоящее время очень разнообразны. Так, например, отстрел диких копытных животных в таежных условиях часто осуществляется из укрытий возле солонцов, где охотники предварительно прикармливают животных; в районе степей наиболее распространена охота на автомобилях и мототранспорте. Возможно использование различных силков. При использовании какого-либо способа охоты образовываются многочисленные следы, указывающие на конкретный способ и, определив способ, можно выдвинуть следственные версии о личности браконьеров, их численности, наличии навыков охоты, знании местности и других признаках незаконной охоты.

Далее важным обстоятельством, которое подлежит установлению, является место преступления. Место таких преступлений – это довольно обширная территория, которая тянется больше десяти километров: место отстрела, область преследования, место разделки добытой дичи.

Наряду с местом совершения преступления, важным обстоятельством является время совершения преступления. Определение точного времени, в которое было совершено преступление, необходимо для решения вопроса о проведении неотложных следственных действий или при проверке выдвинутых алиби.

2. *Виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы*. Для доказывания виновности в совершении данной категории преступления необходимо установить: осуществляло данное лицо лицензированную (разрешен-

ную) деятельность или незаконную, имелся ли в его действиях умысел на совершение конкретного преступления, роль каждого из соучастников в совершении преступления.

При доказывании умысла на незаконную охоту на особо охраняемой природной территории необходимо доказать: обвиняемый знал о том, что находится на территории заказника (заповедника), что на охоту поехали именно в заказник (заповедник). Помимо показаний самого обвиняемого, доказательством такого умысла может служить протокол осмотра места происшествий, а также показания свидетелей, подтверждающих данное обстоятельство.

На установление умысла влияет тот факт, что по законодательной конструкции состав, предусмотренный ст. 258 УК РФ следует признавать формально-материальным. Действия, указанные в пп. «б», «в» и «г» ч. 1 ст. 258 УК, образуют формальный состав, то есть независимо от того, были ли добыты объекты охоты. В пункте «а» ч. 1 ст. 258 УК указан материальный состав – необходимы последствие в виде крупного ущерба, и причинная связь между деянием и последствием.

3. *Характер и размер вреда, причиненного преступлением*. На сегодняшний день для подсчитывания ущерба используется Постановление Правительства Российской Федерации от 10 июня 2019 г. № 750 «Об утверждении такс и методики исчисления крупного и особо крупного ущерба для целей статьи 258 УК РФ». Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации определил, что ущерб, причиненный незаконной охотой, относится к крупному не только по количеству и стоимости добытых животных, но и с учетом экологической ценности, значимости для конкретного места обитания, численности популяции этих животных.

4. Обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества. Например, в соответствии с требованиями ст. 104.1 УК РФ, вещественные доказательства: патроны, гильзы, охотничье оружие, средства, с помощь которых осуществлялась транспортировка незаконного добытого дикого животного и т. п., изъятые с места происшествия, либо в ходе обыска (выемки), подлежат конфискации, поскольку являются орудиями преступления, в то же время, не являясь для подозреваемого основным источником существования.

На первоначальном этапе дознаватель должен начать отработку выдвинутых версий, безотлагательно собрать и закрепить доказательства, которые могут быть утрачены, принять необходимые меры для розыска и задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, если таковой не был задержан на месте совершения преступления либо по «горячим следам».

Последующий этап посвящен работе с проблемными ситуаций, связанными с установлением предмета доказывания, задача данного этапа – полное и всестороннее доказывание всех обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Заключительный этап связан с привлечением лица в качестве обвиняемого, составлением обвинительного постановления (либо обвинительного акта).

С учетом вышеизложенного дознаватель планирует свою работу по уголовному делу, определяя очередность выполнения следственных и иных процессуальных действий.

Список литературы

1. Егошин В. В. Методика расследования незаконной охоты : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2007. 222 с.

2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Режим доступа: https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-518959/.

3. Приговор от 21 июня 2013 г. по делу № 1-55/2013. Мировой судья судебного участка № 102 Кунгурского муниципального района Пермского края: // Режим доступа: http://102.perm.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=1485.

4. Приговор № 1-2/4/2020 от 30 января 2020 г. по делу № 1-2/4/2020. Шабалинский районный суд (Кировская область) // Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/1YRqZDiJ4cbQ.

Теткин Д. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МЕТОДИКИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С КРИПТОВАЛЮТОЙ

В настоящее время информатизация достигла своего пика, что подтверждается глобальным развитием с нарастающим эффектом, технологического прогресса. Все это гармонично способствовало направленному движению человечества в мир цифровизации.

Рассматривая в срезе исторический период двадцать первого века, стоит сделать акцент на том, что, казалось бы, только недавно наше общество успело привыкнуть к электронно-вычислительным машинам, как к повседневно используемым понятиям прибавились термины «нейросеть», «криптография» и «криптовалюта».

Изменения, касающиеся научной составляющей Российской Федерации, способствовали также развитию современного законодательства. Так, наш отечественный законодатель вовсе не отстает от современных тенденций. Не считаю лишним указать, что российские нормативно-правовые акты не просто отвечают современности, но и опережают во многом законы других стран. Например, высшими органами государственной власти за короткий период внесены в законодательную основу государства такие понятия, как «электронный документ», «электронные ресурсы», «электронная информация», «электронные носители информации», «электронная площадка», «электронный билет», «электронная почта», «электронное средство платежа», «цифровые права».

Относительно новым явлением стало появление в реалиях нашего общества такого достижения современных наук, как криптовалюта [4, с. 231–235]. Несмотря на всю свою новизну и непонятность, данное достижение криптографии быстро попало во внимание законодателя и получило закрепление как в гражданском, так и в других отраслях Российского права.

Однако криптовалюта представляет собой предмет интереса не только у государства и законопослушных членов общества. Преступный мир также преобразовывается в зависимости от изменений, происходящих как в государстве, так и в обществе. Преступники пытаются использовать в своих корыстных целях достижения науки и техники. В настоящее время их заинтересовала электронная платежная единица – «криптовалюта». Используя несомненные преимущества данного элемента – безотзывность транзакций, запись их в блоки, децентрализованное хранение информации – данные особенности хотят обратить преступники в свою пользу.

---

[1] © Теткин Д. В., 2022.

Криптовалюта, набравшая популярность за последнее десятилетие, является объектом для преступлений, причем как совершаемых виртуально, так осуществляемых преступными элементами без использования компьютерных технологий. Киберпреступность – это область, для расследования которой требуются понимание особенностей работы IT-технологий и особые знания в области юриспруденции.

Статус цифровых валют в современном российском законодательстве носит скорее ситуативный, нежели системный характер. Например, рассматривая дела о банкротстве, суд признает биткоин как иное имущество и включает его в конкурсную массу для расчетов с кредиторами. Обратной стороной указанного вопроса является отношение к криптовалюте со стороны правоохранительных органов (прокуратуры, следственных органов) и Центробанка. В начале развития отношений по поводу криптовалюты в Российской Федерации, указанные органы рассматривали биткоин и иные альткоины как денежный суррогат, а соответственно все операции по обращению с ними признавались уголовно-наказуемыми деяниями.

В настоящее время цифровые активы являются законными в гражданском обороте, в том числе с целью уплаты налогов либо выплаты задолженностей кредиторам.

Ряд проблем, вызванных расхождением правовых актов по своему содержанию, неопределенностью статуса криптовалюты, отсутствием выработанных стратегий и планов Министерствами, ставит органы исполнительной власти в затруднительное положение. Рассматривая российские уголовные дела и зарубежные криминальные кейсы, связанные со сферой криптовалют, следует выделить некоторые составы преступлений, которые чаще всего фигурируют в подобных случаях.

Для более устойчивого понимания природы совершенных преступлений подразделим преступления со всей сферы на две наиболее значимых категории: преступления, совершенные в сетевом пространстве, и «классические» преступления, совершенные вне указанного поля. К последней категории относятся преступления, в которых правоотношения, связанные с правом владения и распоряжения криптовалютой, являются объектом преступления. Это дела о кражах, разбоях, мошенничествах, в рамках которых биткоин и иные альткоины являются предметом.

При этом хотелось бы отметить, что правоохранительные органы все-таки не стоят на месте. Они пытаются совместно с представителями научного сообщества разработать методику доказывания, способную дать ответы на поставленные вопросы, связанные с процессом формирования доказательственной базы при расследовании преступлений, связанных с криптовалютой.

Само расследование данных преступлений представляет собой достаточно сложный процесс, требуя от правоохранительных органов использования как норм уголовного, административного, гражданского и уголовно-процессуального права, так и достижений современных продуктов цифровых отраслей науки. Огромное внимание со стороны правоохранительных органов уделяется формированию доказательственной базы, без которой сложно представить уголовное дело.

Очевидно, что чем выше технологическая сложность и новизна преступлений, тем больше вопросов возникает с процессом сбора доказательств. Проблемы, связанные с вещественными доказательствами, были и продолжают оставаться актуальными. В особенности это касается проблем, связанных с вещественными доказательствами в компьютерной сфере.

Многие ученые в своих научных трудах выделяют различия между электронной информацией и иными видами информации, имеющими значение для процесса развития методики доказывания. Некоторые ученые, в частности, предлагают учитывать электронную информацию как «компьютерную» и использовать ее в качестве доказательства по делу. При этом данное положение обосновывается тем, что «носителем этой информации является предмет, а доказательственное значение имеют содержание, свойства этого предмета» [3, с. 149–151].

В связи с указанным отметим, среди представителей науки возникают споры о важности внесения в уголовно-процессуальный кодекс изменений, касающихся доказательственной базы. Все больше научных дискуссий разворачиваются над включением новых понятий в закон, которые станут для юридической практики новинкой. Тем не менее огромному количеству сторонников введения понятий «Электронное доказательство» и «Электронное доказывание» противостоят такие авторы, как А. М. Баранов, утверждающий, что источником доказательств всегда является человек, в то время как форма данной информации, будь она напечатана, написана от руки либо сохранена на жестком диске, концептуально не меняет ее суть [1, с. 64–66].

Касательно же процедуры сбора информации, ее хранения и использования как доказательства по уголовному делу, связанному с криптовалютой, считаем, что один из приемлемых вариантов – это осмотр. Однако существует некая проблема, связанная с тем, что предметом осмотра как следственного действия, могут являться предмет либо документ (гл. 24 УПК). Поэтому в случае, если следователь желает зафиксировать информацию с сайта и указывает компьютер как предмет осмотра, он совершает некую ошибку, так как с точки зрения процедуры осмотра в этом случае необходимо осуществить осмотр именно его внутренних составляющих. Таким образом, электронно-вычислительная машина в данном случае является лишь средством осмотра, а не предметом [2, с. 91–95]. В случае проведения осмотра содержимого интернет-сайтов рентабельно составить протокол осмотра документа (электронного). В таких условиях действия следователя будут оправданы, что частично подтверждается положениями Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

Еще одним и, возможно, более обоснованным способом фиксации данных, имеющих значение для развития методики доказывания по преступлениям, связанным с криптовалютой, является разновидность компьютерно-технической экспертизы – компьютерно-сетевая. В ходе ее проведения эксперт при помощи компьютера и специального программного обеспечения получает и фиксирует необходимые данные. В случае с подтверждением транзакций криптовалюты не потребуется никаких специальных дополнительной аппаратуры либо программного обеспечения, поскольку при помощи любого браузера и компьютера

с выходом в Интернет специалист может получить необходимые данные. К сожалению, на данный момент отсутствуют методические рекомендации по осуществлению данных процедур.

Таким образом, в существующей практике по расследованию преступлений, связанных с криптовалютой, имеется существенная проблематика, связанная с неопределенностью по части, касающейся формирования доказательственной базы. Данная апория является предметом обсуждения многих ученых, и, вероятно, в скором времени мы увидим ее решение.

Список литературы

1. Баранов А. М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64–69.

2. Галушин П. В., Карлов А. Л. Сведения об операциях с криптовалютами (на примере биткойна) как доказательство по уголовному делу // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 90–95.

3. Пастухов П. С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–154.

4. Теткин Д. В., Пудовкин А. А. К вопросу о раскрытии и расследовании преступлений в сфере оборота криптовалют // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2021.

Федулова И. И.[1],
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЗНАВАТЕЛЯ

16 октября 2021 г. исполнилось 29 лет с того дня, как в органах внутренних дел Российской Федерации появились специализированные подразделения дознания. С тх пор и была введена такая должность, как дознаватель. В 2022 г. службе дознания исполнится уже 30 лет. Говоря в целом об истории возникновения дознания в России, стоит подчеркнуть, что впервые термин «дознание» появился еще в XIX в., а точнее, в 1860 г., когда был опубликован официальный указ царя Александра II, содержащий приложение – Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок, 8 июня 1860 г. Таким образом, можно справедливо отметить, что дознание в России имеет свою устоявшуюся историю.

Анализируя уголовно-процессуальное законодательство России за последние годы, можно прийти к выводу, что внесены достаточно серьезные дополнения и коррективы в нормы, регламентирующие производство такой формы предварительного расследования, как дознание. Касается это и подследственности. На сегодняшний день, в соответствии с ч. 3 ст. 150 УПК РФ к подследственности дознавателей отнесено более 140 составов преступлений. На плечи дознавателей легла достаточно большая нагрузка, связанная с расследованием уголовных дел. Так, по данным УОД ГУ МВД России по г. Москве и УОД ГУ МВД по Московской области за 10 месяцев 2021 г. дознавателями возбуждено 41,1 % уголовных дел от общего количества всех зарегистрированных преступлений. Таким образом, можно справедливо отметить, что дознаватели, так же, как и следователи, выполняют достаточный объем работы. Но, несмотря на изменения, которые направлены на совершенствование норм, регламентирующих производство дознания, в практической деятельности дознавателей все же имеются проблемы. И связано это, в первую очередь, с ограничением их процессуальных возможностей.

В ч. 3 ст. 41 УПК РФ прописано, что дознаватель может самостоятельно производить следственные и иные процессуальные действия и принимать процессуальные решения, за исключением случаев, когда на это требуется согласие начальника органа дознания, согласие прокурора или суда. Однако уже на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении при решении вопроса о возбуждении уголовного дела дознаватели иногда сталкиваются с некоторой проблемой. Прокурор в соответствии с УПК РФ имеет право отменить постановление дознавателя о возбуждении уголовного дела, посчитав его незаконным и необоснованным. Кроме того, известен и тот факт, что при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела дознаватель составляет статистическую карточку № 1 и пока прокурор ее не подпишет, по факту, не о каком возбуждении уголовного дела речи идти не может. Поэтому гово-

[1] © Федулова И. И., 2022.

рить о том, что дознаватель может самостоятельно возбудить уголовное дело нельзя. Бесспорно, прокурор должен проверять материалы, предоставленные дознавателем на предмет законности, однако, причины отмены постановления дознавателя о возбуждении уголовного дела порой бывают, на наш взгляд, не совсем обоснованные. Данный факт подтвержден нами в результате изучения нескольких материалов в УОД ГУ МВД России по г. Москве и УОД ГУ МВД по Московской области. Так, например, в ОД МО МВД России «Шатурский» дознавателем было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, после чего весь материал был предоставлен прокурору. Данный прокурор вызвал лицо, в отношении которого было возбуждено уголовное дело, сам опросил его и затем вынес постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, посчитав, что в действиях указанного лица отсутствует состав преступления, также было дано указание дознавателю о принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела. То есть в данном случае просто на основании показаний лица прокурор посчитал нужным принять такое решение. Более того, впоследствии в отношении указанного дознавателя по данному факту была проведена служебная проверка. Полагаем, что прокурор принял свое решение необоснованно, так как основываться только на данных опроса лица нельзя.

Следует отметить, что в практической деятельности имеют место случаи, когда вышестоящий прокурор отменял постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела нижестоящего прокурора, после чего по этим же материалам выносились постановления о возбуждении уголовного дела. Сам автор, проходя службу в должности начальника подразделения дознания, сталкивалась с такой ситуацией. Так, по двум материалам одновременно, где усматривался состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК РФ, прокурор вынес постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, после чего начальник управления дознания по округу предоставил данные материалы вышестоящему прокурору, который, рассмотрев их, принял решение о необходимости возбуждения уголовных дел. Согласно данным УОД ГУ МВД России по г. Москве за 10 месяцев 2021 г. по 10 материалам, где прокурор вынес постановление об отмене постановления дознавателя о возбуждении уголовного дела, в конечном итоге были возбуждены уголовные дела.

Дознаватель в соответствии с ч. 4 ст. 41 УПК РФ, конечно, может обжаловать указания прокурора вышестоящему, но данное обжалование не приостанавливает его исполнения. Полагаем, что это несправедливое ограничение, ведь в отличие от дознавателя, следователь может обжаловать указания прокурора, не исполняя их. Дознаватель такой же субъект расследования уголовного дела, как и следователь, поэтому считаем необходимым внести в ч. 4 ст. 41 УПК РФ соответствующее дополнение.

Говоря о данной проблеме, стоит также учитывать тот факт, что иногда после возбуждения уголовного дела дознаватели уже могут провести некоторые следственные действия. Чаще всего это связано с тем, что лицо необходимо задержать, чтобы оно в дальнейшем не скрылось. В ходе изучения нами отказных

материалов подтвердился факт того, что в некоторых из них содержались протоколы следственных действий. В таких случаях, на наш взгляд, прокурорам надо принимать решение не об отмене в возбуждении уголовного дела, а о прекращении уголовного дела. Поэтому полагаем, что в ч. 4 ст. 146 УПК РФ по данному факту необходимо внести корректировки.

Также следует сказать о том, что в ст. 41 УПК РФ, где прописаны полномочия дознавателя, нет нормы, указывающей на то, что дознаватель может сам принять решение о возбуждении уголовного дела. В ст. 38 УПК РФ, где изложены полномочия следователя, такая норма есть. В соответствии с п. 1 ч. 2 указанной статьи следователь уполномочен возбуждать уголовное дело. Полагаем целесообразным закрепить данное полномочие за дознавателем в ст. 41 УПК РФ.

Рассуждая о проблемах, возникающих в процессуальной деятельности дознавателя, следует обратить внимание на то, что, осуществляя свою работу, дознаватели часто вынуждены согласовывать свои решения с прокурором в тех случаях, когда без этого, на наш взгляд, можно было бы обойтись. Некоторые вопросы дознаватели могли бы согласовать с непосредственным начальником или начальником органа дознания, как это делает следователь, согласовывая свои действия со своим руководителем, а не с прокурором. На это меньше бы тратилось времени, в результате работа стала бы более продуктивной.

Учитывая проведенный анализ некоторых проблемных вопросов, возникающих в процессуальной деятельности дознавателя, полагаем, что внесение указанных нами в данной статье определенных корректировок в нормы УПК РФ позволит дознавателям более эффективно осуществлять свою работу.

Фок С. В.[1],
преподаватель кафедры предварительного расследования
Санкт-Петербургского университета МВД России

Щекотихин И. А.[2],
слушатель факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В ЖИЛИЩЕ

При производстве предварительного расследования следователь, либо дознаватель вправе производить различные следственные действия, необходимые для установления точных данных совершенного преступления, которые в последующем могут использоваться в качестве доказательств по уголовному делу. Виды, а также основания и порядок производства следственных действий, регламентированы УПК РФ, при этом, на наш взгляд, в действующем законодательстве существуют некоторое пробелы, касающиеся в том числе проведения проверке показаний на месте в жилище, без согласия лица проживающего в нем, которые будет рассмотрены в данной работе.

«Проверка показаний на месте – самостоятельное следственное действие, состоящее в показе лицом, правдивость показаний которого проверяется, определенного места, связанного с событием преступления, рассказе о совершенных на этом месте действиях, демонстрации определенных действий, исследовании указанного места и сопоставлении сведений, сообщенных лицом, с объективной обстановки на месте» [1, с. 490]. Таким образом, при производстве данного следственного действия в ходе расследования преступления следователь или дознаватель в месте, имеющем значение для уголовного дела, путем воспроизведения обстановки такими участниками уголовного судопроизводства, как подозреваемый или обвиняемый; потерпевший; свидетель, устанавливает новые обстоятельства или конкретизирует уже имеющиеся показания допрошенных ранее лиц. В качестве одного из обязательных условий проверки показаний на месте является самостоятельность лиц, имеющих вышеуказанный процессуальный статус, а именно отсутствие внешнего вмешательства различного характера, в том числе наводящих вопросов и подсказок со стороны следователя, дознавателя и других посторонних лиц. Следователь или дознаватель вправе задать уточняющие и дополнительные вопросы, лишь после свободного рассказа или демонстрации действий вышесказанных лиц.

УПК РФ, а именно ст. 74 показания подозреваемого или обвиняемого, а также протоколы следственных действий, допускаются в качестве доказательств по уголовному делу, а ст. 73 – на должностных лиц, ведущих расследование уголовного дела, возложена обязанность по доказыванию самого события

[1] © Фок С. В., 2022.
[2] © Щекотихин И. А., 2022.

преступления, включающего в себя время, место, способ и другие обстоятельства совершения, а также ему способствующие, которые можно установить, проверить и доказать с помощью производства проверки показаний на месте. Лишь во время проведения этого следственного действия лицо не только показывает место совершения преступления, но и дает показания по уголовному делу, а также демонстрирует различие действия, имеющие прямое или косвенное значение в рамках данного уголовного дела.

Проверка показаний на месте является следственным действием, соответственно, следователь, дознаватель удостоверяет факт проведения, протоколом, который впоследствии служит доказательством по уголовному делу и благодаря которому подтверждаются или опровергаются проверяемые показания. При проведении проверки показаний на месте уполномоченное на то процессуальное лицо также может изъять обнаруженные предметы и документы, после их осмотра следователь либо дознаватель принимает процессуальное решение о дальнейшем приобщении их в качестве вещественных доказательств. Особое значение для расследования по уголовному делу приобретают планы и схемы, составленные во время проведения данного следственного, которые в дальнейшем приобщаются к материалам уголовного дела в качестве приложения к протоколу.

Исходя из норм ст. 194 УПК РФ, проверка показаний – следственное действие, проведение которого не требует вынесение соответствующего постановления либо разрешения суда, что серьезно упрощает порядок его подготовки и проведения. Осуществляя предварительное расследование, следователь, дознаватель довольно часто проводит проверку показаний на месте в жилище, при этом участник уголовного судопроизводства, чьи показания проверяются, не во всех случаях является собственником или лицом, проживающем в этом жилище. Но как процессуальное лицо должно провести проверку показаний на месте в жилище без согласия проживающего там лица?

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, а именно ст. 25, «никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих иначе как в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения» и, тем самым, лицо, не дающее согласия следователю, дознавателю на производство проверки показаний в жилище, будет под правовой защитой Конституции Российской Федерации. Соответственно, возникает вопрос, как быть в таком случае следователю или дознавателю, который организовал данное следственное действие, собрал участвующих в нем лиц, а попасть на законных основаниях в жилое помещение не может в связи с отсутствием согласия лица, проживающего в нем. На первый взгляд, ответ очевиден. Чтобы не возникло подобной ситуации, следователь либо дознаватель должен на этапе подготовки следственного действия уточнить информацию о лицах, проживающих в проверяемом помещении, и получить разрешение суда на проведение проверки показаний на месте в жилище. Согласно ст. 29, чт. 165 УПК РФ в ходе досудебного производства суд рассматривает вопрос о возможности производства различных следственных действий, в том числе, например: осмотр жилища, в случаях отсутствия согласия, проживающих в нем лиц; обыска (выемка) в жилище. Однако, как говорилось ранее нами, проверка показаний на месте

не требует вынесения соответствующего постановления, в связи с чем это следственное действие не упоминается в ст. 29 УПК РФ.

Еще в 2010 г. возникал вопрос по поводу правового пробела касаемо ст. 194 УПК РФ, когда некий гражданин Н. В. Киятов подал жалобу на нарушение его конституционных прав действиями следователя прокуратуры в Конституционный Суд Российской Федерации. Тогда следователь, руководствуясь ст. 194 УПК РФ, без согласия на проникновение в принадлежащее гражданину Н. В. Киятову жилое помещение произвел следственное действие – проверку показаний на месте в жилище, на что тот подал жалобу о нарушенных его прав и о недопустимости таких доказательств по уголовному делу, так как они были добыты с нарушением законодательства. Но вопреки утверждению гражданина Н. В. Киятова Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии и рассмотрении данной жалобы, признав процессуальные действия следователя законными: «положения этой статьи не являются неопределенными и не содержат дозволения проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц при проверке на месте показаний, ранее данных подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем, а потому конституционное право Н. А. Киятова на неприкосновенность жилища не нарушают» [2].

Таким образом, по нашему мнению, ст. 194 УПК РФ не совсем полно описывает процессуальный порядок указанного в статье следственного действия. Проведя анализ судебной практики, можно сделать вывод о том, что в настоящее время, как и в 2010 г., в УПК РФ не урегулирована ситуация производства такого следственного действия, как проверка показаний на месте, если оно производится в жилом помещении. Поэтому предлагаем внести поправку в ст. 194 УПК РФ, дополнив ее случаем, когда проживающие лица в жилом помещении не дают согласия на проведение проверки показаний на месте, уполномоченное лицо вправе возбудить ходатайство перед судом на проведение данного следственного действия. Помимо этого, следует дополнить ч. 2 ст. 29 УПК РФ дополнительным правом суда «о производстве проверки показаний на месте в жилище при отсутствии согласия проживающих в нем лиц».

Список литературы

1. Волынский А. Ф., Лавров В. П. Криминалистика: учебник для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 943 с.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № О-911 от 6 июля 2010 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киятова Николая Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 194 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

Шараева Я. А.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ВРЕМЕННЫМ ТЯЖЕЛЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству и научной литературе под приостановлением уголовного дела можно понимать временный перерыв предварительного расследования, вызванный основаниями, закрепленными в УПК РФ. К ним относятся:

1. Лицо, обвиняемое в совершении преступления, на этапе предварительного расследования, не было установлено.

2. Лицо, являющееся подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу, скрылось от следствия либо место его нахождения не может быть выявлено.

3. Место нахождения лица, являющегося подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу известно следствию, однако его реальное участие невозможно.

4. Временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, подтвержденное медицинским заключением.

В п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ содержится еще одно основание приостановления производства по делу – направление запроса в Конституционный Суд Российской Федерации о соответствии закона Конституции Российской Федерации, примененного в деле. Но, по данному основанию приостановление дела возможно только в стадии судебного разбирательства.

В данной статье хотелось бы детально рассмотреть последнее основание, указанное в ст. 208 УПК РФ, а также проблемы в практической деятельности следственных органов по исследуемому вопросу. Для начала необходимо раскрыть сущность понятий «заболевание» и «временное тяжелое заболевание».

Заболевание – деструктивные процессы в организме человека, следствием которых является нетрудоспособность и снижение продолжительности жизни.

Временное тяжелое заболевание – острый воспалительный процесс в организме, ограничивающий подвижность и нормальную физическую активность человека. Однако отсутствие закрепления понятия «тяжести» в УПК РФ порождает в научных и практических кругах немало споров. Так, например, существует большое количество тяжких неизлечимых заболеваний с медицинской точки зрения, которые постепенно разрушают организм изнутри, но при этом не ограничивают физическую активность и не препятствуют участию в следственных действиях [1, с. 19]. Исходя из этого, проанализировав научную литературу, можно выделить следующие условия определения тяжести заболевания у подозреваемого или обвиняемого:

1. Если заболевание сопровождается утратой способности подозреваемого или обвиняемого воспринимать информацию в период следственных действий.

[1] © Шараева Я. А., 2022.

2. Если организм в ослабленном состоянии или болезнь находится на стадии обострения, а проведение следственных действий может привести к ухудшению.

3. Если заболевание носит психический характер, а участие в процессуальных действиях приведет к усугублению психического состояния лица.

4. Если заболевание подозреваемого или обвиняемого препятствует физической явке для участия в следственных действиях.

5. Если болезнь подозреваемого или обвиняемого носит строго временный характер.

Однозначно, что вышеперечисленные состояния невозможно установить следователю самостоятельно, поэтому необходимо получить обоснованное и законное решение врачей.

Помимо сложности определения степени тяжести заболевания для приостановления уголовного дела, существует ряд проблем, связанных с медицинскими документами, а именно с их перечнем. В УПК РФ закреплена необходимость «медицинского заключения», но без конкретизации требований к данному виду документа. Так, проанализировав ряд уголовных дел, мною было отмечено, что в большинстве случаев под «медицинским заключением» выступают обычные справки от лечащего врача. Данный факт ставит под сомнение объективность принятого решения. На основании этого необходимо, на мой взгляд, конкретизировать определения «медицинского заключения» с дополнением в виде «судебно-медицинской экспертизы», так как экспертное исследование более обширно освящает заболевание у подозреваемого или обвиняемого, в отличие от справки лечащего врача, где указан в большинстве случаем лишь диагноз. Исходя из заключения эксперта, можно также сделать прогноз о времени протекания болезни, что имеет большое значение при принятии решения [2, с. 195].

Также можно выделить и иные преимущества экспертного заключения:

1. Согласно УПК РФ судебно-медицинская экспертиза является прямым доказательством заболевания, то есть у следователя нет необходимости производить дополнительную оценку.

2. Поскольку эксперт обладает знаниями в области медицины, он может точно сделать прогноз о степени тяжести болезни, ее продолжительности и дать оценку, на основании которой следователь построит дальнейший план действий.

3. Эксперт несет уголовную ответственность за предоставление ложных заключений, исходя из этого, объективность полученных следователем результатов более высока [3, с. 208].

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать следующий вывод: проанализировав теоретический материал по данной теме, а также правоприменительную практику за последние три года на территории Ростовской области, необходимо отметить, что приостановление уголовного дела на основании тяжелого заболевания подозреваемого или обвиняемого, с учетом вышеизложенных особенностей, вызывает немало проблемных моментов. Причиной тому, на мой взгляд, являются пробелы в законодательстве, связанные с отсутствием верного толкования понятию «медицинское заключение», которое в современных реалиях не всегда объективно. Исходя из вышеизложенного, предлагаем внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство

в части принятия решения о приостановлении уголовного дела на основании временного тяжелого заболевания, основанного на заключение эксперта, что в свою очередь повысило бы объективность и законность принятия решения.

Список литературы

1. Черкасова Е. К. Правовое регулирование приостановления и возобновления предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Омск, 2014. 183 с.

2. Кривонос И. С. Понятие института приостановления досудебного расследования как временного прекращения уголовной процессуальной деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 3. С. 193–198.

3. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Волтерс Клувер, 2019. 700 с.

Шестак В. А.[1],
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД России,
доктор юридических наук, доцент

Ясюк М. О.[2],
студент международно-правового факультета
Московского государственного института
международных отношений (университет) МИД России

КОРРУПЦИЯ В СПОРТЕ: СООТНОШЕНИЕ «LEX SPORTIVA» И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

С ростом притока денег в спорт и глобализацией спортивной экономики коррупция может поразить в той или иной степени все стороны спортивного бизнеса. Очевидная эскалация коррупции в профессиональном спорте привела к увеличению количества спортсменов, которым грозят запреты выступлений, а также к потере средств к существованию в результате решений, принятых трибуналами в рамках регулирующей системы «lex sportiva», в современных условиях признаваемой разновидностью транснационального права.

При этом коррупция в спорте в юридической доктрине определяется не только как незаконная, но и как любая неэтичная деятельность, которая нацелена на искажение результатов спортивных мероприятий и получение экономической выгоды посредством искажения результатов определенного спортивного мероприятия. Важна здесь не только экономическая выгода, но и само действие неэтичного поведения. Оно может заключаться в преднамеренном искажении результатов, в предвзятом отношении при принятии решений, использовании запрещенных препаратов для изменения итогов соревнования и других действиях.

Коррупция в спорте зачастую связана непосредственно с манипулированием спортивными соревнованиями. В Конвенции Европы о манипулировании спортивными соревнованиями содержится разъяснение о том, что данный термин является общим определением для действий, охватывающих различные виды манипуляций, которые являются непосредственной частью уголовных преступлений, связанных с коррупционными деяниями в сфере спорта [1]. Термин «манипулирование спортивными соревнованиями» включает в себя не только договоренности, действия или бездействия, которые надлежащим образом изменяют результат или ход соревнования, но и те же деяния, совершенные с намерением надлежащим образом изменить результат или ход соревнования, даже если деяние не увенчалось успехом.

В рамках восьмой сессии Конференции государств-участников Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции в спорте в декабре

[1] © Шестак В. А., 2022.
[2] © Ясюк М. О., 2022.

2019 г. была принята резолюция 8/4 «О защите спорта от коррупции» [2]: ею одобрена Глобальная программа по защите спорта от коррупции и преступности, целью которой является повышение осведомленности о коррупционных рисках, связанных со спортом, содействие обмену передовым опытом и подходами для снижения рисков среди государств-членов и иное. Генеральная ассамблея ООН в своей резолюции 74/170 «Интеграция спорта в стратегии предупреждения преступности среди молодежи и уголовного правосудия» в декабре 2019 г. призвала государства к сотрудничеству при предупреждении преступности, в частности среди молодежи, а также для предупреждения рецидивизма в их среде [3].

Манипуляция соревнованием и его результатом является одним из наиболее распространенных коррупционных правонарушений в сфере спорта. Практика свидетельствует, что существует два основных вида манипуляций в соревнованиях. Во-первых, в спортивных целях: такое манипулирование совершается для обеспечения спортивного преимущества, например, для повышения, или понижения в лиге или в любом ином спортивном преимуществе. Во-вторых, для получения финансовой выгоды: например, посредством ставок, когда манипулирование направлено на предварительное определение события, связанного с соревнованием, которое, как ожидается, будет предложено на рынках ставок. Помимо этого, коррупция в спорте может быть реализована в формах: матч-фиксинга (договорных матчах), связанный со ставками; матч-фиксинга, не связанного со ставками; использование допинга; получение инсайдерской информации (для целей ставок) [4, с. 3].

При этом спорт не застрахован и от традиционных видов коррупции (например, плата игроку за низкие результаты): в частности, подкупа частным лицом должностного лица для получения незаконной выгоды. Отчеты ФИФА о торгах на право проведения чемпионатов мира по футболу свидетельствуют, что государственные должностные лица зачастую подкупают частные организации для получения права на проведение престижных спортивных мероприятий [5]. Помимо классических форм коррупции, спортивная коррупция имеет также свой собственный язык для обозначения коррупционных действий (матч-фиксинг, допинг, ноблинг). Так, матч-фиксинг – это практика нечестного определения исхода матча до его начала. Таким образом, соревнование происходит с полностью или частично предопределенным результатом [6, с. 54].

Всемирное антидопинговое агентство (WADA) полагает, что использование допинга также является одной из форм коррупционного преступления. Данное нарушение не ограничивается приемом спортсменами допинговых средств, оно также заключается в отказе от взятия крови для пробы, фальсификацией результатов проб, а также в незаконном обороте запрещенных веществ. Другой формой допинга является ноблинг (nobbling) – британский термин, означающий вмешательство в способность спортсмена или соревнующегося животного соревноваться на пике своей производительности [7, с. 32].

Международный Спортивный арбитражный суд согласно Кодексу Международного Спортивного Арбитража рассматривает дела в тех случаях, когда стороны договорились о разрешении споров в Суде. Фактически, на данный момент, в большинстве контрактов, заключаемых со спортсменами, присутст-

вует оговорка о подсудности спора Спортивному арбитражному суду. Согласно пункту R27 упомянутого кодекса суд уполномочен рассматривать различные виды споров, от коммерческих (например, вопросы о спонсорских соглашениях), до спортивных (например, о коррупции или использовании допинга) [8].

Использование спортивного арбитража в качестве средства пресечения коррупции в сфере спорта вытекает из доктрины «автономии спорта». С момента появления (конец XIX в.) Международные спортивные федерации рассматривались как автономные организации, регулирующие такую деятельность, которая признавалась любительской и частной, а, следовательно, не подпадала под сферу государственного регулирования. К середине двадцатого века с появлением на Олимпийских играх стран советского блока, где существовала культура государственного регулирования спорта, Олимпийское движение уже официально приняло политику автономии национальных Международных олимпийских комитетов и Олимпийского движения в целом [9, с. 739–745]. Пятый фундаментальный принцип олимпизма в Олимпийской хартии свидетельствует, что спортивные организации имеют права и обязанности автономии, которые включают свободное установление и контроль правил спорта, определение структуры и управления своих организаций [10].

Автономия спорта, таким образом, предопределила появление особого права в данной сфере, и, кроме того, в области спорта правовые конфликты должны разрешаться на основе принципа «lex specialis derogat legi generali», в соответствии с которым правила «lex sportiva» должна превалировать над национальным законодательством, обеспечивая принцип автономии спорта. И хотя «lex sportiva» является саморегулирующейся системой в отношении санкций за коррупцию в сфере спорта, положение осложняется принятием уголовных норм на уровне национального права в отношении коррупции и манипулирования спортивными соревнованиями. Кроме этого, проблема доказывания и применения санкций к спортсменам за манипуляцию спортивными соревнованиями весьма проблематична, так как даже при обнаружении преступных схем манипулирования игрой, доказать наличие умысла у лица изменить результаты и получить прибыль крайне сложно, за исключением проведения оперативных мероприятий правоохранительными органами.

Как договорной порядок, основанный на правилах Международных спортивных федераций, «lex sportive» подвергается критике за свою автономию от национальных правовых систем. В связи с этим возникают вопросы о справедливости, как процесса, так и применяемых санкций при вынесении частных дисциплинарных решений за коррупцию спортсменов. С одной стороны, регулирование манипулирования соревнованиями со стороны Международных спортивных федераций является примером спортивной автономии, поскольку они применяют правила, созданные ими самими, в своих собственных спортивных трибуналах, и не применяют стандарты доказательств и улик, характерные для судебного разбирательства, что усиливает критику, согласно которой спортивная автономия лишает спортсменов «верховенства закона». С другой стороны, использование норм «lex sportiva» и обращение в Спортивный арбитражный суд является альтернативным решением для недопущения принятия на-

циональными судами противоречащих решений, в тех случаях, когда спортсмены разных национальностей обращаются в несколько судебных инстанций.

При этом многие государства и национальные суды признают, что управление спортом лучше всего делегировать частным органам, что повлечет за собой развитие частной системы регулирования, уполномоченной запрещать спортсменам заниматься спортом за коррупцию [11, с. 2–15]. А важность развития «lex sportiva» определяется также ограниченностью или отсутствием национального законодательства во многих зарубежных странах, недостаточной координацией и слабым сотрудничеством между соответствующими заинтересованными сторонами, (спортивными руководящими органами, правоохранительными органами), а также сложностью раскрытия незаконной деятельности, связанной со спортом и недостатком ресурсов, выделяемых на решение этих вопросов. Все эти факторы представляют собой значительные препятствия и потенциальную возможность получения высокой прибыли для преступников. Кроме этого, осведомленность правоохранителей о роли организованной преступности в сфере спорта ограничена, и этот вопрос часто не является приоритетным для компетентных государственных органов и спортивных организаций.

Учитывая масштаб проблем, связанных с манипулированием соревнованиями и иными коррупционными преступлениями, действия государственных учреждений, опирающихся на национальные законы, являются необходимым следствием «lex sportiva». В частности, это подтверждается тем, что резкое развитие спорта в последние десятилетия сопровождалось также увеличением рисков коррупции, что привело к деятельности, направленной на использование этих факторов для получения незаконной выгоды. Государства, спортивные организации и связанные с ними заинтересованные стороны пытаются оценить, смягчить и устранить эти риски, что, несомненно, также связано с признанием важности спортивного арбитража. Так, в соответствии с Федеральным законом от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» все споры, которые возникают в профессиональном спорте и спорте высших достижений, должны передаваться сторонами в специальный арбитраж (при наличии арбитражной оговорки). В России таковым является Национальный центр спортивного арбитража при Спортивной арбитражной палате.

Помимо ограничения доступа спортсмена к участию в спортивных соревнованиях, за совершение действий, связанных с влиянием на исход спортивного мероприятия посредством подкупа, предусмотрена так же уголовная ответственность в соответствии со ст. 184 УК РФ. В случае осуществления передачи, предложения или обещания денег, ценных бумаг и иного имущества в качестве подкупа со стороны юридического лица, ответственность такого юридического лица будет установлена в соответствии со ст. 19.28 КоАП РФ в виде административного штрафа.

Таким образом, в современных условиях «lex sportiva» является концепцией, которая подтверждает высокую степень специализации в спорте и спортивном праве. Полагаем, что «lex sportiva» не полностью автономно и не оторвано от государственных законов и институтов. «Lex sportiva» имплементирует в себя национальное законодательство через практику принятия решений Международного Спортивного арбитражного суда, чтобы усилить приемлемость своих решений.

Такой суд задействует институциональные ресурсы национальных государств для поддержки эффективности Всемирного антидопингового кодекса. При этом «lex sportive» и национальное законодательство, взаимодействуя, представляют сложный и нестабильный режим, в котором отсутствует определенная иерархия.

Список литературы

1. Конвенция Совета Европы о манипулировании спортивными соревнованиями. URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/conventions/rms/090000016801cdd7e (дата обращения: 16.05.2021).

2. Резолюция 8/4 о защите спорта от коррупции Управления ООН по наркотикам и преступности 2019. URL: https://www.unodc.org/documents/ Safeguardingsport/Documents/Advance_unedited_resolution_8_4.pdf (дата обращения: 13.05.2021).

3. Резолюция 74/170 Генеральной Ассамблеи ООН Интеграция спорта в ориентированные на молодежь стратегии в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. URL: https://undocs.org/en/A/RES/74/170 (дата обращения: 13.05.2021).

4. Kihl L. Corruption in sport: understanding the complexity of corruption // European Sport Management Quarterly. 2017. № 1. P. 3.

5. Working Paper 2 / 2014: Corruption And Sport: Building Integrity To Prevent Abuses. URL: https://images.transparencycdn.org/images/2014_WorkingPaper2_SportBuildingIntegrity_EN.pdf (дата обращения: 10.05.2021).

6. Lamberti A. When the beautiful game turns ugly: A study of fan experiences of perceived match fixing in soccer // Faculty of Applied Health Sciences. Brock University St. Catharines, ON/ Faculty of Applied Health Sciences. 2014. P. 54.

7. Masters A. Corruption in sport: From the playing field to the field of policy // Policy and Society. 2015. Vol.34, Issue 2: Corruption and Integrity: Analysis and control. P. 32.

8. Кодекс Международного Спортивного Арбитража. URL: http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1538 (дата обращения: 12.05.2021).

9. Chappelet J. From Olympic administration to Olympic governance // Sport in Society. 2016. Vol. 19. № 6. Pp. 739–745.

10. Олимпийская Хартия. URL: https://stillmed.olympic.org/media/ Document%20Library/OlympicOrg/General/EN-Olympic-Charter.pdf (дата обращения: 12.05.2021).

11. Serby T. Sports Corruption: Sporting Autonomy, Lex Sportiva and the Rule of Law // Entertainment and Sports Law Journal. 2018. Vol. 15. Pp. 2–15.

Шмонин А. В.[1],
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Северо-Западного института
(филиала) университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор

Земскова Е. Н.[2],
старший следователь по особо важным делам 4 отдела
(контроля расследования преступлений в бюджетной
и предпринимательской сферах и коррупционной направленности)
контрольно-методического управления
Следственного департамента МВД России,
кандидат юридических наук

ЧТО СТОИТ ЗА МАНИПУЛИРОВАНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ СРОКАМИ: НЕСОВЕРШЕНСТВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЛИ НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ?

Обобщения, систематизация и анализ правоприменительной практики свидетельствуют, что следственные органы, следователи нередко манипулируют процессуальными сроками, а руководители следственных органов (далее – РСО) и следователи при этом злоупотребляют своими правами при *возобновлении приостановленного или прекращенного уголовного дела, а также при возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования следствия* (далее, если не указано иное, – возобновление предварительного следствия или ВПС). Неслучайно, заместитель начальника Следственного департамента МВД России полковник юстиции В. В. Городков в своем докладе на расширенном заседании коллегии МВД России 4 февраля 2021 г. подчеркнул: «Имеются многочисленные факты злоупотреблений, связанных с манипулированием сроками следствия путем их необоснованного приостановления и дальнейшего возобновления руководителями территориальных следственных подразделений». Также в докладе обращено внимание на неоднократные направления следователем в порядке ст. 220 УПК РФ без выполнения не обжалованных им требований прокурора и его указаний, данных при возвращении уголовного дела.

Кроме того, к процессуальным нарушениям руководство департамента относит возвращение РСО уголовного дела следователю, подписавшему обвинительное заключение, для производства дополнительных следственных действий и устранения выявленных недостатков в соответствии со ст. 39 УПК РФ с установлением в нарушение требований ст. 162 УПК РФ срока предварительного расследования на один месяц.

Следовательно, практика показывает, что действующая редакция ст. 162 УПК РФ не обеспечивает законность и эффективность действий РСО и следователя.

---

[1] © Шмонин А В., 2022.
[2] © Земскова Е. Н., 2022.

Не вызывает сомнения необходимость принципиального реагирования в рамках судебного и ведомственного контроля, а также прокурорского надзора на практику манипулирования процессуальными сроками при ВПС и допускаемых при этом злоупотреблений РСО и следователей, которые по существу являются формой противодействия расследованию со стороны властных субъектов уголовного судопроизводства.

Следует признать, что в современных условиях принимаемые меры реагирования на подобного рода многочисленные злоупотребления с целью обеспечения принципов законности и разумного срока уголовного судопроизводства, являются малоэффективными.

В то же время Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно в своих решениях делал вывод о том, что по смыслу ч. 6 ст. 162 УПК РФ предусмотренный ею порядок продления срока предварительного следствия:

– может применяться лишь в качестве исключения из общего порядка продления срока предварительного следствия;

– не предполагает возможность искусственно затягивать расследование, выходя за пределы предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством сроков в результате принятия *произвольных и немотивированных решений* о прекращении уголовного дела и последующего возобновлении производства по нему;

– не допускает произвольное, в том числе многократное, ВПС по одному и тому же основанию (в частности, по причине неполноты проведенного расследования);

– направлен на обеспечение принципов законности и разумного срока уголовного судопроизводства;

– должен отвечать требованиям законности, обоснованности, достаточности и эффективности действий РСО и следователя;

– не предполагает злоупотребления предоставленным законодателем правом, заключающегося в *неоднократном направлении* уголовного дела для производства дополнительного следствия, приостановлении или прекращении уголовного дела *по одним и тем же основаниям* (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2015 г. № 1541-О, № 1542-О и № 1543-О, от 23 июня 2016 г. № 1241-О, от 27 сентября 2019 г. № 2258-О, от 26 марта 2020 г. № 759-О, от 23 апреля 2020 г. № 1051-О и др.).

Несмотря на приведенные позиции Конституционного Суда Российской Федерации, существующий порядок ВПС, предусмотренный ч. 6 ст. 162 УПК РФ, не может эффективно разрешать существующие проблемы обеспечения производства по уголовным дела в установленные законом сроки.

В связи с этим следует признать положения ч. 6 ст. 162 УПК РФ во взаимосвязи с положениями п. 11 ч. 1 ст. 39, ст. 211 и п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, не соответствующими требованию правовой определенности, так как позволяют РСО по надуманным основаниям многократно устанавливать месячный срок предварительного следствия, не обязывая осуществлять дальнейшее продление срока предварительного следствия по делу на общих основаниях, то есть в порядке, установленном чч. 4, 5 и 7 ст. 162 УПК РФ, в том числе:

– при отмене вынесенных следователем заведомо незаконных однотипных постановлений о приостановлении предварительного следствия по делу или его прекращении;

– при возвращении в соответствии со ст. 39 УПК РФ уголовного дела следователю, подписавшему обвинительное заключение, для производства дополнительных следственных и процессуальных действий и устранения выявленных недостатков с установлением срока предварительного расследования на один месяц;

– при возвращении в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 211 УПК РФ прокурором уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, для дополнительного расследования, не обязывая следователя выполнять не обжалуемые указания по устранению выявленных прокурором недостатков.

В связи с этим следует внести изменения и дополнения в правовой механизм ВПС с тем, чтобы гарантировать государственную, в том числе судебную защиту от незаконного и необоснованного ВПС, исключив по возможности из него коррупционные риски, связанные с манипулированием процессуальными сроками, ликвидировав невосполнимые пробелы в нормах действующего законодательства, регулирующих порядок установления и продления процессуальных сроков вне зависимости от общей длительности срока предварительного следствия.

Также следует устранить неопределенность в правовом регулировании возвращения РСО уголовного дела следователю в случае несогласования обвинительного заключения, позволяющую устанавливать срок предварительного следствия на один месяц с момента принятия уголовного дела к производству следователем.

Кроме того, следует устранить неопределенность в понятии, границах (сроках) и содержании «предварительного расследования» («предварительного следствия»), что позволит конкретизировать процессуальную категорию «дополнительное расследование» («дополнительное следствие»). Например, согласно положениям УПК РФ срок предварительного следствия завершается (оканчивается) в момент:

1) направления уголовного дела прокурором в суд с утвержденным обвинительным заключением (п. 9 ст. 5, ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 222);

2) направления дела прокурору с обвинительным заключением или постановлением о его передаче в суд для применения принудительных мер медицинского характера либо до вынесения постановления о прекращении уголовного дела (ч. 2 ст. 162);

3) признания, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения (ч. 1 ст. 215 УПК РФ и др.).

Следовательно, по воле законодателя существует несколько параллельных правовых реальностей. Так, в первом рассматриваемом случае возвращение уголовного дела следователю без утверждения прокурором обвинительного заключения или соответствующего постановления по своей правовой природе является тождественным направлению уголовного дела для дополнительного расследования.

Во втором случае дополнительное расследование возможно только в рамках возобновления ранее прекращенного уголовного дела. В такой ситуации возвращение уголовного дела следователю РСО без согласования (прокурором – без утверждения) обвинительного заключения либо постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера по своей правовой природе не тождественно направлению уголовного дела для дополнительного расследования.

И, наконец, в том случае, когда предварительное расследование оканчивается в момент принятия решения следователем о выполнении всех возможных и необходимых следственных действиях и достаточности собранных для составления обвинительного заключения доказательств, возвращение РСО уголовного дела следователю без согласования обвинительного заключения или постановления о передаче уголовного дела в суд применения принудительных мер медицинского характера также по своей природе тождественно направлению этого дела для дополнительного расследования.

Таким образом, только в рамках реализации дискретных полномочий законодатель имеет возможность создать условия для становления единообразной правоприменительной практики при ВПС, снижения коррупционных рисков, связанных со злоупотреблениями соответствующими полномочиями РСО и следователями, там самым обеспечить реализацию прав граждан на судебную защиту в разумные сроки.

Шпагина Ю. В.[1],
старший преподаватель кафедры
управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук

О СОВМЕСТИМОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ И ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Сегодня должностными лицами органа дознания активно применяется введенное в УПК РФ Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. дознание в сокращенной форме. Для указанного вида процессуальной деятельности законодателем предусмотрены упрощенные правила собирания и оценки доказательств, фактически секвестирующие возможности познания [1, с. 73].

В настоящей научной статье автор поставил перед собой цель разобраться, могут ли действующие упрощенные процессуальные правила привести к ограничению гарантий, обеспечивающих достоверность познавательных действий при осуществлении расследования по уголовному делу в ходе доказывания.

Для этого представляется целесообразным начать свои рассуждения о понимании уголовно-процессуального познания и его соотношении с доказыванием. В науке по данному вопросу среди представителей научного сообщества нет единства позиции. Одни ученые придерживаются подхода о тождественности уголовно-процессуального познания и уголовно-процессуального доказывания, где последнее, в свою очередь, выступает формой рассматриваемого познания [8, с. 295; 9, с. 24; 2, с. 22].

Точка зрения других ученых сводится к тому, что рассматриваемые понятия разно векторные и являются форменным выражением уголовно-процессуальной деятельности властных субъектов – участников уголовно-процессуальных правоотношений [3, с. 20]. На страницах юридической литературы можно встретить позицию ученых-процессуалистов о широком понимании уголовно-процессуального познания, где доказывание – один из способов приобретения знания в рамках уголовного процесса [7, с. 108 и др.].

Продолжая рассуждение, отметим, что рассматриваемые явления немыслимы друг без друга и их проявление возможно в уголовно-процессуальной деятельности субъектов, направленной на эффективное решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, на что справедливо обращает внимание З. З. Зинатуллин [3, с. 15]. Безусловно, доказывание не сводится только к уголовно-процессуальному познанию и то доказывание, которое представлено в первой общей части уголовно-процессуального закона (*раздел III УПК РФ – выделено Ю.Ш.*), сфокусировано на основные досудебные производства (*имеется в виду на предварительное следствие и дознание в общей форме – выделено Ю.Ш.*). Однако законом предусмотрены и иные производства, для которых свойственны иные правила доказывания [12, с. 17–18].

---

[1] © Шпагина Ю. В., 2022.

Исходя из вышеизложенного, автор приходит к выводу о том, что неотъемлемым элементом уголовно-процессуального доказывания является уголовно-процессуальное познание, представляющее собой динамичную форму, которая способствует установлению значимых для уголовного дела обстоятельств.

Далее рассмотрим полученное знание применительно к процессу доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, а для этого обратимся к правовым нормам уголовно-процессуального закона, регламентирующим доказывание при его производстве. Так, нормы ст. 226.5 УПК РФ дозволяют дознавателю фактически оценивать непроверенные доказательства в разрез с принципом оценки доказательств по внутреннему убеждению и игнорировать закономерности процесса познания. Дознаватель проводит только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств. Кроме того, с указанного должностного лица снята обязанность проверять доказательства, если они не оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ) [7, с. 55].

Попытка упрощения процессуальных норм фактически привела к выходу за пределы предусмотренной уголовно-процессуальным законом процессуальной формы и в некоторой части к дисбалансу устоявшимся подходам, разработанным учеными-процессуалистами, в отношении процесса доказывания в рамках предварительного расследования. Уголовно-процессуальный закон предусмотрел возможным правоприменителю оценивать полученные доказательства, фактически не проверяя их, даже в случае, когда это необходимо [6, с. 34]. Автор настоящей статьи склонен к позиции о том, что доказательства должны собираться должностным лицом, осуществляющим расследование, в объеме, достаточном для установления обстоятельств, необходимых для разрешения уголовного дела. Исключение дознавателя при реализации рассматриваемой формы расследования из числа познающих субъектов, привело к наделению невластных участников уголовно-процессуальных правоотношений, таких как потерпевший и подозреваемый (обвиняемый) правомочием, позволяющим фактически определять исход процесса. Правоприменительная практика свидетельствует о росте количества возвращенных судом уголовных дел для передачи по подследственности и производства дознания в общем порядке по причине заявления потерпевшим или его представителем, обвиняемым (подсудимым) ходатайства о производстве дознания в общем порядке, что отражено на гистограмме [5; 11].

Подводя итог нашим суждениям, отметим, что наука уголовного процесса, а вместе с ней и законодатель не должны ставить под сомнение или отрицать возможность рассматривать уголовно-процессуальную деятельность властных субъектов свозь призму материалистической диалектики. Теория познания распространяется и на уголовно-процессуальную деятельность указанных субъектов [4]. Правила доказывания, установленные для сокращенного дознания, сегодня противоречат процессу уголовно-процессуального доказывания, основанному на гносеологических закономерностях [6, с. 36] и приводят к ограничению гарантий, обеспечивающих достоверность познавательных действий в процессе доказывания при расследовании дела в рассматриваемой форме.

Автор не преследует цели предложить законодателю вовсе отказаться от ускоренно-упрощенных правил доказывания, но, в свою очередь, они не должны вступать в дисбаланс с указанными гносеологическими закономерностями.

Список литературы

1. Азаров В. А., Боярская А. В. Уголовно-процессуальное познание и его современная направленность // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 73–80.

2. Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 22–29.

3. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: учебное пособие. Ижевск: Детектив-информ, 2003. 178 с.

4. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ, 1988. 652 с.

5. Отчет по форме № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания» (книга № 25), установленный приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. № 858 «Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ» // ГИАЦ МВД России. 2020.

6. Победкин А. В. Теория уголовно-процессуального доказывания – научная фикция? (По поводу дифференциации процессуальной формы досудебного производства) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 31–37.

7. Прокопова А. А. Ускоренное досудебное производство в Республике Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2021. 239 с.

8. Ратинов А. Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 106–113.

9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. I. М., 1968. 470 с.

10. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009. 238 с.

11. Шпагина Ю. В. О современном состоянии сокращенной формы дознания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96). С. 112–124.

12. Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного судопроизводства по новому УПК России // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 10: Проблемы уголовного процесса в свете нового УПК РФ : сборник статей. Томск, 2002.

Шпаковский Н. В.[1],
инспектор Октябрьского (г. Минска) районного отдела
Следственного комитета Республики Беларусь

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ СПОРТА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время при быстро протекающих в обществе социально-экономических и политических изменениях особое значение приобретает укрепление законности и правопорядка. Приоритетным направлением здесь выступает защита прав, чести и достоинства личности граждан, их жизни и здоровья. В этих условиях одной из неотложных задач государства является обеспечение эффективной борьбы с возросшей преступностью в сфере физической культуры и спорта.

Современный профессиональный спорт преобразовался в своеобразную предпринимательскую деятельность, где получение выгоды нередко ставится превыше спортивных достижений. Как и в любой сфере предпринимательской деятельности, которая считается зоной повышенного риска, в профессиональном спорте возникают внутренние противоречия, нередко формирующие состав преступления [1, с. 46]. Уголовно-правовую охрану профессионального спорта следует рассматривать в качестве неотъемлемой части уголовно-правовой охраны таких объектов, как жизнь и здоровье, права и свободы человека, собственность, коммерческая деятельность, нравственность и т. д.

Развитие уголовного спортивного правоотношения построено таким образом, что объектом посягательства становится не просто субъект спортивного права, а личность, общество и государство, то есть традиционные субъекты уголовного права. Иными словами, нарушения спортивных правил на соревнованиях (в том числе международного уровня) оказывает влияние и на объекты правовой охраны, не связанные напрямую со спортом.

Как отмечает И. М. Амиров, бичом современного спорта стали употребление запрещенных в спорте средств и методов (допинга), договорные матчи, различного рода мошенничества на тотализаторах, спекуляции с входными билетами, нарушения общественного порядка со стороны зрителей спортивных соревнований (особенно футбольных), увеличение спортивного травматизма и др. [2, с. 120].

Законодательством Республики Беларусь предусмотрена дисциплинарная, гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность в сфере спорта. Ответственность предусмотрена как для спортсмена, так и для тренера, специалиста по спортивной медицине и иного специалиста в области физической культуры и спорта. В данном исследовании следует выделить следующие группы преступлений в сфере физической культуры и спорта.

Коррупционные и другие экономические преступления в сфере спорта

Основным составом коррупционного преступления в сфере в сфере физической культуры и спорта является подкуп участников и организаторов спортив-

[1] © Шпаковский Н. В., 2022.

ных соревнований или зрелищных коммерческих конкурсов, предусмотренный ст. 253 УК Республики Беларусь. Так, за получение денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера спортсменом, тренером, медицинским работником, участвующими в спортивной подготовке спортсмена (команды спортсменов), судьей по спорту, спортивным агентом, иным лицом, включенным в состав участников спортивного соревнования, организатором или членом жюри зрелищного коммерческого конкурса или за совершение определённо действия (бездействия) при проведении спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса либо предоставление такого вознаграждения наступает уголовная ответственность. Квалифицирующим признаком данной статьи является совершение вышеуказанных действий повторно.

Анализируя судебную практику, следует отметить, что коррупция в сфере физической культуры и спорта для Республики Беларусь явление достаточно новое. Так, С. В. Алексеев отмечает, что одна из причин латентности данного состава преступления является неполноценное выполнение мероприятий оперативно-разыскной деятельности (в том числе по фиксации телефонных переговоров и т. д.). Для решения данной проблемы юристами предложено ужесточение санкции по данной статье [3, с. 383].

В борьбе с имущественными преступлениями в сфере спорта могут применяться также ст.ст.: 210 «Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями», 211 «Присвоение либо растрата» УК Республики Беларусь.

Особым вниманием следует выделить составы преступлений, предусмотренные ст. 243 «Уклонение от уплаты налогов, сборов» УК Республики Беларусь, а также недавно введенной в УК Республики Беларусь ст. 243.2 «Налоговое мошенничество». Данные составы могут коснуться как самих участников спортивных правоотношений, так и непосредственно связанных с ними: высшие должностные лица или менеджеры физкультурно-спортивных организаций. Необходимо отметить, что отечественная следственная и судебная практика пока не изобилует налоговыми делами в сфере физической культуры и спорта, но все же такая тенденция в данной сфере обнаруживается и прогрессивно развивается.

Преступления, посягающие на конституционные права и свободу человека в сфере физической культуры и спорта

С. В. Алексеев в своих трудах относит состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность, за нарушение авторских прав, смежных прав, прав промышленной собственности, а также товарных знаков к категории экономических преступлений в силу приобретения субъектом данного преступления незаконной денежной выгоды [3, с. 385].

В отечественном законодательстве преступление, предусмотренное ст. 201 УК «Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности» относится к преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина, определяя данную категорию главенствующей по отношению к экономических преступлениям.

Статья 22 Конституции Республики Беларусь закрепляет равенство граждан перед законом, а также наделяет правом без всякой дискриминации на равную

защиту прав и законных интересов. Одной из гарантий равноправия граждан является уголовно-правовая защита их права на равенство, которая предусмотрена ст. 190 «Нарушение равноправия граждан» УК Республики Беларусь.

Стоит отметить, что к ст. 190 УК тесно примыкает ст. 130 УК, которая предусматривает уголовную ответственность за умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо социальной вражды или розни по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или социальной принадлежности. Также примечанием к этой статье определяется понятие социальной принадлежности – принадлежность лица к определенной социальной группе по признаку пола, возраста, профессии, рода занятий, места жительства и иной социально-групповой идентификации.

Преступления, связанные с потреблением допинга в спорте

Допинг представляет серьезную проблему не только для спорта, он получил широкое распространение и среди молодежи, занимающейся физической культурой, что отрицательно влияет на их здоровье [3, с. 405].

Так, в Республике Беларусь за склонение или использование в отношении спортсмена вещества и (или) метод, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов, предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со ст.ст. 331.1 и 331.2 УК Республики Беларусь.

В белорусской уголовно-правовой доктрине до настоящего времени не решен вопрос об уголовно-правовой оценке применения допинга при занятиях физической культуры и спортом. Однако в уголовно-правовом законодательстве существует норма, предусматривающая уголовную ответственность за потребление наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов в течение года после наложении административного взыскания за такое же нарушение.

Существенной проблемой является также насилие и хулиганские действия зрителей во время проведения спортивных мероприятий. Насилие является крайне травмирующим фактором не только непосредственно для зрителей, но и для спортсменов и влечет уголовную ответственность, предусмотренную ст. 293 «Массовые беспорядки», ст. 339 «Хулиганство», ст. 295 УК «Незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ» УК Республики Беларусь.

Следует отметить, что уголовная ответственность в сфере физической культуры и спорта в первую очередь выполняет превентивную функцию, целью которой является предупреждение преступлений, обеспечение правомерного поведения участников спортивных правоотношений, а также регулятивную функцию, призванную упорядочивать отношения в спорте. Государственно правовое воздействие на спортивные отношения должно способствовать соблюдению законности в процессе проведения спортивных мероприятий, а также содействовать снижению негативных тенденций, имеющих место в современном профессиональном спорте.

Квалифицируя деяние в качестве преступления, правоприменители часто сталкиваются с конкуренцией со стороны нормативных правовых актов отечественных и международных общественных организаций, поскольку соответст-

вующие деяния образуют также деликты, предусмотренные уставами, дисциплинарными и спортивными кодексами, регламентами организаций.

Учитывая, что нормы правовых актов спортивных организаций не могут иметь приоритет над национальным законодательством по ряду причин, при совершении деяния, образующего как состав преступления, так и состав дисциплинарного спортивного проступка, виновное лицо подлежит привлечению к уголовной и дисциплинарной ответственности. Правоохранительным органам необходимо это учитывать в своей профессиональной деятельности и при необходимости активно участвовать в уголовном судопроизводстве в сфере физической культуры и спорта.

Список литературы

1. Гуща Е. В. Некоторые вопросы уголовной ответственности в сфере спорта // Спортивное право в Республике Беларусь : сборник статей. Минск, 2011. Вып. 4. С. 205–213.

2. Амиров И. М. Особенности юридической ответственности в сфере спорта: к постановке проблемы // Общество и право. 2010. № 4. С. 120–127.

3. Алексеев С. В. Правовые основы профессиональной деятельности в спорте : учебник для вузов. М. : Советский спорт, 2013. 517 с.

РАЗДЕЛ IV.
ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Абрамочкина Е. М.[1],
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В современном мире любая деятельность человека практически невозможна без использования информационных технологий. Цифровизация не только дает новые возможности людям и улучшает их жизнь, но и способствует трансформации преступности в сферу информационных технологий. Стремительное развитие информационных технологий зачастую является основной причиной некомпетентности пользователей к требованиям безопасности их использования и приводит к возможности совершения преступлений.

Анализ статей УК РФ показывает, что достаточно значительная сфера общественных отношений затрагивается преступлениями, совершенными с использованием информационных технологий. Это преступления против личности, связанные с самоубийствами, клеветой, нарушением неприкосновенности частной жизни и действиями, представляющими опасность для жизни несовершеннолетнего, преступления в сфере экономики, связанные с мошенничеством в сфере компьютерной информации, проведением азартных игр, манипулированием рынка, преступления против общественной безопасности и общественного порядка, связанные с террористической деятельностью, незаконным оборотом оружия его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств и многие другие преступления.

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационные технологии определены как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

Таким образом, для осуществления производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационных технологий, следователю (дознавателю), помимо правовых знаний, необходим хотя бы

[1] © Абрамочкина Е. М., 2022.

минимальный набор еще и специальных знаний в данной области. Подобной точки зрения придерживаются многие авторы, рассматривающие проблемы производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационных технологий. В частности, О. А. Решняк, С. А. Ковалев пишут: «Преступность в сфере использования компьютерных технологий с каждым днем все больше развивается, но специалистов на службе в правоохранительных органах для борьбы с такой преступностью совершенно не имеется. Практически все сотрудники органов внутренних дел применяют компьютеры на уровне пользователя и, к сожалению, больше половины из них не представляют даже, что такое IP-адрес. Проблема расследования преступлений совершенных с использованием компьютерных технологий состоит не только в отсутствии соответствующих специалистов, но и в том, что у нас практически не имеется литературы, методических рекомендаций либо обучающих пособий, которые бы помогали следственным органам и органам дознания в раскрытии и расследовании преступлений данного рода» [3, с. 206–208].

Порядок досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационных технологий отдельно в УПК РФ не регламентирован и осуществляется по общим правилам. Статьей 144 УПК РФ определена обязанность дознавателя, следователя, органа дознания и руководителя следственного органа принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции принять по нему решение. Вместе с тем правоприменительная практика выявила некоторые особенности в процедуре рассмотрения сообщений о таких преступлениях, а особенно их проверки. Рассмотрим некоторые из них.

Так, при проверке сообщений о преступлениях, совершенных с использованием информационных технологий, часто появляется необходимость направления запросов дознавателем, следователем, органом дознания и руководителем следственного органа в финансово-кредитные организации, операторам связи и организаторам распространения информации в сети Интернет и т. д. Например, при незаконном переводе денежных средств с банковских карт потерпевших установлению подлежат номера счетов, на которые они были переведены и их владельцы. Информация о движениях денежных средств и их владельцах находится в финансово-кредитных организациях, которые предоставляют ответы на запросы в срок до 30 дней. Очевидно, что несвоевременное получение информации о движении денежных средств, затрудняет установление лица, совершившего преступление и, если уголовное дело будет возбуждено, в дальнейшем это является основной причиной приостановления предварительного расследования в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

В юридической литературе сделан справедливый вывод, что складывающаяся ситуация обусловлена пластом проблем, которые связаны с выявлением преступлений, совершенных с использованием информационных технологий [4, с. 35]. В продолжение данной мысли Н. С. Костенко, Г. М. Семененко и А. А. Пшеничкин пишут, что такое положение дел объясняется нежеланием некоторых коммерческих структур, действующих на территории Российской Федерации,

сообщать в правоохранительные органы о совершении противоправных действий как в отношении самих компаний и их клиентов, так и компаний, которым стала известна информация о совершаемых или готовящихся преступлениях посредством использования зашифрованных программ [1, с. 193].

Как отмечают опрошенные нами сотрудники органов следствия и дознания территориальных органов МВД России (по Ярославской области и г. Мытищи Московской области), большая часть преступлений в сфере информационных технологий раскрываются по «горячим следам», когда на начальном этапе, оперативно получена информация о движении денежных средств, биллинговая информация, местоположение абонентских устройств, IP-адреса авторизаций и другие сведения, позволяющие установить и идентифицировать виновных, до того как эта информация будет удалена.

В процессе анализа данной проблемы мы приходим к выводу, что такое положение дел влечет за собой низкий процент раскрываемости преступлений, совершенных с использованием информационных технологий и нарушение принципа охраны прав и свобод человека и гражданина, в части не выполнения определенных, предусмотренных законом, действий следователями (дознавателями).

В частности, основанием для формулирования данного вывода послужило изучение материалов уголовного дела от 8 февраля 2021 г., возбужденного в отношении неустановленного лица по признакам преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ. Потерпевшим по данному делу признан гражданин С. Из обстоятельств дела: 26 октября 2020 г. на имя потерпевшего С. в банке «А-Б» был оформлен кредит на сумму один миллион рублей, через личный кабинет клиента банка, путем установки вредоносной программы с возможностью удаленного доступа. С. обратился в ТО МВД России, где было принято заявление о преступлении и взято объяснение. 25 ноября 2020 г. было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в мотивировочной части которого было указано, что событие преступления отсутствует, так как ответ на запрос из банка о владельце счета и движении денежных средств не поступил.

Согласно ч. 2 ст. 145 УПК РФ заявитель имеет право на сообщение о принятом решении (в данном случае об отказе в возбуждении уголовного дела). Однако данная норма УПК РФ не конкретна, что зачастую приводит к нарушению прав потерпевшего.

Так произошло и в вышеуказанном нами примере: после обращения 17 декабря 2020 г. потерпевшего С. в прокуратуру, 31 декабря 2020 г. из ТО МВД России поступило уведомление об отказе в возбуждении уголовного дела, а уголовное дело было возбуждено лишь 8 февраля 2021 г.

Считаем, что институт уведомления о принятом решении не является в настоящее время эффективным и требует совершенствования. Видится, что перевод данного института в цифровую среду будет более действенным в плане возможности электронного уведомления и соблюдения прав участников уголовного судопроизводства, но порядок и сроки требуют надежной и четкой проработки.

Далее отметим, что в настоящее время проблема сроков рассмотрения запросов правоохранительных органов финансово-кредитными организациями, операторами связи и организаторами распространения информации в сети Ин-

тернет находит пути решения в ТО МВД России на региональном уровне. В частности, заключены соглашения с ПАО «Сбербанк России» и Qiwi Банком, АО «Тинькофф Банк», ООО НКО «ЯндексДеньги», ПАО «Сбер» об электронном обмене документами и информацией, для выполнения правоохранительными органами, возложенных на них функций. В итоге время получения запрашиваемой информации может сократиться до одного рабочего дня.

С целью обучения сотрудников ОВД методам и алгоритмам расследования преступлений рассматриваемой категории в ТО МВД России на региональном уровне разработаны Методические рекомендации, что является положительным фактом в приобретении компетенций в области информационных технологий и информационно-телекоммуникационных систем.

Также отметим, что Минфином России 10 сентября 2021 г. подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 27 Федерального закона «О национальной платежной системе», которым предлагается определить, что Банк России вправе с соблюдением требований, установленных ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», предоставлять органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, по форме и в порядке, установленными соглашениями с органами предварительного следствия, информацию, содержащуюся в базе данных о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента [2].

Изучение практики правоприменения показало, что после подписания соглашений наметилась положительная динамика в части сокращения сроков получения информации от финансово-кредитных организаций, операторов связи и организаторов распространения информации в сети Интернет. Однако взаимодействие с другими компаниями по-прежнему остается неэффективным.

Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационных технологий, в современном мире требует от следователей и дознавателей наличия компетенций в области цифровых технологий, а с учетом увеличения количества преступлений данной категории – это реальность, на обстоятельства которой, необходима уверенная, четкая, адекватная, компетентная реакция сотрудников следствия и дознания, в соответствии с нормами УПК РФ.

Считаем, что обеспечению наличия компетенций в области цифровых технологий будет способствовать организация дополнительного профессионального образования сотрудников органов следствия и дознания по программам, направленным на формирование компетенций в области современных информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей.

Список литературы

1. Костенко Н. С., Семененко Г. М., Пшеничкин А. А. Основные проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на современном этапе // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. 2020. С. 192–196.

2. Проект Федерального закона от 10 сентября 2021 г. «О внесении изменений в статью 27 Федерального закона «О национальной платежной системе»» // НПП «Гарант-сервис».

3. Решняк О. А., Ковалев С. А. Проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием современных компьютерных технологий // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования : сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола. 2017.

4. Стрилец О. В., Семененко Г. М., Пахомов А. Н. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2 (53). С. 255–261.

Алешина М. Д.[1]*,*
курсант Нижегородской академии МВД России

Научный руководитель:
Поляков М. П.,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ИДЕЯ НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Стратегическое развитие отечественного уголовного процесса требует надежной идеологической опоры. Эту опору можно искать в своем отечестве, можно за его пределами, а можно использовать комбинированный подход. История показывает, что нашей науке и законодательству в этом вопросе нередко присущи крайности. В настоящее время практически не осталось сомнения в том, что юридическая наука взяла стратегический курс на взращивание и поощрение ученых, искренне и конъюнктурно рвущихся обличать старомодные принципы и цели родного уголовного процесса, которые, по их непререкаемому мнению, совершенно неактуальны либо неосуществимы в современных условиях. Тенденция уничижения своего потенциала и возвеличивания чужого опыта прочно укоренилась в российской науке уголовного судопроизводства. Причем, многие ученые подчеркивают, что уголовный процесс вообще не имеет отечества, и уж точно изобретен не в России и, следовательно, по праву первородства приоритеты должны отдаваться импортируемым принципам.

Мы совсем не против компаративистского метода в выявлении стратегических направлений развития уголовного процесса. Не против мы и заимствования чужого передового опыта. Однако при подобном подходе возникает парадоксальная ситуация: российская юридическая наука в инновационном стратегическом стремлении к идеальной модели российского же уголовного процесса, предлагает опираться в первую очередь на зарубежное уголовно-процессуальное право, его принципы и процедуры, как на максимально соответствующие цивилизованным стандартам. В рамках такой установки вся суть метода сравнительного правоведения сводится к тому, чтобы показать, что отечественный уголовный процесс не дотягивает до мировых либо континентальных канонов. Даже цели для российского уголовного судопроизводства предлагается заимствовать самым активным образом на стороне. Причем данные импортные приоритеты очень быстро воплощаются в УПК РФ, который иногда даже называют американизированным. Получается, что в механизме российского уголовно-процессуального права слишком много «импортных комплектующих», которые непроизвольно, а порой и программно влияющих на стратегию его (права) развития. Это серьезная проблема.

---

[1] © Алешина М. Д., 2022.

Однако «импортозамещение» в уголовном процессе не является самоцелью для юридической науки и права. Формула «отечественный уголовный процесс» не отрицает факт исторической принадлежности определенных принципов, ныне воплощенных в УПК РФ, зарубежному праву, более подчеркивает «глобальный» характер отдельных идей, традиционно лежащих в основе российского судопроизводства. Иностранное и даже «космополитическое» происхождение важнейших уголовно-процессуальных принципов – не повод игнорировать их стратегический потенциал для укрепления и развития российского судопроизводства. Здесь важна не столько география принципов, сколько их хронология, под которой мы подразумеваем условную древность основополагающих идей. По нашему мнению, вечные принципы уголовного процесса идентичны для всех времен и народов и несут в себе неиссякаемый стратегический потенциал. Они прорастают не только в праве, но и в теоретической доктрине.

Для Нижегородской школы процессуалистов, к которой принадлежит автор статьи, незыблемыми доктринальными принципами остаются принципы, предложенные, обоснованные и систематизированные профессором В. Т. Томиным. Его теоретическое «детище» оказало большое влияние на становление представлений об идеальной концепции устройства отечественного уголовного судопроизводства. Однако в его теории принципов важна не только сама их система, но и те связи, которые существовали между принципами и другими процессуальными феноменами. И в связи с этим мы хотим обратить внимание на то, что профессор В. Т. Томин никогда не разделял футурологические возможности принципов стратегический потенциал цели. При всей важности принципов приоритет в сущностном понимании уголовного процесса, в том числе и в его стратегическом срезе, отдавался именно цели. Поэтому невозможно не согласиться с выводами профессора о том, что всякая стратегия должна зачинаться с осознания, осмысления и описания цели, для достижения которой ведется соответствующая деятельность [1, с. 3–4]. Именно цель уголовного процесса и содержит в себе необходимое стратегическое зерно.

Более того, в учении В. Т. Томина показано: цели и принципы настолько активно взаимодействуют, что порой просто сливаются, в принципах видна цель, а в цели четко различим принципы. В свое время Валентин Тимофеевич отмечал, что принципы уголовного процесса должны проявляться во всех стадиях уголовного процесса. Так вот, продолжая размышления первого человека Нижегородской школы процессуалистов, мы можем говорить, что признак высокой степени общности принципов проявляется и в том, что все принципы так или иначе различимы в цели уголовного процесса. Однако степень телеологической обусловленности принципов может быть разная. И это непременно стоит учитывать в расстановке акцентов в стратегическом планировании развития уголовного отечественного судопроизводства.

Наиболее телеологически обусловленным, на наш взгляд, является принцип неотвратимости наказания. Его обоснованно можно отнести к тем вечным идеям, которые питают всякий уголовный процесс энергией развития и совершенствования. Поэтому на него и следует опираться в стратегическом развитии.

Казалось бы, уголовное судопроизводство не знает такого принципа, а под именем «неотвратимости наказания» заявляет себя принцип другой отрасли – уголовного права, а процесс лишь предлагает формы его реализации. При желании и весь уголовный процесс можно назвать формой реализации принципа неотвратимости наказания. Но именно это обстоятельство, полагающее процесс формой воплощения анализируемого принципа, и делает его уголовно-процессуальным принципом тоже. Неотвратимость наказания – этот принцип особенный. Он зародился тогда, когда уголовное право еще не делилось на материальное и процессуальное. И поэтому при разделе этих отраслей данный принцип не остался только в рамках одной отрасли. Он с равным стратегическим потенциалом прописался и в уголовном, и в уголовно-процессуальном праве.

Мы твердо стоим на позиции, что идея неотвратимости наказания прочно входит в идеологические основы современного уголовного судопроизводства. Именно через особую законодательную констатацию этой идеи всякое государство обозначает свои властные амбиции в плане борьбы с преступностью, демонстрирует силу своих намерений. Эти амбиции в сильном государстве и мощном уголовном процессе разворачиваются через особый язык нормативного целеполагания, через явные и скрытые процедуры законодательной техники и множество других инструментов. Важен не только сам факт наличия этих амбиций, но и способ их телеологической актуализации, представляющий метод трансформации идеи неотвратимости наказания в цель, перевод ее с идеологического уровня на линию конкретных правоприменительных задач.

Не скроем, современная наука воспринимает стратегический потенциал принципа неотвратимости наказания неоднозначно и даже противоречиво. В науке даже сформировался «клуб» противников этого принципа. Причем отрицание идеи неотвратимости наказания подкрепляется преимущественно политическими доводами, уходящими в советское прошлое. Такая позиция не всегда четко подкрепляется юридическими аргументами, тем не менее собирает вокруг себя много открытых противников социалистического уголовного судопроизводства. Немало недостатков последнего связываются именно с формально-фанатичным следованием идее неотвратимости наказания, так четко прописанной в его задачах (ст. 2 УПК РСФСР).

Мы не входим круг сторонников этой позиции. Хотя некритичными фанатами принципа неотвратимости наказания себя назвать тоже не можем. Возможно, наша вполне идеологическая точка зрения, касающаяся неукоснительной реализации принципа неотвратимости, кому-то может показаться отголосками дореформенного уголовного процесса с присущей ему инквизиционной формой, насыщенной указанной идеей. Однако это не так. Мы за то, чтобы «вор сидел в тюрьме». Но при этом искренне считаем, что государство в современном обществе, не должно играть роль карательной тоталитарной машины. Государственный механизм уголовного судопроизводства непременно должен добиваться неотвратимости наказания. И если в функциях государственных органов, уполномоченных проводить расследование и преследование по уголовным делам, предусмотрено поголовное изобличение преступников и привлечение всех виновных к уго-

ловной ответственности, то такая функция должна быть реализована в любом случае, независимо от желания общества или противодействия отдельных групп.

Функция реализации принципа неотвратимости наказания должна осуществляться фактически «поневоле», сама по себе вынуждая субъектов, ведущих процесс, действовать определенным образом. Кого-то может смутить здесь слово «поневоле». Но мы обратились к нему не ради простого украшения текста. Дело в том, что в отечественном законодательстве принцип неотвратимости наказания должен быть «риторически зашифрован» на уровне цели и нормативно расшифровано на уровне конкретной практической деятельности, в рамках тех процедур, где принцип неотвратимости наказания будет реализовываться в системном единстве с другими принципами. Законодательная кодировка телеологического блока уголовно-процессуального права должна недвусмысленно наводить на мысль, что уголовное судопроизводство приняло идею неотвратимости наказания в свои идеологические основы. Именно для этого и нужны особые нормативные формулы выражения телеологических амбиций отечественного уголовного процесса.

И вот здесь мы сталкиваемся с очень серьезной проблемой. В российском законодательстве отсутствуют четкое нормативное выражение телеологических амбиций. Это особенно ярко заметно на фоне уголовно-процессуального законодательства стран ближнего зарубежья. Сам факт того, что ст. 6 УПК РФ расплывчато и совсем не амбициозно формулирует назначение уголовного судопроизводства, наталкивает нас на мысль, что законодатель попросту прячет стратегический потенциал важнейшей идеи, которой пристало лежать в основе живого, эффективного и перспективного уголовного процесса и тем самым показывает свое как минимум безразличное, а, как максимум, негативное отношение к принципу неотвратимости наказания.

Несмотря на то, что во многих отношениях УПК РФ сохраняет методологическую и идеологическую преемственность с УПК РСФСР, в плане телеологических амбиций, отражающих принцип неотвратимости наказания, такой преемственности не наблюдается. И это, на наш взгляд, явное упущение и закона, и доктрины. Целеполагание, как важнейший элемент стратегического развития уголовного процесса, является одним из главных инструментов выражения амбициозности последнего как раз через связь цели с принципами. Поэтому законодательная техника выражения телеологических амбиций должна быть первостепенно реализована на уровне закона. Одного лишь обсуждения неотвратимости наказания на доктринальном уровне явно недостаточно. Хотя и необходимости подобного обсуждения, конечно же, отрицать нельзя.

Стратегический потенциал принципа неотвратимости наказания должен разогреваться на уровне теории. Причем в усиленном идеологическом контексте. А. Н. Конев в своей монографии «Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России» совершенно справедливо говорит о том, что из принципа неотвратимости ответственности (наказания) вытекают многие важнейшие положения уголовного судопроизводства [2, с 365]. С этим, безусловно, нельзя не согласиться. Кроме того, позволим себе в унисон мысли этого автора и еще раз подчеркнуть, что принцип неотвратимости наказания является «самым

принципиальным» (как тут не вспомнить Томинский афоризм: чем меньше принципов, тем они принципиальнее») основообразующим принципом, на котором и должна строиться стратегия развития российского уголовного судопроизводства.

Поясним нашу позицию подробнее. Преступление в широком смысле слова посягает не на конкретный частный интерес, общественное отношение или иной конкретный объект. Преступление имеет более широкую «географию» и «геометрию» воздействия. Преступник своей дерзостью и неподчинением уголовному закону прямо или косвенно запугивает граждан, бросает вызов государству и нарушает устои социального управления. Поэтому наличие законодательно объявленной установки государства на неотвратимость уголовной ответственности и наказания для каждого, кто совершил преступление, – это фактический показатель реальной силы государства. В общем виде можно даже сказать, что через принцип неотвратимости наказания при правильной стратегии его реализации может проявляться «божественная миссия» государства и заметить в этом принципе религиозную идею «воздаяние за содеянное», о чем несколько раз упоминает А. Н. Конев в монографии, которую мы приводили выше. Поэтому, отказываясь от телеологических амбиций в сфере уголовного судопроизводства, не прописывая нормативно принцип неотвратимости наказания на уровне целей, государство фактически признает свою слабость и неспособность защитить общество от криминальных проявлений.

Но в отсутствии телеологических амбиций отечественного уголовно-процессуального права весьма основательно виновата и юридическая наука, которая, как уже говорилось выше, с опаской относится к выдвижению принципа неотвратимости наказания на передний план идеологической составляющей уголовно-процессуального закона, конкретно четкого программирования этим принципом цели уголовного процесса. И если сторонники принципа неотвратимости наказания поднимают его реализацию на уровень мечты [3], то противники, находят для этого другое слово. Н. А. Колоколов так и заявляет: «Неотвратимость наказания – утопия» [3, с. 6].

В другой своей работе Н. А. Колоколов пишет о том, что лозунг «каждое преступление должно быть раскрыто» угнетает практических работников предварительного расследования, подталкивает их к фальсификации доказательств» [5, с. 100–101]. Такая позиция, естественно, имеет право на существование, можно даже сказать, что она в какой-то степени поддерживается автором данного научного изыскания. Однако при разговоре о стратегии развития уголовного процесса во внимание должны приниматься не издержки, а идеологический стержень принципа. Подчеркнем, что мы рассматриваем саму стратегию реализации принципа неотвратимости наказания, а не те практические нюансы, от которых невозможно увернуться в разнообразии практических ситуаций.

Уголовно-процессуальная деятельность в своем стратегическом потенциале основана на идеях и стремлениях к высокому, к идеальному. Поэтому фальсификация доказательств априори не должна даже косвенно рассматриваться в этом ракурсе. Общество на сегодняшний день красиво мечтает о справедливости, видит реализацию принцип неотвратимости наказания в своих грезах о безопасности. Поэтому совсем уместно наш научный руководитель

М. П. Поляков во многих научных трудах прибегает к употреблению не совсем научного на первый взгляд термина «мечта». Термин может быть и ненаучный, а вот функцию выполняет самую научную. Это слово является самым подходящим инструментом на подступе к формуле стратегического развития законодательства, в подборе нужных нормативных средств выражения таких понятий, как «цель» и «назначение», выражения их через язык телеологических амбиций [4, с. 96–98].

Отечественному законодательству есть у кого заимствовать передовой телеологический опыт. Привести в пример УПК стран СНГ, где амбизиозность назначения уголовного судопроизводства и реализации принципа неотвратимости наказания видна рельефно. Например, законодательство Туркменистана основными задачами уголовного процесса ставит оперативное и, что немаловажно, полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона для того, чтобы каждый преступник был подвергнут справедливому наказанию.

В УПК Армении телеологические амбиции находят выражение в формулировке: «Органы предварительного следствия, которые правомочны расследовать уголовные дела, должны предпринимать все возможные меры и использовать имеющиеся в их арсенале правовые средства, для достижения следующих задач: 1) каждый совершивший запрещенное Уголовным законом деяние должен быть выявлен и привлечен к ответственности во всех случаях, которые предусмотрены Уголовным кодексом Республики; 2) ни одно невиновное лицо, заподозренное в совершении преступления, не должно быть необоснованно обвинено и осуждено; 3) никто незаконно либо без необходимых на то условий, не подвергался мерам процессуального принуждения, наказанию, иному ограничению прав и свобод».

Право соседних государств (приведенные примеры лишь малая часть) подтверждает, что потенциал идеи неотвратимости наказания не иссяк, а сама идея жива и полна сил и лишь требует соответствующего своего нормативного воплощения. Таким образом, мы делаем однозначный вывод о том, что идея неотвратимости наказания не утратила своего стратегического значения. Отечественный УПК РФ нужно как можно быстрее привести в соответствие с этой идеей и ее стратегическим потенциалом. Необходимый отечественный пример для этого уже ест. Это образ ст. 2 УПК РСФСР, использующей четкий язык телеологических амбиций. Именно такой подход является актуальной идеологической установкой на стратегическое развитие уголовного процесса.

Список литературы

1. Томин В. Т. Стратегия уголовного судопроизводства и некоторые ее составляющие: понятийный и терминологический инструментарий исследования // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. №. 4 (4). С. 152–158.

2. Конев А. Н. Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России. Монография. М, 2021. С. 67–71.

3. Колоколов Н. А. Российский следователь – просвещенный инквизитор с человеческим лицом // Уголовное судопроизводство. 2018. №. 3. С. 3–12.

4. Поляков М. П., Алешина М. Д. Телеологические амбиции уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. №. 2 (54). С. 96–103.

5. Следственная деятельность. Книга I. Anchetator : монография. М., 2021. 224 с.

6. Поляков М. П. Уголовное судопроизводство: самое время мечтать // Мировой судья. 2019. № 12. С. 10–15.

Бабышева Д. А.[1]*,*
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Золотухин Н. А.,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Актуальность данной темы состоит в том, что сам процесс доказывания, его средства и методы, в том числе и этапы, играют важную роль в уголовном процессе. Рассмотрение любого сообщения должно состоять из таких процессов как собирание, проверка и оценка доказательств.

Понятие доказывания охватывает деятельность, которая опирается на уголовно-процессуальный закон и состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Рассматривать проблемы доказывания можно с разных аспектов данного процесса. Во-первых, одним из вопросов, вызывающих дискуссии, является понятие самого доказывания. Во-вторых, можно говорить про важность и значимость правильности выбора предмета доказывания. В-третьих, это вопрос про субъекты доказывания.

Обсуждая вопрос о понятии доказывания, можно сказать: ряд авторов придерживаются мнения о том, что «доказывание в уголовном судопроизводстве целесообразно рассматривать как сложный, многоаспектный процесс, который состоит в познании обстоятельств уголовного дела, в их удостоверении (процессуальном оформлении) и в логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений» [1, с. 162]. Данное понятие является одним из самых емких и точно раскрывающих сущность доказывания в уголовном процессе. Можно отметить, что в ст. 85 УПК РФ недостаточно раскрыто содержание понятия доказывания, из него сложно понять, на кого возложена обязанность доказывания. В данном случае, при решении этой проблемы, предлагаем внести изменения в данную статью, конкретизируя участников уголовного судопроизводства как со стороны как защиты, так и обвинения, которые могут участвовать в доказывании посредством определенных действий. Современное законодательство не соответствует требованиям общества и условиям современной его жизнедеятельности, а также взаимодействия в электронной среде, что ведет к существенным пробелам в деятельности подразделений полиции, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений.

---

[1] © Бабышева Д. А., 2022.

Касаясь проблемы обозначения субъектов доказывания, можно отметить, что по общему правилу, начать производство расследования преступления имеют право дознаватель, следователь или орган дознания.

Уголовное преследование, а именно процесс установления обвиняемого в совершении преступления, является также обязанностью прокурора, следователя и дознавателя. А если говорить про суд, то он не выступает в качестве субъекта доказывания. Суд не имеет такой функции как доказывание виновность или же не виновность подсудимого, потому что эта функция будет перечить принципу уголовного судопроизводства, такому как состязательность сторон, так как в диспозиции ст. 15 УПК закреплен тезис о том, что суд не выступает ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, а если же суд будет выполнять процесс собирания доказательств, тем самым он станет помогать одной из сторон в исполнении ее процессуальной функции. Суду необходимо создать те условия, при которых обе стороны смогли исполнить свои процессуальные обязанности. Отметим, что в задачу суда входит проверить доказательства на предмет допустимости, законности и полноты, в том числе суду необходимо аргументировать свои выводы в приговоре, тем не менее с его стороны существует необходимость проведение персонального исследования доказательств, в том случае если они признаны допустимыми, например, исследовать новые доказательства, которые не упомянули на стадии предварительного расследования. Но и в таком случае суд не является субъектом доказывания. Суд концентрирует доказательства с помощью проведения судебных или иных процессуальных действий. Суд выполняет такие обязанности, как проверка тех версий, которые по каким-то причинам не рассматривались следователем, и в том числе суд занимается оцениваем доказательств в соответствии со ст. 17 УПК РФ.

На основании вышесказанного можно сделать такой вывод: из-за того, что современное законодательство не соответствует требованиям общества и условиям современности оно не может наиболее точно определить понятие доказывания. Также хочется отметить, что суд является не субъектом доказывания, а выступает носителем процессуальной функции и адресатом доказывания. Таким образом, отметим, что полномочия у каждого из субъектов доказывания отличается друг от друга. Поэтому необходимо дать более четкое разъяснение полномочий каждого из участников в процессе доказывания.

Список литературы

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II (издание 3-е, пересмотренное и дополненное). СПб : Сенатская типография, 1910 г. 250 с.

Богатырев Д В.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ендольцева А. В.,
профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА» И «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ»

Проблема злоупотребления правом, как правило, так или иначе связана с вопросом недобросовестной реализации права. При этом заметим, что законодательство Российской Федерации достаточно ограниченно касается вопроса как недобросовестного поведения при реализации права, так и злоупотребления правом, в нем не содержится ни развернутого понятия, ни признаков рассматриваемых явлений. Отметим и то, что указанные понятия являются родственными, но, как нам представляется, не равными друг другу.

Принцип добросовестности реализации права уже достаточно давно является предметом изучения в юридической науке. Однако как процессуальный принцип он регламентирован далеко не везде. Но, все же следует отметить, что в некоторых нормативно-правовых актах законодатель прямо предусматривает необходимость добросовестной реализации права. В качестве примера приведем п. 3 ст. 1 ГК РФ, который гласит о том, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Законодатель указывает, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Тем самым устанавливается презумпция добросовестности реализации права. Следует отметить, что Конституция Российской Федерации в ст. 17 закрепляет положение, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Таким образом, мы можем говорить, указанной нормой устанавливается общеправовой запрет на злоупотребление правом и это означает, что указанный запрет является общеправовым принципом, что подтверждается и разъяснениями Верховного Суда, например, в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 17 марта 2004 г. «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» указано, что при рассмотрении дел о восстановлении на работе следует иметь в виду, что при реализации гарантий, предоставляемых Трудовым кодексом Российской Федерации работникам в случае расторжения с ними трудового договора, должен соблюдаться общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом.

[1] © Богатырев Д. В., 2022.

Уголовно-процессуальный закон во главу угла ставит защиту личности, ее прав и свобод, а их обеспечение, охрану и защиту рассматривает как приоритетное направление уголовной политики. Тем не менее в отличие от гражданского законодательства, он не содержит в себе каких-либо упоминаний о недобросовестной реализации права или злоупотреблении правом. Упоминание о добросовестности участника уголовного судопроизводства представлено лишь в ч. 2 ст. 115 УПК РФ «Наложение ареста на имущество», в которой указывается, что не подлежат аресту ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя. Несмотря на то, что термин «добросовестность» представлен в указанной норме, он является неопределенным, а потому не позволяет рассматривать его как конкретное требование.

Рассматривая добросовестность как условие реализации права, обратимся к этимологии этого термина. Как указывает «Толковый словарь русского языка» В. И. Даля, «добросовестный – это честно выполняющий свои обязательства, обязанности; правдивый, праводушный, честный» [2]. Анализируя указанное понятие более подробно, обратимся к понятию «честный», которое в свою очередь определяется как правдивость, принципиальность, верность принятым обязательствам» [2]. Нам представляется, что мораль хотя и связана с правом, но не является его «ведущей» силой, а скорее своего рода «условием» соблюдения некоторых отдельных норм.

На основании вышеизложенного мы можем предположить, что добросовестность в праве включает в себя две составляющие: морально-этическую и юридическую.

Морально-этическая составляющая добросовестности проявляется во внутренних убеждениях лица относительно реализации его прав, их оценке с точки зрения честности, разумности, вредоносности и т. д., а потому влияет на его поведение. Юридическая составляющая представляет собой юридическое закрепление этого термина и отражение его в законе.

При этом мнения ученых относительно понятия «добросовестность» весьма разнообразны. Так, например, Е. Е. Орлова указывает, что добросовестным процессуальным поведением следует считать среднее, разумное, честное поведение, ожидаемое от управомоченного лица, действия которого позволяют предположить, как о его заинтересованности в скором и правильном разрешении спора, так и о его убеждении в необходимости защиты нарушенных прав и интересов [6, с. 264–265]. Вышесказанное дает нам основание понимать добросовестность как субъективное состояние лица, при котором оно полагает, что его действия являются правомерными, соответствующими нормам морали и нравственности, и не несущими вредоносных последствий.

Полной противоположностью добросовестности является термин «недобросовестность». В законе он также нашел свое отражение, в качестве примера приведем ст. 10 ГК РФ, которая указывает на то, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). При этом весьма интересным видится то, что законодатель поместил в одной

норме сразу два понятия: «недобросовестное осуществление гражданских прав» и «злоупотребление правом». Нам видится, что в данном случае имеет место быть конкретизация нормы, иными словами, законодатель, представляя в норме оба рассматриваемых термина, в своеобразном виде разъясняет ее для лучшего понимания ее содержания правоприменителем, при этом не объединяя их в единое понятие.

Существенное отличие рассматриваемого явления от добросовестного поведения выражается в том, что если лицо действует недобросовестно, то оно осознает вредоносный характер своих действий и желает наступления последствий либо относится к ним безразлично. Таким образом, рассматривая недобросовестность как антипод добросовестности, мы можем прийти к выводу о том, что недобросовестное поведение лица представляет собой умышленные действия, направленные на причинение вреда иным участникам правоотношения, в то время как при отсутствии умысла такое деяние можно считать добросовестным заблуждением. В данном аспекте недобросовестность является аналогичным понятию «злоупотребление правом», потому как оно так же может осуществляться только умышленно.

Относительно такого явления, как «злоупотребление правом» мнения ученых диаметрально противоположны, одни авторы указывают, что злоупотребление правом представляет из себя противоправное деяние [1, с. 41], другие же понимают под ним правомерное поведение [5, с. 7]. Однако существует и третья точка зрения, согласно которой злоупотребление правом не является ни правомерным, ни противоправным; оно начинается как законная реализация субъективного права, но после утрачивает признаки правомерного, потому как является вредоносным, но при этом не приобретает признаки противоправного, потому как ответственность за его совершение не предусмотрена, тем самым отсутствует признак наказуемости. Согласно этой точке зрения злоупотребление правом представляет из себя отдельное правовое явление [3, с. 43–45].

Отождествление злоупотребления правом и недобросовестной реализации права влечет за собой опасность смешения указанных понятий, чего, по нашему мнению, допускать нельзя. При этом заметим, что рамках уголовного процесса указанные понятия зачастую смешиваются и обозначаются единым термином «уголовно-процессуальное нарушение».

Нам видится, что недобросовестная реализация права является более широким правовым явлением по отношению к злоупотреблению правом. И здесь следует привести мнение А. А. Малиновского, который указывает, что запрет на злоупотребление правом включает в себя запрет на недобросовестное, неразумное или безнравственное осуществление права [4, с. 10]. Мы согласны с такой позицией, потому как злоупотребление правом, осуществляемое участником судопроизводства, всегда будет являться недобросовестной реализацией права. Иными словами, наличие права у участника процесса предполагает возможность его недобросовестного использования, которое будет выражаться в злоупотреблении правом. При этом недобросовестная реализация права не может заключаться только в злоупотреблении правом, потому как не всегда предполагает использование права во вред.

Сравнивая понятия «недобросовестная реализация права» и «злоупотребление правом», прежде всего, важно отметить, что второе явление вовсе не имеет морально-этической составляющей. Недобросовестность же предполагает реализацию права с учетом общепринятых норм нравственности и морали. При этом злоупотребление правом строится на законодательном содержании права, предоставленного управомоченному субъекту, и его реализации. По этому поводу высказывался А. В. Юдин, он указывает на то, что «злоупотребление процессуальным правом имеет место в случае, когда лицо совершает предусмотренные законом процессуальные действия, однако преследует цель иную, чем цель, связываемая с действительным назначением имеющегося у него права» [7, с. 43]. Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что злоупотребление правом представляет из себя реализацию права вопреки его назначению и смыслу, предусмотренному законодателем. По этой причине законодатель в большинстве норм использует термины «добросовестность» и «недобросовестность», редко прибегая к использованию термина «злоупотребление правом», потому как он является более узким по содержанию.

Подводя итог, следует сказать о том, что понятие «недобросовестная реализация права» шире понятия «злоупотребление правом», при этом, по нашему мнению, недобросовестность в уголовном судопроизводстве следует рассматривать в большей мере как морально-этическую категорию, которая строится на общепринятых нормах морали и нравственности. С другой же стороны, недобросовестное поведение может являться характеристикой незаконности действий (бездействия) участника уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Бармина О. Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ : дис… канд. юрид. наук : 12.00.01. Киров, 2014. 195 с.

2. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М., 2001. 575 с.

3. Даровских О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России : дис.… канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 211 с.

4. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2009. 52 с.

5. Наумов А. А. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2010. 144 с.

6. Орлова Е. Е., Борзых Д. С., Геленидзе М. Е. Economic aspects of industrial development in the transition to a digital economy., 2020.

7. Юдин А. В. Широкое и узкое понимание категорий «добросовестность и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2014. № 1 (15). С. 40–44.

Бондаренко И. П.[1]*,*
соискатель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

«СВОБОДЫ» И «ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ» КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОБВИНЯЕМОГО, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРИМЕНЕНА МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

При характеристике правового статуса участника уголовного судопроизводства, в том числе и обвиняемого, достаточно часто используются в разных вариациях термины «права», «свободы» и «законные интересы». При этом чаще всего употребляются именно права участника, его субъективные права, поскольку они более или менее четко определены уголовно-процессуальным законом. И если «права обвиняемого» в целом дискуссий не вызывают, то возникает вопрос, что такое «свободы» и «законные интересы». По нашему представлению, правовой статус обвиняемого включает все эти понятия, в связи с чем важно определить содержание каждого из них.

Определяя категорию «свободы», следует, на наш взгляд, исходить из того, что это права, которыми наделяется любой человек и гражданин. Соответственно, свободы обвиняемого создают основу его правового статуса в уголовном процессе вообще и при применении мер пресечения, в частности. Исходя из сказанного, свободы обвиняемого при избрании мер пресечения – это базовые правовые положения международного, а также внутригосударственного уровня, которыми он наделяется как любой субъект правовых отношений и которые могут быть законно ограничены при применении той или иной меры пресечения.

К таким свободам обвиняемого могут быть отнесены: право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства; право покидать любую страну, включая ту, гражданином которой тот является; право на владение имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами; право на свободу и личную неприкосновенность, за исключением случая, когда необходимо «законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения» (статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.).

Полагаем, что вопрос разграничения прав, свобод и законных интересов обвиняемого лежит в плоскости выделения из данной совокупности правового содержания понятия «законного интереса» и «субъективного права».

---

[1] © Бондаренко И. П., 2022.

К. А. Бунин, исследуя приведенные термины, выделил отличительную особенность между понятиями «законный интерес личности» и «субъективное право личности» [1, с. 34], отмечая в отношении первого «… меньшую степень государственной гарантированности возможности защиты и отстаивания «интереса», в то время как «право» легально гарантировано и обязанность по его обеспечению и восстановлению в случае нарушения возложена государством на специально уполномоченные правоохранительные органы и суд» [1, с. 34].

Далее автор выделил основные признаки указанных категорий: 1) любой законный интерес связан с субъектом уголовно-процессуального права (участником уголовного процесса); 2) «интерес», возникающий у личности-участника уголовного процесса, является именно «законным», то есть не противоречащим нормам права; 3) любой интерес представляет собой некую потребность либо стремление лица (субъекта), направленные на достижение как индивидуальной, так и социально-значимой для субъекта цели; 4) защита законного интереса личности гарантирована государством [3, с. 34–35]. В связи с этим предлагается нормативно закрепить содержание понятия «законный интерес личности» в ст. 5 УПК РФ, путем ее дополнения отдельным пунктом следующего содержания: «…защита законного интереса личности – гарантированная и охраняемая государством возможность реализации стремления (потребности) участника уголовного процесса, направленного на отстаивание и защиту личных благ в рамках разбирательства уголовного дела, незапрещенными законом способами и средствами» [3, с. 190].

Таким образом, законный интерес представляет собой правовую категорию и государство в лице органов и должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс, признает его в качестве отдельного объекта правовой защиты. Помимо прав, государство гарантирует осуществление законных интересов и их эффективную защиту.

Согласимся, что в случае законодательного закрепления вышеприведенного определения обусловленный законом интерес обвиняемого позволит сосредоточить последнего на активной деятельности по защите своих прав, несмотря на то, что он не обязан доказывать свою невиновность и решениями других лиц вовлечен в уголовно-процессуальные отношения помимо своей воли. Таким образом, хотя действующее законодательство допускает пассивное поведение обвиняемого, логика уголовно-процессуального права поощряет с его стороны активное поведение для объективности состязательного процесса. Конечно, законный интерес обвиняемого просматривается в ст. 6 УПК РФ, указывающей в том числе на «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод», однако, представляется, что данного положения недостаточно для активизации самого обвиняемого на действия, ориентированные на такую защиту.

В связи с чем стоит отметить, что в отношении категории «законный интерес» нормативный материал достаточно поверхностен и абстрактен, поскольку «законный интерес» в том понимании, как его представляет К. А. Бунин, поднимается на более высокий уровень смыслового изложения и ориентирует лицо, «законный интерес» которого затронут ввиду уголовного преследования, на конкретные активные действия.

На необходимость определения законного интереса указывает и О. В. Гладышева, считая его приоритетным над правом, поскольку «если не обращать внимания на законные интересы личности, то вряд ли возможно сформировать необходимый комплекс процессуальных прав. Защита этих прав становиться бесполезной, поскольку ни права, при способы их осуществления, защиты и охраны не будут достаточными для защиты законных интересов личности» [2, с. 78]. Она же настаивает на необходимости формирования национальной системы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, концепцией которой должно выступать, в том числе дозволение «…ограничения основных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве только по специальным правилам, признанным международным сообществом допустимыми» [3, с. 52], указывая при этом, что «… в системе международных актов четко отмечены такие принципиальные основы организации уголовного судопроизводства, как справедливость, законность, гуманизм» [4, с. 52].

Проанализировав положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., можно прийти к выводу, что эти международные правовые акты, безусловно, содержат упоминания о том или ином интересе, но не раскрывая в сущности содержание самого понятия «законный интерес». При этом в отношении интереса личности лишь Всеобщая декларация прав человека в п. 2 ст. 27 закрепила, что каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является. О каких-либо иных более или менее определенных законных интересах не упоминается. В Конвенции также об этом не сказано.

Таким образом, по нашему мнению, международные правовые акты хоть и упоминают «законный интерес», но сознательно регулируют гарантии прав и свобод человека только на общем уровне, оставляя национальному законодательству право самому определить такую категорию, как «законные интересы». Но до сегодняшнего дня по прошествии уже 10 лет с момента обоснования К. А. Буниным необходимости законодательного закрепления в нормах УПК РФ термина «законный интерес», такое понятие в российских нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы уголовного судопроизводства, не закреплено.

В связи с высокой степенью неопределенности категории «законный интерес» при наличии конкретизированных прав обвиняемого в УПК РФ, а также свобод, сосредоточенных главным образом в международных правовых актах, можно выдвинуть предположение, что законный интерес – это многогранная и многоуровневая составная категория, которая может быть конкретизирована до более или менее определенного содержания применительно к отрасли права и исследуемой области.

Исходя из этого, законный интерес обвиняемого может быть определен как потребность каждого обвиняемого в том, что применение любой меры пресечения в отношении него должно соответствовать закону, исключая тенденциозность сложившейся практики или личную заинтересованность со стороны следователя, дознавателя, прокурора или суда, а также в излишней степени не должно ограничивать его процессуальные и иные права, свободы и законные интересы.

Список литературы

1. Бунин К. А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Волгоград, 2011. 247 с.

2. Гладышева О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2013. 478 с.

Воронина Н. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕРПЕВШИМ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г., закрепляет – лица, которым в результате преступного деяния причинен вред, включая телесные повреждения, моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав, должны иметь «*право на доступ к механизмам правосудия*…».

Опираясь на международный опыт, Россия берет на себя обязательство создать условия для обеспечения беспрепятственной реализации потерпевшими права на доступ к правосудию. Статья 52 Конституции Российской Федерации устанавливает: «Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию…».

Во исполнение конституционной нормы УПК РФ провозглашает защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, в качестве первостепенной цели уголовного судопроизводства.

Однако, несмотря на это, многие современные исследователи отмечают: «Законодатель в основном пока только провозглашает защиту потерпевшего как одну из главных целей российского уголовного процесса, но не предпринимает достаточных шагов для решения имеющихся проблем» [2, с.4]. Бесспорно, отдельные законодательные нормы носят лишь декларативный характер. Так, закрепленное в ст. 52 Конституции Российской Федерации положение о том, что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию, носит, по сути, декларативный характер, не имея под собой четкого механизма реализации, который, несомненно, должен присутствовать в действующем законодательстве, в частности в нормах УПК РФ.

В свою очередь, это породило глобальный для уголовно-процессуального законодательства пробел, связанный с отсутствием процессуального закрепления доступа к правосудию в нормах УПК РФ. Ведь, если ни в одном нормативно-правовом акте Российской Федерации не закреплено легальное определение «доступ к правосудию», трудно понять, какова его правовая природа, какова сущность?

Так как право на доступ к правосудию не нашло своего отражения в нормах УПК РФ, а это вызывает трудности в правоприменительной практике. Ведь не

[1] © Воронина Н. А., 2022.

совсем ясно, какой «статус» у права на доступ к правосудию для уголовного процесса? Как стоит рассматривать доступ к правосудию в уголовном процессе?

Теоретически вариаций по этому поводу может быть велико множество. Так, доступ к правосудию может пониматься в уголовном процессе как отдельное право потерпевшего, закрепленное в ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Можно также рассматривать и как фундаментальное положение, принцип уголовного судопроизводства, который, однако, в уголовно-процессуальном законе не закреплен.

По мнению С. С. Безрукова, «отсутствие права на доступ к правосудию в уголовном процессуальном законодательстве является уникальным случаем пробела принципа права, когда сам вопрос требует правого регулирования, а норма, непосредственно регулирующая данный вопрос, отсутствует» [1, с. 43].

Видные отечественные процессуалисты (Л. А. Воскобитова и др.), предлагают признать право на доступ к правосудию в качестве нового, самостоятельного, процессуального принципа уголовного процесса [3, с.104; 6 с.66].

Стоит согласиться с мнением данных ученых, ведь принцип – это основополагающая идея, лежащая в основе чего-либо; первоначало; центральное понятие того или иного процесса, предмета.

Однако возможно рассмотреть доступ к правосудию в качестве уголовно-процессуальной категории «доступ к правосудию», которая бы включала в себя элементы, позволяющие обеспечить законность при реализации процессуальных прав участников уголовного процесса, в частности потерпевшего? Рассуждения привели к тому, что представить доступ к правосудию, можно в абсолютно разном ключе, однако стоит подойти к данной проблеме конструктивно, ответственно, проанализировав также и зарубежный опыт.

Исходя из этого, вытекает еще ряд важных, нерешенных вопросов: как следует трактовать доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве? Какова его сущность? Какие элементы входят в содержание права потерпевшего на доступ к правосудию?

Опираясь на мнение Европейского Суда по правам человека о том, что доступ к правосудию должен обеспечиваться на всех стадиях, включая досудебное производство (по уголовным делам) [4, с. 57], у нас возник вопрос: каковы особенности реализации потерпевшим права на доступ к правосудию в досудебном уголовном производстве России? В отношении обеспечения доступа к правосудию на различных стадиях уголовного судопроизводства ЕСПЧ отмечает, что право на доступ к правосудию гарантируется не только для судебного, но и для досудебного производства [4, с. 62].

Определив «статус» правового положения о доступе к правосудию, важной составляющей выступает определение дефиниции «доступ к правосудию» и тех элементов, которые будут входить в нее. Положив в основу дефиницию «Доступ к правосудию», следует выдвинуть предложения по совершенствованию уголовно-процессуального закона и практики его применения в части реализации потерпевшим доступа к правосудию в досудебном уголовном производстве.

Подытожим, отсутствие легального, четного понимания доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве остается, на сегодняшний день, актуальной задачей, требующей пристального внимания со стороны ученых-процессуа-

листов. Отмеченные нами вопросы остаются открытыми, неизученными, дискуссионными.

Важность изучения пробельности в вопросах доступа к правосудию упоминается Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, который в своих выступлениях неоднократно акцентировал внимание на значимость проблемы доступа к правосудию. Глава государства отмечал необходимость переосмысления и тщательного исследования данной проблемы [5, с. 1].

Этот факт заставляет еще раз задуматься над детальным изучением доступа к правосудию в процессуальном аспекте, а также выработке механизма его реализации потерпевшим на досудебных стадиях уголовного производства.

В заключение следует отметить, что в настоящей статье мы пытались обозначить лишь отдельные проблемы доступа потерпевшего к правосудию, его реализации в досудебном уголовном производстве. Обозначенные в данной статье проблемы доступа потерпевшего к правосудию требуют обстоятельного изучения, как с позиции теории уголовного процесса, так и практики.

Список литературы

1. Безруков С. С. Принципы уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 513 с.

2. Быков В. М., Колдин С. В. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе России (досудебное производство). М., 2013. 286 с.

3. Воскобитова Л. А. Процессуальное регулирование доступа граждан к правосудию в уголовном судопроизводстве // Материалы международной научно-практической конференции «УПК РФ: год правоприменения и преподавания». М., 2004. С. 42–47.

4. Вилкова Т. Ю. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве: правовые позиции Европейского Суда по правам человека // Науки криминального цикла. 2019. № 12 (157). С. 56–67.

5. Путин В. В. Суд – это власть. Власть огромная и ко многому обязывающая // Российская юстиция. 2000. № 3.

6. Чашин А. Н. Судопроизводство и правоохранительные органы. М., 2011. 249 с.

Горбатых И. М.[1],
адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ ИЗБРАНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ СУДОМ

Нормами международного права и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации установлено, что ограничение конституционных прав личности возможно только на основании судебного решения.

Анализ положений УПК РФ показал, что наибольшей степенью ограничений прав и свобод являются: 1) заключение под стражу; 2) домашний арест; 3) залог; 4) запрет определенных действий, что обусловило введение судебного порядка их избрания.

В юридической литературе справедливо отмечается, что меры пресечения должны применяться лишь при наличии соответствующих оснований, а избрание конкретной меры пресечения зависит от ряда учитываемых условий [14, с. 170]. Вместе с тем в научной литературе определение оснований и условий избрания мер пресечения судом нередко воспринимается как синонимы, что негативно отражается на правоприменительной практике.

Во-первых, в следственной практике широко распространены случаи, когда следователями доказательства, являющиеся основаниями избрания меры пресечения судом, должным образом не собираются и не оцениваются. Например, 9 февраля 2021 г. следователь обратился суд с ходатайством об изменении меры пресечения обвиняемому М.-М. С. В. с заключения под стражу на домашний арест, которое судом удовлетворено. Впоследствии обвиняемый совершил более тяжкое преступление[2].

Во-вторых, не решен вопрос дифференциации указанных понятий. Некоторые юристы основания избрания меры пресечения судом рассматривают не только в рамках ст. 97 УПК РФ, а в более широком смысле. Так, Ю. Г. Овчинников, Н. Н. Гапанович под основаниями понимает совокупность сведений, указывающих на: 1) причастность лица к совершению преступления; 2) его возможное противоправное поведение (ст. 97 УПК РФ); 3) обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ) [11, с. 51]. При этом Н. Н. Гапанович дифференцирует основания на материальные (уголовно-правовые) и процессуальные, относя к первой группе оснований непосредственно установление факта совершения преступления данным лицом, ко второй – «достоверные данные о совершении обвиняемым действий, свидетельствующих о его намерении скрыться и затруднить расследование» [5, с. 120]. Данная позиция согласуется с разъяснениями Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с которыми законность и обоснованность применения избранной по судебному решению меры пресечения определяется наличием выявленных в состязательном процессе фактических и правовых оснований для ее применения [1].

---

[1] © Горбатых И. М., 2022.

[2] Архив Благовещенского городского суда Амурской области.

Вместе с тем в юридической литературе соотношение причастности лица к совершению преступления с основаниями, указанными в ст. 97 УПК РФ, оценивается неоднозначно. Так, по мнению некоторых ученых, меры пресечения, избираемые по судебному решению, связаны с наличием у суда достоверных данных, подтверждающих факт обоснованности обвинения в совершении уголовно наказуемого деяния [7, с.45].

На наш взгляд, представляется правильным, что, если признать обвинение основанием меры пресечения, произойдет смешение оснований производства различных процессуальных действий, сотрется грань между привлечением лица в качестве обвиняемого и применения меры пресечения, которые по своему характеру и назначению в системе уголовного судопроизводства далеко не равнозначны [8, с.24]. Полагаем, что уголовно-правовые признаки при избрании меры пресечения судом выступают в качестве условий и как основания рассматриваться не могут. Основания обосновывают необходимость избрания меры пресечения, а условия непосредственно влияют на выбор конкретной меры с учетом обстоятельств, изложенных в ст. 99 УПК РФ.

Большинство ученых, под основаниями избрания меры пресечения судом понимают имеющиеся в уголовном деле доказательства, которые свидетельствуют о том, что: 1) подозреваемый или обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; 2) может продолжить заниматься преступной деятельностью; 3) угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства; 4) уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу [4, с. 52].

Анализ положений ст. 97 УПК РФ показал, что основания: 1) едины для всех мер пресечения; 2) могут быть установлены лишь с определенной долей вероятности; 3) должны быть подтверждены собранными по уголовному делу доказательствами.

Следовательно, существенным требованием, предъявляемым к основаниям избрания мер пресечения судом, является доказанность криминального поведении обвиняемого в прошлом и высокой вероятности продолжения такого поведения в будущем, если судом не будет избрана мера пресечения.

Вместе с тем на практике указанное требование соблюдается не всегда, в итоге судом избирается не соответствующая мера пресечения.

Например, в постановлении следователя от 25 декабря 2020 г. о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении П. А.А., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 – п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, предположение о том, что обвиняемая может скрыться от предварительного следствия основано на строгости санкции статьи УК РФ; предположение о том, что П. А.А. может продолжить заниматься преступной деятельностью, основано на ее прямом умысле; предположение о том, что избрание меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, приведет к утрате доказательств, сделано в связи с тем, что не установлены все соучастники преступления.

В ходе предварительного следствия доказательств, подтверждающих указанные гипотетические выводы, не собрано и в постановлении об избрании меры пресечения соответствующих доводов не приведено.

25 декабря 2020 г. судом, с учетом положений ст. 99 УПК РФ, условий проживания и личности обвиняемой, обоснованно отказано в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, по инициативе суда избран домашний арест, который 12 января 2021 г. П. А.А. нарушила и была объявлена в розыск. 18 января 2021 г. в отношении П.А.А. заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

В связи с изложенным полагаем, что, несмотря на наличие оснований, только соблюдение предусмотренных законом условий обеспечивает выбор оптимальной меры пресечения. В соответствии со ст. 99 УПК РФ к условиям, в числе прочих, относится вид и тяжесть совершенного преступления, которое в приведенном примере не было учтено надлежащим образом. Например, только 14 % проанкетированных нами следователей считают эффективным применение домашнего ареста по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков. На наш взгляд, по данной категории преступлений целесообразно избирать меру пресечения в виде заключения по стражу. Данный вывод подтверждается результатами изучения материалов уголовных дел.

При этом единое понимание условий избрания мер пресечения судом отсутствует, что вызывает сложности в их практическом применении, а позиции ученых по данному вопросу разделились на три группы.

Первая группа юристов условия рассматривает узко, только в качестве обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ [15, с. 170]. Вторая группа ученых применяет более широкий подход, понимая под условиями избрания мер пресечения совокупность уголовно-процессуальных и фактических обстоятельств [2, с. 69].

По мнению третьей группы ученых, придерживающихся расширительного подхода, условия избрания мер пресечения представляют собой данные об иных обстоятельствах, учитываемых при их избрании, которые дифференцируются на 2 группы: 1) общие и 2) специальные. При этом общие условия применимы к любой мере пресечения (наличие возбужденного уголовного дела; наличие субъекта, принявшего уголовное дело к своему производству; постановка лица в статус обвиняемого либо подозреваемого и др.); специальные, которые учитываются только при избрании конкретной меры пресечения и отражают особенности ее применения.

Например, Ю. Г. Овчинников к специальным условиям избрания домашнего ареста относит: 1) указание в санкции статьи УК РФ, что за преступление, совершенное обвиняемым, предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше 2 лет; 2) наличие у обвиняемого жилища; 3) наличие компетентного органа или должностного лица, осуществляющего надзор за поведением обвиняемого [11, с. 76].

На наш взгляд, специальными условиями, учитываемыми при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, являются: 1) обстоятельства, в связи с которыми невозможно применение более мягкой меры пресечения (ч. 1 ст. 107 УПК РФ); 2) обстоятельства, исключающие применение более строгой

меры пресечения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ); 3) наличие соответствующего жилого помещения; 4) финансовая возможность обеспечить жизненные потребности обвиняемого в условиях его принудительной изоляции; 5) готовность обвиняемого соблюдать возложенные на него ограничения и запреты; 6) согласие совместно проживающих с обвиняемым лиц на применение домашнего ареста и технических средств контроля; 7) наличие технической возможности использования электронных средств контроля.

При этом 76 % проанкетированных следователей и дознавателей считают, что обязательным условием избрания домашнего ареста должно являться согласие совместно проживающих с обвиняемым лиц; 28,7 % – согласие обвиняемого соблюдать возложенные на него запреты и ограничения, связанные с применением домашнего ареста.

С учетом результатов анкетирования и изучения уголовных дел, полагаем, что в уголовно-процессуальном законодательстве необходимо предусмотреть получение судом согласия совместно проживающих с обвиняемым лиц при избрании мер пресечения, не связанных с заключением под стражу. Игнорирование данного условия на практике может повлечь негативные последствия.

Например, при расследовании уголовного дела в отношении Р. С.Л., причинившего тяжкий вред здоровью своему пасынку, проживающему с ним совместно, 19 апреля 2020 г. принято решение об избрании Р. С. Л. меры пресечения, не связанной с заключением под стражу. Обвиняемый продолжил проживать по месту жительства совместно с потерпевшим и 3 мая 2020 г. совершил убийство своей сожительницы (матери потерпевшего), нанеся последней 16 ударов ножом по различным частям тела.

Следовательно, дифференциация условий на общие и специальные вполне оправдана. Во-первых, специальными условиями применения мер пресечения судом являются установленные в ходе предварительного расследования обстоятельства, обуславливающие необходимость обратиться в суд с ходатайством о применении конкретной меры пресечения. В общих чертах они изложены в ст. 99 УПК РФ, в соответствии с которой в числе прочих должны учитываться: *степень тяжести преступления*, данные относительно *личности обвиняемого* (подозреваемого), *возраст и состояние* здоровья такового, его семейное положение и род занятий, а также *иные имеющие значение* обстоятельства. *Во-вторых*, тяжесть и направленность преступления выступают лишь одним, но не единственным, условием при решении вопроса о применении меры пресечения. *В-третьих*, законодательно установленный перечень условий не является исчерпывающим, что позволяет учитывать любые существенные обстоятельства.

С учетом приведенных примеров, полагаем, что открытый перечень условий избрания меры пресечения судом вполне обоснован и позволяет органам предварительного расследования при избрании меры пресечения учесть все имеющие значение обстоятельства.

Таким образом, под основаниями избрания меры пресечения судом следует понимать достаточную совокупность содержащихся в материалах уголовного дела доказательств, достоверно подтверждающих: 1) событие преступления и степень общественной опасности лица, обвиняемого (подозреваемого) в его

совершении; 2) высокую вероятность наступления событий, указанных в ст. 97 УПК РФ; 3) объективную необходимость применения меры пресечения судом.

Условия и основания избрания мер пресечения судом не являются идентичными понятиями. Основания носят футуристический характер и базируются на доказательствах возможного наступления последствий, указанных в ст. 97 УПК РФ. Условия позволяют суду обеспечить дифференцированный подход к избранию меры пресечения, учесть социально-криминологические характеристики лица, совершившего преступление, вид и тяжесть совершенного преступления, иные обстоятельства, перечень которых, исходя из законодательной конструкции статьи 99 УПК РФ, остается открытым.

Специальными условиями применения мер пресечения судом являются установленные в ходе расследования обстоятельства, определяющие выбор конкретной меры пресечения в целях обеспечения максимальной эффективности уголовного судопроизводства и прав лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальную деятельность.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан от 22 марта 2005 г. № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

2. Авдеев В. Н. Обеспечение неприкосновенности личности в ходе производства по уголовным делам: учебное пособие. Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2011. 130 с.

3. Буланова Н. В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений : научно-методическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2005.

4. Гаврилов Б. Я., Ильюхов А. А., Новиков А. М., Османова Н. В. и др. Досудебное производство в уголовном процессе : научно-практическое пособие. М. ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 222 с.

5. Гапанович Н. Н. и др. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР. Минск. 1968. 586 с.

6. Давыдов П. М., Якимов П. П. Применение мер процессуального принуждения по основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Свердловск, 1961. 118 с.

7. Еникеев З. Д. Принципы применения мер пресечения по уголовным делам. Уфа, 1997. 175 с.

8. Жога Е. Ю., Рукавишников В. П. Цели и основания применения предварительного заключения под стражу // Следователь. 2000. № 7. С. 18–27.

9. Золотарев В. Г., Колоколов Н. А. Алгоритм ареста. Курск, 2002. 31 с.

10. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 6-е изд., доп. и перераб. М. : Юрайт, 2010. 1209 с.

11. Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе : научно-методическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2006. 190 с.

12. Соловьев А. Б., Токарева М. Е., Халилулин А. Г. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений. М. : Юрлитинформ, 2000. 172 с.

13. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс). М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 527 с.

14. Химичева О. В., Плоткина Ю. Б. О некоторых проблемах применения залога на досудебном производстве по уголовным делам // Российский следователь. 2008. № 11. С. 9–11.

Давыдовская М. В.[1],
адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

ЕДИНСТВО ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРИЕМОВ КАК ПРИЗНАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Следственные действия – основной способ собирания доказательств. Именно следственные действия позволяют формировать доказательства на основе информации различной природы и физической формы, сочетая в ряде случаев процессуальное принуждение, с гарантиями соблюдения прав и законных интересов участников процесса.

Вопрос о признаках следственного действия дискуссионен. Правильно определить элементы системы следственных действий без обоснования таких признаков невозможно. В качестве одного из признаков следственного действия обсуждается его проведение в рамках определенного времени.

Так, И. А. Возгрин, рассматривая возможности первоначального этапа расследования отмечает, что система следственных действий, характеризуется неотложностью и сравнительной кратковременностью проведения в целях решения общих и специфических для конкретного для этого периода задач [1, с. 154].

«Кратковременный» понимается в русском языке как недолго длящийся, непродолжительный [2, с. 304]. Применительно к следственным действиям это означает, что любое следственное действие ограничено временными рамками. Протокол следственного действия предусматривает время начала проведения следственного действия и время его окончания. При этом процесс производства следственного действия несмотря на то, что может быть длительным (до нескольких суток), что является не редкостью, должен представлять собой единое целое, объединенное комплектом единых познавательных приемов, в применении которых по решению следователя могут возникать перерывы, по окончании которых следственное действие продолжается с того момента, на котором перерыв был объявлен. Следственными действием нельзя назвать комплекс разноплановых мероприятий, состоящих в применении разных, как познавательных, так и «технических» приемов, приводящихся в течение нескольких месяцев.

Это прямо относится к ряду мероприятий, которые в науке принято именовать следственными действиями.

Так, в действующем УПК РФ законодатель выделяет: контроль и запись переговоров (ст. 186); получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1); наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст. 185). Стоит отметить, что процесс формирования доказательств при производстве указанных действий происходит не непрерывно с начала получения судебного решения на их производство, а исключительно при осуществлении следователем осмотра и прослушивания фонограммы (ч. 7 ст. 186 УПК РФ), осмотра документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими

[1] © Давыдовская М. В., 2022.

устройствами (ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ), осмотре или выемке задержанных почтово-телеграфных отправлений (ч. 5 ст. 185 УПК РФ). Предшествующие действия «подготовительного», «технического» характера при осуществлении контроля и записи переговоров, фиксации информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; задержании почтово-телеграфных отправлений, хотя и осуществляются по судебному решению – общему для действий следователя и содействующих ему «технических специалистов», тем не менее имеют принципиально различный характер. Следователь формирует доказательство, в то время как указанные «специалисты» выполняют технические действия, которые не основаны на применении какого-либо познавательного приема. При этом стоит обратить внимание, что они даже не оказывают следователю содействие в применении таких приемов, поэтому наделять их процессуальным статусом «специалист», как это предлагает, например, С. Б. Россинский [5, с. 137] не является точным.

Необходимо отметить, что при выполнении комплекса мероприятий, предусмотренных ст.ст. 185–186.1 УПК РФ доказательственную информацию воспринимает не должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу, а иное лицо, осуществляющее технические действия и. таким образом, фактически часть проводимого мероприятия является непроцессуальной, а в случае осуществления контроля и записи переговоров – фактически оперативно-розыскным мероприятием [6, с. 14]. С. Б. Россинский и сам включает указанные действия в систему следственных действий с «определенной долей условности» [5, с. 138].

Таким образом, именовать следственными действиями контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку вряд ли верно.

Понимание следственного действия как комплекса взаимосвязанных поисково-познавательных мероприятий, осуществляемых именно должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу позволяет решить серьезную практическую проблему, состоящую в неясности позиции законодателя относительно возможности производства контроля и записи переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; задержание почтово-телеграфных отправлений после приостановления предварительного расследования.

Известно, что ч. 3 ст. 209 УПК РФ запрещает после приостановления предварительного следствия производство следственных действий. Понимание указанных мероприятий как длящихся следственных действий обязывает следователя (дознавателя) отменить их производство, что и считают необходимым сделать некоторые авторы [3, с. 9]. В то же время именно результаты контроля и записи переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; задержания почтово-телеграфной корреспонденции могут позволить устранить основания для приостановления предварительного расследования. Однако дело даже не в целесообразности продолжения осуществления этих «технических» мероприятий, а в их законности после приостановления, поскольку следственным действием следует считать осмотр и про-

слушивание фонограммы, осмотр материалов, представленных в рамках получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; осмотр и выемку почтово-телеграфных отправлений. Для совершения этих действий предварительное расследование необходимо возобновить.

Совершение взаимосвязанных поисково-познавательных мероприятий именно должностным лицом, осуществляющим уголовный процесс, как признак следственного действия вызывает вопрос о возможности отнесения к таковому назначения и производства судебной экспертизы, которая, как известно, производится экспертом.

В соответствии ч. 1 ст. 144 УПК РФ роль следователя (дознавателя) ограничивается здесь лишь назначением судебной экспертизы, получением заключения эксперта и возможностью участия при производстве экспертом исследований. С. Б. Россинский, относя судебную экспертизу к способам собирания доказательств, не считает возможным называть ее следственным действием [5, с. 112] именно по причине того, что сведения, имеющие значение для уголовного судопроизводства, получает не следователь (дознаватель). Однако в уголовном судопроизводстве доказательства может собирать только должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, и никто иной. Отсюда вытекает, что поисково-познавательным мероприятием, предусмотренным и урегулированным уголовно-процессуальным законом, является назначение судебной экспертизы (вынесение соответствующего постановления и направление его в экспертное учреждение или конкретному эксперту). В этом смысле назначение судебной экспертизы представляет собой некую особую форму запроса, более детально урегулированную, чем обычный запрос, предусмотренный ч. 4 ст. 21 УПК РФ. Таким образом, назначение судебной экспертизы необходимо считать следственным действием.

Поисково-познавательные и удостоверительные мероприятия могут представлять собой разнообразный комплекс познавательных методов (для поисково-познавательных приемов) и технико-юридических средств (для удостоверительных приемов). Поисково-познавательные приемы (расспрос, осмотр, наблюдение, описание, моделирование, эксперимент, сравнение, постановка задачи и т. д.) могут иметь разные физические формы и процессуальную регламентацию. Например, расспрос может осуществляться устно (в ходе допроса, очной ставки) и письменно (в ходе назначения экспертизы [3, с. 168], запроса). Расспрос может представлять собой постановку задачи на выполнение действий, необходимых для получения значимой информации (например, в ходе проверки показаний на месте). Фиксация полученной информации в ходе следственного действия также не в каждом случае представляет собой протокол следственного действия, по результатам производства судебной экспертизы протокол, например, не составляется. Следовательно, отсутствуют основания полагать, что иные формы фиксации результатов применения поисково-познавательных приемов следователя (дознавателя), кроме протокола, не могут быть использованы в ходе и по результатам производства следственного действия.

Поисково-познавательные приемы, а также удостоверительные операции являются содержанием и таких способов собирания доказательств, как преду-

смотренные ч. 2 ст. 86 УПК РФ, предусматривающей право участников судопроизводства, имеющих в исходе уголовного дела личный интерес (их представителей) представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. В частности, А. В. Победкин в целом справедливо отмечает, что, принимая процессуальный документ, представленный на основании ч. 2 ст. 86 УПК, следователь (дознаватель) оценивает наличие в ней информации, имеющий значение для дела, что представляет собой ничто иное, как процессуальный поиск [4, с. 140]. В случае придания указанным мероприятиям хотя бы минимальной процессуальной регламентации или распространения на них неких общих условий или правил собирания доказательств может быть поставлен вопрос об отнесении и этих мероприятий к следственным действиям.

Таким образом, единство познавательных приемов является характерным признаком следственного действия, позволяющим отделять следственные действия от иных процессуальных и непроцессуальных действий.

Список литературы

1. Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск : Вышэйш. шк., 1983. 215 с.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Темп, 2006. 938 с.

3. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 185 с.

4. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. … д-ра юрид. наук. М, 2005.

5. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография. М. : Норма, 2021. 408 с.

6. Шейфер С. А. Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1/11 (122). С. 11–21.

Данг Вьет Хынг[1],
адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РАЗВИТИЕ ОБЩИХ УСЛОВИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Под общим условиям предварительного расследования понимается совокупность правил, касающихся всех процессуальных решений и действий лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу [6, с. 301]. Выражая наиболее существенные особенности стадии предварительного расследования, они претерпели существенные изменения в историческом аспекте как в Российской Федерации, так и в Социалистической Республике Вьетнам (далее – СРВ). При этом развитие общих условий предварительного расследования всегда было связано с развитием положений УПК РФ, так и УПК СРВ.

Становление общих условий предварительного расследования связано с принятием 28 июня 1988 г. УПК СРВ, который вступил в силу с 1 января 1989 г. В этом кодексе впервые предусмотрены общие условия предварительного расследования, закрепленные в гл. 8 «Следственный орган и общие условия предварительного расследования». В данной главе было предусмотрено 11 статей, определяющих такие условия, как: следственный орган и подследственность (ст. 92); полномочие органов пограничной охраны, таможни, лесных инспекторов (ст. 93); полномочие и обязанность руководителей следственных органов и следователей (ст. 94); объединение или разделение уголовные дела для проведения расследования (ст. 95); поручение расследования (ст. 96); срок расследования (ст. 97); срок возобновления расследования, дополнительного расследования и повторного расследования (ст. 98); разрешение обращений участников судопроизводства (ст. 99); участие понятых (ст. 100); недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ст. 101); протокол расследования (ст. 102).

Изменение политической ситуации в Социалистической Республике Вьетнам, связанной с вступлением в силу новой Конституции СРВ 1992 г., а также набранный опыт уголовно-процессуальной деятельности, который выявил ряд существенных недостатков в реализации норм УПК СРВ при расследовании и разрешении уголовных дел, послужили тому, что 22 декабря 1992 г. IX Национальное Собрание СРВ на своем второй заседании внесло поправки и дополнения в ряд статей УПК СРВ.

Данные изменения дополнили общие условия предварительного расследования следующими положениями: решение об объединении или разделении дела должно быть направлено в прокуратуру в течение 24 часов со дня его вынесения; в случае несогласия с решением следственного органа, органа, которому поручено проведение ряда следственных действий, или прокуратуры, участники судопроизводства могут подать жалобу.

[1] © Данг Вьет Хынг, 2022.

С вступлением в силу с 1 июля 2000 г. нового УК СРВ (утвержден Национальным собранием СРВ 21 декабря 1999 г.) многие положения УПК СРВ (1988 г. с изменениями, дополнениями 1992 г.) утратили свою актуальность. Поэтому XI Национальным собранием 26 ноября 2003 г. был принят УПК СРВ, который вступил в силу 1 июля 2004 г.

Положения УПК СРВ 2003 г. создали правовую основу для органов и лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство при разрешении уголовных дел, способствуя ограничению несправедливости, неправомерных действий. В новом законе была выделена Глава IX «Общие условия предварительного расследования», включающей в себя 16 статей (ст.ст. 110–125 УПК СРВ). По сравнению с гл. VIII УПК СРВ 1988 г., в УПК СРВ 2003 г. добавлены пять новых статей, характеризующих общие условия предварительного расследования. В их числе положения, определяющие: сроки содержания под стражей при расследовании преступления (ст. 120 УПК СРВ); передачу уголовного дела по подследственности (ст. 116 УПК СРВ); задачи и полномочия прокуратуры при осуществлении права обвинения в стадии расследования уголовного дела, при надзоре производства расследования уголовного дела (ст.ст. 112, 113, 115 УПК СРВ).

В 2015 г. был принят новый УПК СРВ, который вступил в силу 1 января 2018 г. Новый закон учел двенадцати летний опыт уголовно-процессуальной деятельности, устранил проблемы и недостатки, выявленные при расследовании преступлений. В этом кодексе также нашли отражение общие условия предварительного расследования, которые были закреплены в главе X, включившей в себя 16 статей (ст.ст. 163–178 УПК СРВ).

Следует отметить, что, несмотря на то, что количество статей, регулирующих общие условия предварительного расследования, по сравнению с УПК СРВ 2003 г. не изменилось, они претерпели качественные изменения. Например, в ст. 166 УПК СРВ добавлено положение, согласно которому прокурор имеет право возбуждать уголовное дело или требовать от следственного органа принятие решения о возбуждении уголовного дела, если имеются признаки преступления.

Сравнительно-правовое исследование становления и развития общих условий предварительного расследования, закрепленных в УПК РФ, показало, что они явились результатом многолетней эволюции. Впервые они были закреплены в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [1], в котором во II главе «Об условиях производства предварительного следствия» были отражены 9 статей (ст.ст. 288–296 Устава). Как показывает анализ, эти условия в основном определяли начало и место расследования, территориальную подследственность и др.

УПК РСФСР 1922 г. закрепил в главе IX «Общие условия производства предварительного следствия» 16 статей, регламентирующих общий порядок производства предварительного следствия. Особенностью данного кодекса стало закрепление в нем двух форм расследования: дознание и предварительное следствие.

Принятый 15 февраля 1923 г. новый УПК РСФСР, оставил без изменения главу IX «Общие условия производства предварительного следствия», за исключением нормы, закрепляющей участие обвиняемого и потерпевшего в следственных действиях.

25 декабря 1958 г. были приняты Основы уголовного судопроизводства РСФСР, в которых содержалось ряд положений о принципах уголовного процесса, об усилении правовых гарантий прав личности. На базе Основ уголовного судопроизводства 27 октября 1960 г. принят УПК РСФСР, который заме ил УПК РСФСР 1923 г. В результате чего был закреплен единый порядок производства по уголовным делам, восстановлен прокурорский надзор, расширены права обвиняемых, допускался защитник к участию в деле при производстве предварительного следствия и др. [3, с. 28].

Общие условия предварительного расследования в УПК РСФСР 1960 г. были закреплены в главе X «Общие условия производства предварительного следствия», включающей в себя 18 статей (ст.ст. 125–142 УПК РСФСР). В целом положения этих статей имели много существенных различий в сравнении с положениями УПК РСФСР 1923 г. В УПК РСФСР 1960 г. добавлены следующие статьи: органы предварительного следствия; обязательность предварительного следствия; полномочия следователя; привлечение общественности к участию в раскрытии преступлений; начало производства предварительного следствия; место производства предварительного следствия; участие переводчика; участие понятых; признание потерпевшим; привлечение в качестве гражданского ответчика; меры по устранению причин и условий, способствующих совершению преступления; протокол следственного действия; удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия.

Важным этапом в развитии общих условий предварительного расследования стал УПК РФ, который вступил в силу 1 июля 2002 г. Новый УПК РФ принципиально поменял «облик» отечественного уголовного процесса» [5]. Так, существенно изменился предмет прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, в 2013 г. введена гл. 32.1. «Дознание в сокращенной форме». В УПК РФ общие условия предварительного расследования закреплены в гл. 21, которая включает 14 статей, и в гл. 22, включающей девять статей. При этом в УПК РФ общие условия предварительного расследования постоянно совершенствуются. Например, за последние годы многократно изменялся институт подследственности, появились такие новые для отечественного судопроизводства общие условия, как восстановление уголовных дел (ст. 158.1 УПК РФ), меры по обеспечению гражданского иска (ст. 160.1 УПК РФ).

Сравнительно-правовое исследование показало, что развитие общих условий предварительного расследования в Российской Федерации и Социалистической Республике Вьетнам прошло сложный эволюционный путь. Вместе с тем положения УПК СРВ, с одной стороны, находятся на начальном этапе развития, с другой, имеют существенные отличия, связанные с отсутствием двух форм расследования и, соответственно, норм, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность органов дознания. Предварительное расследование производится следователями следственных органов Министерства общественной безопасности, Министерства обороны, Верховной народной прокуратуры. Кроме того, срок предварительного расследования в СРВ определяется по категории преступления, а в Российской Федерации – по форме предварительного расследования.

Список литературы

1. Устав уголовного судопроизводства. Неофициальное издание (Свод законов Т. XVI, Ч. 1, изд. 1914 г.). С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями правительствующего Сената и циркулярами Министерства Юстиции. 7 изд, испр. и доп. Петроград : Тип. И. О. Крамова, 1916. 1266 с.

2. Уголовный процесс : учебник. 2-е изд, перераб. и доп. М. : Зерцало, 1997. 707 с.

3. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 455 с.

4. Козак Д. Н. Вступительная статья // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2004. 822 с.

5. Химичева Г. П. О влиянии Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на современную судебно-правовую реформу // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 95–98.

6. Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 3-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2002. 447 с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 7-LCT/HĐNN8 от 28 июня 1988 г.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 19/2003/QH11 от 26 ноября 2003 г.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 101/2015/QH13 от 27 ноября 2015 г.

Денисова М. Д.[1]*,*
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Уголовное производство осуществляется в связи совершенным преступлением и поэтому непосредственно связано с возможностью, а в некоторых случаях даже целесообразностью, применения мер процессуального принуждения, в том числе в виде наложения ареста на имущество, которое серьезным образом затрагивает, а в некоторых случаях ущемляет и ограничивает права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Важной составляющей эффективного осуществления уголовного судопроизводства, является согласованность и полнота применяемых уголовно-процессуальных норм. Вносимые дополнения и изменения в уголовно-процессуальные нормы, не всегда полностью соответствуют уголовно-процессуальному регулированию, а нередко приводят к десинхронизации и противоречивости правовых норм, что серьезным образом затрагивает права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Действующие уголовно-процессуальные, а также уголовные, нормы неоднократно подвергались изменениям. Однако до настоящего времени эти изменения не привели к синхронизации уголовно-процессуальной деятельности. В правоприменительной деятельности как возникали, так и продолжают возникать определенного рода проблемы, при обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Изменения, которым подвергается уголовно-процессуальное законодательство, должны быть современными и эффективными, а также при внесении изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство необходимо учитывать, что преступность не стоит на месте и достаточно часто появляются новые виды приступной деятельности. Исходя из этого, изменения должны вноситься с учетом новых видов преступной деятельности, для того, чтобы новое законодательство имело быструю реакцию на появляющиеся виды преступной деятельности, а также могло интегрировать в правовые процедуры и современные технологии. И тем не менее должен сохраняться базис из незыблемых правовых ценностей, которые будут обеспечивать устойчивость уго-

[1] © Денисова М. Д., 2022.

ловного судопроизводства, гарантировать права участников от избыточного ограничения, а также не допускать их нарушение и ущемление.

Сказанное находит свое подтверждение и при использовании института мер процессуального принуждения, с одной стороны как инструмента по обеспечению надлежащего порядка в уголовном судопроизводстве, охране последнего от возможных злоупотреблений со стороны его участников, а с другой стороны, соблюдения баланса интересов уполномоченных органов и должностных лиц с одной стороны и участников уголовного судопроизводства с другой.

Примером может служить мера процессуального принуждения в виде ареста на имущество, применение которой может затрагивать права и законные интересы не только стороны обвиняемого и потерпевшей стороны, но и третьих лиц, зачастую не имеющих отношения к производству по уголовному делу [6].

Мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество находит свое закрепление в ст. 115 УПК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 115 УК РФ наложение ареста на имущество заключается в запрете определенному кругу лиц, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а в некоторых случаях даже изъятии имущества и передаче его на хранение. Уголовно-правовыми нормами выделяются условия, при которых целесообразно применение одно из мер процессуального принуждения, а именно наложение ареста на имущество:

– для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска;

– для обеспечения взыскания штрафа, назначенного по приговору суда в качестве основного наказания;

– других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в ч.1 ст. 104.1 УК РФ.

Круг лиц, к которым возможно применение меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, определен нормами УПК РФ, но не является исчерпывающим, при анализе норм действующего кодекса можно сделать вывод о том, что арест на имущество возможен не только находящееся у подозреваемого или обвиняемого, но и других лиц.

Как уже упоминалось ранее, в УПК РФ не определен исчерпывающий перечень лиц, на имущество которых может быть наложен арест, однако, к данной категории еще можно отнести родственников и близких лиц подозреваемого и обвиняемого, между которыми сложились доверительные отношения в части, касающейся имущества [1; 6; 7]. Отсутствие нормативно закрепленного перечня лиц, на имущество которых может быть наложен арест, является своего рода проблемой, возникающей в правоприменительной деятельности, поскольку зачастую должностными лицами затрагиваются права граждан, не имеющих какого-либо отношения к производству по уголовному делу. Рассмотрим в качестве примера уголовное дело по обвинению гражданина Н. в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, круг родственников у обвиняемого был не велик: мать, родной брат и жена. Данное преступление не является имущественным, однако, следователь в целях обеспечительных мер обратился в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество, а поскольку у гражданина Н. в собственности движимого либо недвижимого имущества не было, но в пользовании он имел автомобиль «Mersedess», который юридиче-

ски принадлежал его брату, было принято решение о проведении обыска по месту его фактического проживания. Одним из оснований проведения обыска была необходимость обнаружения имущества для наложения на него в последующем ареста. В ходе проведенного обыска по месту фактического проживания обвиняемого был обнаружен и изъят «моноблок Apple», который принадлежал на законных основаниях супруге обвиняемого, что подтверждалось наличием чеков и гарантийного талона на ее имя, но это не явилось препятствием для наложения ареста на указанный моноблок. Теперь до конца рассмотрения уголовного дела по существу и решения «судьбы» моноблока, супруга не сможет в полной мере пользоваться и распоряжаться принадлежащим ей имуществом. Данный пример свидетельствует об ограничении конституционных прав лица, не имеющего процессуального статуса по уголовному делу. И такие случаи в правоприменительной деятельности, не единичны.

Рассмотрим еще одну ситуацию: уголовное дело было возбуждено в отношении гражданина В. по ч. 1 ст. 264 УК РФ, в ходе производства по уголовному делу потерпевшей стороной был заявлен гражданский иск, в целях обеспечения которого был наложен арест на предмет преступления, то есть автомобиль, с одной стороны, это решение логично и справедливо, но имеется один нюанс, собственником автомобиля является организация, в которой работал гражданин В., из этого следует, что владелец организации до конца рассмотрения уголовного дела по существу не сможет в полной мере пользоваться и распоряжаться автомобилем. В данной ситуации собственник имущества, подвергнутого аресту, не является близким родственником обвиняемого, а всего лишь работодателем, в итоге его конституционные права существенным образом затронуты. Таких примеров в правоприменительной деятельности множество.

Решение данной проблемы возможно только с внесением изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство. В качестве изменений можно предложить установление исчерпывающего перечня лиц, на имущество которых может быть наложен арест, исключить из данной категории родственников и близких лиц подозреваемого и обвиняемого, которые не имеют отношения к производству по уголовному делу, для того чтобы исключить ограничение и ущемление прав невиновных лиц. Однако в случае с близкими родственниками было бы целесообразно установление срока владения имуществом, например, не подвергать аресту имущество, которое находится в собственности лица на протяжении более 3-х лет, поскольку обвиняемые, чтобы не лишиться имущества, могут юридически оформить право собственности имуществом на родственников.

Несмотря на обширную степень научной разработанности данного института [2; 3; 4; 5], проблема обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество в настоящее время не исчерпана. Имеется необходимость в реформации этой меры уголовно-процессуального принуждения, затрагивающей права и законные интересы граждан. Содержание данной меры, процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество состоит в том, что гражданин, который является собственником имущества, лишается возможности свободного пользования и распоряжения имуществом, также имущество может быть изъято у граждани-

на. Следовательно, должностным лицом нарушается важнейшее конституционное право гражданина – право собственности. При наложении ареста на имущество в отношении лица, которое не является подозреваемым либо обвиняемым по уголовному делу, могут быть нарушены основополагающие принципы уголовного процесса.

Из анализа правоприменительной практики можно сделать вывод о том, что следователями, ведущими производство по уголовному делу, собственники имущества фактически не уведомляются не только о заявленном следователем ходатайстве следователя, но и о судебном решении, принятом в отношении их имущества. Скажем точнее, что о применении данной обеспечительной меры собственники узнают, когда сроки обжалования уже истекли и судебное решение вступило в законную силу. После вступления судебного решения в законную силу собственник уведомляется должностными лицами об аресте и запрете распоряжения данным имуществом. Иначе говоря, собственники имущества ставятся перед фактом того, что на их имущество будет наложен арест, и они не смогут распоряжаться им по своему усмотрению. Данные действия должностных лиц создают предпосылки ущемления прав и законных интересов других лиц, которые не являются подозреваемыми либо обвиняемыми по уголовному делу. Можно предположить, что если бы при наложении ареста на имущество было достаточно одного судебного решения и не требовалось заполнение протокола с собственником имущества, которое подвергается аресту, то собственник не был бы осведомлен, что на его имущество наложен арест и он не может в полной мере пользоваться и распоряжаться им.

Вернемся к приведенному выше примеру с уголовным делом по обвинению гражданина В-на. В данной ситуации протокол наложения ареста на имущество был составлен с участием обвиняемого, а не собственника имущества. Собственнику была направлена копия судебного решения, когда все процессуальные сроки уже истекли. Здесь следует констатировать не только ущемление конституционных прав, но и процессуальные нарушения со стороны должностного лица. В конечном итоге, уголовное дело было прекращено, а наложенный арест на имущество отменен, однако, определенный период времени собственник имущества не мог в полной мере им пользоваться и распоряжаться. Это достаточно серьезная проблема, которая возникает вследствие недостаточного действующего нормативного регулирования.

Мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество не имеет конкретного нормативно закрепленного срока действия, срок наложения ареста ограничивается общими сроками предварительного расследования, что может существенным образом ограничивать права и законные интересы собственника имущества, которое было подвергнуто аресту. Отсутствие нормативно закрепленного срока действия рассматриваемой меры процессуального принуждения можно расценивать как определенного рода проблему, возникающую в процессе осуществления процессуальной деятельности. В практической деятельности встречаются случаи, когда аресту подвергается имущество, находящееся у третьего лица, а поскольку данное лицо не имеет процессуального статуса, то соответственно он не имеет возможности следить за сроками предварительного

следствия, которые могут неоднократно продлеваться, а также приостанавливаться. И это свидетельствует о том, что собственник может не знать о сроках действия, либо снятия ограничений его прав в отношении, принадлежащего ему имущества, что также создает предпосылки ущемления прав других лиц.

В правовом регулировании сферы наложения ареста на имущество имеются недостатки, породившие неоднозначные подходы к решению определенного ряда задач правоприменительной деятельности, на которые неоднократно было указано разъяснениями Конституционного Суда Российской Федерации, а именно было обращено внимание на:

– необходимость установления судом разумного и необходимого срока действия меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество;

– оптимизацию процессуального порядка обеспечения прав и законных интересов потерпевших и гражданских истцов в случае приостановления производства по уголовному делу в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и при наложении ареста.

Однако в настоящее время не приняты к сведению правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, а это свидетельствует о том, что права граждан как ущемлялись, так и продолжают ущемляться.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в нормативной базе, регулирующей обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при применении меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, имеется значительные пробелы, которые приводят к существенному нарушению на практике прав и законных интересов не только подозреваемых и обвиняемых по уголовному делу, но и третьих лиц. Кроме того, представляется актуальным рассмотрение вопроса о возможном введении дисциплинарной ответственности должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство и допускающих нарушение либо необоснованное ограничение прав и законных интересов граждан, на имущество которых налагается арест.

В связи с этим в научной разработке нуждаются следующие вопросы:

– понятие, сущность, правовая природа наложения ареста на имущество;

– права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, затрагиваемые при наложении ареста на имущество;

– система гарантий прав и законных интересов участников уголовного процесса при наложении ареста на имущество;

– основания, процессуальный порядок избрания, а также продления применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество;

– возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным наложением ареста на имущество.

На основе решения обозначенных теоретических проблем возможно предложить коррективы в уголовно-процессуальный закон, сформулировать меры по совершенствованию правоприменительной практики наложения ареста на имущество, прежде всего в части обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Алимова А. И. Отдельные проблемы уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики наложения и обжалования ареста на имущество собственников (добросовестных приобретателей) // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2017. Т. 27. Вып. 5. С. 92–99.

2. Аршба Г. В. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве : дис. … канд юрид. наук : 12.00.09. Омск, 2004. 185 с.

3. Соколова М. В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество: дис. … канд юрид. наук : 12.00.09. М., 2018. 216 с.

4. Тутынин И. Б. Наложение ареста на имущество как мера процессуального принуждения : дис. … канд юрид. наук : 12.00.09. М., 2005. 213 с.

5. Ханжин В. И. Уголовно-процессуальный порядок и организационно-тактические основы наложения ареста на имущество : дис. … канд юрид. наук : 12.00.09. М., 2006. 192 с.

6. Химичева О. В. Наложение ареста на имущество: баланс частных и публичных интересов // Академическая мысль. 2019. № 4 (9). С. 62–65.

7. Химичева О. В., Шаров Д.В. К вопросу об определении размера имущества, подлежащего аресту, в ходе уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2019. № 11. С. 95–101.

Дударева М. А.[1],
адъюнкт Омской академии МВД России

ОТОБРАНИЕ ПОДПИСКИ О НЕРАЗГЛАШЕНИИ ТАЙНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В условиях глобальной цифровизации все чаще возникают новые вопросы, связанные с защитой основных прав человека, в том числе права на частную жизнь. Институт тайны следствия является одним из гарантов защиты таких прав. Согласно ст. 161 УПК РФ конфиденциальная информация, касающаяся участников уголовного судопроизводства, без их согласия разглашена быть не может, а лицо, ведущее расследование, предупреждает их об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, отбирая при этом подписку.

Анализ судебной практики показывает, что норма, сформулированная в ст. 310 УК РФ, применяется редко. За последние десять лет за совершение соответствующего преступления осуждено всего три человека [1]. Такие статистические данные можно связать с тем, что в работе правоохранительных органов возникает немало проблем с ее применением, в том числе и с определением круга лиц, у которых она может быть отобрана.

Исходя из анализа ч. 3 ст. 161 УПК РФ можно сделать выводы о том, что отобрать подписку о неразглашении данных предварительного расследования может только следователь или дознаватель. Однако в практической деятельности возникают ситуации, когда указанные лица в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1. ч. 3 ст. 41 УПК РФ дают поручение органу дознания для проведения, например, следственного действия, в ходе которого становятся известны сведения, не подлежащие разглашению. На наш взгляд, орган дознания в данном случае также обязан отобрать соответствующее обязательство у указанных лиц.

Что касается участников уголовного процесса, в отношении которых может быть применена такая подписка, необходимо сказать, что они должны, прежде всего, быть субъектами, подлежащими уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. К таким относятся:

1. Вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

2. Участник уголовного судопроизводства (имеющий определенный статус) или присутствующий при проведении следственного действия.

3. Лицо, которого в установленном законом порядке следователь, дознаватель предупредил о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, о чем в уголовном деле в письменном виде имеется подписка.

В статье не указано, каких участников уголовного судопроизводства необходимо предупреждать об уголовной ответственности и отбирать подписку. На наш взгляд, к ним необходимо относить лиц, чей процессуальный статус регламентирован нормами УПК РФ, в частности: потерпевшего, гражданского истца, защитника, гражданского ответчика, свидетеля, эксперта, специалиста,

[1] © Дударева М. А., 2022.

переводчика, понятого (ст.ст. 42, 44, 53–60 УПК РФ). Такой же круг лиц, применительно к рассматриваемой проблеме, был указан в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 467-О [2].

В указанных документах ничего не говорится о представителях потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, представителя гражданского ответчика, при этом они обладают такими же процессуальными правами, что и представляемые ими лица. Считаем, что указанных участников уголовного судопроизводства также необходимо предупреждать о неразглашении сведений, составляющих тайну следствия несмотря на то, что законодатель ничего не говорит о соответствующих обязанностях.

Открытым остается вопрос о возможности отобрания соответствующей подписки у иных участников уголовного судопроизводства, не имеющих определенного правового статуса, но участвующих при проведении следственного или иного процессуального действия. Такими участниками могут выступать статисты, стажеры, залогодатели, поручители, лица, привлекаемые к опознанию, внешне схожие на опознаваемого, лица, в помещении которых проводится осмотр, выемка или обыск. Указанные лица могут узнать конфиденциальные сведения о других участниках уголовного судопроизводства во время проведения следственного действия, в дальнейшем распространить их или использовать в корыстных целях. На наш взгляд, процедура отобрания подписки у указанных лиц должна быть согласована с участником уголовного судопроизводства, чье конституционное право на частную жизнь может быть нарушено.

Анализ норм, посвященных тайне предварительного расследования в УПК Республики Казахстан (ст. 201), УПК Республики Беларусь (ст. 198), УПК Республики Армения (ст. 201) позволяет сделать вывод о том, что в отличие от отечественного законодательства лица, к которым применяется подписка о неразглашении данных предварительно расследования четко перечислены в законе, при этом есть указание о том, что она может быть отобрана и у других лиц, присутствующих при производстве следственных действий, кроме тех которые указаны в статьях. Интересно отметить, что по УПК Республики Казахстан такая подписка отбирается в ходе всего досудебного производства, а не только на этапе предварительного расследования. В настоящее время Следственным комитетом Российской Федерации разработан законопроект, которым предполагается внести изменения в ст.ст. 310 УК РФ и 161 УПК РФ, распространив действие этих норм на досудебное производство в целом [3]. Внесение изменений в указанные статьи могут благоприятным образом повлиять на решение проблем, указанных нами выше.

Далее рассмотрим отобрание подписки у участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, а именно подозреваемого, обвиняемого и адвоката.

Исходя из позиции Конституционного Суда Российской Федерации [2] и анализа положений ст.ст. 46, 47 УПК РФ подозреваемого и обвиняемого мы не можем привлечь к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, так как подписка о неразглашении данных предварительного следствия у них не отбирается. В практической деятельности все же встречаются случаи отобрания такой подписки в случае, если подозреваемый или обвиняемый может распро-

странять, использовать или публиковать в СМИ, выкладывать в социальные сети данные предварительного расследования, занимая определенную должность (например, является журналистом) или присутствует при проведении следственного действия у других участников уголовного судопроизводства (например, участвует при проведении обыска у потерпевшего).

Примечательным является и разъяснение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 октября 2015 г. № 2443-О о том, что несанкционированное разглашение данных предварительного расследования, даже в силу того, что лицо будет использовать это в качестве инструмента своей защиты, будет признано незаконным, так как противоречило бы ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, посягало бы не только на интересы правосудия, но и на охраняемые законом права личности, умаляя ее достоинство [4]. В таком случае, учитывая положения п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ к подозреваемому, обвиняемому может быть применена одна из мер пресечения. Таким образом, в исключительных случаях отбирать подписку о неразглашении конфиденциальной информации у подозреваемого или обвиняемого представляется возможным.

Самой спорной фигурой при рассмотрении данного вопроса является адвокат. Подписка о неразглашении данных предварительного расследования может быть отобрана у него по усмотрению следователя или дознавателя, даже учитывая тот факт, что данное лицо представляет интересы (осуществляет защиту) подозреваемого, обвиняемого, у которого такого ограничения нет. Такая обязанность предусмотрена уголовно-процессуальным законом (ч. 5 ст. 49, ч. 3 ст. 53, ст. 161 УПК РФ). Имеются и разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации о том, что отобрание следователем, дознавателем подписки у адвоката является законным и не нарушает его права [5]. Также адвокат в своей работе должен руководствоваться нормами Кодекса профессиональной этики адвоката об адвокатской тайне, Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и позицией доверителя. Не оспаривая данные положения, стоит лишь сказать о том, что при отобрании подписки у адвоката в ней четко надо указывать, какие именно данные предварительного следствия ему нельзя разглашать. В настоящее время в УПК РФ нет сформулированного перечня таких сведений, в практической же деятельности следователи, дознаватели формально отбирают подписку у участников, порой оказывая противоправное воздействие на них в своих целях [6, 7, 8]. В такой ситуации поддерживаем позицию Ю. Ф. Лубшева, который под разглашением понимает случаи, когда полученные адвокатом сведения становятся известными хотя бы одному постороннему лицу. При этом считает, что адвокат может посоветоваться с коллегами, так как не относит их к посторонним, но при этом должен стремиться к сдержанности, рассказывая о проблемной ситуации обезличено [9]. Привлекая адвоката к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, необходимо установить, что своими действиями он действительно навредил расследованию или существенно нарушил права и законные интересы участников уголовного судопроизводства и других лиц.

В заключение следует отметить, что отсутствие законодательного закрепления и должного разъяснения по поводу круга лиц, у кого может быть отобрана

подписка о неразглашении данных предварительного расследования, создает немало проблем правильного применения ст. 161 УПК РФ в практической деятельности правоохранительных органов. Реализация сформулированных в настоящей статье предложений будет способствовать повышению качества расследования уголовного дела и более ответственному отношению должностных лиц к вопросам привлечения к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 467-О по жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями ст.ст. 46, 86, и 161 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

3. СКР хочет ввести уголовную ответственность за разглашение данных на всех стадиях досудебного производства. URL: https://legal.report/skr-trebuet-vvesti-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-razglashenie-dannyh-na-vseh-stadiyah-dosudebnogo-proizvodstva/(дата обращения: 20.10.2021).

4. Определенного Конституционного Суда Российской Федерации от 6 октября 2015 г. № 2443-О по жалобе гражданина Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 53 и ст. 161 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2009 г. № 559-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кобзаря Александра Григорьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 161 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

6. Подписка о неразглашении тайн следствия: инструмент против адвокатов. URL: https://pravo.ru/story/231408/ (дата обращения: 20.10.2021).

7. Как судят по статье о разглашении данных предварительного следствия. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4799960 (дата обращения: 20.10.2021).

8. Уголовные дела против адвокатов вместо состязательности сторон: как работает ст. 310 УК РФ разглашение данных предварительного следствия. URL: https://zona.media/article/2016/31/03/codex-310 (дата обращения: 20.10.2021).

9. Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России : учебник. М., 2001. 826 с.

Ендольцева А. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

ПРИНЯТИЕ СУДОМ РЕШЕНИЯ О ЗАКОННОСТИ ИЛИ НЕЗАКОННОСТИ ПРОИЗВЕДЕННОГО В СЛУЧАЯХ, НЕ ТЕРПЯЩИХ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА, СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Одной из функций суда в рамках судебного контроля является принятие решения о производстве следственного или иного процессуального действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан. Сфера указанного вида судебно-контрольной деятельности охватывает не менее 600 тыс. производств в год [1].

Вторая и третья части ст. 165 УПК России регламентируют судебно-контрольную процедуру по принятию решения о производстве либо об отказе в производстве следственного действия, которое ограничивает конституционные права и свободы граждан. Она предусматривает проведение судебного заседания, в котором имеют право принимать участие прокурор, следователь, дознаватель, а уже после получения разрешения суда возможно проведение самого следственного действия. Если же суд выносит постановление об отказе в его проведении, то следственное действие, соответственно, не может быть проведено. Исходя из указания в законе участников судебного заседания, мы понимаем, что оно не проходит в условиях состязательности сторон, что в данном случае это является правильным. Сторона защиты не уведомляется о действиях следователя, дознавателя, что носит упреждающий характер в целях воспрепятствования уничтожению доказательств, сокрытию следов преступления и т. д. С внезапным проведением следственного действия как одного из условий его успешности согласны многие ученые [2, с. 6; 3, с. 477; 4, с. 92]. Более того, в юриспруденции принято выделять «неожиданность времени следственного действия, неожиданность места его проведения и неожиданность самого действия» [5, с. 244–274].

Несмотря на массовость применения положений ст. 165 УПК России (о чем говорилось ранее), существуют, на наш взгляд, законодательные пробелы в регламентации судебно-контрольной процедуры, осуществляемой в рамках ее части пятой. Эта норма закрепляет проведение следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства, и впоследствии проверку судьей за-

[1] © Ендольцева А. А., 2022.

конности его проведения в 24-часовой срок с момента поступления уведомления от следователя /дознавателя о его проведении.

Данная судебно-контрольная процедура предусматривает субъекта рассмотрения поступивших в суд материалов; лиц, его инициирующих; говорит о наличии уведомления, копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия; называет сроки представления в суд материалов; указывает возможные решения суда по данному вопросу. Однако в пятой части ст. 165 УПК России не говорится о проведении судебного заседания и его участниках, отсутствует возможность обжалования решения суда, что, по нашему мнению, является неправильным.

Процедура принятия судом решения о законности или незаконности произведенного следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, осуществляется постфактум, и поэтому она должна происходить в условиях состязательности сторон. Пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 свидетельствует, что «по ходатайству лица, конституционное право которого было ограничено следственным действием, произведенным в случае, не терпящем отлагательства, его защитника, представителя и законного представителя, а также иных заинтересованных лиц им должна быть обеспечена возможность участия в проверке судом законности такого следственного действия по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ, а также возможность обжалования принятого по результатам проверки судебного решения. В этих целях они извещаются о месте, дате и времени судебного заседания, им направляется копия судебного решения» [6]. Кроме этого, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации указывает на возможность обжалования принятого по результатам проверки судебного решения, поскольку законодатель упустил это из виду, что, на наш взгляд, является недопустимым. Процедура принятия судом решения, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, в отсутствие случаев, не терпящих отлагательства, имманентна процедуре принятия судом решения в случаях, не терпящих отлагательства. В рамках все этой же статьи, но в ее ч. 3.1, при рассмотрении ходатайства о производстве следственного действия, касающегося реализации, утилизации или уничтожения вещественных доказательств, законодатель предусмотрел участие стороны защиты. Так, в порядке ч. 3.1 ст. 165 УПК России при решении вопроса о вещественных доказательствах законодатель сказал о возможности участия подозреваемого, обвиняемого, их защитников и (или) законного представителя, собственника или иного законного владельца предмета, признанного вещественным доказательством по уголовному делу. Считаем, что закрепление в уголовно-процессуальном кодексе участников судебно-контрольной процедуры по принятию судом решения о законности или незаконности произведенного следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, а также возможности обжалования принятого судом решения необходимо, поскольку способствует реализации прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

В рамках данной статьи хотелось уделить внимание еще одному процедурному элементу, а именно видам судебных решений, принимаемых в порядке

ч. 5 ст. 165 УПК России. Согласно положениям ч. 4 ст. 165 УПК России судья выносит постановление о разрешении производства следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа. Указание мотивов служит обеспечением обоснованности решения судьи, поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК России все решения суда должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Однако при осуществлении судебного контроля в порядке ч. 5 ст. 165 УПК России, когда судья проверяет законность произведенного следственного действия и выносит решение о его законности или незаконности, о мотивах принятия такого решения в этом случае не говорится, хотя «мотивировка является выражением обоснованности решения судьи и условием его законности» [7, с. 30]. Считаем, что наряду с законностью производства следственного действия судье необходимо проверять его обоснованность. Безусловно, права Л. М. Карнеева в том, что «законность в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда прямо связана с обоснованностью принимаемых ими процессуальных решений» [8, с. 3], в том числе о производстве следственного действия.

Наряду с обоснованностью произведенного следственного действия необходимо в рассматриваемом случае проверять обоснованность безотлагательности следственного действия. Как правильно подмечает Н. С. Манова, «обоснование наличия ситуации, не терпящей отлагательства, в решении органа расследования позволяет ограничить субъективизм при принятии решения о проведении следственного действия в указанной ситуации» [9, с. 46]. Ситуация, не терпящая отлагательства, дозволяет следователю/ дознавателю провести следственное действие без судебного решения, но он должен не позднее трех суток с момента начала производства следственного действия уведомить об этом судью и прокурора. Наличие указанной возможности обладает как преимуществом (органы предварительного расследования не затрачивают время на получение судебного решения), так и недостатками (органы предварительного расследования могут злоупотреблять данным полномочием ввиду отсутствия исчерпывающего перечня ситуаций, не терпящих отлагательства). В связи с этим некоторые авторы предлагают установить конкретный перечень ситуаций, не терпящих отлагательства [10, с. 125]. На наш взгляд, предусмотреть все случаи, не терпящие отлагательства, невозможно. Права Н. С. Манова, что исчерпывающее определение случаев, не терпящих отлагательства, может «искусственно ограничить правоприменителя законодательными установками, а оценка ситуации как исключительной должна даваться исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела» [9, с. 44]. Считаем, что критерии постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации могут помочь добросовестным следователям оценить сложившуюся ситуацию как не терпящую отлагательства.

В заключение отметим, что судебно-контрольная процедура, связанная с принятием судебного решения о законности произведенного в случаях, не терпящих отлагательства, следственного действия, должна быть уточнена относительно участия в судебном заседании стороны защиты, возможности обжалования принятого судом решения, а также необходимости проверки наряду с законностью, обоснованности производства следственного действия и обос-

нованности его безотлагательности. Считаем, что разъяснения пленума не должны нести в себе функцию законодателя, а указанные положения должны иметь место в самом УПК России.

Список литературы

1. Судебная статистика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 29.10.21).

2. Карнеева Л. М., Галкин И. С. Расследование преступлений группой следователей. М., 1965. 73 с.

3. Колоколов Н. А. Судебный контроль в уголовном процессе : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 303 с.

4. Стельмах В. Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие : монография. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2014. 240 с.

5. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т.3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. 464 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

7. Серебров Д. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности : автореф. дис. …канд. юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород, 2004. 36 с.

8. Карнеева Л. М. Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. М. 1981. 65 с.

9. Манова Н. С. «Ситуация, не терпящая отлагательства» как оценочная категория в законодательстве и практике уголовного судопроизводства // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 2. С. 42–48.

10. Осипов А. В. Нормативная модель исключительных случаев, при которых производство следственных действий не терпит отлагательства // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-2 (74). С. 124–127.

Звонарева Ю. И.[1]*,*
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ СОБИРАНИЯ, ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ

В настоящее время социальные сети стали самым удобным, доступным и массовым источником информации. Например, о месте работы (учебы), о круге общения, сведениях о перемещениях и имуществе лица можно собрать оттуда, и для этого совсем не обязательно обладать какими-то специальными знаниями, умениями и навыками или быть компетентным государственным органом (должностным лицом). Это может сделать любой человек, кто обладает минимальной компьютерной грамотностью. Сейчас все практически используют онлайн-магазины для совершения покупок через Интернет, привязывают банковские карты в аккаунты социальных сетей.

С развитием глобального информационного обмена возникла необходимость привлечения в практику органов внутренних дел современных технологий, позволяющих передавать информацию, которая впоследствии могла бы быть использована по уголовному делу, с минимальными временными затратами. Сегодня мы можем говорить о «новых» доказательствах – электронных – скриншотах, снимках социальных сетях, копиях интернет-страниц, электронных переписок. Электронные документы содержатся на таких носителях, как серверы, жесткие диски, флеш-карты и др. Они могут быть переданы для обмена по телекоммуникационным каналам связи, а их восприятие человеком возможно через персональный компьютер, мобильное устройство или любое другое электронное устройство.

Электронные документы как доказательства имеют ряд преимуществ перед их бумажными аналогами. Во-первых, минимизированы риски их утраты. Во-вторых, имеется более легкий доступ к такому документу с одновременной «прозрачностью» работы с ними. Последнее особенно важно в ходе процессуального контроля и прокурорского надзора. В-третьих, информация, содержащаяся на электронных носителях, является объективной и не несет на себе субъективного влияния памяти человека. Поэтому в электронном документе максимально фиксируется само преступление, о не воспоминания о нем.

В уголовно-процессуальном законе России пусть недостаточно широко, но все же предусмотрена возможность использования электронных документов. Так, в ч. 2 ст. 474 УПК РФ говорится о возможности выполнения процессуаль-

[1] © Звонарева Ю. И., 2022.

ных документов не только типографским, но электронным или иным способом, а в ст. 474.1 УПК РФ раскрывает порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Однако такая возможность реализуется исключительно в ходе судебного производства.

Что же касается подобных возможностей для досудебного производства, то в ч. 4 ст. 81 УПК РФ указывается, что изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы, включая электронные носители информации, и документы подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты, в ст. 81.1 УПК РФ раскрывается порядок признания предметов и документов, в том числе электронных носителей информации, вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Статья 164.1 УПК РФ раскрывает особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. Кроме того, ч. 7 ст. 185 УПК РФ позволяет следователю по решению суда проводить осмотр и выемку сведений, при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях.

В науке уголовного процесса давно инициируются идеи приведения нашего отечественного уголовно-процессуального права в соответствие с современными достижениями научно-технического прогресса и распространения возможностей телекоммуникационных технологий (например, видеоконференц-связи) не только на судебное, но и досудебное производство. Так, А. Ф. Абдулвалиев обращает внимание на необходимость совершенствования досудебного уголовного судопроизводства в направлении внедрения электронного уголовного дела, для чего в первую очередь необходимо «законодательно урегулировать возможность применения данной технологии» [1, с. 150–164].

Ю. Н. Познанский уверенно рассуждает, что электронное уголовное дело будет являться эффективным инструментом решения проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки [4, с. 41–44].

По мнению О. В. Мичуриной, с нормативным введением дистанционного допроса участников уголовного судопроизводства с использованием систем видеоконференц-связи в судебном разбирательстве, одновременно возникла такая же необходимость и на этапе досудебного производства, которая еще более обострилась ситуацией с пандемией коронавирусной инфекции [4, с. 158–161].

Е. В. Марковичева констатирует сомнения относительно целесообразности ограничения действия электронного документооборота только судебными стадиями уголовного процесса [2, с. 248].

Безусловно, в сравнении с уголовным судопроизводством многих других стран (к примеру, Германии, Италии, Казахстана, Латвии, Саудовской Аравии, США, Украины, Франции), Российская Федерация пока проигрывает их возможностям использования в доказывании электронных доказательств и полноценным введением электронного документооборота. Вместе с тем полноценное использование в доказывании электронных доказательств, а также введение электронного документооборота имеет определенные сложности.

Основным вопросом доказательств, полученных с применением компьютерной и цифровой техники, остается вопрос их достоверности, ведь существует опасность утраты части или искажения доказательств ввиду человеческого фактора. В документы, представленные в электронном виде, не составляет особых затруднений внести корректив любому пользователю при наличии доступа к ним и простых навыков работы с текстовыми редакторами. Изменения эти достаточно трудно обнаружить, это может сделать только опытный эксперт. Негативным качеством электронной информации является отсутствие реальной возможности «опечатать» документ, то есть исключить всякую возможность изменения его первоначального вида и сущности.

С практической стороны, стоит заметить, что для обеспечения сохранности электронных документов, которые в дальнейшем будут доказательствами по уголовным делам, на рабочем месте следователя (дознавателя) должен быть служебный компьютер, сертифицированные средства программного обеспечения, также должны быть приняты правовые и организационные меры.

Документ должен выполнять две основные функции: информационную и удостоверительную. В качестве средств удостоверительной функции на бумажных документах выступают подпись и печать. В соответствии с процессуальными требованиями информация должна быть надлежащим образом удостоверена. Для придания электронному документу юридической силы может быть использована электронная цифровая подпись, являющаяся самым надежным способом идентификации электронного документа.

Вместе с тем то, что безупречно выглядит с точки зрения теории уголовного процесса, не всегда является таковым и на практике. Обозначенное нами нововведение позволяет спрогнозировать некоторую сложность использования электронной цифровой подписи в настоящее время. Обусловлена она совершенно объективными причинами и выражается в том, что не все участники уголовного судопроизводства могут иметь возможность подписания процессуального документа с помощью электронной цифровой подписи. И если следователь, дознаватель, адвокат, специалист или эксперт ее будут иметь, то у свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) и, тем более, понятого она может отсутствовать. Выход тут пока только один: составить протокол следственного или иного другого процессуального действия на бумажном носителе, а затем перевести его в электронный формат.

В практике работы следователя (дознавателя) распространено производство видеофиксации следственных действий вместе с составлением протокола следственного действия на бумажном носителе. А почему бы не составить данный протокол в электронном виде? Необходимость составления данного протокола в электронном виде упростит процесс работы следователю (дознавателю).

Собирание электронных доказательств, как и других видов доказательств, осуществляется путем проведения следственных и иных процессуальных действий. Здесь особо следует выделить обыск, выемку и осмотр. Обнаружение в данном случае возможно путем выявления носителей компьютерной информации: персональный компьютер, телефон, флеш-карта, съемный жесткий диск и т. д. Фиксация осуществляется путем выемки носителя информации с последующим осмотром.

В уголовно-процессуальном законе России отсутствует категорический запрет на составление документов в электронном виде, однако, и правовая регламентация этой возможности также отсутствует. УПК РФ предоставлена возможность изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ). Сложнее дело обстоит с обнаружением информации, например, интернет-сайта или базы данных организации, хранящихся на материальных носителях, находящихся на значительном удалении от места производства предварительного расследования или судебного разбирательства. Интернет-сайт может существовать за пределами Российской Федерации, поэтому изъять и приобщить к материалам дела носитель данной информации довольно сложно. База данных организации зачастую достаточно объемна и защищена от несанкционированного доступа. Поэтому при работе с такими доказательствами, как правило, достаточным бывает их осмотр. По аналогии, сведения из социальных сетей, переписку по электронной почте и из мессенджеров также достаточно осмотреть, чтобы подтвердить или опровергнуть вину тех или иных лиц.

Итак, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что необходимость использования электронных документов в процедуре доказывания по уголовным делам остается актуальной проблемой российского уголовного судопроизводства. Эффективность работы следователя (дознавателя) с электронными доказательствами, их собирание, проверка и оценка напрямую зависят от необходимости законодательного закрепления правил производства следственных и процессуальных действий в дистанционном формате, порядка составления электронных процессуальных документов, в том числе введением электронного уголовного дела, а также жестких требований информационной безопасности и хранения, которые бы одновременно не усложняли, а упрощали уголовный процесс.

Список литературы

1. Абдулвалиев А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 150–164.

2. Марковичева Е. В. Элементы электронного правосудия в российском уголовном процессе: проблемы и перспективы // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сборник материалов Международной научно-практической конференции, 20–21 октября 2016 г. Орел, 2016. С. 246–249.

3. Мичурина О. В. Дистанционный допрос с использованием систем видеоконференцсвязи в процедуре досудебного производства по уголовным делам: реальность и перспективы // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития». М., 2020. С. 225–229.

4. Познанский Ю. Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33). С. 41–44.

Казимирова Е. Д.[1]*,*
юрисконсульт правового отдела УВД по СЗАО ГУ МВД России по г. Москве,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Химичева О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В целях реализации назначения уголовного судопроизводства законодателем в УПК России закреплены принципы, являющиеся основополагающими положениями при построении всех стадий уголовного процесса. В 2010 г. с принятием Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», и введением ст. 6.1 в УПК России в систему принципов был включен принцип разумного срока уголовного судопроизводства.

Вышеуказанный принцип направлен, прежде всего, на необходимость осуществления уголовного судопроизводства в сроки, установленные УПК России, соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Однако реализация данного принципа является одной из проблем правоприменительной деятельности. Косвенно, об этом свидетельствует рост в 2020 г. числа как предъявленных исков о компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок к МВД России (381 иск на сумму 6 млрд 315 тыс. рублей; АППГ – 327 исков на сумму 1 млрд 754 млн рублей), так и удовлетворенных (213; АППГ – 166), а также взысканных по ним сумм (13 млн рублей; АППГ – 11,8 млн рублей) [2]. Иными словами, данные статистики отражают последствия нарушения сроков уголовного судопроизводства, выражающиеся не только в ущербе бюджету казны Российской Федерации, но и прежде всего в нарушении прав участников уголовного процесса.

Среди причин нарушения срока уголовного судопроизводства следует выделить такие причины, как: волокита при расследовании уголовных дел; непринятие своевременных и надлежащих мер, направленных на изобличение лиц, совершивших преступление; неэффективные действия следователя; ненадлежащий контроль за расследованием и др. [1; 2; 3].

Весьма остро стоит вопрос ответственности должностных лиц за нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства. Сотрудники предварительного расследования, по большому счету, не несут ни дисциплинарной, ни гражданско-правовой ответственности за нарушение разумных сроков при расследовании уголовных дел.

---

[1] © Казимирова Е. Д., 2022.

В части дисциплинарной ответственности следует отметить, что в органах внутренних дел хотя и имеется механизм проведения служебных проверок по каждому факту удовлетворения иска о компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок, но такие служебные проверки носят в большинстве случаев формальный характер ввиду давности совершенного нарушения.

Приведем пример из практики. Исходя из материалов уголовного дела, возбужденного в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК России, общий срок расследования на момент подачи истцом искового заявления в суд о присуждении компенсации составил четыре года два месяца. Производство по уголовному делу приостанавливалось более 20 раз. За весь период предварительного расследования по делу был допрошен один потерпевший, 16 свидетелей, произведены две очные ставки, опознание по фотографии. Объем уголовного дела за более чем четыре года расследования составил два тома. Неоднократно органами прокуратуры выносились требования об устранении нарушений законодательства, в том числе волокиты, в производстве предварительного расследования по уголовному делу, которые принесли лишь временные результаты по ускорению расследования преступления.

По факту допущенных нарушений уголовного-процессуального законодательства при производстве расследования уголовного дела, которые повлекли частичное удовлетворение требований о присуждении компенсации за нарушение разумного срока уголовного судопроизводства (в размере 5 тыс. рублей), была проведена служебная проверка в отношении девяти следователей (на момент проведения служебной проверки пять следователей из которых уволились из органов внутренних дел по собственной инициативе; три следователя находятся в отпуске по уходу за ребенком), заместителя начальника Следственного отдела, заместителя начальника Отдела МВД России по району г. Москвы – начальника Следственного отдела.

По результатам проведенной служебной проверки были сделаны следующие выводы:

– в отношении бывших следователей, которые уже уволились со службы в органах внутренних дел, факт нарушений требований действующего законодательства и служебной дисциплины не был установлен, в связи с невозможностью их опросить, и поэтому сделать однозначный вывод о наличии либо отсутствии в действиях указанных сотрудников нарушений в рамках проведения служебной проверки не представилось возможным;

– вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности сотрудников, находящихся в отпуске, будет решен только по выходу последних на службу;

– сотрудникам, находящимся на службе, было вменено нарушение требований ст. 73 УПК России в части неустановления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе предварительного следствия по уголовному делу, неосуществления всех возможных следственных действий в указанный период, что свидетельствует о нарушении разумного срока уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6.1 УПК России, однако никто из данных сотрудников не был привлечен к дисциплинарной ответственности в силу ч. 7 ст. 51 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законода-

тельные акты Российской Федерации» (истечение срока привлечения к дисциплинарной ответственности), с указанием на недопустимость совершения повторных нарушений впредь.

Таким образом, на практике зачастую отсутствует возможность привлечения к дисциплинарной ответственности лиц, действия которых повлекли нарушение разумного срока уголовного судопроизводства.

Что касается гражданско-правовой ответственности сотрудников, то компенсация за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок осуществляется за счет казны Российской Федерации независимо от вины должностных лиц предварительного расследования.

Отметим, что законодателем предусмотрена возможность предъявления регрессных требований к должностным лицам, правовым основанием которого выступает ч. 3.1 ст. 1081 ГК России.

Более того, ч. 6 ст. 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» предусмотрено право органа, который уполномочен выступать от имени Российской Федерации, на предъявление регрессного требования к органу или должностному лицу, по вине которого допущено такое нарушение.

Обратим внимание, что вышеуказанная норма закрепляет именно право органа на предъявление регрессного требования, а не обязанность. Вероятно, именно из-за диспозитивности данной нормы, на практике фактически отсутствует привлечение к гражданско-правовой ответственности должностных лиц, нарушивших разумные сроки уголовного судопроизводства, что подтверждается, в том числе отсутствием судебной практики подачи регрессных исков от имени казны Российской Федерации.

Таким образом, налицо проблема большого количества нарушений разумного срока уголовного судопроизводства, допускаемых сотрудниками органов дознания, предварительного следствия, которая вызвана, прежде всего, отсутствием действенного механизма предупреждения таких нарушений. С учетом того, что к основным причинам таких нарушений относится именно организационная деятельность должностных лиц, вопрос ответственности данных лиц следует оставить открытым и бесспорно требующим детального исследования.

Список литературы

1. Андреев Ю. Н. Компенсация за нарушение разумных сроков судопроизводства // Общество. Закон. Правосудие : научный журнал. 2016. № 1 (30). С. 7–13.

2. Информационно-аналитический обзор «О судебной практике по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов, организаций, подразделений системы МВД России и их должностных лиц и (или) о возмещении вреда, причиненного данными действиями (бездействием), за 2020 г.» // СОДПП ИСОД МВД России.

3. Цыреторов А. И. Проблемы реализации принципа разумного срока в уголовном судопроизводстве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (3). С. 229–235.

Кожемякина О. С.[1],
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Золотухин Н. А.,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

УЧАСТИЕ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ ПРАВ ГРАЖДАН

Россия – многоэтническое и многокультурное государство, с действующими государственными институтами, задачей которых является защита прав и свобод человека и гражданина. Основным источником обеспечения такой защиты является Конституция Российской Федерации, также гарантирующая защиту уголовного судопроизводства: охраняются права потерпевших, а также других лиц – защита от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения. Именно в ходе уголовного судопроизводства чаще всего и наиболее сильно затрагиваются интересы и права личности.

Деятельность переводчика в России была заложена еще в давние времена, в Древней Руси. Он принимал участие в различных переговорах с целью предоставления возможности общаться с представителями других стран и народов. На сегодняшний день деятельность переводчика очень важна, так как на территории России проживает большое количество людей, относящихся к разным национальностям.

Переводчик является важным незаинтересованным лицом в уголовном судопроизводстве. Для того чтобы точно выяснить, что это за лицо обратимся к УПК РФ. Согласно данному закону, переводчик – это лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода (ст. 59 УПК РФ).

Лицо, привлекаемое в качестве незаинтересованного в исходе уголовного дела, должно в свое время соответствовать двум критериям:

1) участие в уголовном судопроизводстве в качестве переводчика;

2) данному лицу необходимо владеть языком, который используется по данному уголовному делу. Наиболее значимым критерием компетентности переводчика является его навык как профессионала в своей деятельности, переводить на разные языки. Имеет значение, чтобы переводчик свободно говорил на языках, на которых выполняется перевод (желательно, если такие навыки подтверждаются документально). Также важно, чтобы переводчик владел специальными терминами в различных областях, не только юриспруденции.

По мнению И. Л. Петрухина, существует несколько требований, предъявляемых к переводчику: грамотность, разговорное общение на различных язы-

[1] © Кожемякина О. С., 2022.

ках, непричастность к уголовному делу, отсутствие судимости, недопустимости совмещать функции переводчика с выполнением других задач расследования уголовных дел [2, с. 417]. По мнению М. Ю. Рагинского, переводчик должен соответствовать двум основным требованиям: с одной стороны, он должен владеть языками, знание которых необходимо во время процедуры, а с другой – не должен быть заинтересован в результатах дела [1].

Объясняя суждения ученых, можно определить наиболее характерные проявления, которыми должно обладать лицо, фигурирующее в уголовном судопроизводстве в качестве переводчика. Во-первых, переводчик должен свободно владеть языками, знание которых необходимо для перевода. Во-вторых, переводчику необходимо нести ответственность за нарушение своих прав и обязанностей, а также адекватно реагировать на все происходящее. В-третьих, переводчик должен иметь специальные навыки для перевода. В-четвертых, переводчик не может быть прямо или косвенно заинтересован в уголовном преследовании. Также важным признаком является отсутствие судимости у переводчика.

Каждый участник уголовного процесса должен знать свои права и обязанности, а также нести ответственность за их нарушение или неисполнение. Данный спектр задач определяет законное положение участника уголовного судопроизводства.

Согласно ч. 3 ст. 59 УПК РФ переводчик вправе:

1) задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства в целях уточнения перевода;

2) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, а также с протоколом судебного заседания и делать замечания по поводу правильности записи перевода, подлежащие занесению в протокол;

3) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

В данной статье зафиксирована возможность переводчика на ознакомление с протоколом следственного действия, в котором участвует переводчик, в нем делается соответствующая запись с указанием полностью фамилии, имени и отчества переводчика, а также учреждения, из которого он приглашен. В нем также отмечается, что переводчику разъяснены его права и обязанности с предупреждением об ответственности за неисполнение этих обязанностей.

При производстве по уголовному делу не допускается выполнение одним лицом функций следователя и переводчика или судьи и переводчика. Даже свободное владение языком лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, не освобождает его от обязанности назначить переводчика в случаях, предусмотренных законом. Невыполнение этой обязанности – существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

Согласно ч. 4 ст. 59 УПК РФ переводчик не вправе:

1) осуществлять заведомо неправильный перевод;

2) разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве пе-

реводчика, если он был об этом заранее предупреждён в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ;

3) уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

Затрагивая юридические обязательства переводчика, отметим, что они тесно связаны с его ответственностью. Так, например, согласно ч. 5 ст. 59 УПК РФ за заведомо неправильный перевод и разглашение данных предварительного расследования переводчик несет ответственность согласно УК РФ. Также можно заметить, что законодатель не указывают на то, что «переводчик обязан», а употребляет более мягкую формулировку «не имеет права».

Невозможно игнорировать значимость перевода в уголовном судопроизводстве: помощь переводчика полностью гарантируется людям, которые недостаточно говорят или не владеют языком процедуры, на их праве использовать свой родной язык. Согласно постановлению Европейского Суда по правам человека от 24 сентября 2002 г. по делу «Кускани (Cuscani) против Соединенного Королевства» (жалоба N 32771/96) отсутствие переводчика на слушании о назначении наказания нарушает подпункт «е» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Получается, что переводчик должен быть профессионалом. Безвозмездная поддержка переводчика позволяет участникам уголовного процесса разъяснить их права (ознакомление с протоколом следственного действия) и обязанности, заявлять ходатайства и отводы. Переводчик, хотя и не заинтересован в этом, но играет важную роль в доказательствах по уголовному делу: он гарантирует соблюдение принципа незамедлительности при сборе и расследовании доказательств. Переводчик служит в качестве посредника между сторонами процесса. Следует подчеркнуть, что первоначальные показания, которые позже были переведены на другой язык, уже станет производным, включает в себя риск утечки или искажения информации, важной для объективного расследования дела.

Основная задача, возложенная на следователя или дознавателя, состоит в том, чтобы найти и привлечь переводчика для участия в деле по данному вопросу. На этом этапе выбор переводчика для следователя (дознавателя) должен быть очень осторожным, учитывая знания человека, которого он намеревается взять в качестве переводчика, убедившись, что у него есть опыт и способность переводить с одного языка на другой. Но, однако, УПК не регулирует этот вопрос: например, не делается акцент на том, какие документы должен предоставить переводчик, чтобы убедиться в его профессионализме, что является пробелом в законодательстве.

В какой степени доказательства по делу будут правильно оценены, определяет правильность перевода участника уголовного судопроизводства. Если следователю (дознавателю) требуется привлечь лицо в качестве переводчика, необходимо знать определенную информацию о нем: место его работы или обучения, проверить документы, которые подтверждают его квалификацию. Он должен обладать высоким общекультурным уровнем, безупречной грамотностью, внимательностью, имеющим коммуникативные способности. Кто же может быть переводчиком? Закон не устанавливает здесь четких требований, поэтому в качестве переводчиков могут быть задействованы все лица, говорящие

на определенном языке: профессора иностранных языков, профессора университетов, носители языка – лица с соответствующим гражданством.

Основным критерием, где точно необходима помощь переводчика, является подготовка к допросу, так как необходимо перевести все необходимое лицу, не владеющему русским языком. Необходимо составить алгоритм своих действий, написав в нем наиболее важные вопросы, которые следует перевести на язык обвиняемого, чтобы дать показания. Для того чтобы предъявить в ходе допроса вещественные доказательства, следует перевести заранее их названия, имеющихся на них обозначений. Никак не нужно забывать, что особого внимания требует фиксация доказательств по делу, которая должна осуществляться с помощью технических средств, при участии переводчика. В случае использования технических средств для записи хода допроса, а также в результате следственного процесса такое использование должно строго соответствовать принципам уголовного судопроизводства и гарантиям прав человека, чтобы их использование не выглядело противозаконным, а приобретенные при этом доказательства-недопустимыми.

Таким образом, можно сделать вывод, что роль переводчика в уголовном процессе очень важна. В страну постоянно прибывают иностранные граждане и лица без гражданства, которые плохо владеют русским языком или вовсе не знают его, поэтому в данном случае необходимо участие переводчика для дальнейшего разбирательства дела. В качестве него по уголовному делу может выступать лицо, не только обладающее безупречной грамотностью, но также имеющее все необходимые знания для перевода слов, предложений, делая упор на различные области.

Список литературы

1. Рагинский М. Ю. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1985. 687 с.

2. Петрухин И. Л. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2010. 894 с.

3. Головинская Е. П. Процессуально-правовые основы деятельности переводчика по обеспечению принципа языка уголовного судопроизводства : дис … канд. юрид. наук : 12.00.09. Воронеж, 2006. 193 с.

Комлева Т. В.[1],
слушатель факультета подготовки специалистов для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кадатенко Е. П.,
преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

На сегодняшний день информационно-коммуникационные технологии уже давно используются в различных сферах жизнедеятельности, а тенденция к отказу от бумажных носителей стала активно распространяться по всему миру. Так, в уголовном судопроизводстве зачастую встречаются всевозможные цифровые устройства (мобильные телефоны, смартфоны, планшеты, накопители на жестких магнитных дисках, флеш-накопители и т. п.), которые содержат важную информацию для органов предварительного расследования и суда. Цифровая реальность, к сожалению, нашла не только законное применение, но и наоборот, стала средой и способом совершения преступлений. Например, из последних «новых видов» преступления антирекорды бьет хищение денежных средств путем дистанционного обмана либо злоупотребления доверием (дистанционное мошенничество), совершенное при помощи цифровых технологий и (или) средств связи. Из этого следует, что электронные носители информации могут содержать в себе следы совершаемых преступлений, а соответственно и сведения, важные для расследования преступлений и привлечения виновных к уголовной ответственности. В связи с этим возникает вопрос о законодательном регулировании такого вида доказательств, как электронные доказательства.

В настоящее время законодатель дает определение доказательств по уголовному делу, под которыми понимает любые сведения, на их основе суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Ключевым моментом является то, что сведения должны иметь отношение к конкретному уголовному делу, иметь значимость для него. Информация, имеющая значения в рамках конкретного уголовного дела, может содержаться в различной форме, для этого также ч. 2 ст. 74 УПК РФ позволяет в качестве доказательств показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы. Отсюда следует, что самого термина «электронные доказательства»

[1] © Комлева Т. В., 2022.

уголовно-процессуальный закон не содержит. Вот почему возникли некоторые вопросы: будут ли электронные документы выступать в качестве доказательств по уголовному делу, а если будут, то к какому из видов доказательств следует их относить: к вещественным или же к иным, а, быть может, следует выделить данный вид доказательств в отдельную категорию?

Рассматривая вопрос касательно вещественных доказательств, И. Б. Михайловская полагает, что они могут быть определены в качестве изменений, которые произошли в объективном мире в результате действий или бездействий, непосредственно или опосредованно связанных с событием, послужившим основанием для возбуждения уголовного дела [7, с. 127], исходя из этого, вещественные доказательства – это только объекты материального мира, что подразумевает их доступность человеческим чувствам и отсутствие духовной составляющей.

Так, например, учитывая сегодняшние реалии, при расследовании краж таких предметов, как мобильный телефон, смарт-часы, планшет и проч., вышеперечисленные предметы относят непосредственно к вещественным доказательствам. Это можно объяснить тем, что противоправные действия направленны непосредственно на них, а электронная составляющая подобных устройств в данном случае значения не имеет.

Однако относительно электронной информации, которая в большинстве случаев выступает как «электронный документ», а равно, когда для расследования уголовного дела имеет значение не только сама электронная информация, но и предмет материального мира – электронный носитель этой информации, возникают возражения об отнесения этих объектов к традиционным видам доказательств [2, с. 78].

В настоящее время вещественные доказательства с учетом свойственной им обусловленной электронной спецификой, которую составляют электронные носители информации, занимают особое место. Сложности возникают в момент, когда слово «электронный» начинают рассматривать с термином «доказательство». В уголовном судопроизводстве это может быть способ (средство) изготовления и хранения информации с последующим переводом ее в традиционный источник (вид) [4, с. 107].

Действительно, одна из сложностей разграничения форм заключается в том, что электронные доказательства содержатся в идеальной форме (подразумевается не материальная форма воплощения) на материальном/физическом носителе. Это могут быть: смартфон, флеш-накопитель, лазерный оптический диск и т. д. Для того, чтобы человек смог воспринять информацию, находящуюся на любом из вышеперечисленных носителей, необходимы периферийные устройства для чтения-отображения, вне которых цифровая информация не может существовать. Отметим, что при использовании накопителя он интересен именно с точки зрения информации, хранящейся на нем. Вместе с тем следует учитывать особенности цифровой информации, которые существенным образом влияют на ее использование в доказывании по уголовному делу.

Следует обратить внимание на то, что один из основных вопросов, вызывающих полемику, связан именно с необходимостью и обоснованностью закрепления в уголовно-процессуальном законе нового вида доказательства – «элек-

тронного доказательства». Однако в литературе и на практике наблюдается терминологическая разобщенность в наименовании понятий «электронное доказательство», «электронное вещественное доказательство», «цифровая информация», «электронный носитель информации» и проч., отсутствует единое мнение относительно выделения такого доказательства в качестве отдельного вида доказательства и закрепления его в уголовно-процессуальном законе. Так, согласно ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления; документированная информация – это зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленном законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель; электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Как справедливо отмечает А. И. Зазулин, при использовании в УПК РФ термина «электронный носитель информации» необоснованно происходит сужение круга предметов, которые являются носителями цифровой информации, а также в отношении которых может быть осуществлено изъятие при участии специалиста и копирование содержащейся на них информацию [3, с. 56].

Отметим, что при расследовании уголовного дела такой аспект как объективность играет основополагающую роль. При этом в большинстве случаев информация, которая содержится на электронных носителях, носит объективный характер (при условии отсутствия доступа к ней третьих лиц, а также любого рода воздействия на нее), и вполне полно отражает обстоятельства совершенного преступления напрямую. В виду того, что электронные доказательства – это не следствие воспроизведения из памяти, и они не несут на себе субъективного влияния человека, при этом нельзя исключать и намеренное искажение информации.

Так, небезынтересна позиция Р. И. Оконенко, который предлагает включить в научный оборот и закрепить законодательно термин «электронное доказательство», обосновывая это тем, что «хранение больших объемов персональных данных в компактном устройстве не позволяет распространить на соответствующие носители информации традиционные процессуальные гарантии, а характеристики цифровых сведений настолько отличаются от свойств объектов реального мира, что существующие юридические процедуры невозможно эффективно использовать для достижения целей правоохранительной деятельности» [5, с. 120].

Так, П. С. Пастухов склоняется к тому, что в выделении в отдельный вид электронные доказательства нет необходимости. При этом следовало бы несколько расширить, уточнить непосредственно сам термин «доказательство» со ссылкой на то, что сведения могут быть в виде электронной информации, которая в свою очередь «вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств – вещественном или ином документе» [6, с. 560].

Тем самым, вопрос, относящийся к внедрению в уголовно-процессуальную деятельность электронных доказательств, а также процедуры их применения

и использования при расследовании уголовного дела недостаточно изучен и нуждается в дальнейшем исследовании.

Необходимо не просто введение понятия «электронные доказательства», важна именно адаптация современного уголовно-процессуального права к современным реалиям, то есть следует рассмотреть вопрос о процессуальном закреплении условий и порядка оценки и отнесения в рамках уголовного дела доказательств в электронном виде. Несомненно, что даже при дополнении положений ст. 74 УПК РФ новым видом доказательств, следует избегать «процессуальных огрех», дабы не допускать неверного отнесения доказательства к тому или ином (например, такой предмет как смартфон может быть отнесен в разряд «вещественные доказательства», то информация на документе, не имеющем материального воплощения, а равно документ в электронной форме (компьютерная программа в виде кода), вероятнее, будет отнесен к «иным документам»).

Также, хотелось бы отметить мнение А. М. Баранова, который считает, что основной источник информации и соответственно доказательной базы всегда является человек, ведь доказательства имеют место быть только в сознании человека, не будет человека, не будет информации, электронные доказательства таковыми характеристиками не обладают, поэтому, по его мнению, не подходят для применения их при расследовании уголовных дел. Из этого следует, что все документы, составляемые в ходе расследования уголовного дела, различные протоколы, заключения и тому подобное, будут не источником информации, а просто его хранителем, как и вся электронная среда – Интернет. А источником, в свою очередь, будет человек, который сохранил у себя данную информацию [1, с. 67]. И тем самым под доказательством предлагает понимать информацию, к которой применимы правовые требования, и которая не зависит от технических способов ее сохранения и передачи. Однако подобная категоричность весьма спорна, поскольку цифровую информацию в процессуальное доказательство возможно преобразовать только посредством производства следственных действий, когда она будет выражена в той форме, которая воспринимается непосредственно человеком.

На этом А. М. Баранов не останавливается, и предлагает разрешить обозначенную выше проблему полным переходом на электронное делопроизводство [1, с. 67]. Несомненно, подобное предложение заслуживает отдельного внимания в виду того, что формирование уголовного дела в электронном виде поспособствует упрощению и, что немало важно, ускорению уголовного судопроизводства.

Подводя итог всему вышесказанному, приходим к выводу о том, что вопрос с «электронными доказательствами» актуален. Их нельзя назвать мифом, но в то же время, в действительности законодательной определенности у них нет. Несомненно, необходима тщательная проработка и детальное изучение данного вопроса. Прежде чем внедрять «электронные доказательства», необходимо изучить и учесть все нюансы, связанные с ними: форма, содержание электронного доказательства; способы, условия, правила их изучения, оценки и дальнейшего приобщения к уголовному делу, что выработать единую систему норм, регулирующих вопросы исследования цифровых устройств для полного, всестороннего и достоверного расследования преступлений.

Список литературы

1. Баранов А. М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI века // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64–69.

2. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК РФ: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 74–87.

3. Зазулин А. И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 54–57.

4. Марфицин П. Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3. С. 106–109.

5. Оконенко Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 120–124.

6. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов : сборник научных статей. 2017. С. 558–566.

7. Уголовно-процессуальное право России. М., 2011. 685 с.

Кулажина А. О.[1],
студент юридического факультета
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Научный руководитель:
Григорьева Н. В.,
доцент Департамента международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ГАРАНТИИ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Правовой основой начала уголовного процесса является защита личности от таких нарушений, как обвинение в незаконной и необоснованной форме, осуждение, ограничение прав и свобод. Данный базис – это назначение уголовного судопроизводства.

Правовые гарантии, которые есть у обвиняемого – это уравновешивающие полномочия государства с законом правила, а также средства и способы, которые обеспечивают соблюдение прав обвиняемого на каждой стадии судопроизводства. Среди них выделяют: права обвиняемого, обязанность должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, разъяснять эти права, участие в доказывании, обжалование и многие другие положения, обеспечивающие реализацию назначения уголовного судопроизводства. Статья 16 УПК РФ закрепляет важнейшую самостоятельную гарантию – право обвиняемого на защиту.

Процессуальные гарантии прав личности тесно связаны с осуществлением правосудия надлежащим образом, но последнее не возвышается над гарантиями прав личности, в частности, обвиняемого, так как тогда будет отсутствовать вероятность конфликта интересов общественных и личности. Примером такого конфликта может служить практика уголовного судопроизводства: попытки обвиняемого избежать наказания. В таком случае он все равно имеет гарантии на соблюдения его процессуальных прав.

Нарушением гарантий прав обвиняемого является причинение ему ущерба, после которого не следует предписанная правовая процедура.

Примером приведенного тезиса может служить дело, которое фигурировало в 2016 г. в Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Его обстоятельства были следующими: гражданину К. инкриминировали убийство жены и дочери. Доказательства указывали на виновность другого лица. Пока не установили лицо, которое совершило преступление, гражданин К. оставался под следствием и обвинение не было снято. Примечательно, что органы прокуратуры семь раз вносили требования устранить нарушения проведения предварительного следствия. Однако даже неоднократные требования прокуратуры были проигнорированы. В итоге, гражданин К. провел в СИЗО 10 месяцев и восемь месяцев под домашним

[1] © Кулажина А. О., 2022.

арестом, прежде чем следователь Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве принял решение о прекращении уголовного преследования [4].

Профессор Н. Н. Полянский высказывался о цели гарантий прав обвиняемого. По его мнению, гарантии направлены на предотвращение осуждения, наказания невиновных, принятия в отношении обвиняемого мер процессуального принуждения в необоснованно излишнем количестве [3, с. 3]. Следовательно, ученый определял гарантии прав обвиняемого как процессуальное средство.

Гарантии прав обвиняемого имеют правовую базу в Конституции Российской Федерации, например, ст.ст. 2, 19, 47–52. Данные нормы конкретизируют положения УПК РФ. В ст. 47 УПК РФ закреплены права, которые обвиняемый может реализовать лично или через своего защитника. Речь идет о праве давать объяснения, предоставлять доказательства, заявлять ходатайства и выдвигать доводы. Наиболее обширные правомочия обвиняемого присутствуют во время судебного разбирательства.

Гарантия права обвиняемого на защиту также базируется на международном праве, что подтверждает ст. 7 Всеобщей декларации прав человека, где закреплено, что все люди имеют право на равную защиту. Другой международный документ, выступающий гарантом возможности получения квалифицированной бесплатной юридической помощи обвиняемым - Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Реализация этого права нашла отражение и в определении Конституционного Суда от 15 ноября 2007 г. № 928-О, где в качестве защитника определен только адвокат. Иначе выбор любого лица для защиты обвиняемого может привести к нарушению гарантии квалифицированной юридической помощи.

По мнению автора, право на защиту подвергается ограничению, о чем писала профессор Л. М. Карнеева, когда не происходит своевременной проверки алиби, так как его труднее проверить, если оно дано поздно [2, с. 18].

Таким образом, право иметь защитника является гарантией, которая обеспечивает реализацию этого права на практике, так как обвиняемого уведомляют о таком праве и разъясняют, что защитник может быть предоставлен на безвозмездной основе согласно закону.

При привлечении в качестве обвиняемого УПК РФ гарантирует лицу такие права, как право на защиту, знание существа обвинения, получение копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого или копии обвинительного акта (обвинительного постановления). Закон обеспечивает соблюдение данных прав, например, обязывая следователя предъявлять лицу обвинение не позднее трех суток со дня вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого в присутствии защитника, если последний участвует в уголовном деле согласно ч. 1 ст. 172 УПК РФ; закрепив необходимость разъяснять сущность обвинения, которое предъявляется обвиняемому, и его права согласно ч. 5 ст. 172 УПК РФ; обязывая вручать копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого лицу и его защитнику согласно ч. 8 ст. 172 УПК РФ либо копию обвинительного акта (обвинительного постановления) согласно п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ.

Защита прав обвиняемых в уголовном процессе тесно связана с обеспечением права на доступ к правосудию в разумные сроки. Проблема неоправданных за-

держек, затягивания следствия либо судебного разбирательства всегда была и остается острой проблемой в уголовном процессе, особенно когда обвиняемый содержится под стражей. На ее решение также направлены требования процедурной эффективности и экономии. Процессуалисты часто называют начало процессуальной экономии главным общим началом судопроизводства. Он утверждал, что судебное разбирательство должно быть быстрым, простым и недорогим.

С развитием информационных технологий и их интеграцией в уголовное судопроизводство проблема обеспечения права граждан на доступ к правосудию в разумные сроки остается неизменной. Это актуально для возможного внедрения электронной формы формирования уголовного дела. Примечательно, что в таком случае, с одной стороны, прогнозируемая мобильность и информативность процесса будут способствовать соблюдению прав и законных интересов обвиняемого. С другой стороны, возможно ущемление прав и законных интересов тех обвиняемых, которые не обладают надлежащими способностями и возможностями в области использования компьютерных технологий.

Автор считает, что всецелый переход уголовного производства с бумажных уголовных дел на электронные в будущем неизбежен. Однако как в процессе перехода, так и в будущем обвиняемый должен иметь возможность выбора оптимального способа контакта с сотрудником правоохранительных органов. Его мнение по этому вопросу должно быть максимально учтено, так как в ходе уголовного производства решается судьба обвиняемого. Для надлежащего обеспечения права на защиту и доступ к правосудию обвиняемому по закону должно быть предоставлено право выбирать формат уголовного дела, с которым ему предпочтительнее работать: знакомиться с документами, получать копии, подавать жалобы традиционным способом (на бумаге) или посредством электронного документооборота.

Следует уделить внимание вопросу о наличии оснований для привлечения в качестве обвиняемого. Профессор Л. М. Карнеева поясняла, что следователь не может предъявить обвинение, если не установлены события преступления и виновность обвиняемого [1, с. 7]. Трудно не согласиться с этим тезисом, так как в таком случае основания привлечения к уголовной ответственности будут отсутствовать. Профессор также приводила пример, когда уголовное дело возбуждалось по факту, который содержал только указания на признаки состава поступления. Соответственно наличие либо отсутствие основания привлечения к уголовной ответственности выяснялось уже в процессе расследования.

На правоохранительные органы возложена обязанность привлекать к уголовной ответственности каждого, кто совершил преступление. Однако законодатель указывает, что невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности или осужден.

Рассмотрим пример кейса о прекращении уголовного дела. Так, нормы уголовно-процессуального права были нарушены, а также событие преступления отсутствовало. Гражданка С. обратилась в защиту прав мужа к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой. В отношении мужа 7 октября 2017 г. было вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

В обвинительном заключении указывалось, что муж гражданки С. приобрел вещество, которое содержало наркотические средство. Данное вещество было получено с преступным умыслом при неустановленных обстоятельствах. Место, время приобретения вещества не было установлено следствием. Данное вещество было приобретено незаконным способом с целью сбыта.

Прокуратурой г. Москвы была проведена проверка, так как сторона защиты утверждала, что были существенно нарушены нормы уголовно-процессуального права во время хода следствия. Результаты проверки были следующими: доводы защиты были обоснованными, факт нарушения процессуального законодательства действительно присутствовал. Согласно п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ в отношении сотрудников полиции, которые проводили задержание мужа гражданки С., было возбуждено уголовное дело.

За мужем гражданки С. было признано право на реабилитацию, так как уголовное дело в его отношении было прекращено. Порядок возмещения вреда, который связан с уголовным преследованием, был разъяснен гражданину С. [4].

Гарантией права неприкосновенности лица являются положения УПК РФ о недопустимости задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, без оснований и условий, которые указаны в ст. 91 УПК РФ и заключение под стражу без регламентированных в ст. 97 УПК РФ оснований и обстоятельств, которые учитываются при избрании меры пресечения на основании ст. 99 УПК РФ. Гарантии прав человека в доктрине и на практике соотносятся с правами и интересами остальных субъектов уголовного процесса.

Своевременность доведения до лица сущности, выдвигаемого в отношении его обвинения – важнейшая гарантия права на отстаивание своей позиции как на предварительном расследовании, так и в суде. Однако привлечение в качестве обвиняемого по окончании дознания ограничивает возможности лица реализовать права обвиняемого в досудебном производстве. Например, только в ходе судебного производства реализуется право возражать против обвинения, право давать показания по предъявленному обвинению.

В заключение автор приходит к выводу, который подтверждают слова профессора Л. М. Карнеевой, что главную роль в исполнении гарантий прав обвиняемого играет факт выполнения требований УПК РФ следователем. Только в таком случае производство расследования будет осуществлено согласно требованию объективности, полноты и всесторонности.

Список литературы

1. Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого : методическое пособие. М. : Госюриздат, 1962. 93 с.

2. Карнеева Л. М., Статкус В. Ф. Предъявление обвинения. М., 1973. 56 с.

3. Полянский Н. Н. Свобода процессуальных гарантий личной свободы во Франции. М.-Л., 1946. 99 с.

4. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: http://ombudsmanrf.org/news/done/view/upolnomochennyj_pomogla_dokazat_nevinovnost_obvinjaemogo (дата обращения: 13.11.2021).

Кулакова А. А.[1]*,*
преподаватель цикла
Центра профессиональной подготовки имени В.А. Тинькова
ГУ МВД России по Московской области,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Победкин А. В.*,*
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

СРОКИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ТРЕБУЮТ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Возбуждение уголовного дела как стадия имеет достаточно длительную историю. Ее истоки – в итогах судебной реформы 1864 г. После принятия Устава уголовного судопроизводства отдельные действия полиции по установлению факте преступления до передачи уголовного дела судебному следователю можно расценить как некие проверочные мероприятия аналогичные современной проверке сообщения о преступлении. При этом в случае поступления сообщения от очевидцев или потерпевших (ст.ст. 298, 303 Устава) судебный следователь начинал производство предварительного следствия незамедлительно.

Вместе с тем следует согласиться со специалистами, которые утверждают, что ссылка на ст. 303 Устава как на аргумент безусловного «начатия следствия» после поступления сообщения о преступлении не в полной мере корректны. Так, С. Ф. Шумилин, Е. А. Новикова верно пишут, что жалоба, о которой шла речь в ст. 303 Устава, была не единственным поводом к возбуждению уголовного дела. Таковым считались также объявления и жалобы частных лиц; сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц; явка с повинной. Уставом в той или иной форме предусматривалась проверка всех этих сообщений о преступлениях, хотя и в меньшем объеме, и с задействованием меньших средств в сравнении с современным уголовным судопроизводством [1, с. 11].

В сравнении с Уставом 1864 г. в УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. рассматриваемой стадии были посвящены отдельные главы. Несмотря на это, в УПК РСФСР 1922 г. указана только деятельность, предшествующая процессу возбуждения уголовного дела, а именно: обнаружение признаков преступления, проверка на наличие поводов к возбуждению уголовного дела и только.

Следующей вехой в развитии и становлении этапа возбуждения уголовного дела как стадии уголовного судопроизводства можно определить моментом введения в действие УПК РСФСР 1960 г. Поскольку именно в данном нормативно-правовом акте были подробно определены поводы и основания для воз-

[1] © Кулакова А. А., 2022.

буждения уголовного дела, порядок рассмотрения сообщений о преступлениях, а также действия и полномочия должностных лиц и государственных органов.

В УПК РФ по сей день прослеживаются зачатки законодательной инициативы по приданию стадии возбуждения уголовного дела более усовершенствованного вида. Следует признать, эти попытки не всегда удачны и в науке уголовного процесса сложились два диаметрально противоположных подхода к дальнейшей возможности существования стадии возбуждения уголовного дела. Первый – это изменение стадии возбуждения уголовного дела, ее совершенствование [2, с. 197], а второй – ликвидация этой стадии [3, с. 18–21].

По мнению ряда ученых [3, с. 18; 4, с. 16], исключение самой процедуры принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела лишит возможности сотрудников правоохранительных органов принимать решения о вынесении незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, которые по своей сути являются нарушением прав лиц (конституционных), потерпевших от преступлений, на доступ к правосудию и восстановлении нарушенных прав путем компенсации ущерба. Несомненно, что незаконные манипуляции с процессуальными нормами, регламентирующими проверку сообщения о преступлении и отказ в возбуждении уголовного дела, несут исключительно отрицательный заряд и грубо нарушают права человека, прежде всего, пострадавшего от преступления. Невозможно не признать, что на первоначальном этапе расследования допускаются нарушения закона и ошибки, что не всегда говорит о несовершенстве регулирующих его правовых норм. Зачастую это зона ответственности правоприменителя [5, с. 145]. В то же время искоренение возбуждения уголовного дела как стадии чревато проблемами иного рода – массовое необоснованное ограничение прав человека в ходе расследования и снижение самой его эффективности [6, с. 56]. Заслуживает внимание мнение о том, что стадия возбуждения уголовного дела, при правильном подходе, может позволить сократить сроки расследования, поскольку данная стадия включает в себя также этап проверки сообщения о преступлении [7, с. 64].

Задача законодателя максимально ограничить возможность использования процессуальных норм по усмотрению правоприменителя вопреки смыслу, заложенному в законе.

Ряд основных проблем правоприменения на стадии возбуждения уголовного дела сопряжены с недостатками регламентации процессуальных сроков, что играет на руку недобросовестным должностным лицам, осуществляющим деятельность на первой стадии уголовного судопроизводства.

В отличие от предварительного расследования этап рассмотрения сообщения о преступлении предусматривает установление только наличия или отсутствия признаков преступления и оснований для отказа в возбуждении уголовного дела. Решение этой задачи предполагает краткие сроки, очевидно, несопоставимые со сроками предварительного следствия и дознания [8, с. 23].

Увы, сегодня законодатель позволяет проводить проверки сообщения о преступления в сроки, формально достигающие половины первоначального срока следствия и полного срока дознания (на практике сроки стадии возбуждения

уголовного дела зачастую в разы превышают установленные законом сроки предварительного следствия и дознания).

Проблема соблюдения процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве и в частности в стадии возбуждения уголовного дела приобрела наибольшую актуальность в связи с введением в УПК РФ ст. 6.1, определившей новый принцип в уголовном процессе – «Разумный срок уголовного судопроизводства», отдельные положения которого прямо распространяются на стадию возбуждения уголовного дела.

Однако эффективная реализация данного принципа определяется не только самим его наличием, но и процессуальными условиями, в которых действует должностное лицо, осуществляющее производство, качеством законодательной техники, оптимальностью поставленных задач и определенных для этого процессуальных сроков. В части последних к законодателю могут быть предъявлены определенные претензии.

В ч. 1 ст. 144 УПК РФ законодатель обязывает принять решение по сообщению о преступлении в срок не позднее «трех суток со дня» поступления сообщения о преступлении. Однако начало течения данного трехсуточного срока не определено, а формулировка «день» вообще не предусмотрена УПК РФ в качестве вида процессуального срока или момента его исчисления. Отсюда наблюдаем и различия в исчислении сроков правоприменителями, которые дезориентированы относительно необходимости включать в процессуальный срок полные сутки, в течение которых поступило сообщение.

Ориентируясь на положения УПК РСФСР, в которых отмечалось, что при исчислении сроков сутками не принимаются во внимание те сутки, которым начинается течение срока (ст. 103), было бы разумным изложить положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ в следующей редакции: «… не позднее трех суток, следующих за сутками поступления сообщения ...», при этом предусмотрев возможность проводить различные процессуальные действия и в день поступления сообщения. В ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ предусмотрена возможность продления трехсуточного срока рассмотрения поступившего сообщения о преступлении до 10 суток руководителем следственного органа, начальником органа дознания по мотивированному ходатайству следователя, дознавателя; а при необходимости проведения документальных проверок, ревизий, исследования документов, предметов, трупов руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток. Но такая возможность продления до 10-ти и 30-ти суток потому и имеет под собой основания, что означает возможность таких продлений не по каждому сообщению о преступлении, что, к сожалению, в настоящее время приобретает характер обыкновения [8, с. 24]. В ч. 3 ст. 144 УПК РФ, устанавливающей возможность продления до десяти и до тридцати суток срока, установленного в ч. 1 этой статьи, вновь не указан момент начала исчисления срока. Целесообразно изложить соответствующие фрагменты ч. 3 ст. 144 УПК РФ в следующих редакциях: «вправе продлить срок, установленный частью первой настоящей статьи до 10 суток, следующих за днем поступления сообщения о преступле-

нии» и далее «вправе продлить этот срок до 30 суток, следующих за днем поступления сообщения о преступлении».

В правоприменительной практике зачастую наблюдается отсутствие реальной возможности принятия решения по сообщениям о преступлениях в трехсуточный срок. Объективными причинами увеличения сроков проверки связано с тем, что сотрудникам правоохранительных органов необходимо получить ответы на запросы, объяснения от лиц, обладающими важными сведениями, но в момент, когда необходимо получить данные объяснения, отсутствующих по месту жительства (болезнь, командировка и т. д.), дождаться получения результатов исследования специалиста, ревизии (сроки проведения которых законом не определены) и т. д. Если же доследственная проверка проведена в пределах предусмотренного законом трехсуточного срока, но без учета необходимых обстоятельств, поверхностно, не дожидаясь заключений, то решение, принимаемое должностным лицом, может быть незаконным и необоснованным.

Установленный ч. 3 ст. 144 УПК РФ тридцатисуточный срок доследственной проверки, как верно подмечено И. В. Стуконогом, является пресекательным, то есть по его окончании должно быть принято одно из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК РФ, и это решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным [9, с. 186]. Какое-либо иное, промежуточное решение, законодателем не предусмотрено, как и не предусмотрен дополнительный срок проверки, превышающий 30 суток. Таким образом, в УПК РФ целесообразно четко сформулировать, при каких обстоятельствах принимается решение о возбуждении уголовного дела при истечении срока проверки сообщения о преступлении: наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления или невозможность установить таковые в сроки и способами, предусмотренными ст. 144 УПК РФ.

Никак нельзя согласиться с мнением, что проверка сообщения о преступлении может проводиться в «разумные сроки» [10, с. 31], не представляющие собой конкретных сроков.

Важно заметить, что законодатель крайне небрежен в использовании терминологии, связанной со сроками на стадии возбуждения уголовного дела, что допускает вариативное поведение правоприменителя.

Это и формулировка о принятии решения по сообщению о преступлении *не позднее трех суток со дня* поступления данного сообщения, и продление данного срока до 10 и 30 суток, и направление копии постановления о возбуждении уголовного дела прокурору *незамедлительно* и последующая отмена данного постановления прокурором *не позднее 24 часов с момента* получения материалов, при этом прокурор *незамедлительно* направляет должностному лицу, возбудившему уголовное дело постановление об отмене.

В каждом случае проблема начала исчисления срока очевидна. Например, срок принятия решения «незамедлительно» – вообще один из самых не конкретных, каким бы парадоксальным данный вывод не казался. Учитывая неопределенность и других моментов, с которыми законодатель связывает срок «незамедлительно», установить четкое окончание срока крайне затруднительно. Так, ч. 6 ст. 148 УПК РФ предусматривает в случае признания отказа в возбуж-

дении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее пяти суток *с момента* получения материалов проверки сообщения о преступлении отменяет данное постановление, выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке и вместе с указанными материалами *незамедлительно* направляет руководителю следственного органа. Предлагаем изложить данную часть ст. 148 УПК РФ в следующей редакции (с учетом возможности ее использования в аналогичных ситуациях: «Признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее пяти суток, следующих за сутками получения материалов проверки сообщения о преступлении, отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами в течение 24 часов после вынесения постановления направляет руководителю следственного органа».

Список литературы

1. Новикова Е. А., Шумилин С. Ф. Правовое регулирование возбуждения уголовных дел в Российском законодательстве: вопросы истории // Наука. Теория. Практика. 2016. № 4. С. 10–14.

2. Лавров В. П., Победкин А. В. Проверка сообщения о преступлении: условия конституционности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 194–198.

3. Гаврилов Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 17–20.

4. Гирько С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 14–16.

5. Химичева О. В., Шаров Д. В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один – отрежь // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 82–86.

6. Егорова Е. В. О некоторых коллизиях правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 55–64.

7. Петрухин И. Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2003. № 8. С. 64–70.

8. Химичева Г. П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 23–26.

9. Стуконог И. В. Соблюдение разумных сроков на стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 183–187.

10. Грачев С. А., Частнов К. С. О разумных сроках предварительной проверки сообщения об экономическом преступлении // Следователь. 2008. № 4. С. 30–32.

Левашова П. Д.[1],
слушатель Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кокорева Л. В.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ДОПРАШИВАЕМЫХ ЛИЦ

Высшей ценностью в правовом демократическом государстве является человек, а именно его права и свободы. Поэтому в настоящее время уголовно-процессуальная политика России направлена на повышение правовой защищенности личности участников уголовного судопроизводства при расследовании уголовных дел [1, с. 441–443]. В целях реализации данного направления законодатель закрепил в отдельных статьях УПК РФ общие правила производства следственных действий.

Как известно, проведение следственных действий имеет своей основной целью получение доказательственной информации, которая способствует установлению истины по уголовному делу. Для того чтобы полученные сведения обрели процессуальную форму и соответствовали принципу, закрепленному в ст. 7 УПК РФ, законодатель установил не только общие требования к производству следственных действий, но и регламентировал проведение каждого из них постатейно. Несмотря на то, что производству допроса дополнительно посвящена отдельная гл. 26 в УПК РФ, существуют особенности обеспечения правового статуса допрашиваемого.

В юридической литературе отмечается, что при подготовке к допросу, лицу, ведущему производство по уголовному делу, рекомендуется составлять подробный план проведения следственного действия [2, с. 282–288]. Традиционно в плане отражается дата, время, место, цель, вопросы, а также иные обстоятельства в зависимости от складывающейся следственной ситуации. Причем учет личности допрашиваемого лица и планирование коммуникативной ситуации способствуют эффективности допроса.

В соответствии с ч. 1 ст. 187 УПК РФ, следователь вправе провести допрос в месте нахождения допрашиваемого, если признает это необходимым. Такая ситуация может возникнуть, например, при допросе несовершеннолетнего лица, из тактических соображений проводимого в дошкольном учреждении или по месту жительства; в случае нахождения допрашиваемого лица в медицинском учреждении; подозреваемого, содержащегося под стражей – в следствен-

[1] © Левашова П. Д., 2022.

ном изоляторе; а также при наличии необходимости сокрытия факта участия лица в производстве по уголовному делу [3, с. 28–33].

Необходимость в этом может возникнуть в ситуации, когда имеются достаточные данные полагать, что участнику уголовного судопроизводства угрожают опасными противоправными деяниями. В таком случае еще одним способом обеспечить безопасность лица при проведении допроса будет невнесение следователем данных о личности в протокол следственного действия в соответствии с принципом, закрепленным в ст. 11 УПК РФ.

По мнению Г. И. Загорского, в отдельных случаях не маловажным является учет национальных и религиозные традиции допрашиваемого [4]. К примеру, в течение определенного срока после смерти родственника мусульманам непозволительно посещать «казенный дом», что означает необходимость производства следственного действия по месту жительства свидетеля или потерпевшего, исповедующих исламскую религию.

Однако проведение допроса не по месту производства предварительного следствия вносит существенные коррективы в распорядок дня следователя, что влечет не только перенос иных запланированных процессуальных действий на более поздний срок, но и увеличение сроков расследования, вопреки принципу разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Для проведения допроса вне места расследования следователь имеет возможность направить соответствующее поручение органу дознания, указав вопросы, на которые необходимо получить ответ допрашиваемого. Обращаясь к зарубежному опыту, отметим, что законодательство Германии, Италии, Финляндии, Швеции, Эстонии, Молдовы допускает допрос при помощи современных средств связи (в том числе по телефону, как это предусмотрено ст. 2 УПК Финляндской Республики) [5, с. 114], что также экономит рабочее время следователя, однако имеет свои тактические особенности.

В силу того, что УПК РФ не содержит приемы и методы, которые необходимо использовать при получении показаний, следователь творчески подходит к выстраиванию психологического контакта с допрашиваемым.

Интерес для правоприменительной практики представляет УПК ФРГ, в котором указаны иные недопустимые методы допроса [6, с. 111]. Одним из них является истязание, которое может выражаться в таких действиях следователя как применение яркого слепящего света или громкого направленного шума.

Следующий недопустимый метод допроса – использование переутомления лица, например, при повторных допросах подозреваемого в ночное время вне случаев, не терпящих отлагательства. В целях исключения непроизвольного искажения показаний вследствие усталости УПК РФ определил не только общую и непрерывную продолжительность допроса в день, но и предъявил временные рамки производства следственного действия для несовершеннолетних и лиц, имеющих определенные медицинские рекомендации.

Также к недопустимым методам в УПК ФРГ относится использование различных сильнодействующих препаратов и веществ вне зависимости от того, кем они были введены допрашиваемому. При этом показания лица, находящегося в состоянии опьянения, учитываются в случае, если допрашиваемый отда-

ет отчет своим действиям. Отметим, что в УПК РСФСР содержалась специальная статья, запрещающая допрашивать лицо, которое не способно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания [7]. В действующем УПК РФ (ст. 75) прямого указания на это обстоятельство нет, что, формально, означает допустимость показаний, данных в состоянии опьянения.

Обратим внимание на судебную практику. Так, судам рекомендовалось «рассматривать вопрос о допустимости доказательств в каждом конкретном случае, решая признать допустимыми показания данные в состоянии опьянения или нет» [8].

Еще одним недопустимым методом допроса в УПК ФРГ является использование обмана и гипноза. К обману относится введение лица в заблуждение относительно известных следствию фактов, например сообщение подозреваемому о наличии показаний соучастников, изобличающих допрашиваемого. В отечественном уголовном судопроизводстве этот прием связан с таким методом ведения допроса, как создание у допрашиваемого иллюзии осведомленности следователя о событии преступления, который прямо не запрещен УПК РФ. Также в теории ОРД имеет место опрос с использованием репродукционного гипноза [9, с. 39], благодаря которому опрашиваемый воспроизводит сведения об обстоятельствах преступления, на которые, как ему кажется, он не обратил внимание и потому не помнит. Опрос с участием специалиста-гипнолога способствует реминисценции опрашиваемого и снижает риск конфабуляции. Из вышесказанного следует, что УПКРФ и УПК ФРГ в части регламентации обеспечения прав допрашиваемого лица имеют как сходства, так и различия.

Подводя итог, отметим, что обеспечение прав допрашиваемых лиц в УПК РФ в части тактики допроса и внедрения инноваций в деятельность следователя в настоящее время нуждается в дополнительной регламентации на основе положительного опыта иностранных государств. В то же время анализ зарубежного уголовного процесса в части допроса позволяет утверждать, что в отдельных случаях УПК РФ более детализирован.

Список литературы

1. Левашова, П. Д., Кокорева Л. В. Некоторые вопросы регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : X ежегодная Всероссийская конференция, 26 ноября 2020 г. : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021.

2. Кокорева Л. В. Особенности тактики допроса подозреваемых в совершении карманных краж в условиях конфликтных ситуаций // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства : материалы межвузовской научно-практической конференции: В 2-х ч. М. : Академия управления МВД России, 2008. Ч. 2. С. 282–288.

3. Дирдина Д. Е., Кокорев Р. А. Тактические особенности производства допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) // Уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних и ювенальная юстиция: проблемы

и перспективы развития (правовые, социальные и психолого-педагогические аспекты) : сборник статей научно-представительских мероприятий. Рязань : ИП Коняхин А.В. (BookJet), 2021.

4. Загорский Г. И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. URL: https://litgid.com/read/kommentariy_k_ugolovno_ protses sualnomu_kodeksu_rossiyskoy_federatsii/page-27.php (дата обращения: 13.09.2021).

5. Безлепкин Б. Т. Комментарий к УПК РФ (постатейный). М. : Проспект, 2019. 656 с.

6. Байбиков Р. Р. Недопустимые методы допроса: регламентация по уголовно-процессуальному законодательству России и зарубежных стран // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 109–115.

7. Показания в состоянии опьянения. URL: http://москвабюро.рф/2709-pokazaniya-opyaneniya.html (дата обращения: 13.09.2021).

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2009 г. № 1234-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аксенова Евгения Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 4 Федерального закона «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). М. : Деловой двор, 2009.

Лисова А. П.[1],
адъюнкт факультета научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сумин А. А.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ И «ТЕСТ ОУКСА»

В уголовном процессе России и зарубежных государств в последние 15 лет активно дискутируется проблема так называемого распределения между стороной обвинения и стороной защиты бремени доказывания отдельных обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения уголовного дела [1, с. 245–249; 2, с. 40–48]. Как правило, юридической основой для такого распределения служат правовые нормы уголовного или иного специализированного закона, содержащие ту или иную правовую презумпцию, опровержение которой возлагается на обвиняемого (сторону защиты).

Несмотря на это, большинство зарубежных исследователей обоснованно оценивают распределение бремени доказывания как не соответствующее презумпции невиновности и одному из общепризнанных последствий этой презумпции – праву обвиняемого не давать никаких показаний (право на молчание), международный судебный орган – Европейский Суд по правам человека, национальные судебные органы зарубежных государств считают допустимым такое распределение при соблюдении основных гарантий справедливого правосудия. В связи с изложенным, объективно возникает вопрос необходимости существования гарантий, при которых вызываемое той или иной правовой презумпцией материального права ограничение презумпции невиновности уравновешивалось бы целью этого ограничения.

В данном аспекте представляет интерес решение Верховного Суда Канады от 28 февраля 1986 г. № 17550 по делу R. v. Oakes [4]. Некий Д. Э. Оукс был осужден по действовавшему в то время Закону о контроле над наркотиками (*Narcotic Control Act*) за хранение наркотиков с целью сбыта. Вывод судов первой и апелляционной инстанций был основан на количестве изъятого наркотического средства и наличии денег, объяснение легального происхождения которых не подтвердилось. Д. Э. Оукс и его защита в жалобе в Верховный Суд Канады указали, что формулировка указанного закона содержала правовую презумпцию, состоявшую в том, что при обнаружении у субъекта наркотических средств, на хранение которых требуется специальное (медицинское) разрешение, или неиспользуемых в медицинской практике, влечет уголовную ответственность за хранение наркотиков с целью их сбыта, если субъект доказательно не опро-

[1] © Лисова А. П., 2022.

вергнет эту цель. Таким образом, по утверждению защиты, названный закон возложил на обвиняемого обязанность доказывания своей невиновности.

Не углубляясь в подробный анализ решений судов всех инстанций по данному делу, отметим, что по результатам его рассмотрения высший судебный орган сформулировал двойственную позицию. Высказав мнение о неконституционности любой правовой презумпции, возлагающей на обвиняемого бремя доказывания невиновности, суд в то же самое время указал: «что в исключительных случаях права личности, в том числе право не доказывать свою невиновность, могут быть ограничены … и предусмотренные Канадской Хартией[1] [3] права не являются абсолютными и их необходимо ограничивать для достижения коллективных целей фундаментальной важности». Таким образом, суд допустил принципиальную возможность существования правовых презумпций, перекладывающих в определенных случаях бремя доказывания отдельных существенных обстоятельств, имеющих существенное значение для уголовного дела.

В связи с этим выводом Верховный Суд Канады выработал критерии допустимости такого перераспределения, которые стали известны как «тест Оукса» («*Oakes Test*»). Эти критерии состоят в следующем.

Во-первых, ограничение установленных и защищаемых Хартией прав и свобод «должно быть мотивировано целью, связанной с проблемами, которые являются насущными и существенными в демократическом обществе». Данный критерий адресован, прежде всего, законодателю, так как именно он формулирует и устанавливает правовые презумпции, обусловливающие, в частности, перераспределение бремени доказывания и, следовательно, ограничение презумпции невиновности. Сам Верховный Суд Канады прямо не конкретизировал этот критерий, но сделал это косвенно, процитировав в своем решении мнение судьи апелляционного суда штата Онтарио Дж. А. Мартина (*Martin J. A.*), докладывавшем материалы апелляционной жалобы Д. Оукса и его защиты, приведенное в решении суда апелляционной инстанции: «Пороговый вопрос при определении легитимности того или иного положения об обратном бремени заключается в том, является ли это положение оправданным в том смысле, что для Парламента разумно возложить бремя доказывания на обвиняемого в связи с составной частью рассматриваемого правонарушения. При определении порогового значения вопроса следует учитывать ряд факторов, включая такие факторы, как: (a) величина зла, которое необходимо подавить, которое может быть измерено тяжестью вреда, причиненного преступлением, или частота совершения правонарушения или по обоим критериям; (b) сложность доказательства обвинением предполагаемого факта и (c) относительная легкость, с которой обвиняемый может доказать или опровергнуть предполагаемый факт» [4].

---

[1] Конституционный закон Канады (The Constitution Act, 1982) состоит из нескольких частей, первая из которых согласно разделу 34 носит название Канадской хартии прав и свобод (*Canadian Charter of Rights and Freedoms*) и в научных публикациях чаще встречается ссылка на раздел 11 не Конституционного закона Канады, а на Канадскую хартию прав и свобод.

Второй элемент «теста Оукса» представляет собой так называемую «проверку на соразмерность» («*proportionality test*»). В ее рамках сторона обвинения должна убедить суд в трех обстоятельствах:

1) принимаемые ограничительные меры (в том числе перемещение на сторону защиты бремени доказывания отдельных элементов преступления предназначены именно для обеспечения интересов общества, которые в конкретной ситуации в силу важных негативных последствий преступления, подлежат защите в большей степени, чем право личности (то есть когда в силу особых обстоятельств уголовно-процессуальный баланс интересов личности и общества смещается в пользу последнего, но при условии обеспечения остальных элементов справедливого правосудия для личности);

2) в рассматриваемом деле меры, ограничивающие конкретное право субъекта, разумно связаны (*rationally connected*) с указанной в предыдущем пункте целью и при этом в минимально возможной степени ограничивают права субъекта;

3) существует соразмерность между последствиями мер, ограничение прав или свобод, закрепленных в Хартии, и целью, которая была определена как «достаточно важная» («*sufficient importance*»).

Только в случае, если сторона обвинения сумела убедить суд в одновременном наличии этих трех обстоятельств, последний вправе принять решение о возложении на сторону защиты тех обстоятельств дела, которые обусловлены опровержимой правовой презумпцией, при этом доказывание осуществляется в соответствии со стандартом «баланса вероятностей».

По мнению автора статьи, канадский подход к выработке юридических гарантий использования опровержимых правовых презумпций материального права как основания распределения между сторонами бремени доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела, должен быть изучен более глубоко для определения целесообразности и возможности его учета в работе по совершенствованию отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы

1. Калиновский К. Б. Бремя доказывания в уголовном процессе: взаимосвязь стандарта доказывания с презумпциями и правовое взаимодействие участников правоотношений // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: Материалы VII Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 1–2 декабря 2006 г. : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 245–249.

2. Калиновский К. Б. Распределение бремени доказывания в уголовном процессе: всегда ли в пользу обвиняемого? // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 г. М. : Актион-Медиа, 2012. С. 40–48.

3. The Constitution Act, 1982 // R.S.C., 1985.

4. R. v. Oakes (1983), 145 D.LR. (3d) 123.

Лукьянова Е. А.[1]*,*
адъюнкт кафедры уголовного процесса и криминалистики
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказания

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

На сегодняшний день законодатель относит стадию исполнения приговора к завершающей стадии уголовного судопроизводства. Начало этой деятельности определяется обращением приговора к исполнению судом. Для решения задач на стадии исполнения приговора в уголовно-процессуальных отношениях участвуют лица, обладающие специальными познаниями. Несмотря на многолетние функционирование института специальных познаний в уголовном процессе и не только, определение термина «специальные познания» не содержится ни в одном источнике, тем самым затрудняется реализация данного института в уголовном производстве.

Правовую основу применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве составляют совокупность действующих законов и подзаконных нормативных актов, а также судебная практика по вопросам регулирования применения специальных познаний.

Авторы и ученые обращают внимание на проблемы использования специальных знаний в стадии исполнения приговора, многие вопросы остаются открытыми, что отражается на правовом регулировании участия лиц, обладающими специальными познаниями.

Специальные познания могут использоваться в качестве экспертизы и заключений (показаний) специалиста. Суд вправе назначить судебно-медицинскую или судебно-психиатрическую экспертизы при разрешении вопросов, рассматриваемых на стадии исполнения приговора связанных с условно-досрочном освобождением (далее – УДО) осужденного, с назначением принудительных мер медицинского характера (а также их продлением, изменением или прекращением), при освобождении осужденного по болезни, о применении к осужденному более мягкого вида наказания (например, перевод в колонию поселение) или после отбытия наказания назначения принудительного лечения. Заключение врачебной комиссии должно подтверждать тяжкое физическое или психическое заболевание у осужденного, которое препятствует дальнейшему отбытию наказания.

В соответствии с УПК РФ суд приглашает по собственной инициативе или по ходатайству сторон специалиста для разъяснений эксперту, суду и сторонам вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, а также в вопросах, возникающих в связи с трудностями оценки заключения судебной экспертизы. Специалисты приглашаются судом при исполнении приговора в вопросах, относящихся к освобождению осужденного по болезни, к назначению УДО и других вопросах.

---

[1] © Лукьянова Е. А., 2022.

В качестве сведущих свидетелей в суде могут выступать лечащие врачи осужденных, когда речь идет об изменении вида исправительного учреждения лицам, проходящим лечение и признанным страдающими педофилией. Лечащий врач обследует осужденного, знает его индивидуальные черты и поэтому его нельзя привлекать в качестве специалиста. Также к сведущим свидетелям следует отнести психологов, которые выявляют у осужденных наличие психических отклонений и прогнозируют правонарушающее поведение осужденных.

Ряд вопросов, рассматриваемых на стадии исполнения приговора, связан с условиями отбывания наказаний осужденными без лишения свободы, но при определенных обстоятельствах наказание может быть ужесточено по решению суда. Для объективного рассмотрения дела суду, в ряде случаев, требуются сведения об особенностях поведения осужденных в учреждениях и органах, исполняющих наказания. Именно администрация указанных учреждений и органов в наибольшей степени осведомлена о характере и направленности поведения лиц из числа спецконтингента. Данные учреждения и органы являются государственными, то есть именно государство уполномочило администрацию таких учреждений и органов обеспечивать реализацию комплекса мер по исполнению осужденными наложенных на них наказаний, оказанию воздействия на лиц, из числа спецконтингента, для коррекции и исправления их поведения. В ходе реализации указанных функций у администрации исправительных учреждений (далее – ИУ) накапливается значительное количество документации (предусмотренной уголовно-исполнительным законодательством, а также ведомственными актами ФСИН России), отражающими динамику поведения осужденных, а также их отношение к различным видам деятельности (труд, учеба, выполнение иных видов деятельности), состояние их физического и психического здоровья. Более того, в условиях ограничения прав передвижения (лишения свободы), обусловленных видом наложенного на них наказания, наиболее близкое окружение осужденных составляют, как правило, сотрудники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС РФ), (начальник отряда, мастер цеха, сотрудник отдела безопасности, оперуполномоченный и другие). Изо дня в день наблюдая за осужденным, они способны дать ему детальную характеристику и определить соответствие его поведения или отдельных действий осужденных процессу исправления.

Именно поэтому сотрудников учреждений и органов УИС РФ при рассмотрении вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора, суд должен рассматривать в качестве определенных специалистов и всесторонне учитывать не только справки и другие документы, предоставленные в суд администрацией ИУ, но и в ряде случаев предоставлять право представителям администрации ИУ выступать в ходе рассмотрения в суде конкретных вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора.

Следует отметить, что в уголовно-процессуальных нормах регулирование процедуры привлечения специалиста (эксперта) на стадии исполнения приговора не закреплено. Данное обстоятельство порождает неоднозначную судебную практику, приводит к нарушению прав осужденных и лиц, страдающих психическими расстройствами, предоставляет суду широкие возможности для

субъективного усмотрения. Данное обстоятельство не способствует укреплению законности, не защищает права и интересы участников уголовного процесса, не исключает возможности освобождения от уголовного наказания лиц, которые в полной мере не реализовали цели наказания (поведение осужденных не в полной мере соответствует наполнению процесса исполнения).

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не в полной мере закреплен процессуальный порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, а также процессуальные полномочия лиц, обладающих специальными познаниями, вовлекаемых в судебное разбирательство, не закреплен уголовно-процессуальный статус учреждений и органов, исполняющих наказания. Правового закрепления требуют нормы, предусматривающие возможность участия в судебном заседании эксперта, специалиста, переводчика. Необходимо совершенствование уголовно-процессуального законодательства в вопросах применения специальных познаний на стадии исполнения приговора.

Миргородская Э. Р.[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

ПРЕДМЕТ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ

Установление предмета доказывания является неотъемлемой частью в осуществлении познавательной деятельности субъектов уголовного судопроизводства. В юридической литературе сложились разные точки зрения на определение понятия «предмет» доказывания.

Так, например, Ю. П. Боруленков в своей статье приводит определение предмета доказывания, данное Л. М. Карнеевой, с которым трудно не согласиться. Под предметом доказывания автором понимается «границы исследования обстоятельств дела по горизонтали», а пределы доказывания, отмечает автор, можно определить как «границы по вертикали» [2, с. 40].

А. Р. Белкин определяет предмет доказывания как «круг обстоятельств, которые необходимо доказать по уголовному делу» [1, с. 49].

Законодатель в ст. 73 УПК РФ определяет предмет доказывания как «обстоятельства, подлежащие доказыванию».

Таким образом, обобщая вышеизложенные точки зрения на предмет доказывания, следует заключить, что он представляет собой те обстоятельства, которые нужно установить, чтобы разрешить правовой конфликт. Следует отметить, что если общий предмет доказывания определен в ст. 73 УПК РФ по уголовным делам, то предмет доказывания при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ законом не определен. Это приводит к тому, что суды, рассматривая жалобы, по-разному устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию в жалобе, восполняя таким образом судебной практикой правовой пробел. Невозможность установления единого предмета доказывания при рассмотрении жалоб приводит к тому, что суды по-разному рассматривают жалобы по одному и тому же предмету обжалования. Здесь следует разграничить предмет обжалования и предмет судебного доказывания при рассмотрении жалоб. Под предметом обжалования понимается конкретное решение, действие или бездействие должностного лица, на которое подана жалоба, а предметом судебного доказывания является, как уже было выше сказано, «обстоятельства, подлежащие доказыванию при разрешении правового конфликта». Обратимся к рассмотрению примеров судебной практики, свидетельствующих о разнообразной практике судов при определении предмета доказывания.

Так, судья Чебаркульского городского суда от 23 мая 2019 г., рассмотрев жалобу заявителя, признал постановление об отказе следователя в удовлетворении ходатайства о производстве следственного действия – осмотра места происшествия незаконным и необоснованным. Суд мотивировал свое решение ч. 2 ст. 159 УПК РФ, согласно которой следователь обязан рассмотреть каждое заявленное по уголовному делу ходатайство в порядке, и при этом не может

[1] © Миргородская Э. Р., 2022.

быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела. Следователь, вынеся отказ в удовлетворении заявленного ходатайства, допустил нарушение конституционных прав и свобод заявителя, ограничил право на доступ к правосудию – следует в мотивировочной части судебного постановления [3].

В другом случае заявитель подал жалобу также на постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайстве о производстве такого следственного действия, как экспертиза. Суд отказал в принятии жалобы к рассмотрению на основании того, что доводы заявителя «выходят за пределы рассмотрения жалобы» [4]. Хотя представляется, что с данным решением трудно согласиться. Во-первых, по результатам судебного заседания суд вправе вынести только два решения: о признании действия (бездействия) или решения должностного лица незаконным и необоснованным и о его обязанности устранить допущенные нарушения либо постановление об оставлении жалобы без удовлетворения. В данном случае суд, рассмотрев в порядке ст. 125 УПК РФ материалы жалобы, вынес не предусмотренное указанной нормой права постановление об отказе в принятии к рассмотрению жалобы. Во-вторых, судом не были проверены обстоятельства, подлежащие установлению при рассмотрении жалобы. Так, согласно ч. 3 ст. 125 УПК РФ в судебном заседании необходимо было проверить законность и обоснованность вынесенного следователем решения. Развивая мысль законодателя, под законностью следует понимать соблюдение нормы права, регламентирующей порядок принятия оспариваемого решения. То есть в каждом конкретном случае необходимо установить, во-первых, норму права, определяющую то, как должно поступить должностное лицо при принятии решения, и, во-вторых, соотнести, было ли соблюдена норма права следователем при вынесении решения. Если не соблюдалось, то такое решение следует признать незаконным и необоснованным. Практика также выработала такое обстоятельство, подлежащее доказыванию, как установление факта нарушения конституционных прав и свобод граждан либо факта затруднения доступа заявителя к правосудию, что кажется совершенно справедливым.

Рассмотрев примеры судебной практики, следует заключить, что при подаче жалобы по одному и тому же предмету – отказу следователя в удовлетворении ходатайства о производстве следственного действия – в первом случае суд рассмотрел жалобу на отказ следователя в удовлетворении ходатайства, определив предмет доказывания, а в другом таком случае суд в судебном заседании по рассмотрению материалов жалобы отказал в принятии жалобы к рассмотрению, не установив обстоятельства, подлежащие доказыванию. Между тем, если бы в законе был определен предмет доказывания, кроме таких критерий как «законность и обоснованность», то есть те обстоятельства, которые необходимо установить каждый раз при рассмотрении жалобы, то практика судов, как представляется, складывалась бы непротиворечивым образом.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, следует сделать вывод о том, что роль суда при рассмотрении жалобы заключается в установлении, прежде всего, обстоятельств, подлежащих доказыванию. Предмет доказывания должен

быть определен в каждом конкретном случае при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ. Дальнейшая регламентация обстоятельств, подлежащих доказыванию, требует нормативно-правового регулирования законодателем, чтобы обеспечить единообразие судебной практики.

Список литературы

1. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : Норма, 2005. 527 с.

2. Боруленков Ю. П. Понятие пределы доказывания должно соответствовать концепции состязательного судопроизводства // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 39–41.

3. Постановление Чебаркульского городского суда Челябинской области по делу № 3/10-10/2019 от 23 мая 2019 г. //Архив Чебаркульского городского суда.

4. Постановление Чебаркульского городского суда Челябинской области по делу № 3/10-11/2020 от 8 июня 2020 г. //Архив Чебаркульского городского суда.

Низаметдинов Р. А.[1],
слушатель института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Развитие науки и техники, обеспечение правопорядка и безопасности, исполнение государственных функций и предоставление государственных услуг невозможно сейчас без применения информационно-телекоммуникационных технологий (IT-технологий). В условиях распространения коронавирусной инфекции и введения различных ограничений, направленных на сохранение жизни и здоровья человека и гражданина, IT-технологии приобрели наибольшую актуальность, в том числе в сфере предварительного расследования по уголовным делам. Вместе с тем любое развитие научно-технического прогресса имеет и обратную сторону, в обществе совершаются новые виды правонарушений, где такие технологии служат способом их совершения и позволяют преступникам незаконно получать не только информацию конфиденциального характера, но и материальные средства.

Согласно официальной статистике МВД России преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий, в 2020 г. увеличились на 73,4 %, из них 91,3 % совершены через Интернет и 88,3 % – через мобильную связь, а за восемь месяцев 2021 г. зарегистрировано почти 320 тыс. киберпреступлений, что на 16 % больше, чем в аналогичном периоде прошлого года, почти 180 тыс. из них тяжких и особо тяжких [5].

Данные преступления ушли в так называемый «виртуальный мир», то есть в большей части преступники используют фишинг и спам-программы, различные файлообменники, «цифровую конспирацию» – шифрование данных с использованием специальных программ для сокрытия IP-адресов выход в сеть Интернет, что максимально осложняет сбор и оценку доказательств. В создавшейся криминогенной обстановке от следователей (дознавателей) и сотрудников оперативных подразделений полиции требуется не только выполнение их традиционных процессуальных функций. Им необходимо разрабатывать и внедрять в правоприменительную практику новейшие криминалистические методы расследования, создавать информационно-аналитические базы данных о совершенных IT-преступлениях, а также вырабатывать административные процедуры по взаимо-

[1] © Низаметдинов Р. А., 2022.

действию оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел с государственными органами правоохранительной направленности, учреждениями финансово-кредитной сферы, а также организациями вне зависимости от формы собственности, занимающимися вопросами информационной безопасности.

Учеными в области уголовно-процессуального права активно ведутся научные дискуссии об использовании цифровых технологий на различных стадиях уголовного процесса, в том числе на этапе предварительного расследования. Правоприменительная практика внедрения электронного документооборота и использования внутриведомственных электронных сервисов показала положительные результаты, определив в дальнейшем вектор совершенствования правовой материи уголовно-процессуального права.

Основополагающей составляющей процесса доказывания является оценка доказательств, которая впоследствии ложится в основу итоговых решений на всех стадиях уголовного процесса. Оценка доказательств осуществляется на протяжении всего процесса доказывания в отношении каждого из представленных доказательств, так и во всей совокупности, а также непосредственно связана с их собиранием и проверкой. По мнению Л. М. Карнеевой, непременными условиями правильного и объективного результата доказывания и достижения истины субъектом доказывания, являются быстрота, оперативность и высокий профессионализм, при строгом соблюдении принципа полноты, всесторонности и объективности в расследовании уголовного дела [3, с. 9].

Следуя современным реалиям времени, наибольший интерес среди ученых и правоприменителей вызывает перспектива использования технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. В российском законодательстве понятие искусственного интеллекта конкретизируется в Концепции государственной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Искусственный интеллект там определяется как «совокупность технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без предписанных алгоритмов) и способных при выполнении определенных задач получать результаты, как минимум эквивалентные результатам интеллектуальной деятельности человека».

Следует согласиться с мнением В. В. Момотова, что особый интерес в этом аспекте представляет «принцип контроля пользователя», согласно которому судьи могут не соглашаться с решениями, предложенными искусственным интеллектом, и выносить собственные суждения по делу, а тяжущиеся стороны должны получить возможность обращаться непосредственно в суд без использования искусственного интеллекта и право оспаривать решения, принятые с помощью искусственного интеллекта [2].

По нашему мнению, традиционная оценка доказательств по внутреннему убеждению не лишена недостатков, поскольку напрямую связана с субъективным моментом. Будущее за искусственным интеллектом при принятии объективных решений по уголовному делу. Искусственный интеллект, который можно было бы использовать при оценке доказательств в уголовном судопро-

изводстве, должен превосходить внутреннее убеждение судьи, следователя и дознавателя. Но об этом пока говорить рано.

Мы полностью солидарны с позицией О. В. Мичуриной: искусственный интеллект не смог пока проявить себя достойной альтернативой внутреннему убеждению [4, с. 68]. Это обусловлено тем, что программы для него пишутся людьми, проходя через их сознание. Вместе с тем нам хотелось бы надеяться, что однажды будет создан такой алгоритм, который полностью устранит субъективный момент и в системах искусственного интеллекта.

Стоит заметить, что среди ученых есть более оптимистично настроенные по этому вопросу. Так, С. В. Власова считает, что в будущем роботы успешно заменят следователей. Вместо традиционных следователей и детективов для расследования могут быть использованы программисты, эксперты по информационной безопасности (антихакеры) и даже роботы (компьютеры) [1, с. 9–18].

С нашей точки зрения, такая замена может привести к негативным последствиям, так как особенность раскрытия и расследования такого рода преступлений заключается в том, что зачастую эти преступления совершаются организованными преступными группами с четко определенными ролями каждого соучастника (организаторы, колл-центры, «технический персонал», лица обеспечивающие безопасность группы), а, следовательно, всестороннее и полное раскрытие данных таких противоправных деяний невозможно без проведения оперативно-разыскных мероприятий. В рассматриваемом прогнозе «робот-следователь» может только указать, например, каким образом было совершено хищение денежных средств, по каким банковским счетам проходила их транзакция и где они находятся или были сняты.

Согласно ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Под искусственным интеллектом понимается процесс создания компьютерных программ и машин (роботов), которые способны воспринимать информацию, сохранять ее, видоизменять и анализировать, при этом обладают функциями рассуждения, обучения и решения поставленных задач. Возникает вполне закономерный вопрос: каким образом осуществлять оценку доказательств, полученную и проанализированную с помощью сложных компьютерных технологий, если в нее уже заложены результаты, то есть имеется заранее установленная сила? Можем предположить, что при оценке доказательств следователь, дознаватель, прокурор, судья становятся зависимыми от техники, которая на основе нейросетей принимает непредсказуемые решения. Таким образом, нам видится тут определенная опасность.

Возникает и проблема юридической ответственности разработчика искусственного интеллекта в случае возникновения программных или иных ошибок, которые будут носить негативные последствия для принятие законного, обоснованного и справедливого решения.

Уголовно-процессуальный закон требует от судей, присяжных заседателей, прокуроров, следователей руководствоваться своим внутренним убеждением при оценке доказательств, которые в силу своей правовой природы не могут быть технически закреплены программными алгоритмами.

Таким образом, в настоящее время использование информационно-телекоммуникационных технологий в оценке доказательств на стадии предварительного расследования может носить исключительно вспомогательный характер, так как такие технологии способны оценивать доказательства лишь по принципу формальной логики, а в уголовных делах в большей части присутствует элемент иррациональности, что на сегодняшний момент технически не реализуемо. При этом перспективы использования в будущем информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, для нас тоже очевидны. Заменить полностью следователя (дознавателя) они вряд ли смогут, а для того, чтобы сократить процессуальные сроки предварительного расследования, выполнить аналитические и другие действия, которые не могут быть выполнены следователем (дознавателем), добиться значительного сокращения временных, трудовых и финансово-экономических затрат на выполнение определенных следственных действий, информационно-телекоммуникационных технологий будут вполне востребованы.

Список литературы

1. Власова С. В. К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.

2. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на пленарном заседании по теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации», г. Катар Режим доступа: URL: http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostiei/36912 (дата обращения: 07.11.2021).

3. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе: учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1988. 652 с.

4. Мичурина О. В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 65–68.

5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года и январь–сентябрь 2021 года. Официальный сайт МВД России. URL: https:// www.МВД.РФ (дата обращения: 07.11.2021).

Полякова А. В.[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина в процессе осуществления уголовного судопроизводства является одной из характерных черт правового государства. В ст. 2 Конституции Российской Федерации закреплено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Тем самым, в Российской Федерации Конституция выступает основным нормативным правовым актом, который в своих положениях указывает на важность и обязанность должностных лиц соблюдать основные права и свободы человека и гражданина. В отраслевых нормативных правовых актах, в том числе и в УПК РФ, конкретизируются применительно к отрасли права все нормативные правовые нормы, которые касаются соблюдения основных прав участников процесса.

Немаловажным аспектом выступает тот факт, что не только национальное законодательство регулирует особенности реализации прав лиц, участвующих в процессе осуществления уголовного судопроизводства. Международное законодательство в своих официальных документах закрепляет важность соблюдения основных прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Основными международными нормативными правовыми актами, регламентирующие права и свободы человека и гражданина выступают: Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.); Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) и др.

Уголовное судопроизводство, в свою очередь, является достаточно сложным отраслью право, затрагивающей основные права и свободы человека и гражданина при осуществлении должностными лицами предварительного расследования, а также при рассмотрении судом уголовных дел, по существу.

Говоря о процессуальных гарантиях, следует отметить, что это определенные уголовно-процессуальным законом средства, посредством которых участники уголовного судопроизводства могут реализовывать свои основные права в уголовном процессе.

Гарантом соблюдения основных прав участников процесса выступают принципы, которые закреплены в УПК РФ. Принцип – это основополагающее или руководящие правовые нормы, которые определяют сам характер уголовного процесса, а также обеспечивают эффективную защиту прав личности, интересов государства и общества от преступных посягательств.

---

[1] © Полякова А. В., 2022.

Среди уголовно-процессуальных принципов, который вызывает наибольшее число споров в научном сообществе, выступает принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ).

В его диспозиции отражено, что уголовное судопроизводство в России осуществляется на основе состязательности сторон; функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо; суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав; стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Реализация в должной мере рассматриваемого принципа при расследовании уголовных дел способствует соблюдению основных прав участников уголовного судопроизводства.

Основными противоборствующими сторонами процесса выступают следователь и защитник подозреваемого (обвиняемого). В УПК РФ закреплены их основные права и обязанности, при реализации которых формируется доказательственная база, выясняются обстоятельства совершенного преступления, тем самым формируется уголовное дело для его последующего рассмотрения в судебном разбирательстве, по существу.

Реализация принципа состязательности сторон в досудебном производстве как гарантия соблюдения прав участников уголовного судопроизводства обозначает важный момент, что именно отделение друг от друга основных уголовно-процессуальных функций способствует соблюдению прав и свобод человека.

Однако же в то же время в этом и заключается главная проблема реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве. Так, следователь в силу УПК РФ выполняет как функцию обвинения, так и функцию защиты, что не совсем учитывает положения ст. 15 УПК РФ. В судебном разбирательстве принцип состязательности сторон действует более верно и каждая сторона действительно выполняет свой определенный набор функций и полномочий. Именно поэтому для того, чтобы принцип состязательности сторон в досудебном производстве выступал гарантией обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина, необходимо освободить следователя от выполнения функции защиты, а защитнику позволить предоставлять доказательства и приобщать их к материалам уголовного дела независимо от мнения и решения следователя.

Права личности в уголовном процессе нуждаются в их надлежащем обеспечении и именно принцип состязательности сторон во многом этому способствует.

Во-первых, при надлежащей реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве учитывается мнение не только следователя, так как он в силу своего должностного положения является лицом, направляющим ход расследования и принимающим решение о приобщении к материалам уголовного дела тех или иных доказательств, но и мнение стороны защиты, которая также выступает активным участником расследования уголовного дела.

Во-вторых, принцип состязательности сторон позволяет в случае нарушения основных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, в порядке ст. 125 УПК РФ заявить жалобу на действие (бездействие) должностных лиц –

участников уголовного судопроизводства, тем самым, учитывается мнение не только государственных органов, но и других участников процесса.

В-третьих, принцип состязательности сторон в досудебном производстве формирует ответственное отношение следователя к правам личности, которая попала в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Следует отметить, что закрепление в УПК РФ определенных правил осуществления предварительного расследования, продления его сроков, избрания подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения, производство следственных действий также выступает своего рода гарантией соблюдения основных прав и свобод человека и, соответственно, способствует реализации принципа состязательности сторон.

Также следует обратить внимание на тот факт, что в настоящее время мировое сообщество идет по пути активного внедрения цифровых технологий во все сферы общественной жизни, в том числе и в сферу уголовного судопроизводства.

С учетом современных реалий, а именно в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и введением карантинных ограничений, многие организации переходят на дистанционный формат работы.

Что касается уголовного судопроизводства, то здесь на стадии судебного разбирательства, цифровые технологии не являются новшеством и применяются достаточно давно. В данном случае в качестве примера можно определить ст. 474.1 УПК РФ «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», которая регламентирует порядок подачи ходатайств, заявлений и жалоб в электронном формате, а также федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», закрепляющий право допроса свидетеля и потерпевшего судом с использованием видеоконференц-связи (ч. 4 ст. 240 УПК РФ) и также в УПК РФ была введена ст. 278.1 УПК РФ «Особенности допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи».

Все это, безусловно, благоприятно влияет на реализацию принципа состязательности сторон, а также на соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина. В досудебной же стадии цифровые технологии дистанционного формата расследования применяются не так активно, в связи с тем, что отсутствует правовой механизм реализации указанных действий, а также слабая техническая оснащенность не только структурных подразделений, но и самих участников уголовного процесса. В связи с этим достаточно сложно, в период пандемических ограничений, допрашивать участников уголовного судопроизводства при помощи видеоконференц-связи [1, с. 77].

В данном случае возникает закономерный вопрос должного обеспечения основных прав и свобод человека в состязательном процессе с внедрением цифровых технологий. Принцип состязательности сторон в досудебном производстве обеспечивает гарантию указанных прав, однако, действующее законодательство не в полной мере отвечает современным требованиям цифровизации общества. В УПК РФ не закреплен механизм применения цифровых технологий в процессе осуществления предварительного расследования, а также не определено, в каких конкретно случаях может быть произведен дистанционный

формат допроса, произведено то или иное следственное действие, подана жалоба или ходатайство и т. д. Таким образом, не совсем понятно, как должен соблюдаться принцип состязательности сторон, а отсюда и основные права участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, необходимо сделать следующий вывод: закрепление в Конституции Российской Федерации принципа состязательности, а также его конкретизация в УПК РФ способствует обеспечению и реализации основных прав и свобод человека, и гражданина. На досудебных стадиях уголовного процесса реализация рассматриваемого принципа является гарантией не только соблюдения прав и свобод лиц, которые подверглись уголовному преследованию, но и обеспечивает грамотное, своевременное и всесторонне-объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела.

Реализация принципа состязательности сторон в досудебном производстве в настоящее время имеет ряд проблемных вопросов, которые мешают в полной мере обеспечивать соблюдение прав участников уголовного судопроизводства. В основном это связано с тем, в постоянно меняющихся условиях жизнедеятельности общества, где особую актуальность также приобретают и цифровые технологии, законодатель не корректирует УПК РФ с учетом современных реалий. Также, сам вопрос реализации принципа состязательности в досудебном производстве остается открытым. Следователь по-прежнему выполняет главенствующую роль по отношению к ведению расследования уголовных дел, сторона защиты, в свою очередь, не реализует свои основные права, которые касаются, в том числе, и приобщения доказательств защиты к материалам уголовного дела. Отсюда следует, что гарантировать полное соблюдение прав участников уголовного судопроизводства достаточно сложно.

Список литературы

1. Гурдин С. В. К вопросу обеспечения прав личности в уголовном процессе при производстве следственных действий // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 1–7.

Рыбакова В. Д.[1],
курсант факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Поликарпова О. С.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЯДА НОРМ УПК РОССИИ И УПК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, ВЛИЯЮЩИХ НА ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ

Важной составляющей уголовного судопроизводства является процедура доказывания подлинности выявленных фактов и обстоятельств совершенного преступления. Установление истинных данных и их относимость к расследуемому преступлению значительно влияет на формирование мнения участников уголовного судопроизводства и в особенности судьи, что и выступает следствием вынесения справедливого итогового решения по уголовному делу. Но только однозначное и полное представление участников уголовного судопроизводства о таком процессе как доказывание и о сущностном понятии доказательств может развеять сомнения в правильности суждений в отношении названного процесса и исследуемых доказательств.

Установление доказательств по уголовному делу обязательно во всех странах. Российская Федерация и Республика Казахстан в этом плане не являются исключениями. В каждом из указанных государств существует свой УПК, имеющий некоторые недочеты и пробелы, требующие разрешения.

УПК Республики Казахстан в ч. 1 ст. 111 закрепляет понятие доказательств, которое трактуется следующим образом: «Доказательствами по уголовному делу являются законно полученные фактические данные, на основе которых в определенном УПК Республики Казахстан порядке орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, суд устанавливают наличие или отсутствие деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Республики Казахстан, совершение или несовершение этого деяния подозреваемым, обвиняемым или подсудимым, его виновность либо невиновность, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела».

В УПК РФ дается иное толкование вышеприведенного понятия. Так, под доказательствами, согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ, понимаются «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

---

[1] © Рыбакова В. Д., 2022.

Детально разбирая указанные понятия, отметим, что УПК РК включает в понятие доказательств фразу «...правильное разрешение дела». Данное словосочетание не отражает всю сущность вышеизложенного понятия и требует дополнительного разъяснения, однако, в нормах УПК Республики Казахстан не раскрывается термин «правильное», что позволяет задуматься о ненадобности его применения в рамках анализируемого определения доказательств. В свою очередь, в соответствующей норме УПК РФ наиболее точно подобраны термины, позволяющие конкретнее рассмотреть понятие «доказательства» и минимизировать неточность в его толковании.

Также следует обратить внимание на ч. 2 ст. 111 УПК Республики Казахстан, согласно которой к фактическим данным, имеющим значение для правильного разрешения уголовного дела, относятся в том числе показания свидетеля, имеющего право на защиту, введенного в состав участников уголовного судопроизводства в июне 2021 г. путем дополнения УПК Республики Казахстан ст. 65-1, регламентирующей понятие «свидетеля, имеющего право на защиту», изложенное следующим образом: «В случае если на лицо указано в заявлении и сообщении об уголовном правонарушении как на лицо, его совершившее, либо против него дает показания свидетель, участвующий в уголовном процессе, но к данному лицу не применено процессуальное задержание либо не вынесено постановление о признании его подозреваемым, то оно приобретает статус свидетеля, имеющего право на защиту». У практикующих юристов, теоретиков-специалистов уголовно-процессуального права, появление указанного лица в нормах УПК РК вызвало массу вопросов, связанных с его двойственным положением в процессе [1].

В УПК РФ такой участник уголовного судопроизводства тоже предусмотрен, но, что следует из положений ст. 56.1, именуется он как: «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве». Проводя подробный анализ прав и обязанностей нового участника судопроизводства, можно сделать вывод о том, что законодателями подразумевается одно и тоже лицо [2]. Но, исходя из буквального толкования вышеуказанных норм анализируемых УПК РФ и УПК Республики Казахстан, подход к данному понятию наиболее прост и понятен в Республике Казахстан. Напрашивается вывод о том, что уголовно-процессуальный закон, являясь главным систематизированным законодательным актом, регламентирующим содержание и порядок судопроизводства по уголовным делам, требует наиболее незамысловатых, понятных и естественных фраз, которые смог бы понять абсолютно любой человек. Именно поэтому целесообразно модернизировать УПК РФ в части упрощения некоторых понятий. Но, в рамках проведенного исследования, ограничимся одним – таким, как: «лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве». Упрощение названного понятия будет способствовать простоте восприятия доказательства по уголовному делу, в качестве которого будут выступать показания такого «особенного» свидетеля.

В свою очередь, собирание доказательств является начальным моментом процесса доказывания. Содержанием данного этапа доказывания являются дей-

ствия, направленные на поиск, обнаружение, истребование, получение и закрепление следов, объектов и информации, имеющих доказательственное значение, которые совершаются субъектами доказывания в пределах своих полномочий [3]. Именно поэтому, нельзя не обратить внимание на то, что в защитник в соответствии с ч. 3 ст. 122 УПК РК имеет право собирать доказательства наибольшим количеством способов, чем закреплено таковых в ч. 3 ст. 86 УПК РФ. В частности, соответствующая и иные нормы УПК РФ не регламентируют действия защитника по инициированию производства судебной экспертизы на договорной основе, а также привлечения на таких же условиях специалиста, как это следует из положений УПК РК. Изложенное, как нам представляется, следует рассмотреть в качестве предложений по совершенствованию института доказывания в УПК РФ.

Отметим и положительные стороны УПК РФ. Так, в ст. 73 УПК РФ закрепляется перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, к которым отнесены такие юридически значимые фактические обстоятельства, которые необходимо установить должностным лицам, имеющим на это полномочия, для разрешения уголовного дела либо принятия решений по отдельно возникающим правовым вопросам. Данный перечень логичен и понятно изложен в указанной норме УПК РФ, чего нельзя сказать об одноименной статье, закрепляющей в УПК Республики Казахстан подлежащие установлению обстоятельства. В частности, к одному из обстоятельств, подлежащих доказыванию, законодатель относит «последствия совершенного уголовного правонарушения», закрепленные в п. 6 ст. 113 УПК Республики Казахстан. Термин «последствия» в дальнейшем никак не разъясняется в нормах УПК Республики Казахстан, ввиду чего складывается юридически значимая проблема понимания полноты данного понятия. В толковом словаре С. И. Ожегова [4, с. 604] последствием называют следствие чего-нибудь. Но такое следствие может возникнуть как в материальном (имущественные и физические), так и в нематериальном плане (моральные, политические, нравственные, организационные). Каждая группа последствий по-разному влияет на то или иное совершенное преступное деяние. Именно поэтому, наиболее правильным будет закрепление в УПК Республики Казахстан синонимичного понятия, которое бы конкретизировало идею законодателя.

Кроме того, в Разделе 3 УПК Республики Казахстан и Главе 10 УПК РФ, помимо обстоятельств, подлежащих доказыванию, рассматриваются также, те доказательства, которые могут быть признаны недопустимыми, ввиду чего не могут быть положены в основу обвинения и использоваться в процессе доказывания. Существует разница между содержанием норм анализируемых Законов, закрепляющих основания признания доказательств недопустимыми. В п. 7 ч. 1 ст. 112 УПК Республики Казахстан закреплены такие подлежащие признанию в качестве недопустимых доказательства, как: полученные «с применением в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям». В соответствующей норме УПК РФ (ст. 74) не предусматривается такой вид недопустимых доказательств и возникает вопрос о целесообразности закрепления и существования его в УПК Республики Казахстан, ввиду сложности определения сущности и конкретности названного в п. 7 ч. 1 ст. 112 УПК Республики Казахстан способа получения доказательства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что УПК Республики Казахстан и УПК РФ далеко не совершены, насчитывают ряд пробелов и неточностей в примененных законодателем формулировках, некоторые из которых сложны для однозначного толкования, что вынуждает рассматривать ряд закрепленных положений на примере уголовного судопроизводства других стран, анализируя целесообразность применения тех или иных терминов в процессе доказывания, и выбирать способы совершенствования норм УПК путем переосмысления ряда теоретических положений и их модернизации.

Список литературы

1. Ахпанов А. Н., Хан А. Л. О процессуальном статусе свидетеля, имеющего право на защиту: теоретические и прикладные аспекты. URL: https://www.zakon.kz/4750061-o-processualnom-statuse-svidetelja.html.

2. Саркисов В. «Особый» обвиняемый по УПК РФ: что о нем следует знать // URL: https://zakon.ru/blog/2019/01/21/osobyj_obvinyaemyj_po_upk_rf_chto_o_nem_sleduet_znat.

3. Кулбаева М. М. Некоторые вопросы доказательств и доказывания в уголовном процессе Республики Казахстан // Законность и правопорядок в современном обществе. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-dokazatelstv-i-dokazyvaniya-v-ugolovnom-protsesse-respubliki-kazahstan/viewer.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М.: Высшая школа, 1993. 938 с.

Степаков Д. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

ОЦЕНКА ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СРЕЗ ПРОБЛЕМ И МНЕНИЙ

Согласно официальным сведениям Министерства внутренних дел Российской Федерации в период с января по сентябрь 2021 г. в нашем государстве было зарегистрировано 1521,5 тыс. преступлений. В результате преступных посягательств погибло 17,7 тыс. человек, ущерб от преступлений составил 345,7 млрд рублей» [5]. Таким образом, речь идет о более чем полутора миллионах уголовных дел, по каждому из которых следователям, дознавателям, прокурорам и судам необходимо собрать, проверить и оценить доказательства с целью выполнения требований ст. 73 УПК РФ. И это достаточно большая нагрузка, особенно в свете имеющихся проблем в процедуре доказывания.

С начала 90-х гг. прошлого столетия не прекращаются дискуссии о необходимости реформирования и оптимизации уголовно-процессуального законодательства и даже появление в 2001 г. нового уголовно-процессуального закона не остановило многочисленные споры, а скорее, наоборот, их активизировало. В контексте настоящей статьи мы должны отметить, что нормативное регулирование института показаний, несомненно, являющихся основой доказательств в российском уголовном процессе, за незначительным исключением практически не подвергалось изменениям в период действия существующего уголовно-процессуального закона. Уголовное судопроизводство функционирует для человека и благодаря человеку, оно немыслимо без его слов о преступлении, принимающих форму показаний. Невозможно представить ни одно уголовное дело без показаний, которые в свою очередь невозможно представить без их оценки на допустимость, относимость, достоверность и в совокупности – достаточность.

«Объективная оценка показаний, данных на стадии предварительного расследования, позволяет следователю выдвинуть законный и обоснованный обвинительный тезис и тем самым защитить лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения его прав и свобод» [3, с. 120–125]. Иными словами, от оценки показаний напрямую зависит выполнение назначения уголовного судопроизводства. Мы осознанно говорим лишь об оценке показаний, оставляя «без внимания» два предыдущих этапа процесса доказывания – их собирание и проверку. Оценка показаний являет собой «венец» процесса доказывания, без которого доказательство не мо-

[1] © Степаков Д. А., 2022.

жет быть таковым. Несомненно, что, исследуя оценку показаний, мы в той или иной степени исследуем и их собирание, и их проверку.

Однако, прежде чем говорить об оценке, мы должны понять, что именно мы этой оценке подвергаем. Проблема заключается в том, что в современном уголовно-процессуальном законе отсутствует нормативно закрепленное понятие «показания». Законодательно регламентированы показания отдельных участников уголовного судопроизводства – подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста. В связи с чем возникает логичный вопрос: а могут ли другие участники уголовного судопроизводства давать показания? Если нет, то чем необходимо считать их слова, речи, замечания, реплики, объяснения, сказанные, написанные, данные ими в ходе производства по уголовному делу и имеющие отношение к уголовному делу? Может ли понятой давать показания и если да, то что именно следует считать показаниями понятого? Каким образом должна производиться оценка показаний понятого? Отвечают ли они требованиям допустимости? Зачастую показания понятого играют ключевую роль в процессе доказывания по отдельным категориям дел, при этом в уголовно-процессуальном законе не определены требования к ним.

Сегодня допрос является фактически единственным инструментом получения показаний, между тем нормативное определение понятия «допрос» отсутствует. А возможны ли иные способы получения показаний? Большое количество вопросов возникает с оценкой показаний при производстве дознания в сокращенной форме, когда дознавателю разрешено не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. В таком случае объяснения указанных лиц можно считать их показаниями? Какие процессуальные требования предъявляются к таким показаниям (если их считать таковыми)?

Проблема оценки показаний данных на этапе проверки сообщения о преступлении является весьма серьезной и ее рассмотрение не ограничено одним институтом дознания в сокращенной форме. Говоря о показаниях обвиняемого М. А. Воробейников и Ж. А. Саншиев отмечают: «Едва ли в достаточной степени убедительно можно оспорить суждение о том, что в отличие от объяснений обвиняемого его показания (как процессуальная категория) детально регламентированы и потому более понятны» [1, с. 6].

Несмотря на то, что данной точке зрения уже более 20 лет, мы вынуждены констатировать ее актуальность и сегодня, когда объяснения даются и получаются лицами, не имеющими процессуальных статусов и, не обладающими соответствующими правами и обязанностями, если, конечно, не принимать во внимание достаточно расплывчатую формулировку, которая содержится в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, согласно которой «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом».

А ведь именно такие объяснения включаются в процесс доказывания, в том числе и в случае производства дознания в сокращенной форме. В следственной практике при производстве дознания в сокращенной форме объяснения лиц, данные ими при проверке сообщения о преступлении, получат статус показаний и именно в этом качестве указываются в обвинительном постановлении, но правильно ли это? Каким образом дознаватель, прокурор, суд могут оценить указанные объяснения и вообще должны ли они подвергаться оценке?

В правоприменительной деятельности дознаватели активно пользуются правом не допрашивать лиц, от которых ранее были получены соответствующие объяснения, с чем не всегда согласны прокуроры. Как отмечается отдельными исследователями проблем особенностей доказывания в ходе сокращенного дознания: «На практике достаточно распространены ситуации, когда прокуроры существенно расширяют пределы доказывания при дознании в сокращенной форме, требуя производства дополнительных следственных и иных процессуальных действий, что приводит к нивелированию преимуществ этой разновидности дознания» [4, с. 18–22]. Корень данных проблем, на наш взгляд, находится в том числе в регламентации понятия «показаний», которого нет в законе.

Следующим актуальным аспектом являются критерии оценки показаний. В уголовно-процессуальном кодексе закреплены правила оценки доказательств, которые, безусловно, распространяются и на показания (ст. 88 УПК РФ). Строго говоря, непосредственно к правилам оценки показаний возможно отнести лишь первую ее часть, поскольку три последующие по неизвестным причинам регламентируют процедуру признания доказательств недопустимыми, чему посвящена другая статья уголовно-процессуального закона. Но и ч. 1 рассматриваемой нормы весьма «скромно» регламентирует правила оценки показаний, совершенно не раскрывая сущности понятий относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Российский уголовный процесс принято обвинять в заформализованности, тогда как в случае с оценкой показаний ни о какой формализованности не может быть и речи.

Немаловажной является проблема субъектного состава лиц, которым уголовно-процессуальным законом предоставлено право оценки доказательств. УПК РФ не предоставляет прямого права оценки доказательств (и показаний в том числе), например, подозреваемому, обвиняемому, защитнику, потерпевшему частному обвинителю, потерпевшему. Хотя по умолчанию такое право у данных участников существует, ведь они являются сторонами, принимают участие в процессе доказывания, могут заявлять ходатайства о признании доказательств (в том числе показаний) недопустимыми, а мнение о недопустимости доказательств может быть сформировано только после их оценки.

Роль других (кроме государственных органов и должностных лиц) участников уголовного судопроизводства в процессе доказывания была отмечена и выдающимся процессуалистом Л. М. Карнеевой. Она справедливо отмечала, что в процессе доказывания принимают участие не только органы расследования, но и потерпевший, защитник, гражданский истец и др., очевидно, что решение, принятое органами расследования и судом, включает в себя и результаты доказывания названными лицами тех или иных обстоятельств, имеющих значение для дела [2, с. 45].

Отдельного внимания заслуживают вопросы оценки депонированных показаний и показаний, полученных в дистанционном формате. Последние приобретают особенную актуальность в связи с продолжающейся пандемией коронавирусной инфекции. К сожалению, на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства дистанционные формы дачи и получения показаний на досудебной стадии производства по уголовному делу фактически отсутствуют, но если представить, например, дистанционный допрос как реальность, то вопрос оценки полученных показаний приобретает особенный смысл. Возможно, правила оценки показаний, полученных в дистанционном формате, подлежат отдельной регламентации.

Резюмируя, необходимо отметить необходимость нормативной и главное «прозрачной» регламентации процедуры оценки именно показаний, как основного вида доказательств. Предлагаемая регламентация ни в коем случае не должна нарушить принцип свободы оценки доказательств, а напротив развить его. Несомненно, что нормативному закреплению в ст. 5 УПК РФ подлежат: определения «показаний», «объяснений», «оценки показаний». Круг участников процесса, которые сегодня наделены правом дачи показаний подлежит пересмотру, скорее всего в сторону расширения. Уголовно-процессуальный закон должен определить требования и к субъектному составу участников уголовного судопроизводства, которым предоставляется право оценки показаний. При этом речь не идет о каким-либо исчерпывающем перечне лиц, а предлагается лишь установить требования, при соответствии которым тот или иной участник процесса получает право оценки показаний, а также способ реализации такого права. Законодательно предусмотрев механизм правового регулирования оценки показаний, необходимо закрепить понятия относимости, допустимости, достоверности и достаточности, а возможно и пересмотреть данный перечень критериев с целью расширения свободы оценки показаний. Предлагаемые меры призваны обеспечить такую процедуру оценки доказательств (показаний в том числе), при которой правоприменитель имеет целью не в выявление недопустимых, а установление именно тех доказательств, благодаря которым возможно выполнение уголовным судопроизводством своего назначения.

Список литературы

1. Воробейников М. А., Саншиев Ж. А. Объяснения и показания обвиняемого в уголовном процессе России. М. : Образовательная Академия «Континент», 2000.

2. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе : учебное пособие. Волгоград : ВСШ, 1988. 652 с.

3. Конин В. В. Оценка показаний в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2018. № 7–8. С. 120–125.

4. Мичурина О. В. Химичева О. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Российский следователь. 2016. № 5. С. 83–87.

5. Состояние преступности в России // Официальный интернет-сайт МВД России. URL: http:// мвд.рф (дата обращения: 29.10.2021).

Тютерева Ю. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ В ДИСТАНЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

Найти ответы на вопросы, возникающие в процессе доказывания, позволяет теория доказательств, которую по праву называют «душой всего уголовного процесса» [5, с. 4]. Неоценимый вклад в развитие и становление теории доказательств внесла Л. М. Карнеева – известный ученый-процессуалист советского периода. В своем труде «Доказательства в советском уголовном процессе», ученый отмечает, что к теории доказательств следует относить не только исследование, но и совершенствование деятельности субъектов доказывания, выработку рекомендаций, позволяющих достигнуть в процессе доказывания верного результата [3, с. 5]. Вопросы, связанные с совершенствованием деятельности субъектов доказывания, продолжают оставаться актуальными и в XXI в., в эпоху активного развития и использования современных информационных технологий, без которых уже сложно представить повседневную деятельность правоохранительных и судебных органов.

В последние годы интенсивность развития информационных технологий предопределяет расширение объема процедур, осуществляемых в дистанционном формате, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Например, О. В. Мичурина рассуждает о возможностях дистанционного допроса участников уголовного судопроизводства с использованием систем видеоконференцсвязи (ВКС) на стадиях досудебного производства [4, с. 158–161]. Безусловно, осуществление следственных и иных процессуальных действий в дистанционном порядке, увеличивает эффективность уголовного судопроизводства, так как существенно снижает временные затраты на производство таких действий, способствует сокращению процессуальных сроков, а также направлено на перевод уголовного процесса в цифровой формат, что увеличивает гибкость процессуальных инструментов. В связи с этим справедливо мнение Л. М. Карнеевой, которая считает, что к непременным условиям достижения правильного результата в процессе доказывания относится быстрота, оперативность и высокий профессионализм [3, с. 9]. Предполагая производство части следственных и иных процессуальных действий в дистанционном формате, актуальным становится вопрос о допустимости доказательств, полученных в ходе такого производства.

[1] © Тютерева Ю. С., 2022.

Отвечая на поставленный вопрос, представляется необходимым обратиться к теории уголовного процесса, которая рассматривает «доказательства в единстве четырех составляющих:

– сведения, имеющие значение для дела;
– надлежащий источник получения таких сведений;
– надлежащий субъект получения таких сведений;
– надлежащая процессуальная форма их собирания.

Первая составляющая отвечает за содержание, остальные три за форму» [1, с. 21–22]. При отсутствии хоть одного из вышеуказанных элементов полученные сведения будут отнесены либо к сведениям, не имеющим значения для уголовного дела, либо к недопустимым доказательствам. Рассмотрим более подробно указанные выше составляющие доказательств, получение которых возможно в дистанционном порядке.

В первую очередь, необходимо обозначить, что следует понимать под *дистанционным порядком производства по уголовному делу.* Под ним автор статьи понимает современную уголовно-процессуальную форму, обеспечивающую возможность производства процессуальных действий участниками уголовного судопроизводства при их территориальном удалении друг от друга, при помощи информационных технологий, информационно-телекоммуникационной сети Интернет, при соблюдении прав и законных интересов его участников.

Свойство доказательства, характеризующее его содержание, называется относимостью. Так, процессуальное свойство относимости характеризует содержание доказательства и его доказательственное назначение для уголовного дела, поскольку «неотносимые доказательства могут быть не только бесполезны, но и вредны для доказывания» [2, с. 459]. Содержание сведений, которые получает субъект доказывания в ходе производства по уголовному делу могут весьма разнообразны. Это могут быть сведения о том, какие действия совершал человек (продажа наркотических средств, покупка огнестрельного оружия, подделка документов), сведения о явлениях природы (температура воздуха в определенный период времени в определенной местности), о произошедших событиях (время отправки поездка, самолета). Поскольку под относимостью доказательств понимается их пригодность для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, то в этом смысле дистанционное получение доказательств влияет не на содержание получаемых сведений, а на форму их закрепления, поскольку дистанционный порядок может быть представлен как уголовно-процессуальная форма производства процессуальных действий, которые носят либо неотложный характер, либо основаны на возникшей процессуальной необходимости (например, неблагополучные санитарно-эпидемиологические условия, обеспечение мер безопасности в отношении участника уголовного дела). Свойство относимости доказательств можно расценивать как объективную связь информации с рассматриваемым уголовным делом, в связи с чем дистанционная форма их получения не влияет на сущностное содержание таких сведений.

В свою очередь, свойство доказательств, позволяющее охарактеризовать его форму, получило название допустимости. Свойство допустимости имеет конституционно-правовой характер, так как в соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции

Российской Федерации «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона».

Рассмотрим первую составляющую, относящуюся к форме доказательственной информации, – надлежащий источник получения сведений. Перечень допустимых источников, благодаря которым может быть добыта доказательственная информация, закреплен в ч. 2 ст. 74 УПК РФ (принцип «numerus clausus», то есть «закрытый перечень»). По утверждению Л. М. Карнеевой, в теории доказательств распространено мнение, что доказательство и его источник – суть единое целое, охватываемое общим понятием «доказательство», и отделять одно от другого нельзя и не нужно [3, с. 24].

Исчерпывающий перечень источников доказательственной информации, позволяет уголовно-процессуальной науке провести точную классификацию по способу их формирования, подразделяя на личные и вещественные. Л. М. Карнеева отмечает, что личные доказательства выражены в словесной форме, в то время как вещественные имеют *форму материального кода.* Для того чтобы в дальнейшем использовать вещественные доказательства в уголовном процессе, субъект доказывания выражает содержащуюся в них информацию в словесной форме (например, постановление о признании вещественными доказательствами предметов и документов) [3, с. 28].

Вполне очевидно, что словесную форму согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ могут принимать лишь показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста. Перспективным направлением, позволяющим получать показания перечисленных участников в дистанционном порядке, является ВКС. В юридической науке сложилось мнение, что успешное применение ВКС в ходе судебного производства дает все основания говорить о перспективе ее использования и на досудебных стадиях. В ходе предварительного расследования следователь, дознаватель по большей части имеет дело с показаниями лиц, которые воспринимали факты, связанные с преступным посягательством и сохранившиеся в их памяти, нежели чем с материальными следами преступления. Результаты отражения сознанием обстоятельств, имеющих отношение к расследуемому преступлению, и образующих их фактов выступают в процессе доказывания не в виде самих фактов, а в виде сведений о них.

В связи с этим с точки зрения дистанционного порядка производства важно удостоверение личности участника дающего показания, после чего он может рассматриваться в качестве надлежащего источника. Рассмотрим порядок идентификации лица, допрашиваемого в ходе судебного производства посредством ВКС. Суд, рассматривающий уголовное дело, поручает соответствующему суду, при содействии которого сможет участвовать в таком судебном заседании участник, организацию ВКС (чч. 1–2 ст. 278.1 УПК РФ). Далее в соответствии с ч. 4 ст. 278.1 УПК РФ до начала допроса судья суда по месту нахождения участника удостоверяет его личность. Таким образом, установление личности лица, участвующего дистанционно, осуществляется другим судом, организующим ВКС, путем физической идентификации документов такого лица. Автор статьи предполагает, что вполне возможно распространить схожую процедуру идентификации участников в ходе досудебного производства.

Переходя к вещественным доказательствам, отметим, что на сегодняшний день благодаря их оцифровке, они с легкостью могут быть представлены в форме не материального, а нового, *информационного кода.* Приобщение оцифрованных доказательств к материалам уголовного дела не вызывает особых трудностей. Сами же вещественные доказательства необходимо сохранять, в том числе и в целях их верификации по запросу участников уголовного судопроизводства или суда. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что обработка сведений, исходящих от надлежащего источника, представленного как в личной, так и в вещественной форме, может быть произведена в дистанционном порядке.

Ключевой проблемой для дистанционного производства является надлежащая процессуальная форма собирания доказательственной базы. Субъект доказывания в ходе собирания доказательств должен безоговорочно соблюдать все требования уголовно-процессуального закона в целях признания полученных доказательств допустимыми. Уголовно-процессуальное законодательство располагает широким перечнем следственных, судебных и иных процессуальных действий, посредством которых должно быть получено доказательство. Иначе, согласно ч.1 ст.75 УПК РФ они будут признаны недопустимыми, а недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. В теории уголовного процесса отмечают, что имеющая значение для дела информация, которой обладает источник, станет доказательством не ранее чем будет получена субъектом доказывания в установленном законом порядке [6, с. 93–94]. УПК РФ для каждого источника доказательственной информации устанавливает процессуальный порядок их собирания (например, допрос, выемка, обыск и т. д.). Из этого можно заключить, что при наличии сведений, имеющих значение для дела, надлежащего источника и субъекта получения таких сведений, доказательства, полученные в дистанционном порядке, будут признаны недопустимыми из-за отсутствия надлежащей процессуальной формы их собирания. Тем не менее говорить об абсолютном несоответствии дистанционного производства уголовно-процессуальной форме нельзя. Законодательное закрепление в УПК РФ возможности применения систем ВКС (ч. 6 ст. 35, ч. 4 ст. 240, ч. 6.1 ст. 241, ст. 278.1, ч.1 ст. 293, ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ), электронных документов с усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 2 ст. 393, ч. 1 ст. 474.1, ч. 3 ст. 474.1 УПК РФ), технологии для отправки и получения электронных писем в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (п. 21.1 ч. 2 и ч. 5.1 ст. 42 УПК РФ) в процессе судебного производства, позволяет говорить о совокупности установленных процессуальным законом условий, в которых проводится эта деятельность, и как следствие ее соответствии уголовно-процессуальной форме. Таким образом, уголовно-процессуальный закон имеет качественные предпосылки для формирования дистанционного порядка производства по уголовному делу в ходе досудебного производства.

Перейдем к результатам проведенного исследования и сформулируем некоторые выводы. Доказательство будет обладать свойством относимости только в том случае, если оно прямо или же косвенно относится к предмету доказывания, а именно к обстоятельствам, подлежащим доказыванию. Свойство относи-

мости раскрывает содержательную часть сведений, имеющих значение для уголовного дела. В этой связи, дистанционное производство, отвечающее не за содержательную сторону процесса доказывания, а за его форму, не препятствует субъекту доказывания оценивать доказательство с точки зрения его относимости.

В свою очередь, анализ норм уголовно-процессуального законодательства, позволяет сделать вывод о том, что, осуществляя досудебное производство в дистанционном порядке, субъект доказывания не сможет реализовать свойство допустимости в полной мере. Оценивая надлежащий источник получения доказательственной информации в ходе дистанционного производства по уголовному делу, следователю (дознавателю) следует учитывать природу источника такой информации. Так, работая с личными доказательствами, поступающими от лиц, перечень которых установлен п. п. 1–3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, следователю (дознавателю) необходимо идентифицировать это лицо. Механизм идентификации лица, дающего свидетельские показания в ходе судебного производства, закреплен в ст. 278.1 УПК РФ. Автор предполагает, что возможно распространить схожую процедуру идентификации участника в ходе досудебного производства, закрепив соответствующие нормы в гл. 26, 27 УПК РФ. Относительно вещественных доказательств можно заключить, что благодаря их оцифровке, они с легкостью могут быть представлены в форме *информационного кода* и в дальнейшем с успешностью приобщены к материалам уголовного дела, производство по которому ведется в дистанционном порядке. Надлежащим субъектом доказывания в ходе рассматриваемого порядка производства продолжают оставаться лица, перечисленные в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, – суд, прокурор, следователь, дознаватель.

Ключевым вопросом, требующим своего разрешения, становится надлежащая процессуальная форма собирания доказательственной информации в ходе дистанционного производства на досудебных стадиях. Успешная реализация производства допроса в суде в дистанционном порядке позволяет говорить не только о процессуальном закреплении такой формы следственного действия (что в свою очередь является обязательным условием с точки зрения законности), но и о выработанном на протяжении двух десятилетий механизме получения свидетельских показаний от участника, находящегося удаленно. Более того, согласно ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ суд апелляционной инстанции вправе исследовать доказательства с использованием системы ВКС, которая в свою очередь является одной из составляющих дистанционного производства. Возникает закономерный вопрос, что мешает субъекту доказывания в ходе предварительного расследования по уголовному делу также исследовать доказательства дистанционно? Очевидно, что ответ кроется в отсутствии законодательно закрепленной возможности производства таких действий. Автор убежден, что современное уголовно-процессуальное законодательство имеет уже отработанный механизм судебного порядка получения доказательств в дистанционном порядке, который может стать основой при его введении в досудебное производство.

Список литературы

1. Волынская О. В., Шаров Д. В. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России, 2009. 143 с.

2. Курс уголовного процесса. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021. 1278 с.

3. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе : учебное пособие. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1988. 652 с.

4. Мичурина О. В. Дистанционный допрос с использованием систем видеоконференцсвязи в процедуре досудебного производства по уголовным делам: реальность и перспективы // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития». М., 2020. С. 225–229.

5. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001. 93 с.

6. Химичева О. В., Мичурина О. В. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 2865 с.

Черкасова Ю. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Волынская О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В настоящее время правовое положение отдельных участников уголовного судопроизводства вызывает ряд сомнений и сложностей как у теоретиков, так и у сотрудников правоохранительных органов. Каждая стадия или мера пресечения характеризуется субъектным составом, который обладает определенными особенностями, а также наличием участников, наделенных неопределенным процессуальным статусом. Сфера досудебного производства, в первую очередь, обращает на себя внимание в отношении первоначальной стадии – возбуждения уголовного дела. Несмотря на кратковременность и дискуссионный характер исследуемой стадии, не вызывает сомнения значимость и важность ее в рамках изучения проблем, связанных с вовлечением в нее отдельных лиц, не имеющих самостоятельного процессуального статуса.

К примеру, если обратиться к научным трудам известного процессуалиста Л. М. Карнеевой, которые были посвящены особенностям организации работы следователя, а также производству отдельных следственных действий с участием подозреваемого и обвиняемого, то следует отметить, что в них прослеживается мысль о появлении «нового» участника, так называемом «заподозренном». По мнению ученого, «пока подозрение является только субъективной точкой зрения следователя, не нашедшей своего выражения в соответствующем процессуальном документе (протоколе задержания или постановлении об избрании меры пресечения), нельзя ставить вопрос о признании лица подозреваемым и наделении его определенными процессуальными правами и, следовательно, он должен именоваться по-другому, к примеру, как «заподозренный» [3, с. 36].

Действительно, перед тем, как следователем (или уполномоченным на то должностным лицом) принимается решение о наделении такого «участника» статусом «подозреваемого» происходит сбор сведений и информации, дающей полагать, что указанное лицо возможно совершило преступление. Данный промежуток времени регулируется положениями ст. 144 УПК РФ. Исходя из анализа вышеуказанной статьи, можно прийти к следующем выводам:

---

[1] ©Черкасова Ю. А., 2022.

– в действующем УПК РФ законодателем упоминается лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении;

– проверка, исходя из буквального толкования положений нормы права, происходит до того, как принято решение о возбуждении уголовного дела.

Несмотря на обозначенное понятие – «заподозренный», предложенное Л. М. Карнеевой, в теории уголовно-процессуального права также встречаются альтернативные эквиваленты данному термину, например: «условный подозреваемый» [4, с. 86], «фактический подозреваемый» [8, с. 17], «потенциальный подозреваемый» [7, с. 4], «скрытый подозреваемый» [6, с. 89], «преследуемый» [1, с. 46], «подозреваемый свидетель» [2, с. 89].

По нашему мнению, представленный перечень сформулированных авторских терминов отражает тот факт, что данная проблема весьма актуальна и значима, ведь ученые до сих пор не пришли к единому мнению, как именовать «лицо», в отношении которого применятся перечень процессуальных действий, указанный в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Кроме того, необходимо отметить, что формулировка – это лишь малая часть рассматриваемой проблемы. Подобные высказывания обусловлены тем, что затрагиваются права и свободы заинтересованных лиц, которые могут быть нарушены. В связи с чем возникает вполне логичный вопрос, как такому участнику восстанавливать в последующем нарушенные процессуальные права, если они законодательно не закреплены, соответственно, и не смогут выступать в качестве гарантий правовой защищенности? Сотрудники правоохранительных органов, в большинстве случаев, разъясняют содержание ст. 51 Конституции Российской Федерации, а также упоминают некоторые положения, связанные с отдельными принципами уголовного судопроизводства. В действительности, обновленный текст Конституции Российской Федерации в ч. 2 выше обозначенной статьи определяет, что федеральные законы могут устанавливать иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания.

Разумеется, привлекая того или иного участника, уполномоченные должностные лица обязаны разъяснять соответствующие права и обязанности, однако, если, например, у подозреваемого они четко структурированы и детализированы в ст. 46 УПК РФ, то, к примеру, у «заподозренного» они не только отсутствуют, но и нет даже конкретного упоминания в тексте действующего уголовно-процессуального законодательства (только в рамках отдельных направлений).

Полагаем, что УПК РФ является основополагающим источником, регулирующим уголовно-процессуальные правоотношения, следовательно, должен отражать конкретизацию статуса всех лиц, которые принимают участие в сфере уголовного судопроизводства, вне зависимости от его этапов. Рассматривая такой фактор, как временное участие в производстве по уголовному делу, следует отметить, что сведения о любом участнике, привлекаемом следователем, дознавателем, прокурором или судом, фиксируются в уголовно-процессуальных документах, что может повлечь за собой, в последующем, его вызов уполномоченным лицом с целью подтверждения полученной информации. Кроме того, в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель, осуществляя дознание в сокращенной форме, вправе допросить лицо, привлекаемое в ходе проверки

сообщения о преступлении, в случае, только если это необходимо, а также получить дополнительную информацию или проверить достоверность ранее полученных сведений. Это означает, что существует правовая ситуация, которая предполагает вероятность значительного ограничения, как конституционных, так и процессуальных прав такого лица, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальной деятельности, а также признание доказательств недопустимыми и, соответственно, нарушению одного из принципов уголовного судопроизводства – принципа законности (ст. 7 УПК РФ).

Что же касается заявителя и его процессуального положения, то следует отметить следующее. Данное лицо вовлекается на первоначальном этапе, когда уголовное дело еще не возбуждено. Если в теории уголовно-процессуального права наделение заявителя процессуальным статусом пока еще носит дискуссионный характер, то практические сотрудники полагают, что упомянутое лицо на протяжении длительного периода времени таким статусом уже наделено. По мнению правоприменителя, это связано с тем, что срок рассмотрения поступившего заявления может варьироваться от 3 до 30 суток (в зависимости от длительности, оснований и сроков, в том числе и продления проверки сообщения о преступления). Тем не менее, на этот период лицо, подавшее заявление, не обладает самостоятельным процессуальным статусом, что подтверждается отсутствием соответствующей его регламентации в тексте УПК РФ.

Следует обозначить еще одну проблему, связанную с субъектным составом (а именно, с вышеупомянутым заявителем). Структура действующего в настоящее время УПК РФ предопределяет различные классификации, к которым относятся системы стадий и участников уголовного судопроизводства. Исходя из анализа которых, вытекает вопрос, связанный с видом правоотношений, а также с моментом их возникновения.

Необходимо выяснить, к какой разновидности относятся общественные отношения, складывающиеся в период, когда производство по уголовному делу еще не возбуждено. По мнению А. Ф. Лубина, М. А. Миловидовой и Ю. А. Гончан: «Уголовно-правовые отношения возникают с момента совершения преступления, а уголовно-процессуальные отношения – лишь после того, как государственные органы получают информацию о готовящемся, совершенном или якобы совершенном преступлении» [5, с. 126]. В действительности же, если законодатель регламентирует в ст. 144 УПК РФ отдельные особенности и способы проверки сообщения о преступлении, которая осуществляется дознавателем, органом дознания, следователем или руководителем следственного органа, то, по нашему мнению, данные отношения следует относить к категории – уголовно-процессуальных. Таким образом, «заподозренный» или лицо, в отношении которого проводится проверка о преступлении, вступает в уголовно-процессуальные отношения (так как между ним и уполномоченным должностным лицом образуется конкретная взаимосвязь). Аналогичная связь наблюдается между заявителем и уполномоченными лицами, ведь, несмотря на то, что в первую очередь, проверяется сам факт противоправного деяния, изложенного в заявлении, все первоначальные сведения, в большинстве своем, могут быть получены именно от заявителя.

Оба вышеупомянутых лица после проверки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела производством приобретают, условно говоря, «новые» процессуальные статусы, имеющие самостоятельное значение. Полагаем, что это: 1) заподозренный – подозреваемый или свидетель; 2) заявитель – потерпевший или свидетель.

Резюмируя обозначенное в рамках настоящей статьи, хотелось подчеркнуть немаловажное значение возможности вовлечения указанных лиц в сферу уголовно-процессуальной деятельности на самых ранних этапах. Несмотря на отсутствие самостоятельного процессуального статуса, обеспечение этих лиц гарантиями правовой защищенности способствует, в том числе, и реализации назначения уголовного судопроизводства. Именно на этапе проверки сообщения происходит фиксация первоначальных сведений, которые в случае утраты восстановить не всегда предоставляется возможным. Заподозренного недопустимо считать подозреваемым, а заявителя – потерпевшим или свидетелем, так как они привлекались в ходе производства проверки следователем или дознавателем еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Отсутствие хотя бы относительной совокупности прав и обязанностей неизменно влечет за собой нарушение принципа законности на первоначальном этапе судопроизводства.

Теоретико-практический анализ, посвященный правовому положению «новых» участников, свидетельствует, что более 15 лет назад уже была предпринята попытка устранения пробельности уголовно-процессуального законодательства, а именно, необходимости разработки и законодательного закрепления прав и обязанностей упомянутых лиц. Однако, несмотря на внесенные поправки, их правовой статус до сих пор не регламентирован, что до сих пор не позволяет в полном объеме реализовать процессуальные гарантии по охране своих прав и законных интересов.

Список литературы

1. Григорьев В. Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 41–46.

2. Карибов К. Ф. Подозреваемый, свидетель или «подозреваемый свидетель»? // Следователь. 2000. № 9.

3. Карнеева Л. М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. Вып. 4. С. 35–39.

4. Котровский В. В. Понятие подозреваемого по новому УПК РСФСР // Изв. вузов. Правоведение. 1963. № 3. С. 83–91.

5. Лубин А. Ф., Миловидова М. А., Гончан Ю. А. Уголовно-процессуальные отношения: постановка проблемы и основная гипотеза // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 124–129.

6. Метелкин А. В. К вопросу о правовом статусе «скрытого» подозреваемого // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2014. С. 89–94.

7. Николюк В. В., Марфицин П. Г. Участие адвоката на первоначальной стадии уголовного процесса // Российский следователь. 2016. № 9. С. 3–5.

8. Обидина Л. Б. Некоторые вопросы обеспечения прав участников доследственной проверки // Российский следователь. 2016. № 1. С. 17–21.

9. Смолькова И. В. Нужна ли фигура «заподозренного» в уголовном судопроизводстве? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. №3 (90). С. 70–77.

Шишев В. С.[1],
оперуполномоченный отдела экономической безопасности
и противодействия коррупции
УВД по г. Сочи ГУ МВД России по Краснодарскому краю

ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В современных условиях развития государства и общества проблема реформирования предварительного расследования становится все более актуальной, что вызвано рядом социально-экономических факторов. С одной стороны, органы предварительного расследования должны эффективно решать все более усложняющиеся задачи по борьбе с преступностью и защите прав граждан, а с другой – решать эти задачи наиболее экономичным способом, требующим наименьших ресурсов и затрат. Практические потребности побуждают юридическую науку поднимать вопросы, касающиеся поиска средств и методов процессуальной экономии, в частности, по-новому оценивать практические возможности двух основных методологических направлений оптимизации предварительного расследования – дифференциации и унификации.

В рамках современных научных дискуссий формулируются предложения по реформированию предварительного расследования, выражающие оба указанных направления. Так, в плане углубления дифференциации расследования, предлагается протокольная форма досудебной подготовки материалов, являющаяся своеобразной альтернативой предварительному следствию и дознанию. Сторонники этого подхода видят в нем надежный способ ускорения и удешевления досудебного производства. Наряду с предложениями по дальнейшей дифференциации предварительного расследования, выдвигаются идеи его кардинальной унификации. Например, все чаще и настойчивее звучат призывы к ликвидации предварительного следствия и замене его полицейским дознанием, фактически представляющим аналог оперативно-разыскной деятельности.

Выдвижение подобных экстраординарных предложений по унификации предварительного расследования свидетельствует о том, что юридическая наука и практика пока не выработали четких представлений о формах и направлениях унификации. Унификация предварительного расследования понимается слишком односторонне, как монополия одной из форм расследования – дознания или предварительного следствия. В тоже время современные потребности практики требуют нового более широкого и взвешенного подхода к решению проблемы целесообразности унификации предварительного расследования, а также пределов такой унификации.

Подобное осмысление унификации невозможно без нового концептуального взгляда на конкурирующее направление – дифференциацию предварительного расследования. Сегодня дифференциация рассматривается как приоритетный инструмент развития формы предварительного расследования. Подобный, не всегда критичный взгляд, не позволяет заметить, что практическая реализа-

[1] © Шишев В. С., 2022.

ция дифференциации сталкивается с массой проблем, отражающихся на эффективности уголовного судопроизводства. Будучи нацеленной на развитие предварительного расследования по пути простоты, быстроты и экономии сил и средств, дифференциация создает различные сложности, которые в итоге сводят на нет указанные преимущества.

Так, не вызывает сомнений целесообразность формального разделения предварительного расследования на предварительное следствие и дознание. Однако институциональное разделение этих форм вовсе не обязывает разработчиков соответствующих порядков стремиться к абсолютизации различий между ними, насаждать эти различия там, где они не требуются. Это стремление нередко приводит к тому, что немало процедурных особенностей дознания носит чисто «декоративный» характер, не основывается на реальных практических потребностях. Вполне очевидно, что современная нормативная модель дознания содержит ряд инструментов, работающих на принижение ключевых процессуальных институтов. Так, полноценный институт привлечения в качестве обвиняемого, показавший свою эффективность в рамках отечественного предварительного следствия, здесь заменен подозрением. При этом уведомление о подозрении является суррогатом документа, в котором формулируется обвинение. Подобная искусственная конструкция является препятствием для появления полноценной фигуры обвиняемого. И тот факт, что подозреваемые при производстве дознания, как правило, не жалуются на свой усеченный процессуальный статус, не может рассматриваться в качестве аргумента оптимальности подобного законодательного решения.

Приведенный пример иллюстрирует дифференциацию, выделяющую несуществующие или ничего не значащие в плане решения задач уголовного процесса процессуальные особенности дознания, которые оказывают негативное влияние на реализацию принципа защиты прав участников процесса и не способствует повышению эффективности досудебного производства. Дифференциация ради дифференциации имеет место и при сокращенном дознании.

Указанные факты искусственных отличий дознания убедительно показывают, что игнорирование идеи унификации при конструировании самостоятельных форм предварительного расследования не способствует быстроте и полноте расследования. По сути, современное дознание ничем не отличается от предварительного следствия. В плане познавательной методологии обе формы расследования опираются на унифицированные инструменты, в качестве которых можно назвать те же следственные действия. Подобная унификация никого не тревожит, во всяком случае пока никто не предлагает разрабатывать для дознания специальные следственные действия. Таким образом, в части следственных действий унификация рассматривается как благо. Тем не менее от унифицированного подхода законодатель отказывается в части определения процессуального статуса ключевого участника уголовного судопроизводства. Зачем понадобилось изобретать особый процессуальный статус «долгосрочного подозреваемого» для фактического обвиняемого? В данном случае был бы вполне уместен унифицированный подход. Однако такой подход отвергается,

поскольку в этом случае для дифференциации предварительного расследования почти не остается способов нормативного подтверждения.

Следует отметить, что ни унификация, ни дифференциация предварительного расследования не могут рассматриваться как явления, взаимно исключающие друг друга. Потребности науки и практики требуют, чтобы для разработки эффективной модели предварительного расследования были привлечены обе методологические схемы. Безальтернативная дифференциация вредит эффективности предварительного расследования, искусственно подрывает его основополагающие понятия (например, подозрения и обвинения). Но не менее вредна и безальтернативная унификация расследования, тем более без должного теоретического осмысления.

Объективного научного знания об унификации сегодня явно недостаточно. Унификация как методологическое направление оптимизации предварительного расследования является недостаточно проработанным с научной точки зрения. Ее прикладное значение для реформирования предварительного расследования пока по-настоящему не оценено. Об унификации вспоминают, как правило, в негативном ключе, когда стремятся подчеркнуть роль дифференциации.

Подобное отношение к унификации расследования требует научного пересмотра, поскольку именно унификация исторически является основой совершенствования формы предварительного расследования. Именно унификация, по сути своей является общим правилом конструирования уголовно-процессуальной формы расследования. Дифференциация же представляет исключение из общего правила. Как ни странно, в современных условиях в теории и практике уголовного процесса унификация и дифференциация поменялись местами. Подобная перестановка, случившаяся еще в советский период, и сегодня вызывает негативное отношение большинства ученых к унификации предварительного расследования. Совершенно очевидно, что подобное отношение по большей части есть лишь следование традиции, не основано ни на теории, ни на практике, а потому отражает не столько издержки унификации предварительного расследования, сколько служит свидетельством теоретического и практического непонимания сущности этого явления.

В связи с этим перед наукой уголовного процесса встает задача объективного исследования унификации предварительного расследования, рассмотрения ее в широком историческом диапазоне с привлечением опыта зарубежных стран [1]. Актуальность объективного научного подхода к унификации также обусловлена тенденциями, формирующими перспективы уголовного судопроизводства, в частности, расширением возможности внедрения информационных технологий.

Таким образом, идея унификации предварительного расследования нуждается в специальном монографическом исследовании. От качества теоретической проработки проблем унификации во многом зависят оптимизация уголовно-процессуального закона и повышение эффективности практического расследования уголовных дел.

Всплеск научного интереса к комплексному исследованию унификации и дифференциации, в том числе и в рамках предварительного расследования, пришелся на первые годы после принятия УПК РФ. В настоящее время интерес

значительно ослаб, хотя сама по себе проблема оптимизации уголовно-процессуальной формы предварительного расследования с опорой на унификацию не ослабла, а напротив, даже усилилась.

Для нового взгляда на эти позиции и на унификацию предварительного расследования в целом действительно сложились необходимые предпосылки. В качестве таковых можно рассматривать и реформационные процессы, произошедшие в уголовно-процессуальном законодательстве на постсоветском пространстве. В ходе подготовки к реформам в некоторых странах становилась актуальной именно идея унификации предварительного расследования. На это обстоятельство, в частности, обратил внимание Л. В. Головко, позитивно оценивший в свое время один из проектов УПК Республики Казахстан [2]. Однако интерес вызывает не только этот проект и его научная оценка, но и то обстоятельство, что в части унификации он был реализован далеко не полностью.

Анализ современных работ показывает, что унификация предварительного расследования, рассматриваемая в качестве определенного принципа оптимизации уголовно-процессуальной формы, нуждается в тщательном исследовании. В новейших немногочисленных работах, посвященных унификации, проблемы, как правило, лишь обозначаются. Авторы разработок в основном приглашают научное сообщество к дискуссии, а проблемы так и остаются неразрешенными.

Таким образом, развернутому теоретико-прикладному исследованию (с учетом специфики современных тенденций) проблема унификации предварительного расследования пока не подвергалась. Нужно исследование, целью которого будет выявление и научное обоснование теоретических, нормативных и практических предпосылок и оснований унификации предварительного расследования, а также исследование форм и пределов указанной унификации.

Юридической науке целесообразно: 1) выявить и оценить тенденции развития предварительного расследования в отечественном уголовном процессе по линиям унификации и дифференциации; 2) рассмотреть теоретические и практические проблемы унификации предварительного расследования по уголовным делам; 3) сформулировать понятие и раскрыть сущность унификации предварительного расследования; 4) конкретизировать формы внедрения унификации предварительного расследования в отечественном и зарубежном законодательстве; 5) сформировать научное обоснование основных направлений унификации предварительного расследования; 6) разработать нормативные предложения по унификация предварительного следствия и дознания.

Список литературы

1. Поляков М. П. Дифференциация и унификация как «инь» и «ян» современной проблематики предварительного расследования // Актуальные проблемы предварительного расследования : сборник научных статей по итогам Всероссийской конференции (18 октября 2018 г.). Н. Новгород, 2019.

2. Головко Л. В. Казахстан: десоветизация уголовного судопроизводства : статья 2. Унификация досудебного расследования // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1.

Щербакова М. А.[1]*,*
адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

ЗАДЕРЖАНИЕ ЛИЦА, СТРАДАЮЩЕГО ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ

Задержание лица по подозрению в совершении преступления сегодня весьма распространенная мера процессуального принуждения. Вместе с тем с тенденцией к усилению гарантий соблюдения прав и свобод человека, возрастает и потребность в уточнении целей и процессуальных условий задержания в уголовном процессе.

УПК РФ, предусматривая в ст. 91 основания для задержания подозреваемого, не определяет его цели, что в свою очередь порождает дискуссии. Стоит отметить, что достаточно ясно цель задержания была определена в Положении о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления от 13 июля 1976 г., действовавшем до 1995 г., согласно которому задержание производилось для выяснения причастности задержанного к преступлению и разрешения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. Несмотря на то, что отражения в современной редакции УПК данная цель не нашла, анализируя нормы, регулирующие порядок задержания, а также последующего избрания меры пресечения, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день, именно такая цель и подразумевалась законодателем.

Однако существует иной взгляд, согласно которому целями задержания являются воспрепятствование противодействию производства предварительного расследования, уклонению от своевременного прибытия по вызову следователя, а также возможности совершения новых преступлений [1, с. 115; 2, с. 78; 3, с. 181]. Данная позиция объясняется тем, что вопросы, связанные с выяснением причастности лица к совершенному преступлению, а также избранием меры пресечения вполне разрешимы и без задержания, в случае отсутствия намерений скрываться, либо совершать новые преступления [2, с. 79].

При этом другие ученые отмечают, что и в случае возникновения угрозы противодействия производству предварительного расследования все же именно задержание служит той мерой, которая позволит обеспечить осуществление уголовно-процессуальной деятельности с участием подозреваемого, это, в свою очередь, необходимо для установления его причастности к преступлению и оснований для избрания в отношении него меры пресечения. В связи с чем они рассматривают «обеспечение нахождения лица «при уголовном деле», то есть в условиях процессуальной доступности для производства с его участием следственных действий и иных процессуальных процедур, направленных на установление его причастности к совершению преступления и решение вопроса о возможности применения к нему заключения под стражу или домашнего ареста [5, с. 152]» в качестве основной цели задержания.

В контексте целей задержания принципиальное значение приобретает вопрос о возможности задержания лица, обнаруживающего явные признаки пси-

[1] © Щербакова М. А., 2022.

хического расстройства. Крайне важным в данном случае представляется тот факт, что задержание по своему характеру является неотложной мерой, которая наиболее эффективна при внезапном и безотлагательном ее применении. Установление, либо подтверждение психического расстройства не включается в комплекс мер, проводимых при задержании, ввиду отсутствия четкой процессуальной формы производства предварительного расследования в отношении психически нездоровых лиц, а потому как задержание, так и последующее применение системы мер пресечения происходит на основании общих норм УПК РФ, регулирующих порядок их применения.

Иначе говоря, при задержании и дальнейшем избрании меры пресечения психическое состояние лица не учитывается, в то время как на практике нередко возникают ситуации, при которых уже на этом этапе факт психического расстройства задерживаемого известен (например, в случае, когда ранее в отношении лица уже применялись принудительные меры медицинского характера в порядке ст. 439 УПК, либо имеются медицинские документы, подтверждающие наличие психического заболевания).

С одной стороны, это объяснимо, поскольку УПК РФ не предусматривает отдельной системы мер процессуального принуждения и тем более мер пресечения, применяемых к таким лицам (тем более что в науке существует позиция, согласно которой к лицам, страдающим психическим расстройством, меры пресечения не применимы в принципе [6, с. 87; 7, с. 81]). Но, с другой стороны, вовсе не учитывать специфическое положение такого субъекта, обусловленное наличием психического расстройства, на наш взгляд, также неверно, хотя бы потому, что такое лицо нуждается в дополнительных гарантиях, которыми должно быть обеспечено на всех этапах уголовного судопроизводства. Реализация таких гарантий возможна при достоверном подтверждении заболевания, факт которого служит отправной точкой для начала качественно новых правоотношений в рамках производства о применении принудительных мер медицинского характера.

Исходя из тезиса о том, что задержание производится для установления причастности лица к совершенному преступлению, можно ли предположить задержание с целью установления возможности осознавать фактический характер своих действий и руководить ими как при совершении преступления, так и на момент участия в производстве по уголовному делу? Если придерживаться точки зрения о том, что вопрос о причастности лица к совершенному преступлению можно решить и без задержания, в ходе производства расследования, то можно ли решить вопрос о наличии психического расстройства у лица, не задерживая его, то есть, не лишая свободы?

Хотя ст. 196 УПК РФ и предусматривает обязательное назначение судебной экспертизы в случаях, когда у следователя имеются сомнения относительно психического состояния подозреваемого и его возможности самостоятельного участия в уголовном деле, законодатель все же не устанавливает способов устранения данных сомнений на этапе задержания лица, а процедура назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы, превышает по срокам и задержание и даже избранную меру пресечения. Вследствие этого в случае подтверждения заболевания и избрания меры пресечения, а в некоторых случаях ее продления, и само содержание лица под стражей, а также и все следственные дей-

ствия, проведенные с подозреваемым, без предоставления, как минимум, права на участие законного представителя, а также ряда других процессуальных гарантий, вряд ли будут отвечать требованиям законности и неприкосновенности личности.

При этом, если в соответствии с положениями ст. 75 УПК РФ, следственные действия, проведенные с нарушением закона следует признать недопустимыми, (очевидно, что таковыми должны быть признаны все следственные действия, проведенные с лицом, невменяемым, без учета требований, предусмотренных гл. 51 УПК РФ), то как в подобном случае стоит относиться к задержанию и заключению под стражу, поскольку, с одной стороны, оснований сомневаться в их законности на момент применения не имелось, но с другой, лицо не имело возможности в полной мере реализовать соответствующие его положению права и гарантии, и содержалось под стражей, не получая квалифицированную медицинскую помощь, создавая угрозу как для себя, так и для окружающих.

Полагаем, что задержание лица с целью установления его психического состояния в случае возникших сомнений, в какой-то мере позволило бы уйти от вышеописанной проблемы, потому как первоначальное разрешение вопроса о наличии психического расстройства давало бы возможность сразу предоставить подозреваемому полный объем соответствующих прав и гарантий.

Отвечая на вопрос о том, почему устанавливать факт психического расстройства необходимо, задерживая лицо, следует, во-первых, обратиться к самой форме установления этого факта, потому как очевидно, что сугубо процессуальными способами подтвердить наличие заболевания невозможно. Необходимо обращение в специализированное медицинское учреждение, оказывающее психиатрическую помощь, с целью проведения медицинского освидетельствования. Несмотря на то, что подобная процедура предусмотрена Законом Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», согласно которому, медицинское освидетельствование проводится по решению врача-психиатра, в том числе и без согласия обследуемого в случаях, когда есть основания предполагать о наличии у него тяжкого психического расстройства, обуславливающего его непосредственную опасность, уголовно-процессуальное законодательство в качестве основания ограничения свободы необходимость проведения медицинского освидетельствования по факту психического состояния лица не предусматривает. При этом ясно, что непосредственная опасность лица уже обусловлена причастностью к совершению преступления. Однако нельзя отрицать, что фактически, направляя лицо для прохождения медицинского психиатрического освидетельствования, правоприменитель, хотя и на короткий период, но все же ограничивает его свободу. По существу, указанная мера представляет собой фактическое задержание лица, определяемое как «ограничение свободы передвижения лица, в отношении которого имеются основания полагать его причастность к совершенному или совершаемому преступлению, должностными лицами государственных органов, в компетенцию которых входит пресечение преступлений» [4, с. 19].

Во-вторых, говоря о цели задержания, не стоит забывать и о формальных основаниях, указанных в ст. 91 УПК РФ, в соответствии с которыми задерживается лицо, поскольку при их наличии разрешение сомнений относительно

психического состояния, на наш взгляд, без применения процессуального принуждения, невозможно.

Более того, проведение медицинского психиатрического освидетельствования в ходе задержания, то есть в течение 48 часов в необходимых случаях позволило бы, не ставя под угрозу жизнь и здоровье как самого лица, так и его окружающих и предоставив задержанному весь объем соответствующих прав и гарантий, частично избежать проблемы, касающейся законности и допустимости проводимых далее с его участием следственных действий и избрания мер пресечения, в особенности, подразумевающих лишение свободы.

Таким образом, полагаем, что при подтверждении в ходе освидетельствования факта психического расстройства и вывода о том, что лицо нуждается в оказании медицинской помощи, последующее применение к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, на наш взгляд, уже нецелесообразно и неприемлемо, потому как в данном случае логичнее было бы сразу обратиться в суд с ходатайством о помещении такого лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Подводя итог вышесказанному, полагаем, что задержание лица с целью установления его психического состояния путем проведения медицинского освидетельствования достаточно логично взаимосвязано с иными целями задержания, что в свою очередь обуславливает необходимость в более четкой законодательной регламентации проведения такого освидетельствования, как обеспечительной меры именно в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилев А. А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М : Академия МВД СССР, 1975. 90 с.

2. Васильева Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Уфа, 2002. 193 с.

3. Муравьев К. В. Меры уголовно-процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск : Омская академия МВД России, 2017. 228 с.

4. Победкин А. В., Яшин В. Н. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 1–2. С. 16–23.

5. Россинский С. Б. Протокол – лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12 (97). С. 150–165.

6. Ручина А. А. О правовой природе применения мер принуждения к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 84–90.

7. Суховерхова Е. В. Помещение в психиатрический стационар в соответствии со ст. 435 УПК РФ – разновидность заключения под стражу или отдельная мера пресечения? // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 80–82.

Юрченкова Е. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 200.3 УК РФ

Долевое строительство в Российской Федерации появилось в конце XX в., а вместе с ним через весьма короткий промежуток времени и «обманутые дольщики» – лица, которые заключили договор со строительной фирмой, оплатили стоимость объекта недвижимости, но не получили его в собственность, и им не были возвращены, уплаченные денежные средства. Стоит отметить, что проблема обманутых дольщиков является распространенной во многих субъектах Российской Федерации.

В России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина (ст. 17 Конституции Российской Федерации). Защита прав пострадавших граждан от преступлений является приоритетным направлением работы правоохранительных органов. Одним из вариантов такой защиты является привлечение виннового лица к уголовной ответственности и возмещение вреда, причиненного преступлением. Так, за 9 месяцев 2021 г. по расследованным следователями органов внутренних дел делам, обеспечено возмещение ущерба на сумму около 91,5 млрд рублей [1].

Как справедливо отмечает Л. М. Карнеева, «сущность привлечения лица к уголовной ответственности заключается в том, что в этот момент норма уголовного закона, предусматривающая уголовное наказание за совершенное преступление, применяется специально на то уполномоченным органом государства к конкретному лицу, совершившему такое деяние» [2, с. 284]. По другой точке зрения, под уголовной ответственностью понимается – совокупность уголовных, уголовно-процессуальных, и исправительно-трудовых правоотношений, в которых одна сторона – государство в лице представляющих его органов, возлагает на лицо, совершившее противоправное деяние, тяготы и лишения, содержащиеся [3, с. 23]. Содержание понятия привлечения анализируемого понятия тесно связано с вопросами о том, кто привлекается и за что [2, с. 284].

Особенностью привлечения к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, является то, что диспозиция данной статьи является бланкетной и отсылает нас к законодательству Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, не раскрывая, какие именно нарушения являются уголовно-наказуемыми.

Значение конкретного состава преступления состоит в обеспечении точной квалификации преступления и представлении собой законодательной основы для уголовно-правовой оценки содеянного. Безусловно, что для привлечения лица к уголовной ответственности за совершение привлечения денежных средств граждан в нарушение требований законодательства России об участии в доле-

[1] © Юрченкова Е. С., 2022.

вом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости необходимо установить в его действиях все признаки состава преступления, но наибольшую трудность, полагаем, вызывает определение объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ.

Незаконное привлечение денежных средств в рамках ст. 200.3 УК РФ заключается в выполнении действий: 1) нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости; 2) привлечение денежных средств граждан в крупном размере.

Определение крупного размера не вызывает никаких трудностей, он указан в примечании к данной статье и составляет сумму привлеченных денежных средств, свыше трех миллионов рублей.

Застройщик перед привлечением денежных средств граждан обязан:

1) получить разрешение на строительство;

2) опубликовать, разместить и (или) представить проектную декларацию;

3) зарегистрировать право собственности на земельный участок, предоставленный для строительства, либо заключить договор аренды, договор субаренды земельного участка. Считаем, что при нарушении любого из этих правил, при привлечении денежных средств в крупном размере образуется состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.3 УК РФ, а в особо крупном размере (свыше пяти миллионов рублей) – ч. 2 ст. 200.3 УК РФ.

Так, 23 сентября 2019 г. приговором Ярославского районного суда Ярославской области гр-н Е. признан виновным по ч. 2 ст. 200.3 УК РФ при следующих обстоятельствах: не имея разрешения на строительство, осуществил незаконное привлечение денежных средств граждан, связанное с возникающим у них правом собственности на жилые помещения в двух многоквартирных жилых домах, на общую сумму 25887757,60 руб., то есть в особо крупном размере [5].

В случае нарушения требований законодательства о долевом строительстве и получения от граждан суммы денежных средств менее трех миллионов рублей образуется состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.28 КоАП РФ.

Обязательным для застройщика является выполнение альтернативных действий: размещение всех привлеченных денежных средств граждан на счетах эскроу; уплата взносов в компенсационный фонд.

С 1 июля 2019 г. обязательным для всех застройщиков стало использование счетов эскроу в своей деятельности. Но есть исключение – получение заключения о степени готовности объекта и возможности заключения договоров участия в долевом строительстве без использования счетов эскроу. После получения такого заключения застройщик может привлекать средства напрямую, но обязан сделать взнос в государственный компенсационный фонд долевого строительства, в размере – 1,2 % от стоимости каждого заключенного договора долевого участия до момента государственной регистрации такового. Неуплата такого взноса является основанием для приостановки регистрации договора долевого участия.

При неиспользовании счетов эскроу, без получения заключения, дающего право на привлечение денежных средств напрямую, либо неуплаты взноса

в компенсационный фонд, если сумма денежных средств получена застройщиком от такой деятельности свыше трех миллионов образуется состав преступления, предусмотренный ст. 200.3 УК РФ. Стоит отметить, что застройщик может организовывать свою деятельность только на основании договора долевого участия, использование в своей деятельности договоров иного вида запрещено, и в случае привлечения денежных средств, свыше трех миллионов рублей, является достаточным основанием для квалификации по анализируемой статье.

Для установления, содержится ли в действиях лица, совершившего анализируемое преступление, предусмотренное ст. 200.3 УК РФ, иное противоправное деяние, например, присвоение (ст. 160 УК РФ) необходимо проведение на стадии возбуждения уголовного дела различных экспертиз и исследований [4, с. 198], что также затрудняет процесс расследования. Так, для установления хищения денежных средств дольщиков необходимо проведение строительно-технической экспертизы. Например, застройщик получил от граждан денежные средства в размере 50 млн рублей, на строительство было потрачено 20 млн рублей, состояние готовности дома – 10 %. Но застройщик утверждает, что все привлеченные денежные средства реализованы на строительство многоквартирного дома. В данном случае имеет место факт недостачи денежных средств.

Сложность в установлении незаконного привлечения денежных средств в рамках ст. 200.3 УК РФ заключается в определении конкретных нарушений требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости. Определение размера полученных денежных средств дольщиков в случае допущения нарушения одного из вышеуказанных требований способствует отграничению ст. 200.3 УК РФ от ст. 14.28 КоАП РФ.

Список литературы

1. Электронный ресурс. Официальный сайт ГУ МВД России по г. Москве. URL: https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/26546616/.

2. Карнеева Л. М. Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00. М., 1955. 324 с.

3. Марцев А. И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. Омск, 1973. 96 с.

4. Прохорова Е. А., Золотухин Н. А. О производстве судебных экспертиз и исследований на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2020.

5. Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru.

Яковлева К. Ю.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сумин А. А.,
профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, СОДЕРЖАЩИХ ИНФОРМАЦИЮ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ, В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Собирание доказательств регламентируется ст. 86 УПК России, а именно осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий. Собирание доказательств состоит из обнаружения, выявления, фиксации, а также документирования сведений.

В Приложении к приказу Минкомсвязи России от 30 января 2019 г. № 22 «Об утверждении плана деятельности Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на период 2019–2024 годов» определена одна из целей деятельности – повышение качества жизни граждан за счет использования информационных и телекоммуникационных технологий. Из целевых показателей на 2019 г. следует, что уровень цифровой грамотности населения Российской Федерации составляет 60 %. Данный показатель не высокий, что в какой-то мере может свидетельствовать о недостаточной готовности населения к восприятию новых технологий в уголовно-процессуальном законодательстве. Собиранием же доказательств занимаются не просто представители населения, а сотрудники органов внутренних дел: дознаватели, следователи, судьи и к их услугам помощь специалистов и экспертов. Совершенствование признаков объективной стороны состава преступления заставляют разрабатывать новые требования к процессу собирания доказательств.

Эпоха цифровизации внедряет информатизацию во все сферы жизни общества. В. Ю. Федорович, О. В. Химичева, А. В. Андреев «под информатизацией понимают форму выражения информационных технологий, неразрывно связанную с использованием информации и заменяющую процессы в классическом виде» [1]. Тем самым данный процесс затрагивает процесс доказывания в части необходимости создания новых методов поиска, обработки, предоставления, средств и способов изъятия информации, уголовно-процессуальных алгоритмов собирания доказательств.

В п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» содержатся основные понятия, используемые данным законом. Автора научной статьи инте-

[1] © Яковлева К. Ю., 2022.

ресует понятие «информация», и оно означает «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Законодатель в данном определении закрепляет наличие у информации форм.

Также, в вышеуказанной статье п. 11.1 находится понятие «электронного документа», которое в свою очередь означает «документированную информацию, представленную в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах». Из этого следует, что одна из форм информации является электронная форма. Уникальность указанной нормы в том, что в ней представлено определение «электронной формы», что будет интересовать нас далее.

Собирание доказательств – это выявление, изъятие и фиксация, в полной мере соответствующих требованиям уголовно-процессуального закона [2, с. 122]. Указанный процесс должен отвечать следующим процессуальным требованиям: надлежащий субъект, надлежащий способ собирания, фиксация с соблюдением всех требований закона. В силу большой спорности мнений теоретиков о понятии «надлежащего источника доказательств» автор научной статьи не рассматривает содержащиеся в учебных материалах уголовного процесса такое условие допустимости доказательств, как их надлежащий источник.

Сведения становятся доказательствами тогда, когда получены надлежащим субъектом: следователями (дознавателями), принявшими к своему производству уголовное дело, или теми сотрудниками, которые временно наделены правами осуществлять собирание данных.

На сегодняшний день проявился особый интерес ученых-процессуалистов к доказательствам, содержащим информацию в электронной форме. Ю. В. Гаврилин и А. В. Победкин обратили внимание на необходимость повышения эффективности процессуальных действий, связанных с появлением информации в электронной форме. Указанные ученые отмечают высокий вклад П. С. Пастухова [3], относя его к числу основоположников в развитии данного направления [4].

С. И. Кувычков рассмотрел имеющиеся уголовно-процессуальные средства для раскрытия и расследования преступлений в сфере компьютерной информации. Он считает, что процесс собирания данных предусматривает осмотр и изъятие необходимых сведений [8, с. 188].

Первая особенность собирания доказательств, содержащих информацию в электронной форме, заключается в способах собирания. Ю. В. Гаврилин и А. В. Победкин проанализировали УПК России и выяснили, что имеются нормы, которые позволяют существовать информации в электронной форме [4]. Они полагают, что комплекс способов изъятия сведений в электронной форме составляет следственные действия: осмотр места происшествия, обыск, личный обыск, выемка, осмотр и выемка почтово-телеграфной корреспонденции, а также процессуальные действия: истребование документов и предметов; получение информации по требованию, запросу; принятие письменных документов и предметов, представленных подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями. Следует заметить, что в последнем случае законодатель ограничивает участников уго-

ловного судопроизводства правом только в письменной форме собирать и представлять документы. Положительная сторона указанного факта в том, что УПК России знает письменную форму представления сведений и позволяет ученым проанализировать существование видов форм сведений. Отрицательной стороной является ограничение прав указанных участников уголовного судопроизводства в собирание и представление доказательств. Ведь не всегда информацию в электронной форме (например, электронный документ), содержащуюся на электронных носителях информации, признают и приобщают в качестве вещественного доказательства, в некоторых случаях и иным документом. Иной документ, в свою очередь, не является предметом. Законодатель специальной нормой закрепил вид доказательства, которое признает и приобщает некоторые документы. Все же в правовом поле остается неизведанным процесс изъятия информации в электронной форме в ходе выше представленных следственных и процессуальных способов.

Вторая особенность является ярко выраженной в УПК России, так как закреплена специальной нормой. Законодатель, основываясь на специфике информации в электронной форме, установил обязанность следователя (дознавателя) в обеспечении участия в следственных действиях специалиста в области информационных технологий (ч. 2 ст. 164.1 УПК России). Действительно, участие специалиста необходимо, поскольку информация, созданная на удаленном сервере, при ее извлечении на внешний носитель будет являться копией с модифицированной датой создания. Возникновение проблемы проверки соответствия исходной информации и ее копии неизбежно, поскольку этот аспект относится к такому свойству доказательств, как достоверность. Существуют специальные технические и программные обеспечения у специалиста, который аутентифицирует исходную и скопированную электронную информацию.

С. В. Власова считает, что все же необходимо заменить следователя (дознавателя) на программиста-следователя [6, с. 15]. Такая идея основывается на том, что специалист – это еще один участник уголовного судопроизводства (ст. 58 УПК России), который будет привлечен к участию в процессуальных действиях. У Ю. В. Гаврилина и А. В. Победкина противоположное мнение. Они предлагают, чтобы, во-первых, следователь (дознаватель) самостоятельно принимал решение в выборе такого специалиста; во-вторых, критерий этого выбора – уровень компетентности специалиста; в-третьих, значение имеет вид, характеристика и особенность информации, содержащейся на электронном носителе и подлежащая изъятию [4].

Третьим важным отличительным явлением выступает фиксация обнаруженных сведений путем протоколирования и изъятия. Следователь (дознаватель) имеет право проводить следственные действия, например, осмотр сайта телекоммуникационной сети Интернет. Порядок изъятия указанной информации в электронной форме не урегулирован. Если обратиться к ч. 7 ст. 185 УПК России, то увидим, что законодатель 6 июля 2016 г. принял норму, в которой становится известно о сведениях в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях. Для того чтобы следователь получил доступ к данной информации, ему необходимо судебное разрешение. Только после этого он смо-

жет произвести осмотр и выемку указанных сведений. К сожалению, в УПК РФ нет нормативной регламентации указанных следственных действий.

Четвертый отличительный критерий – правовой пробел в собирании доказательств: информации в электронной форме нельзя или затруднительно придать материальную форму. На сегодняшний день правоприменитель самостоятельно придает материальную форму разными способами [7]. В таком случае Ю. В. Гаврилин и А. В. Победкин склоняются к тому, чтоб следователи (дознаватели) приспосабливались и адаптировались к порядку производства осмотра. Такой информацией является: информация на серверах крупных компаний, находящихся в других государствах, с которыми Россия не имеет международных соглашений [4]; информация, построенная на технологии распределенного реестра – криптовалюта [7]; информация из «облачных» хранилищ, построенных на облачных технологиях – интернет-сервисов [8, с. 43–57]; электронная подпись и документы, ею подписанные. При отсутствии разрешительного доступа владельца вышеуказанной электронной информации невозможно изъятие доказательств, содержащих информацию в электронной форме.

Рассмотрим процесс собирания документов, подписанных электронной подписью. В подп. 1 ч. 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»: «электронная подпись – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию». Следовательно, электронная подпись и электронный документ – это информация в электронной форме [9].

В правовом поле на досудебном уголовном производстве не много известно об информации в электронной форме. Проблема отсутствия способов собирания доказательств или определенных требований к существующим способам собирания электронных документов, подписанных электронной подписью, присутствует.

Рассмотрим, как же правоприменитель в существующих правовых рамках поступает:

1) электронные документы выводит на бумажный носитель, затем признает и приобщает в качестве вещественных доказательств или иного документа;

2) электронные документы собирает на электронный носитель информации, который признает и приобщает в качестве вещественных доказательств;

3) электронные документы, полученные в результате проведения процессуальных действий, например: поручение органу дознания, которое регистрируется через СЭД ИСОД МВД России (подписывается электронной подписью следователя, у которого в производстве уголовное дело). После регистрации электронный документ выводится на бумажный носитель и находится в уголовном деле, хотя юридическая сила данного документа отсутствует. Он только является подтверждением того, что в СЭД ИСОД МВД России данный документ хранится. Причиной данного факта является неправильное толкование ведомственного приказа об электронном документообороте. Юридическое значение некоторых реквизитов электронного документа (например, электронной подписи) действует только в электронной форме при наличии электронно-

вычислительной машины. Тот или иной графический знак на бумажном носителе документа не имеет юридической силы.

Таким образом, обеспечение правильного и эффективного собирания, закрепления и использования информации в электронной форме с учетом соблюдения прав и законных интересов третьих лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса, является жизненно-важным для уголовно-процессуального доказывания в сложившихся реалиях информационного общества [10]. Такие сведения, как электронный документ, признаются и приобщаются в качестве разных видов доказательств. Все зависит от того, какие способы, методы и средства правоприменитель применяет, что соответственно и повлияет на возникновение того или иного вида доказательства. Новые требования к информации в электронной форме должны обеспечить единство правоприменения. Разные способы собирания сведений ведут к утрате самого доказательства или (и) сопутствующих следов. Дальнейшая реализация выработанной практикой навыков не является совершенной.

Существуют классические процессуальные действия, их порядок, основания. Действительно, они позволяют существовать информации в электронной форме, но ч. 7 ст. 185 УПК России отсылает правоприменителя к незакрепленному в законе порядку осмотра и выемки.

Производство следственных действий, направленных на получение доказательств, содержащих электронную информацию, предполагается осуществлять без участия специалиста в информационно-телекоммуникационной сфере. В связи с тем, что можно закрепить в УПК России, обязательное применение специальной программы или использование специального оборудования, которое будет осуществлять изъятие информации, содержащейся в электронной форме, без модификаций данных.

Ю. В. Гаврилин и А. В. Победкин предложили создать самостоятельный вид осмотра – дистанционный осмотр информационных ресурсов. Дистанционный осмотр может проводиться в кабинете следователя (дознавателя) [4] и без обязательного участия специалиста в информационных технологиях.

Адаптация существующей правовой регламентации к особенностям информации в электронной форме должна происходить с учетом гарантий ее сохранности на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Федорович В. Ю., Химичева О. В., Андреев А. В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства. Вестник Московского университета МВД России. 2021 (2). С. 205–210.

2. Уголовный процесс. Практикум : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2020. 302 с.

3. Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2015. 435 с.

4. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Собирание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 106–113.

5. Кувычков С. И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород, 2016. 2763 с.

6. Власова С. В. К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.

7. Выявление и расследование преступлений, связанных с использованием цифровой валюты. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2021.

8. Losavio M., Pastukov P., Polyakova S. Cyber Black Box / Event Data Recorder: Legal and Ethical Perspectives and Challenges with Digital Forensics // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2016. Vol. 10 (4). P. 43–57.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Зазулин А. И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 163 с.

Ярмизин М. В.[1],
соискатель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ендольцева А. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Этап окончания предварительного расследования является границей между досудебной и судебной частями уголовного судопроизводства. Прежде чем вынести итоговое решение по уголовному делу, следователь (дознаватель) должен оценить собранные по делу доказательства с точки зрения их достаточности и в случае необходимости провести следственные и иные процессуальные действия, направленные на дополнение объема проведенного расследования, с целью принятия решения по уголовному делу, соответствующего требованиям закона. Поэтому особую актуальность на этапе окончания предварительного следствия или дознания приобретает при оценке доказательств понимание их достаточности для принятия верного процессуального решения.

Оценка собранных доказательств важна для определения формы окончания расследования по уголовному делу – либо уголовное дело будет направлено в суд, либо прекращено по основаниям, указанным в УПК РФ.

Вместе с тем до настоящего времени в законодательстве не определено понятие и не установлены границы пределов доказывания, что приводит к порождению различных, порой даже противоположных точек зрения между учеными, которые занимаются проблемами доказывания, так и со стороны практических работников.

Открытым остается вопрос о способе собирания доказательств и приобщения их к материалам уголовного дела. Несмотря на то, что в ч. 1 ст. 86 УПК РФ указано, что доказательства собираются путем проведения следственных и процессуальных действий должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, вместе с тем вторая и третья части этой статьи допускают сбор доказательств другими участниками уголовного судопроизводства в пределах компетенции, определенной уголовно-процессуальным законом, с последующим приобщением их к материалам уголовного дела. Однако порядок приобщения собранных по делу доказательств не регламентирован, решение данного вопроса остается на усмотрение должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело (ст.ст. 122, 219 УПК РФ). Зависимость участников от решения следователя или дознавателя о приобщении собранных ими

[1] © Ярмизин М. В., 2022.

доказательств, нарушает принципы состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), обеспечения подозреваемому (обвиняемому) права на защиту (ст. 16 УПК РФ).

Ряд вопросов возникает при оценке доказательств, в частности, определении критериев (показателей) достаточности. Законодателем данный вопрос не урегулирован, в связи с этим следователем или дознаватель, который проводит расследование по уголовному делу, в зависимости от своего опыта, знаний, умений и навыков решает вопрос об уголовном преследовании лица и форме окончания расследования.

Одновременно необходимо учитывать роль прокурора, руководителя следственного органа, начальника органа дознания при согласовании решений при окончании предварительного расследования и их видение пределов доказывания, оценки доказательств, в том числе и их достаточности. Несогласованность внутреннего убеждения в оценки доказательств, отсутствие законодательного разъяснения и закрепления основных понятий в уголовно-процессуальном законе ведет к несогласию с принятым решением и отмене решения о прекращении уголовного дела или возвращению дела для производства дополнительного расследования, а также при направлении уголовного дела в суд.

Сущность доказывания обусловлена тем, что следователю (дознавателю) всегда нужно оперировать обстоятельствами, которые имели место в прошлом. Поэтому он наблюдает их не самостоятельно, а познает установленными в УПК РФ специальными средствами и способами, совокупность которых создают основу доказательственной деятельности.

В связи с этим законодателем разработан не просто перечень средств и способов доказывания, но и алгоритм действий, позволяющий из общего объема информации выделить ту, которая имеет непосредственное отношение к предмету доказывания, поместить ее в материалы уголовного дела, после чего она будет перемещаться вместе с делом и давать возможность органам и должностным лицам обосновывать процессуальные решения, вплоть до приговора суда.

В доказывании можно выделить внутренние и внешние границы. Внутренние доказательственные границы закреплены в действующем законодательстве, они представляют собой закрепленные в УПК РФ правила, малейшее отступление от которых делает полученные сведения недопустимыми доказательствами (п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Иными словами, органы и должностные лица уголовного судопроизводств вправе производить доказательственные действия лишь в том порядке, который строго установлен законом. Что же касается внешних доказательственных границ, то они состоят в том, чтобы в уголовном деле не использовались в качестве доказательств сведения, которые не имеют отношения к уголовному делу, к процессу доказывания, были получены из источников, не предусмотренных действующим законодательством.

Например, некоторые ученые предлагают создать параллельное «адвокатское расследование», разрешить адвокатам, участвующим в уголовном деле в качестве защитника, самостоятельно собирать доказательства, после чего представлять их следователю (дознавателю) и суду «в готовом виде» [1, с. 43–44].

Можно понять стремление расширить возможности стороны защиты по воздействию на позицию стороны обвинения, однако, исходя из концепции отече-

ственного уголовного судопроизводства, доказательственная основа, устанавливающая объем и пределы обвинения, формируется именно органами и должностными лицами уголовного судопроизводства. Другое дело, что в УПК РФ целесообразно внести ряд изменений, расширяющих возможности стороны защиты влиять на объем и пределы доказывания в досудебном производстве по уголовным делам [2, с. 47–49].

Например, установить в ст. 217 УПК РФ правило об обязательности удовлетворения ходатайства стороны защиты о дополнении материалов уголовного дела, если это ходатайство касается установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 73 УПК РФ).

При формировании внешних границ доказывания следователь также не должен принимать во внимание оперативно-разыскные данные, если они не преобразованы в доказательства в соответствии с положениями ст. 89 УПК РФ. Так, рапорты, справки-меморандумы и иные документы, полученные от органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, сами по себе доказательственного значения не имеют, поэтому не могут быть использованы, например, для разрешения вопроса о выборе формы окончания предварительного следствия. В отношении дознавателя данный запрет должен действовать еще более жестко, поскольку и дознаватель, и сотрудник, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность, в системе МВД России являются лицами, которые подчиняются одному и тому же начальнику. Поэтому дознаватель, несмотря на то, что непроцессуальная информация может поступить от непосредственного руководства, все же должен при принятии процессуальных решений, в том числе на этапе окончания предварительного расследования, руководствоваться не такой информацией, а всей совокупностью доказательств, имеющихся в материалах уголовного дела.

Правда, от таких случаев следует отличать ситуации, когда результаты ОРД были получены в установленном законом порядке [3], а затем помещены в материалы уголовного дела путем преобразования в доказательства [4]. В таком случае они обладают всеми признаками доказательств, используются в полном объеме, а по некоторым уголовным делам (например, о коррупционных преступлениях) имеют важнейшее значение [5].

В соответствии со ст. 88 УПК РФ каждое доказательство должно оцениваться на предмет его относимости, допустимости, достоверности, а вся совокупность доказательств – на предмет достаточности. При этом, хотя в указанной статье идет речь о достаточности именно для обвинительного приговора, нужно иметься в виду, что критерий достаточности используется для принятия и иных, промежуточных процессуальных решений (например, о привлечении в качестве обвиняемого, об определении формы окончания предварительного расследования).

Насчет достаточности доказательств при окончании предварительного расследования путем направления уголовного дела прокурору для последующей передачи уголовного дела в суд сомнений быть не может. Здесь следователь (дознаватель) должен иметь значительный объем доказательств, подтверждающих установление всех обстоятельств из числа подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Исключение составляют лишь случаи, когда про-

изводилось дознание в сокращенной форме, ведь в обвинительном постановлении указывается лишь самый необходимый объем доказательств, и если бы это было «обычное дознание», то их сочли бы явно недостаточными для направления уголовного дела в суд.

Ранее в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, касающихся содержания обвинительного заключения, было четко указано, что при наличии в уголовном деле соучастников преступления или при совершении одним лицом нескольких деяний доказательствами должно было подтверждаться каждое деяние и виновность каждого из соучастников в его совершении [6]. Однако в 2017 г. Верховный Суд Российской Федерации формально от этого отказался. Однако имелись в виду случаи, когда содержание одних и тех же доказательств приходилось приводить неоднократно, чем загромождалось обвинительное заключение, усложнялся основной обвинительный тезис [7].

Вместе с тем новый порядок изложения содержания доказательств отнюдь не означает, что в обвинительном заключении они якобы излагаться не полностью, неконкретно. В любом случае они должны полностью охватывать все обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, и в полной мере подтверждать виновность конкретного лица в совершении преступления.

Дискуссионным является вопрос и относительно того, идентичен ли объем доказательств в случаях, когда уголовное дело направляется в суд или подлежит прекращению. Не вдаваясь в исследование различных точек зрения, выскажем и авторскую позицию. Представляется, что при ответе на этот вопрос нужно принимать во внимание и тот этап, на котором находится уголовное дело.

Если следователь (дознаватель) осуществляет изучение материалов уголовного дела и располагает документы определенным образом (то есть производит их компоновку), то он не вправе заранее предопределять вопрос о предстоящей судьбе уголовного дела (о его направлении в суд или прекращении). Поэтому прекращение уголовного дела – это следствие оценки материалов уголовного дела на предмет достаточности содержащихся в них доказательств, а не причина того, чтобы в ходе предварительного расследования доказательства собирались не в полном объеме.

Особое внимание при прекращении уголовного дела следует уделять правильному установлению оснований для этого. Во-первых, если имеются реабилитирующие основания, нельзя прекращать уголовное дело по основанию реабилитирующему. И, во-вторых, если и принято решение о прекращении уголовного дела по реабилитирующему (или нереабилитирующему) основанию, то из числа установленных в законе оснований требуется применять именно то, которое подходит в данной конкретной ситуации.

На первый взгляд, для человека не имеет особого значения, по какому основанию из числа реабилитирующих в отношении него будет прекращено уголовное дело. Вместе с тем нужно помнить, что, например, при прекращении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) к этому же лицу впоследствии может быть обращен гражданский иск, подлежащий рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, тогда как прекращение уголовного дела в связи с отсутствием события пре-

ступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) констатирует отсутствие любых спорных правоотношений, что исключает впоследствии любые виды производств.

Таким образом, доказательственная деятельность на этапе окончания досудебного производства по уголовному делу включает в себя непредвзятую оценку доказательств, а при необходимости – дополнительное их собирание и проверку с тем, чтобы по результатам предварительного расследования было вынесено законное, обоснованное и мотивированное решение о прекращении уголовного дела или о направлении уголовного дела прокурору для последующей передачи в суд.

Список литературы

1. Соловьев С. А. Право защитника на собирание доказательств через призму гносеологии защитительной деятельности: борьба здравого смысла с невежеством // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 43–48.

2. Хорьяков С. Н. Проблемы реализации права адвоката на собирание доказательств в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2018. № 3. С. 663–666.

3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

4. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (утверждена совместным приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по уголовным делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 17 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

Гимазетдинова И. Н.[1],
заместитель начальника научно-исследовательского отдела
Уфимского юридического института МВД России
(г. Уфа)

К ВОПРОСУ О ПРАВИЛАХ ОФОРМЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Правоприменительная деятельность сотрудников уголовного судопроизводства представляет собой исполнение закона с обязательным составлением соответствующих документов, особенно ярко выражена эта деятельность в уголовном судопроизводстве. В свою очередь документам присущи следующие признаки: во-первых, документ есть предмет материального мира; во-вторых, он содержит информацию, которая может быть зафиксирована разным способом в зависимости от существующих научно-технических достижений (разработок); в-третьих, зафиксированная информация должна иметь свойства идентификации (воспроизведения, использования, передачи, хранения).

Внешним выражением результатов уголовного судопроизводства являются процессуальные документы, в которых отражаются принимаемые процессуальные решения, совершаемые процессуальных действия, обращения, заключаемые договоры.

В настоящее время отсутствуют нормативные рекомендации по формированию и систематизации материалов уголовно дела, равно как и не представлены такие рекомендации в теории уголовно-процессуального права, что требует дальнейшего исследования данного вопроса.

Анализ современной юридической литературы по теме нашего диссертационного исследования показал, что в настоящее время существует значительное количество источников, посвященных вопросам оформления уголовного дела. Но, к сожалению, практически все работы связаны с цыфровизацией как производства, так и оформления результатов расследования преступления: П. С. Пастухов «Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества» (М., 2015); Р. И. Оконенко «Электронные доказательства и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации» (М., 2016); А. И. Зазулин «Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу» (Екатеринбург, 2018); М. О. Медведева «Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития» (М., 2018); А. А. Балашова «Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании» (М., 2020) и др.

Сегодня систематизация материалов уголовного дела отдана на откуп сотрудникам подразделений следствия, дознания, прокуратуры и суда. Указанный вопрос в действительности решается на основании сложившейся в том или ином подразделении следственно-судебной практики. Каких-либо унифицированных

[1] © Гимазетдинова И. Н., 2022.

научных рекомендаций о порядке оформления и систематизации материалов уголовного дела нет.

Более того, хотелось бы обратить внимание на отсутствие в действующем уголовно-процессуальном законодательстве базового определения термина «уголовное дело», что, на наш взгляд, является серьезным недостатком современного уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем само словосочетание «уголовное дело» встречается в УПК РФ порядка 1945 раз. Кроме того, нормативно регламентирована деятельность по возбуждению уголовного дела, его приостановлению, прекращению, направлению уголовного дела в суд, принятие по нему процессуальных решений, но что именно следует понимать под уголовным делом не вполне ясно. Является ли это совокупностью процессуальных документов (материалов), либо это процессуальная форма проводимого расследования, может быть это и вовсе вид государственного производства?

Отсутствие законодательного определения предопределило существование в теории уголовного процесса авторских позиций. Так, И. С. Смирнова под уголовным делом рекомендует понимать «как деятельность (производство) по поводу преступления, общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом (причем деятельность уголовно-процессуальную по доказыванию наличия или отсутствия факта преступления, виновности обвиняемого и других обстоятельств, входящих в предмет доказывания), и как совокупность фактов, обстоятельств (действительное событие), и как процесс, судебное разбирательство по поводу установления наличия или отсутствия преступления и виновности лица, и как собрание материалов (документов) все по тому же поводу» [1, с. 18].

Однако указанные исследования освещают достаточно узкий спектр отношений, связанных с оформлением материалов уголовных дел. Более того, хотелось бы отметить, что в отличие от УПК РФ уголовно-процессуальное законодательство отдельных стран постсоветского пространства все же содержит понятие «уголовного дела». Так, в частности в соответствии с п. 7.0.6 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики (далее по тексту – УПК АР) под уголовным делом следует понимать «совокупность материалов, собранных во время осуществления уголовного преследования в связи с преступлением, которое совершено или совершение которого предполагается» [2]. В соответствии с п. 27 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) уголовное дело представляет собой «обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования и (или) судом по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений» [3]. Исходя из анализа двух вышеприведенных определений, мы видим, что процессуалисты одной страны представляют под уголовным делом совокупность материалов, другой – обособленное производство. Отметим, что в качестве обособленного производства уголовное дело рассматривается и в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларуссии. Так, в соответствии с п. 47 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларуссии (далее – УПК РБ) уголовно дело – это «обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования и судом по поводу совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом» [4]. Примечательно,

что белорусский законодатель также не раскрывает понятия «сложного» уголовного дела, но, как и российский, неоднократно упоминает его в тексте УПК РБ. Понятие уголовного дела примерно аналогично, как и в вышеперечисленных странах (Республики Казахстан и Республики Беларуссии), раскрывается в уголовно-процессуальных кодексах Армении (п. 2 ст. 6 УПК Армении); Кыргызской Республики (ст. 5 УПК Кыргызской Республики). Отказавшийся от термина «уголовное дело» украинский законодатель раскрыл понятие «уголовное производство», под которым согласно п. 10 ст. 3 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) следует понимать «досудебное расследование и судебное разбирательство, процессуальные действия в связи с совершением деяния, предусмотренного законом Украины об уголовной ответственности» [5].

Итак, анализ определений, данных зарубежным уголовно-процессуальным законодательством, позволяет нам сформулировать несколько подходов к понятию «уголовное дело».

Первый – уголовное дело как вид государственной деятельности. Под уголовным делом здесь следует понимать установленную законом деятельность компетентных государственных органов, направленную на расследование совершенного или готовящегося к совершению запрещенного уголовным законом общественно-опасного деяния (нескольких деяний), выражающееся в досудебном расследовании и судебном разбирательстве, производстве процессуальных действий.

Второй – уголовное дело как техническая процедура. То есть уголовное дело – структурированная совокупность материалов проверки сообщения о совершенном преступлении (преступлениях), оформленных в соответствии с действующем законодательством принимаемых процессуальных решений, результатах проведенных следственных действий, заявленных жалоб, ходатайств и иных приобщенных материалов, имеющих отношение к расследуемому факту совершенного или готовящегося к совершению противоправного деяния.

Полагаем необходимым внесение соответствующего изменения в ст. 5 УПК РФ, с целью включения п. 54.1 следующего содержания:

54.1) Уголовное дело – организационно-правовая категория для обозначения внешнего выражения хода и результатов уголовного судопроизводства, путем объединения различных форм, их внешнего выражения (документы, вещи, электронные носители и т. д.) в систематизированный комплекс, в основе которого лежит совокупность документов на бумажном носителе.

Рассматривая уголовное дело с точки зрения технической процедуры систематизации процессуальных документов (они могут быть систематизированы как по хронологии, так и по блокам, эпизодам и т. д.), сформированных в процессе расследования общественно-опасного деяния, следует отметить, что данные процессуальные документы образуют тома уголовного дела. Объемность уголовного дела также является оценочной категорией, отданной законодателем на откуп должностных лиц. Ссылаясь на нормативные акты, мы можем лишь определить, каким по объему должен быть один том уголовного дела. Так, согласно п. 193 Приказу МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации» [6] по объему дело не должно превышать 250 листов и 4 см

по толщине. Важно отметить, что данный ведомственный нормативный акт не детализирует, что речь идет именно об уголовном деле, но учитывая тот факт, что действие приказа распространяется на все делопроизводство органов внутренних дел, полагаем, что при формировании объема уголовного дела также следует руководствоваться данной нормой. Аналогичного правила придерживаются и в Следственном Комитете Российской Федерации (п. 9.2.3. Приказа Следственного Комитета Российской Федерации от 18 июля 2017 г. № 40 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству Следственного Комитета Российской Федерации»). Состоятельность высказанной позиции подтверждается и приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 19 марта 2019 № 56 «Об утверждении Инструкции о порядке организации комплектования, хранения, учета и использования документов (электронных документов) в архивах федеральных судов общей юрисдикции». Данная инструкция разработана в целях обеспечения единого порядка организации комплектования, хранения, учета и использования документов (электронных документов) кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, верховных судов республик, краевых и областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов, районных, городских и межрайонных судов. Так, в соответствии с п. 5.6.1. «Максимальное количество листов, подшиваемых в один том, не должно превышать 250 листов при толщине не более 4 см. Если количество листов в деле превышает 250, материалы формируются в тома в хронологическом порядке» [7].

Итак, выделим основные выводы и предложения по проведенному исследованию:

Во-первых, действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не раскрывает понятия уголовного дела, равно как и не содержат его легального определения иные нормативные акты, что представляется существенным упущением для современного правового государства. Исходя из проведенного анализа предложено внесение соответствующих изменений в ст. 5 УПК РФ, дополнив его п. 54.1, содержание которого было представлено выше.

Во-вторых, в настоящее время систематизация материалов уголовного дела отдана на откуп сотрудникам подразделений следствия, дознания, прокуратуры и суда. Отсутствуют нормативные рекомендации по формированию и систематизации материалов уголовно дела, равно как и не представлены такие рекомендации в теории уголовно-процессуального права, что требует дальнейшего исследования данного вопроса. Указанный вопрос на практике решается на основании сложившейся в том или ином подразделении следственно-судебной практике. Каких-либо унифицированных научных рекомендаций о порядке оформления и систематизации материалов уголовного дела нет.

И наконец, в-третьих, в настоящее время назрела острая необходимость в разработке и внедрении нормативных и методических документов по совершенствованию документационного обеспечения организации уголовного судопроизводства. Следует организовать внедрение прогрессивных технологий документационного обеспечения управления на базе применения вычислительной организационной техники, персональных компьютеров.

Список литературы

1. Смирнова, И. С. Досудебное производство по сложному уголовному делу : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск, 2013. 259 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.04.2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280#pos=189;-34 (дата обращения: 10.02.2022).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=4;-106 (дата обращения: 10.02.2022).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.05.2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958#pos=6;-106&sdoc_params=text%3D%25D1%2581%25D0%25BB%25D0%25BE%25D0%25B6%25D0%25B5%25D0%25BD%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30414958%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=4 (дата обращения: 10.02.2022).

5. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.04.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178#pos=5;-106 (дата обращения: 10.02.2022).

6. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 (с изм. от 23.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

7. Об утверждении Инструкции о порядке организации комплектования, хранения, учета и использования документов (электронных документов) в архивах федеральных судов общей юрисдикции : приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 19 марта 2019 г. № 56 (ред. от 16.07.2019) // Бюллетень актов по судебной системе. 2019. № 5 (начало); Бюллетень актов по судебной системе. 2019. № 6 (окончание).